Александр Проханов
КРЕЙСЕРОВА СОНАТА
ТРЭШ

Annotation

Новый роман Проханова, посвящен совсем современным событиям: гибели подлодки «Курск», захвату террористами зрителей мюзикла «Норд-Ост», предвыборной компании мэра Москвы Ю. Лужкова и прочей политической текучке. Однако все эти официальные события социальной истории оказываются лишь частью другого, мистического сюжета, в котором, как в русских народных сказках, сражаются добро и зло, и добро непременно побеждает. Этот роман хотя и наполнен ставшими привычными для последних книг Проханова индустриальными метафорами, психоделическими превращениями, порой даже более жесткими, чем в прошлых вещах автора, на самом деле означает поворот к фольклору, попытку создать новый мифологический эпос, отражающий современную российскую действительность.

Главный герой книги – святой матрос Плужников, – проходя сквозь все слои социальной реальности, становится универсальным и беспристрастным оком, которое как рентген вскрывает недостатки и несовершенства, спрятанные за лакированным фасадом государственной пропаганды.

- Александр Проханов
  - Часть первая
    - ГЛАВА ПЕРВАЯ
    - ГЛАВА ВТОРАЯ
    - ГЛАВА ТРЕТЬЯ
    - ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
    - ГЛАВА ПЯТАЯ
    - ГЛАВА ШЕСТАЯ
    - ГЛАВА СЕДЬМАЯ
    - ГЛАВА ВОСЬМАЯ
  - Часть вторая
    - ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
    - ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
    - ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

        - ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
        - ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
        - ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
        - ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ
        - ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ
    - Часть третья
        - ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ
        - ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ
        - ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ
        - ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ
        - ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ
        - ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ
        - ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ
        - ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
        - ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ
    - Часть четвертая
        - ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ
        - ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ
        - ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ
        - ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ
        - ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Александр Проханов

Крейсерова соната

Часть первая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Капитан-лейтенант Сергей Плужников, акустик подводного крейсера "Москва", участник ночной офицерской пирушки, смотрел, как отражается голая лампа в мокрой бутылке с ярко-синей наклейкой "Гжелка". Из пустой пивной банки с надписью "Балтика" тянулся тонкий дымок окурка. На столе, рядом с граненым стаканом, на котором краснела помада, лежала пачка "Явы". Два офицера, оружейник Шкиранда и энергетик Вертицкий, сблизили носы и лбы, как каменные львы на старинных воротах. За их упрямым, похожим на перебранку спором наблюдала Нинель, рыжая гарнизонная красавица, живущая без мужа на базе подводных лодок, кочующая по мужским общежитиям и холостяцким офицерским квартирам.

- Рапорт напишу и уеду! Осточертело гнить в базе! Махну в Москву, к брату! Он охранником в банке! Обещает устроить! Зарплата втрое больше, чем у нас, мариманов! Туфли куплю нормальные! На рюмку коньяка накоплю!.. - Вертицкий, тонкий, худой, нацелил заостренный нос с розовыми ноздрями, воздел редкие золотистые брови, под которыми сверкали выпуклые голубые глаза.

- Будешь трубить на гадов? Пальто подавать олигархам? Блядей им водить?.. Ненавижу мразей! Вырезать их с корневищем!.. - Шкиранда выложил на стол кулаки, насупил косматые брови, выпучил злые глаза. Его грубое, мясистое лицо набрякло от выпитой водки, от тяжелой как булыжник мысли, застрявшей в области сморщенной переносицы, под белой костью лба.

- Один хрен, на кого трубить! На нашего начальника базы или на банкира. Тот хоть бабки платит, а этот грызет, как крыса. Зарплаты на табак не хватает. Поеду в Москву, на первую получку завалюсь в казино и в пух продуюсь. Гульну хоть раз в жизни!..

- От таких, как ты, лодки тонут! Ты мне долг не отдал, а уже в казино намылился. Я бы тебя без рапорта с лодки списал. От таких - несчастье. Начальник разведки докладывал - в наших широтах появилась американская лодка-убийца, класса "Колорадо". Ты один этой лодки стоишь!

- Мальчики, ну что вы все ссоритесь… Хоть бы кто меня приласкал, - Нинель жеманно передернула плечами под вязаной кофтой, сквозь крупные клетки которой просвечивала белая кожа. Ее рысьи глаза с расширенными зрачками бегали по лицам офицеров, словно она выбирала, кого из них обнять гибкой рукой с обручальным кольцом разведенной женщины и увести на кухню, где на зашарпанном полу стояла изношенная кушетка и валялось скомканное малиновое одеяло.

- А ты все Родину от врагов бережешь? Все Америку от русских берегов отражаешь? А Америка уже в Кремле сидит, твою икру ложками лопает! Пока ты в базе гниешь и синюшную водку жрешь, Москва над тобой хохочет! Утонешь или сопьешься, она тебе свечку не поставит. Чем с Америкой нашим ржавым железом бодаться, ты лучше английский учи, на американской бабе женись. Она тебе ребеночка родит, и поедешь себе жить в Колорадо… - Вертицкий едко, по-комариному, впивался в близкий лоб Шкиранды, высасывая сквозь хоботок мучительное страдание товарища, впрыскивая легчайшие струйки яда.

- Ненавижу Америку! Моя бы воля, отстрелялся бы от пирса всей баллистикой, чтобы на том конце от Америки яма осталась, мир бы вздохнул. А таких, как ты, предателей, башкой о борт и рыбам на корм! Пройтись бы с "Калашниковым" по Кремлю, почистить, пока еще русские на земле остались, - Шкиранда скрипнул зубами, и на его белом лбу вспухла синяя жила ненависти.

Плужников отчужденно, с изумлением смотрел на свою пятипалую руку, лежащую на деревянном столе среди древесных трещин, ножевых зарубок и сигаретных отметин. Чувствовал в грудной клетке непрерывное сжатие и расширение легких, мерный глубокий стук сердца, не зависящий от его воли и мысли. Ощущал давление света на выпуклую поверхность глаза с жидким кристалликом зрачка, куда, как в застекленную скважину, врывались картины и образы мира.

- Одно могу сказать, не в удачной стране родился, - Вертицкий крутил в нервных, с голубыми прожилками пальцах сигарету, и она от трения начинала дымиться, в ней загорался рубиновый уголек. - Батя всю жизнь вкалывал на советскую власть, на костюм хороший скопить не мог. Дед всю жизнь то молотком, то винтовкой махал, пока ему яйца

не оторвало. И я, мудак, у Северного полюса поселился, живу под водой как кит-полосатик, одной травой питаюсь. Родился в хреновой стране, в хреновое время. Рапорт подам, уеду с концами город Париж смотреть!..

- Дурила, - презирал его Шкиранда, оттопырив нижнюю губу, к которой прилипла крошка колбасы. - Лучше России нет страны! На западе людей не осталось, одни манекены. В башке шампунь, в душе пенопласт. Русский человек хреново живет, зато с Богом в душе. Мы под воду уходим, а видим небо. Сходи к отцу Михаилу, он тебе, дуриле, расскажет. Кто-то говорит, - подводный крейсер "Москва", а он нашу лодку монастырем Пресвятой Богородицы называет.

- Да ходил я к нему, козлу, надеялся душу открыть! Он мне свою толстую немытую руку сует под поцелуй: "Кайся, мой сын, исповедуйся!" Да какой я ему сын, а он мне отец! Хитрый козел! Я его знал, когда он мичманом Мишкой был, с зам по тылу водку жрал. А теперь, вишь, - Отец Михаил! Хорошо устроился. Мы под воду околевать идем, а он за нас молебен служит и церковный кагор сосет! Вот и весь монастырь!

Нинель поднялась со стула. Покачивая бедрами, сняла с себя лакированный поясок. Захлестнула за шею Вертицкого, потянула к себе. Вертицкий крутил макушкой, пламенел разгоряченными оттопыренными ушами. Упираясь, шел за ней, а она вела его как козлика на поводке, пятилась, краснела маком в губах. Они скрылись в прихожей, и было слышно, как стукнула дверь, ведущая на кухню. Шкиранда и Плужников остались вдвоем под жестоким светом обнаженной электрической лампы.

- А ты что весь вечер молчишь? - Шкиранда, лишившись спорщика, еще весь негодуя, обратил на Плужникова свое раздражение. - Не выпьешь, слова не скажешь. Чуда какого ждешь?

- Чудо должно случиться, - тихо отозвался Плужников, боясь утратить странную и сладкую отчужденность.

- Война - вот чудо! - обрадовался Шкиранда, зацепив злой мыслью случайно услышанное слово. Так шестеренка цепляет другое зубчатое колесо, сообщая ему вращение. - Для России война - спасение! Мы без войны стухнем!

- Война идет, - Плужников, утрачивая бесплотную отстраненную сущность, вновь вселялся в свою оставленную плоть, наполнял собой

свои пальцы, говорящие губы, дышащую грудь, неудобно поставленную, затекшую ногу. - Ты Вертицкого не дразни, не мучай. Он во сне плачет. Завтра поход. Надо с миром уйти.

- Мир для России смерть! Для русских война - спасение!

Стуча каблуками, громко задевая за стены, в комнату возвратились Нинель и Вертицкий. Сочный мак, который унесла в губах рыжая Нинель, был теперь растерт и размазан. Бледный отпечаток краснел на щеке Вертицкого. Вязаная кофта Нинель была растерзана, плечо обнаженно белело. Она держала в руке поясок, небольно постегивая Вертицкого.

- Ни на что не годится. Должно, радиации наглотался. Ты, мой милый, выбирай, - или лодка, или молодка! - она толкнула Вертицкого на стул. Тот плюхнулся, потянулся к рюмке. Плужников видел, как бьется нервная жилка на его щеке, перепачканной помадой.

- Теперь ты, герой, на выход! - Нинель накинула ремешок на шею Шкиранде. Тот упирался, мотал головой.

Нинель нетерпеливо и раздраженно тянула. Шкиранда неуклюже двинулся за ней, громко саданув плечом дверной косяк.

- Тоска! - Вертицкий плеснул водку в рот, сверкнув над запрокинутым лицом мокрой рюмкой. - Не нахожу себе места! Правильно говорит Шкиранда, - где я, там дым и копоть. Пенный огнетушитель - мне товарищ и брат. Надо увольняться. Где я, там несчастье.

- Устал, много пьешь, - Плужников печально и нежно смотрел на измученного товарища. - В поход пойдем, там отдохнешь. Под водой душа успокаивается.

- Ты какой-то блаженный, Серега. Как бабка моя говорила, не от мира сего. Ты - акустик, океан слушаешь. Может, такое услышал, чего я не слыхал? Может, ангелов подводных?

- Может, и ангелов. Тайна есть. Она в океане, она и в душе.

- В рюмке она, наша тайна! - Вертицкий булькнул из бутылки, плеснул в рот водку. С отвращением, выпучив глаза, делал длинный огненный выдох.

Из кухни шумно вернулись Нинель и Шкиранда.

- Полюбуйся, Серж, на своих собутыльников! Оба в помаде! Помазанники! Русских мужиков совсем не осталось! Чеченца себе, что ли, найти? - Нинель сердито отгородилась от Шкиранды приподнятым

полуобнаженным плечом. Презрительно повела на Вертицкого длинным, влажно-зеленым глазом. - Серж, ты один у меня остался! Но ты малахольный! Несовершеннолетний! Мне тебя грех соблазнять!

- В тюрьму за него попадешь. За растление малолетних, - поддакнул Вертицкий.

- Ты его не трогай. Он таинственный. На дельфиньем языке говорит, - хмыкнул Шкиранда, довольный тем, что Нинель отвлеклась от него. - Тебе его ни за что не отгадать.

- Мне? Да я, знаешь, какая гадалка? Серж, дай руку, я тебе погадаю!

- Погадай ему, погадай! Может, он не человек, а дельфин!

Нинель снялась со стула. Опустилась перед Плужниковым на колени, так что ее пышная юбка расширилась колоколом. Взяла руку Плужникова. С силой на себя потянула, раскрывая ему ладонь, разгибая его пальцы своими горячими цепкими пальчиками с фиолетовыми, накрашенными ноготками.

- Не упрямься!.. Плохое не нагадаю!..

Она коснулась его руки, и он ощутил слабый толчок, укол тока, мягкий ожог, отворивший в руке крохотную скважину, сквозь которую потекли в него загадочные струйки тепла, язычки света, капли яда, ручейки дурманов, медовых пряностей, пьянящих горечей. Он замер, открыв перед ней ладонь, освещенную ярким светом.

Нинель перебирала его безвольные пальцы, водила ноготком по ладони, где пролегали тонкие нити, похожие на прожилки листа.

- Здесь твой Сатурн и Юпитер… Здесь твой Марс и Меркурий… А здесь твои Солнце, Луна… Будешь знаменит и богат… Преуспеешь в науках, испытаешь себя в искусствах…

Он смотрел на ярко озаренную ладонь, где таинственным циркулем провели овалы и дуги, прочертили биссектрисы и радиусы. Оставили чертеж, в который заключили теорему его жизни и смерти. Оттиск на ладони напоминал след папоротника на кремне. Брызги элементарной частицы, ударившей в фотопластинку. Отпечаток был всегда, с самого детства, когда маленькая пухлая ладонь еще не ведала прикосновений оружия, женских грудей, стиснутых инструментов. Он появился у эмбриона, висящего в гамаке в материнском горячем чреве. Был рисунком, возникшим из слияния крохотных клеток. Орнаментом двух таинственных судеб, столкнувшихся в третьей. Был отсветом

звезд и планет, висевших над брачным ложем. Иероглифом, сквозь который в трехмерный мир просочилось иное бытие. Ладонь несла отражение будущей, несуществующей жизни, словно ее приложили к расплавленному жидкому времени, и оно, ненаступившее, запечатлелось в виде линий, крестов и овалов.

- Живешь не головой, а сердцем… Побываешь в странах, которых не видно на карте… Испытаешь одну большую любовь…

Она тихо ворковала как вещая птица, склевывала с ладони незримые зерна. Старалась проклюнуть непроницаемую сферу, куда был запечатан немощный разум, не умевший распознать за пределами трехмерного мира потусторонней пугающей тайны.

- Что-то не вижу… Что-то в линии жизни… Разрыв на линии сердца… Сатурн столкнулся с Нептуном… - она гладила ему руку, приближала лицо как слепая. Наклонила лицо к ладони так близко, что он чувствовал ее обжигающее дыханье. Волосы ее упали, скрыли лицо, ладонь. Он слышал ее быстрое бормотание, клекот, больное бульканье. Откинула волосы, подняла лицо, и оно было черное, страшное, с открытым провалившимся ртом, с пепельными старушечьими волосами. Белки выпукло, лунно голубели. Дрожали и мерцали зрачки, будто увидали нечто ужасное, невыносимое.

- Сереженька, милый, что-то увидала такое, чего и сказать не могу!.. Какое-то несчастье и горе!.. За что же мне такое привиделось!.. Да как же я тебе об этом скажу!.. Да за что на нас такая напасть!.. Да чем мы таким провинились!.. Да чем мы Бога нашего прогневили!.. Да какой же ты, Сереженька, славный, красивый!.. Какие у тебя ручки добрые, дорогие!.. Как бы ты этими ручками меня обнял!.. Как бы ты меня по головке гладил!.. Как бы я их тебе целовала!.. Какого бы ребеночка тебе родила!.. Как бы ты его на ручках своих носил!.. Игрушки ему ручками своими мастерил!.. А я бы на вас, миленьких, дорогих, любовалась!.. А теперь нас всех беда заберет!.. И будет нам всем слепота, глухота, немота!.. Запечатают нас, мальчики мои дорогие, всех в одну беду!..

Она голосила, причитала, целовала его руки, кропила горячими слезами как деревенская остроносая старуха-кликуша.

Вскочила, отряхиваясь, выныривая из-под черной, накрывшей ее волны, пропуская над собой кромешный, крутящийся вал. Яркая, страстная, с мокрым от слез лицом, рыжими, плещущими волосами,

ударила клавишу старенького кассетника. Грохнула, брызнула, полилась как из крана, сверкающая музыка, расплющилась о стены огненными плесками. Нинель заиграла, затанцевала, заходила по комнате, вращая сильными бедрами, подымая белые пышные руки, колыхая под кофтой грудью.

- А ну ко мне, мальчики, танцевать!.. Офицерики мои, танцевать!.. - хватала за рукава Шкиранду, Вертицкого, стаскивала со стульев. Сначала нехотя, а потом все живей, подвижней, они закрутились подле нее, выделывая руками выкрутасы и кренделя, подымая ноги и нелепо подскакивая. Обнимали ее, целовали шею, грудь, прижимали к себе ее дышащий живот. Ее рыжие волосы плескались по комнате, юбка крутилась каруселью, открывая сильные, пляшущие ноги, и дрожала на столе бутылка, звякали стаканы от их безумных скачков.

Плужников боком, вдоль стены, вышел в прихожую. Накинул шинель, фуражку. Спустился по обшарпанной, полутемной лестнице на воздух. В темноте мучнисто белели блочные дома базы. Кое-где на фасадах размыто желтели окна. По улице, от казармы, вниз к причалам, громко стуча башмаками, шел экипаж моряков. В небе, закрывая луну, стояло облако, просвечивая насквозь как пергамент, с оплавленным ярким краем. Окрестные сопки слабо искрились таинственным светом, словно на них уже выпал снег. Бухта недвижно, просторно чернела, остекленев в гранитных изгибах фьорда. По черной воде, без звука, неся на мачте зеленый огонек, шел торпедолов. Едва заметные среди ночного гранита, похожие на округлые продолговатые глыбы, застыли у пирсов подводные лодки. Среди них, уже населенный вахтой, с запущенными реакторами, с мерным гулом агрегатов, гироскопов, бесчисленных машин и приборов, готовый к выходу, бугрился подводный крейсер "Москва". Стальная гора, облизанная приливом, окаймленная слюдяным блеском вышедшей из-за тучи луны.

Плужников смотрел на предзимнюю луну. Пар, вылетавший у него изо рта, казался радужным. Одна половина бухты отливала тьмой как синее воронье перо. Другая нежно, латунно желтела, и буксир, молотивший воду на рейде, оставлял на море яркий оранжевый клин. На бетонном пирсе светлели круглые лужицы, будто раскидали крышки консервных банок. Черная громада лодки маслениcто, словно натертая жиром, блестела. Над рубкой, на слабом ветру, неразличимо-

темный на малиновом небе, волновался флаг. Плоский на заре, застыл автоматчик…

Экипаж был построен на пирсе. В обе стороны от Плужникова удалялись носы, подбородки, выпуклые груди, пилотки, туманился желтый пар дыханий, и большая чайка, пролетев над строем, поворачиваясь к заре то одним, то другим крылом, казалась черно-желтой.

Командир перед строем, в глазированный кувшин мегафона, чтобы слышно было на флангах всего двухсотголового, слабо колыхавшегося дракона, произносил напутствие:

- Товарища матросы, мичманы, офицеры, как вы знаете, обстановка в мире остается сложной и нестабильной… Внутренние дела в стране по-прежнему далеки от нормальных… Россия ослабела, продолжает слабеть, и ее флоту и армии все труднее поддерживать безопасность… - мегафон слегка дребезжал, и Плужникову казалось, вокруг каждой металлической фразы закипают крошечные, трескучие пузырьки. - Без преувеличения можно сказать, что мы - последняя надежда России… Пока в море находится наш подводный крейсер, пока он способен осуществлять боевое дежурство, доставлять в район патрулирования спецоружие, до той поры русские люди могут печь хлеб, пахать землю, добывать себе на пропитание… Могут не бояться, что их забомбят, как Югославию, Афганистан и Ирак… Америка уже почти победила мир, покорила все народы и страны, но не может сказать, что покорила Россию, до той поры, пока мы ходим в походы… Спецоружию, которым мы обладаем, не может противодействовать их ракетная и космическая оборона… - Командир был невысокого роста, худ и скуласт, сдержан и скуп в обращении. Вежлив с матросами и отчужденно сух с офицерами. Его жена и дети полгода как покинули базу, из-под низкого полярного неба спасаясь от электрических и магнитных полей, нехватки кислорода и света. Командир тосковал без семьи, педантично, мучая себя и других, проводил свое время в казармах, на пирсе, в глубинах причаленной лодки, где утомлял экипаж учебными тревогами, тушеньем пожаров, борьбой за живучесть. Теперь было видно, что он радуется долгожданному выходу в море, и в голосе его чудились Плужникову интонации взволнованного проповедника. - Именно поэтому в район патрулирования послана американская многоцелевая лодка нового

проекта "Колорадо", призванная отслеживать наш маршрут, препятствовать нам, а в случае начала военных действий - уничтожить нас упреждающим ударом. Заступая на вахту, мы становимся больше чем экипаж… Больше чем семья… Мы становимся духовным братством, какое существует в монастырях среди монахов, посвятивших себя служению. Наш Бог - это Родина. Мы, мужчины, облаченные в черную форму подводников, - монахи и воины России… - Командир опустил мегафон, повернулся к лодке, над которой возвышался высокий плавник рубки. Незримый горнист пропел в трубу курлыкающий печальный напев. Флаг над рубкой пополз вниз. Заря хлынула из-за сопок бесшумным малиновым приливом, пролила на черную лодку вишневый сироп. Соблюдая интервалы, боевыми частями, экипаж стал подыматься по трапу на борт. Сливался с рубкой, растворяясь в черном цилиндре.

Плужников последний раз хлебнул свежий, пахнущий водорослями воздух, глотнул холодный малиновый сок зари и, цепляясь за хромированный поручень лестницы, ставя подошвы над пилоткой второго акустика, опустился в бархатно-теплое чрево, озаренное немеркнущим светом. В запахи металла и краски, сладких пластмасс и масел. В нутро огромной машины, по которой расторопные моряки расходились по отсекам, занимали места у пультов, у торпедных аппаратов, реакторов, погружаясь в едва ощутимую вибрацию громадной стальной оболочки. И уже неслась по лодке лающая "громкая связь". Работала автоматика навигации, энергетики, систем наведения.

Плужников, заняв пост акустика, перебирал наушники, касался пальцами клавиш и кнопок, окруженный стеклом, пластмассой и сталью. Почувствовал слабый упругий толчок, как если бы чья-то огромная ладонь легла ему на спину. Это значило, что лодка оттолкнулась от пирса, повлекла свои тысячи тонн на открытую воду. Все быстрей и быстрей, могуче и мощно, раздвигая залив, подымая черным угрюмым лбом тугой бурун. Командир стоял в рубке, чувствовал лицом давление твердого ветра, посылал команды на центральный пост, а оттуда в турбинные, ходовые отсеки. Солнце, маленькое, красное, вставало над сопками. Лодка удалялась от берега, сверкала на заливе как черное стекло. С горы, прижимая ладони к

бровям, смотрели ей вслед женщины. Нинель, без платка, с рассыпанными волосами, крестила ее мелкими крестиками.

В надводном положении крейсер мощно бежал в проливе, среди волнистых гранитов, голых каменных сопок, на которых щетинились мачты, белели округлые колпаки, похожие на яйца огромной птицы, темнели отточенные стрелки зенитно-ракетных комплексов, защищавших военно-морскую базу. Льдистые воды тускло блестели на солнце, и пока над морем не нависли космические аппараты противника, не слетелись самолеты-разведчики "Орион", лодка торопилась в открытое море, в район погружения. Стальная длинная капля, наполненная оружием, компьютерами, с раскаленной ядерной сердцевиной. Достигнув расчетной точки, лодка тихо ушла в глубину, оставив на воде рубец солнца, который тут же исчез среди пляшущих волн.

Океан дышал кислородом, преломлял полярные спектры, перемешивал ледяные и теплые воды. Струился течениями, гнал рассолы, растворял белые осколки льдов. Давил непомерной тяжестью на подводные хребты и долины, под которыми клокотала жаркая магма. Был частью мировой воды, омывавшей землю.

Плужников, вооруженный акустическим комплексом, внимал океану. Наушники соединяли барабанные перепонки с чуткой антенной, помещенной в слепой голове корабля. Как если бы его живые, розовые уши были выведены в океан, омывались холодным потоком, различая бесчисленные переливы звуков. Безглазая стальная громада имела его розовые горячие уши, выступающие из прорезей лодки.

Некоторое время он слышал рокоты надводных кораблей, продвигавшихся в береговой зоне. Тяжко стуча, издавая мембранный клекот, прошел большой противолодочник. Поместил свои винты, серые стальные уступы, глубинные бомбометы и пушки в его расширенную ушную раковину. Шум турбулентной волной омывал его сердце. Отражался на экране колючими всплесками.

Плужников передал на центральный пост информацию о противолодочнике:

- По пеленгу тридцать обнаружена цель!.. Предположительно - надводная!.. Классификация…

Похрустывая, как если бы винт рубил не воду, а сочную, чуть подмороженную капусту, встречным курсом двигался рыболовецкий траулер. Ухо поместило в себя обшарпанные, с потеками ржавчины борта, трюмы с серебряным слитком слипшейся сельди, прорезиненные робы уставших рыбаков, стакан водки в красном кулаке капитана. И об этом узнал командир, окруженный приборными досками, пряча подводную лодку в непрозрачный для звука слой соленой воды.

- По пеленгу двадцать пять обнаружена цель!.. Предположительно, надводная!.. Классификация…

Похрипывая, сердито булькая, приближался норвежский сухогруз. Плужников держал в поле слуха длинную клепаную палубу с разноцветными контейнерами, овальную рубку с толстым стеклом, красивый дубовый штурвал, окованный медью, за которым стоял рыжий рулевой.

Надводные корабли медленно вплывали в его ухо. Вызывали легкое дребезжание височной кости. Держались под сводом черепа, подобно туманным видениям. А потом исчезали как тени.

Лодка вильнула к северу. Ушла от проторенных корабельных маршрутов, беря курс на полюс. Пустынный, лишенный механизмов и металлических конструкций океан зазвучал таинственными хорами, как если бы в ушах переливались бесконечные пышные радуги.

В слуховой памяти Плужникова, словно на магнитной ленте, было записано множество подводных мелодий. Плужников наслаждался и пьянел от этой музыки. Погружался в сладостное созерцание, в сон наяву. Каждый звук моря порождал абстрактные образы, напоминавшие спектральные галлюцинации. Всякое живое существо источало пузырек звука и нежный цветной пучок. Любая капелька, сталкиваясь с другой, чуть слышно звенела, рождая слабую цветную корпускулу.

Сейчас он слушал звук, похожий на треск стрекозиных крыльев, словно сшибались стеклянные ворохи, комкались и ломались нежные перепонки, шелестели хрупкие слюдяные пластины. Это двигался косяк сельди. Темное облако состояло из тысяч стремительных рыб, мелькающих плавников и хвостов, отточенных глазастых голов. Их чешуйчатые тела терлись одно о другое. Перед каждой заостренной головой возникал водяной бурун. Море трескалось от переполнявшей

его жизни. Лодка расталкивала холодное рыбное месиво. Борта искрили от бесчисленных скользящих прикосновений. Антенна трепетала от волнообразных колебаний. В ухе Плужникова растопырила сверкающие перепонки, выпучила фиолетово-серебряные глаза огромная яркая рыбина, окруженная изумрудным свечением.

Теперь он внимал легким стукам, слабым скрипам, хрупким потрескиваниям. Словно кто-то вколачивал множество крохотных гвоздиков, водил изящными лобзиками, делал надрезы стекла, протирал салфеткой край певучего стеклянного сосуда, ввинчивал в древесину буравчики, надкалывал каленые орешки. Лодка шла сквозь необъятную тучу планктона, который размножался, увеличивал массу, вытягивал в океане длинные вялые протуберанцы. На слиянии холодных и теплых вод море кипело рождавшимися бесчисленными тварями, напоминало густой бульон, куда вторглась тяжкая громада лодки, окруженная неисчислимыми рачками, креветками, икринками, клубеньками. Они сталкивались, ударяли в лодку хрупкими панцирями, щекотали ее волосяными усиками, долбили игольчатыми клювами, налипали живым трепещущим студнем. Все это трепетало, волновалось, пело, брызгало плодоносными капельками, источало пульсирующее млечное свечение. Плужников, очарованный божественным хором несметных торжествующих жизней, удерживал в своем чутком ухе увеличенную во сто крат розовую креветку с золотыми глазами, прозрачным женственным тельцем, шевелящимися нежными усиками. Узорная раковина уха, и в ней, словно в раме, царственный портрет креветки.

Океан огласился иными звуками. Казалось, кто-то вдыхает слова в глубокий гулкий кувшин. В глубине сосуда исчезают согласные звуки и остается булькающее, бессловесное пение. Голоса были человечьими, но молвь, на которой изъяснялись подводные создания, была невнятна, как древний язык, пригодный для обозначения лишь самых важных понятий, таких как солнце, вода, любовь, бессмертие. На этом изначальном, от сотворения мира, языке, говорили касатки - глянцевитые киты, игравшие вокруг лодки, принимавшие ее за огромного медлительного сородича. Водили вокруг нее хороводы, заманивали в свой круг, нежно к ней прижимались. Плужников чувствовал сквозь сталь их близкие, глазированные тела, гладкие ласты, фиолетовые выпуклые глаза. Касатки нежились, ласкали друг

друга. Самцы танцевали, играли мускулами. В самках, в горячих темных утробах, созревали детеныши. Матери несли их в студеных потоках, выпуская серебряные цепи воздушных пузырей. Подымали прекрасные глаза ввысь, откуда проникали зеленоватые лучи полярного солнца. Плужников слушал божественный язык китов. Старался понять его смысл. Ему казалось, что киты говорят о нем, зовут к себе, в соленую играющую стихию. Его восхищенное ухо заключало в себе фиолетовое, с серебряным пятном, китовое око.

Он был околдован и опьянен волшебными созвучиями, доносившимися из безграничной стихии, сотворившей в себе материки, каменья, живых существ, корабли, пылающие в ночи созвездия, людские души, и его, Плужникова, безымянную и бессмертную сущность, которая вот-вот освободится от бренного тела, прорвется сквозь стальной кожух лодки, превратится в певучий звук огромного вселенского хора.

Вдруг услышал, как в бездонной глубине океана зародился печальный таинственный вздох. Словно поднялись и опустились подводные хребты. Глухой тяжкий стон вырвался из утробы мира, как если бы Земля была живой, бесконечно усталой. Жаловалась кому-то, кто ее сотворил. Повесил в пустом мироздании, вынуждая парить миллиарды лет среди иных светил. Ждать Того, Кто забыл о ней. Звать, чтобы Он, облетев другие миры, вернулся к ней наконец. Взял обратно, откуда явил. Этот подводный стон был столь глубок и печален, так тронул Плужникова своей непомерной грустью, что он, в своем сострадании, откликнулся на эту печаль Земли. Так бабушка его, молча, часами, притулившись на стульчике в тихой дремоте, среди боя старинных часов, вдруг просыпалась и вздыхала. Не умея понять, о чем ее воздыхание, он сострадал и любил. Хотел и не мог помочь.

Звуки океана убаюкали его, словно он надышался дурмана. Окруженный приборами, подключенный к датчикам, резонаторам, чутким сонарам, он был как под капельницей, которая вливала ему в кровь сладкое снотворное. Видел сон, будто лежит в детской кровати у открытого окна, выходящего в сад. Комната наполнена голубоватой тенью от недвижной тучи, что пышно встала над садом. Под потолком, у лампы бесшумно трепещет белая бабочка. Высоко, над садом, мерно рокочет гром. В предчувствии дождя все замерло - каждый листик, каждый цветок на клумбе. Сквозь приоткрытую дверь слышно, как

разговаривают мама и бабушка. На грани яви и сна, прежде чем сладко забыться, он слышит легкое постукивание первых брызг. Мелодичный звон карниза, в который ударяют легкие чистые капли, громче, чаще. В налетающем ветре, в шуме листвы, гремят водяные удары. Резче, сильней, превращаясь в сплошной металлический грохот.

В ушах гремели твердые жестокие очереди, вибрирующие скрежеты, звенящие рокоты. Акустическая антенна сотрясалась нежными оболочками, вызывая в его барабанных перепонках пульсирующий гром. Так звучат гребные винты субмарины, прокручивающие медными лопастями тугие пласты воды. Этой субмариной могла быть лишь лодка врага. Многоцелевая лодка-убийца проекта "Колородо", что явилась в северные широты поохотиться за "Москвой": отыскать ее в холодной пучине, ухватить незримыми щупальцами систем наведения, нацелить на нее зоркие головки торпед, гнаться попятам среди подводных хребтов и долин, выискивая в океанских течениях.

Плужников очнулся, как от ночного кошмара. На экране жарко горел электронный зубец, характерный для атомной лодки.

Слушая рокоты, хриплым взволнованным голосом он передал на центральный пост:

- Пеленг - сорок пять!.. Обнаружена цель!.. Предположительно, подводная лодка!.. Классификация - "Колорадо"!..

Командир в центральном посту объявил боевую тревогу. Пылали экраны. Бежали горящие строки. Вращались лучи индикаторов, зажигая очертания донных гор и ложбин. Штурманы на электронных планшетах вычерчивали координаты противника, определяли скорость и курс. Компьютеры строили графики, в которых на разных высотах, под разными углами и ракурсами сближались две подводных громады. Механики управляли реактором, двигали стержни графита, раскаляли уран. Перегретый пар ревел в стальных трубопроводах, ударял в лопатки турбины. Сияющий вал вращал лепестки винта, разгоняя лодку. Экипаж в отсеках занимал боевые посты. Упирались головами и спинами в округлые стены и своды.

Под пилотками, озаренные матовым светом, голубели худые лица, напряженно блестели глаза. Каждый управлял элементом лодки, давил на кнопки и клавиши, поворачивал вентили и рычаги. От прикосновений пальцев мощно колыхались рули, поворачивая крейсер

в потоках. Убыстрялось вращение винта, оставлявшего турбулентный след. Повинуясь воле упрямого, с худощавым лицом командира, лодка раздвигала толщу шумящих вод, сбрасывала с оболочки тонны вскипавшей воды.

Дав "полный вперед", крейсер пытался уйти от преследования, но противник прибавил узлы, висел на хвосте. Крейсер круто вильнул, пропадая из зоны слежения, но враг повторил маневр и снова вцепился в хвост. Крейсер продул носовые цистерны, создал дифферент на нос, плавно пошел в высоту, пропуская под собой "Колорадо". Но искусный противник изменил траекторию, поменял горизонт и вновь оказался сзади. Крейсер в переливах течений нащупал скользящий слой, где погас шум винта, стал неслышен противнику. Плавно, беззвучно парил среди соленых и пресных потоков. Но лодка противника, прорвав водяной купол, грозно надвинулась, и "Москва" прибавила ход, уклоняясь от столкновения. Крейсер вонзился в облако криля, увяз в звучащем планктоне, надеясь раствориться в курлыкающем облаке звуков. Но враг, обладая чутким сонаром, отслоил звуковые помехи, выделил шум машины, встроился в кильватер "Москвы".

"Колорадо" как гончий пес неотступно шла за "Москвой", хватала след, жарко дышала в затылок. Не видимая миру погоня совершалась под полярными льдами, в черной глубине океана. Две стальных оболочки, наполненные людьми и оружием, одна гналась за другой, раскаляя реакторы.

Командир подводного крейсера повернулся к старпому, произнес с досадой:

- Нам не хватает хода… Делаем разворот на сто восемьдесят… Гидролокатором - две посылки в лоб… Если у мистера Грайдера железные нервы, пусть идет в лобовую атаку…

"Москва" описала дугу. Устремилась навстречу противнику. Стала сближаться. Гидролокатор "Москвы" выдал две длинные ультразвуковые посылки, которые отразились от близкой лодки и оглушили Плужникова. Словно по корпусу "Колорадо" ударили пулеметом, и сталь задрожала от несусветной вибрации.

Сигнал был принят. "Колорадо" сбросила ход. Отвернула. Растворилась в подводных течениях, словно ее съел рассол. "Москва" вернулась на прежний курс. Упорно стремилась к полюсу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

"Колорадо", убийца подводных лодок, - бесшумный ход, громадная скорость, сверхчуткая акустика. Корпус новейшей конструкции с клювом для таранных ударов. Антенны радиосвязи, принимающие на глубине сигналы из космоса. Сверхскоростные, не подверженные помехам торпеды. И особая гордость проекта, - секретная установка, с помощью звука имитирующая движение цели. Объемные шумовые сигналы порождали образ несуществующей лодки, создавали иллюзию скоростного ее приближения, заставляя противника воевать с пустотой.

В центральном посту, среди мягкого шума вентиляторов, озаренных экранов, светомузыки цветных индикаторов, командовал старший помощник, фиолетовый негр, облаченный в белоснежный мундир. Его алый, раскрывавшийся при командах рот, глазированные белки, золотые позументы мундира великолепно сочетались с хромированной сталью перископной колонны, хрустальными циферблатами приборов, сверкающей пляской сигналов, каждый из которых отражал работу винта, давление в контурах реактора, близость проплывавшей подводной вершины.

Командир лодки адмирал Грайдер находился в рекреационном помещении вместе с представителем военно-морской разведки из "Неви Энелайзес" Томасом Доу, который отвлек адмирала от управления лодкой, вызвав для собеседования. Рекреационное помещение представляло собой уголок тропического леса с живыми олеандрами, влажно-пахучими пальмами, цветущими орхидеями. Среди древесных стволов журчал ручей, наполняя крохотное темное озеро, на котором, словно большие зеленые блюда, плавали листья виктории Регия с белыми ароматными цветами. Среди листьев пальм и цветущих лиан бесшумно летали бабочки. У поверхности озера разноцветными блестками мелькали рыбки. Этот райский уголок в титановом корпусе, по соседству с реакторами и ядерными торпедами, перемещался в толще океана на глубине трехсот метров со скоростью двадцати узлов.

- Я выражаю вам мое восхищение, адмирал. Эти полтора часа погони за русской субмариной в районе полюса подтверждают вашу репутацию лучшего подводника Штатов, - Томас Доу растянул в хвалебной улыбке длинные волнообразные губы, отчего продолговатое лицо разведчика с кольчатой черной бородкой лишилось симметрии. Желтоватые глаза сместились на разные расстояния от жилистой переносицы. На разных щеках складки образовали несхожие геометрические фигуры из ромбов и треугольников. Коричневый кадык на костистой шее съехал набок. - Лучшее на вашей великолепной лодке - это вы сами, адмирал.

- Спасибо, сэр, - Грайдер сухо поклонился в ответ.

- Мне кажется уместным начать разговор, который объяснит цель моего появления на борту. Должен сообщить, что нынешний поход "Колорадо" явился следствием моего разговора с министром обороны. Именно он отменил ваш отпуск и поездку на Багамы, которую вы вполне заслужили, уже проведя в этом году под водой сорок пять суток.

Адмирал молчал, сухо поблескивая серыми глазами, окруженными тонкими лучистыми морщинами, похожими на трещины в разбитом стекле перископа.

- Сомневаюсь, что информация, которую я намерен вам сообщить, является общеизвестной и доступна даже вам, человеку, которому по осведомленности нет равных в военно-морском флоте…

- Мы информированы лишь в той части, в какой являемся одной из составляющих ядерной триады Америки. Мы не претендуем на абсолютное знание и не можем конкурировать с осведомленностью офицеров "Неви Энелайзес", - в ответе адмирала была едва различимая ирония действующего подводника в адрес высоколобых представителей штабов и разведок, чье увлечение спиритуальными, нетрадиционными знаниями стало предметом публичных насмешек.

- Вы намекаете на публикации в "Нью-Йорк таймсе" и "Уолстрит джорнал", а также на серию фельетонов в "Филадельфия инквайер" о магах и экстрасенсах разведки, которые объясняют ускоренное строительство церквей в России намерением русских перевести противостояние с Западом в религиозную плоскость? А также упоминание о русском секретном оружии, топографической бомбе, способной направленным взрывом изменить координатную сетку

Земли и вызвать цивилизационный хаос смещением часовых поясов? Что ж, это может показаться забавной шуткой, если бы не являлось утечкой стратегической информации, засвечивающей уровень наших представлений о противнике. Должен вам сообщить, что по факту этих утечек уже начато секретное расследование в рамках закрытой комиссии Конгресса и нескольких отделов ЦРУ. Именно эти утечки заставили руководство страны форсировать выход "Колорадо" в океан и побудили меня разделить с вами приятное общество на борту. В процессе плавания я уполномочен поделиться с вами сверхсекретной информацией, которая содержится в конверте с боевым приказом, подписанным Президентом.

- Что вы имеете в виду, сэр?

- Я бы хотел информировать вас, адмирал, о назначении русской субмарины "Москва". О спецвооружении этой лодки, которое не значится ни в каких реестрах и справочниках и о котором вы не прочтете ни в "Джейн", ни в закрытых инструкциях нашей военно-морской разведки. О топографической бомбе, которую носит с собой русский подводный крейсер, и о том сокрушительном для Америки эффекте, который несет в себе это оружие.

Адмирал изумленно поднял брови, отчего изменился изящный рисунок морщин вокруг его глаз:

- Весь внимание, сэр…

- В секретном докладе ЦРУ за пятьдесят третий год упоминается послание Сталина Президенту Трумэну перед испытанием русской термоядерной бомбы на Новой Земле. Сталин сообщает Президенту, что дал указание физикам втрое снизить мощность заряда. Ибо геофизические расчеты показывают, что взрыв планируемого заряда приведет к чрезвычайному сотрясению земной коры в районе Северного полюса. Это сместит земную ось таким образом, что полюс толчком передвинется из пустот Ледовитого океана в район Гренландии. В результате толчка в Атлантическом океане возникнет волна высотой сто сорок метров, которая со скоростью восемьдесят километров в час двинется в сторону Соединенных Штатов и Канады. Удар этой волны до основания разрушит цивилизацию Североамериканского континента, абсолютно изменит его рельеф и климат. Упомянутую ударную волну Сталин именовал Атлантическим валом. Называл себя человеком, который спасает Америку, нуждаясь в

ней как в элементе послевоенного биполярного мира. Возможно, в ответ на послание Сталина Президент Трумэн не привел в действие план "Нордтоп", предполагавший превентивный ядерный удар по Советам в момент, когда у Штатов было абсолютное преимущество в носителях и боеголовках.

Грайдер умел придать своему лицу вид выставленного вперед локтя. Этот разведчик, чья морщинистая физиономия напоминала старое кавалерийское седло, не внушал адмиралу доверия. Кольчатая черная бородка, агатовый темно-лиловый перстень делали его похожим на факира, чему немало способствовали загадочные речи. Этому экстравагантному магу от разведки приходилось вручать судьбу великолепной лодки, совершенных механизмов и самозабвенного экипажа, составлявшего цвет человечества. "Колорадо" обладала таким оружием, что была способна неслышно подкрасться к русским берегам и расстрелять у пирсов остатки флота, жалко догнивающего в обезлюдевших базах. Когда стало известно, что Томас Доу прибывает на лодку с правом командирского приказа, Грайдер подумал, что поход обретает черты экспедиции, которую предпринимали нацисты в Гималаи и пустыню Гоби в поисках арийской прародины.

- С тех пор ситуация усугубилась, - Томас Доу энергично двигал морщинами. Они складывались на лбу в кабалистические знаки, словно были начертаны на двух раскрытых пергаментных страницах. - Льды Антарктиды ускоренно тают. Ледники Гренландии набирают массу и вес. Земля напоминает гантель, состоящую из двух гигантских култышек льда. Земная ось становится все более неустойчивой. Топографическая бомба или, как называют ее русские, "Рычаг Архимеда", взорванная неподалеку от Северного полюса, столкнет ныне существующую земную ось, перебросит ее верхнее окончание в район Гренландии и вызовет этим всеразрушающий Атлантический вал. К изготовлению подобных зарядов Россия приступила незадолго до прихода к власти Горбачева. Сложным образом, воздействуя на честолюбие русского лидера, влияя на него через жену Раису, внедряя в научные круги СССР наших агентов, мы заложили в их военные программы технические и финансовые ловушки. Нам удалось максимально замедлить реализацию этой программы. Однако к моменту распада Советов они спустили на воду крейсер "Москву", оснащенный топографической бомбой. Как я сказал, ее прямой эффект

- материальное разрушение Америки. Побочный - слом топографической сетки Земли, что приведет уцелевшие государства запада к топографическому хаосу, к бесчисленным катастрофам самолетов, кораблей, суперкомпьютеров, краху банковской системы, параличу транспорта, нефтепроводов. Советский Союз был готов к изменению координатной сетки Земли, к смене часовых поясов. Этот резервный вариант находится в руках русского Генштаба и является гарантом их безопасности.

Томас Доу сжал металлически-синие брови, направил взгляд на поверхность озерка, где сновали разноцветные рыбки.

- Знатокам русской истории известно, что те давно уже практикуют перенесение координат как метод геополитической и религиозной экспансии. Сначала они пытались перенести в Москву координаты итальянской столицы, назвав Москву Римом. Позднее, при одном знаменитом патриархе, была предпринята попытка перенести в Россию координаты Святой Земли, в результате чего под Москвой возник Новый Иерусалим. Топографическая бомба есть прямое продолжение этих усилий, которые и являются внутренним содержанием знаменитой русской идеи. Вам могут показаться странными мои слова, адмирал. Но экипаж "Москвы" подбирался русскими с учетом метафизики русской жизни. Все эти люди, двести человек экипажа, обладают свойством, которое на старомодном языке зовется святостью. Их присутствие на лодке обеспечивает мистическую компоненту топографической бомбы. Само их пребывание в составе русского населения, которое деградирует, вырождается, лишено национального духа, является для нас, американцев, непреодолимой преградой в деле покорения России. Преградой, устранить которую могут лишь радикальные средства. Персональное изучение экипажа "Москвы" позволяет утверждать, что среди них присутствуют люди с нетривиальными свойствами. Многие из них готовы игнорировать смерть. Другие религиозно верят в Россию. А находящийся среди них акустик, капитан-лейтенант Плужников, понимает язык рыб, добывая с их помощью информацию о наших подводных и надводных кораблях, удаленных на тысячу километров.

- Весьма возможно, сэр, - холодно заметил адмирал, подчеркивая своей отстраненной любезностью степень презрения к праздной

болтовне карьериста из разведывательного ведомства. - В таком случае, сэр, нам приходится радоваться, что мы, наконец, оторвались от столь опасного объекта. Остается уповать на рачков и креветок, язык которых еще не расшифрован русским акустиком. Это позволит нам увеличить дистанцию.

- Не обольщайтесь, адмирал. Мы сейчас подойдем к карте, и я покажу вам пункт, куда вы направите "Колорадо". Это район применения русскими топографической бомбы, где они оказываются каждый раз для отработки учебных пусков. Точка опоры, куда они хотят поместить "Рычаг Архимеда". Когда мы зафиксируем их присутствие, я вскрою конверт и зачитаю вам приказ Президента. Понятно ли я изъясняюсь? - Томас Доу направил мерцающие трубки в зрачки Грайдеру. Впрыснул жгучий пучок лучей. Тот почувствовал, как сгорела часть его сетчатки и глаза затмили лиловые бельма.

Томас Доу перевел взор на летающих бабочек. Бабочки, повинуясь таинственной воле, разом вспорхнули. Усеяли парадный мундир адмирала. Нежно-голубые, изумрудно-зеленые, огненно-алые, покрыли грудь, рукава и плечи. Сквозь этот волшебный покров стали почти неразличимы золотые позументы и орден "Пурпурное сердце", полученный адмиралом за поход на субмарине вокруг земного шара.

Командир "Москвы" не покидал центральный пост. Уверенно вел крейсер к полюсу, где на соленой поверхности недвижно покоился купол льда, над которым, окруженная голубой дымкой, среди разноцветных миров, восхитительно сияла Полярная звезда. Часть экипажа отдыхала в уютных каютах, ловя в чутком сне бульканье "громкой связи", торопливый стук башмаков, стальную вибрацию оболочки, по которой, как по коже огромного животного, пробегал едва уловимый трепет жизни. Другие моряки несли вахту, распределялись равномерно по всей длине лодки, втискивались в тесные ниши, похожие на футляры для человеческих тел, подпирали головами и спинами стальные своды, подобно кариатидам. Штурманы прокладывали по карте маршрут, исчисляя координаты, которые выдавали им гироскопы в своем непрерывном, сонном вращении. В реакторном отсеке, у пульта, драгоценно мигавшего как новогодняя елка, операторы поддерживали ровный мощный огонь ядерной топки. В головном отсеке, словно усыпленные рыбины, лежали на стеллажах боевые торпеды, и недремлющие торпедисты были готовы направить

их гладкие, полированные тела в трубы торпедных аппаратов, которые, словно чуткие ноздри, прорезали нос лодки.

Командир настолько знал и любил свою лодку, чувствовал ее настроения, тайные недомогания, ее могучую плоть и бестелесный дух, что иногда сам себе казался стальной громадой, запущенной в Мировой океан.

Его выпуклые бока состояли из прочных шпангоутов, на которые были натянуты титановые и стальные листы, словно грубая черная кожа. Раскаленный пах был наполнен неистощимой энергией, от которой все огромное тело получало неукротимое стремленье вперед. В лобной кости трепетало нежное чувствилище, откликавшееся на пульсации океана, на каждый пузырек и песчинку, всплывавшие на пути. Из затылка выдвигалась стальная труба, застекленная хрустальными призмами, хрупкие штыри, протыкавшие поверхность воды, ловившие позывные и коды неба. Его стиснутые ноги кончались лопастями винтов, отталкивающих тугие водовороты. Растопыренная рука была вытянута вперед, и каждый палец завершался торпедой. На упругих ребрах как мускулы, бугрились связки крылатых ракет. И во всем могучем теле, с напряженными мускулами, ухающим сердцем, пузырями воздуха, перетекавшего в просторных легких, - глубоко, в подбрюшье, таился главный орган, ради которого было сотворено подводное диво, по образу и подобью Бога, явившего себя в виде огромной рыбы, - контейнер с топографической бомбой.

- Командир, - штурман предстал перед ним, покинув свой сумеречный пост, где голубые и желтые, будто горящие луны, пламенели экраны. - Приближаемся к точке всплытия. До нижней кромки льда семьдесят восемь метров. Предположительная толщина ледового покрова - два метра.

- Готовимся к всплытию, - командир взглянул на округлый свод, по которому струились бесчисленные жгуты и трубы, выстилая изнутри корпус лодки, подавали по отсекам воздух, свет и тепло, гидравликой, электроникой, легкими толчками и сжатиями соединяли множество машин и приборов в нерасторжимое живое единство. Сквозь титановый свод он чувствовал литую толщу непроглядно-черной воды, зазубрины льда, свисавшего вниз, в океан, крепкий наст, изрезанный полярным ветром, с заледенелым когтистым следом

медведя. А надо всем распахнулось небо с многоцветными полярными радугами и высокой, в центре неба, голубой звездой.

- Самый малый!.. - он послал команду в ходовой отсек, где мотористы стали глушить обороты винтов. - Продуть кормовую!.. - забулькало, заревело в цистернах, куда хлынули тугие пузыри воздуха, вытесняя воду, медленно приподымая корму.

Лодка повисла в океане, окунув отяжелелую голову. Командир посылал команды на рули, балансировал, гасил скорость, осторожно и чутко приближал лодку к поверхности, обрабатывая зубчатый поддон ультразвуковыми посылками. Выбирал место, где меньше было острых сосулек и можно было прикоснуться ко льдам железным туловом, не опасаясь смять и расплющить рубку.

- Продуть носовую!.. - крейсер звякнул рубкой по ледяному клыку, обломил его. Стон удара, грохочущий звон пробежал по лодке, породив в сердцах моряков ужас, от которого проснулась отдыхавшая часть экипажа, кок на камбузе просыпал соль в кипящую кастрюлю с борщом, канарейки в комнате отдыха панически забились в клетке, роняя желтые перышки.

- Продуть среднюю!.. - Лодка переполнялась воздухом, всплывала, давила на толщу льда. Лед выгибался, покуда ни лопнул, и под мощным давлением пробежала первая трещина, породив жуткий грохот. Трещина заструилась, ветвясь и множась. Казалось, кололись огромные граненые стаканы. Лед крошился, кипел, брызгал множеством ломтей и осколков, открывая черную жуткую полынью. В блещущей прорубе начинала взбухать литая спина, омытая океаном. Сбрасывала ревущие водопады, стряхивала ледяные глыбы. Выдавливалась, словно громадный черный пузырь. Крейсер всплыл среди ночных зеленоватых льдов, под бриллиантовыми звездами. У бортов нежно звенели льдины, журчали ручьи, мерцала лакированная рубка.

- Экипажу подняться на палубу!.. - командир, радостно-сдержанный, был благодарен команде за виртуозный маневр, позволивший крейсеру взломать купол Мира, всплыть под Полярной звездой. В награду за удачу командир позволил утомленным морякам покинуть железное чрево лодки, наполненное металлическим воздухом, выйти под открытое небо, полюбоваться несравненной красотой мира. По одному поднимались из рубки на глянцевитую

палубу, на которой прожектор зажигал черные лужи ртути. Лучи били в пляшущую, фиолетовую, словно глаз осьминога, воду, где колыхался округлый корпус. Расколотый лед отливал зеленым и розовым, будто в каждой глыбе горела лампада. Наст блестел сахарной пудрой, и люди, кутаясь в бушлаты, топтались на железной палубе среди сочных испарений.

- Спустить трап!.. Пятнадцать минут на знакомство с полюсом, и домой, есть пироги!.. - командир хватал губами сладкий воздух, глотая его, словно холодную густую наливку. Над рубкой, едва различимые, появились штыри антенн, рассылая зашифрованные координаты крейсера, оповещая штаб о выполнении задания.

Оружейник Шкиранда радостно, сильно хватанул снег, поднес к лицу, жадно дышал ноздрями. После душного, пропитанного маслами отсека, снег благоухал как морозное яблоко.

- Был бы на полюсе какой-нибудь столб, я бы на нем написал: "Здесь стоял простой русский парень Шкиранда".

Энергетик Вертицкий блаженно запрокинул худое лицо к небу, откуда медленно опускалась на него разноцветная роса, и добавил:

- "…У него были не все дома".

И тут же получил снежком в грудь. Ахнул, черпнул под ногами снег, смял в комок, запустил в Шкиранду. Не попал, но угодил в шифровальщика. Тот пульнул снежок в обидчика, промахнулся и шмякнул торпедиста. Торпедист вскрикнул, скомкал твердый колобок, метко попал в шифровальщика. На льду нагибались и выпрямлялись сильные молодые тела, летали снежки, перечеркивая луч прожектора, попадали, промахивались. Командир устало улыбался, глядя на детскую забаву моряков, учиненную на Северном полюсе, у громадной полыньи, в которой угрюмо колыхался атомный подводный крейсер.

Плужников, сойдя на лед, уклоняясь от летящих снежков, удалился туда, где померкли ртутный огонь прожектора и лихие крики товарищей. Шел по насту, слыша хрупкие скрипы, словно под ногами была натертая канифолью струна, откликавшаяся на осторожные прикосновения смычка. Воздух казался густым и сладким, словно сотовый мед. Звезды были близкими и огромными, как рубины и аметисты в часах, куда их вставили, чтобы мерно вращалось величественное колесо Мира, насаженное на тончайшую ось. Эту сияющую спицу, пронзившую небо, уходящую сквозь льды в океан,

погруженную в толщу планеты и оттуда, сквозь Южный полюс, улетающую в небеса, где такие же огромные, драгоценные звезды, - эту земную ось Плужников ощущал как тончайший луч, проколовший лед почти у самых его ног. Он приближался к лучу по нежно звучащей струне, испытывая благоговение. Это место Мира казалось нежным, чудесным. Из необъятного Космоса сюда вливались таинственные силы, питавшие Землю из бездонного сосуда жизни. Небо переливалось и вздрагивало зеленоватой прозрачной волной, как у горловины кувшина, из которого льется волшебная влага. Плужников слышал несущуюся из Космоса весть. Она была для него, была благодатной. Восхищаясь и благоговея, он смотрел в небеса, задавая все тот же неотступный вопрос: "Кто я? Скажи, кто я?"

Он увидел среди недвижных алмазов крохотное живое мерцанье. Малую точку, подобную драгоценной росинке. Росинка была в небе и одновременно в его сердце. Две чудесных таинственных вспышки искали друг друга. Небесная превратилась в легчайший бирюзовый крестик, и сердце, словно зеркальце, тут же его отразило. Снега озарились изумрудной зарей. Она стала голубой, золотистой. Небо бесшумно полыхало, волновалось цветами радуги. Казалось, летает огромная прозрачная бабочка, и сквозь ее стоцветные крылья просвечивает небывалое, вставшее в небе светило.

Четыре птицы снижались к Плужникову, каждая вылитая из цветного стекла. Держали в клювах натянутый, из алого шелка, платок. Шелк волновался, просвечивал, сквозь него туманно светили звезды. Другие четыре птицы, словно их выдул из драгоценного стекла небесный стеклодув, прилетели, держа в клювах платок золотистого шелка. Наложили один платок на другой, чуть сместили углы. Перед Плужниковым пылала восьмиконечная золотисто-алая звезда. Птицы, тянувшие клювами заостренные лучи, превратились в ангелов. Стояли на воздухе, вращая стеклянными крыльями, держали звезду, и она переливалась, наполненная ветром, словно чудесный парус.

В сердцевине прозрачной звезды возникла женщина: с прекрасным лицом, в легких покровах, не касалась босыми ногами снега, держала в руке алую розу. Вокруг нее золотился воздух, от нее изливалось тепло, исходило благоухание. Плужников испытал к ней такую нежность, пережил такое блаженство, что глазам стало жарко от слез, и женщина на мгновение превратилась в летучую радугу.

Он знал, что это была Богородица. Ее чудотворная икона из шелков, из лучей, из радуг стояла перед ним на цветных снегах. Богородица была выткана шелками на плащанице. Сделала шаг вперед. Коснулась стопой голубого сугроба.

- Ты меня звал, - сказала она, и голос ее был чудесно знаком. Напоминал голос первой учительницы. И молодой матери. И соседской девочки, которую нежно и чисто любил. - Ты звал меня и искал. Я пришла на твой зов…

Плужников верил, что видит ее наяву. Она была явью, а все прежнее было сном, который завершился волшебным пробуждением.

- Пришла сказать, что все вы, кто приплыл сегодня на лодке, - святые. Вами сохраняется Россия, сберегается у последней черты. Вам придется претерпеть, испить премного страданий. Подобно тем, кого я уже посетила. Верь в то, что я вас никогда не оставлю. Знай, что смерти нет. А есть любовь. Есть Жизнь Бесконечная…

Он почувствовал на губах ее поцелуй. Женщина отступила назад, в свои шелка. Откинулась в них, как в глубокий гамак. Ангелы превратились в стеклянных птиц. Держа гамак за восемь заостренных концов, понесли звезду Богородицы в расступившееся небо.

Еще мерцала удаленная точка, переливалась исчезающая алмазная росинка, колыхалось во льдах нежное зарево. Плужников отирал счастливые слезы. Шагнул туда, где только что было виденье. На снегу, прожженный маленькой горячей стопой, остался отпечаток. Подмерзающие края были усыпаны разноцветными льдинками. Среди студеного ветра пахло розой. Но уже хрипло рычал мегафон. Прожектор разбрасывал тревожные ртутные брызги. В полынье бугрилось черное тулово лодки. Командир созывал экипаж.

Крейсер "Москва" возвращался на базу, пробивая пустынную толщу вод. Убрал под железную обшивку перископ и антенны. Превратился в пузырек света и воздуха, летящий в глубине океана. Бесшумные приборы выбирали курс, рассчитывали расстояния до базы, держали лодку в горизонтальном парении. На глубине тридцати метров лодка попала в сильное подводное течение, сносившее крейсер к востоку. Автоматика рулей вносила поправку на скольжение, запрашивая у компьютера координаты места. Волчки гироскопов неутомимо, как прялки, наматывали на себя невидимые нити пространства.

Акустик Плужников прислонил ушные раковины к чутким мембранам приборов, и его розовое ухо распустилось, словно цветок, вышло за пределы стальной оболочки. Плыло в океанских потоках, внимая музыке подводных сфер, стеклянных песнопений, металлических рокотов, каменных хрустов и скрежетов, как если бы терлись друг о друга донные хребты, осыпались гранитные лавины, шелестели от подводного ветра кроны могучих деревьев. Это сталкивалась насыщенная солью вода с пресноводным течением, рождая печальный звук столкновения. Опускались в глубину охлажденные слои, продавливая тяжестью водяной купол, сотрясая гулами океанскую бездну. Звенела капля, ударяясь о другую. Вздыхала пылинка метеорита, упавшая в океан. Цокал панцирь креветки, скользнувший по лодке. Гудела ласта кита, толкнувшая сгусток воды. И среди голошений мира не умолкал нежный бессловесный голос, полный волшебной женственности, прекраснее которого не было ничего во Вселенной. Словно над лодкой продолжала струиться дивная звезда с золотистыми и голубыми лучами. Вслед кораблю в пучине мчались разноцветные ангелы. Алая роза плыла перед крейсером, источая благоухание.

Плужников уловил отдаленный, многократно заглушаемый звук, похожий на треск холста, когда лопаются крепко сотканные нити. Звук стал слышнее, резче, как если бы взрывались срезанные заклепки, стягивающие листы железа. Этот стучащий, режущий звук перешел в устрашающий грохот, словно долбил пулемет, укладывая пули прямо в ушную раковину. Ухо, набитое стальными сердечниками, закупоренное долбящим звуком, ужаснулось, кровоточило, желая спрятаться в глубину оболочки.

- По пеленгу восемьдесят обнаружена цель!.. Подводная!.. Классификация - "Колорадо"!..

Командир обратился к старпому:

- Они караулили нас на маршруте… Опять устроили гонки… Может быть, адмирал в неслужебное время участвует в ралли?

- Похоже, он выступает в "Формуле-1", - невесело отозвался старпом.

- Неподходящее место для гонок, прямо скажу. Глубины до ста метров. Вертикальный маневр затруднен. - Мысленным взором он обозрел океан, где обе лодки двигались параллельными курсами,

между поверхностью, где бушевал шторм, закручивая черные рулоны волн, и каменным дном с заостренными гранитными надолбами. - Полный вперед!.. Самый полный!..

Лодка сделала горячий вдох и ринулась мощно вперед. Вначале они скользили на параллелях, неуклонно сближаясь. Словно "Колорадо" давила "Москву" набухшей бортовиной, сгоняя ее с маршрута.

- Опасно маневрирует, гад, - сокрушался старпом, видя, как "Москва" плавно искривляет траекторию, стремясь сохранить дистанцию. - Обнаглели, суки! Был бы Советский Союз, не посмели бы!

- Мы теперь и есть Советский Союз… Столица нашей Родины "Москва"… Сбросить ход до десяти узлов!..

Лодка умерила неукротимый бег, отпуская вперед "Колорадо", которая, вопреки ожиданиям, не сбросила скорость, но стала равномерно и мощно удаляться, оставляя позади утомленный крейсер. Стремилась в норвежский порт, всласть нагонявшись за русской субмариной, продемонстрировав превосходство в маневре и ходе, показав обессиленным русским мощь американских реакторов, турбин и винтов. В Киркенесе, в ночном офицерском клубе, моряки придвинут к себе толстые стаканы с виски, станут смотреть, как в аметистовых вспышках у хромированной штанги танцует мулатка с фиолетовой грудью, доставленная "Боингом" из Нового Орлеана.

- Баба с воза, кобыле легче, - произнес старпом, видя, как лодка спрямляет дугу траектории, возвращаясь на прежний курс.

Плужников слушал отлетающий звук американских винтов, который напоминал теперь едва уловимый шелест пузырьков в бокале шампанского.

Томас Доу появился в центральном посту, где адмирал Грайдер вел управление субмариной, стоя перед обширным электронным экраном, на котором координатная сетка лучисто разбегалась от полюса к берегам Скандинавии, к Новой Земле и к северному очертанию Сибири. На электронной плоскости были видны обе лодки, разделенные голубым пространством; несколько сухогрузов, пробиравшихся вдоль Кольского побережья; русский эсминец, выполнявший на полигоне учебные стрельбы; два самолета-разведчика "Орион", барражирующие над эсминцем; американский сателлит,

ведущий разведку в районе главной базы русского флота. Нажатием клавиши адмирал вызывал на экране контуры донного рельефа, вектор течений, направление и скорость ветра в районе нахождения лодки. Доу застал его в тот момент, когда адмирал высчитывал время, оставшееся до возвращения "Колорадо" в норвежскую базу.

- Я вынужден вас отвлечь, адмирал, - Доу заиграл складками, искусно создавая на лице магическую геометрию. - Теперь, когда русская лодка вышла на мелководье и проходит узкость, вынужденно помещая себя в мешок, самое время вскрыть пакет, врученный мне министром обороны и зачитать приказ Президента…

Темная, отливающая синью бородка Доу, волнистые ироничные губы, легкий эффектный взмах руки, в которой оказался конверт, скрепленный малиновой сургучной печатью, придавали разведчику сходство с факиром, что вызвало раздражение адмирала. Оно проявилось в трепете лучистых морщинок у глаз, напоминавших прожилки на крыле серебристой бабочки. Жестом фокусника, готовым извлечь из конверта не лист бумаги, а шумную разноцветную птицу, или отрубленную женскую голову, или букет живых цветов, Доу сломал сургуч с оттиснутым американским орлом. Вскрыл конверт. Вытряхнул из него бумажный лист с нежно сквозящими водяными знаками. Направил на адмирала немигающие кристаллические глаза с набором кварцевых черно-желтых колец, затем перевел взгляд на бумагу, отчего водяные знаки слабо вспыхнули как голограммы, и голосом ведущего Си-Эн-Эн стал читать: "В целях обеспечения национальной безопасности Соединенных Штатов, исходя из стратегических интересов американского народа, беря на себя ответственность перед Богом и Америкой, приказываю уничтожить русский многоцелевой подводный крейсер "Москва", используя генератор ложных целей "Дух тьмы" и рельеф морского дна в районе атаки. Президент Соединенных Штатов…"

Томас Доу протянул листок адмиралу, сопровождая жест немигающим взглядом, от которого водяные знаки переливались как рыбьи чешуйки. Адмирал принял лист белой бумаги, прочитал, поворачивая на свету изысканный иероглиф Президента, отливавший лаком застывших чернил.

- Вы хотите уничтожить лодку с атомными реакторами на борту, с ядерными торпедами и комплексом ядерных крылатых ракет, а также с

грузом спецоружия, взрыв которого сместит полюс на двести километров? Вы хотите это сделать в мирное время, когда Россию и Штаты скрепляют партнерские отношения? - лицо адмирала напоминало слоновую кость, на которой грубый резец выточил губы и нос.

- Хочу не я, а наш Президент, за которого вы голосовали, адмирал, и который является вашим Верховным Главнокомандующим. - Доу сжимал в кулаке черный клин бородки.

- Вы не можете не знать, что повреждение реакторов лодки вызовет радиоактивное заражение океана на пятьсот километров в окрестности!

- Точка атаки выбрана с учетом морских течений, которые понесут массы зараженной воды к берегам Сибири и в Белое море в район Архангельска. Европе ничто не грозит. Весь удар радиации примет на себя Россия, в которой действует демографическая программа, направленная на сокращение избыточного населения.

- Мы должны отдавать себе отчет, что нападение на русскую лодку будет означать начало войны. Ответом могут быть немедленные пуски русских ракет, чья численность все еще позволяет нанести эффективный ответный удар!

- Мы контролируем русский ядерный потенциал. Программа "Антитеррор" позволила нам проникнуть в систему управления русских ракет и, в случае необходимости, блокировать их пусковые коды. Кроме того, мы эффективно воздействуем на политическое руководство России и с момента атаки немедленно активизируем каналы нашего влияния.

- Имитационная система "Дух тьмы" была использована в условиях полигона, в теплых водах вблизи Сан-Диего. Здесь же, в холодных водах Арктики, практически в боевых условиях, нет уверенности в эффективности установки. Ложный, создаваемый "Тьмой" образ может не сложиться. Русские не воспримут его как "Колорадо", не станут маневрировать, и тогда нам грозит реальное столкновение!

- Пусть это вас не тревожит, адмирал. Ультразвуковые сигналы "Тьмы" будут сопровождаться мощной экстрасенсорной посылкой, которую я готов ретранслировать от источников, расположенных на Восточном побережье Штатов. Семь магов, гордость "Нэви

Энелайзес", в эти минуты находятся в разных точках Атлантического побережья. Нацеливают на меня свое биополе, которое я, вслед за "Тьмой", превращу в могучее средство атаки.

- Но это безумие!

- Адмирал, выполняйте приказ Президента! Иначе я вас арестую и приму командование лодкой! - Томас Доу погрузил свои кварцевые раскаленные трубки в глаза адмирала, и они задымились, наполнив глазницы горячим розовым пеплом.

- Я выполню приказ Президента, - вяло, словно во сне, произнес адмирал Грайдер. Шагнул как лунатик… - Курс сто восемьдесят… Скорость тридцать узлов… Задействовать имитаторы целей… Оператора "Тьмы" на Центральный пост…

- Командир, они возвращаются!.. - старпом на электронном экране зло и тревожно рассматривал встречную цель, возникшую по курсу "Москвы". Цель приближалась. Ступенчатый импульс, обработанный компьютером, распался на множество синусоид. Словно струйки растаявшего ледяного кристаллика, они заструились в электронном русле компьютера. Каждый ручеек был звуком, излетавшим из турбулентного следа винтов, из растревоженной толщи, сквозь которую проходила лодка, из потоков, омывавших гладкое тулово, из мягко рокочущих подшипников, в которых вращался вал, из раскаленного пара, толкавшего лопатки турбин. Каждый из этих звуков исследовался, сверялся, запускался в память компьютера, хранившего миллионы подводных звучаний, и говорил о том, что уловленная сонаром цель была американской лодкой-убийцей "Колорадо", которая на встречном курсе опасно сближалась с "Москвой".

- Продуть носовые!.. Лева руля!.. - командир повел лодку к поверхности, ломая курс, удаляя крейсер от опасного скалистого дна.

- Снова на встречном!.. Идут прямо в лоб!.. - старпом сделал стойку, уперев ноги, набычив шею, сжав кулаки, словно ждал столкновения.

- Право руля!.. Самый полный!.. - лодка, повинуясь рулям, тяжко вильнула, соскальзывая с острия, которое надвигалось на нее из непроглядной пучины.

- Нервы наши испытывают, - зло сказал командир. - А у нас вместо нервов проволока…

- У них титановый форштевень, специально для таранных ударов… Под углом в двадцать градусов вспарывает обшивку, отламывается как зуб. "Колорадо" уходит, оставляя нож в груди погибающего врага.

- Это они с индейцами так обходились… А мы русские… Под нож себя не подставим. Они не пойдут на таран, жить хотят. У них коттеджи на Атлантическом побережье, их жены тюльпаны выращивают, детишки на "кадиллаках" в колледжи ездят. У них жизнь дорогая и сладкая, не то что у нас. Им есть что терять…

- Идут в лобовую атаку!..

- Продуть кормовые!.. Лева руля!.. Поднырнем под них!.. Штурман, дайте донный рельеф!.. Сообщите запас по вертикале!..

Акустик Плужников слушал, как ревут наушники, словно в них грохотал и вибрировал прокатный стан. Барабанные перепонки разрывались от стука, будто сквозь ухо проходила стальная колея, по которой несся безумный состав. Наушники превратились в две рычащих пасти, которые выдыхали хриплый звериный рык.

Окруженный экранами, жалящими вспышками электронных табло, хрусталем циферблатов, командир слышал беззвучный гул приближавшейся смерти. Она поместила себя в его ослабевших костях, влилась и застыла в остановившемся разуме, вплелась в окаменевшую волю. Последняя хрупкая мысль мерцала как струйка слюды в толще гранита. Старпом, похожий на остывающую чугунную отливку, стоял рядом. В его глазницах был рыхлый розовый пепел. Командиру казалось, что в лодку сквозь сталь проникает таинственное излучение, от которого зашкаливают приборы, искрят контакты, сворачивается кровь, останавливается дыхание. Будто в лодку из пучины заглядывал чей-то огромный, завораживающий, мертвенный глаз.

- Лева руля… - слабо прошептал командир и увидел, как из бездны кинулось на него отвратительное страшное чудище. Впилось зубами в сердце. Стало когтить и драть.

Успел послать в ходовую последний приказ:

- Продуть кормовые!.. Полный вперед!..

Лодка с дифферентом на нос, на бешеном ходу, пыталась поднырнуть под ревущее облако звука. Провалилась ко дну, пропуская над собой грохочущий вихрь. Стремилась взмыть, заложив до предела

рули, но не справилась с управлением и ударила в дно. Стала биться стальной головой о гранитные скалы, вздымала ил, сотрясалась от ударов и скрежетов. Сплющила лобовую обшивку, в которую были заложены трубы торпедных аппаратов и покоилась одна из торпед. Волна удара прошла по торпеде, и та взорвалась в тесноте трубы. Брызнула огнем в океан и внутрь головного отсека. Газы, расширяясь, уничтожили торпедистов, подорвали комплект боевых торпед, превратив головную часть лодки в гигантский огненный шар. Взрыв раздвинул океанскую толщу, вскипятил рассол, толкнул во все стороны ревущую тучу пара. Лодка превратилась в громадную головню, которая билась о дно. Плазма огня уничтожила пульты, перископ и компьютеры, испарила живую плоть. Превратила командира и штурмана, старпома и шифровальщика в летучие россыпи атомов. Подхваченные вихрем, они унеслись из лодки вместе с раскаленной водой. Утратив пятую часть длины, с раскрытыми наружу огромными ломтями железа, лодка еще продолжала дергаться, скрежетала о дно, покуда не улеглась на грунт. Слабо вздрагивала, окутанная илом, выталкивая пузыри ядовитого газа. Была похожа на огромную рыбину с оторванной головой, из которой вытекала вялая муть.

Взрыв лодки зафиксировали самописцы норвежской сейсмической станции. Ударная волна настигла проплывавшее стадо китов, и у беременной касатки случился выкидыш. Зародыш плавал в кровавом пузыре, и рыдающая самка подталкивала его носом. В баре на базе гулящая девица Нинель вдруг обмерла, уронила бокал с вином и упала на пол без чувств.

Акустик Плужников слышал приближение чудовищной каракатицы, испускавшей реактивный рев. Казалось, в уши ему вставили два сверла, они с рокотом дробили кость, погружались в череп, выплескивая ошметки мозга. Взрыв, отломивший головную часть лодки, катился вглубь, сметая на пути переборки, вталкивая в отсеки ревущее пламя и пар. Был остановлен в третьем отсеке, куда сквозь трещину в люке проникло жало огня и, шипя, полилась вода.

Плужникова сорвало с места, шмякнуло о стену, ударило головой о трубопровод. Оглушенный, выпучив глаза, он смотрел, как искрит поврежденный кабель, из лопнувшей гидравлики пылит эмульсия, мигает лампа аварийной тревоги, сопровождаемая истошной сиреной. Яркий свет погас. Тотчас загорелась тусклая лампа резервного

освещения. Оглушенный, он попытался подняться, и в лицо ему ударила маслянистая вонючая гидросмесь. Бенгальский огонь короткого замыкания продолжал искрить, и он подумал, что сейчас произойдет возгорание эмульсии и отсек превратится в пекло. Потянулся к огнетушителю, понимая жуткую правду случившегося, но стал падать в обмороке, успев разглядеть в свете лампы липкий язык воды, набегавший на покрытие пола.

В реакторном отсеке бушевал пожар. Захлебывался ревун. На диспетчерском пульте воспаленно вспыхивало табло тревоги. Сквозь дым ошалело мигали огоньки индикаторов. Удар, поломавший лодку, привел в действие автоматическую блокировку реакторов. Стержни графита упали в раскаленную топку, прервали реакцию.

Энергетик Вертицкий в соседнем отсеке, сотрясенный взрывной волной, обморочно видел, как моряки напяливают защитные комбинезоны, натягивают на головы кислородные маски. Реактор из нержавеющей стали, окруженный титаном, опутанный водоводами с кипятком и перегретым паром, нес в себе огненный ядовитый комок. Вертицкому казалось, что этот клубок находится в его черепе и хрупкие кости едва удерживают пылающий клубень. Сейчас они разлетятся по швам, отрава брызнет наружу, прольется в океан, превратится в фиолетовое зарево отравленных течений. Смертоносный завиток достигнет побережья, плеснет невидимой смертью на города и поморские деревни. Россия начнет темнеть и сворачиваться как опаленная огнем береста. Вертицкий повернул рукоять переходного люка, отломил тяжелую круглую крышку, из которой шумно хлынуло красное пламя. Нырнул в него, слыша, как чмокнула сзади сталь закрываемой крышки, намертво отделяя один отсек от другого. Пламя сжирало пластик, сверху капал липкий огонь. Стоя под обжигающей капелью, Вертицкий нашел на пульте заветную клавишу ручной блокировки, нажал, и еще один намордник был наброшен на пасть реактора, запечатав в ней брызжущий ядом раскаленный язык.

Одежда его горела, волосы на голове дымились, стопы прилипали к расплавленному пластику. Он кашлял, хрипел. Упал на пульт, закрывая грудью мерцающие индикаторы, каждый из которых вкалывал в него разноцветную иглу. Сработала автоматика пожаротушения. В отсек из клапанов хлынул бесцветный газ фреон. Огонь погас, и Вертицкому, умершему от ядовитых испарений,

казалось, что он вышел из лодки в сад, под мелкий прохладный дождь. Под яблоней, в мокрой стеклянной листве, стоит его покойная бабушка. Улыбается, протягивает сочное яблоко.

Оружейник Шкиранда был застигнут ударом, когда находился на вахте в отсеке спецоружия, где в контейнере покоилась топографическая бомба, или, как называли ее моряки, "Рычаг Архимеда", - белоснежная, похожая на акулу ракета, испещренная красными и черными литерами. Старт ракеты с термоядерной боеголовкой предполагал одновременный поворот двух пусковых ключей, вставленных в замки на центральном посту, командиром и старшим помощником. Центральный пост с электроникой, а также командир и старпом, превратились в россыпи атомов. Их несло в океанских течениях, где они сталкивались с подобными атомами, бывшими когда-то известными людьми, могучими кораблями, великолепными животными и растениями.

Бомба с оборванными системами запуска, сотрясенная взрывом, таила возможность самопроизвольного пуска. За сотни километров от подбитой лодки в океане мелькнет огненный всплеск, донный толчок колыхнет земную ось, выбьет ее из подшипника, и она начнет гулять и раскачиваться, порождая в Мировом океане грандиозные бури, кидая взбесившийся океан на материки.

Шкиранда не думал об этом, когда остался в черном, без света отсеке, куда, вереща из проломленных швов, летела вода, брызгала в рот соленой горечью и лупила ледяными палками по спине. Он пробирался по колено в воде, хватая на ощупь пусковые приборы, отыскивая клавишу ручной блокировки. Нащупал, погладив пальцем ее пластмассовую, с легким углублением, плоскость. Утопил, ощутив упругий щелчок, что означало - ракета намертво вморожена в контейнер, как вмерзает бивень мамонта в кристалл полярного льда. Затем присел на стул, оказавшись по пояс в воде. Слушал, как шумит над головой огромный водосток. Мокрый холод медленно достигал груди. Когда его залило по горло, он встал со стула и еще пытался плавать в черной ледяной воде, покуда голова его не коснулась потолка. Он умер от переохлаждения и ужаса, булькнув напоследок тоскливым и горьким вскриком. Вынырнул из чернильной тьмы по другую сторону жизни и оказался в деревенской, жарко натопленной бане. Над его головой в радужном тумане трепетал душистый

березовый веник. Покойный дядька, жилистый, стеклянный от пота, с синей наколкой в виде грудастой русалки, похохатывая, хлестал его шумящим зеленым вихрем.

Уцелевшие моряки, оглушенные, с помраченным рассудком, собрались в хвостовом отсеке. При мутном свете резервных светильников извлекали кислородные маски, натягивали на побитые тела гидрокомбинезоны, надеясь покинуть лодку через аварийный люк. Но удар, прокатившийся от носа к корме, деформировал лодку, люк заклинило, и они тщетно старались расцепить кромки стиснутого железа. Через трещины и свищи, смещенные сальники и разрушенную герметизацию в лодку медленно поступала вода. Корпус чуть слышно постанывал, вздыхал, по нему, едва ощутимая, пробегала судорога. Что-то журчало, хлюпало, капало. В воздухе, вокруг светильников, начинал скапливаться холодный желтоватый туман, и моряки вдыхали его маслянистую, с привкусом железа, горечь.

Аварийный буй, всплыв на поверхность, посылал сигналы SOS. На эти отчаянные, стократ повторяемые призывы отзывались затерянные в океане корабли, летящие над морем самолеты, транслировали на берег страшную весть. И уже торопился на помощь из района учений русский эсминец, поворачивал к северу, меняя курс, норвежский сухогруз. Командующий флотом, теребя над картой усы, весь белый от горя, направлял в район аварии поисковые самолеты и спасательные корабли…

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В Грановитой палате Кремля, где покатые своды и каменные столпы украшены алыми и зелеными фресками, где нимбы святых и пророков похожи на нежные золотые одуванчики, есть евангельский сюжет о волхвах, идущих за Вифлеемской звездой. Три странника-зороастрийца, в долгополых нарядах, в пышных тюрбанах и фесках, ставят узорные туфли на тонкие травы и нераскрытые бутоны цветов. В их руках корзины с дарами, - золотые монеты, свитки драгоценных материй, флаконы с благовониями. В небе, похожая на лучистое колесо, окруженная многоцветным сиянием, катится дивная звезда, указывая путь на восток. И можно бесконечно стоять перед фреской, любуясь звездой и цветами, вдыхая запахи таинственных трав, рассматривая узоры на тканях, веря в чудесное рождение Младенца, в явление волшебной звезды.

Не всякий глаз и не сразу различит в стене едва заметную дверь, упрятанную в заросли нарисованных диковинных листьев. За потаенной дверью, растворяемой на звук сокровенного слова, открывается просторный зал, уставленный стеклянными шкафами. На полках, среди мягкого света, расставлены подарки, поднесенные Президенту России почитателями его мудрых деяний, сторонниками его властных свершений, поклонниками его ума и таланта. Хранилище подарков зовется "Пещерой волхвов". Лишь самые близкие друзья Президента, самые званные гости Кремля допускаются в заветную комнату.

На самом почетном месте - дар Президента Америки. Скальп последнего ирокеза, застреленного из "винчестера", увенчанный ритуальным убором. Сизые маховые перья орла, жемчужное хвостовое оперенье цапли, пух белого лебедя, иссиня-черные крылья тетерева. И тугие, плотно сплетенные косы, содранные с гордой головы вождя. Подарок русскому другу с надписью на медной табличке: "Русские не ирокезы, не так ли?"

Презент германского канцлера. Бюст философа Канта, отлитый из нержавеющей крупповской стали, источающей белое сияние. Во лбу философа инкрустированная перламутровая пуговка от бюстгальтера

Евы Браун с изящной маленькой свастикой. И надпись: "Кенигсберг сближает немцев и русских".

Тут же подношение премьер-министра Японии. Самурайский меч с рукоятью, украшенной тремя зелеными яшмами, символизирующими острова Курильской гряды. Каждая яшма окружена каймой лазурита, словно зеленый остров охвачен морским прибоем. И надпись: "Мир в обмен на землю".

На отдельной полке лежали дары мировых корпораций. "Макдональдс" - сочный, цветастый "гамбургер", из которого, вместе с томатным соусом, изливалась мелодия "Гимна России". "Майкрософт" - суперкомпьютер, созданный на основе мозговых полушарий гениального русского мальчика. Нефтяная компания "Шелл" - отрезок трубопровода "Басра - Кейптаун", изготовленный по новейшим технологиям из прямой кишки пленного иракского солдата.

Отдельно располагались подарки от русской элиты.

Мэр Москвы вручил игральный автомат в виде уменьшенного московского храма, белоснежного, с золотыми куполами, барельефом святых и подвижников. Если повернуть золоченую главку, из автомата начинали вылетать новенькие зеленые доллары, и знакомый голос мэра возглашал: "Да здравствует наш Президент!"

Старейший российский политик, мудрец советской эпохи, знаток арабского мира, неутомимый тамада грузинских застолий, автор эзотерических текстов, рафинированный масон, соединяющий стены, пол и потолок масонского храма, за что и получил вещее прозвище Плинтус, подарил Президенту серебряный перстень с пеплом сожженного тамплиера и надписью: "Горю не сгорая".

Генералы Генштаба преподнесли высушенную, провяленную ногу чеченца Басаева, оторванную миной в окрестностях Грозного. На пальцах были золотые кольца. Раздробленные кости и сухожилия были спрятаны под колпак в виде головки реактивного снаряда. На штативе была шутливая надпись: "Не с той ноги встал".

Особый подарок был от бывшего Премьера в правительстве Могучего Истукана, чьей милостью властвовал и правил нынешний удачливый Президент. Большой любитель всевозможных охот, Премьер просунул в медвежью берлогу гранатомет и единым выстрелом накрыл всю семью. Подарок являл собой колбу с эликсиром долголетия, в которой, соединенный с проводками и стимуляторами,

плавал глаз медвежонка. Блестящее черное око, если в него заглянуть, хранило последнее видение убиваемого зверя, - смеющееся лицо Премьера, его добродушный хохочущий рот.

Отдельно от прочих даров, в хрустальной призме, озаренное бриллиантовым светом, лежало темно-лиловое, в наростах и опухолях, сердце Могучего Истукана, извлеченное из утомленной груди, куда искусные хирурги вкатили сочное алое сердце беловежского зубра. Истукан, передавая власть молодому преемнику, одарил его своим сердцем, которое сжималось и вспучивалось, издавая гулкие стуки. Под эти ритмичные удары на кремлевском дворе маршировала рота почетного караула, а в Большом театре прелестные балерины плясали танец маленьких лебедей.

Каждое утро в "Пещеру волхвов", пройдя по извилистым переходам Теремного Дворца, минуя мрамор и золото озаренного Георгиевского зала, легко прошагав по Грановитой палате, среди сюжетов русской и библейской истории, спускался Президент, именуемый в народе Счастливчиком. Здесь его встречал любимый советник, сердечный и верный друг, устроитель кремлевских приемов, управитель придворных слуг и чиновников. Владея теорией и технологией власти, будучи неутомимым творцом, он превращал политику в театральное действо, в костюмированный бал, в демонстрацию политической моды, за что и был наречен Модельером.

Они встречались, чтобы Счастливчик под бдительным оком Модельера примерил несколько масок, в которых потом, в течение дня, он будет явлен народу. Эти маски примерялись у огромного сверкающего зеркала, перед которым позировал Счастливчик. Каждый его жест и улыбку, каждое мановение тонкой изящной руки фиксировал телеоператор из особой президентской компании.

- Ну что, мой любезный друг, каковы последние сплетни, - Счастливчик стоял перед зеркалом, примеривая сферический шлем спецназа с пуленепробиваемым стеклом, слоистой стальной оболочкой, куда был вмонтирован лучистый фонарь, прибор ночного видения, две маленьких чутких антенны, напоминавшие рожки улитки. В шлеме скрылось его аристократическое бледное лицо с женственными золотистыми бровями, из-под которых внимательно, чуть печально смотрели серо-голубые глаза. Сквозь окно в шлеме

виднелась хрупкая переносица и милые, слегка оттопыренные губы обиженного ребенка.

- Что происходит в нашей богоспасаемой Думе среди чванливых народных избранников? - Эти слова приглушенно прозвучали из глубины стальной сферы. Счастливчик поворачивал перед зеркалом невысокое стройное тело, затянутое в кожаный комбинезон. Множество карманов и петель были приспособлены для хранения гранат, магазинов, десантных ножей, сухих галет и медикаментов. В руках ладно лежал автомат, которым он целился в зеркало, а потом, ловко, навскидку, переводил на незримую подвижную цель. В этом обличье он намеревался посетить отряд спецназа, отправлявшегося в Чечню. Оператор двигался вокруг, снимая его плавные, напоминавшие балет, движения, чтобы показать народу Президента, полководца кавказской войны.

- Не поверите, товарищ Верховный Главнокомандующий… - Модельер стоял чуть поодаль, скрестив на груди руки. Прищурил темные, с фиолетовым отливом глаза. Слегка откинул гордую красивую голову с артистической гривой черных волос, с сильным носом, напоминавшим носы королевского дома Бурбонов. Он казался скульптором, придирчиво и любовно озиравшим свое творение. - С этими избранниками, право слово, и смех и грех. Когда один из коммунистов по обыкновению стал патетически возглашать: "Отдайте землю крестьянам!" - депутат пропрезидентской фракции подошел к нему с совковой лопатой и высыпал кучу земли. Дума аплодировала, а коммунисты в знак протеста покинули зал заседаний.

Было видно, как в прозрачной оболочке шлема улыбаются губы Счастливчика. Именно эту милую, незлую улыбку и грозную сталь автомата, которую сжимали маленькие руки в перчатках, уловил оператор, чтобы в утренних новостях на них полюбовался народ.

- А что происходит в сообществе сильных мира сего? - так Президент называл миллиардеров, владельцев компаний и банков, чьи неуемные притязания друг к другу, тлеющие конфликты и распри требовали неусыпного внимания власти. - Удалось погасить спор "никелированных кастрюль" и "алюминиевых мисок"?

- Я пригласил владельцев "Северного никеля" и "Южного алюминия" на демонстрацию, где тысячи голодающих женщин под красными знаменами лупили ложками в никелированные кастрюли и

алюминиевые миски, скандируя: "Буржуев - на фонарь! Недра и заводы - народу!" Это зрелище образумило металлургических магнатов, и они увеличили отчисления в "Фонд поддержки ОМОНа". Ты не представляешь, как были напуганы олигархи этими предвестницами бабьего бунта! - Модельер счастливо смеялся, открывая сочные красные губы, обнажая белизну зубов. Его волнистые блестящие волосы красивой гривой ниспадали на плечи. Он смеялся, а сам придирчиво наблюдал работу старательного оператора, чтобы снимаемый сюжет попал в дневные телевыпуски.

- А что интеллигенция, эта капризная и болезненная вдовица? Надеюсь, довольна озвученным мною списком лауреатов литературных премий? - Счастливчик уже вживался в новый образ. Он должен был посетить общежитие матерей-одиночек и сделать там заявление, призванное увеличить рождаемость. Стоял перед зеркалом голый по пояс, приподымаясь на носки и делая балетное па. Его гибкое тело с длинными сильными мышцами было пропорционально, как у античной статуэтки. На груди чуть курчавилась золотистая прозрачная поросль. Ноги и торс облегало розовое шелковое трико, под которым бугрились аппетитные клубеньки. Пояс стягивала шелковая желтая перевязь. На ногах красовались туфли на высоких каблуках с крупными серебряными пряжками. Он напоминал солиста балета, танцующего тореадора. В таком виде, как справедливо полагал Модельер, он будет привлекателен для женщин среднего возраста.

- Болезненная вдовица? Ты, как всегда, безукоризненно точен в подборе имен. Особенно радовалась интеллигенция признанию заслуг нашего восхитительного юмориста, который, как вы знаете, заболел расстройствами, после того как у него похитили любимый "джип". Получая премию, он так разволновался, что даже пукнул. Возникло замешательство, но он тут же исправил неловкость: "Теперь, господа, я - лауреат Пукеровской премии". Все были в восторге.

Оператор мягко, по-медвежьи, топтался вокруг, добывая бесценные кадры для вечерних новостей, когда с первыми сумерками у женщин возрастает чувственность и узнаваемый кумир в розовом трико с мужественными выпуклостями между ног будет наверняка услышан поклонницами.

Слегка утомленный переодеваниями, переменив дневную норму масок, Президент облачался в легкий серый костюм и шелковый

галстук, с удовольствием застегивая на правом запястье удобный браслет из платины.

- Мне бы хотелось узнать, дорогой Модельер, как отразилось на рейтинге мое вчерашнее выступление в обществе "воров в законе". Думаю, это должно прибавить мне популярность в местах заключения, где, по некоторым сведениям, усиливаются антипрезидентские настроения. Прикажи-ка позвать оператора президентского рейтинга…

Радиосигналом был вызван морской офицер с чемоданчиком, подобном тому, в котором хранятся пусковые коды ядерных ракет. Строгий как жрец, с аскетическим лицом преданного служению волхва, уложил на стол чемоданчик. Сделал несколько ритуальных движений, открывая инфракрасный замок. Приложил ладонь жестом клянущегося на Библии свидетеля. Согласно инструкции отвернулся, словно боялся лицезреть таившееся в чемоданчике божество.

Чемоданчик раскрылся. И внутри драгоценно затрепетало, золотисто запульсировало электронное табло, где плескался, подобно влаге, прозрачный свет. В этом космическом трепете, в чутком колыхании хрупко мерцал серебристый столбец, непрерывно вздрагивая, откликаясь на легчайшие толчки и колебания. Напоминал термометр, реагирующий на мельчайшие изменения температуры. Там, куда подлетала вершина столбца, загорались и гасли нежные электронные цифры - 12, 13, 11, - словно танцевало изящное лучистое насекомое.

- Ура! - оживился Счастливчик, затягивая перед зеркалом шелковый узел галстука, победно оглядываясь на волшебный прибор. - Вчера было десять. Целых два процента подарила мне встреча с "ворами в законе". Распорядись, дорогой Модельер, чтобы в места заключения разослали календарики с моей фотографией.

Прибор, показывающий истинный рейтинг Президента, являл собой государственную тайну, а пляшущие электронные цифры приравнивались к высшим секретам государства. За их неразглашением следила особая служба безопасности. В России, где были уничтожены ядерные силы и сведена на нет система управления ракетными шахтами, бомбардировщиками и подводными лодками, все антенны дальнего обнаружения, все узлы космической и наземной связи служили установлению истинного рейтинга Президента.

Электромагнитные поля охватывали все пространство страны, омывали каждое селение и город, проникали сквозь бревенчатые венцы и бетонные стены. Бесшумными касаниями щупали мозг человека, узнавая истинное отношение гражданина к своему Президенту. Параболоиды гигантских антенн, стальные мачты и парящие в Космосе чаши собирали по каплям драгоценное знание. Оно стекалось в Москву, в огромную призму великолепного здания, возведенного по чертежам Корбюзье. Днем и ночью на мощных компьютерах шла обработка информации. Секретный чемоданчик в руках морского офицера откликался на малейшие колебания рейтинга. Эти сокровенные электронные цифры не имели ничего общего с рейтингом, что высвечивался циферблатами на перекрестках города, пылал на фасадах высотных домов, звучал из мобильных телефонов, если нажималась специальная кнопка, оповещал по радио и телевидению наряду с курсом рубля и доллара. Во всех магазинах за небольшую цену можно было приобрести домашний рейтингомер, напоминавший колбочку песочных часов, в которой, словно пленная бабочка, плясали цифры рейтинга. Как правило, они колебалась между 79 и 81, что соответствовало норме и обеспечивало социальную стабильность в стране. Сокровенный же рейтинг был известен только двоим - Счастливчику и Модельеру. Вся деятельность Президента, его выступления, поездки и встречи, его костюмы, прическа и мимика, даже форма и цвет педикюра, сводились к обслуживанию собственного рейтинга, мистического кода, определявшего судьбу государства. Управлением страны занимались иные люди. Ему же, Счастливчику, отводилась невыносимо тяжкая роль - сотворение рейтинга. И он с ней блестяще справлялся.

Завершилось утреннее примеривание масок. Несколько освободившихся минут Счастливчик посвятил изъявлению своей признательности Модельеру:

- Мы с тобой неразделимы как предмет и его отражение в кристальной воде. И неясно, где предмет, а где отражение. Ты делаешь для меня так много, что, кажется, забываешь о своем собственном благе. Знай, что будущее, к которому мы стремимся, принадлежит нам обоим. Ты можешь взять себе лучшую его половину.

Модельеру было сладостно это услышать. Нерасторжимость их судеб означала утонченную власть, которой он обладал над

Счастливчиком.

- Мой друг, приближается время, когда мы должны уединиться и я раскрою тебе весь ритуал предстоящего Праздника века. Я задумал его как мировую мистерию, в процессе которой Москва становится центром планеты - Четвертым Римом. А ты, с согласия лидеров мира, с благословения Патриарха, Папы Римского, Далай Ламы и иудейского Первосвященника, венчаешься на Вселенское царство. Я поделюсь с тобой нерешенными проблемами, непреодоленными рисками, но ты будешь рад, узнав, как много сделано для предстоящей мистерии.

- Ты прав, мой друг. Пора поговорить о подробностях. Сведения о празднестве и предстоящем венчании просочились в прессу и отлично сказались на рейтинге, повысив его на целых полтора пункта. Когда я вчера встречался с ветеранами, со скинхедами, с жертвами холокоста, с глухонемыми, с рабочими птицефабрики и дипломатическим корпусом, раздавались вопросы, не означает ли предстоящее венчание переход от президентской республики к монархии. Мы должны продумать это во всех нюансах.

- Но уж если ты заговорил об этом, то, тем самым, вынудил меня сделать одно признание, быть может, и преждевременное… Я могу доложить предварительные результаты исследования, которые предпринимаются Академией наук, Институтом древних рукописей, отделами геральдики Эрмитажа и Исторического музея, а также генетическими лабораториями Министерства обороны. Ты знаешь, мы изучаем твое генеалогическое древо. Предпринимаем этнографические экспедиции в твои родовые места. Заложили несколько раскопов на месте деревень и посадов, где, предположительно, обитали твои предки. Проведены сравнительные анализы твоей крови, частичек кожи, волос и ногтей, а также остатков костного вещества, взятого из усыпальниц Ивана Грозного, Петра Великого и Государя Императора Николая Второго. Их сличение, а также данные лингвистической экспертизы, исследование родовых грамот, синодников, монастырских списков и царских архивов, антропологическое сопоставление твоих фотографий с парсунами, портретами и гравюрами августейших особ позволяют нам с высокой степенью достоверности утверждать, что ты ведешь свое происхождение от Рюрика. Ты - Рюрикович, и нет династических препятствий к тому, чтобы в твоем лице восстановилась прерванная монархия.

Модельер видел, как неистовой радостью сверкнули серо-голубые глаза Счастливчика. Счастливчик повернулся к зеркалу, откинул назад гордую голову, выставил вперед ногу, стал похож на Павла Первого с портрета Щукина - та же властная осанка, надменный подбородок, повелевающий взгляд.

- Я догадывался… - восторженно прошептал Счастливчик. - Мне снилось… Мои великие предки… Князь Святослав… Владимир Красное солнышко… Иван Четвертый… Спасибо тебе за долгожданную весть, мой друг…

Дверь приоткрылась.

- Господин Президент, на проводе Главком ВМФ, - полковник правительственной связи, ведающий секретными переговорами Президента, переступил порог, раскрывая футляр, где на сафьяновом ложе покоились две одинаковые телефонные трубки малахитового цвета с перламутровыми кнопками. Такие трубки использовались для переговоров с высшими должностными лицами государства и были параллельно подключены к защищенным от подслушивания линиям. Счастливчик и Модельер взяли каждый по трубке, чтобы одновременно участвовать в разговоре.

- Товарищ Верховный Главнокомандующий… Верховный Главнокомандующий… - в трубке металлически зазвучал удаленный голос, в котором каждое слово было окружено эхом, словно прозрачной тенью. - Докладываю о происшедшем на Северном флоте ЧП… На флоте ЧП… Ракетоносный подводный крейсер "Москва", носитель спецзаряда под кодовым номером семьсот четыре дробь шесть, выполняя учебное плавание, был атакован, предположительно, американской подводной лодкой класса "Колорадо"… Класса "Колорадо"… В результате атаки получил пробоину и затонул в районе, удаленном от основных корабельных маршрутов и трасс… Маршрутов и трасс… В район затопления посланы корабли Северного флота, оборудованные спускаемыми аппаратами, водолазами и системами спасения… Системами спасения… Осуществлен первый контакт с уцелевшими моряками… Уцелевшими моряками… По предварительным данным, реакторы крейсера "Москва" остановлены, радиоактивных утечек нет… Утечек нет… Спецзаряд семьсот четыре дробь шесть блокирован, самопроизвольный пуск исключен… Пуск исключен… Лодка "Колорадо" уходит к прибрежным водам Норвегии,

предположительно, в порт Керкинес… Порт Керкинес… Прошу разрешения на атаку возмездия силами морской авиации… Морской авиации…

- Боже мой!.. - ужаснулся Счастливчик, став моментально белым как слоновая кость. - Это чудовищно!.. Мой рейтинг!.. Сколько там моряков?.. Что такое "спецзаряд семьсот четыре дробь шесть"?.. Как могла "Колорадо"?.. Еще месяц назад друг Джорд подарил мне ковбойскую шляпу и скальп ирокеза… Мы кушали барбекю и танцевали под музыку "кантри"… Это объявление войны?.. Мировая война в период стратегического партнерства?.. А как же мой рейтинг?.. - он держал малахитовую трубку в стороне от своих шевелящихся губ.

Модельер знал за Счастливчиком эту моментальную всеохватную панику, когда его воля превращалась в пыль, глаза становились круглыми, как у выхваченного из лунки окуня, который, вяло повиляв на льду хвостом, костенеет в параличе. Для таких минут президентской слабости и был поставлен рядом с ним Модельер.

Мгновенно и страстно осознал весь ужас случившегося. Переосмыслил катастрофу как грандиозный повод для трагического всенародного действа, поминальных молебнов, надгробных рыданий. Сборища вдов и сирот, среди которых, весь в черном, с заплаканными глазами, с тонкой свечой в руках, появляется Президент. Отец и утешитель народный. Радетель, сплотивший вокруг себя потрясенную горем нацию. После прилюдного многодневного действа, разносимого телевидением по всем уголкам страны, две пляшущие огненные цифры в секретном чемоданчике сложатся в 85.

В сознании Модельера стали возникать яркие, черно-золотые эскизы панихиды. Отрывки слезных речей и стенаний. Скульптурные фрагменты памятника погибшим подводникам. Счастливчик, минуту назад представлявший из себя тучу распавшихся молекул, вновь овладел собой. В щеки ему прыснул легкий румянец. Он приблизил телефонную трубку к вытянутым, напоминавшим хоботок губам. Соединил их через линию кодированной связи с волосатым ухом флотоводца.

- Слушайте мой приказ!.. Ускорить спасательные работы!.. Бросить весь штат водолазов в район аварии!.. Преследовать лодку-убийцу силами противолодочной авиации!.. Привести в боевую готовность ядерные силы подводного и надводного флота!..

Информировать меня об обстановке каждые тридцать минут!.. Предупреждаю, если в результате аварии мой рейтинг покатится вниз, вы ответите перед трибуналом!.. Выполняйте!.. - оба кинули малахитовые трубки в сафьяновые углубления, и связист-полковник, захлопнув футляр, удалился из комнаты.

Модельер любил в Счастливчике эти ослепительные преображения. Переход от немощи к бесстрашным проявлениям воли, что давало тому право сравнивать себя с Наполеоном. "Мой Тулон!" - повторял он в решительные минуты, и кремлевский портной, по указанию Модельера, сшил ему треуголку и походный сюртук.

Модельер любящим взором рассматривал своего властительного друга, как кукольных дел мастер рассматривает свое заводное изделие.

Вновь появился связист. Держал раскрытый футляр, в котором покоились две бирюзовые трубки с кнопками из самоцветов:

- Господин Президент, на проводе Вашингтон, Белый дом, Овальная комната…

- Что хочет от меня этот вероломный ковбой? - надменно произнес Счастливчик, беря неохотно трубку. Модельер завладел второй, слыша, как в ней, словно в мелодичной ракушке, рокочет заокеанский голос. Проталкивал сквозь проложенный из Америки в Европу донный кабель булькающие английские слова…

- Мой дорогой русский друг… Лишь чрезвычайные обстоятельства побудили меня обратиться к тебе с этим экстренным сообщением… Командование американским флотом только что проинформировало меня, что в верхних широтах, недалеко от Северного полюса, наша лодка класса "Колорадо" столкнулась с русским подводным крейсером и, получив повреждение, движется в норвежскую базу Киркинес… Как сообщает наша разведка, ваш крейсер "Москва", испытав в результате удара серьезные повреждения, лежит на дне, на глубине около ста метров… Инцидент произошел в результате опасного маневрирования вашей лодки, что, к сожалению, стало частым явлением и подвергает участвующие в патрулировании экипажи наших субмарин большому риску… Тех нескольких минут, что отделяют мой звонок от полученной из штаба флота информации было достаточно, чтобы взвесить все возможные последствия инцидента… Поставив наши дружественные страны на грань несанкционированной ядерной атаки, мы подвергаем испытанию

мучительный и многолетний процесс нашего сближения, которое через месяц должно увенчаться грандиозным московским Праздником века, где мы, лидеры мировых держав, собираемся передать тебе высшие полномочия Мирового правительства… Как бы горько ни звучало для меня известие о поврежденной субмарине, я готов закрыть на это глаза, ибо целостность мировой архитектуры, столь тщательно нами возводимой, для меня выше, чем целостность корпуса отдельной подводной лодки… Поэтому, мой друг, я предлагаю тебе незамедлительно отменить боевую готовность русских ядерных сил… Отозвать с места аварии поисковые и спасательные суда, чтобы ваш потопленный крейсер навсегда унес в океан тайну этого досадного столкновения… Наши отношения останутся незамутненными, и ты на виду всего человечества будешь награжден высшим титулом Мирового Правителя…

- Ты!.. Ты смеешь мне это предлагать!.. Цвет русского подводного флота!.. Двести моряков!.. Их жены и дети!.. На меня смотрит Россия!.. Мой рейтинг покатится вниз!.. Твоя проклятая "Колорадо" умышленно осуществила атаку!.. Пользуясь временной слабостью России и моей наивной доверчивостью!.. Но знай, у меня еще остается ядерный потенциал, чтобы показать тебе кузькину мать, а твоя ракетная оборона способна сбивать одни дельтапланы!.. - захлебываясь, путая немецкие слова и английские, Счастливчик вталкивал все это в бирюзовую трубку, сквозь которую его брань врывалась в подводный кабель и мчалась со скоростью электромагнитной волны среди китов, акул и моллюсков. Достигала Овальной комнаты Белого дома, где в час позднего вечера сидел Президент Америки, окруженный госсекретарем, министром обороны, начальником объединенных штабов и темнокожей советницей по национальной безопасности.

- Владимир, послушай, что скажет тебе твой верный советник и друг… Он наверняка слушает наш разговор, - таков был ответ Президента Америки.

Счастливчик беспомощно оборотился к Модельеру, стараясь уразуметь стремительно набегавшие мировые события, которые с каждым прилетавшим из-за океана словом обретали новый устрашающий смысл.

Модельер молча взирал. Его мраморное лицо античного бога стало еще белей. Черные волосы напитались серебряным блеском. Алые губы шевелились, произнося беззвучные заклинания. Грозная жила пульсировала среди лба. Глаза огромно и мощно сияли, источая лучи, которые действовали на Счастливчика как потоки жара и холода. Тому казалось, что на лоб его наложили горчичник, и лоб от жгучего компресса начал нестерпимо гореть. Потом почудилось, что в глаза метнули лопату снега, и они ослепли от холода. Затем померещилось, что лицо обмазали толстой глиной, словно наложили посмертную маску. Сквозь каменную маску стало медленно просачиваться тепло, как если бы зажаривали заключенный в глину кусок мяса.

Сквозь эту медленно нагреваемую коросту он услышал слова Модельера:

- Сделай так, как говорит американец. Тебе предстоит венчание на Всемирное Царство, а это и есть вершина нашего русского дела. Ты - помазанник Четвертого Рима, Новой Москвы, а помазание требует жертвы. Ты должен отказаться от прежней Москвы, которая канет в водах истории, чтобы новая воссияла как Вершина Истории. Пусть крейсер "Москва" уйдет на дно.

Счастливчик чувствовал, что его голова запечатана в ком раскаленной глины. Сквозь пылающий камень в трещины черепа лился синий огонь. Из каменного валуна, на котором, как на башке скифской бабы, были едва обозначены плоские глаза, вмятины ноздрей, стесанные подбородок и скулы, из глубины раскаленного камня глухо прозвучало:

- Согласен…

Две бирюзовые телефонные трубки, сверкнув аметистами, легли в сафьяновый футляр.

- Соедините меня со штабом флота, - приказал Модельер офицеру связи. Принял отшлифованный брусок малахита, инкрустированный перламутром. - Приказ Президента! - властно произнес Модельер, как только его алые губы коснулись промытого, с пучком волос, уха командующего. - Прекратить поисковые и спасательные работы в районе аварии подводного крейсера "Москва"!.. Вернуть самолеты разведки на аэродромы дислокации!.. Отозвать эсминец в прежний квадрат учений!.. Отменить стартовую готовность стратегических сил!.. Флоту работать по плану мирного времени!.. Выполняйте!..

Счастливчик с облегчением почувствовал, как распался ком накаленной глины и побелевшие от жара черепки со стуком упали на пол. Стало легко дышать. Прохладный душистый воздух наполнил спекшиеся легкие.

- Как хорошо! - произнес он, подходя к зеркалу и рассматривая свое освобожденное от камня красивое лицо. Оно было свежим, молодым, с легким румянцем, какой бывает после дня, проведенного на горнолыжном курорте. И лишь не щеке проступило странное зеленоватое пятнышко, какое бывает у лежалого сыра. - Что это?.. - Счастливчик испуганно тер пятно, сначала рукой, затем батистовым платком, смочив его духами.

- Ерунда!.. - успокоил его Модельер, рассматривая злокачественное зеленовато-лиловое пятнышко. - И на солнце бывают пятна!.. Гримера!.. - он громко хлопнул в ладони.

Подводный крейсер "Москва" с размозженной головой лежал на дне, среди оседающего ила, и сквозь трещины корпуса тянулись к поверхности непрерывные вереницы пузырей. Воздух уходил из отсеков, и черная ледяная вода заполняла пустоты. Уцелевшие моряки в хвостовой части лодки, под блеклыми желтыми светильниками, облаченные в скафандры, слушали звуки моря, сквозь которые иногда долетали металлические удары и скрипы. Это могло означать, что на поверхности кружат корабли-спасатели, ощупывают дно эхолотами, барабанят по корпусу лодки ультразвуковыми посылками. И тогда моряки начинали дружно стучать в стены железными ключами, кувалдами, надеясь, что звук ударов будет уловлен гидрофонами.

Так продолжалось более суток, а потом все звуки исчезли, и наступила тишина глухой непроницаемой толщи. На лодку навалилась тупая тяжесть полярного океана. Светильники стали тускнеть, превращаясь в оранжевые пятна. Холод был нестерпим, и моряки, сберегая остатки кислорода, скрючились у стен, глядя на рыжие, как мандарины, отражения, плавающие на мокром полу.

Аккумуляторы резервного питания сели, свет погас, и в этом ледяном мраке, где раздавалось звонкое падение капель и слышался чей-то кашель и хрип, всем сразу, как внушение, явилось знание о неизбежной смерти. И они стали шарить в потемках, нащупывая друг друга. Так живое и беззащитное, случайно возникшее среди непроглядного Космоса, цепляется за другое живое, старясь

сохраниться в беспощадном мироздании. Кислород кончался, и загазованный воздух, в котором плавали частички ядовитых эмульсий, металлической пудры и расплавленных пластмасс, - ледяной отравленный воздух попадал в кровь, порождая галлюцинации.

Мотористу в дурмане казалось, что он сидит в деревенской горнице, среди гуляющей и пьющей родни. На столе, на жаркой сковороде, желтеет яичня. Стаканы с водкой сталкиваются и звенят. А он сам на табуретке растягивает малиновую гармонь и залихватски, счастливо поет: "Эх, мороз, мороз, не морозь меня…"

Радисту чудилось, что он в душной постели обнимает женщину. Мнет ее мягкие груди, нюхает потный запах подмышек, разваливает на стороны белые сильные ноги. Погружается в нее бурной, бушующей плотью, приговаривая: "Катя, люби меня, Катя!.. А я всегда тебя буду любить!.."

Коку виделось, что он участвует в драке. В темной подворотне на него напали громилы. Душат и давят, сует под ребра нож. И он отбивался, хрипел, сквернословил: "Хуй вам, суки!.. Все одно меня не возьмете!.."

Моряки один за другим затихали от безболезненных ядов, которые вместе с дыханием попадали в кровь. Словно кто-то милосердный, желая облегчить их мучения, вкалывал в вену снотворное.

Сергей Плужников, обожженный, оглушенный ударами, держался на плаву в черном ледяном рассоле, хватая разбитыми губами едкую горечь. Пальцы скребли маслянистые стены, хватались за трубопровод, из которого вытекала тягучая зловонная слизь. Он доставал головой потолка, плавал в стиснутом воздушном пузыре, высасывая из него последние глотки кислорода. Понимал, что живет свою завершающую минуту, и его сотрясенный разум исходил моментальными, словно зарницы, видениями. Влажный голубоватый асфальт с начертанными красным кирпичом квадратами, и он играет в "классики" с дворовой девчонкой. Мама несет ему в постель синюю чашку горячего молока, в котором торчит серебряная ложечка с медом. Огромный осенний тополь, в золотистой листве, заслоняет окно, и сквозь листву просвечивает студеное синее небо. На блюдечке, на влажной тряпице, лежит набухшая горошина, из которой вот-вот проклюнется заостренный живой корешок.

Горошина набухала, корешок трепетал, стараясь пробить эластичную кожицу. Размягченная пленка лопнула, и крохотный язычок жизни жадно вышел наружу.

Это было последнее, что он увидел, захлебываясь и теряя сознание. Стал медленно погружаться, задевая руками металлические выступы стен. И уже не чувствовал, как сквозь черный корпус лодки к нему в отсек прянул лазурный ангел. Протиснулся, сжав заостренные крылья, чтобы не повредить перья о зазубренные кромки. Прижал Плужникова к могучей груди. Вынес из лодки. Словно ракета, оставляя в океане столб расплавленной плазмы, взмыл в небо, озаряя пустые воды. Понес бездыханное тело с последними, едва уловимыми, биениями жизни в сторону далекой земли, где горели россыпи ночных городов.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Президентский кортеж черным лакированным вихрем вынесся из розовой башни Кремля и помчался по Москве, которая расступалась перед ним, как Черное море перед Моисеем. Вязкое, бестолковое скопище лимузинов разгонялось жестокими милицейскими жезлами, освобождая пустые коридоры. Толпа сметалась с тротуаров, прижималась к стенам домов, ослепляемая фиолетовыми вспышками, оскаленными белыми бамперами, длинными, как темные торпеды, машинами. Сами фасады тесных московских улиц, лепные особнячки, ампирные храмы пугливо шарахались в стороны, открывая пространство для бешеных скоростей, зеркальных стекол, пылающих фар.

В мягкой глубине бронированного "мерседеса" Счастливчик, сосредоточенный, выслушивал Модельера, который давал волю своему раздражению:

- Этот жирный, скользкий желвак Мэр и его прихвостень, мокрый и гнилой от старости Плинтус, устроили тебе провокацию! Помимо моей воли свезли в Москву несчастных вдов и сирот и собираются натравить на тебя! Сделать тебя виновником катастрофы! Устроить вселенский крик и плач и резко снизить твой рейтинг накануне царственного венчания! Такое прощать нельзя!

Они проносились мимо Пашкова дома с лепными вазонами и скульптурами. По всему классическому фасаду, вытянутый как термометр, горел показатель рейтинга. Золотой столб с электронными цифрами - "79", что означало падение на целых два пункта в связи с катастрофой подводного крейсера. Перед фасадом, на рекламном щите, красовалась огромная, рогатая бычья башка, тореадор в золоченом камзоле с алой мулетой и шпагой, и надпись: "Испанская коррида в Москве. Мэр приглашает".

- Ненавижу Мэра и Плинтуса, - беспощадно заметил Счастливчик, ревниво следя за исчезающими электронными знаками, насупленной бычьей башкой.

- Они активизировали свою подрывную деятельность. Можно с уверенностью сказать, что мы имеем дело с разветвленным и хорошо

спланированным заговором. Они пытаются контролировать Думу. Имеют сторонников среди губернаторов. В их руках значительная часть прессы, которую сегодня они приведут на панихиду. Даже среди олигархов, присягающих тебе на верность, существует отступник, связанный с предателями. Их цель - не допустить твоего венчания, осуществить перехват власти.

Кортеж вылетал на Новый Арбат, где в блеске витрин, среди сверканья реклам, во всю высоту многоэтажного здания пылала огненная вертикальная линия, которую венчало золотое электронное число - "79". И опять красовалась реклама "Испанская коррида в Москве. Мэр приглашает".

- Мне не страшен их заговор! - надменно произнес Счастливчик. - Я верю в мой народ, верю в мой рейтинг! Если их деятельность станет нестерпимой, я через их голову обращусь к народу!

- Не следует их недооценивать, мой друг. Плинтус, старый краб, переползающий из одной исторической эпохи в другую, помнит вавилонский двор, иерусалимский синедрион, спальню Клеопатры, византийский престол, королевские покои Карла Великого. Он обворожил Сталина, обволок сладкой слюной Хрущева, оплел интригами Брежнева, одурачил легковерного Горбачева, обольстил нашего сурового Истукана, а теперь надеется обыграть тебя. Чтобы отсечь тебя от народа, он распространяет слух, что в тебе течет еврейская кровь.

Они влетели на мост, за которым туманилась розовая остроконечная гора гостиницы "Украина". Свернув на набережную, они стремительно приближались к Киевскому вокзалу, к отелю "Рэдисон - Славянская", где среди траурных флагов, черных, колеблемых лент сверкало электронное табло с дрожащими бриллиантовыми цифрами - "79".

- Как мне себя вести с несчастными вдовами? - Счастливчик неуверенно взглянул на Модельера, и в его глазах, секунду назад грозных и царственных, промелькнула мольба.

- Как всегда, искренне и страстно! Кайся и плачь! Русь-матушка на покаянии и слезах стоит!

Между тем в отеле, где на время перестали играть увеселительные оркестры, приутихли стриптиз-бары, укрылись в номерах дорогие проститутки в своих нескромных нарядах, а

нескончаемые ряды игральных автоматов, великолепных и пленительных, как образы рая, были отгорожены от остального холла траурной тесьмой, за которую тщетно пытался перебраться подвыпивший азербайджанец, - было многолюдно, слезно и жарко от воздыханий и стонов. В конференц-зале собрались множество женщин, молодых и старых, в темных платках, с заплаканными лицами, в неказистых одеждах, в коих ходит русская провинция и забытая Богом деревня. При них были ребятишки с расширенными испуганными глазами, - совсем малые, уцепившиеся за юбки матерей и бабок, и постарше, подростки, исхудалые от недокорма, от долгой дороги, от страшного, свалившегося на них первого в жизни горя. Среди них понуро сутулились мужчины, иные в поношенных военно-морских мундирах с обтрепанным серебром погон, - отцы подводников, что, отправляя на флот сыновей, уповали на непрерывность фамильной профессии. Многие из женщин держали фотографии, извлеченные из семейных альбомов, наспех увеличенные, черно-белые, с остановившимися лицами позирующих молодых матросов, что слали приветы недавним школьным подругам. У стены, окруженный еловыми пахучими ветками, стоял большой образ Николы, перед которым, увитая черной лентой, жарко и сумрачно пламенела лампада.

Скопище телекамер светило лучами, водило окулярами, вращалось на штативах, двигалось на плечах гибких и вертких операторов, которые шествовали вдоль рядов, направляя всевидящее око своих застекленных машин на изведенные горем лица, отчего те на мгновение вспыхивали слезами, ослепленно моргали, беспомощно дрожали и всхлипывали.

Недалеко от образа, перед микрофоном, стоял Мэр, облаченный в траурную атласную пару. Маленький и плотный как боксер, с лысой костяной головой, на которой оттопыренно пламенели уши и властно, надменно шевелились толстые губы, он с трудом выговаривал слова сострадания. Чуть поодаль стоял Плинтус, расставив короткие стариковские ноги в обвисших штанах, что удачно скрывали грыжу. Его грузное, непропорциональное тело напоминало неправильный шар, плохо умещавшийся в жилетке. Дорогой необъятный пиджак сидел косо, так что казалось, будто под ним сложены усталые помятые крылья. Отечная голова с обвислым лиловым носом и неопрятным

седым хохолком придавала ему сходство с пеликаном. Это сходство еще больше увеличивал огромный розоватый зоб, жирно свисавший на грудь.

- Удар, нанесенный по подводному крейсеру "Москва", - это подлый преступный удар по столице России - Москве!.. - голова Мэра желтела, словно костяной набалдашник. Пунцовые уши существовали отдельно, как крылья тропической бабочки. - Кому-то очень хочется унизить священный символ России, который в наши дни возвысился с особой силой!.. Вы знаете, дорогие мои, что правительство Москвы ничего не жалело для подводников. Когда в квартирах моряков полопались трубы, мы послали специальный самолет, груженный батареями, и восстановили в домах тепло!.. На средства Москвы мы оборудовали в базе флота вечернее кафе и прислали артистов мюзик-холла с великолепными номерами!.. Теперь, в эти часы трагедии и неутешного горя, хочу вам сказать, мои дорогие, что Москва вас не оставит!.. Вы получите квартиры в новых домах по самым льготным ценам!.. Дети героев смогут учиться в английских школах!.. Но как бы ни велика была наша горечь, как бы ни блестели от слез глаза, мы должны спросить - кто повинен в гибели великолепной подводной лодки?.. Кто год от году урезает бюджет на нужды флота, повторяя при этом бессмысленные слова о великой российской державе?.. Почему на помощь гибнущему крейсеру не были посланы корабли поддержки?.. Кто дал приказ остановить спасательные работы в то время, когда моряки продолжали жить и молили о помощи?.. И где, спрашиваю я, все эти страшные дни находился наш Президент, от которого народ ждал ясного слова?.. Видно, кто-то в его окружении очень хочет выставить лидера нации в неприглядном свете и понизить его рейтинг в народе!..

- Коленька мой был жив!.. Бился головой о стену!.. Соленую водичку глотал!.. Мамоньку родную звал!.. Он, Коленька, кровиночка моя, и плавать-то не умел!.. На речку, бывало, придет и смотрит, как другие ребятишки плещутся!.. Коля, сыночек мой ненаглядный!.. Я без тебя помру!.. - голосила простоволосая женщина с круглым деревенским лицом, державшая у груди фотокарточку сына, повторявшего ее черты своим круглым, сияющим как одуванчик, ликом.

Женщина стала падать. На помощь ей поспешил врач в белом халате, заботливо поднося к губам рюмочку валерианки. Несколько телекамер как грифы ринулось на женщину, вонзая в нее заостренные когти лучей. Выклевывали ей глаза. Обкусывали ее бледные дрожащие губы. Вырывали из немощных рук фотографию сына. Зал волновался, стонал, всхлипывал. Лампада, что висела перед образом, тревожно мерцала.

Мэра у микрофона сменил Плинтус. Неловко поворачивался в разные стороны, переступал перепончатыми ногами, обращая в разные углы зала отечный нос. Заговорил утробным голосом чревовещателя, используя зоб в качестве резонатора, раздувая его, как это делают весенние квакающие лягушки.

- Должен вам доложить, я связался с представительствами ведущих мировых держав, которые скорбят вместе с Россией… Мне звонили американские друзья… Они сообщили, что как только сейсмические станции зарегистрировали подводный взрыв в районе полюса, американский Президент позвонил Президенту России и предложил свою помощь… Ибо в соседнем районе патрулировала американская подводная лодка, которая могла бы стать первым спасательным кораблем… Но российские власти почему-то отказали… Что это?.. Амбиции былой сверхдержавы?.. Пережиток тоталитарной эпохи, когда в стране победившего социализма не могло быть аварий и катастроф?.. Или просто варварское, наплевательское отношение к людям, которое всегда было свойственно российской власти, будь то царская империя или большевистский Советский Союз… Мы должны знать правду… Президент должен, наконец, появиться перед народом и сказать правду, какой бы горькой она ни была…

Зал застенал, заволновался, ударяясь о стены, о косяки, об острые углы, расшибая в кровь лица, распарывая одежды, раздирая волосы. Женщины целовали черно-белые фотографии. Вскидывали вверх худые руки. Кому-то грозили. Кого-то умоляли. Кого-то, несуществующего, прижимали к груди и лелеяли. Операторы жадно и страстно снимали.

Мэр и Плинтус отступили вглубь зала, по-хозяйски наблюдая за происходящим. Устранились, запустив эту пыточную машину, в которой люди кричали от боли, попадая под безжалостные зубцы и крючья. Николай Угодник с огромным смуглым лбом смотрел сквозь

малиновую лампаду. Держал раскрытую книгу, в которой было что-то начертано.

- Мой-то Васенька всю ночь снился, ручки ко мне тянул!.. "Мама, мамочка, дай я тебя поцелую!.." А утром проснулась, телевизор включила и про лодку услышала!..

- А у нас лайка Чара, с которой Гена на охоту ходил, всю ночь выла… Отец говорит: "Что-то чует собака. Кабы не с Генкой беда…" А наутро сообщение про лодку…

- И что же у нас жизнь за такая в России?.. Дед его в войну под Смоленском погиб… Отца в Афгане убило… А он, Димочка наш, в мирное время, страшной смертью в воде захлебнулся!.. Как же нам жить-то в России?..

- Женщины, пошли к Президенту!.. Встанем вокруг Кремля!.. Пусть отдаст назад сыновей!.. Мы ему детей не на смерть отдавали, а он их в воде утопил!..

- Да живы они, живы!.. Им воздуха в лодке на месяц хватит!.. Ждут спасения, просят Бога о помощи!.. А их не спасают, потому что они правду знают!.. За это их хотят погубить!..

- Женщины, если власть наших мужей и детей не хочет спасать, поедемте сами их вызволять! Наймем корабли, водолазов, деньги заплатим!.. Сами под воду спустимся, а наших дорогих, ненаглядных на воздух подымем!..

- Муж мой - первый офицер на флоте!.. Лучший командир-подводник!.. Я, жена офицера-подводника, обращаюсь к флоту!.. Не бросайте в беде товарищей!.. Выводите из базы свои корабли!.. Ведите их в океан!.. Я вас сама поведу!.. Мое сердце укажет маршрут!.. А предателей, которые засели в Кремле, достанет ваша ракета или бригада морской пехоты!..

Забушевали, истошно заголосили, засверкали беспощадно глазами. Потянули худые цепкие руки, желая разодрать, растерзать на куски, отомстить за смерть любимых.

В этот момент истошных воплей и вскриков растворились узорные двери. Легкий, пылкий, словно на стремительном прозрачном пропеллере, влетел Президент. Он был бледен. Огромные серо-голубые глаза полнились яркими, сверкающими слезами. На нем был черный изящный костюм. В белых манжетах зеленели изумруды, цвета океанской волны. В руках он держал серебряную чашу, светлую, как

полярные льды. Прошел сквозь расступившуюся толпу в ее самую горючую, стенающую, раскаленную сердцевину. Встал среди неистовых женщин.

- Братья и сестры!.. Я явился к вам прямо из океана!.. С того трагического места, где погибла наша могучая лодка!.. Вот чаша с морской водой, которую я там зачерпнул через борт!.. В ней растворилось дыхание наших погибших героев!.. В ней их прощальные слова и заповеди!.. Она горько-соленая от ваших и моих слез!.. Я привез эту священную воду, соединяющую живых и мертвых!.. - одной рукой он прижал к груди серебряную чашу, другой, гибкой и легкой, стал черпать воду и кропить стоящих подле него женщин. Капли блестели на лету, брызги попадали на лица, на траурные облачения, на портретики моряков. Президент казался пастырем, окропляющим свою горюющую паству. Женщины жадно ловили капли, хватали их в воздухе, целовали, пили, омывали лица, глаза. Словно их любимые были теперь вместе с ними.

- Родные мои, люди русские!.. Велика ваша и моя утрата!.. Но в этот час непомерного горя сплотимся теснее!.. Не дадим друг другу пропасть!.. Не дадим погибнуть России, которая скорбит вместе с нами, шлет в этот горестный зал свои поклоны и поцелуи!.. Пусть знают наши злопыхатели и враги, что в минуты горя русские люди становятся непобедимы!.. Будем же вместе - народ и армия, флот и Россия!.. Такова заповедь наших героев, которая доносится сюда из пучины!..

Он искоса взглянул на Мэра и Плинтуса. Те отступили в тень, затрепетали от его разящего, сверкающего взгляда. Женщины тянулись к Президенту, целовали край серебряной чаши, прижимались губами к зеленым изумрудам, так напоминавшим цвет океанской воды.

- Бессовестные, жестокие люди желают столкнуть Президента и народ!.. Ослабить власть, ослабить Россию!.. Льют крокодиловы слезы по поводу нашей потери!.. Но почему они отбирают у флота последние деньги и тратят их на свои роскошные виллы и дворцы?.. Почему нежатся в своих золоченых чертогах среди лазурных бассейнов и зимних садов, в то время как герои страны ютятся в промороженных комнатах с протекающими потолками?.. Почему превратили священную Москву в развратный Вавилон, погрязли в воровстве и распутстве, в то время как мужественные русские люди уходят в океан,

выполняя священный воинский долг?.. Так долго продолжаться не может!.. Мы восстановим нашу русскую справедливость!..

Мэр и Плинтус, услышав беспощадную угрозу, закрыли лица локтями. Между тем Модельер что-то нашептывал начальнику президентской охраны. Тот прижал к губам крохотную усатую рацию, передавая указание высоким молодцам, что из разных углов бдительно, по-орлиному взирали на Президента. Те кинулись к операторам и репортерам, которых привели на тризну коварные Мэр и Плинтус. Стали бесцеремонно оттеснять прочь, сдвигать в угол зала, где вскрывали их телекамеры, отбирали кассеты, выталкивали взашей. На смену этой разношерстной развязной стае в зале появились два оператора из президентского протокола. Четко и умело нацелили новенькие телекамеры на женщин, целующих чашу, на взволнованное, красивое лицо Президента, который гладил по русой голове сиротку.

- Каюсь перед вами!.. - Президент упал на колени, умоляюще протянул руки к окружавшим его матерям и вдовам. - Не уберег наших мальчиков!.. Вся вина на мне!.. Простите меня!.. Все сделаю, чтобы поднять их со дна морского и похоронить в русской родной земле как героев!.. Обещаю вам, мы построим новый подводный крейсер и наречем его: "Святая Москва"!.. Сегодня же объявляю всенародный сбор средств!.. Пусть каждый, богатый и бедный, пожертвует что может!.. - стоя на коленях, он снял с правой руки браслет с золотыми часами и опустил в чашу. Отцепил изумрудные запонки и со стуком метнул в жертвенный сосуд. И все, кто был в зале, стали снимать обручальные колечки, сережки с камушками, женские часики. Опускали их в чашу. Склонялись к своему Президенту, целовали ему руки, обнимали. А он, потрясенный, стоял среди них на коленях и рыдал. Операторы осторожно, бережно вели окуляры по его рыдающему бледному лицу.

Модельер изумлялся со стороны, не умея скрыть восхищенной улыбки. Счастливчик, выполняя его режиссерский замысел, добился высшего артистического воплощения. Сам, без наущения, придумал чашу с водой, в которой растворил медицинскую морскую соль. Сам объявил сбор пожертвований, напоминавший древний русский обычай. Он заслуживал самых высших похвал. Внезапно Модельер увидел, как сквозь толпу смятенных, стенающих женщин прорвалась одна, рыжеволосая, с черной лентой, стягивающей огненный пук.

- Лжец!.. Убийца!.. - она рвалась к Президенту.

Другая женщина, вдова шифровальщика, старалась ее удержать:

- Нинель, не надо, Нинель!..

Но Нинель пробилась к стоящему на коленях Счастливчику, расширила свои яростно-зеленые, рысьи глаза, уставила ему в лоб острый, указующий перст, продолжала выкрикивать:

- Ты лжец, паяц!.. Погубил наших мальчиков!.. Оставил их на съедение рыбам!.. Знаю твою страшную тайну!.. Погибнешь!..

Президент отшатнулся, с ужасом выронил чашу. Колечки и сережки покатились по полу. Счастливчик стал страшно бледен, с синеватым отливом утопленника. На впалой щеке его вдруг обнаружилось фиолетово-зеленое трупное пятно.

- Охрана!.. - возопил Модельер. Несколько дюжих молодцов, разрезая толпу, расшвыривая вдов и сирот, устремились к Президенту. Схватили рыжую женщину. Заламывали ей за спину руки, выволакивали из зала.

А та зло озиралась на Президента, плевала в него, безумно выкрикивала:

- Людоед!.. Мальчиков наших заживо съел!..

Ее уволокли, и казалось, ее появление было наваждением. И уже входили в зал с рокочущими песнопениями облаченные в ризы священники. Несли пылающие свечи, уложив на шитую золотую парчу свои тяжелые великолепные бороды. Окруженный клиром, величаво ступал Патриарх в золотой митре, сиявшей как нимб. Черный лицом, с выпуклыми эфиопскими белками и алым языком, весь усыпанный алмазами, напоминал ослепительную люстру. Все кланялись, подходили под благословение. И первым, кого он облобызал отеческим утешительным целованием, щекотнув кольчатой черной бородкой, был Президент, уже поднявшийся с колен, с непросохшими, искренними слезами сострадания.

Обильно подымался к потолку сладкий кадильный дым. Трепетало в руках множество тонких поминальных свечек. Мэр и Плинтус держали по свече, кланяясь навстречу серебряному кадилу, в котором багровел маленький жаркий угль. Патриарх перемежал старославянские и эфиопские слова, мягко вплетал в богослужение строки из пушкинского "Ориона" - "Нас было много на челне…".

Молился за души усопших воинов, посылая свою молитву в Царствие Небесное, где уже обретались погибшие моряки.

Поминальная служба транслировалась по телевидению. Граждане огромной страны плакали и скорбели о безвременной гибели своих сыновей. Электронные табло на площадях, на фасадах, на лобовых частях несущихся тепловозов, в подземных станциях метро, в кабинетах правительства, в роскошных дворцах богачей и утлых квартирах бедняков - рейтингомеры - указывали повышение популярности Президента на целых два пункта. Драгоценно, словно вышитое золотой нитью, на фасаде отеля мерцало число - "81". И уже мчались во все концы порхающие вереницы неутомимых юмористов и смехачей, посланных Модельером в русские дали, чтобы отвлечь народ от страшной беды, умягчить сжатые в камень сердца, заставить улыбнуться искусанные губы.

Над "Рэдисон-Славянской", выталкивая из штанов задорные кудряшки дыма, пролетал модный юморист, репетируя смешной этюд о русском мужичке-дурачке. Следом, издавая выхлопные трески, поспевал пухленький одессит с лысоватой головенкой и лягушачьими лапками, рассказывая самому себе уморительный анекдотец. Топливом, с помощью которого они перемещались по воздуху, служил их собственный юмор. Его неполное сгорание слегка ухудшало экологическую ситуацию в городе, окисляло церковные купола и кресты, зато увеличивало число умиравших от смеха. Юмористы летели клином как журавли.

Ангел с голубыми крыльями, прижимая к груди бездыханного Плужникова, пролетел над седым океаном, где клубилась темная буря. Над рыжей тундрой, где уже замерзали озера. Над золотыми туманными лесами, которые стояли, словно сияющие торжественные иконостасы. Влетел в дымное облако, застывшее над Москвой, сквозь которое мерцали неясные вспышки, мутно белели дома. Сложил за спиной острые крылья и кинулся вниз, стараясь не задеть пышные кресты собора, перекрестья проводов, чугунную резную ограду. Вращая крыльями как пропеллерами, остановился в воздухе, подымая вихри палой листвы. Не касаясь земли, поставил Плужникова на краю тротуара, на углу Остоженки и Пречистенки, где тесно слиплись, вязко текли машины сквозь узкие горловины, валила темная толпа, скапливаясь у красных светофоров, огромная белогрудая женщина на

рекламе освежала бритые подмышки флаконом с дезодорантом, и над ней возвышался тяжелый, пластмассово-белый собор, накрытый золотыми ребристыми тюбетейками. Ангел оставил моряка у перехода, где наезженный, черно-липкий асфальт был заштрихован грязно-белой краской с раздавленным в плоскость пакетом из-под дешевого вина. Убедился, что моряк стоит на негнущихся ногах и не падает под колеса. Ринулся ввысь, задержавшись на мгновение среди кустистых крестов собора. Канул в тумане, слегка удивив подвыпившего бомжа, который то одним, то другим глазом пытался получше рассмотреть диковинную голубую птицу, мелькнувшую в темных ветвях.

И Плужников остался, недвижный, негнущийся, в изорванной робе подводника, в грязных сандалиях, с обгорелым лицом, на котором кровавая короста ожогов смешалась с загустевшей эмульсией. Был глух, слеп и нем. Опаленные глаза были залиты ядовитым рассолом, уши закупорены каменной пробкой пепла, губы спеклись, словно по ним прошлись автогеном.

В нем остановился и застыл страшный удар, превратив живое тело в чугунную отливку. Без чувств, без мыслей, без памяти, он стоял на краю тротуара, словно изваяние, и лишь несколько живых алых клеток слабо пульсировали в глубине мертвого памятника.

Люди скапливались у перехода, когда им в глаза светила красная сердитая ягода светофора. Окружали Плужникова, теснили его. Большинство не обращали внимания. Иные с изумлением оглядывали его измызганное одеяние. Какая-то нервная дамочка брезгливо шарахнулась, зажимая нос: "Живодер, что ли, или из канализации вылез?" Какой-то сердитый мужик толкнул его: "Разуй глаза! Что уперся как столб!" Какой-то едкий господин в красивом плаще отступил на шаг: "Нажрутся, наваляются в луже, а потом в народ лезут!" Толпа скапливалась, давилась, раздраженно поглядывала на бесконечные лимузины. Как только в глазнице светофора загоралась зеленая сочная ягода, все разом сбегали на черно-белую "зебру" перехода, толкая друг друга. А Плужников оставался стоять, словно ноги его привинтили к тротуару болтами.

Подле него, остановленная красным сигналом, задержалась молодая женщина, неприметно одетая, в берете на светлых кудряшках, в поношенной кофте и длинной суконной юбке на худеньком теле, с кожаной почтовой сумкой через плечо, в которой лежали стопки

писем, кипы телеграмм, несколько бандеролей. Женщина работала письмоношей, захватила на почте очередную порцию посланий и торопилась по окрестным дворам и улочкам, забегая в полутемные подъезды, засовывая корреспонденцию в железные ящики. Она ждала, когда на противоположной стороне погаснет красное, зловещее око и раскроется зеленое, радостное. Люди скапливались, теснили ее, и она оказалась бок о бок с высоким, грязно одетым человеком, от которого пахло так, как пахнет из раскрытых зловонных люков, где гуляет железный сквозняк. Она машинально отступила, нетерпеливо ожидая, когда прервется сверкающий вал машин и можно будет шагнуть на "зебру", убежать вперед от неопрятного тупого бродяги. Люди дружно пошли, и она собиралась шагнуть. Но вдруг заметила желтый лист, прицепившийся к взлохмаченным, опаленным волосам человека, и его лицо, в котором, среди синяков и царапин, застыло нечто ужасное, не присутствующее здесь, среди толчеи и блеска, звенящих и рокочущих звуков, а занесенное сюда из другого, жуткого мира, быть может, из преисподней.

И это соседство с чем-то непонятным и ужасным удержало ее. Толпа ушла, а они двое остались, овеваемые бензиновым ветром хлынувших автомобилей.

Женщина - ее звали Аня Серафимова - смотрела на человека, который, казалось, попал под ужасную, огненную, зубчатую, с крючьями и остриями машину, был ею перемят, перемолот, пронесен сквозь чудовищные, необитаемые пространства и выброшен на углу Остоженки как послание московским жителям.

Люди скапливались у светофора, бежали на зеленый свет. Несли сумки, портфели, свертки. Аня и Плужников оставались стоять, и она не могла избавиться от непомерной тяжести, горя и сострадания, которые внушал ей человек, облаченный в промасленную, прожженную робу, где на груди прилепилась нашивка с непонятными буквами и цифрами.

- Вам помочь?.. - спросила она, думая, что он слепой, заглядывая в широко раскрытые голубые глаза под обгорелыми бровями, неподвижно и пусто отражавшие блески и отсветы города. - Если хотите, я вам помогу перейти… - повторила она громко. - Вы здесь живете? Вам нужно в какие дома?..

Человек молчал, и она, преодолев робость, коснулась его локтя, почувствовав сквозь ткань робы окаменелую безжизненную плоть. Пугаясь этой мертвенной, холодной твердости, потянула за руку, стараясь качнуть застывшее туловище. И когда загорелся зеленый огонь, и покатилась, обгоняя их, суетная толпа, Аня с силой потянула человека. Тот тяжело качнулся, отрывая от асфальта намагниченные, прилипавшие подошвы. Неловко выгибая бедра, словно учась ходить, сделал слепой шаг. Ступил на проезжую часть, где, раздавленный, валялся пакет от молдавского вина. Она удерживала слабым тонким плечом его тяжесть. Чувствовала его шаткую неустойчивость. Боялась, что он не удержится и рухнет на асфальт как закованный в доспехи рыцарь, с металлическим грохотом, и от него отлетят железные ноги, нагрудные латы, кованый шлем, и в них обнаружится зияющая пустота.

- Идемте, - тянула она его по черно-белому переходу, страшась, что зеленый свет начнет мигать и погаснет и на них ринется нетерпеливая, оскаленная свора автомобилей.

Черно-белая "зебра" двигалась под ногами, и эта "зебра" была как брод, по которому они переходили опасную реку, с одного берега на другой, из одной половины жизни в другую. На пятом или седьмом шаге, страшно утомившись, она испытала головокружение. Пережила моментальный обморок. И вдруг грязно-белые нашлепки на измызганном черном асфальте налились драгоценными цветами спектра - алым, золотым, изумрудно-зеленым, нежно-голубым, фиолетовым, - и они шли, погружая ноги в прозрачную радугу, переброшенную от тротуара к тротуару.

Они достигли противоположной стороны. Многоцветный половик под ногами погас. Сзади, разящим вихрем, с воем сирен, расплескивая по фасадам безумные лиловые вспышки, промчался кортеж длинных "мерседесов" и упругих громадных "джипов". Аня затягивала своего спутника глубже на асфальт, пугаясь безумной кавалькады и одновременно радуясь тому, что успела выхватить его из беспощадного вихря.

На них грозно надвинулся тучный постовой с полосатым жезлом, в глянцевитой кожаной куртке:

- Ослепли, мать вашу!.. Сидели бы в рюмочной, стопки глотали!.. В вытрезвитель вас, под холодный душ!..

Аня изо всех сил тянула своего слепого и немого спутника, подальше от сизых милицейских щек, от грозных усов и кожаных ремней, на которых висела маленькая толстенькая кобура.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Счастливчик и Модельер, покинув автомобиль, вошли в прозрачную тень огромного белого храма, который, при всем своем византийском величии, вызывал странное ощущение макета, построенного из громадных кусков пенопласта. Хотелось подойти, ткнуть пальцем в стену, продавить хрустнувшую, наполненную воздухом плиту.

Храм был возведен радениями Мэра, неявно прославлял его величие, был противопоставлен Кремлю как второй, обособленный центр Москвы. Стягивал к себе лучи и радиальные линии московских улиц, уводя их прочь от Кремля. Красная площадь, коварно застроенная Мэром теремками и часовенками, была отрезана ими от живого сердца столицы и обмелела. Ее покинула таинственная животворная прана империи, которую стала впитывать в себя пористая белая губка собора. Модельер привез Счастливчика в этот златоглавый чертог, чтобы здесь, в духовной цитадели вероломного Мэра, открыть Президенту свой величественный мистический замысел.

Они прошли пустынно-огромный храм, наполненный голубоватым прохладным воздухом, с могучими столпами, округлыми поднебесными сводами, где мертвенно и великолепно сияли изображения ангелов, святых и апостолов.

Модельер, истово перекрестившись, провел Счастливчика сквозь алтарь, где на престоле лежала священная книга и золотились дары с зажженным семисвечником. Они скользнули в малоприметную дверь и по мягкому, устилавшему ступени ковру стали спускаться вниз, сквозь стены, фундамент, пласты московской земли, на которой утвердился собор. В просторной подземной части храма находились превосходно оборудованные актовые залы для церковных совещаний и соборов, а также для светских съездов и ассамблей, размещалась великолепная библиотека с собранием церковных и светских книг, манускриптов и рукописей на латинском, арабском, древнееврейском языках. Тут же была построена трапезная в духе монастырских братских застолий, где собиралось за постной едой аскетическое духовенство. Но с ней соседствовал роскошный ресторан с зеркальными стенами, баром и

подиумом для джаза. Гостиница состояла из скромных монашеских келий, где могли останавливаться пилигримы из дальних епархий и обителей, вставать на ночные молитвы перед суровым, старинного письма, образом. Но также были и дорогие номера-люксы, с пышными двуспальными кроватями, джакузи, обширными телеэкранами, на которых можно было созерцать все мировые программы, включая ночные эротические. Подземные гаражи с дорогими иномарками были чисты и ухожены и непосредственно смыкались с боулингом, залом игральных автоматов, рулетками и карточными столами казино, саунами и небольшим водоемом, где у лазурной воды стояли античные статуи обнаженных богинь.

Все это почти пустовало в сей полуденный час. Лишь мускулистый слуга в подряснике нес в номер-люкс кожаный саквояж носатого папского нунция, приезжего иезуита, который чинно, в красной шапочке и черной сутане, похожий на дятла-желну, вышагивал следом. Да в голубом водоеме, среди нимф и наяд, плыл саженками тучный молодой бородач, чему-то улыбаясь и крестясь на ходу.

Они продолжали спускаться в основание собора. Модельер показал Счастливчику грубо отесанный, в зарубках и сколах камень, привезенный по приказанию Мэра из Иерусалима. Камень был взят из древних развалин Соломонова храма и вмурован в бетонный фундамент московской святыни. Ниже этой древнееврейской глыбы сохранились детали бассейна "Москва", где когда-то в трескучий московский мороз, в розовом пару, пенили воду охочие до зимних услад и омовений советские граждане, похожие на гладких глазастых тюленей. Зеленоватый кафель бассейна напоминал окаменелые перламутровые ракушки, и на них сохранился отпечаток голой ноги женщины-коммунистки Фурцевой и выпавший из плавок советского министра Щелокова золотой портсигар.

Еще ниже находились гранитные плиты недостроенного коммунистами Дворца Советов, который, по замыслу талантливых и дерзких архитекторов, должен был достичь высоты Монблана, венчаться громадной бронзовой статуей Ленина, чтобы в бинокли и телескопы ее можно было бы рассматривать из всех точек земного шара. Красноватые плиты карельского гранита прочно лежали в основании собора, и на них различалась надпись: "Гранильная мастерская имени Розы Люксембург".

Еще ниже, под кирпичными, на яичном желтке, фундаментами старых церквей, под деревянными мостовыми и гатями, под археологическими слоями рыхлой земли с черепками горшков и мисок, находилась полость - пещера, бывшая когда-то языческим капищем, где первые московские поселенцы молились священным идолам. Капище посвящалось богу Велесу, хранителю скота. На дне пещеры лежал прекрасно сохранившийся скелет быка с окованными золотом рогами, олицетворявший покровителя домашних животных.

- Теперь ты понимаешь, - произнес Модельер, указывая Счастливчику на скелет быка, - почему Мэр хочет устроить в Москве представление испанской корриды? Он готовит языческое ритуальное действо во славу своего бога Велеса, которому и посвящен собор, лишь внешне имитирующий христианскую сущность.

Здесь, в древнем капище, находилась прозрачная как кристалл горного хрусталя кабина скоростного лифта. В нее, оставив охрану, поместились Модельер и Счастливчик. Граненая капсула стремительно метнулась ввысь, пронося пассажиров сквозь толщу глухих стен. Доставила их в самую высокую точку собора. В вершину золоченого купола, под основание громадного креста. Здесь была устроена невидимая с земли смотровая площадка, на которую высадились Президент и его главный советник. Стали прогуливаться на открытом кольце площадки, среди ароматного, пахнущего яблоками воздуха, паря на золотом воздушном шаре среди розовых и голубых горизонтов.

- Какая краса! - не удержался Счастливчик, ликующим взором осматривая панораму осенней Москвы, казавшейся драгоценной перламутровой раковиной, в чьих затейливых завитках и нежных зубцах чудесно туманились близкие и далекие церкви, остроконечные высотные здания, шатры кремлевских башен, солнечная лента реки, переброшенные через нее каменные и стальные мосты, мерцающие улицы, желто-зеленые, пышные воротники бульваров, синие как опустившаяся туча, Воробьевы горы, бескрайние бело-розовые, словно стада фламинго, дома, их слюдяные окна и серебристые крыши. Во все стороны света убегали лучи проспектов, улетали в живую, солнечно-туманную даль, где в лесах и полях дышало немеркнущее сияние необъятного великого города.

И повсюду, близко и далеко, яркими золотыми позументами или едва заметными искорками, виднелись показатели президентского

рейтинга. Трепещущее число - "81" дрожало на ветру, откликаясь на малейшие биения народного чувства.

- Как далеко, как бесконечно далеко отсюда видно! - повторил с восторгом Счастливчик. Модельер удовлетворенно кивнул. Недаром он выбрал для разговора это удивительное, неповторимое место.

Говорили, что в редкие дни поздней осени, когда воздух студен и чист, словно голубая линза, отсюда, с вершины храма, виден ватиканский собор Святого Петра. Папа Римский и Патриарх Московский подымаются, каждый на свой купол, и с помощью зеркал обмениваются тайными знаками, что способствует умиротворению религиозных споров и смягчению конфликта церквей.

- Именно здесь, на этой золоченой кровле храма, я хочу сделать тебе признание, - торжественно произнес Модельер, простирая руку вперед, словно клятвенно прикасался перстами к многоцветной иконе Москвы. - Ты - воистину Счастливчик. Ибо тебе выпало на роду наследовать великую русскую цель. Исполнить громадную, растянувшуюся на века русскую задачу. Воплотить тайную русскую мечту. Тебе предстоит то, что не выпадало на долю самым великим правителям, будь то Чингизхан, или Александр Македонский, или Наполеон, или Иосиф Сталин. Ты объединишь, наконец, растерзанное на отдельные народы человечество и тем самым положишь конец Всемирной истории, которая началась с момента разрушения Вавилонской башни, что вылилось в извечную войну языков, народов и рас. В тебе же умиротворенная, прекратившая свой бег мировая история останавливается, чтобы взглянуть на себя самое твоими серо-голубыми глазами, о Счастливчик!..

Президент внимал, сладостно сощурив глаза, сквозь которые осенняя Москва своими золотыми и алыми пятнами, чудесными нимбами и бело-розовыми покровами и впрямь напоминала икону. Слова Модельера порождали упоительное ожидание, предощущение блаженства, от которых нежное лицо Президента покрылось легчайшим девичьим румянцем. Казалось, от Модельера к нему протянута едва заметная прозрачная трубочка, сквозь которую течет медовая сласть, волшебный дурман, веселящая влага. Вокруг собора на разных высотах реяли дельтапланы. Их разноцветные косые треугольники совершали круги, виражи. Плавно взмывали, просвечивая на солнце. Стремительно и грациозно снижались. На

легких подвесках размещались пилоты в тесных трико, из личной президентской охраны. Как у царских опричников, на поясах у них были закреплены метелки, которыми они изгоняли из общества нечисть и скверну, - подметали мусор у стен Кремля, хлестали по глазам писателей-охульников, разгоняли "красные пикеты", используя метелки в качестве электрошоков. Теперь охранники из спецподразделения "Блюдущие вместе" облетали на дельтапланах окружавшие собор кварталы и постреливали из снайперских винтовок по слуховым окнам, подозрительным чердакам, отпугивая от собора возможных террористов.

- Русская идея, понятая угрюмо и неверно, отгораживает нас от всего человечества, - продолжал Модельер, выходя на край смотровой площадки, откуда Крымский мост туманился седой сталью, и под ним на солнечной реке, вмороженный в блеск, замер кораблик. - Ложно осмысленная, она превращает нас в захолустных старообрядцев и нелепых сектантов. Великий Достоевский сформулировал ее как страстный порыв навстречу миру, открытость для всего человечества, как нашу русскую всемирность. С тех пор как рухнул "железный занавес", отделяющий "красных старообрядцев" от иных народов, Россия открывала себя, совлекала ветхие одежды, готовая предстать перед миром в своей ослепительной наготе. Твой великий предшественник, чье утомленное сердце стучит в Пещере волхвов, много сделал, чтобы впустить в Россию изумленное, столпившееся у ее границ человечество. Но делал это по наитию, согласно своим глубинным инстинктам, не ведая, что поступает согласно мистической воле Творца, исполняя высшее, мировое предназначение России. Только ты, с твоей исторической прозорливостью, сознанием русского мессианства перевел государственное дело в религиозно-философскую плоскость, обнаружил внутренний модус русской истории, слил свою судьбу с этим модусом. "Раздарить все, чтобы все обрести". "Стать ничем, чтобы овладеть всем". "Потерять себя, чтобы найти Вселенную". "Отдать богатства, чтобы снискать сокровища". "Перестать быть народом, дабы стать человечеством". Мы отдаем миру наши несметные богатства, отказываемся от нашей науки и культуры, отрекаемся от веры и суверенности. Разоружаемся до последнего вертолета и бэтээра, режем автогеном могучие корабли и ракеты, убираем с орбит космические спутники и межпланетные

станции. Мы пускаем американцев в наши атомные центры и политические институты. Возвращаем немцам их Кенигсберг, а японцам - их исконные Курилы. Помогаем НАТО обосноваться в Прибалтике, на Украине и в Средней Азии. Пускаем баптистских проповедников и магических сектантов в святая святых нашей церкви. Мы сокращаем русское население, радуясь росту Китая, возрождению Ирана и Турции. Мы не страшимся того, что называют глобализмом, но всячески приветствуем его, рассматривая как великий долгожданный синтез мира. В результате мир придет в Россию и станет Россией. Человечество хлынет на наши опустевшие пространства и наречется русским народом. Отказавшись от собственной армии, мы станем обладателями мощи мировых держав. Подарив свою науку и культуру другим, мы будем пользоваться благами мировой науки и мировой культуры. Мы уступим миру место в наших сердцах и в наших необъятных пространствах, и мир наречется Россией…

Счастливчик чувствовал тончайший прозрачный сосудик, соединявший его и Модельера. По этому сосудику перетекали кровяные тельца, бежали пузырьки веселящего газа, струились капельки сладкой влаги. Пуповинка выходила из Модельера в области паха, проникала Счастливчику под пиджак, на поясницу, погружаясь в копчик, в чувствительную чакру. Над Москвой, на разном удалении от собора, всплывали воздушные шары, напоминавшие цветные грибы, нежных медуз, разноцветные сосуды, украшенные меандрами. В гондолах размещались наблюдатели с оптическими и инфракрасными биноклями, поисковыми антеннами и пеленгаторами, охранявшие район, где находился Президент. Снайперы из подразделения "Блюдущие вместе" сделали несколько выстрелов по крыше в районе Волхонки, где притаились бомбисты из "Красных ватаг". Кинули гранату в глухой двор в районе Чистого переулка, где собралась подозрительная группа бритоголовых.

- Мировые лидеры признали тебя, - продолжал Модельер, увлекая Счастливчика туда, где с площадки открывалось кудрявое, золотисто-изумрудное кольцо бульваров, особняки, дворцы, Тверская, чешуйчатые от далекого блеска, Пушкинская площадь с бронзовым памятником и кубическим домом "Известий" и дальше, из крыш, кварталов, водяных отражений, розовых дымов и фиолетовых туманов

льдисто возносилась Останкинская башня, вонзая в облака свой прозрачный луч. - Лидеры мира не устояли пред твоим обаянием и превосходством. Надменный Американец, чопорный Англичанин, гордый Немец, язвительный Француз, лукавый Японец, осторожный Китаец - все приняли тебя как вселенского лидера, кому готовы передать свои полномочия. Делегируют тебя в Цари мира, венчают на царство, нарекают Москву столицей всея Земли. Такого величия Россия не достигала ни в какой период своей истории. Ни при Иване Грозном, ни при Екатерине Великой, ни при Иосифе Сталине. Ты превосходишь их всех. Ты стал Царем мира без войн, без атомных бомб и авианосцев, без жестоких диктатур и насилий, но лишь благодаря своей божественной кротости, исходя из воли Творца, следуя мистическому предназначению России. Мы переносим центр Земли в Москву, в Четвертый Рим, как было предсказано соловецким мучеником, погибшим от рук большевистских убийц. Меняем координатную сетку планеты, как мечтал об этом святой Патриарх Тихон, выстраивая Новый Иерусалим…

От этих слов Счастливчик почувствовал прилив радостной силы. Словно мышцы его укрупнились, рельефно напряглись под одеждой. В груди стало просторно и ярко. Взор стал видеть далеко. Каждое малое, отливавшее солнцем оконце, каждый блик пробегавшего автомобиля скрывали в себе чью-то жизнь, чью-то неповторимую судьбу, которая славила его, любила и доверяла. И он, могучий повелитель, был готов использовать свою абсолютную власть на благо родной земли.

- Через месяц состоится твое венчание, - теперь оба они смотрели на Кремль, где, окруженные розовыми зубцами и башнями, зеленели холмы, темнели синие пирамидальные ели, под желтыми, полуоблетевшими деревьями скопились золотые лужицы опавшей листвы. Соборы парадно и гордо сверкали. На Иване Великом, под куполом, блестела черно-золотая надпись. Счастливчик, не умея ее прочитать, тем не менее знал, что она таинственно соотносится с их разговором. - Я сам разрабатываю ритуал небывалого действа, которому хочу придать вид вселенской мистерии. Лучшие дизайнеры, художники и режиссеры планеты готовят в Москве мистерию. Сюда приедут все лидеры мира, привезут земли своих долин, гор и пустынь, святыни своих народов. Все религии мира освятят твое восхождение. На Воробьевых горах будет установлен Колосс Московский,

создаваемый нашим известнейшим скульптором, с использованием новейших космических материалов и компьютерных технологий. В хрустальной голове гигантской скульптуры будет установлен трон, куда ты вознесешься в лучах своей славы. Богослужение с участием иерархов всех мировых религий освятит твое помазание. В нашем празднике сольются хеллоуин и элевсинские таинства, "весна священная" и африканские культы вуду. По площадям и проспектам Москвы сводным парадом пройдут объединенные армии мира. Мы устроим салют, направив в ночное московское небо пролетающую мимо земли комету, наполнив ночь над Москва-рекой алмазными люстрами Космоса, оросим Москву звездным дождем. Такого праздника еще не видело человечество. Двадцать первый век будет наречен Веком Счастливчика…

Эти слова вызвали у Счастливчика священный восторг, словно кто-то поднял его на могучей длани над Землей, показав земные царства, возлюбившие его народы, славящих его земных царей. От крыши "Ударника", высоко, через реку, в сторону Арбата и Министерства обороны, был натянут стальной трос, который казался солнечной паутинкой. По нему шел канатоходец в костюме скомороха, в колпаке с бубенцом, балансируя с помощью шеста. Казалось, он ступает по воздуху, пропадая на миг среди лучей и солнечных бликов. Это был охранник из подразделения "Блюдущие вместе", оснащенный боевым лазером, которым с высоты прожигал капоты подозрительных автомобилей. Те останавливались с расплавленными двигателями, и выбегавшие в недоумении водители оказывались во власти работников ГАИ. Подобным образом канатоходец только что остановил джип "Чероки", принадлежавший главарю солнцевской группировки. Постовой вежливо отдал честь профессорского вида мужчине и требовал у него тысячу долларов штрафа.

- Однако, чем ближе царство добра, тем активнее силы зла, - теперь они смотрели на гостиницу "Россия" с гирляндами флагов, на грозный трезубец Котельнической набережной, на Новоспасский монастырь, чьи синие купола были усыпаны серебряными звездами, на длинную прорезь Пролетарского проспекта, убегавшего к Коломенскому, Калужской, к далеким березнякам Домодедова, где воздух был нежно-алюминиевый от летящих самолетов. - На пути исполнения твоих грандиозных замыслов существует препятствие.

Пользуясь твоим милосердием, спекулируя на твоей доверчивости, Мэр и Плинтус готовят твое свержение. Страшатся предстоящей вселенской мистерии. В заговор вовлечены послушные им депутаты Думы, которые препятствуют прохождению закона "О снижении русского населения до пятидесяти миллионов человек". К ним примкнули несколько губернаторов, недовольных твоей политикой упрочения вертикали власти. Им симпатизирует строптивый олигарх, не желающий жертвовать деньги на проведение нашего вселенского торжества. Они окружили себя продажными журналистами, распускающими о тебе грязные слухи. Наняли лживых политологов, прогнозирующих снижение твоего рейтинга. Связались с одиозными мировыми структурами. Пользуются влиянием в военных округах. Они спонсируют радикальные движения бритоголовых фашистов и "Красные ватаги" революционных бомбистов, готовя беспорядки в Москве накануне твоего помазания. Они всячески поддерживают обветшалые мифы о "красных" и "белых", подрывают наше новое мировоззрение, снижают победный пафос обновленной русской идеи. Мы должны устранить угрозу. Уничтожить заговор. Физически, как мерзких тлетворных насекомых, истребить Мэра и Плинтуса. Иначе нам обоим, а также нашей милой ненаглядной России, почти уже ставшей владычицей мира, наступит конец…

- Ты их хочешь убить? - изумился Счастливчик.

- Иного выхода нет, - твердо произнес Модельер. Выставил ногу вперед, сложил на груди руки, обретая сходство с римским патрицием.

- Я никогда не пойду на это, - Счастливчик возмущался сделанным ему предложением, омрачившим недавний восторг. - Перед лицом просвещенной Европы я отказался от смертной казни.

- Никто и не говорит о судебном разбирательстве и смертном приговоре. Они просто исчезнут, как будто и не рождались.

- Это против моих этических принципов. Я дал слово народу, что больше никто, по воле власти, не умрет насильственной смертью.

- Тогда умрешь ты, - жестоко сказал Модельер, отступая на шаг от Счастливчика.

Счастливчику показалось, что прозрачная, соединяющая их трубочка оборвалась. Он тут же ощутил удушье, словно его кровяным тельцам не хватало кислорода, началось витаминное голодание,

скопившиеся в крови шлаки стали закупоривать сосуды, и в мозгу стали звучать погребальные удары колокола.

- Ты хочешь дождаться беспорядков в Москве? Повторения стрелецких мятежей, когда безумные толпы начнут громить Кремль, искать тебя в кабинетах и приемных залах, чтобы схватить и посадить на кол? Или повесить на кремлевских зубцах? Или утопить в Москва-реке? Или зарядить в Царь-пушку и выстрелить? Разве так поступают великие державники? Твой предшественник, когда нависла угроза его начинаниям, сжег из танков Парламент, расстрелял из пулеметов детей и женщин, а потом спалил трупы в крематории, а пепел съел, размешав его с медом. Власть - великое бремя, и она требует жертвы. Недавно ты поступил как великий правитель, пожертвовав подводной лодкой "Москва". Неужели ты не решишься раздавить двух злобных негодяев, желающих смерти тебе и погубления великому мировому проекту, с которым связано величие Родины?

Удушье нарастало. В горле клокотал раскаленный уголь. Глаза выкатывались из орбит, так что на небе, среди зеленоватого московского неба, начали расходиться фиолетовые и красные кольца.

- Решайся, - грозно требовал Модельер, приставив длинный, накаленный, словно шкворень, палец к холодному лбу Президента. - Соглашайся во имя Москвы и России. Во имя Четвертого Рима. Если нет, я уйду в отставку.

Небо волновалось, расходилось кругами, словно было твердой шелковой тканью, под которой кто-то бился, стремился прорваться наружу.

- Согласен, - чуть слышно сказал Счастливчик. Палец Модельера, касавшийся его лба, начал остывать. Его пылающий белый конец становился малиново-красным, темнел, покрывался железной окалиной.

Небо над собором трепетало и билось, словно от боли. Высоко, в зеленом свечении появился надрез. Он расширялся, растягивался, словно в женское лоно вложили акушерские щипцы и тянули в разные стороны, открывая темный прогал. Небо кровенело, содрогалось, черный прогал расширялся, открывая бездонную тьму, в которой что-то жутко светилось, пульсировало, рвалось наружу. Мокрый, розовый, покрытый слизью эмбрион, напоминавший пятипалую морскую звезду, шевелился, просовывал сквозь лоно мокрые язычки, от которых

по небу бежала ядовитая красная рябь. Купол собора казался красным, крест, под которым стояли Модельер и Счастливчик, отекал кровавой росой, и оба они, подняв в небеса изумленные лица, наблюдали знамение. Небесное лоно сомкнулось, пятипалый моллюск исчез. Только волновалось, трепетало от боли беременное багровое небо.

- Что это было? - потрясенно спросил Счастливчик.

- Оптический эффект. Я слышал, американцы в районе экватора испытывают новую систему слежения. Это был сгусток электромагнитной энергии.

- Скорее всего, - облегченно вздохнул Счастливчик. Он видел, что между ними снова образовалась прозрачная, едва заметная пуповинка, по которой к нему поступает голубоватая влага, испускающая нежное химическое свечение.

Аня, ухватив за локоть раненого человека, заслоняла его от буранного ветра, что был поднят бешеными машинами, у которых на крышах плясали фиолетовые вспышки, похожие на безумных танцовщиц. Кортеж промчался, поворачивая к белому собору, а они остались на тротуаре, перейдя Остоженку по цветастому половику.

- Теперь я пошла… Удачи вам… - сказала Аня, оставляя своего немого и слепого попутчика, которому оказала услугу. Отпустила локоть человека, жесткий грязный рукав его темной робы. Сделала несколько шагов, захваченная толпой, с каждой секундой забывая о странном попутчике, о прозрачной радуге, которая возникла у них под ногами на пешеходной дорожке. Сворачивая в переулок, оглянулась. Человек стоял неподвижно как статуя на носу корабля. Аня, почти из-за угла, оглядела его последним взглядом. И вдруг опять испытала такую боль, такое сострадание, словно случившаяся с человеком неведомая беда была и ее бедой. Видя, как он начинает падать, медленно заваливается навзничь, чтобы грохнуться затылком о черный асфальт, Аня тихо вскрикнула и метнулась к нему. Добежала, подхватила в падении, ощутив всю его каменную тяжесть, как если бы подхватила падающую с постамента статую.

- Вам куда?.. Какой переулок?.. Давайте я вас провожу…

Он молчал, открыв остановившиеся, немигающие глаза под золотистыми опаленными бровями. Она повлекла его, преодолевая негибкость его окаменелых ног. Шла, настойчиво тянула, не ведая, куда идет. Он был слеп, оглушен и беспамятен. Она была поводырем

слепца, его зрячим посохом. Чувствовала, что сама ведома. Кто-то, неразличимый в холодном латунном воздухе, незримо парящий в сгустившейся синеве, вел ее. Так они и шагали втроем по Зачатьевскому переулку. Она очнулась, когда остановилась перед подъездом своего собственного дома.

"Зачем я это делаю?.. - беспомощно и отрешенно подумала она, вводя человека в полутемный подъезд, протягивая руку к стертой кнопке старого лифта. И когда подымались в тесной кабине, едва помещаясь в ней, Аня чувствовала, как от одежды человека пахнет сырым подземельем, холодной тиной, и дыхание его напоминало железный сквозняк погасшей плавильной печи.

Она отомкнула дверь, ввела его в прихожую своей однокомнатной квартирки, не слишком прибранной, со следами небрежения к убранству, какое случается в жилище одинокого, вечно занятого человека, не обремененного заботой о домочадцах. Он переступил порог, остановившись у вешалки, где висели женский плащ и женский жакет, шелковый легкий платок, в котором увядали запахи исчезнувшего московского лета. И она почувствовала, как он занял весь объем ее небольшого жилища, вплоть до сумрачного высокого зеркала, слабо мерцавшего из глубины спальной, где кровать у занавешенного окна была небрежно прикрыта наспех брошенным покрывалом.

"Почему?.. Зачем мне это?.." - слабо сопротивлялась она, оглядываясь на застывшего у порога онемелого человека. При этом чувствовала, что действует не сама по себе, а по неведомому предписанию, в котором чья-то рука уже вывела строчки об их состоявшейся встрече.

- Вы замерзли… Вам нужна горячая ванна… - она взяла его за руку, повлекла от дверей в глубину квартиры. Оставила на минуту, зажигая свет в ванной, пуская воду из хромированного, звучно прыснувшего крана. Бегло осмотрела блестящий кафель, флаконы шампуня, мохнатые полотенца, брошенную второпях нижнюю сорочку. Вернулась к нему, недвижно и послушно стоявшему в своих стоптанных странных сандалиях. - Помогу вам раздеться…

Человек стоял с раскрытыми, остановившимися глазами, словно был заколдован. Казалось, кто-то заглянул ему в глаза ужасным сверкающим оком, и они остановились, наполненные тьмой.

Было слышно, как набегает в ванной вода. Аня совлекала с него одежду - робу, тельняшку, драные брюки. Заставляла подымать тяжелую ногу, сбрасывая со стопы странные сандалии, напоминавшие больничную обувь. Она действовала как санитарка, опытная и терпеливая нянька. Одежда комьями валилась на пол, освобождая молодое, бледное тело со следами синяков и ожогов.

- Идемте за мной… - она взяла его за руку, видя, как неловко переступают по полу его босые ноги. Ввела в ванную. Черпнула рукой зеленоватую жаркую воду, по которой бежали яркие отражения лампы. - Садитесь, я вам помогу, - она погружала его в воду, боясь, чтобы та не показалась ему слишком горячей. Но он словно не чувствовал температуру воды, как не чувствует ее каменное изваяние. Но тело его было не каменным, а живым и теплым, из красивых молодых мускулов, с сильными руками и длинными стройными ногами. Он сидел в ванне, до пояса покрытый водой, и она поймала себя на том, что любуется его плотью, окруженной колебаниями воды и света.

- Вы согреетесь, вам станет гораздо легче… - она выключила воду, которая разбивалась стеклянным блеском о его приподнятое колено. Из флакона выдавила в ванну травянисто-зеленый шампунь. Размешала его, превращая в душистую пену, которая нежно охватила грудь и голые плечи сидящего в воде человека. Взяла розовую губку, стала робко, осторожно касаться его шеи, лица. Выжимала над ранами и ожогами струйки воды. Прикладывала пышные, с перламутровыми пузырьками, хлопья пены.

Аня завершила омовение. Подняла его из воды. Он стоял, немой, недвижный, послушно опустив руки. Она накинула на него махровое покрывало, отирала, стараясь не причинить боль, чувствуя сквозь мохнатую ткань упругость его мышц. Встав на цыпочки, отерла ему полотенцем волосы. Сначала взлохматила, а потом расчесала гребнем, любуясь их влажно-золотым блеском.

- Что-нибудь надеть поищу… Вот это, не Бог весть что… - Извлекла из шкафа потертый мужской халат, поставила перед ванной мужские стоптанные шлепанцы - все, что осталось от печального непродолжительного замужества. Помогла человеку переступить из ванны, набросила на него ветхий халат, перетянула на талии матерчатый пояс. - Теперь к столу…

Усадила его в тесной кухонке, поставив перед ним хлеб, масленку, сахарницу. Он не трогал еду, не замечал ее, не нуждался в ней. Подумав, она вскипятила молоко, не дав перелиться через край эмалированной чашки. Кинула в молоко ложечку меда. Взяла столовую ложку с серебряной потемнелой монограммой… Черпнула молоко. Дула на него, остужая. Попробовала губами, а потом осторожно поднесла человеку, раздвинула краешком ложки его сомкнутые губы.

- Один глоточек… Вот так… Молодец… - влила в него горячее, сладко-душистое молоко. Он проглотил. Было видно, как растекается по телу горячий глоток, умягчая железное ледяное дыхание. Человек сделал глубокий вдох, словно в нем что-то ожило. Остановившиеся глаза под тяжелыми веками стали оттаивать, веки медленно опускались на серо-голубые, чуть затуманенные глаза.

- Теперь отдохните, поспите…

Она собиралась уложить его тут же, в кухне, на маленьком диванчике. Но человек казался слишком большим, и она ушла в спальню. Перестелила свою постель, набросив свежую простыню. Успела заметить в зеркале свое лицо, в котором померещилось нечто птичье, тревожно-радостное, торопливо-трогательное. Привела из кухни человека и уложила его, накрыв шерстяным теплым пледом. Человек лежал на спине, светлея в сумраке исхудалым, заостренным лицом. Глаза его несколько минут оставались открытыми, в них застыли серебряные точки, прилетевшие из зеркала, а потом веки бесшумно сомкнулись, и он уже спал. Плед медленно вздымался и опускался на его груди.

Аня сидела у его изголовья, и было ей печально, и было ей странно, и было ей хорошо. Она опять почувствовала, что действует согласно чьему-то предначертанию. В рукописи, которая кем-то о ней написана, только что были прочитаны строчки про молоко, про мед, про фамильную серебряную ложку с потемнелой прабабушкиной монограммой. И что там еще впереди?..

ГЛАВА ШЕСТАЯ

На тайную встречу, подальше от глаз президентской разведки, в глубоких подземных нишах собора сошлись союзники и осторожные заговорщики Мэр и Плинтус. Сидели в крохотном кабинете, затерянном среди подземных гаражей, дансингов, конференц-залов и казино. Наверху, в необъятном пространстве храма шла поминальная служба - сорок дней со дня гибели подводного крейсера. Печально толпились вдовы и матери. Чернела форма морских офицеров. Рокотал огромный, волосатый, похожий на льва диакон. Было светло от свечей и слез.

Мэр и Плинтус, соблюдая диету, пили свежевыжатый морковный сок. Созерцали из-за столика, как на огромном телеэкране демонстрируют кадры заграничного турне Истукана. Святая Земля, и седоголовый Истукан, сделав комичную физиономию, лезет в какую-то пещеру, окруженный лучами фонариков. Древние монастыри Тибета, и бонза в оранжевом облачении тянет к носу Истукана благовонную палочку. Шоколадные воды Ганга, и плывущий в них Истукан, на шею которого надет венок из живых цветов. Звезды Голливуда на празднике присуждения "Оскара", и Истукан, похожий на медведя, с неуклюжей развязностью приглашает на танец кинозвезду. Кадры сменяли один другой. Диктор с упоением рассказывал о странствующем Первом Президенте, который ушел от политики и теперь предается радостям пенсионного возраста.

- Все-таки странно, - произнес Мэр, поднося к своему зубатому рту стакан с розовым соком, который отразился в его полированном безволосом черепе. - Говорили, что он едва живой, на искусственном питании, с искусственным сердцем, а он переплывает Ганг и кладет свою медвежью лапу на ягодицу американской стриптизерши. Что-то не так…

- Мне кажется подозрительным его столь продолжительное отсутствие, - Плинтус колыхнул жирным, выбритым зобом, осторожно влил в него морковный сок, на мгновение соединив стекло стакана с мясистым пеликаньим носом. - Он уехал из России год назад, и теперь

его видят то среди памятников крито-микенской культуры, то на ацтекских пирамидах Мексики. Какой-то здесь угадывается умысел…

- Если присмотреться, он все время чуть-чуть не в фокусе, - продолжал Мэр, цедя сквозь редкие зубы пенистую розовую влагу, наблюдая, как Истукан кидает монетку в фонтан Версаля. - Его всегда показывают некрупным планом, на удаленном расстоянии.

- Мне тоже приходила мысль о двойнике, - Плинтус внимательно смотрел на экран, где Истукан в белом костюме и шляпе разгуливает среди златоглавых пагод Бангкока. Огромный, стекающий на грудь зоб Плинтуса менял окраску как чуткий подводный моллюск. От нежно-розового до зеленовато-желтого, от бирюзового до темно-синего и оранжево-красного. Это свойство зоба менять окраску было широко известно в дипломатических кругах, где умели угадывать, в каком умонастроении пребывает Плинтус. Он же, в свою очередь, пользовался цветовой гаммой зоба, чтобы ввести в заблуждение собеседника. - Мне кажется, есть смысл инициировать в Думе запрос о столь долгом отсутствии Первого Президента России. Думаю, это будет чувствительным уколом для Счастливчика.

На экране Истукан, окутанный паром, сладострастно погружался в глиняный чан турецкой бани. И секундой позже, весь в мехах, в чукотском чуме с аппетитом поглощал сырое собачье мясо.

- Очень важна ваша книга, появление которой с нетерпением ждет российская и мировая общественность, - открывая рот, Мэр показывал короткие, похожие на гвозди зубы. - Вы подвергаете сомнению происхождение Счастливчика. Вскрываете тайну его появления в политике и его связь с Истуканом. Ставите под сомнение его легитимность. По прочтении вашей книги должно возникнуть ощущение, что он - самозванец.

На экране Истукан радостно раскалывал большой кокос, выплескивая млечный сок, в окружении очаровательных, первобытных африканок. И следом - задумчиво и величественно стоял в галерее Прадо, рассматривая картину Эль-Греко.

- Книга печатается, и скоро я устрою презентацию, - зоб Плинтуса покрылся нежно-малиновым румянцем, и это был цвет удовлетворенного честолюбия. - Однако нам нужно торопиться с основными деяниями. Нас могут опередить. После нашего выступления перед вдовами в "Рэдисон-Славянской" Счастливчик и

Модельер воспринимают нас как открытых врагов. У меня есть чувство, что за мной установлена непрерывная слежка. - Зоб стал сине-фиолетовым, покрылся воспаленными розовыми пупырышками, напоминая влажный экзотический плод, что было выражением тревоги и готовности к агрессивному действию.

- Этому и посвящена наша встреча, - Мэр кивнул лысой головой.

Оба поднялись из-за столика, глядя на огромный телеэкран, на котором Истукан ел сосиску, запивая пивом на фоне Кельнского собора.

Они поместились на эскалатор, который переносил их с уровня на уровень, все глубже под землю, где располагались гаражи, стояли тяжеловесные "мерседесы" для высших иерархов церкви и величественные "аудио" для государственных чиновников. Миновали залы игральных автоматов, пересекли дорожки боулинга. Наконец оказались перед дощатыми, деревенского вида воротами с коваными скобами и засовами, где красовался известный на всю столицу плакат "Испанская коррида в Москве. Мэр приглашает". Огромная, с налитым диким глазом, бычья башка. Изящный, узкий в талии тореадор, облаченный в золотистый камзол. Черные бакенбарды, алое полотнище и короткая шпага. Мэр толкнул ворота, и оба, оставив мраморный, с паркетом коридор, оказались на скотном дворе.

Здесь вкусно пахло сеном, пряным силосом, жаркой животной жизнью. Смуглые толстые доски и кованые чугунные решетки выгораживали просторные стойла, в каждом из которых помещался огромный черно-фиолетовый бык. Звери мощно и мерно дышали. Их откормленные бока казались лакированными. Под короткой стеклянноблестевшей шерстью лениво перекатывались могучие мускулы. Тяжелые бычьи головы были увенчаны отточенными, словно пики, рогами. Костяное острие переливалось металлическим блеском. Исподлобья влажно, угрюмо взирали выпуклые глаза с синими белками и кровавой поволокой. Звери вздыхали, окунали розовые шершавые ноздри в кормушки, звенели цепями. Над ними веселой стайкой перелетали воробьи. Слышался плеск разбиваемой о пол звериной мочи.

Мэр гордым, ликующим взором оглядывал свое богатство:

- Эти великолепные зверюги выращены на горных пастбищах Андалузии и доставлены в Москву военно-транспортной авиацией,

для чего мне специально пришлось добиваться у лидеров европейских государств воздушного коридора.

- Ваша затея с корридой великолепна, как и все, что вы предпринимаете, - Плинтус сквозь доски с опаской и восхищением взирал на быка, который наставил на него мрачный, с лиловым отливом глаз.

- Каждый бык по стоимости равен двум шестисотым "мерседесам". Для их покупки мне понадобилось серьезно напрячь азербайджанскую диаспору, пригрозив, в случае отказа, запустить на рынки недовольных скинхедов.

У стойла работал молчаливый скотник. Смуглолицый, с горбатым испанским носом, облаченный, как и все служители храма, в длинный подрясник, с галстуком-бабочкой, в маленьких золотых эполетах. Он поливал быка из шланга теплой водой, чистил ему кожу скребком. Бык застыл в наслаждении. Струя серебряной брошью разбивалась о полированный бок. Вода омывала копыта, щекотала пах с набрякшими семенниками. Зверь, окутанный испарениями, стоял, словно отлитый из черного стекла.

- В чем смысл операции "Коррида"? - поинтересовался Плинтус.

Мэр не успел ответить. Словно сотворенный из золота, солнца и славы, из пленительной красоты и мужественной отваги, перед ними возник тореадор, тот самый, на которого любовалась Москва, созерцая великолепный рекламный плакат. Мужчина, затянутый в золоченый камзол, с узкой осиной талией, широкий в плечах, ослепительно улыбался, блестел черно-синими, расчесанными на пробор волосами. Его коричневое, трепетавшее от страсти лицо выражало галантность и нетерпение бойца, стремящегося в сражение. Он находился среди быков, их жертва и их убийца, их истязатель и обожатель. Они были нераздельны, созданы друг для друга. Любили и восхищались друг другом, желали друг другу смерти. Звери в стойлах все разом заволновались, громко и страстно задышали, зазвенели цепями. Изящный испанец, в тесных панталонах, с сильными икрами и литыми шарами в паху, сверкал белозубой улыбкой, наполненный гулом арены, ревом и рукоплесканием толпы, восторгами женщин, храпом пробитых рогами коней, пронзенных насквозь тореадоров.

- Эскамильо, лучший тореадор Сан-Себастьяна, - Мэр пожал узкую смуглую руку испанца, на которой красовался серебряный

перстень с вороньим камнем. - Контракт с Эскамильо стоит два миллиона долларов. Мне пришлось изрядно надавить на владельцев нефтеколонок, пригрозив налоговой полицией, прежде чем эти скупердяи собрали свои нефтедоллары. - Мэр засмеялся. Эскамильо, не понимая языка, улыбался молодой испанской улыбкой.

Они шли вдоль бычьих загонов, и сумрачные звери вращали глазными яблоками, бугрили загривки, звенели цепями, налитые неизрасходованной мощью и похотью.

Они оказались в соседнем помещении, стены которого были выложены белым кафелем. Голые слепящие лампы отражались в изразцах, в стальных медицинских тубусах, в стеклянных сосудах и колбах. Из резинового шланга ярко бежала вода. Посреди помещения был установлен деревянный станок, напоминающий спортивные снаряды, - длинное тулово с высушенным коровьим хвостом, четыре упертых ноги, деревянная шея и на ней - грубо вытесанная коровья башка. Сооружение напоминало языческого идола, на голове которого были укреплены коровьи рога и бумажный венок с цветочками.

- Это бог Велес, - пояснял Мэр, подводя Плинтуса к деревянному зверю и поглаживая костяные, украшенные венком рога. - Сейчас вы увидите, как отбирают сперму у андалузских быков. Дело в том, что я решил распространить корриду на все регионы России. Это блестящий коммерческий проект, который принесет миллиарды. К тому же направит народное самосознание по новому руслу, исключающему восстания и революции. Мы скрестим андалузского быка с вологодской коровой, а дух испанского идальго с русской мечтой о Минине и Пожарском. На базе суворовских училищ уже начата подготовка тореадоров.

- Великолепно, - Плинтус осторожно прикоснулся к деревянному чудищу. - Но все же, мне бы хотелось узнать сущность вашего главного плана.

Мэр обернулся, желая убедиться, что их никто не слышит. Испанского вида смуглолицый служитель с горбатым носом и провалившимися аскетическими щеками окатывал рогатого идола теплой водой. От деревянной коровы подымался парной телесный дух, словно она обретала живую плоть и дыхание. Золоченый тореадор Эскамильо стоял поодаль, любовно рассматривал себя в крохотное зеркальце, поправляя иссиня-черные, страстно блестевшие волосы.

Мэр заговорщически сверкнул глазами. Потянулся к металлическому тубусу с теплой водой. Вынул длинную стеклянную колбу с округлым дном. Понюхал ее, посмотрел на свет. Вернул в металлическую кастрюлю.

- Я сам разработал сценарий корриды. На закрытой арене в Лужниках соберутся тысячи москвичей, весь бомонд, правительство, духовенство и, конечно же, Президент. Ложа его будет украшена геральдикой старинных испанских родов. Ее будут окружать дамы в туалетах испанского средневековья. Перед началом представления на арену выйдет певец Басков, который, как вы уже догадались, находится в родстве с баскскими сепаратистами и является дальним родственником Эскамильо, баска по национальности. Наш замечательный русский певец испанского происхождения исполнит арию Хосе. А его неизменная нежная подруга, меццо-сопрано Кабалье споет арию Кармен: "У любви, как у пташки, крылья…", - хотя, должен заметить, вряд ли найдутся крылья, даже в фирме "боинга", способные оторвать от земли туловище знаменитой певицы. Затем начнется бой. Эскамильо покажет чудеса виртуозного обращения с жестоким быком, заставляя зрителей реветь от восторга и страха. Наконец, последний взмах красной мулеты, обезумевший бык проносит свои отточенные рога у самого бедра бесстрашного тореадора, и тот, подымаясь на цыпочки, как Плисецкая на пуантах, сверху, словно из Космоса, вонзает в быка разящую шпагу, пробивает насквозь бешеное бычье сердца. Бык с грохотом рушится. Эскамильо ловким ударом тесака отсекает быку его рогатую непутевую башку, заматывает в окровавленную мулету и идет к президентской трибуне, чтобы преподнести свой трофей венценосному русскому повелителю. Приближается. Счастливчик, польщенный, чувствуя себя королем испанским, принимает бычью башку. И в этот момент Эскамильо, который, как вы уже, наверное, догадались, является законспирированным баскским террористом, вонзает в Счастливчика свою короткую шпагу. Над ареной подымает дым. Отчаянный баск скрывается в дымовой завесе, выбирается наружу, а затем, по приготовленному коридору, через Чечню отбывает в Турцию и дальше, в родную Испанию. Приговор приведен в исполнение. Тиран повержен. Мы принимаем власть из рук благодарного, освобожденного от тирании народа.

- Великолепно! - Плинтус не мог скрыть восхищения. Его чувствительный зоб надулся как фиолетовое туловище осьминога, переливаясь всеми цветами радуги, - Вы, мой друг, несравненный режиссер. Станиславский нового времени.

Снаружи послышался храп, свирепый рокот и рев. Раздались металлический звон и гортанные выкрики: "Торо!.. Торо!.." Сквозь широкий проход в помещение просунулась яростная бычья башка. Следом - мокрый черный загривок, налитые брусничным соком глаза, костяные, отточенные как иголки рога, с которых срывались жалящие лучи света. Толстую складчатую шею быка стягивал кожаный хомут с железными цепями, за которые что есть силы тянули служители с золотыми погончиками, в галстуках-бабочках. Бык слепо мотал башкой, со свистом выдувал из ноздрей розовый дым похоти. С губ до пола свешивалась липкая розовая слюна. Увидел деревянное чучело. Взревел, раздувая раскаленные бока. Метнулся вперед, тяжко наскакивая на корову, с силой ударяя копытами в струганую спину. Громоздился на нее, рыл мордой, лизал толстым языком. Из мохнатого подбрюшья вывалился огромный хобот с розовым слизистым острием. Бык хрипел, задыхался, бился пахом о деревянную колоду, сминал сухой коровий хвост. Из него, как из клокочущего реактора, извергалась свирепая сила. Рвалась наружу из напряженного хобота.

Мэр, с тонким женским вскриком, страстно перехватил возбужденный хобот. Насадил на него стеклянную колбу. Внутри стекла вскипела, всклокотала млечно-жемчужная жижа. Обжигала Мэру пальцы. Согнувшись под быком, принимая своей толстой спиной судороги бычьего брюха, он сцеживал остатки семени. Подымал высоко реторту с уловленным жарким сгустком, который светился в его руках, словно кусок урана.

Плинтус созерцал ошеломленно. Бык, опустошенный, обессиленный, соскользнул с деревянного станка. Сонно мотал головой. Служители уводили его прочь, и один наступил на млечную лужицу семени. Казалось, подошва сгорает от соприкосновения с раскаленной плазмой.

- Вот так-то, - утомленно произнес Мэр, ласковым взглядом провожая уходящего зверя. Открыл портативный холодильник. Поставил в него реторту, где, нерожденные, окруженные млечным туманом, дремали бычьи стада.

Они покинули скотный двор и двигались по подземному переходу, который был частью секретного сталинского метрополитена, с бронзовыми светильниками и люстрами, с изображением летчиков, танкистов и моряков, бесстрастно взиравших из полукруглых ниш.

- Все, что вы мне рассказали, выглядит безупречным, в лучших традициях средневекового заговора, - Плинтус выступал на коротких неуклюжих ногах, на которых ортопедическая обувь скрывала трехпалые, с перепонками ступни. Выставил пеликанью грудь, откинул назад голову, дабы уравновесить тяжелый, залитый свинцом нос. - Однако на нашем пути может возникнуть препятствие, - вездесущий и коварный Модельер, у которого везде есть глаза и уши. Не убежден, что ваш замечательный план уже ему не известен. Без Модельера Счастливчик беспомощен. Надо устранить Модельера, и тогда удар короткой испанской шпаги достигнет сердца узурпатора.

- Вы чувствуете мир как я, - проходя мимо бронзового партизана, Мэр потрепал его по щеке. - Мы оба - эллины, оба причастны элевсинских таинств и дионисийских игрищ. Я веду вас туда, где вы узнаете, как будет истреблен Модельер.

Они преодолели несколько переходов и очутились среди светлого лучистого пространства, в котором нежно играли бирюзовые воды, ярко светили высокие лампы, змеи отражений бежали по кафельному дну. Перед ними был великолепный, чистый бассейн с плавательными дорожками и вышками для ныряний. Седобородый служитель, все в том же долгополом облачении, в галстуке-бабочке, с золотыми крендельками эполет, расхаживал по краю бассейна и капроновым сачком вылавливал в чистейшей воде невидимый и, должно быть, несуществующий сор.

- Откуда это чудо? На такой глубине, под землей? - восхитился Плинтус, в котором ожила его пеликанья, водоплавающая природа. - Мы станем плавать?

- Вам открылась одна из тайн нашего города. - Мэру доставляло удовольствие неподдельное изумление Плинтуса. - Когда был заложен наш великолепный собор, я отдал распоряжение, чтобы бассейн "Москва" был сохранен в основании возводимого храма. Это памятник коммунистической эры. Здесь, если угодно, скопились воды времени. Мало кто об этом знает. И уж почти никто не окунается в эти таинственные воды. Иногда Патриарх вместе с епископатом нисходят

сюда по мраморной лестнице. Плавают всем клиром, наслаждаясь отсутствием паствы.

Бородатый служитель, напоминавший рыбаря, молча им поклонился. Унес мокрый сак, в котором блестела слипшаяся ячея.

- Прежде чем мы окунемся в бассейн, я проведу вас вокруг и покажу реликты минувшей эпохи, многие из которых вызовут у вас умиление. Если угодно, это пантеон наших с вами святынь. - Мэр повел Плинтуса по краю бассейна, указывая в прозрачную глубину, где на кафельных плитках, чуть размытые водой, покоились сувениры и фетишы минувших времен.

Здесь были награды Брежнева - двенадцать орденов Ленина, десять звезд Героя Советского Союза, восемь орденов "Знак Почета", шестнадцать орденов Боевого Красного Знамени и один орден "Мать-героиня", которым наградил его узбек Рашидов. Все награды лежали на кафельных плитках, как на погребальных подушечках. Золото и цветная эмаль переливались сквозь толщу воды. Здесь можно было увидеть плюшевого медведя - эмблему Московских олимпийских игр и трехтомник писателя Иванова "Вечный зов". Парик Кобзона из куньего меха и кандалы Солженицына, которые тот потерял в Нерчинских рудниках. Черную эсэсовскую фуражку Штирлица и дырявый камушек "куриный бог" с поверхности Луны. Среди экспонатов подводного музея хранился катетер Андропова, вставная челюсть Черненко с остатками шашлыка, соска-пустышка Горбачева, которую ему в день свадьбы подарила Раиса Максимовна. Здесь было много разного рода пуговиц, пряжек, винтов и гаек, а также канцелярских скрепок, ластиков, подшивок газет, папок с надписью "Личное дело". Тут же лежал батон колбасы, из-за отсутствия которой началась "перестройка", и бутылка водки с пляшущими литерами, под названием "коленвал", которая послужила введению антиалкогольного указа.

Мэр и Плинтус шли по кромке бассейна, взирая на окаменелости минувшей эпохи глазами, увлажненными от сентиментальных воспоминаний.

- Теперь о главном, - Мэр овладел собой и снова стал неумолимым и хищным, как боец подпольного сопротивления, - сейчас мы встретимся с человеком по имени Буранчик и услышим план истребления Модельера.

Они вошли в душевую, где под шумным снопом воды стоял голый толстяк с младенчески-розовым телом. Большие женские груди колыхались при каждом движении. Жирные ноги и руки были в перевязях, как у грудного ребенка. Сияющие голубые глаза с розовыми веками радостно мигали сквозь водяные струи. Он сочно шлепал стопами, скреб бока, оставляя белые полосы, которые быстро заливал нежный румянец. Это был руководитель российского космического ведомства. Прозвище Буранчик он приобрел после того, как по заданию американских коллег из Хьюстона прекратил программу "Буран". В результате эскадрилья советских космических челноков была распродана богатым фантазерам и использовалась под казино, стриптиз-бары и удобные туалеты. Сейчас он руководил программой уничтожения космической станции "Мир", за что надеялся получить звание "Герой России".

- Увидел награды покойного Леонида Ильича и вспомнил анекдот, - Буранчик приветствовал из-под душа Мэра и Плинтуса и, пока те раздевались, громко, перекрикивая плеск и шорох воды, рассказывал… - Вот отправился Леонид Ильич в поездку по Кавказу. Прилетает в Баку к Алиеву, а там дождь, сырость. Говорит: "Гейдар, полетели в Сочи, там хоть позагораем". Прилетели, лежат на пляже, дремлют под солнцем. А у Брежнева из-под трусов выпало одно яйцо. Мимо пробегала собачонка и ну лизни яйцо Леонида Ильича. А тот, не открывая глаз, говорит: "Гейдар, это лишнее. Не надо так…" - Все трое, голые, подставляя плечи парной воде, гоготали, чмокали босыми стопами по теплому кафелю.

Вышли в прохладное пространство бассейна и один за другим шумно плюхнулись в воду, погнав во все концы золотые и синие волны.

- Немножко порезвимся, поотдыхаем, - предложил Мэр, не торопясь начать разговор. Они забыли о невзгодах и тяготах жизни и развлекались как дети. Плавали наперегонки по дорожкам - кролем, брассом и баттерфляем, причем всех опережал Плинтус, который пользовался зобом как гребным винтом. Опускались под воду, состязаясь, кто сколько продержится без воздуха. Выиграл Буранчик, оставаясь под водой двенадцать минут, ибо умел дышать кожей: когда он погружался на дно, все его тело окутывалось мельчайшими, вылетавшими из пор пузырьками, и казалось, что он кипит. Ныряли на

дальность, и тут уж выиграл Мэр - умудрился пронырнуть весь бассейн и выскочить на другой половине, держа в зубах подхваченный со дна парик Кобзона.

Наконец, угомонившись, подплыли к кафельной стенке в том месте, где из невидимой трубы бил упругий прохладный ключ и в стену бассейна была врезана узорная медная решетка с изображением дельфина.

- Ну, - строго сказал Мэр, сбрасывая со своего плеча пухлую руку Буранчика. - Время выслушать ваш план операции.

Космист вмиг стал серьезным. Его голубые, детски-наивные глаза, окруженные белесыми ресничками, обнаружили ум, цепкость мысли, сосредоточенность на предмете.

- Прежде всего, - обратился он к Мэру, - выражаю удовлетворение за пунктуальное соблюдение уговора. Первая партия денег получена и распределена между теми, без кого исполнение плана невозможно. Надеюсь, что вторая половина последует сразу же после реализации. Вы уже получили наши счета в офшоре, расположенном на Каймановых островах.

- Благодарите московских торговцев мебелью, - отозвался Мэр. - Они поделились с нами доходами, когда я стал намекать им, что земля покоится вовсе не на трех китах.

- Затем, как я понимаю, вами почти подготовлена церемония уничтожения космической станции "Мир". Выбрана смотровая площадка на Воробьевых горах. Установлена трибуна для почетных гостей с удобными креслами. Припасены телескопы, бинокли, подзорные трубы. Выпущен буклет, посвященный истории станции. Я уверен, что все приглашенные, включая дипломатов, банкиров и членов правительства, не пропустят возможность увидеть, как в ночном московском небе сгорает гордость советского Космоса.

- Можете быть уверены, - самодовольно заметил Мэр. - Мы извлечем из этого зрелища максимум коммерческого эффекта. Только такой бездарный правитель, как Счастливчик, мог допустить, чтобы потопление крейсера "Москва" не превратилось в увлекательное, нарядное шоу. Будь я на его месте, это вылилось бы в международный праздник на воде, в парусные гонки, аттракционы с Нептуном, парад военных кораблей. Стоимость билета колебалась бы от трех тысяч

долларов и выше. Это был бы праздник города, праздник Москвы, перенесенный к Северному полюсу.

- Суть операции в том, что на борту космической станции установлен боевой лазер, совмещенный с компьютером и системой наведения. Этот секретный лазер - единственный из советской программы "Звездных войн", которую мы остановили и демонтировали по просьбе американских друзей. Пролетая над Москвой, за несколько секунд до сгорания станции, лазер будет наведен на кресло, где разместится мишень. Цель будет поражена лучом в лоб. На небе будет сверкать звездный дождь от сгорающей станции, и когда заметят убитого в кресле, его смерть можно объяснить несчастным случаем - попаданием в него микроскопического осколка станции.

- Модельера убьет метеорит!.. Неподражаемо!.. - от возбуждения Мэр бурлил вокруг себя воду. Плинтус был также взволнован услышанным. Его зоб раздулся и стал нежно-голубым, как пузырь у весенней лягушки, находящейся в состоянии полового перевозбуждения.

- Но как, скажите, будет обеспечено прицельное попадание?

- Номер кресла будет введен в компьютер, а тот в состоянии направить луч хоть в дырочку от пуговицы на вашей ширинке, - снисходительно, как наивному гуманитарию, пояснял Буранчик.

- Но есть ли гарантия того, что Модельер придет на праздник сожжения "Мира"? - все еще тревожился Плинтус.

- Он будет считать, что это его затея. Он - великий драматург, и в числе устроителей праздника его имя набрано самыми крупными буквами. Главной тайной является номер кресла, в котором разместится мишень. Этот номер введен в бортовой компьютер, управляющий наведением лазера. В это кресло на смотровой трибуне служитель отведет и посадит того, кто является мишенью.

- Браво!.. - ликовал Мэр, окунаясь с головой в воду, выныривая обратно, голый, лысый, блестящий, с дышащей грудью, на которой слипшиеся волосы образовали свастику, словно Мэр был скинхедом. - Эй, кто там есть!.. - громко позвал он. На его крик появился бородатый служитель с сачком, склонился в молчаливом поклоне, - Теперь, любезный, мы созрели. Можешь пустить к нам "мамочек".

Служитель удалился. Медная решетка в кафельной стене бассейна отворилась, и в воду как темные глянцевитые торпеды метнулись дельфины. Молодые резвые самки стали носиться из края в край, пеня воду, разрезая ее стеклянными плавниками, взлетая в бурных фонтанах, оглядывая людей счастливыми выпуклыми глазами. Утолив первую радость свободы, они стали приближаться к купальщикам, ластились к ним, касались нежными телами, прижимались белыми шелковистыми животами. Мэр изловчился, вскочил на дельфиниху, и та со смеющимися глазами, похожая на актрису Минелли, ринулась по воде, играя серповидным хвостом. Мэр вцепился в ее стеклянный плавник, обвил упругое туловище скрещенными ногами. Покрикивал, повизгивал. Мчался на ней в бурунах и брызгах как фантастический наездник.

Плинтус изнывал под ласками водяного страстного зверя. Самка, по пояс в воде, обнимала его, наваливалась млечной теплой грудью, целовала тонким изящным ртом. Соскальзывала вниз, обвивала торс, нежно целуя в пах. Плинтус, закрыв глаза, издавал сладостные курлыканья. Его зоб трепетал, приобретя раскаленно-алый прозрачный цвет. Сквозь стенки просвечивали кумранские свитки и щипчики для снятия нагара, которые он проглотил в раннем детстве.

Игрища в бассейне продолжались долго, в то время как наверху, в торжественном гулком соборе, шла панихида, пылали свечи, диакон разрывал истомившиеся сердца громоподобным рыдающим рыком. Утомленные дельфинихи вяло уплыли в аквариум. А вкусившие услад купальщики, в засосах, оставленных страстными, неосторожными подругами, отправились в душевую, где выяснилось, что Мэр и Плинтус, в отличие от легкомысленного Буранчика, предпочли безопасный секс.

Расходились дружески пожимая руки. "Мерседесы" выносили их из подземных стоянок, из-под пластмассово-белых стен собора. Мчали в разные края Москвы, окутанной осенним сиянием.

Через час в рабочий кабинет Модельера вошли разведчики из спецслужбы "Блюдущие вместе". Служитель, похожий на голубоглазого инока, подававший Мэру и Плинтусу морковный сок. Горбоносый, испанского вида, скотник, присматривающий за андалузскими быками. Бородач из бассейна, все еще чуть влажный и пахнущий хлоркой. Все трое выложили перед Модельером

аудиокассеты с записями разговоров. Потирая ладони, не торопясь ставить их в портативный проигрыватель, Модельер поглядывал на кассеты, приговаривая: "Нуте-с, нуте-с…"

Аня сидела в сумерках занавешенной комнаты, у изголовья своей кровати, в которой спал неведомый пришелец. Плед на его груди тихо вздымался и опускался. Слабо золотилась приподнятая бровь. На лбу, словно звезда, багровел незаживший ожог. Лежавший перед ней человек хлебнул горя, которое запечатало ему уста, залепило глаза и уши, пометило множеством ожогов и ссадин. Горе гуляло по родной земле, заглядывало в каждый дом, в каждую душу, и люди повсюду горевали, кто тихо, обливаясь беззвучными слезами, кто криком крича, колотясь головой о стену. Но мало кто слышал друг друга. Аня, разнося по домам конвертики писем, соединяла это разрозненное горе в клетчатое покрывало.

Она и сама горевала, сама нуждалась в сочувствии. Ей хотелось сесть под горящую вечернюю лампу, положить перед собой стопку чистых листов и писать одно бесконечное, печальное и сладостное письмо о своем одиночестве, о своей несостоявшейся жизни, о неслучившемся счастье. Отправить письмо в окружавшую ее пустоту, откуда никогда и никто не пришлет ей ответ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Из храма трое заговорщиков, утонув в благоухающей, замшевой глубине машин, направились каждый к своей заветной цели.

Буранчик помчался в Звездный городок на встречу с космистами, которые готовились спалить над Москвой орбитальную станцию "Мир"…

Плинтус торопился домой, в тишину кабинета, где ждала его почти завершенная книга "Мед и пепел" - о сладостных демократических иллюзиях, которыми как акридами питались отважные и честные либералы, и о горьких угольках, в которые превратил эти мечтания жестокий и коварный Счастливчик…

Мэр поехал в Думу, где разгоралась жаркая политическая схватка между его сторонниками и депутатами пропрезидентских фракций.

Обе стороны, обладая почти равными возможностями в Думе, мерились силами, стараясь провести каждый свою версию важнейшего для России закона.

Президентская версия звучала так: "Сокращение народонаселения России до пятидесяти миллионов человек". Версия либеральных сторонников Мэра звучала иначе: "Сокращение народонаселения России до шестидесяти миллионов человек, с последующим замедлением темпов падения". Исход голосования определял расстановку политических сил в стране и мог, в случае успеха либерально настроенных фракций, серьезно повлиять на рейтинг Президента.

Здание Думы на Охотном ряду было построено в стиле тяжеловесной сталинской мебели. Напоминало огромный каменный диван или дубовый комод, в котором твердый и властный резец выточил герб СССР. Когда-то здесь размещался супермозг большевистской экономики. Многоумные государственники запускали заводы, города, электростанции. Планировали расходы на мировую революцию, освоение планет, достижение человеком бессмертия. Теперь этих утопистов и тоталитарных мыслителей сменил депутатский корпус новой, свободной России. Политические споры, блеск идей и воззрений, цветущее разнообразие партий и лидеров

составляло гордость молодого российского парламентаризма. Однако и он себя исчерпал. Был готов уступить место просвещенной монархии. Счастливчик, замышлявший восхождение на престол, больше не нуждался в парламенте, как не нуждается в вялых желтых лепестках созревший огурец. По замыслу Модельера, большого знатока музеев и ревнителя театральных действ, здание Думы должно было превратиться в Музей российского парламентаризма. Для этого сохранялась вся атрибутика Думы, кабинеты и залы, буфеты и туалеты. Но места в овальных рядах зала заседаний должны были украсить восковые фигуры депутатов последнего созыва. Они же, восковые копии депутатов, размещались в кабинетах у телефонов и компьютеров. Они же стояли в очереди перед буфетными стойками. Некоторые же, из мягкого воска, располагались в туалетах и в комнатах для интимных свиданий.

В гаданиях об исходе предстоящей борьбы Мэр сквозь служебный вход проник в Думу. Обосновался в секретной комнатке, где с помощью монитора предполагал следить за думской дискуссией, а по специальному видеоканалу мог посылать сигналы и знаки своему тайному стороннику спикеру. Согласно странной депутатской манере давать спикерам клички животных, нынешний спикер носил необидное прозвище Утка, тогда как его предшественник именовался Рыбкой. Мэр включил монитор и сигнальный видеоканал, не ведая, что недалеко от него, в подобной же комнатке, разместился Модельер, - зажег экран монитора, послал по видеоканалу приветствие спикеру Утке.

Зал для голосования был полон. Слишком важен для судеб страны был поставленный на обсуждение закон. Всплески страстей, самые первые, как брызги шампанского перелетали над рядами, где некоторые депутаты уже показывали друг другу кулаки. Как всегда, златоглав и златопер был горделивый орел, разрываемый надвое вечным имперским сомнением "или-или". Спикер, хотя и с одной головой, мотал глазами между двух портативных экранов, где Мэр и Модельер показывали ему - один "утку на вертеле", другой "утку по-пекински". Над орлом, между двух корон, не выпадая из общей имперской стилистики, красовался рейтингомер в виде перста небесного, указывающего на танцующие цифры "8" и "1". С этим символом власти через электронную систему соединялись кнопки для

голосования, дабы каждый депутат мог видеть, как Дума влияет на популярность первого лица государства. Кнопки находились вблизи от пола, чтобы депутаты могли голосовать большим пальцем левой ноги, для чего им выдавалась специальная обувь, из которой выглядывали разнообразные большие пальцы: изысканно-хрупкие, аристократические, с аккуратно подрезанными ногтями, характерные для фракции "Яблоко"; или грубые, рабоче-крестьянские, в волосах, мозолях, с могучими ногтями, выдававшие в их владельцах коммунистов или аграриев; или же дамские, с нежным педикюром разных расцветок, от перламутрово-голубого, у дам-либералок, до огненно-красного, у феминисток. У некоторых депутатов пальцы вовсе отсутствовали, и наружу выступал краешек копытца, или птичий коготь, или лягушачья перепонка, чем особенно отличались члены ЛДПР. В остальном же на кнопках были пальцы, чуткие, нервные, иные в обручальных колечках.

Над головой спикера висело огромное электронное табло, на котором, в перерывах между голосованием, показывали полезную для депутатов рекламу, - презервативов, гигиенических прокладок, средств от импотенции, таблеток от грибковых заболеваний, порошка от пота, шампуня от перхоти, мази от облысения, пудры от блох, ампул от шизофрении, слуховых аппаратов, стимуляторов мозга, эротических вибраторов, жестяных рупоров, детекторов лжи, кастетов с шипами, волчьих капканов, корма для собак, корма для рыб, корма для верблюдов, корма для проправительственных фракций, терок и соковыжималок для "Яблока", теплых рейтуз для фракции "Народный депутат", капель от загноения глаз для фракции "Российские регионы", печек-буржуек для "независимых депутатов", а так же недорогих и нетяжелых цепей для фракции коммунистов, которые голосовали солидарно, скованные партийной дисциплиной.

На трибуне находился лидер пропрезидентской фракции. Его скифское плоское лицо желтовато блестело, натертое барсучьим салом. Маленькие усики топорщились, приподнимаемые шевелящейся верхней губой. Глаза под выщипанными бровями победно блестели. Он был исполнен сознания, что в поддержку его аргументов выступает мощь остатков Российской армии, Экспедиционный корпус американской морской пехоты с ударным авианосцем "Энтерпрайс", а так же провидение, хранившее его в период тоталитарного

коммунизма на хозяйственной и партийной работе. Он был одет в серый добротный пиджак, застегнутый на все пуговицы. Точно так же были одеты его соратники, составлявшие думское большинство. Одинаковые пиджаки, из той же ткани, что и обивка кресел, делали их почти невидимыми, и казалось, что в зале множество пустот. Однако некоторые начинали зевать, и тогда в рядах, где не было видно лиц и голов, в воздухе повисали открытые челюсти, золотые коронки, фарфоровые мощные зубы, и все убеждались, за кем большинство.

- Уважаемые коллеги, согласованная с Президентом цифра в пятьдесят миллионов является результатом глубокой проработки. Социальные психологи, антропологи, работники коммунальных служб, криминалисты, специалисты по фольклору и инопланетным цивилизациям, духовенство, купечество, дворянство, земские деятели, представители "Серафимовского клуба" убеждают нас, что оптимальное население для России - это пятьдесят миллионов хорошо организованных, физически и нравственно здоровых граждан. Именно такое количество способно понимать политику правительства и любить своего Президента. Именно для такого количества граждан мы сможем реализовать программы "Каждой семье - отдельный дом", "Каждому мужчине - подержанную иномарку", "Каждой женщине - полноценный мужчина", "Каждому ребенку - английский язык". Немедленное, за пять лет, снижение населения втрое даст мощный толчок деревообрабатывающей индустрии, снизит размер индивидуальных земельных участков до четырех квадратных метров, а также стимулирует развитие текстильной и целлюлозной промышленностей, которые разместят у себя заказы на погребальные ленты и бумажные венки…

Он сошел с трибуны под рукоплескание пустых серых кресел, в которых то возникали, то исчезали ладони, хлопающие, словно жирные крылышки.

Пылко и нетерпеливо взбежал на трибуну представитель фракции "Яблоко". Его лицо было бледным от священного негодования. Широкий лоб мыслителя оросил голубоватый пот, какой выступает под луной у неостывших мертвецов. Одна половина лица еще дергалась, другая навеки омертвела, и по ней, от переносицы к уху, ползла небольшая улитка. Темные, чуть вьющиеся волосы украшал лавровый венец неудачника и идеалиста, каковым его привыкла видеть страна

последние десять лет. Каждый год на несколько месяцев он выпадал из публичной политики. Говорили, что это время он проводит в психушке, где, босой, в тунике, сидит на койке, повторяя: "Я - Президент!" Теперь же он пребывал в зените своей активности, и дамы-депутатки всех фракций от симпатий к нему скрючили пальцы ног.

- А где, спрашиваю я вас, недостающие десять миллионов? Именно среди этих, списанных вами граждан, находятся те, кто исповедует либеральные ценности, привержен сексуальным свободам, выступает за мирные переговоры в Чечне, верит в Шамбалу, пострадал от дефолта, является результатом блестящих, хотя и неудачных опытов по клонированию, помнит группу "Машина времени", хотя бы раз в жизни ел гамбургер, а во время интерактивных голосований отдает предпочтение мне, а не этому жалкому самозванцу из СПС, который только и знает, что торчит перед телекамерами в ледяной проруби, напустив в нее предварительно теплую воду…

Он сбежал с трибуны, легкий как юноша. Душистый западный ветер подымал фалды его темного фрака. На бегу осушил бокал "Шампанского". С криком "Виват!" прыгнул в глубину кареты. И его отвезли в бедлам, где он сам облачился в белую, с длинными рукавами, хламиду. Ловко прикрутил себя к кровати, на спинке которой золотыми латинскими буквами было написано: "Диагноз: Юлий Цезарь".

Его место на трибуне заняла женщина из фракции СПС. Она была очень худа, в непросохших следах от неудачных слияний с фракцией "Яблоко". У нее была осиная талия и тонкое язвительное жальце, которым она, агрессивно подымая полосатое тельце, искусала половину Думы, отчего у многих депутатов образовался флюс. Было видно, как вращаются на трибуне ее прозрачные слюдяные крылышки, сучат цепкие лапки, в которых она держала ветку сакуры. Глаза в стеклянных линзах искали в зале тех, кто пока еще избежал ее укусов.

- Я, известная противница Президента, выступаю на этот раз с решительной поддержкой его законопроекта. Зачем, спрашиваю я, нам эти лишние, обременительные десять миллионов русских? Чтобы тешить болезненное самолюбие гордецов из фракции "Яблока"? Чтобы увеличивать риск социальных волнений и угрозу "русского фашизма"? Чтобы плодить голодных сторонников коммунистов, которым нечего терять, кроме своих цепей? Даже с нынешним населением нам не

удержать Курил и Приморья. Если угодно, нам не удержать и Сибирь. Компактно проживающие в Европейской части России пятьдесят миллионов русских гармонично войдут в цивилизованную Европу, став добрыми соседями японцам, которые воспроизведут на Урале "японское чудо". Хочу сообщить многоуважаемым депутатом, что я провела неофициальные переговоры с императором Японии, и мы, фракция СПС, при поддержке алюминиевых, нефтяных и энергетических олигархов, уже теперь готовы открыть в регионах Сибири и Дальнего Востока курсы по проведению харакири…

Надменно улыбаясь, вращая прозрачными крылышками, она слетела с трибуны, легкая, грациозная, не касаясь земли, ужалив на лету тяжеловесную заместительницу спикера, похожую на "джип". Но та не заметила укуса. Выставила огромный задний багажник с компроматом на враждебные фракции. Сдвигала бампером противников правительственного законопроекта.

Следом выступал лидер коммунистической фракции. Для этого ему пришлось долго возиться с амбарным замком, размыкая цепь и возвращая ключ блюстителю партийной дисциплины. Его лицо было открытом и ясным как детский букварь, где можно было прочитать сделанную крупными буквами надпись: "Мы - не рабы. Рабы - не мы". Именно к этому утверждению и сводилось его выступление. А также к угрозе поднять на борьбу с антинародным режимом широкие народные массы, которые все больше и больше поддерживают коммунистов. Особенно после минувшей зимы, когда в половине домов разорвались отопительные системы и народ выходил на демонстрации с протестной песней: "И сотни тысяч батарей льют слезы наших матерей…"

- "Нет" продаже земли!.. "Нет" коммунальной реформе!.. Чубайс - это наше ничто!.. Куда спрятали первого Президента России?.. А Ленин такой молодой, и новый Октябрь впереди!..

Он закончил призывом к вотуму недоверия и импичменту. Его речь сопровождалась овациями и звоном кандалов, напоминая сцену в "Сибирском цирюльнике", когда Никиту Михалкова, закованного, с бритой башкой, ведут в острог.

Завершал дискуссию лидер ЛДПР. У его было два рта, разделенные перемычкой. Он говорил одновременно двумя ртами, и некоторым это мешало его понимать.

- Каждой жене - два мужа!.. Каждому мужу - четыре жены!.. Смерть жидам!.. Евреи - лучший в мире народ!.. Руки прочь от Ирака!.. Русские батальоны - на свержение Саддама Хусейна!.. Отбросим НАТО от границ России!.. Отдадим Среднюю Азию под американские базы!.. Слава ГКЧП!.. Всех коммунистов - под суд!.. Вернем на Лубянку Дзержинского!.. Выкинем из Мавзолея Ульянова!.. Первого Президента убили!.. Я встретил его вчера в казино!.. - он говорил быстро, много. Было видно, что у него столько мыслей, что не хватает двух ртов. На щеке его пульсировала и бугрилась кожа, как если бы там хотел образоваться третий рот.

Сходя с трибуны, весь в теплой пене, раздраженно обмахиваясь хвостом и стуча копытцами, он успел бросить в зал:

- А если вы, суки, желаете знать, куда попрятались все педерасты и говноеды, ищите их в СПС!..

Это взорвало обстановку.

Коммунисты повскакали и, загремев железами, принялись обвинять СПС: "Предатели Родины!.. Слуги Америки!.." Те дружно отвечали: "Сталинские палачи!.. Мучители ГУЛАГа!.." Неврубившийся в спор представитель правительственного большинства, очнувшись от спячки, увидел перед собой курчавую голову яблочника и завопил: "А вы Христа распяли!.." На что яблочники и СПС, объединившись в этом чувствительном для них вопросе, закричали: "Антисемиты!.. Фашисты!.. Кальтенбрюннеры!.." Независимый депутат, симпатизировавший коммунистам, плюнул в ЛДПР: "Ваш лидер - клистир!.." На что либеральные демократы стали плевать в ответ и скандировать: "Смерть Америке!.. Да здравствуют Соединенные Штаты!.." Пробегавшему депутату от правых кто-то подставил левую ногу, и тот загремел с воплем: "Требуем расследовать исчезновение Первого Президента!.." Зрелище оказалось невыносимым для аграриев. Один из них по-крестьянски выломал из изгороди кол и огрел подвернувшуюся женщину-"джип", выдохнув: "Эх, ма!.." Та дико замигала и, не разобрав, кто обидчик, саданула кулаком в пах интеллигентному либералу. Тот потек. На луже поскользнулся известный певец. Издав рык, грохнулся о трибуну с орлом. Большинство расценили это как посягательство на атрибутику государства, схватили певца за руки и ноги, раскачали и зашвырнули на балкон для гостей.

Началась рукопашная. Бились жестоко и молча. Лидер ЛДПР засунул крепкие пальцы в рот ненавистной либералке и рвал губы до ушей. Его неизменный сподвижник, мастер бильярда, эстрадный певец, геополитик, любимец страстных мужчин, схватил за волосы непокорную демократку и возил ее плоским лицом по паркету. Коммунист и яблочник, оба в прошлом боксеры, показывали класс в среднем весе, и азартный старичок из фракции "Российские регионы" следил за поединком, кричал "брейк" всякий раз, когда те склещивались.

Бой шел уже два часа. В ход пошли кастеты, заточки, удавки, обрезки труб. Некоторые из коммунистов, спина к спине, бились цепями. Раздались негромкие пистолетные выстрелы. Женщина-оса норовила подкрасться сзади и вонзить жало в ягодицу бывшего президентского охранника, но получила башмаком в лоб и благоразумно отлетела.

По залу носились парики, обрывки рукавов, дамские трусики, костыли и корсеты. С ревом пролетела невесть откуда взявшаяся самоварная труба, изрыгая дым.

Спикер Утка, не умея остановить беспорядок, то и дело менялся в лице. Стал и впрямь похож на взволнованную перистую крякву, потом - на резиновую подсадную птицу, потом принял вид медицинского фарфорового сосуда, какой подают лежачим больным, потом и вовсе исчез, и его обнаружили в другом конце зала на женщине, порвавшей с коммунистами, которая обнимала его, приговаривая: "Милый, ты не забыл меня!.. Нам было так душевно!.."

Битву снимали все телеканалы и транслировали по центральным программам и по Си-Эн-Эн, которое интерпретировало свалку как коммунистический мятеж в Москве, что вынудило Пентагон направить в район конфликта группировку сухопутных войск.

Наконец в зал вбежали пожарные и направили на драчунов брандспойты. Это возымело действие. Мокрые, иные в одних трусах, расцарапанные в кровь, еще сжимая бердыши и пищали, огрызаясь в адрес противников: "Ужо покажем вам Минина и Пожарского!..", "Прав, прав Шарон, только - силой на силу!" - депутаты усаживались на свои места. Один лишь неугомонный лидер ЛДПР бегал по залу с большим кувшином брусничного сока, намереваясь вылить его на голову ненавистного либерального соперника, но того и след простыл.

Спикер, среди общего изнеможения, прокричал:

- Приступаем к голосованию!.. Прошу поставить большие пальцы левой ноги на кнопки!..

Все повиновались. Было видно, как от множества нажатий затрепетал, заиграл электронный столбец рейтингомера. Вторая цифра, словно оборотень, меняла обличье - "0", "3", "1".

Модельер в своем потаенном убежище с увлечением наблюдал по монитору думский скандал. Аттракцион доставлял ему наслаждение. Слегка тревожили вскрики, требующие расследовать, куда исчез из страны Истукан. Но это были происки Мэра. Компьютер подводил итоги голосования, и Модельер убеждался, что для прохождения закона не хватало десятка голосов. По сигнальному видеоканалу он дал знать спикеру Утке, что тому не следует объявлять результаты голосования. Спикер сделал страдальческое лицо, показывая, что скрыть результат невозможно и через секунду цифры возникнут на электроном табло. Модельер, испытывая легкую брезгливость к слабовольному и слабодушному человеку, показал ему по видеоканалу банковские счета в оффшоре, куда Утка перегнал часть средств, вырученных за лоббирование нефтяных монополий. Спикер мучительно сжался в кресле, незаметно сунул ломик в электронную систему, и та, слегка поискрив, вырубилась.

- Дорогие коллеги! - с видом искреннего сожаления, разводя руками, произнес спикер. - Досадный сбой в электронной системе!.. Полчаса на ремонт, и мы повторим голосование!..

Разочарованные депутаты разбрелись по залу, по коридорам, вестибюлю. Некоторые спустились в буфет. Иные, заглянув в медпункт, залечивали ненароком приобретенные раны. Модельер в совершенстве владел думскими технологиями, месяцами изучая в Африке жизнь термитов. Он выбрал колеблющихся противников законопроекта, которые не подпадали под тлетворное влияние Мэра или Плинтуса, а также не являлись ортодоксальными коммунистами, на которых не повлиял бы и застенок. К этому десятку робких провинциалов, еще не освоившихся в Думе, были направлены агенты спецслужбы "Блюдущие вместе", сориентированные на работу с депутатским корпусом.

Одного из депутатов, скромно одетого, в стоптанной обуви, купленной еще в районном сельмаге, агент подловил в коридоре, где

тот бросал окурок в кадку искусственного фикуса.

- Наконец-то я вас нашел! - молодой агент ослепительно улыбался, протягивая депутату конверт с пачкой долларов. - Мы с наслаждением наблюдаем за вами. Нам нравятся ваши неброские выступления, в которых дышит русская провинция, ее неповторимые судьбы. Нам бы хотелось, чтобы вы выступали чаще. Мы знаем, что у вас не совсем здорова супруга, трое детей. Мы хотим, чтобы вы перевезли семью в Москву. Вашу супругу положат в спецклинику с блестящим обслуживанием. Вам следует к ее приезду обставить квартиру, и наши люди порекомендуют вам итальянскую кухню и испанскую спальную мебель. Ваших детей мы определим в элитную школу, где изучают английский и японский. В этом конверте - небольшая сумма на карманные расходы. Кстати, мы заметили, что вы ошиблись при голосовании. Следует поддержать президентский вариант. Как говорится, кто не хочет кормить своего Президента, вынужден будет кормить чужого… - агент дружески засмеялся, поклонился ошеломленному депутату. И тот, не успев понять, кто говорил с ним, не ангел ли небесный, краешком глаза заглянул в благословенный конверт. Как собака кость поспешил спрятать подарок в самый отдаленный, редко посещаемый уголок мироздания, находящийся в его нутряном кармане.

Другого депутата, провинциальную артистическую знаменитость, подловили в туалете. Рядом с ним, лицом к кафелю, встал неприметный мужчина и, не глядя на депутата, промолвил:

- Неправильно голосуешь, брат. Не по совести, а по букве.

- А вы кто такой? - насторожился депутат, поправляя очки на склеротичном носу.

- Я - часть машины голосования. Кнопка, которую нажимает твой палец, находится в моей голове, - он наклонился, показав депутату макушку с полированной кнопкой.

- Чего вы хотите?

- Брат, голосуй сердцем, а не большим пальцем. Поддержи вариант Президента.

- Как вы смеете оказывать на меня давление? Мне ваш Президент - не указ. Еще не известно, каким образом он пришел к власти!..

- Не обижай его, брат. Он хороший. Любит горные лыжи, Россию, кофе со сливками. А что любишь ты? Вот это?

Мужчина сунул ошеломленному депутату фотоснимки, где тот, потеряв всякую осторожность, без одежды, лишь в знакомых очках, держал на коленях несовершеннолетнего голенького паренька.

- Все сделаю… - тоскливо забормотал депутат.

- Не знаешь, как сыграл "Спартак" с ЦСК? - спросил человек.

- Два-три в пользу "Динамо"…

- Так и думал, - агент ушел, бросив злосчастный снимок в писсуар. Депутат выхватил его, стал рвать на кусочки, жадно жевал и проглатывал.

К третьему депутату, представлявшему интересы газоносных районов Севера, подошел рафинированный джентльмен с белоснежными манжетами и золотыми запонками.

- Мы деловые люди, не так ли? У меня к вам предложение. Срок вашего депутатства, увы, истекает. У вас нет шанса переизбраться на следующий срок. Эти молодые волки теснят нас в бизнесе, в политике, даже в любви, - джентльмен печально улыбнулся, взглянув себе в область паха. - Да и черт с ними, в конце-то концов! Зачем вам возвращаться в свою тундру. Мы вас зовем в "Газпром", начальником Департамента газификации крематориев. У вас опыт, ум, чистые руки… Соглашайтесь… За это проголосуйте нормально, а не так, как хочет от вас этот лысый козел Мэр. Договорились? Кстати, приглашаю вас в Рио-де-Жанейро… Деловая поездка по вопросам экологии… Но, сами понимаете, - мулатки, красотки кабаре… Это вам не хантымансийки… - джентльмен отошел, оставив депутата в прекрасном расположении духа.

Так был обработан десяток депутатов. Началось повторное голосование. Однако выяснилось, что и на этот раз недостает двух голосов. Продажные депутаты взяли даяния Модельера, но остались верны Мэру, который одного - внука репрессированного военного - поселил в Доме на набережной, а другому - владельцу вещевого рынка - помог избежать наезда налоговой полиции. Проклиная двух корыстолюбивых избранников, Модельер по сигнальному видеоканалу послал спикеру Утке знак, чтобы тот не вздумал обнародовать итоги голосования. Спикер сделал страшное лицо. Казалось, что его ощипывают, и он, пупырчатый, с несчастной лысой гузкой, взывал к милосердию. Модельер беспощадно показал ему пистолет и

передернул затвор. Спикер послушно сунул ломик в электронную систему, и она вырубилась.

- Уважаемые депутаты, нам просто не везет сегодня!.. Уж лучше бы нам голосовать простым поднятием рук, как в доброе, но проклятое советское время!.. Объявляю перерыв… В перерыве прошу депутатов пройти вакцинацию в связи с появлением в протокольном отделе конвертов со спорами сибирской язвы… Бен Ладин следит за нашей работой, друзья!.. - он прервал заседание, спрятав маленький ломик, весь в радужных ожогах от многочисленных коротких замыканий.

Вакцинация проводилась в медпункте, по новой американской методике, опробированной на пленных талибах в военной тюрьме Гуантанамо. Вакцину закапывали в глаз, а потом заклеивали хлебным мякишем. Все депутаты послушно подставляли под пипетку широко раскрытые сияющие глаза. Только лидер ЛДПР, безобразничая, подставил ноздрю. За что и поплатился. Долго чихал, браня проклятых американцев и благодаря их за бескорыстную помощь.

Двум упорствующим депутатам, находящимся под контролем Мэра, вместе с вакциной ввели жидкий чип. Прозрачный, бесцветный, он быстро растворился в крови, проник в мозг и образовал там крохотную студенистую каплю, воздействующую на волевые участки мозга.

У внука репрессированного генерала жидкий чип порождал галлюцинацию, будто он находится в деревенской бане с кустодиевской женщиной, смахивает ее распаренным веником, а она повизгивает, закрывая ладонями потные груди. Другой депутат, владелец вещевого рынка, вообразил себя буддийским монахом, который достиг нирваны, созерцая голубую вершину Гималаев.

Третье голосование прошло успешно. Внушаемые через чипы депутаты обеспечили необходимое количество голосов. Президентское "Сокращение население России до пятидесяти миллионов человек" было принято. Утомленные избранники расходились кто куда, большинство в буфет. Двое остались в зале. Один, раздевшись до гола, что есть мочи махал рукой, приговаривая: "Еще, что ль, поддать, Глафира?" Другой замер в позе лотоса, глядя в дальний верхний угол зала, и на лице его застыла блаженная улыбка Будды.

Мэр в своей уединенной келье негодовал, наблюдая, как рейтинг Президента подскочил до "83". Гнусный Модельер, используя

властный ресурс, переиграл его. В довершение Мэр почувствовал омерзительный запах жженых костей, проникавший в комнату через вентиляцию. Так Модельер, любитель инсценировок, выживал его из Думы.

"Рано торжествуешь, вонючка!.. - думал Мэр, зажимая нос батистовым платком. - Главная схватка еще впереди!.."

Аня разносила по домам почту: тяжелая сумка через плечо, скромный плащик, неяркий беретик, быстрые ноги в непромокаемых кроссовках, чтобы удобнее было бежать по влажным тротуарам, перепрыгивать лужи, пробираться по скользким ступенькам… Обыденные, Зачатьевские, Пожарские переулки, то милые запущенные дворики с кустиками и деревьями, то тесные, гулкие как колодцы, подворья, без единой травинки, с очумелыми бездомными кошками; старые доходные дома с обветшалыми фасадами, похожие на печальных вдов; конструктивистские, из кубиков, строения, словно забытые игрушки выросших и разбежавшихся детей; церкви с блеклыми куполочками; часть монастырской стены, за которой притаились богобоязненные матушки; проулки, вкривь и вкось заставленные автомобилями; булочные с запахом ванили; склады, зияющие затхлыми подвалами… И вдруг, сквозь длинный тесный прогал - сочный блеск Москва-реки, белый торопливый кораблик, огромный, колючий памятник Петру из красной закопченной меди.

Зная секреты подъездов, Аня нажимала кнопки электронных запоров, входила в парадные, засовывала письма в почтовые ящики. В иных подъездах не было запоров. В них проникали бомжи, или горькие пьяницы, или непутевые подростки. И тогда почтовые ящики были раскрыты настежь, из них торчали обугленные газеты, письма пропадали, и Аня подымалась на этажи, звонила в квартиры.

В одной такой, с несколькими звонками, она нажала кнопку, под которой стояла фамилия "Князева". В коммунальной квартире жила безмужняя женщина Валентина, чей единственный сын служил в Чечне. Аня приносила сюда конвертики с военным штемпелем, надписанные округлым обстоятельным почерком.

Валентина вышла на звонок. Несколько секунд на ее лице металось пугливое, умоляющее выражение, будто она вымаливала для себя жизнь сына. Заговаривала, заколдовывала ужасную весть, закупоривая ее в невидимый сосуд. Аня протянула ей весточку с

почерком сына, и та вся вспыхнула, порозовела, похорошела, принимая драгоценный конвертик.

- А мне ночью птица приснилась… Будто прилетела к окну и держит в клюве ягоду… Не рассмотрела, красную ли, черную… Вот она птица ты и есть! И ягода - Коленькино письмо! Ягода красная, добрая… - она прижала конвертик к губам, потом к груди, на которой сквозь вырез платья виднелась цепочка для крестика. Стала мелко пятиться в сумрак коридора, светясь из глубины, держа у груди прозрачный одуванчик света…

В другой квартире, где дверь хранила остатки добротной обивки и висела нечищенная табличка с номером, ей отворил худой, небритый мужчина, облаченный то ли в изношенный зипун, то ли дранный узбекский халат. Глаза мужчины из-под косматых бровей затравлено мерцали. Из-за спины дул ядовитый сквозняк, какой бывает на горящих свалках. И все, что маячило в коридоре, - какие-то рамы без картин, разломанные тумбочки без ящиков, торшеры без лампочек - напоминало свалку. Хозяин Иван Иванович сравнительно недавно был известным ученым, преподавал в институте, что-то открывал, изобретал и испытывал. Но с тех пор как лабораторию закрыли, кафедру ликвидировали, он безнадежно запил. Скандалил, дурил, возвращался в полуобморочном состоянии, засыпал перед дверью на лестничной площадке. Вынес из дома все ценные вещи, антиквариат, фамильную посуду, портрет покойной жены. То и дело занимал на выпивку, рылся на помойках, стоял в переходах метро. Кончилось тем, что ему нечем стало платить за квартиру. К нему зачастили азербайджанцы из жилищной конторы, предлагая либо немедленно заплатить за квартиру, либо продать им ее за умеренную, но приличную цену. Уведомление, которое принесла ему Аня, было повесткой в суд, где разбирался его жилищный вопрос.

- Не я пропил, девочка моя дорогая, а меня пропили! - говорил Ане Иван Иванович, стуча себя в костистую грудь. - Всю нашу Родину, девочка моя дорогая, пропили!.. Был я членкор и лауреат, а стал побирушка и бомж. Из грязей мы, русские самородки, вышли, в грязи и уйдем. И грязи те, девочка моя дорогая, не целебные! - грустно засмеялся, закашлялся. Из-за плеч его сильнее потянуло холодным дымом. Это был запах сгоревшей страны, в которой когда-то жила и Аня. Печальная, поклонившись несчастному, она ушла из подъезда, где

прежде в нарядном лифте подымался известный ученый, обнимая среди тесных зеркал очаровательную молодую жену. Теперь же было сорно, промозгло, на стене синим спреем было начертано ругательство…

За дверью, куда она позвонила, раздался шелест. Зазвякали цепочки, запоры, ключи. В щель выглянуло напудренное старушечье лицо, на котором, среди морщин и выбеленных складок, ярко краснели наведенные помадой губы. Костлявые птичьи пальцы были усыпаны кольцами. Пергаментная, черепашья шея погружалась в пожелтелые от времени кружева. Здесь жила актриса Зеленовская, которую Аня помнила по ранним советским фильмам, восхищаясь ее красотой, уменьем танцевать с офицерами, петь очаровательные песни, похожие на арии из оперет. Теперь она старилась совершенно одна. Ее внучка, тоже актриса, год как уехала на гастроли во Францию, и с тех пор от нее не было весточек. Старая примадонна болела, к ней приезжала "скорая помощь". Она попросила Аню отнести на почту заказное письмо к какому-то французскому кинокритику. Теперь же заказное послание, обклеенное русскими и французскими марками, к ней возвращалось, не найдя во Франции адресата. Аня видела, как больно старухе принимать конверт, как дрожат ее скрюченные подагрические, усыпанные золотом пальцы.

- Ничего, в другой раз получит, - бормотала она. - Актрисы - создания ветреные… Какое-нибудь увлечение… Какой-нибудь театральный роман… Быть может, махнула через океан в Голливуд… Теперь их время… - желая казаться бодрой, она морщила в улыбке неправдоподобно красные губы. В ее полуслепых глазах дрожали светлые слезы. Из коридора пахло лекарствами, и что-то неразличимо сияло, как может сиять удаленное в спальную трюмо.

В перенаселенной квартире этого старого доходного дома, где вдоль просторной, очень запущенной лестницы возносились вверх узорные перила с остатками чугунных лилий, орхидей и кувшинок, а в одном из окон сохранился осколок многоцветного витража, с Аней произошел конфуз. Ей открыла огромная толстобедрая женщина, с седыми волосами, в порванной кофте, с распухшими от слоновьей болезни ногами. Аня приветливо протянула ей нарядный глянцевый журнал, и та, грозно осмотрев ее с порога, открыла лакированные

страницы. На них быыло много дорогих реклам, розовых обнаженных красавиц и смуглых, с волосатой грудью мужчин…

Получательница тупо разглядывала их совершенные, сверкающие тела, а потом швырнула в Аню журналом:

- Ты что, проститутка, мне принесла?.. Издеваешься, сучка такая!..

- Должно быть, это ошибка… Не на тот адрес послали, - ошеломленно отпрянула Аня.

- Ты сама - каракатица, ошибка природы! И адрес твой - бардак!..

Эта хриплая, клокочущая ругань гналась за Аней, когда она сбегала по щербатым ступеням, гулким, каркающим эхом, стремясь туда, где в ее кровати спал незнакомый человек. Случайный встречный, раненый и больной оборванец, на которого она набрела.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Мало было одержать победу в Думе и провести закон "О сокращении населения России до пятидесяти миллионов человек". Это обернулось бы чистым популизмом, если бы отсутствовали механизмы реализации закона. Модельер, пользуясь рекомендациями Центра эффективной политики, готовился к закону исподволь, подводя под него материальную базу. Этой базой была постройка в окрестностях Москвы самого крупного в мире крематория, эскиз которого, объемы и производительность утверждал сам Модельер. Он позаботился, чтобы сооружение, подъездные пути, газопроводы и сопутствующие производства целиком находились на территории Московской области, но никак не Москвы, что напрочь вырывало у Мэра любую возможность оспаривать лавры проекта.

Сразу из Думы Модельер, еще полный приятных переживаний, отправился в крематорий, который набирал мощность и куда сегодня должен был приехать Патриарх, чтобы освятить грандиозное сооружение.

Надсадно ревя сиреной, полыхая фиолетовыми вспышками, лимузин прорвался сквозь пробки Тверской, преодолел по спецполосе заторы Ленинградского проспекта, выскользнул на Кольцевую дорогу, похожую на плазменное кольцо Сатурна. Свернул в золотые подмосковные рощи, сквозь которые влажной траурной лентой струилась просторная автострада с электронными ограничителями: "Скорость катафалка - не больше 80 км".

Здесь открывалось величественное, неповторимое зрелище… По осенним туманным холмам, под тучами, из которых выпадали холодные синие дожди, под сырыми небесами, где летели стада журавлей и гусей, на волнистом бескрайнем шоссе двигались погребальные процессии: с зажженными водянистыми фарами лакированные дорогие катафалки, в сопровождении "джипов" и "вольво"; горестные автобусы из бюро ритуальных услуг, где в мутных стеклах краснели гробы и размытые лица родни; открытые грузовики из отдаленных сельских районов, где лежали влажные от дождя бруски, окруженные печальными, хмельными селянами; кое-где,

прижимаясь к обочинам, семенили лошадки с телегами, на которых тряслись домовины… И всему этому не было края, все наплывало из-за гор и лесов, переливалось через холмы, выстилало низины.

Это бесконечное, устремленное к невидимой цели движение волновало Модельера.

- Не гони слишком сильно, - попросил он шофера. - Все равно все там будем…

Крематорий был длинный, серебристо-металлический, стеклянный, напоминал огромную оранжерею, где выращивались диковинные цветы. Это сходство усиливали букеты, венки, а также сами многоцветные, оббитые тканью гробы, которые выгружались из катафалков и на руках, на плечах молчаливой родни текли бесконечной вереницей ко входу. Гробов было так много, а их цвет столь разнообразен - от нежно-сиреневого до пурпурно-красного, включая все оттенки золотого, зеленого, синего, - что издали это напоминало шевелящуюся огромную клумбу.

Под крематорий был переоборудован громадный завод, выпускавший когда-то космические челноки. Тягачи медленно вытаскивали их на солнце из туманного необъятного цеха, и они как гигантские бабочки покидали непомерный металлический кокон. С тех пор стараниями дизайнеров цех стал неузнаваем.

Половина его была превращена в ритуальный зал с парящим в высоте человеком. Снаружи, сквозь несколько проемов, вливались ленточные транспортеры, и на них, как в багажных отделениях аэропорта, двигались гробы, описывали плавные дуги, поворачивались разными боками. Останавливались на минуту там, где с ними прощались близкие. Механический манипулятор снимал с гроба красную крышку. Открывалось бледное неживое лицо, окруженное сырыми цветами. Провожавшие использовали эту минуту для расставания. Записанный на пленку женский голос произносил печальное напутствие, выражал сострадание близким, и этот мембранный голос, сопровождаемый несколькими мелодичными аккордами, напоминал аэропорт, где объявлялись посадки на рейсы, которые уносили молчаливых пассажиров в пункты назначения, откуда нет возврата. Механические руки опускали кумачовую крышку, скрывая покойника. Пневматические молотки вгоняли блестящие гвозди, и красный гроб уплывал сквозь стену туда, где уже был

недоступен для родственников. А его место занимал другой, сиреневый.

Модельер смотрел в даль туманного, лучистого пространства, где множество транспортеров, уставленных цветными гробами, вползали в зал, совершали волнообразные движения, словно выписывали бесконечные иероглифы. Они являлись сюда с необъятных просторов страны. Из крохотных лесных деревенек и из громадных туманных мегаполисов. Из наукоградов, окружавших циклотроны и обсерватории, и из рабочих поселков вокруг могучих заводов и домен. Из больниц и домов престарелых, где уставали маяться изведенные хворями старики, и из детских приютов, где обрывались едва начавшиеся жизни синюшных младенцев. С полей сражений, над которыми сияли вершины Кавказа, и с мест катастроф, над которыми носился неутомимый и разноцветный как попугай Министр по чрезвычайным ситуациям.

Окруженный подвижной бахромой разноцветных гробов, Патриарх освящал грандиозное сооружение. Среди поющего клира, весь золотой, переливающийся, словно синтетическая новогодняя елка, среди лампад, лучезарных свечей, он придавал своим появлением особое значение этому удивительному творению государственного и инженерного гения, которому не было равных в мире. Отказавшись от гигантомании советских времен, закрыв грандиозные космодромы, электростанции и заводы, лишь здесь, в крематории, власть демонстрировала величие русских пространств, обилие народа, неповторимость отечественной истории. И эта сопричастность родной истории, включенность в историческое творчество вдохновляли Модельера.

Он приблизился к священнослужителям, не мешая им довершить обряд, любуясь огнями, клобуками, голубоватым дымом, сквозь который тянулись вереницы усопших.

- Благословен сей приют многострадальных рабов Божиих, несущих в огни очистительные образ и подобие Сотворившего их из глины и праха, из воды и благорастворенных воздусей. В оные обратно возвращается безгласное тело, коему "равно повсюду истлевать"…

Модельер в этих сладостных, чуть дребезжащих песнопениях Патриарха уловил пушкинскую строку и опять удивился поразительному дару Святейшего запоминать и вплетать в

богослужение стихи великого поэта. Впрочем, этому легко можно было найти объяснение. Патриарх был эфиоп, приглашен на Московский престол из знаменитого коптского монастыря в Лалибелле, что явилось результатом сближения России с Эфиопией, в противовес нарастающему давлению США. Патрирх был молод, черен как сырая нефть, с выпуклыми белками, которые ярко сверкали на бархатном лице, где в песнопениях раскрывался белозубый рот и высовывался алый сочный язык. Сочетание черного, золотого и алого производило мистическое впечатление, которому поддался Модельер. Патриарх гордился общими с Пушкиным корнями, читал наизусть "Гавриилиаду" и за особый изыск почитал ненароком вставить пушкинскую строчку в текст богослужения. В своих государственных радениям Модельер никогда не пропускал случая испросить благословения у Патриарха Хайлия Второго.

Дождавшись, когда обряд освящения завершится и удовлетворенный клир, разглаживая бороды, умолкнет среди отлетающего вверх кадильного дыма, Модельер припал к смуглой руке Патриарха. Целовал длинные пепельно-серые пальцы с розовыми подушечками.

- Ваше Святейшество, государство и народ верой крепки. Вас видят рядом с Президентом в самые важные минуты государственного строительства. Это вызывает глубокое одобрение общества.

- Я рядом с нашим Президентом "во дни торжеств и бед народных", - смиренно отозвался Патриарх.

- Как много народу нуждается в вашем окормлении, - Модельер кивнул на бессчетные вереницы гробов.

- Сей "народ безмолвствует", - печально сверкнул белками Хайлий Второй.

- Вы, должно быть, слышали о кознях некоторых вероломных сподвижников нашего Президента, которые во злобе своей умышляют на него покушение…

- "Судьба Евгения хранила, сперва мадам за ним ходила…", - вздохнул Патриарх.

- Мы обсуждали с вами обряд помазания, которым вскоре будет сопровождаться восхождение на Царство нашего славного Правителя. Мне кажется, нам следует отслужить молебен во спасение Президента и в посрамление замышляющих на него…

- "…В начале славный век Петра мрачили мятежи и казни…"

- Вот это я и хотел услышать, ваше Святейшество. Когда мы разделаемся с гнусными заговорщиками, то выделим Патриархии дополнительные квоты на нефть, морскую рыбу и стиральный порошок "Ариэль".

- "Цветок засохший, бездыханный, забытый в книге вижу я…", - задумчиво ответствовал Патриарх, троекратно поцеловал Модельера и отошел, кротко сияя золотом, изумрудами и сапфирами.

Модельер остался один среди мерного рокота транспортеров, плывущих гробов, мелодичных всплесков музыки, мембранных женских голосов, повторявших многократно, в разных местах огромного зала, одно и то же напутствие. Слышались тонкие вскрики родни, отпускавшей от себя любимого человека. Мягко стучали пневматические молотки, вгонявшие гвозди в сырое дерево. Это обилие смертей обеспечивалось Модельером не в результате бесчеловечной бойни, в которую ввергали Россию прежние свирепые правители, не в результате репрессий и казней, о которых в народе остался жуткий след апокрифов и разоблачений, а с помощью бескровных, психологических средств, разработанных в секретном центре Министерства здравоохранения, где трудились психоаналитики, социальные инженеры, конфликтологи, специалисты по неврозам, а также мастера галлюциногенных методик. В результате этих стерилизующих методик уходили из жизни протестно настроенные индивиды, не способные вписаться в "Квадрат" нового мироустройства, - те, кто вступал с этим священным "Черным квадратом" в психологический и моральный конфликт. "Квадрат" откликался на недовольство гражданина ответной, едва ощутимой вибрацией, которая воздействовала на конфликтующую личность, усиливая ее раздражение. "Квадрат" и личность обменивались сигналами, лавинообразно усиливая возникший конфликт. В результате фрондирующий субъект, как наркоман, уже не мог существовать без конфликта. Нарастающая психологическая борьба опустошала человека, лишала его жизненных сил. Будто кто-то невидимый проникал тонким клювом в мягкий мозг, выпивал серое вещество, повергая человека в тихое безумие, которое завершалось негромкой смертью.

Этим способом из народа извлекались все некачественные элементы. Все предрасположенные к бунту слои. Исключалась всякая возможность восстания и революции. Какой бы радикальный оборот ни принимали прогрессивные реформы, народ не бунтовал, не выходил на улицы, как зеницу ока берег социальный мир и стабильность. Терпеливо сносил временные голод и безденежье, мороз в квартирах и излишнюю требовательность справедливого начальства. "Квадрат", о котором шла речь, висел в Третьяковской галерее, цветом напоминал фиолетово-черного Патриарха. По нему пробегала постоянная, едва заметная рябь, которая, с каждым укрощенным конфликтом, передавалась на электронные рейтингомеры, модулируя последнюю чуткую к переменам цифру.

Тут же, в ритуальном зале, с приглушенным звуком, работал телевизор, на котором мелькали кадры заграничного турне Первого Президента. Загорелый, с благородной, расчесанной на пробор сединой, он в кенийском заповеднике разгрызал крепкими зубами орех, выколупливал ядро, протягивал доверчивой смешливой мартышке, и, казалось, они на мгновение обмениваются рукопожатиями. На следующих кадрах, сделанных в Лас-Вегасе, неуклюжий, но очаровательный Истукан, топтался на дансинге с размалеванной красоткой среди мерцающих лазерных спектров. Модельер с удовлетворением отметил грамотный монтаж, в котором накануне участвовал сам, оставив студию "Останкино" в глухой час ночи.

Среди сменявших одна другую горестных групп его внимание привлекло печальное сообщество молодых, красивых мужчин, в котором выделялся статный, широкоплечий красавец, чье опечаленное лицо, короткие светлые волосы, твердый подбородок и затуманенные слезами голубые глаза показались Модельеру знакомыми. Это был известный футболист, кумир московских фанатов, чье изображение красовалось на рекламных плакатах, нарядных шарфах и спортивных майках. Форвард команды "Спартак" Олег Соколов, по кличке Сокол, что в недавнем матче с заезжей английской командой послал с центра поля удар такой силы, что английский голкипер потерял кисть руки, разорвал спиной сетку ворот и врезался в ограждение с рекламой противозачаточных пуль, производимых тульскими оружейниками. Восторг болельщиков был столь велик, что они разнесли восточную и

южную трибуны и с криками "Слава России!" двинулись из Лужников в сторону азербайджанских поселений по левому берегу Москва-реки, оставляя после себя дымящиеся шашлыки, освобожденных из плена русских девушек и горы красных расколотых арбузов. Теперь Сокол, облаченный в строгий черный костюм, был печален. Стоял перед гробом с сиреневой пышной бахромой, напоминавшей чем-то девичий сарафан. Механические щупальца выпустили сверху блестящие пальцы, подцепили крышку гроба, приподняли ее, и открылось утопающее в цветах женское лицо поразительной красоты и бледности, с гордой и нежной линией лба, носа, сжатых губ, чуть приподнятого подбородка.

- Мама, прости меня, мама, - приговаривал Сокол, касаясь выступавшей из сырых цветов материнской худой руки.

Модельер почувствовал острую жалость, в природе которой не мог разобраться. То ли ему было жаль сильного молодого мужчину, по чьим щекам бежали слезы, то ли этой женской красоты, на которую природа потратила столько чудесных, таинственных сил, и теперь эта красота превращалась в ничто, или его тревожило нечто третье, еще неосознанное, на постижение которого ему отпущены минуты, после чего будет поздно…

Сокол целовал материнское лицо. Уже мелодично прозвучал прощальный аккорд, женский мембранный голос проникновенно повторял свои металлические, идущие от сердца слова. Молодые люди, видимо, футболисты команды "Русь", осторожно обнимали друга за плечи, отрывали его от гроба. Сверху опустилась нарядная, в сиреневых кружавчиках крышка. Пневматические молотки с мягким шипением вогнали в тес блестящие гвозди… Гроб тронулся… Была видна белая, защемленная крышкой роза… Гроб уплывал по конвейеру в полукруглые врата, за которыми прекращалось бытие…

Модельер, все еще не понимая своих переживаний, приблизился к Соколу. Поклонился ему, пожал сочувственно руку, а потом сильным искренним порывом прижал к груди.

- Разделяю вашу скорбь… Примите мои соболезнования… Также и от Президента… Утешением вам может служить мысль, что вы - гордость страны и любовь к вам народа и Президента хоть отчасти скрасят неутешное горе.

Сокол, узнав его, благодарно кивнул:

- Понимаете, мама не могла отыскать на телеэкране русских лиц. Немецкие, ассирийские, китайские, аргентинские, алеутские, нигерийские, арабские, узбекские, татарские, дагестанские, и ни одного русского! Она сначала возмущалась, а потом умерла от разрыва сердца!..

Модельер вытер ему своим платком слезы, обещая привести Президента на ближайший матч. Кивнул юмористам, и те, перекатываясь на бойких ножках, приблизились к Соколу, стали что-то нежно курлыкать.

Футболисты удалились, и уже другая печальная группа в мятых пиджаках, колом стоящих воротниках, бабьих платках, окружила скромный, без обивки гроб, откуда высовывался строгий нос самоубийцы из вологодской деревни.

Модельер, все еще стараясь понять, чем поразила его мертвая красавица, какая неясная мысль витала в его творческом сознании, медленно, вдоль плывущих гробов, приблизился к стене с полукруглыми проемами. Задумчиво прошел сквозь стену…

За стеной, в другой половине огромного пространства, по всей длине космического цеха стояли печи: оболочки из нержавеющей стали; многоцветные пульты автоматики; жароупорные глазки, в которых бушевало рыжее пламя. Проект печей был подготовлен немецкими инженерами, членами ассоциации "Памяти жертв холокоста", которые, исследуя эсэсовские преступления в Освенциме и Майданеке, натолкнулись на ряд остроумных изобретений, использованных затем в проектировании газовых печей для России. Модельер в публичных выступлениях часто ссылался на этот опыт русско-германского сотрудничества, ставший возможным лишь при Президенте-германофиле, в условиях глобализма и мирового разделения труда.

Тут же за стеной работало несколько коммерческих фирм, встроенных как дочерние предприятия в холдинг крематория. Каждая фирма была нацелена на свою область смерти, осваивала мертвое, во гробе, тело в интересах бесконечной торжествующей жизни. Перед печами, в которых, каждый своим пламенем, излучая то медные, то зеленовато-синие отсветы, горели мертвецы, на обширных стеллажах дожидались своей очереди вновь открытые гробы. Множество расторопных людей в клеенчатых фартуках обступила покойников,

действуя энергично и слаженно. Охапками вытаскивали из гробов цветы. Тащили пышные купы на соседние столы, где сметливые голорукие женщины переговаривались, пересмеивались, сортировали цветы. Розы к розам. Гвоздики к гвоздикам. Алое к алому. Белое к белому. Все делилось на букеты, опрыскивалось освежающей влагой. Драгоценные, чудно пахнущие цветы, облагородив панихиды и проводы, возвращались в цветочные магазины, на свадьбы, на правительственные банкеты и театральные бенефисы.

Маленький пухленький тат, хозяин фирмы "Цветы для Марии", подкатился к Модельеру на круглых ножках в лакированных штиблетах.

- Должен вам доложить, что пошли георгины и хризантемы. А весной были пионы и лилии. Мы провели экспертизу и выяснили, что некоторые цветы возвращаются к нам по третьему разу. На четвертый не получается, извините, - тат, скупивший на цветочные доходы десяток особняков в арбатских переулках, звание академика, орден Святого Станислава и маленькую планету в астероидном поясе, названную его именем, Джебраил, преданно смотрел на своего благодетеля. Модельер, желая его поощрить, в который раз повторил шутливый вопрос:

- Какой твой любимый романс, Джебраил?

- "Зацвели уж давно хризантемы в саду…" - нараспев произнес торговец цветами, ущипнув за бочок аппетитную толстушку, набиравшую букет георгинов.

Следующий участок занимала фирма "Ничто не забыто", возглавляемая знаменитым в прошлом драматургом, писавшием пьесы о декабристах, большевиках и народовольцах. Работники фирмы дружно набрасывались на освобожденных от цветов покойников. Ловко стаскивали с них новые костюмы, брюки, галстуки, головные платки и юбки. Галантного вида кавалер с фатовскими усиками приподнимал из гроба нарумяненную покойницу, ловко задирая ей подол, нежно расстегивая пуговки платья, что-то искусительно, вполголоса, приговаривал. Другой, бойцовского вида, освобождал смиренного московского чиновника от новых, натертых до блеска туфлей, помещая назад в фоб твердые стопы в белых носках. Добытая таким образом одежда сортировалась, отглаживалась. Дорогие, модные ее образцы отправлялись на вещевые рынки, а слегка поношенные,

отечественного пошива, уходили в районы стихийных бедствий, где в них облачались погорельцы, жертвы паводков и землетрясений.

- Как идет работа над новой пьесой о нашем дорогом Президенте? - спросил Модельер хозяина предприятия. Немолодой, с неулыбчивым синеватым лицом, красивыми волосатыми ноздрями, драматург был одет в великолепный костюм от Версаче. Если присмотреться, сзади на пиджаке был едва заметный, хорошо заглаженный шов - на месте длинного надреза, какой производят, чтобы удобнее было облачать негнущегося покойника. Драматург то и дело опрыскивал себя духами из крохотного изящного пульверизатора, но не мог до конца избавиться от запаха тления.

- Удалось ли показать нашего Президента как борца с политическим экстремизмом и одновременно преемником великих традиций, в том числе и большевистского прошлого?

- Хорошо, что вы поручили эту работу мне, а не выскочке Гельману, чья пьеса "Кашевары" до сих пор ставится в провинциальных сумасшедших домах. О чем бы я вас хотел попросить, так это о большей координации в нашей совместной работе. Мы направляем изделия в места наводнений и техногенных катастроф, а оттуда к нам везут полуфабрикаты. И были случаи, когда семьи потерпевших получали от нас гуманитарную помощь в виде пиджаков и юбок, в которые за неделю до этого облачались тела погибших. Даже Ленин в трудное для страны время добивался большей скоординированности ведомств.

Модельер не стал слушать старого ворчуна и перешел туда, где действовало еще одно коммерческое предприятие - "Русское злато". Его хозяином был знаменитый московский грек, чьи экономические новации покончили с застойной советской экономикой, обеспечили новое "экономическое чудо". Поблистав недолго в политике, грек, в шутку называвший себя Периклом, ушел в бизнес. Создал уникальную технологию золотодобычи, для чего не нужны были колымские прииски, драги, буйные артели старателей. К гробам, в которых, без цветов, в сорванной одежде, лежали полуголые покойники, подходили бригады "ювелиров". Действуя подобно дантистам, они раскрывали покойникам рты, отчего слышался хруст отвердевших сухожилий. Освещали полость рта яркими лампочками-карандашами. Обнаруживали коронки. Зубодерами, с негромким скрежетом,

выламывали золотые зубы, кидая их в мешочки, что были закреплены на животах. С легким звоном золотое изделие падало на дно мешочка. "Ювелиры" вырывали серьги из пергаментных ушей. Шарили под рубахами мертвецов, извлекая нательные кресты, образки и ладанки. Добытое золото ссыпалось на маленький транспортер, двигалось, переливаясь, играя камушками. Ловкие руки отбирали коронки, отсылая их на переплав, обеспечивая драгоценным металлом стоматологов. Серьги, кольца и ладанки направлялись в ювелирные магазины Перикла, где продавались с маленькой скидкой.

- Нет ли каких оригинальных находок? - поинтересовался Модельер у владельца фирмы, который вышагивал рядом, толстенький и симпатичный как пингвин.

- Только вам, как знатоку… Самородок "Улыбка". Обнаружен в самом неожиданном месте. Изъят у старовера, проживавшего в таежном скиту. Однако есть предположение, что это Лаврентий Берия, чудом избежавший расстрела и проживший остаток дней под видом монаха-отшельника. - Перикл полез в карман и извлек золотую челюсть, состоящую из двенадцати зубов. Поднял ее, и она засияла как драгоценная ослепительная улыбка. Казалось, в руке у грека горит золотой полумесяц.

- Было бы правильно, - ненавязчиво посоветовал Модельер, - если бы этот редкий экспонат хранился в Пещере волхвов, где собраны дары Президенту. Такие находки - национальное достояние.

- Вестимо, - печально заметил грек, засовывая челюсть себе в рот, но она была ему великовата, и он вынул ее на свет божий. - Как видите, потихоньку-полегоньку мы возвращаем государству золото партии.

Модельер перешел в соседний отсек, где размещалось предприятие, задуманное не без его творческой фантазии. Оно носило литературное название "Чехов", работало на экспорт, действовало в рамках пропаганды русской литературы за рубежом. Его возглавлял известный литературовед и одновременно удачливый бизнесмен Шпицберген, чье имя красовалось в списке наиболее именитых представителей рус-арта. Изделиями, которыми славилась фирма "Чехов", были скульптуры, изображавшие литературных персонажей. От восковых фигур они отличались тем, что изготавливались из умерших тел.

Модельеру открылось зрелище, напоминавшее ателье скульптора, анатомический театр, дубильный цех и мясную коптильню. Мертвецов, тучных, заплывших стеариновым жиром, или тощих, напоминавших скрюченных на льду окуней, извлекали из гроба. Укладывали на металлический поднос. Бригада анатомов грубо и яростно начинала их потрошить. Вываливала на оцинкованное железо окаменелое фиолетовое сердце, похожую на черного моллюска печень, вытягивала и наматывала на деревянные катушки бесконечную ленту кишок. Другие мастера долбили бесчувственному покойнику череп, вставляли отсасывающую трубку, похожую на пистолет бензозаправки, мощно высасывали мозг, увлекавший за собой глазные яблоки, которые, хлюпнув, вдруг проваливались, оставляя зияющие глазницы. Скорняки сапожными ножами кроили кожу, стягивали длинные потрескивающие ленты, свежевали мертвеца, обнажая розовую, в легкой сукрови, тушу. Их сменяли искусные хирурги, вооруженные пинцетами, зажимами, скальпелями. Осторожной и нежно, словно это был балык, отсекали от мышц ломти мяса, создавали из них изящные завитки, хрупкие лопасти, полупрозрачные заостренные перья. Длинными шприцами вгоняли в сухожилия цементирующий раствор. Мертвое тело, окруженное этими лепестками, становилось похожим на странный цветок или глубоководную рыбу, которая всплыла на поверхность с растопыренными плавниками, растворенными жабрами, открытым ртом. Являлся скульптор, задумавший литературный образ, склонялся над телом и точными нажатиями сгибал мертвецу ноги, приподнимал руки, поворачивал шею, придавая позу античного дискобола, или танцующей фации, или летящего купидона.

Эту сотворенную из костей и мяса скульптуру, без кожи, с анатомическим рельефом мышц, приподнимали и бережно несли в сушильную печь. Подвешивали в жаркой, стеклянно прозрачной камере, где тело медленно высыхало, смуглело, становилось крепким, сухим и подвяленным, окутывалось легким дымком. Оно поворачивалось вокруг оси, открывая пучки мышц на ягодицах, бицепсы и дельтовидные мускулы на руках, рельефные бугры брюшного пресса. Прошедшее термообработку тело, в котором инъекции вступали в химическую реакцию с плотью, бальзамировали его, придавали свойства пластмассы, - подрумяненное тело выходило из печи, чуть пахнущее буженины, напоминая запеченное в духовке

мясо. Окруженное отвердевшими лепестками, изящно свернутыми завитками, вьющимися лентами, оно являло собой анатомическое диво. К нему приближались живописцы и легкими касаниями наносили тени, штрихи, полутона, придавая скульптуре единую терракотовую гамму. Последними появлялись стеклянных дел мастера, вдавливали в полые глазницы стеклянные глаза, натягивая на них кожаные веки. Вставляли в иссохшие губы ослепительно-белые челюсти, и скульптура оживала, восторженно и пьяняще смотрела в мир немигающими очами, открывала белозубые уста в сардоническом хохоте или в неистовом крике. Сжимала в кулаке собственную мышцу, напоминавшую развеянный шарф. Напрягало за лопатками перистое крыло, иссеченное из мягких тканей спины.

Прошедшее сложную термохимическую обработку тело устанавливалось на дорогом штативе с бронзовой этикеткой, где было начертано имя литературного персонажа. "Дядя Ваня", "Раневская", "Ионыч" или "Ванька Жуков". Именно вдоль этих завершенных, застывших в полете и танце скульптур двигался теперь Модельер, внимая литературоведу Шпицбергену.

- Должен вам сказать, что, с тех пор как мы запустили этот проект, интерес к русской классике за рубежом заметно возрос, - худощавый, с благородной хромотой Шпицберген элегантно опирался на трость, инкрустированную то ли бивнями мамонта, то ли костями вологодских крестьян. - Я получаю заказы из университетов Великобритании, Германии, Франции. Университет Джорджа Вашингтона запросил партию женских образов из пьесы "Три сестры", а также экземпляр под названием "Мисюсь, где ты?". Не кажется ли вам, что для повышения интеллигентности нашего депутатского корпуса следует поставить несколько таких фигур в Государственной Думе?.. А почему бы нет?..

- Моя мысль о другом, - задумчиво произнес Модельер, глядя, как на оцинкованном железе обдирают очередного "Ионыча", а в коптильне медленно, словно на пуантах, поворачивается освежеванная, с воздетыми вверх грудями, "Раневская". - Не хотели бы вы перейти к персонажам Льва Толстого? Не меняя название фирмы "Чехов", мы можем запустить литературную серию "Пьер Безухов на Бородинском поле", "Первый бал Наташи Ростовой", "Князь Болконский под Аустерлицем", а также "Старый граф Ростов на коне

мчится за волком". Лошади, не сомневаюсь, есть в соседних деревнях, а волки, если не подразумевать под этим олигархов, всегда найдутся в тамбовских лесах.

- Гениально! - воскликнул Шпицберген, трогая кончиком трости пышные волосы на голове полуобнаженной покойницы. - Взгляните, отличный экземпляр для "Элен"!..

Модельер взглянул и узнал в покойнице мать знаменитого футболиста Сокола - та же мраморная белизна лба, гордые, чуть надменные губы, восхитительный овал подбородка, пепельные пышные волосы, стянутые в пук. Так выглядят античные камеи. Модельер любовался ею и одновременно непроявленная мысль, туманно возникшая в воображении еще в ритуальном зале, вновь стала его тревожить.

- Эврика! - воскликнул он, хлопнув себя по лбу. - Дорогой Шпицберген, настоящая женственность проявляется только в смерти. У меня к вам просьба. Используя данный экземпляр в своих литературных целях, снимите с этой прекрасной головы кожу, сохранив черты лица, и пусть ваши скорняки придадут ей эластичность и нежность замшевой перчатки. И, пожалуйста, как можно осторожнее. Мне нужно не потерять портретное сходство.

И уже ловкие мастера перекладывали женщину на поднос. Приподнимали ей голову. Делали скальпелем надрез вокруг шеи, на затылке, среди вьющихся пышных волос. Умело и сильно совлекали с лица кожу, словно пластичную маску.

- Позднее я поделюсь с вами замыслом, - Модельер прощался с литературоведом, покидал его заведение. Шел вдоль хромированных, мерно гудящих печей, у которых желтели и трепетали смотровые глазки. Перед закрытыми створами, наблюдая игру разноцветных индикаторов, стояли истопники, поддерживая режим горения, поворачивая вентили, нажимая клавиши. В жароупорных, накаленных добела камерах сгорала очередная партия мертвецов. Превратились в дым дерево и обивка гробов. Улетучились ветхие ткани одежд. Вытопился и отек яркими каплями жир. Выкипела влага. Спеклись жилы и мускулы. Начинали медленно и неохотно сгорать кости, охваченные голубыми язычками. Черепа выбрасывали из пустых глазниц пучки синих и зеленых лучей, словно в костях за долгую жизнь отложились медь и магний, хром и никель, придававшие

пламени разноцветные отсветы. Толстяки горели жирно и ярко. Больные, источенные хворями, тлели неохотно и медленно. Дети пылали как пучки хвороста. Младенцы вспыхивали как ворох сухой травы, не оставляя пепла.

Все, что было связано с горением и выделением энергии, объединялось в коммерческое предприятие "Тепло ваших рук", подававшее это тепло в соседние оранжереи, где для Москвы выращивались свежие овощи, а также в прачечные, в детские сады, в клубы и на хлебзаводы. Крематорий грел, кормил, создавал уют в домах, позволял проводить партийные собрания и музыкальные вечера.

Другая фирма, сведенная во все тот же холдинг, называлась "Сахаров", с ударением на втором слоге. Ее образовал приехавший в Москву бедуин, который привез в Россию ошеломляющее известие. Оказывается, известный всему миру академик, творец водородной бомбы, носил фамилию, происходившую не от сладкого вещества, которое кладут в чай или в сдобное тесто, а от бескрайней африканской пустыни. Сахаров, то есть дитя пустыни Сахары, был из древнего бедуинского рода. Явившийся в Москву араб, смуглый как чернослив, в белоснежном тюрбане, привез подтверждающие свитки на халдейском языке и просил русских вернуть прах академика на его историческую родину. Предложение долго рассматривалось в Правительстве, но в силу осложнившихся отношений с арабским миром так и не получило благоприятного разрешения. Зато бедуин остался в Москве и основал предприятие, которое использовало костную муку и кусочки праха, остающиеся после кремации, для возрождения плодородных земель Северной Африки. Контейнеры с остатками перегоревших русских тел отправлялись по рекам в Средиземное море, выгружались на североафриканском побережье, а потом с самолетов рассеивались в песках, что вело к образованию почвы. И уже всего через несколько лет после начала проекта в Сахаре то там то сям начинали вырастать саксаулы, верблюжьи колючки и питательные сочные кактусы, дававшие тень ящерицам, черепахам и некоторым видам арабов, так и не сумевшим прижиться в больших городах.

Модельер слушал урчанье множества мельниц, где с помощью металлических шаров перетирались в пудру остатки русских костей,

ссыпались в упаковки со знакомым профилем великого академика. Истопники открывали пышущие жаром печи, бесстрашно засовывали в огненный зев длинные загнутые щупы. Действовали как кочергой, сгребая белые горстки костного праха.

В опустевшие печи, где слабо мерцали последние сгоравшие частицы, загружали новую партию гробов. Деревянные, оббитые тканью бруски уютно размещались в керамических нишах. За ними закрывались автоматические двери. Пышущее пламя вырывалось из газовых форсунок. Сначала легким воздушным огнем одевалась материя. Затем жар накалял смоляной тес, который начинал кипеть, охватывался летучим нежным сиянием. Прогорали доски, выпадали угольки, и в распавшихся гробах открывались лежащие навытяжку тела. Чадила ткань, мутно дымили волосы, жар проникал в холодную плоть, накаляя составы костей и мускулов.

Утомившись, Модельер выскочил из крематория на свежий воздух. Побрел подальше от бесконечно-длинного здания, над которым воздух стеклянно трепетал от теплых распавшихся молекул. Осеннее солнце, отекавшее, словно раздавленный желток, плавало в этом стеклянном воздухе.

Плужников проснулся в прохладной утренней комнате, в незнакомой постели, накрытый теплым душистым пледом. Он чувствовал себя здоровым, не ощущая боли от ожогов и ссадин, но не помнил и не понимал, кто он такой и как здесь очутился. Его мысли появлялись на один только краткий миг, существовали в тончайшем слое между прошлым и будущим и тут же исчезали, словно промелькнувшие искорки. В них не было ни боли, ни радости, ни целей, ни воспоминаний. Вокруг почти не было звуков и оттенков цвета, а была лишь тонкая пленка бытия, которая перемещалась вместе с его жизнью, тут же исчезая с каждой прожитой секундой.

Он встал из постели. Двинулся к занавешенному окну, из которого пробивались перламутровые лучи. Откинул занавеску. Увидел балкон, заставленный какими-то корзинами, поломанной мебелью, горшками с иссохшими растениями. За окном были дома, в прогал виднелась часть огромного белого собора и округлого золотого купола. На балконе оглядывался на Плужникова и ласково ворковал голубь в бело-розовом оперении. Стоя босиком на прохладном полу, бесчувственный и спокойный, Плужников смотрел на неузнаваемый мир.

Часть вторая

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Утреннее пробуждение Модельера сопровождалось минутой, когда в дремлющее сознание еще не устремились бурные потоки эмоций, и разум, отделенный от толпящихся и настойчивых переживаний, еще находился на шаткой грани яви и сна. В эти ускользающе-малые мгновения, лежа в постели, он испытывал странное недоумение по поводу того, откуда возник, как странно и несовершенно устроен, как заслонен от истинного бытия, и что оно есть, истинное бытие, в котором ему дано присутствовать. Эти переживания в полусне Модельер называл гносеологическим томлением, дорожил ими, равно как и страдал от них.

Он начинал свой утренний туалет, возлежа в просторной мраморной ванне, выточенной из фрагмента Парфенона. Душистая пена окружала его пышным перламутром, тысячи нежных пузыриков лопались, порождая крохотные радужные фонтанчики. Две очаровательные, полуобнаженные мулатки окунали в пену смуглые, шаловливые руки, делали ему массаж груди, живота, паха, будя витальные силы, столь необходимые для предстоящих деяний. В зеркало он видел гибкую спину карибской девушки, ее чувственный желобок, убегавший под набедренную повязку. Лица его то и дело касалась плотная заостренная грудь другой массажистки. Он наслаждался, полузакрыв глаза, слушая доклад секретаря, который, стоя на коврике, читал сводки.

Курс доллара. Мировые цены на нефть. Индекс Доу-Джонса. Стоимость акций основных российский компаний. Катастрофы мира. Ход протекавших на Земле локальных конфликтов. Взрыв нефтеперегонного завода в Омске. Падение сразу трех самолетов - в Иркутске, Ставрополе и Магадане. Несколько заказных убийств - в Москве, Екатеринбурге и Тольятти. Прекращение крупных коррупционных процессов в Санкт-Петербурге и Кемерове из-за отсутствия состава преступления. Взрыв нескольких фугасов в мирной Чечне. Теракт в Протвине, где проирански настроенный ученый вбросил в циклотрон дохлую обезьяну, и та, обретя в ускорителе вторую космическую скорость, вылетела на околоземную орбиту.

Тайные сборища "Красных ватаг", замышлявших взрыв миниатюрного памятника Петру работы мастера Свиристели. Хулиганские выходки скинхедов, установивших перед входом в синагогу плакат: "Проверено. Мины есть". Последние донесения спецслужбы "Блюдущие вместе" о телефонных переговорах Мэра и Плинтуса, в которых те изъяснялись шифром, используя крик кукушки, стрекот цикады и любовный рев гиппопотама.

- У нас есть специалисты по голосам птиц? - спросил Модельер, перехватывая под водой расшалившиеся пальчики мулатки.

- Вы же знаете, сэр, секретный отдел орнитологов был расформирован при последней чистке ФСБ. Сотрудники были уволены, и большинство из них торгуют на Птичьем рынке щеглами и коноплянками.

- Срочно отправляйтесь на Птичий рынок. Верните на службу хотя бы нескольких спецагентов. Мне нужна дешифровка, слышите? - Модельер рассерженно метнул в секретаря комок пены, и тот понял, что аудиенция окончена.

Появился брадобрей-турок. Перед огромным сверкающим зеркалом, в восточной чалме, расшитой серебряными нитями, в просторных шароварах и шелковых чувяках с загнутыми вверх мысами, брадобрей взбивал на его лице похожую на сливки пену, ласково поблескивал бритвой, снимал пышные хлопья и отирал лезвие о рукав бархатной блузы. Осторожно хватал Модельера за кончик носа. Тихонько тянул за ухо. Оттягивал ему нижнюю губу. Водил отточенной сталью у самого горла, отчего у Модельера бежали по телу сладостные мурашки. Доверяя брадобрею свой кадык и сонную артерию, Модельер каждый раз брал в заложники жену и детей парикмахера, помещая их в удобную камеру "Лефортово".

Покуда парикмахер делал ему массаж щек, втирал благовония и кремы, нежно шлепал, щипал, отчего гладкая кожа покрывалась девичьим румянцем, Модельер просматривал подготовленные к эфиру видеокадры - кругосветное путешествие Первого Президента России.

На Мальте, в готическом зале старинного замка его посвящают в рыцари. Окруженный тайными членами Ордена, облаченный в плащ с золотой цепью и мальтийским крестом, он опускается на колени, целует священный меч, произносит ритуальную клятву. И тут же, в другом уголке земли, в афганской провинции Пактия, участвует в

пуштунских игрищах, именуемых козлодранием. Мчится на скакуне среди диких наездников. Бешено визжит и хрипит. Вырывает у соперника тушу козла. Подымает над головой окровавленную рогатую добычу. Несется в степь, отрываясь от дикой погони. Вдали - синий хребет Гиндукуша, американский вертолет "Апач", летящий на базу после неудачных поисков Бен Ладина. Модельеру помогали одеваться два кутюрье, Слава Большой и Слава Маленький, оба несомненные таланты, европейские знаменитости, ненавидящие друг друга. Пока Модельер облачался в шелковую кружевную рубаху, принимал от них шитый золотом камзол, взбивал на груди жабо, оба кутюрье исподтишка кусали другу друга, незаметно царапались и плевались. Костюм в стиле герцога Анжуйского разработал Слава Большой. По его лекалам были сшиты из бархата полосатые золотисто-зеленые штаны, напоминавшие два арбуза. Он же подбирал белые чулки, в которых мускулистая нога Модельера смотрелась как чудесная отливка. Славе Маленькому достались шляпа, которую тот скопировал с придворных портретов XVII века, туфли с золотыми пряжками и пышными бантами и шпага на малиновой перевязи. Костюм получил "Гран при" на фестивале высокой моды в Венеции, и оба кутюрье не могли поделить пальму первенства. Их возня, попискивание и попукивание забавляли Модельера, и он, набрасывая плащ, тонко улыбался перед зеркалом, при этом внимательно выслушивал телепродюсера, отбиравшего для Счастливчика маски на сегодняшний день. Планировалось посещение родильного дома, встреча с матерями-одиночками, где Счастливчик должен был взять на руки новорожденного, нежно прижать к груди, подражая Мадонне Лите, для чего ему подбирался костюм бирюзово-золотистых тонов. Затем Президент собирался посетить Исторический музей с огромным скелетом динозавра, и на фоне скелета ему в уста вкладывалась короткая речь о поддержке ветеранов. Вечером Счастливчик, по приглашению посла Франции, отужинает в ресторане французской кухни.

В это время Слава Маленький Славе Большому всадил в ягодицу булавку. Тот тихо взвыл, а когда Модельер обернулся, сделал вид, что напевает романс "Гори, гори, моя звезда".

- Вам обоим, господа, надлежит подготовить облачение Президента в день его венчания на царство. Мне кажется, нужно

отказаться от беспомощного подражания русским царям и императорам, европейским королям и папуасским вождям, а взять за образцы лаконичные, понятные народу одежды египетских фараонов, для чего передаю в ваше временное пользование мумию Тутанхамона. До новых встреч, господа…

Он готовился к выезду в город, и ему поднесли телефон, напрямую соединяющий его с Президентом, - стеклянную, прозрачную медузу, проглотившую клубочек черных электронных червячков.

- Как почивал, мой дорогой? - Модельер ласково, нежно, словно бархоткой, касался слуха Счастливчика.

- О, ты знаешь, - раздался в ответ утомленно-женственный голос Счастливчика, который, казалось, еще оставался в смятой после мятежного сна постели. - Меня снова посетил этот странный сон. Будто вижу огромное пространство воды - море или обширное озеро. Над ним повисла синяя туча. Из этой тучи в воду пролилась беззвучная ртутная молния. Там, где она коснулась воды, все вскипело, окуталось паром и возникло подобие статуи. И я вижу, что это мое изображение. Понимаешь, в этом было что-то античное. Что бы мог означать этот вещий сон?

- Мой друг, - ответил Модельер, - ты находишься в преддверии великого и мистического действа - твоего помазания на царство, что сделает тебя не просто Государем, но и человеком, причастным Богу. И еще до обряда помазания тебя уже касаются силы неба.

- Тогда объясни второй мой сон, - задумчиво попросил Счастливчик. - Мне приснилось, что на голову мне положили маленькую собачку, темя чувствует ее теплое дышащее брюшко и одновременно ее непомерную тяжесть. Это о чем?

- "О, тяжела ты, шавка Мономаха…". Сны вещают тебе об одном и том же.

- Мы сегодня увидимся? - в словах Счастливчика слышалось томное нетерпение и капризная требовательность.

- Да, мой дорогой. "Сцена у фонтана", в то же время. Мне будет что тебе сообщить, - глядя, как шевелятся и мерцают электронные червячки в желудке стеклянной медузы, Модельер завершил разговор.

Ему принесли другой аппарат в виде стеклянной рыбы, в чьем прозрачном чреве пульсировала плазменная электронная рыбка.

Соединили с заокеанским другом, великим Магом Америки Томасом Доу, спецагентом из "Нэви Энелайзес".

- Хелло, Томас, небось сидишь, старый черт, в этот поздний час дождливой вашингтонской ночи и жрешь виски?

- Какой на хер виски, - раздался в ответ ворчливый голос Мага. - Замордовал Президент, мать за ногу эту узколобую техасскую землеройку, который, сука такая, до сих пор не может запомнить, где находится Россия.

- Пошли его на хер, Томас, лучше прилетай ко мне, старый блудник… Пойдем в ночной клуб "Распутин", там появились классные стриптизерши из русского города Вологда. Давно не видал твою мятую симпатичную рожу. Наши ежедневные парапсихологические соития не компенсируют отсутствие личных контактов. Давай, дружище, садись на кочергу от камина и дуй ко мне через полюс. Заодно посмотришь, как идут спасательные работы на крейсере "Москва", который вы гробанули.

- Я бы рад, но этот пидрило с ранчо так увлекся глобальной антитеррористической операцией, что хочет сбросить атомные бомбы на Северную Корею, Ливию, Сирию, Судан, землю Шлезвиг-Голштинию, Эльзас, Новую Каледонию, республику Гвинея-Бисау, Южный Йемен и провинцию Синьцзян. Я слышал, что у вас в Приморье новые выступления учителей и безработных рыбаков… Хочешь, я помечу город Артем на карте предстоящих бомбардировок?

- Сделай одолжение, Томас! Задолбали меня эти учителя и рыбаки! Выходят на демонстрации под политическими лозунгами: "Мы - не рыбы! Рыбы - не мы!" Устрой им Хиросиму, а мы пошлем туда Министра по чрезвычайным ситуациям. Классный парень. Сам устраивает техногенные катастрофы и сам же их ликвидирует. Но звоню тебе не за этим… Не забыл, что у нас в Москве чрез месяц состоится помазание? Кровь из носу, но привези сюда своего техасского дятла. Хоть в гробу, понял? Мы должны провести эту тусовку на высшем оккультном уровне. Кстати, как у тебя с эзотерической подпиткой? Как твой астрал? Как ментальное тело? Ты, брат, не запускай это дело, уже немолод. Ложись-ка, проверься в госпитале в пустыне Гоби. Там у нас работают отличные мужики из Центра оккультной терапии.

- Не боись… У меня пока все стоит… Прилечу, потолкуем…

- Привет нашим из Ливермора, Принстона и Лас-Вегаса! А этой черной сучке Лизе-Скандализе, которая мне в прошлый раз не дала, никаких приветов! Я ей не Мартин Лютер Кинг!

В желудке стеклянной рыбы померцала другая, проглоченная ею, рыбка и погасла. Разговор был окончен. Модельер вздохнул с облегчением, завершив утренний церемониал, и направился к выходу, где ждал его правительственный "Запорожец", - длинная бронированная машина отечественного производства, с пуленепробиваемыми стеклами, двенадцатиместным салоном, оббитым хорошо выделанной человеческой кожей, над которой славно потрудились скорняки из фирмы "Чехов".

Небрежно бросил шоферу, чья волчья косматая башка оскалилась на него добродушными белыми клыками:

- В "Лефортово", к шестому подъезду. Как всегда, к пыточным камерам.

Автомобиль скользнул в ворота, известные лишь узкому кругу тюремщиков, где при входе на тюремной стене висели памятные гранитные доски в честь именитых узников, - барельеф лица в фас и профиль, имя почетного сидельца, время, проведенное в тюрьме. Здесь были доски, посвященные Макашову, Руцкому, Хасбулатову, с красивой гравировкой золотых букв. Торжественно-строгие плиты с изображениями Радуева, Лимонова, Быкова. Стеллы с именами и двойными портретами известных расхитителей, смутьянов и террористов. На некоторых красовался автограф заключенного. Почти на каждой плите был укреплен букетик цветов, за свежестью и красотой которых следило тюремное начальство. На доске Радуева белели лилии. У Лимонова - декоративный фиолетовый лук. У Макашова - нежные полевые ромашки. А у Руцкого - цветущий картофель, который специально привозили из Курской губернии. Тут же был разбит маленький скверик, куда утомленные от допросов следователи приводили своих подследственных, и они, устав от разговоров, молча курили "Кемэл" и пили пиво "Балтика".

Модельер отказался от предложенного бокала с пивом и сразу прошел в застенок.

В сводчатой камере с закопченными каменными потолками чадно горел очаг, разбрасывая угрюмые красные отсветы. На углях, накаленные докрасна, лежали длинные клещи и железные шковрни. У

стены в цепях висела бездыханная голая женщина с воздетыми руками. Запястья были окованы стальными браслетами. Босые стопы были вставлены в железные, привинченные к полу сандалии. Спутанные, с медным отливом, волосы густо ниспадали на плечи. Округлые груди были в синяках и укусах. По ногам от живота стекали тонкие струйки крови, образуя на полу липкую блестящую лужицу. На ребрах краснел длинный багровый рубец. Рядом возвышался огромного роста полуобнаженный зулус, блестя потным черным телом, в набедренной повязке, в ритуальной маске африканского вождя, размалеванной яркими красками. В его здоровенных кулачищах был ременный бич. Могучая грудь тяжело дышала. Набедренная повязка подымалась и опускалась, словно под ней ворочался неуемный зверь. Тут же, за столиком, сидел следователь-юморист, лысый, с остатками рыжеватых волос, щербатый, с неисчезающей веселой ухмылкой, как если бы он думал о чем-то смешном, переполненный прибаутками и остротами. Направлял видеокамеру на висящую женщину, на великана-зулуса, на его шевелящуюся набедренную повязку, на раскаленные орудия пыток, на жестяное ведро с водой. Женщиной в цепях была Нинель, доставленная в "Лефортово" из "Рэдисон-Славянской", где ее выхватили из толпы рыдающих вдов.

- Нуте-с, - Модельер, потирая ладони, довольный средневековым видом застенка, обратился к следователю-юмористу, не преминув бросить взгляд на рейтингомер, вмурованный в кладку над пылающей жаровней. - Дает показания?

- Да нет, ваша светлость… Все какой-то бред, какой-то лепет… Про какого-то русского праведника, который спасет Москву - Блудницу Вавилонскую…

- Мертвая она не нужна, - озаботился Модельер, всматриваясь в висящую женщину, из которой по капле источалась кровь. - Зулус перестарался… Они там в Африке слоних покрывают…

- Он в етем деле дохтур! - ернически хихикнул следователь-юморист, приоткрывая щербатый рот, становясь похожим на плешивую белку.

- А ну давай, приведи ее в чувство! - приказал Модельер.

Юморист соскочил со стула, приблизился к Нинель, дунул ей в ушко хохотком. Стал рассказывать смешной анекдотец.

- Слышь, милая девушка, заходит Папа Римский в парижский магазин, чтобы выбрать себе покупку. Ничего не выбрал, выходит. А снаружи собралась толпа, приветствует его, аплодирует. Папа спрашивает: "Благочестивые парижане, вы приветствуете меня как Понтифика или как первого Папу-поляка?" "Нет, - отвечают ему, - мы приветствуем вас как первого поляка, который вышел из магазина и ничего не украл"… Ха-ха-ха!.. - закатился веселым смехом следователь-юморист. Зачерпнул из ведра воду железной кружкой, плеснул в лицо Нинель. Та вздрогнула, медленно раскрыла глаза.

- Дорогая моя красавица, - Модельер осторожно приподнял на ладони ее огненный пышный локон, открыв белоснежное плечо. Подержал и снова кинул, глядя, как заструился он золотом. - Ты - истинная красавица, мученица за народ. Ты - русская Жанна Д'Арк, попавшая в руки жестоких палачей. Но я пришел, чтобы спасти тебя…

Нинель, измученная страданиями, вися в цепях, увидела перед собой белолицего красавца с черно-синей волной волос, его миндалевидные блистающие глаза, нос с благородной горбинкой, шевелящиеся пунцовые губы. Собравшись с силами, произнесла:

- Вы гады и твари на нашу русскую душу!.. Вы меня мучаете, а вам уже смерть пришла!.. Русский праведник за вами придет и вонзит вам копье в переносицу!..

- Дорогая моя, я пришел сюда как спаситель! Ты не должна пропасть в этой страшной тюрьме! У тебя вся жизнь впереди! Там, на воле, тебя ждет любовь, будущий жених и верный муж, у тебя будет семья, милые детки, уютный дом и достаток! Все это я дам тебе, моя дорогая… Только скажи, кто тебя послал? Мэр или коварный Плинтус? Действовала по чьему наущению?..

- Вы гиены!.. И сгорите в геенне!.. А Россия будет белее снега!.. Хотели Русь в пучине сгубить, Москву святую утопили во тьме кромешной… Но идет русский праведник, чудом спасенный из пучины вод… Спасет Москву и народ, а вам - копье в змеиное жало!..

- Дорогая моя, все это так… Поверь, я на твоей стороне… Мы еще отпразднуем нашу русскую Победу! Еще подымем шипучий бокал в Георгиевском зале за великий русский народ!.. Только скажи, кто тебя послал в "Рэдисон-Славянскую"?

Нинель чувствовала, как сочится больной кровью ее изувеченное, истерзанное тело, как горит на ребрах рубец от бича. Взирала на

белолицего, пахнущего благовониями и свежим снегом искусителя. И было ей страшнее, чем тогда, когда ее прижимал к стене мускулистый живот зулуса, размалеванная маска кусала ей грудь и, казалось, хобот слона вторгается в чрево, вдувая кипяток и огонь.

- Придет русский праведник в сияющих доспехах под Андреевским стягом, с золотым копьем и в тельняшке!.. Москва небесная станет над Москвой земной, и Россия спасется от вашей тьмы!.. О том нагадали мне карты, когда я была еще непутевой и Сереженьку моего греховно желала!..

- Блядь!.. Сука рваная!.. Зою Козьмодемьянскую из себя корчишь!.. Стерилизую тебя как брудастую суку!.. Дурой сделаю!.. Выпущу тебя, и пусть на тебя, на русскую суку, иностранцы любуются!.. - Модельер испытал прилив слепого бешенства, ненавидя висящую перед ним обнаженную женщину. Чувствовал исходящий от нее жаркий запах женских страданий. Орал, не закрывая хрипящий рот, отдаваясь своему помрачению. Оглядел ее всю, с ног в железных сандалиях до золотых сияющих локонов. Увидел близко у глаз розовый набухший сосок. Припал жадными губами и стал сосать. Нинель почувствовала, как ее покидает разум, как страшный беспощадный сквозняк высасывает из нее дух и живую жизнь и она погибает с черной, разрастающейся тьмой в душе. Ее волосы стали седеть. От самых корней, по всей вьющейся, ниспадающей вдоль плеч длине побежала серая белизна, словно дунул мороз и они заиндевели.

Модельер отпрянул, чувствуя на губах вкус крови. Посмотрел на стоящую перед ним женщину с седыми волосами и остановившимися ледяными зрачками.

Глухо приказал следователю:

- Завернуть в брезент и подкинуть азербайджанцам на рынок…

Сутулясь, двинулся прочь, в другой застенок.

Соседняя комната в корне отличалась от первой. Она была выложена кафелем от пола до потолка и напоминала баню, сходство с которой усиливала широкая деревянная скамья. На скамье, животом вниз, лежал голый пухлый человек, словно ждал, когда явится банщик с березовым веником. Его тело, нежно-розовое, пухлое, было в складках аппетитного нежного жира, который пластами свисал на лавку с боков и бедер. Его круглая испуганная голова лежала на щеке, водянистые голубые глазки, окруженные белыми ресницами, часто

моргали, и было в нем много от откормленного, ухоженного поросенка, которому было трудно шевельнуть наеденным телом. Это был Буранчик, и движения его были затруднены не только тяжестью и неповоротливостью пухлых телес, но и тем, что руки его были прикованы к лавке, так же как и ноги, слегка раздвинутые, выраставшие из круглых румяных ягодиц.

Подле лавки стоял полуголый коренастый китаец, вылитый Джеки Чан, в коротком клеенчатом фартуке, из-под которого торчали короткие мускулистые ног. Рядом, на маленькой тумбочке, разместился портативный компрессор фирмы "Дженерал электрик" с гибким шлангом, который завершался хромированным наконечником, наподобие автомобильного насоса. В углу, за рабочим столом, сидел следователь-юморист, костлявый, с вогнутым темным лицом, похожим на обугленную сковородку, на которой, словно недожаренный хрящ, торчал нос, орудовал видеокамерой, наводя на пухлые ягодицы. Когда вошел Модельер, нажал на кнопку магнитофона, останавливая звукозапись.

- Нуте-с, - повторил свою излюбленную присказку Модельер, потирая ладони как массажист, примериваясь к жирной спине Буранчика. - Дает показания?

- Пока еще показания не снимали, ваша светлость! Только прокрутили пленку в бассейне, где этот плейбой хвастает Мэру и Плинтусу, сколько раз за день может совокупиться с самкой дельфина. Господин Чан, если будет на то необходимость, готов произвести побудительную процедуру, которую мы именуем "Опыт Леонардо". Великий мастер Возрождения был столь же живописец, сколь и натурфилософ и инженер.

- Говорят, Монна Лиза Джоконда - это он сам, только в женском парике и дамском наряде. Не так ли, господин Чан? - обратился Модельер к китайцу, натягивая резиновые перчатки.

- Китайса осень любит русськи селовека, если селовека толста, - улыбнулся Джеки Чан желтыми крепкими зубами и принял бойцовскую позу.

- Ах Буранчик, Буранчик, - Модельер склонился к беззащитному толстячку - я ли тебя не любил не лелеял? Я ли не осыпал тебя милостями и наградами? Не ты ли получил из моих рук орден Станислава первой степени когда продал японцам и американцам под

плавучие рестораны три океанских корабля дальней космической связи? Не ты ли, с моей подачи, стал лауреатом Государственной премии, когда прекратил советский "Марсианский проект", передав американцам документацию? Не ты ли стал директором космического агентства, когда разрезал на цветные металлы все имеющиеся образцы "Бурана", уничтожив конкуренцию американским "шаттлам"?.. И что же? Где благодарность?.. Ты связался с заговорщиками, Мэром и Плинтусом, желая мне, твоему благодетелю, погибели?.. Знаешь, куда великий Данте поместил грешника, предающего своего благодетеля?.. - Глаза Буранчика переполнились прозрачной влагой, по пухлой щеке побежали талые слезы. - Данте поместил этого отступника в самый центр Ада, где его огромными как сабли зубами грызет Вельзевул!.. Неужели ты хочешь, чтобы твоя дельфинья самка осталась вдовицею?

Слезы из глаз Буранчика бежали как апрельские ручейки:

- Я… Не я… Они сами… Голос на пленке не мой… Это вода нажурчала…

- Не лги, предатель! - оборвал его Модельер. - У тебя еще есть шанс уцелеть!.. Ты хотел навести боевой космический лазер на отведенное мне кресло!.. Назови номер кресла и, быть может, я смилостивлюсь…

- Не знаю… Нет никакого кресла… Я оклеветан…

- Джеки Чан, принимайся за дело… - сказал Модельер китайцу. - Во имя Леонардо Да Винчи… Хотя подобные методы использовались уже при династии Цин…

Китаец взял шланг с хромированным наконечником. Бесцеремонно раздвинул ягодицы Буранчика. Умело всадил инструмент.

- Ой, холодно! - вскрикнул несчастный.

- Сейчас будет жарко, - жестоко произнес Модельер. Протянул к компрессору руку в резиновой перчатке. Нажал пусковую кнопку.

Струя сжатого воздуха устремилась в нутро Буранчика. Он стал разбухать, надуваться. Глаза стали выдавливаться из орбит. Уши, покраснев, оттопырились. Модельер взглянул на манометр, показывающий две атмосферы. Остановил компрессор.

- Помню, в детстве мы надували через соломинку лягушек. Как смешно они потом плавали в пруду и никак не могли погрузиться… Итак, какой номер кресла? Назови число?

- Корень квадратный из минус единицы, - утробным голосом произнес Буранчик.

- Еще подкачаем твое заднее колесо, - Модельер запустил компрессор.

Буранчика разносило все больше. Он округлялся. Живот его стал шарообразным. Кожа натянулась и стала еще розовей. Жировые складки расправились. Он походил на огромного надувного поросенка. Рот раскрылся, и вывалился толстый мокрый язык. Из ушей, как из проколотого баллона, со свистом выходил воздух. Манометр показывал шесть атмосфер.

- Итак, я не требую, чтобы ты декламировал стихи Бродского. Только - номер кресла, и я сброшу давление… Ну?.. Назови число?..

- А-квадрат плюс бэ-квадрат равняется сэ-квадрат, - сипло, словно астматик, прошипел Буранчик.

- Давненько я не запускал аэростаты!.. - Модельер включил компрессор. Буранчик весь звенел от напряжения. Давление в нем было столь велико, что все поры его растворились и из них стал выходить воздух, выдавливая крохотные розовые пузырьки. Казалось, он весь покрылся розовой пеной и она тихо шипела, шевелилась, мерцала.

- Число! - прокричал Модельер.

- Четырнадцать… - был ответ из глубины раздувшегося существа, в недрах которого лопнул сочный пузырь.

- Отлично, - произнес Модельер, пощелкивая пальцем по раздувшимся бокам Буранчика, и они издали упругий звенящий звук как надутая резина. - Кто еще был в заговоре, кроме Мэра и Плинтуса? Кто финансировал установку космического лазера? Кто из олигархов желал моей смерти?

Буранчик, не в силах говорить, отрицательно покачал головой, на которой страшно голубели выпученные, в красных прожилках глаза и торчали алые жаркие уши.

- Понимаю братьев Монгольфьер!.. - Модельер взглянул на манометр, показывающий двенадцать атмосфер и нажал пусковую кнопку.

Буранчик пенился, словно огромный кусок розового мыла. Достиг непомерных размеров. Казалось, вот-вот взлетит вместе с лавкой. Из ушей показались кишки. Из ноздрей и открытого рта лезли

пузырчатые перламутровые легкие. Он весь был окутан розовой пеной.

- Назови олигарха или я закачаю в тебя всю земную атмосферу и планета останется без воздуха! - Модельер остановил компрессор.

- Роткопф… - этот звук возник не изо рта, а из отворившегося пупка, утробно изрекшего имя известного олигарха, чья голова, под стать фамилии, была ярко-красного цвета. Вслед за изреченным словом из пупка показалась двенадцатиперстная кишка, страшно раздутая. Стала извиваться, порождая странный печально-певучий звук, напоминавший "Голубую рапсодию" Гершвина.

- Спасибо за искренность, брат… Спасибо и тебе, Леонардо… - Модельер снова пустил компрессор.

Отошел от несчастного. Встал в самый дальний угол.

Компрессор работал, нагнетая в раздувшееся тело Буранчика сжатый воздух. Изо всех отверстий, из пор, из корней волос выдавливались пузыри и пузырики. Разрастались, распространялись ввысь и вширь, занимали все больше пространства. Казалось, пузырится шампунь, извергаемый из бездонного тюбика. В этой пене, в перламутровых, розово-зеленых пленках голубели выдавленные, уплывшие из черепа глаза. Колыхалась черно-лиловая скользкая печень. Шевелились под потолком набрякшие почки. Бухало огромное, словно булыжник, сердце. Все внутренности, переполненные воздухом, медленно кружили по комнате как жуткие планеты, наполняли кафельную камеру органами уже несуществующего тела, превращенного в надутые пленки, в кожаные пузыри, в раздутые флаконы и целлофановые мешки. Где-то у потолка, рядом с громадными семенниками и гипертрофированным пенисом нежно зеленел рейтингомер, показывая свои неизменные "восемьдесят три процента". В этом кипящем месиве, заполнившем весь объем камеры, бултыхались китаец Чан и следователь-юморист, словно древние пловцы, уцепившиеся за надутые бурдюки. И он сам, Модельер, пытался плыть саженками среди кипящей жижи.

Внезапно раздался громогласный хлопок, как если бы лопнул газовый баллон. Все разлетелось вдребезги, оседая красной жижей. В опустевшей, с мокрым кафелем, комнате, на лавке, среди красной слизи лежал белый скелет Буранчика.

- "Останься пеной, Афродита, и слово в музыку вернись…", - облегченно произнес Модельер, стряхивая с шитого золотом камзола капельки жира. - До новых встреч, господа, - кивнул на прощанье китайцу и юмористу. Как всегда, галантный и обходительный, покинул застенок.

В урочный час Модельер встретился со Счастливчиком в "Шурикен-хаузе", стеклянном воздушном замке, принадлежавшем ранее банкиру-неудачнику, который во время дефолта кинулся с колокольни Ивана Великого с криком: "Лечу!" Теперь в этом ажурном, похожем на колбу здании размещался интеллектуальный центр власти, создававший эффективные политические технологии. Денно и нощно трудились аналитики, социальные инженеры, прогнозисты и Глеб Павловский, серые мыши, черные кроты, гримеры и Караганов, выщипыватели волосков, мозольные операторы, вязальщики петель и Никонов, лудильщики, шорники, блестящие жучки, тихие паучки и Марков, слепые музыканты, глухие меломаны, творцы иллюзий и Леонтьев, создатели мифов, охотники за тараканами, охотники за блохами и Кургинян, сами блохи, удобно поселившиеся в мягких креслах, и Мигранян, рачки, плавающие задом в графинах с туалетной водой, и Гельман, специалисты по исламу, специалисты по иудаизму, специалисты по Евразии и Дугин, специалисты по политкорректности и Шевцова, специалисты по запорам и Цыпко, специалисты по проведению политических и кишечно-полостых операций и Сатаров, знатоки русской и советской истории, возглавляемые Радзиховским, который так заработался, что упал носом в столярный клей и заснул.

Свидание двух друзей проходило в милом внутреннем дворике, где сверкал великолепный прохладный фонтан. Он обладал тем удивительным свойством, что раз в сутки, на несколько минут, из него прекращала бить вода и начинало извергаться французское розовое вино. Именно к этим минутам было приурочено свидание. Оба друга, сидя на гранитном парапете фонтана, подставили бокалы изумительной винной струе. Чокнулись, с наслаждением пили маленькими глотками, любуясь сквозь стеклянные стены, как несутся бесшумные автомобили по осенней Москве, напоминая бесчисленные молекулы летучего вещества.

- Дорогой друг, - Модельер легким движением поправил на голове Счастливчика кивер времен наполеоновских войн, на котором

красовалась красная звезда, серп и молот, соединяя давнее и недавнее прошлое. - Я знаю, что твое выступление в Академии Генерального штаба прошло блестяще. Начальник академии генерал Макмагон, ох уж эти мне янки, вывесил в честь твоего прибытия красный, трехцветный и американский флаги. Теперь же, когда мы можем немного отдохнуть, и тебе еще рано идти к Москва-реке на массовый заплыв, который совершают члены общества "Мемориал", я должен обратиться к тебе с настоятельной просьбой. Прошу тебя выдать ордер на истребление Роткопфа.

- Как? - воскликнул Счастливчик, едва не уронив стакан в фонтан, где светлело множество серебристых монеток, - их перед отъездом на родину бросали агенты иностранных разведок, работающие в "Шурикен-хаузе", надеясь на скорое возвращение. - Никогда!.. Ты пьянеешь не от вина, а от крови!.. У тебя только одно на уме - истреблять, истреблять, истреблять!..

- Или мы их, или они нас!.. Товарищ Сталин учил: чем ближе к победе социализма, тем ожесточеннее сопротивляется враг. Перефразируя вождя, замечу: чем ближе день твоего помазания, тем бессердечнее и коварнее действуют наши противники. Мэр и Плинтус вошли в тесный контакт с олигархами, среди которых Роткопф готовит на нас с тобой покушение!

- Ты хочешь поссорить меня с олигархами!.. Они поддерживают, любят меня… Шлют мне дорогие подарки… Роткопф прислал мне удивительный теплотворный кристалл, от которого можно прикуривать. Он утверждает, что такие кристаллы будут установлены в квартирах, что позволит, наконец, преодолеть зависимость от проклятых коммунальных служб, которые в этом году грозят нам устроить Великое оледенение.

- Роткопф хочет убить тебя и меня. Есть неопровержимые доказательства…

- Какие?

- Поступим так, мой друг… Завтра в Городе Золотых Унитазов олигархи встречаются на уикенде. Будет Плинтус… Заезжай туда ненароком… С твоей интуицией ты много почувствуешь… А потом встретимся с тобой на этом же месте и продолжим беседу…

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Плужников, после первого своего пробуждения в незнакомом доме, не понимая, не умея вспомнить, как он здесь очутился, обрел зрение и слух, однако оставался немым. Но и зрение, коим он постигал новую для себя обстановку, и слух, который доносил до него звуки женских ласковых слов, легкий шелест шагов, мерные гулы за стеклами окон, - были неполными, странно усеченными. Словно он был запаян в стеклянный куб, ограничен со всех сторон его ровными блестящими гранями. Любое мгновение, данное ему в ощущениях, тут же пропадало бесследно, не сохранялось в памяти. Он не мог проследить его удаление, натыкаясь на ровную грань стеклянного куба, отсекавшего его от прошлого. Звук или образ, наплывавшие на него, появлялись мгновенно, возникали у самых глаз, ошеломляли внезапностью, и он не предвидел, не предчувствовал их, не слышал их приближения из будущего, отделенный от него гладкой стеклянной преградой. Он не мог осознать смысл слов и значения образов. Это не причиняло острых страданий, но тяготило, как если бы его тело увеличило свою тяжесть, испытывало дополнительную гравитацию, как это, возможно, случается с космонавтами на иных, более крупных, чем Земля, планетах. Он двигался по дому осторожно переставляя ноги, как если бы был обут в свинцовые башмаки водолаза, и это делало его беспомощным.

Его пугало зеркало, к которому подходил и не видел своего отражения, словно он не существовал, - зеркальное стекло отнимало его образ и не возвращало обратно. Его пугал темный коридор, куда погружался его взгляд и не находил ничего, кроме тьмы, в которой, переступив порог, может бесследно кануть. Лишь окно на кухне с выходом на балкон влекло его голубовато-золотистым светом. Он выглядывал наружу и видел нагромождение домов и фасадов, кирпичных стен и железных крыш, и среди них, выступавший наполовину, золотой купол собора. Балкон был заставлен поломанной мебелью, горшками с сухой землей, плетеной корзиной с ветошью. В корзине, подымая точеную розоватую головку, взглядывая зорким

веселым глазком, сидел голубь. Это нравилось Плужникову, рождало в груди необъяснимую теплоту.

Женщина, которая утром приглашала его на кухню к столу, была добра к нему: была милой, суетливой, заботливой, ставила перед ним тарелку с глазуньей, хлеб, масленку, наливала в большую цветастую чашку чай, подвигала сахарницу.

- Ты, мой миленький, ешь, тебе надо поправляться, постараюсь яблок сегодня купить, тебе нужны витамины, если бы денег было побольше, я бы фрукты тебе на рынке купила, но они такие дорогие… Азербайджанцы совсем обнаглели, берут втридорога… Ты хлеб маслом помажь… Давай яичницу травкой немного посыплю, - она посыпала круглые, среди запеченного белка, желтки мелко порезанным укропом и луком.

Ему нравились запахи нарезанных трав. Нравилось сочетание белого, зеленого, желтого. Были приятны ее ловкие, мелькавшие перед его глазами руки. Он догадывался, что ей хочется накормить его повкуснее, но не хватает денег на вкусную еду. А почему не хватает и кто такие азербайджанцы на рынках - люди, предметы или цены на продовольствие, - он не мог понять. Она его уже не кормила с ложки. Он сам пользовался вилкой, ножом. Подносил к губам горячую фарфоровую чашку с красными маками. Силился вспомнить, что минуту назад говорила женщина, и не мог. Сзади опускалась сияющая стеклянная плоскость, отсекала как лезвие произнесенные слова. И это причиняло ему беспокойство.

Женщина надевала скромный плащик, невзрачный беретик и уходила из дома. Среди дня женщина ненадолго возвращалась. Ставила у порога тяжелую грубую сумку, наполненную конвертами и газетами. Измученно и виновато взглядывала на Плужникова, поправляя сбившиеся кудряшки.

- Ох и устала! Сегодня необычно богатая почта! Люди пишут, читают газеты, а ты бегай по этажам и подъездам!.. Сейчас бульончик тебе согрею!.. Курочку тебе купила!.. - она хлопотала у плиты, наливала в пиалу золотистый вкусный бульон. Он пил с наслаждением, понимая, что женщина устала и сбилась с ног, но все равно хлопочет о нем и заботится. А почему - неизвестно. Она не была ему ни матерью, ни сестрой, хотя он чувствовал к ней благодарность, и в груди

возникало теплое чувство, как тогда, когда видел воркующего на балконе розоватого голубя.

Когда, покормив его, она собиралась уйти, стала подымать на хрупкое плечо тяжелую сумку, он перехватил брезентовый ремень. Навьючил на себя суму.

- Хочешь помочь?.. Да ты еще очень слаб! Полежал бы!.. А нет, так пойдем, вдвоем веселее, - обрадовалась она, поправляя ему сбившуюся под ремнем куртку. Они поместились в лифте и спустились на улицу.

Плужников с тяжелой сумой послушно следовал за быстрой худенькой женщиной, стараясь не отстать, не потерять ее, не оказаться одному среди незнакомых домов, встречных людей, проезжавших автомобилей. Двигался за ней прилежно, не рассуждая, обремененный поклажей, словно вьючный ослик, сворачивая туда, куда устремлялась ее гибкая, стремительная фигурка. Ему нравились налетавшие запахи, на секунду рождавшие образ, - то проезжавшего толстобокого автомобиля с усатым водителем, то блеснувшей в конце переулка реки, то булочной с раскрашенным кренделем, то высокого, золотистого, полного солнца дерева в глубине двора. Запахи бензина, речной воды, прелой листвы, ванили на мгновение связывали вместе явления мира, но потом они распадались и исчезали, отсеченные падающим лезвием, оставлявшим рядом с ним ровный, блестящий срез мира.

Они заходили в подъезды, то помпезные, с зеркалами, озаренные светильниками, с узорными опорами, по которым вверх взлетали лакированные перила, то тусклые, замусоренные, дурно пахнущие, исчерканные и изрисованные иероглифами и вензелями копоти. Женщина доставала из его сумки газеты и письма, засовывала в почтовые ящики, и он читал названия газет: "Известия", "Коммерсантъ", "Московский комсомолец", "Консерватор", "Мегаполис-экспресс", не понимая, что означают эти крупные, начертанные на газете буквы, исчезавшие в глубине металлической прорези.

В некоторых подъездах они садились на лифт и подымались на этажи. В других же, где лифта не было, шли наверх пешком, и он на секунду радовался, что вместо нее тянет тяжелую поклажу. Но эта радость тут же пропадала в непонимании того, зачем он это делает.

Из одних дверей, на которых была табличка с фамилией Князева, выглянуло измученное женское лицо, и он услышал:

- Коленька мой из Чечни давно не пишет… Вся извелась…

Спутница его ласково, торопливо ответила:

- Вот увидите, скоро напишет… Может, в поход ушел… Может, письма в пути задержались…

Он силился понять, что значили эти слова. Почти улавливал их смысл. Но потом они разбегались как проворные белки, и он о них забывал.

Из других дверей возник заросший, отечный мужчина в сальной пижаме, качаясь, лохматя на голове пепельные немытые волосы, принял какой-то квиток, сокрушенно произнес:

- Шабаш… Выселяют… Где же мне теперь жить?.. На помойке?.. Русскому человеку место одно - на свалке…

И спутница, сострадая, ответила:

- Не сдавайтесь, Иван Иванович… Подайте кассацию… И, если можно, вы бы уж пить перестали, а то беда…

Плужников чувствовал, что это беда, что седому человеку в пижаме худо, но не мог понять, отчего. Причины беды скрывались за стеклянной непроницаемой плоскостью. И ее последствия были отсечены такой же отшлифованной гранью. Между этими блестящими плоскостями виднелось изможденное лицо, полные слез глаза…

Из третьих дверей посыпалась брань: там, подбоченясь, стояла толстая рыхлая женщина на слоновьих ногах, пахло горелым луком, и оттопыренные некрасивые губы выговаривали:

- Хахаля себе нашла?.. Сама козявка, а ладного мужика подхватила!.. Видно, сучка не промах!.. Правильно говорят: сучка не захочет, кобель не вскочит!.. - и хлопнула перед ними дверью.

Плужников видел, как огорчена его спутница. Как мелко дрожит от обиды ее рот. Но не понимал, в чем обида, почему неопрятная злая толстуха накинулась на них.

Он пробовал спросить об этом свою спутницу. Подыскивал слова, желая их выговорить. Но язык не мог шевельнуться, будто рот был залит бетоном, в котором застыл язык. Хотел вслушаться в звук ее голоса, чтобы по его звучанию понять смысл происходящего. Но, казалось, уши его были запечатаны воском. Звук, попадая в ушную раковину, останавливался и затихал.

Когда сумка опустела и стала легкой, женщина отобрала ее у Плужникова, подвела к фасаду с застекленной витриной, над которой красовалась надпись "Продукты", оставила у входа…

- Подожди меня здесь… Чего-нибудь на ужин куплю… Будем вечером трапезу готовить, - скользнула в стеклянные двери.

А он постоял, глядя, как снуют вокруг люди с покупками, медленно, осторожно пошел туда, где, как ему казалось, находился за домами белый златоглавый собор.

Он увидел собор внезапно, словно опали серые декорации фасадов и возникла белая громада, увенчанная пылающим золотом. Стоял, обомлев, испытывая испуг и восторг, необычайную тяжесть в груди и нежное, тревожное умиление. Не умел соединить одно с другим, испытывая от этого мучительную неполноценность, тоску ущербного сознания, печаль угнетенного разума. Ему мешали любоваться собором перекрестья проводов, валившее мимо месиво автомобилей, гарь, толпа, столкновения с торопливыми раздражительными людьми. Он перешел улицу, бестолково уклоняясь от рыкающих и гудящих автомобилей, встал у соборной ограды, запрокинув голову, на которую сверху валилась золотая глыба, окруженная синевой и множеством темных мелькающих птиц, в легких касаниях окружавших сияющий купол.

- Ишь что делает воронье!.. - услышал он рядом недовольный рокочущий бас. Бородатый, сивогривый служитель в черном подряснике, тучный, могучий в плечах, стоял с метлой, смахивая с тротуара палые листья. Сурово, из-под скуфейки, посматривал в небо. - Золото склевывают и в гнезда свои уносят. Через год-полтора лысый будет стоять. Правильно говорит настоятель, - надо ружья взять да и пострелять сизарей и галок, а то вон одну подшибли, а у нее клюв золотой, - эти строгие рокочущие слова были адресованы никому или стоящему рядом Плужникову, который не мог уяснить их смысл, не мог понять, почему собор вызывает в нем сердечную тяжесть и сладкую нежность. Для какой цели сооружена эта белая громада с непомерной золотой головой?.. Медленно брел прочь, переступая на асфальте кленовые листья, которыми, казалось, осыпался сияющий в небе купол.

Город, где он оказался, имел свое имя, но оно, позабытое, никак не хотело всплывать, было где-то на дне, в темной пучине памяти,

лежало, расколотое, развалившееся на отдельные буквы, и из каждой на поверхность сознания тянулись длинные цепочки пузырей, показывая, что в этой бездонной пучине лежит утонувшее слово. Он старался поднять его на поверхность, но у него не хватало сил.

Его внимание привлекало множество надписей, больших и малых, высоко над крышами и вблизи, у самых глаз. Надписи, выведенные огненными газовыми трубками, начертанные неоновой краской, усыпанные блестками и бегающими вспышками, убеждали, что он попал в какой-то заморский город. "Никея", "Самсунг", "Аудио-видео", "Трейвл трейдинг", "Сейлинг", "Шопинг", "Форин офис", "Блэк дог", "Олд феллоу", "Инвинсибл", "Инвитейбл", "Лаки страйк", "Май фер леди", "Онли фор мен", "Инферно террибл", "Бюти баст", "Литл чикен" - эти слова предполагали, что бегущие мимо люди говорят на иностранном, преимущественно на английском языке…

Но два мужика у ларька, держа по откупоренной бутылке пива, талдычили друг другу:

- Заебись ты в доску, если ты такой, блядь, упертый…

- Какого хуя?.. Если он будет пиздеть, я его разъебашу…

Это убеждало Плужникова, что он остается на Родине. К такому же умозаключению побуждали другие, противоречащие первым надписи: "Русский асфальт", "Кухни России", "Русское лото", "Кожа России", "Волосы России", "Русский стандарт", "Бюро ритуальных услуг "Россияночка", "Российское заливное", "Нежность России", "Российское нижнее белье", "Общество слепых "Храбрый росс", - однако под этими надписями стояли похожие друг на друга, черноволосые, горбоносые люди в кожаных куртках и о чем-то гортанно, темпераментно разговаривали на наречии свободолюбивых горских племен.

Все это не сочеталось в сознании Плужникова. Порождало паническое беспокойство, которое не развивалось в безумную истерику благодаря прозрачной призме, куда он был запаян и где литое стекло мешало разлетаться во все стороны несоединимым словам и смыслам.

Переулками, где было много великолепных особняков розового, бирюзового и изумрудного цветов, напоминавших нежные оттенки полярных снегов, он вышел на обширную улицу, обставленную помпезными домами. Вместо нескончаемого потока слипшихся, едва

текущих автомобилей улица вся, от тротуара до тротуара, была наполнена странными людьми. Они касались друг друга руками, двигались, пританцовывали, все в одну сторону, из одного, размытого конца улицы в другой, такой же туманно-размытый. На тротуарах глазел народ.

Плужников остановился подле язвительного человечка с синими щелочками глаз, который скептически посматривал по сторонам, давая комментарии происходящему:

- Это как же теперь понимать? Чеченцы, которых мы всех победили, приехали к нам в столицу и танцуют зикр на Садовом кольце? Если им даже теперь для хоровода Садового кольца не хватает, то, может быть, после Третьей войны, они займут Кольцевую дорогу? Ну, знаете ли, здесь бы и Ермолов оказался бессильным…

Плужников не понимал смысл произнесенных фраз. Люди, бежавшие по кольцу, слившиеся в огромный, волнуемый хоровод, были в папахах, в замшевых черных шляпах, в пестрых тюбетейках и вязаных плотных шапочках. Иные были в зеленых и черных косынках с размашистыми арабскими надписями. На одних были овечьи безрукавки и заправленные в сапоги шаровары. Другие были в модных костюмах, белых рубашках и галстуках, с золотыми булавками и запонками. На третьих был камуфляж, походные бутсы, ремни. Некоторые держали на плечах автоматы, другие - гранатометы, то там то здесь мелькали переносные зенитно-ракетные комплексы. В разных местах хоровода раздавались удары бубна, бой барабанов, крики: "Аллах акбар!" Пробегавший мимо мулла в чалме и халате держал на весу раскрытую священную книгу и читал по-арабски молитву. Многие утомились от бега, проголодались. Кое-где дымился на шампурах шашлык, жарились на углях лепешки. Прихрамывающий, воинственный бородач нес зеленое знамя.

- Ну как же!.. Конечно!.. Кто же еще? - язвил человечек. - Шамиль Басаев, собственной персоной… А вот и Доку Завгаев… А вон тот здоровенный, борода лопатой, сам Яндарбиев!.. Ну и конечно профессор Руслан Хасбулатов… И рядом Мавладий Удугов… И, разумеется, Умар Джебраилов!.. Вот только не вижу Ахмеда Закаева… Кажется, он поехал в Кремль получать от Президента орден Дружбы народов… Такие, братцы, дела… - он цокал языком, щурил синие глазки. Пробегавший мимо боевик в шутку нацелил в него пистолет.

Плужников не знал, почему бегут косматые и бородатые толпы, кому они грозят автоматами, нужно ли их бояться или следует пожалеть, кинуться опрометью вглубь переулков, забиться в подворотню среди неопрятных помойных ящиков или сойти с тротуара, выхватить у хромого воина зеленое знамя и бежать рядом с ним, выдыхая раскаленно: "Аллах акбар!"

Смущенный, не понимая увиденного, Плужников прошел массивы тесных старинных домов, среди которых возникали уютные, еще не опавшие скверы, темно-зеленые, с белыми аркадами пруды, где плавали слипшиеся ржавые листья. Пахло винным настоем, сырыми дворами, дамскими духами и сладким дымком проплывшей в девичьих губах сигареты.

Он вышел на яркую, кишащую площадь, где машины скользили, словно блестящие косяки рыб, но этот образ, вспыхнув, тут же померк, срезанный лезвием, нырнул в подземный, шумно гомонящий туннель, вынырнул в красивом сквере с высоким бронзовым памятником. Фонтан, осенние деревья были окружены высокими торжественными домами. Бронзовая печальная скульптура взирала с постамента на букет красных роз.

Оглядывая памятник, стараясь вспомнить, где он видел это знакомое лицо с кудрями и бакенбардами, он почти натолкнулся на одиноко стоящую женщину. Полная, в очках, на усталых распухших ногах в стоптанных, разваливающихся туфлях, женщина была увешана с ног до головы плакатиками, где было написано: "Руки прочь от Чечни!", "Свободу многострадальному чеченскому народу!", "Прекратить геноцид чеченцев!", "Президент, ты фашист или демократ?".

Женщину обходили стороной. Вокруг нее была зона отчуждения. Она гордо и одновременно просительно взирала сквозь очки на пробегавшую толпу, презирала ее и в то же время умоляла. Иные прохожие, перехватив ее взгляд, подходили и щупали ее. Кто-то помял пальцами рукав ее поношенного пальто. Кто-то качнул висящий на шее плакатик. Кто-то осторожно прикоснулся к заплывшей груди. Хрупкий юноша приблизился и бережно взял ее за нос.

Плужников увидел, как к женщине подошел милиционер, поставил рядом с ней большие войлочные боты, сострадая, произнес:

- Валерия Ильинична, голубушка, надели бы тепленькое… А то ножки застудите…

Та надменно вскинула голову, тряхнув седеющими волосами, и отрезала:

- Правозащитники привыкли страдать!..

Плужников пытался понять, как связаны эта немолодая, кем-то огорченная женщина и возвышавшийся над ней бронзовый мужчина в плаще? Сколько лет она стоит на этой прекрасной площади, сама превратившись в памятник? Не находил ответа… Знал, что видел их где-то вместе, - женщину и бронзовое изваяние, быть может, на литейном заводе. И это вызывало в нем тихую боль. Осторожно приблизился и тоже ее пощупал. Она была мягкой и влажной на ощупь как брынза, не противилась прикосновению, смотрела ему вслед сквозь очки фиолетовыми глазами раненого оленя.

Он брел по чудесному осеннему бульвару, среди особняков, нежных и чистых, словно души невинных женщин. Вокруг каждой липы образовалось золотое озерцо из опавшей листвы, и хотелось встать рядом с коричневым деревом, прижаться к корявому стволу и так замереть, чтобы не мучили обрывки видений и звуков. Однако в конце бульвара, где возвышалось другое каменное изваяние таинственного человека с бородкой, Плужников оказался в буйном, клокочущем месте.

Играла рок-группа, мотая немытыми космами, разбрызгивая пот, в кожаных безрукавках, блестя металлическими бляхами, цепями, нашлепками. На липких телах синела татуировка: звезды, серпы, молотки, автоматы, грудастые русалки, возбужденные пенисы, профили Маркса и Энгельса. Ударник в черных очках, похожий на фраера, лупил в яркую медь. Гитарист с бородкой Льва Троцкого не щадил струны, подбрасывал стенающую гитару к вершинам деревьев и, пока она кувыркалась как желтая планета, смачно сморкался в пальцы.

Певец в красной косынке, белолицый, похожий на комсомолку тридцатых годов, страстно выдыхал в микрофон:

- "Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем!.. Мы подымем красный флаг, демократов всех - в ГУЛАГ!.."

Толпа таких же, в кожанках, в татуировках, принималась яростно скандировать:

- Со-циа-лизм!.. Со-циа-лизм!.. Сталин, Берия, ГУЛАГ!..

В этой толпе были бледные юноши с аскетическими лицами странствующих монахов, яростные, застегнутые в кожу боевики, держащие дулами вверх макеты "калашниковых", Колумбийские партизаны в беретах, с черными занавесками, скрывающими нижнюю половину лица, изможденные негры из "Фронта Полисарио" с муляжами гранатометов, сандинисты в широкополых шляпах, держащие пальцы на спусковых крючках "М-16". Над этим грозным, готовым к бою скопищем развевались красные знамена с белыми кругами и черной эмблемой серпа и молота. Качалось и подпрыгивало надетое на палку смешное чучело Президента, который был в дамских трико, сосал пустышку, был облачен в пиджак из американского флага. Было много девушек с измученными лицами, как если бы они днями и ночами таскали на себе гранитные надгробья. Некоторые из них целовались с подвернувшимися юношами, а некоторые - друг с другом.

Плужников тревожно, не понимая причину сходки, смысла песен и выкриков, поводил глазами, стремясь уразуметь происходящее.

Какой-то обыватель, не вливаясь в чумовое скопление, но и не желая уйти, признал в Плужникове наивного провинциала и взялся ему объяснять:

- Небось у вас-то, в Урюпинске, такого не сыщешь?.. Зато у нас этой плесни навалом… "Красные ватаги" - так себя называют… А я бы, на месте Президента, взял бы да и перестрелял их всех из пулемета, пока они нас не перестреляли…

Над толпою, словно вознесенный на руках, возник оратор. Было видно, что это Предводитель, ибо к нему потянулись все грозные, из папье-маше, автоматы, вокруг него заплескались все алые, пылающие знамена. Да и вид его выдавал предводителя. Он был в желтой цыплячьей блузе и в черном шелковом шарфе, в непомерных, раздутых галифе, которые покрывались кожаными шенкелями, переходящими в заостренные башмаки с серебряными шпорами. Грудь пересекала ременная портупея, на которой болталась огромная кобура "маузера". На голове красовалась клеенчатая "конфедератка", из-под которой ниспадали до плеч пленительные белокурые волосы, даже на большом расстоянии благоухающие духами. Голубые глаза хохотали и плакали одновременно. Правую щеку уродовал шрам, нанесенный

гарпуном китобоя. Он походил на Нестора Ивановича Махно, на артиста Бориса Моисеева в период расцвета, и чем-то неуловимым - на щит, прибитый ко вратам Цареграда.

Все смолкли, стояли с благоговейно растворенными ртами, из которых слегка попахивало марихуаной.

- Мы - женихи одной невесты Революции!.. Пусть наши руки врастут в автоматы!.. Наши рты не устанут кричать: "Свобода или смерть!" Наша глаза вопьются в прицелы снайперских винтовок!.. Наши уши насладятся стонами умирающих врагов!.. "Красные ватаги" как возмездие промчатся на тачанках по улицам городов, где исчадие капитализма Роткопф погасил священные лампады Ильича. На темных улицах вновь вспыхнут фонари Свободы, и на каждом закачается банкир, в животе которого будет торчать финский нож!.. Наша музыка - рев гаубиц!.. Наша живопись - шрамы на лице воина!.. Наш театр - театр военных действий!.. Москва - родина Мировой Революции!.. - он выхватил из кобуры "маузер" и отстрелялся, норовя попасть в глаз каменному истукану с бородкой.

Его сторонники восторженно кричали, пускали в небо красные трассеры очередей. Рок-группа врезала марш испанских интербригад. Ударник остервенело грыз медные тарелки. Гитарист размозжил о ствол проклятую гитару. Несколько барышень тут же приковали себя цепями к деревьям. Миловидная девушка, напоминающая Фани Каплан, метнулась с букетом красных гвоздик и отхлестала по лицу проезжавшего в открытом автомобиле принца Чарльза. Несколько метких бомбистов метнули красные помидоры в наглого Рамсфельда, полагавшего, что НАТО уже продвинулось к Уральскому хребту. Юноши с головой Че Гевары на майках метали кремовые торты в представителей миссии ОБСЕ. Зарядов не хватало, и девушки, растянувшись цепочкой от гастронома, подносили боеприпасы. Облитое бензином, запылало чучело Президента. Чадно горело, опадая пылающей ветошью. Все терзали ненавистный манекен, топтали сюртук с американскими звездами. Юноши яростно мочились на предателя, отдавшего Родину в руки глобалистам. Подвиг юношей пытались повторить девушки, хотя и с меньшим успехом, опасливо приседая над жалящим огнем.

И все вдруг исчезли, оставив под липами тлеющий мусор.

Вдалеке на аллее засветлели щиты. Под музыку Прокофьева к кинофильму "Александр Невский" шли рыцари ОМОНа, выкрикивая в мегафон по-немецки: "Граждане, просьба разойтись!.. Соблюдайте общественный орднунг!.."

Плужников смущенно покидал сквер, не в силах вспомнить, где он это видел однажды, - в "Театре на Таганке" или в детском сне во время скарлатины? Витийствующий кумир толпы, он кто - художник Шемякин или патиссон для засолки?

Разум его был бессилен. Сжат со всех сторон чем-то полупрозрачным и вязким.

Город, в который его занесла волшебная сила, был странен, то ли сам по себе, то ли в силу его, Плужникова, ущербного разума. Например, повсюду на улицах, куда ни глянь, были развешены огромные застекленные портреты одного и того же человека, которого, по-видимому, искала милиция. Человека звали Никас Сафронов, и на каждом портрете он был разный, менял обличье как оборотень, и тогда становилось понятно, почему его не могут отыскать следственные органы. На одном портрете он являл собой пестрого петуха, пышного и пернатого до половины тулова и абсолютно общипанного сзади, с лысой пупырчатой гузкой, которая одновременно являлась носом вдумчивого человека, читающего апокриф Дхаммапады. На другом портрете он выглядел серым волком с оскаленной мордой и великолепно поднятым хвостом, под который ему вставили шланг бензоколонки, отчего из пасти волчары вырывалось синее бензиновое пламя. Было много других изображений этого неуловимого господина, и Плужников, чувствуя что-то неладное, рассеянно отыскивал под изображениями сумму вознаграждения за поимку.

Абсолютно иное дело было с другим разыскиваемым, по имени Иван Лубенников. Он везде был одним и тем же, только в разных ракурсах, в различных ситуациях, сдобный, округлый, со студенистым жирком и легким румянцем олигофрена: то голый по пояс, с огромными млечными грудями, он наклонил голову и целует себя в розовый сосок, то абсолютно нагой, состоящий из мягких жемчужных сфер, с распущенной по спине русой косой и золотистым, как хвостик котенка, лобком, нюхает гриб подберезовик, на третьем портрете, в приподнятой женской сорочке, он сидит в тазу, из которого виднеются

пухлые аппетитные колени, на четвертой картине он, в строгом пеньюаре, задумчиво ковыряет пальцем в носу.

И здесь для Плужникова было много неясного. Кто он такой, этот Лубенников, - уж ни баба ли? И если так, то кто ее муж? И почему сыщикам удавалось заставать его столь часто и в столь разных позах, но при этом они не могли его задержать?

Смущенный, не понимая города, в котором оказался, он брел, боясь оглянуться назад, где невидимая рука кудесника стирала, превращая в пустоту, особняки, милые церквушки, осенние деревья.

Он вновь оказался среди пугающего многолюдья. На пустыре, приготовленном под новостройку, толпились множество крепких парней: бритые наголо, яйцеголовые, тесно сдвинули бугристые, отливавшие полированной костью черепа, производя впечатление птицефабрики по производству страусиных яиц; кто был в спортивном костюме с эмблемой любимой футбольной команды и эмалированной брошью, на которой красовался кумир болельщиков, центральный форвард Олег Соколов, в просторечии Сокол; кто в камуфлированном облачении спецназа, в тяжелых кожаных бутсах, иные же в просторных разноцветных рубахах навыпуск, с трехцветными длинными шарфами, которые они повесили на шеи как полотенца. Было много голого тела, мускулов, красочных татуировок. Превалировали кельтские кресты, свастики, мертвые головы со скрещенными костями, молнии дивизии СС, рунические символы, под некоторыми из них приводились их приблизительные русские расшифровки. У одного гологрудого парня был наколот у самого горла "Железный крест", а под левым соском - венок из дубовых листьев, карабин с примкнутым штыком и орел со свастикой - почетный знак пехотинца, участвовавшего в рукопашном бою.

И здесь было немало знамен и штандартов: дивизии "Адольф Гитлер", мотострелковой дивизии "Мертвая голова", штандарты Мантейфеля, Роммеля и Гудериана, стяги полков, отличившихся в боях за Грецию, Норвегию, Польшу, флаг горно-стрелкового батальона "Нахтигаль", полотнища воздушных армий Геринга и элитных эскадрилий "Люфтваффе", а также древние кельтские флаги, хоругви буддийских монастырей, черные, шитые серебром плащаницы "Ананнербе". Казалось, эти полотнища были собраны бритоголовыми знаменосцами у подножия Мавзолея сразу же, как завершился парад

Победы и Генералиссимус Сталин отправился в Георгиевский зал произносить тост в честь русского народа. И здесь, как и в недавней толпе, было немало оружия: "шмайсеры", фаустпатроны, противопехотные ружья с длинными деревянными ручками, поношенный крупнокалиберный миномет, сеявший смерть среди русской пехоты, не первой новизны танк "Тигр" с полустертым крестом на башне, а также опытный образец ракеты "Фау-2", найденный следопытами в дюнах Пеемюнде; но были и просто мечи, палицы, копья. Горели дымные смоляные факелы. В гранитной домне авгур держал огненно-красного петуха над рассыпанным золотистым ячменем, собираясь гадать на зернах. На костре, где тяжело пылали сырые поленья, на кованом железном вертеле жарился кусок мяса. Воняло паленой щетиной. Капал липкий огонь. И если приглядеться, то можно было вдруг ужаснуться, узнав в отрубленной голове хасида, приехавшего договариваться с министром культуры, балагуром и матершинником, о передаче рукописей Шнеерсона.

Плужников, стесненный горячими телами, слыша вокруг русскую, немецкую, кельтскую речь, оказался рядом с тучным человеком, чье пухлое сытое тело было облачено в мундир Скорцени. Щекастую мясистую голову венчал лавровый венок цезаря, а снизу из нее вырастала обильная, тяжеловесная борода, рыжая с прозеленью, как если бы она долгое время находилась в сырости и в ней, как в пучке водяной травы, завелись крохотные лягушата. Этот человек напоминал одновременно Льва Толстого и Гиммлера, стог сена и каравай, квартал притонов Гамбурга и стих Новалиса. Он напоминал большую бабу на сносях и младенца в пуповине, а так же осколок крито-микенской культуры, в которой политолог Кургинян усматривал истоки фашизма.

Теперь он разговаривал с молодым человеком безупречной арийской наружности, который носил на футболке свое собственное изображение с надписью "Сокол".

- Ты обязан выиграть у испанского "Реала", у этих черножопых мартышек!.. Средиземноморские народы ущербны и химеричны, ибо финикийцы внесли в эти племена еврейскую кровь!.. Ты потерял мать, которая не вынесла обилия на телеэкранах семитских и кавказских лиц!.. Она была прекрасна как Лорелея!.. Но наше движение станет тебе родной матерью!.. - бородач говорил пылко, слегка задыхаясь, отставляя назад правую ногу. - Ты должен победить, Сокол!..

- Я сделаю это, мой Фюрер! - футболист выбросил вперед руку в приветствии, и солнце золотом скользнуло по его расчесанным на пробор волосам.

Между тем Фюрер обратился к бритоголовым соратникам:

- Мы - дети великого континента, потомки гуннов, норманнов, саксов, франков, а также полян, древлян, дулебов, венедов, скинхедов!.. Над нами звездной бездной дышит наша родная Евразия!.. От Дублина до Владивостока слышны победные марши наших колонн!.. Атлантисты с их мондиалистским заговором будут сокрушены и повержены, а их скользкий морской Тритон будет разрублен на части сияющим мечом Нибелунгов!.. Агенты атлантизма, ставленники жидов и комиссаров - "Красные ватаги" будут рассеяны стальным ураганом нашей мистической победы!.. Арбайтен унд нихт ферцвайфельн!.. Берлин бляйб дейтч!.. Вилле цур махт!.. - он вскинул локоть, прижав розовую ладонь к затылку, отчего пятнистый мундир слегка расстегнулся и стал виден тучный живот.

Вся бритоголовая масса заревела, зашевелила белыми страусиными яйцами, вскидывая вверх руки и выкрикивая:

- Хайль!.. Жидов на мыло!.. И дым Освенцима нам сладок и приятен!..

Фюрер картинно оглядывал доведенных до экстаза сторонников.

- Теперь же, - он повел над головами рукой, и толпа стихла, - мы совершим мистический обряд очищения нашего Президента от сионистской скверны. Вырвем его из паучьих мохнатых лап жидомасонского заговора… Начинайте!..

Над толпой появился пластмассовый манекен, какой обычно выставляют в магазинах женского нижнего белья, - очаровательная обнаженная дама с головой Счастливчика, на которой красовалась ермолка. Все ее грациозное пленительное тело было изрисовано красными пятиконечными и желтыми шестиконечными звездами. Цветными фломастерами знатоки масонской символики начертали на груди, спине, ягодицах пластмассового Президента кабалистические знаки, гербы розенкрейцеров и альбигойцев, числовые криптограммы и изображения Соломонова храма.

- Долой знаки иудейского бога!.. - прорычал Фюрер, указывая перстом на осквернённый манекен. Тут же появилось ведро с водой и щеткой. Веселый малый с жестами мойщика окон стал окунать щетку

в ведро, поливать манекен, счищать с него нечестивый орнамент. Потекла цветная вода, и через минуту Счастливчик был нежно-розовым. С него сорвали ненавистную ермолку. Рыцарского вида бритоголовые красными и черными спреями стали наносить на манекен другой орнамент - свастики, кресты, меанды, руны; надели ему на голову стальной шлем, найденный под Старой Руссой, и, воздев над толпой, понесли.

Следом, печатая шаг, высоко подымая толстые ноги и вытягивая острый носочек, шагал бородач. Его щеки тряслись от воодушевления. Ему на голову, ухватив клювом лавровый венец, уселся птенец орла. За ним валила бритоголовая толпа, бессчетно горели факелы, скрежетали танки и, застилая все небо, летели эскадрильи "Люфтваффе". Толпа устремилась к Черемушкинскому рынку, где робкие азербайджанцы прятали арбузы, персики, дыни, виноград, сливы, яблоки, груши. Падали ниц, поднимая конечности и прикидываясь мертвыми, как поступают некоторые виды африканских жуков, когда на них нападают птицы.

Плужников остался один, мучаясь непониманием. Возникавшие явления тут же исчезали, отсеченные от разума непреодолимой преградой. Усилиями рассудка он раздвигал отшлифованные стеклянные плоскости, увеличивал на микрон разделявшее их расстояние, но грани сдавливались, отнимали у него пространство и время. Плужников стоял на тротуаре, бился внутри литого стеклянного куба, упираясь локтями и коленями в отшлифованные грани, испытывая страшное страдание, невыносимую муку, искажавшую его лицо. Оказавшиеся поблизости две женщины-юмористки, смешно изображавшие на сцене русских мужей-рогоносцев, смеялись, глядя, как корчится в судорогах молодой мужик.

- Клара, может, ему баба нужна? Так пойди, подставься…

- Ты сама, Регина, подставься… Этот дебил с елдаком совершенно в твоем вкусе… А я люблю Винокура…

Обессиленный, расплющенный, тонкий как фольга, отделяющая прошлое от будущего, он стоял среди незнакомого города, заблудившись в его переулках и улицах. Готов был упасть и исчезнуть. Почувствовал прохладное дуновение, словно к лицу его приблизили вату, пропитанную эфиром. Потерял сознание и очнулся на балконе знакомого дома.

Из-за соседних фасадов золотился огромный купол собора. Поломанная тумбочка… Вынесенное на балкон старое кресло… Дырявая корзина, полная ветоши… В корзине, как в гнезде, тихо ворковал бело-розовый голубь… У розовых, в пернатых брючках, лапок лежало на ветоши маленькое золотое яйцо…

Дверь балкона отворилась, и женщина изумленно ахнула, его увидав:

- А я тебя потеряла!.. Все кварталы обегала!.. А ты, оказывается, на балконе, в кресле сидел… Неужели я дверь запереть забыла?.. - Он молча протянул голубиное золотое яйцо. - Боже мой? Это откуда? Гуля снесла?.. Оно и впрямь золотое!.. Я читала в газете, что голуби купол собора обклевывают, но не верила… Да ведь это же нам спасение!.. Будет на что жить!.. Недаром сказано в Священном писании: "… Взгляните на птиц небесных… Не сеют не жнут, а Бог питает их…"

Она смеялась, перекатывала в ладонях маленький золотой самородок. Он видел, что она радуется. Радовался и он. Только не мог понять отчего…

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Город Золотых Унитазов был задуман Плинтусом в далекое время его коммунистической молодости, когда он входил в эзотерический кружок Андропова. На одном из заседаний, после сеанса столоверчения, всласть наговорившись с духом Ленина, все стали мечтать о восстановлении в подлинной чистоте коммунистических идеалов. Плинтусу, знатоку Ассирии и Вавилона, потомку Навуходоносора, свободно владеющему клинописью, пришла в голову мысль отлить из золота унитаз, о котором когда-то, пророча безденежное идеальное бытие, мечтал Ленин. Андропов, чуткий к новациям, тут же попросил нарисовать унитаз. Плинтус, шаля, единым росчерком нарисовал седалище. Директор института США и Канады, во всем любя точность, достал фломастер и немного подправил. Известный журналист-международник, похожий на опившегося пивом моржа, сделал несколько штришков шариковой ручкой, придавая плоскому рисунку объем. Ученый с кавказскими корнями, отвечающий за научно-технический прогресс, член Римского клуба, любитель "гуттаперчевых мальчиков", намалевал под унитазом постамент, так что вышло подобие памятника.

Сам Андропов, повертев занятный эскиз, начертал вокруг унитаза домики, деревья, башни, небоскребы, космодромы, космические корабли, летающие тарелки, космонавтов в скафандрах, улыбнулся печальной улыбкой каменного ампирного льва и произнес:

- "Здесь будет город заложен…". Нам пора подумать о перенесении столицы куда-нибудь из Москвы в Подмосковье. На новом месте мы станем строить новый коммунизм. Пусть у ветхой Москвы центром останется ветхий Кремль с золотыми соборами. У нас же центром станет золотой кумир новой религии, символ безденежного общества. Хранителем этой кумирни я назначаю… - он не успел закончить фразу, ибо у него отключили почку, однако все члены кружка поняли, что он имел в виду Плинтуса.

Такова история этого удивительного священного города, который раскинулся в реликтовых борах Подмосковья, на берегу прозрачной реки, среди восхитительных лугов и старинных дворянских усадеб.

Там, как в священном городе Кум, проживали имамы новой религии, отрицавшей вульгарные деньги, источники всех человеческих бед и порочных культов, исповедуя безналичный расчет, пластиковые карточки, банковские операции на основе моментальных электронных расчетов, самые влиятельные и просвещенные люди России, числом "шесть", лишь по досадному недоразумению именуемые олигархами.

Мало кто из "ветхих людей" знал, как живет и устроен Город Золотых Унитазов, ибо поднебесные стены отгораживали его ото всего остального мира. Поверх неприступных каменных оград с бойницами лежали витки блестящей режущей проволоки, почему-то именуемые "кудри Эллы Панфиловой". Среди этих нержавеющих локонов, на изящных фарфоровых изоляторах, протянулся голый электрический кабель. Чуть выше, между удаленными параболоидами, незримый и смертоносный, замер луч лазера, испепелявший всякое тело, рискнувшее пересечь роковую линию. Особенно страдали кукушки, сотнями сгоравшие в раскаленном луче. Вытянув шеи, продолжая горестно куковать, опадали огненными жареными комочками. На углах стен высились башни с пулеметчиками, которые то и дело стреляли в окрестные леса и луга тревожащим огнем. Небо над городом охраняли патрульные вертолеты. Несколько раз в день из Кубинки подымались штурмовики и на бреющих высотах облетали город, отпугивая потенциальных террористов из "Красных ватаг". На Валдаях стоял полк зенитных ракет, готовый на дальних рубежах отразить воздушную атаку иракских и северокорейских ВВС. Корабли Северного и Тихоокеанского флотов прикрывали город с океанских направлений. В реках, ручьях и прудах, вблизи от города, скрывались боевые пловцы, загримированные под жуков-плавунцов. Единственное, ведущее в город шоссе, охранялось снайперами-кукушками и переодетыми под грибников агентами "Блюдущих вместе". В случае прорыва танковых колонн противника предусматривалось частичное затопление местности и подрыв нескольких атомных мин. Для дезинформации разведчиков и недоброжелательно настроенного населения издавался специальный глянцевый журнал "Голден таун", якобы о жизни таинственного поселения.

Шесть великолепных дворцов, смиренные обители олигархов, были размещены по вершинам обширного шестиугольника таким

образом, что их соединяли прорубленные в сосновом бору длинные просеки. Дворцы проектировались по эскизам детских рисунков, на каждом из которых талантливые пятилетние дети изобразили халдейский храм богини Астарты, ступенчатую египетскую пирамиду времен Нефертити, Пергамский алтарь, китайскую пагоду, готический собор в Толедо и храм Василия Блаженного. Эти затейливые детские рисунки были осмыслены известными архитекторами, воплощены в бетоне, стали, пластиках, стекле, керамике, композитных материалах, снабжены новейшими средствами комфорта, где все от душистого витаминизированного воздуха до поющих и целующихся растений приближало жизнь в дворцах к райскому блаженству.

От каждого дворца сквозь просеки виднелись в отдалении два соседних. Так, из-под черепичной кровли китайской пагоды, с драконами и ящерицами, в голубоватом воздухе реликтовых сосняков возвышалась египетская пирамида, увенчанная беломраморным лотосом, а также Храм Василия Блаженного, с его изумительными куполами, тюбетейками, чалмами и восточными тюрбанами. С крыльца храма богини Астарты, украшенного фаллическими символами из полированного титана, открывался великолепный вид на Пергамский алтарь, где, перевитые страшной змеей, корчились античные герои с головами современных российских политиков; а также узорный как кружева стрельчатый готический собор, чьи витражи изображали сценки думской жизни в моменты принятия законов о продаже земли и о ритуальных закланиях младенцев в дни больших государственных праздников.

От всех шести величественных сооружений ухоженные аллеи сходились к центральной площади города. Там, сияющий, словно солнце, даже в непогоду, на постаменте из красного карельского гранита, инкрустированного уральскими малахитами и яшмами, возвышался золотой унитаз. Сделанный известным скульптором Свиристели в масштабе сто к одному, он предполагал огромные как у Голиафа ягодицы. Впрочем, именно до этих размеров в моменты наивысшего духовного напряжения разрастались ягодицы Плинтуса, о чем хорошо знали его ближайшие сотрудники.

Нынешняя, субботняя, встреча олигархов проходила в храме богини Астарты, где проживал электрический магнат Роткопф, управлявший прямо из дворца энергетическими потоками страны.

Поскольку пульт управления соединялся с генераторами множества электростанций, контачил с высоковольтными линиями, сам дворец размещался на внушительных фарфоровых изоляторах, напоминая свайную постройку. Титановые фаллосы на крыльце накапливали заряды статического электричества, и между ними с периодичностью в один час проскакивала трескучая молния. В доме начинало чудесно пахнуть грозовым озоном, мокрой, поваленной дождем пшеницей и васильками.

Субботний день включал в себя рабочее время, когда олигархи решали проблемы финансов и собственности. Затем планировалось ритуально-мистическое действо, на которое был приглашен почетный гражданин Города Золотых Унитазов, покровитель и священный имам олигархов Плинтус. День завершался фейерверком и небольшой оргией, для участия в которой были привезены три женских ансамбля песни и пляски: негритянки из Верхней Вольты, еще незараженные СПИДом, исполнительницы буддийских песнопений и массажистки из Таиланда и огненноволосые жрицы из Северной Ирландии, песенный батальон Ирландской республиканской армии. Было также несколько звезд российской эстрады. Все они, дожидаясь вечерних игрищ, гуляли в окрестных рощах, флиртуя с охраной.

Олигархи собрались в просторных покоях, выполненных в стиле дворца Навуходоносора, с золотой клинописью, рассказывающей о славной истории российского олигархизма. Магические вавилонские животные, являвшиеся странным гибридом льва, орла, жирафа, змеи и рыбы, по мнению хозяина дома Роткопфа, символизировали союз олигархов, различных во внешнем облике, но единых по сути. За окнами великолепно и пышно, в осенних, красно-золотых тонах, сияли висячие сады Семирамиды. На стенах трепетали цифрами электронные табло, на которых высвечивалось время в различных часовых поясах, курсы мировых валют, котировки ценных бумаг виднейших мировых корпораций, таких как "Ниссан", "Дженерал дайнамик", "Шелл", "Ругаз", а также "Вологдасельхозкоооперация", молодой российской фирмы, достигшей колоссального могущества на мировых рынках. Тут же, среди цен на нефть, сталь, уран и алмазы, присутствовали данные о содержании белка и сахара в моче Рокфеллера, Дюпона и Моргана, что несколько стабилизировало

пошатнувшиеся финансовые рынки Юго-Восточной Азии и увеличивало доверие к доллару.

Олигархи сидели в шести мягких удобных креслах, лицом к небольшой кафедре, где из ливанского кедра был вырезан вавилонский лев. На кафедре находился министр экономики со странной фамилией Грех, которую он при знакомствах произносил с самоиронией, тут же прибавляя: "Грех первородный", - чем вызывал неизменные улыбки знакомцев.

Молодой, симпатичный, напоминавший лицом кофе со сливками, куда кинули крошку стрихнина, он выставлял на аукцион остатки государственной собственности, надеясь за счет поступлений в казну обеспечить выплаты по внешним долгам и покрыть расходы на содержание кремлевской администрации.

- Господа, - Грех, держа в руках деревянный молоток, мило и застенчиво улыбался, - на продажу выставляется государственный музей Эрмитаж… Стартовая цена - один миллиард долларов!..

- Миллиард двести!.. - перебил его алюминиевый магнат, у которого глаза от долгого созерцания белоснежных слитков приобрели цвет начищенной алюминиевой ложки.

- Миллиард двести - раз!.. - страстным голосом, напоминающим вопль псалмопевца, возопил Грех. - Миллиард двести - два!.. Миллиард двести - три!.. - Молоток гулко грохнул по кафедре, в которой зазвенели все древесные смоляные жилки. - Сделка состоялась, господа!..

- Зачем тебе Эрмитаж? - заметил никелевый магнат, чья голова при определенном освещении напоминала никелированную кастрюлю. - Ты же слабо разбираешься в живописи…

- Я подарю Эрмитаж мой любовнице Мими, которая танцует в "Мулен руж" и любит наведываться в Россию. Пусть Зимний дворец будет ее летней резиденцией, - отозвался счастливый обладатель сокровищницы русских царей, уже мечтающий, как переделает "Галерею двенадцатого года" в спальню примадонны.

- Прошу внимания, господа!.. - Грех любезно, но и требовательно прервал пикировку олигархов. - На продажу выставляется памятник древнерусской архитектуры: храм Покрова на Нерли… Стартовая цена - восемьсот миллионов долларов!..

- Миллиард!.. - буркнул бородатенький, похожий на серого козлика нефтяной олигарх, у которого язык, черно-фиолетовый, с зеленоватым оттенком, был цвета сырой нефти, которую тот пробовал на вкус, определяя содержание в ней углеводородов и серы.

- Миллиард - раз!.. - возопил Грех. - Миллиард - два!.. Миллиард - три!.. Сделка состоялась, господа!..

- Ну а тебе для чего эта груда известняка? - не унимался ироничный никелевый магнат.

- Я его распилю на куски и отправлю своему американскому другу. Он собирает храм в районе Большого каньона, где любит сниматься в ковбойских фильмах. Давно искал повод сделать ему подарок, - владелец храма "Покрова на Нерли" показал насмешнику свой фиолетово-черный язык, дыхнул бензином.

- Теперь, господа… прошу внимания… на продажу выставляется Куликово поле как возможная крупнейшая сделка при свободном обороте земель… - Грех радовался успешному течению аукциона, чувствуя себя воистину Маклером Государства Российского, как называли его в кругах западных инвесторов. - Стартовая цена - девятьсот миллионов долларов!..

- Миллиард сто!.. - раздраженно буркнул владелец металлообрабатывающих гигантов, огромного размера кавказец, похожий на белую репу с усиками. - И прошу никого не вмешиваться, если вам дорог хрупкий мир в нашем бизнес-сообществе…

- Миллиард сто - раз!.. - Грех голосил так, словно разбежался, кинулся вниз с высокого утеса и ветер доносил его истошный, предсмертный вопль. - Миллиард сто - два!.. Миллиард сто - три!.. Поздравляю вас, батонэ, - обратился он с сияющей улыбкой к кавказцу. - Не удивляйтесь, если теперь за вами закрепится прозвище Дмитрий Донской…

- Ну а тебе, Донской, на хер эта поляна, заросшая лебедой и крапивой?

Никелированный зайчик ослеплял бараньи глаза лысому, с толстенным затылком, горцу.

Тот не обижался, довольный ценой, сопоставимой с той, которую заплатил за приобретение Бородинского поля, Чудского озера с Вороньим камнем и обширных территорий под Прохоровкой в районе Курской дуги.

- Еще сам не знаю, зачем поляна… Может, отдам под полигон Бундесверу, а может, отведу под захоронение радиоактивных отходов. Мы - страна великих пространств, которые должны работать! Обмоем сделку, господа!..

Он щелкнул в воздухе огромными пальцами, как будто сломал шейку ребенку. На этот звук вышли служители в одеяниях ассирийских воинов, неся на подносах бокалы с морковным соком, выжимкой из корочек авокадо и сложным напитком из натуральных цитрусовых с шалфеем и корнем женьшеня.

Олигархи, не желая полнеть, избегали калорийной пищи, предпочитали растительные соки, лишь иногда позволяя себе чуть обжаренные муравьиные яйца.

Каждый из присутствующих взял свой любимый настой.

- К делу, господа, - прервал их вегетарианское пиршество плотоядный Грех, любитель шашлыков и крепких возлияний. Из вежливости он испил сок жимолости и теперь едва скрывал отвращение. - На продажу выставляется "авзолей Ленина, работы архитектора Щусева, вместе со своим единственным обитателем. Стартовая цена два миллиарда долларов!..

- Беру!.. Плачу три миллиарда!.. Надеюсь, наш уговор сохраняется, и никто их вас, братья по вере, не перебежит мне дорогу!.. - с угрожающим видом произнес никелевый магнат, поворачивая во все стороны свою металлическую башку, похожую на башню броневика.

- Три миллиарда - раз!.. Два!.. Три!.. Продано!.. - Грех рыдал, словно у него от груди отрывали младенца. Грохнул молотком, так что от кафедры отлетела кедровая щепка. - Поздравляю вас, владелец северных руд, с великолепным приобретением!

- Завидую всем сердцем, - произнес маленький, мохнатенький, словно паучок, олигарх, чей вид странным образом выдавал в нем владельца интернет- и телекоммуникаций, сплетающего здесь, в России, часть мировой паутины. - Если бы не слово чести, я бы перебил твою сделку… Знаю, что ты задумал, хитрец… Хочешь погрузить Мавзолей на ледокол того же названия и возить по всем портам мира, устраивая передвижную демонстрацию тела Ленина? Отличный коммерческий проект! Вершина шоу-бизнеса!

- Но ведь это опасно! - энергично возразил нефтяной магнат, рыгая "девяносто вторым" бензином. - Мир все еще грезит революцией! Ты будешь подносить к континентам эту горящую головню, и мир опять запылает. Тебе этого не простит человечество!

- Тебе не простит и Россия! - подхватил алюминиевый олигарх, выкатывая белые металлические глаза. - Как только о твоей покупке узнают "Красные ватаги", они тотчас атакуют наш город. Третьего для начальник охраны сообщил, что с электрических проводов на стене была снята убитая током девушка-боевик из "Красных ватаг". Она имела при себе кремовых тортов две штуки и мою фотографию, для совершения теракта.

- Не волнуйтесь, братья по вере, - снисходительно и чуть высокомерно успокоил их никелевый владелец. - Мавзолей останется там, где его воздвиг знаменитый Щусев. Более того, я предприму капитальный ремонт сооружения, ибо в некоторых местах образовались трещины и в них поселилась трава. Я вложу дополнительные деньги в лабораторию бальзамирования и не допущу, чтобы тела коснулось тление, ибо Ленин, вы можете сколько угодно улыбаться, стоял у истоков нашего с вами благополучия. Это он обобществил всю имевшуюся в России собственность, способствовал ее непомерному увеличению, что облегчило нам ее раздел и приватизацию. Представляете, как бы долго нам пришлось бороться с мелкими собственниками, прежде чем мы отобрали бы их достояние!.. А здесь мы разрезали страну как спелый арбуз, и каждый вынул свой сочный сладкий кусок.

Довод был мощный… Никто не возражал… Все молчали… Было слышно, как повизгивает за окном певица из Верхней Вольты, прижатая к клумбе мощной тушей охранника…

Аукцион был завершен без осложнений. Хозяин дворца Роткопф приобрел Волгу в среднем течении, где располагался волжский каскад гидроэлектростанций. Царь металлообработки, тяжелый и тучный как грыжа, купил Уральский хребет, где было много разведанных запасов железной руды, сталелитейных, танковых и ракетных заводов. Лишь с продажей Чукотки вышел конфуз… Нефтяной магнат поднял страшный хай, утверждая, что Чукотка давно ему продана, а им давно перепродана Америке, где вместе с Аляской составляет район устойчивой золотодобычи…

- И ты, Грех, - никакой не первородный, а смертный и неотмолимый! В Багдаде тебе бы отрубили руку за воровство, а в деревне Будки, родине Первого Президента России, отсекли бы мерзкий член за неуемный блуд! - из разгневанного рта нефтяного олигарха пыхало пламя, и он напоминал факел, в котором сгорал попутный газ.

Смущенный Грех рылся в бумажках, что-то высматривал на географической карте, вертел глобус, пока не признался в ошибке, свалив ее на референтов…

Утомленные сделками олигархи подкреплялись салатиками из лепестков ромашки, корешками водяных лилий, клубеньками лесного жабника и можжевеловой хвоей, повышающей умственный тонус и изгоняющей нуклиды Чернобыля…

За окнами раздался стук колес по брусчатке. Все выглянули и увидели, как въезжает карета времен Анны Иоанновны, на упругих рессорах и кованых ободах, со слюдяными окнами и горящими застекленными фонарями. Ее влекла шестерка дымно-серых лошадей с подвязанными хвостами, управляемая кучером в треуголке. Из кареты тяжело и величественно вылез Плинтус, чей зоб был нежно-зеленого цвета и медленно розовел с одного бока, колыхаясь, словно манный студень.

Уже через минуту он входил в залу под торжественный марш из оперы "Аида", невысокий, грузный, в черных чулках и шелковом облачении. На его груди ослепительно сверкала алмазная звезда. Чернели хвостики горностая на белой мантии. Ее поддерживали два усердных карлика, которые, когда подвыпьют, выдавали себя за тирольских гномов. Олигархи вскочили, склонились в поклонах.

- Вы звали меня, друзья, и я пришел! Хотя, признаться, я дорожу каждым часом, заканчиваю книгу "Мед и пепел", где ставлю роковые для России вопросы: куда исчез из страны Первый Президент, чем грозит российской демократии так называемая "вертикаль власти"? Что важнее для общества - олигархическое правление или способ размножения белковых тел, как формируется рейтинг Президента… Одним словом, я здесь, и для вас большая честь видеть меня в вашем доме… - он скинул мантию на руки карликов, которые тут же зарылись в мех и стали тискать друг друга.

Роткопф тут же безраздельно завладел гостем.

- Братья по вере, - обратился он к остальным олигархам, оттесняя их от Плинтуса, - прошу вас проверить, все ли готово для ритуального действия, когда наш многомудрый благодетель в сиянии славы воссядет на Золотой Унитаз и произнесет тронную речь… Теперь же, - Роткопф доверительно взял Плинтуса под руку, - я хочу показать вам уникальный, единственный в мире музей, который называется "Волосы мира", заодно побеседуем на животрепещущие темы…

На скоростном лифте они поднялись на верхний этаж дворца, где в зале без окон, в сумраке черно-бархатного интерьера, стояли штативы с бесчисленными маленькими пробирками, на каждую из которых падал тончайший луч, зажигая легким блеском закупоренный в стекле волосок. Каждая пробирка была снабжена этикеткой с именем обладателя волоска, временем и местом обретения.

- На эту коллекцию я потратил половину моего состояния! Коллекция делится на исторические периоды, от древнейших времен до наших дней… Не буду утомлять вас, покажу лишь самые злободневные экспонаты, которые никого не могут оставить равнодушным…

Он повел Плинтуса вдоль стеллажей, начиная с раздела, именуемого "Волосы перестройки". В пробирках, иногда прямые, иногда волнообразные, иные свернутые в колечки, иные в виде спиралек, хранились волоски Горбачева, Яковлева, Лигачева, Крючкова, Сахарова, Собчака, других деятелей бурного времени, блиставших в программе "Взгляд", на съезде Советов, на симпозиумах, митингах и демонстрациях. Многие были почти забыты. Только волоски, подсвеченные лучом, возвращали в недавнюю и, увы, миновавшую эпоху.

Под рубрикой "Волосы ельцинско-гайдаровской эры" были выставлены частички волосяного покрова самого Ельцина, Бурбулиса, Шахрая, Коржакова, Шумейко, а также Эллы Панфиловой, Старовойтовой, Лифшица, журналистов - Минкина, Радзиховского и Артема Боровика. Они были более тонкими, чем предшествующая серия, и в них, казалось, еще пульсировали отсветы горящего Дома Советов и разгромленного до фундаментов Грозного.

Третья серия значилась как "Волосы США". Тут были образчики из шевелюры Бжезинского, Киссинджера, Мадлен Олбрайт, Пауэла, Гора, а также в одной пробирке два переплетенных нежных волоска -

Клинтона и Моники Левински, найденные в Овальной комнате Белого дома.

"Волосы Европы" были представлены завитком Маргарет Тэтчер, шерстинкой Берлускони, щетинкой Коля, спиралькой Жака Ширака, многими другими волосками, принадлежавшими политической, духовной и художественной элите Европы, среди которых топорщился непокорный гордый волосок Ле Пена.

- Изумительно, - не мог скрыть своего восхищения Плинтус, озирая бесконечные ряды пробирок и надписи: "Волосы средних веков", "Волосы эллинизма", "Волосы империи Цин". - Но как, если не секрет, вы собирали эту уникальную коллекцию?

- Множеством способов, и не обо всех из них можно говорить вслух, - торжествовал Роткопф, которому льстила похвала Плинтуса. - Например, многое удается получить в парикмахерских. Довольно интересные находки случаются в ванне. Очень перспективно постельное белье. Волосок Пауэла мы нашли на ступенях Пентагона. Волосок Маргарет Тэтчер был намотан на пуговицу Горбачева. Волос Киссинджера за умеренную плату уступила проститутка с Медисон-авеню. Другие волоски, например Клеопатры, Ганнибала, Бабура, а также Брута и Марка Аврелия, взяты при вскрытиях могил, что порой приводит к курьезу… Так, взяв волосок из могилы Мазепы, мы обнаружили, что он принадлежит не человеку, а козлу. Всякое бывает…

- Тогда еще один вопрос, - не унимался взволнованный Плинтус, у которого зоб переливался, словно нефтяная пленка. - Почему, объясните мне, волос Горбачева столь длинный? Ведь, согласитесь, у Михаила Сергеевича абсолютно лысый череп!

- Ну как же, - пояснял Роткопф. - Волосы после смерти продолжают расти.

- Тогда почему у Бурбулиса, который, помнится, был рыжеватым, волос черный, кудрявый?

- Потому что он из лобка…

- И последнее… Я, видимо, вам уже надоел… Почему в пробирке, под которой начертана фамилия "Полторанин" вместо волоса находится маленькая рыбья чешуйка?

- Потому что он оказался рыбой…

Так, неспешно беседуя, они гуляли по залу, и Роткопф постепенно перешел к делу:

- Бизнес-сообщество поручило мне переговорить с вами, хотя я знаю, что Мэр уже частично посвятил вас в некоторые детали проекта…

Плинтус насторожился, отчего его зоб стал абсолютно черным, в мелких блестящих крапинках.

- Счастливчик стал абсолютно невыносим и опасен, забросил дела государства, помышляет только о рейтинге, который беспокоит его как предстательная железа… Пресловутая "вертикаль власти" - есть наступление на экономические свободы, которые так дорого нам с вами достались… Он пускает на российский рынок иностранные банки и транснациональные корпорации, которые проглотят нас как мелких противных рыбешек, пример тому - слияние "Бритиш петролеум" с ТНК и "Седанкой", а также "Боинга" с велосипедной фабрикой в Вышнем Волочке. Венчание на царство, которое замышляет Счастливчик, разговоры о его дальнем предке Рюрике, а также загадочное исчезновение из страны Первого Президента делают Счастливчика бесконтрольным и грозят национальной катастрофой… Главный виновник наших бед - выскочка и временщик Модельер! Это Бирон наших дней! Мадам Помпадур в правление Людовика! Лаврентий Берия в эпоху позднего Сталина! Он подпаивает Счастливчика настоем мухоморов, предлагает ему слушать "транс" и дает нюхать перед сном "дедушкин табак", что делает Президента игрушкой в руках Модельера, орудием его безумных, глобалистских замыслов…

Плинтус торжествовал, ощущая собственную значимость, вновь, который уж раз за последние два тысячелетия, помещавшую его в центр тайного заговора. Впервые он почувствовал этот сладостный трепет, когда вошел в круг зелотов, на окраине Иерусалима познакомился с красавцем евреем, мечтавшем о первых ролях в Иудейском царстве, что, в конце концов, завершилось Голгофой и Христовым распятием. При этом воспоминании зоб Плинтуса стал темно-зеленым, с таинственным серебристым отливом, как ночная листва в Гефсиманском саду, озаренная луной. До сих пор без волнения Плинтус не мог вспоминать блестящий, сияющий круг, встающий из вершин кипарисов.

- Мы должны отделить Модельера от Счастливчика! Навсегда! Эту работу выполнит боевой лазер станции "Мир" ровно через неделю… Я финансирую проект! Я завлеку Модельера на праздник и посажу его рядом с собой на кресло номер "14", куда будет нацелен луч! Вот только куда-то запропастился Буранчик, черт бы его побрал! Мерзкий обжора и бабник укатил куда-то на Лазурный берег! Ну да мы и без него сами с усами…

Плинтус чувствовал сквознячок страха, сопутствующий всякий раз подобным заговорам, когда есть шанс проиграть и погибнуть, но и ослепительная возможность победить и выиграть.

Именно этот сквознячок лизал его щеку, проникая сквозь бойницу старинного замка, где обосновались альбигойцы, которые всего месяц спустя пылали, словно стеариновые свечи, прикрученные к столбам, и он, сидя рядом с инквизитором, опускал капюшон пониже, чтобы не виден был золотой как смоляной костер зоб, раздувшийся от торжества.

- Лишенный Модельера, Счастливчик будет беспомощным… Либо он добровольно напишет свое отречение, и мы сошлем его в Валаамский монастырь, либо он унаследует судьбу Павла Первого, слишком туго завязавшего на шее шелковый шарф… И тогда вы, наш имам и благодетель, возглавите страну! Только вы можете стать лидером новой России в ее ослепительно-олигархическом воплощении!..

Зоб Плинтуса переливался спектром как вершины Гималаев в час заката.

Плинтус скосил глаза к переносице, рассматривая рисунки на зобе, сказал Роткопфу:

- Принимаю ваш план… Последние страницы книги "Мед и пепел" будут осмыслены мной в духе услышанного…

Роткопф бережно взял Плинтуса под руку и медленно, как водят парализованного Папу Римского, повел обратно к друзьям…

Из ворот дворца, по аллее, ведущей в центр города, выступила красочная процессия. Впереди, на шести боевых слонах, в облачении индийских воинов, ехали олигархи. Время от времени березовыми прутиками щекотали благородных животных за ухом, и те, подымая хоботы, ревели голосом Иосифа Кобзона мелодии бывшего СССР. За ними, в роскошных носилках, под узорным балдахином, восседал

Плинтус, в пышной восточной чалме, шелковых шароварах, скрестив по-турецки ноги в чувяках с загнутыми мысами. Великолепный малиновый бант прикрывал его зоб. Он держал в руках старинный телескоп из обсерватории Улугбека, наблюдая обратную сторону Луны. Носилки несли на плечах мускулистые негры из Республики Чад, проходящие обучение в Академии гуманитарных наук, где Плинтус читал курс аэробики. За ними, нарядной толпой, на одноколесных велосипедах, тонко сверкая спицами, катили клоуны, по совместительству - члены "Серафимовского клуба", с завязанными морским узлом носами. Им сопутствовали певицы и плясуньи трех приглашенных на праздник ансамблей. Обнаженные и прекрасные, демонстрировали красоту и грацию своих ослепительных тел, не стесняясь прелестей, которые у каждой из красавиц имели свою неповторимую тайну. Следом тяжкой поступью шагали легионеры, утомленные галльским походом, суровые, в шрамах, неся на плечах зазубренные копья. Вид идущих впереди обнаженных дев возбуждал отвыкших от женщин воинов, и они стыдливо прикрывали пах боевыми щитами. В смокингах, в безупречно белых манишках, шли послы, отдавая дань почитания дипломатическому искусству Плинтуса. Геральдисты несли символы олигархической веры - алюминиевого орла, никелированную змею, усыпанного сапфирами паука, электронную цифру, пульсирующую в воздухе как шаровая молния, ковш расплавленной стали, из которого вылетали яркие золотые брызги, и огромный нефтяной факел, столь высокий, что от его пламени начинали гореть ветки сосен. Шествие замыкал сводный оркестр Общества глухих, который исполнял мелодии мюзиклов "Чикаго", "Норд-ост" и "Собор Парижской Богоматери". Вся процессия, прикрываемая с воздуха вертолетами "Апач", продвигалась к центру священного города, где сияло золотое солнце Унитаза.

Был ясный осенний день, когда воздух Подмосковья полон тончайших нежно-желтых переливов, серебряных паутинок и лучистых легковесных семян, которые несутся в голубизне, словно хрупкие звезды. Плинтус величаво принимал полагавшиеся верховному жрецу почести. Его сняли с носилок, медленно, под курлыканье пролетавших журавлей, стали подымать по ступеням. Ловкие слуги совлекали с него шаровары, подштанники. Стянули шитый серебром халат, бронежилет, дамскую комбинацию. Бережно

расстегнули бандаж, развязали малиновый бант, давая зобу свободно разлиться по широкой груди, как разливается клюквенный кисель по клеенке. Его не торопились сажать на унитаз, ибо он еще был слишком узок в бедрах и мог провалиться в золотую бездну, откуда еще никто не возвращался. Олигархи окружили подножье, опустились по-рыцарски на одно колено, приложили ладонь к сердцу, склонили в смирении головы.

Роткопф, признанный лидер и знаток заклинаний, начал читать священный текст на забытом праязыке:

- Мирандо эско элитаниум пурго ест. Эспрайто малиниум унитарум арагвис ластус…

При первых же звуках молитвы Плинтус стал расширяться, разбухать.

- Арата эпундра экусамта фивальду акту, - самозабвенно, закрыв глаза, возглашал Роткопф, и Плинтус утолщался в бедрах, расширялся в животе, становился соизмеримым с овальным седалищем. - Эката пеката щуката мэ, абуль фабуль дай мане, эк пек пуля пук, наур!..

Разбуженная прана наполнила Плинтуса упругой молодой силой. Он стал огромным как статуя Бамиана, которую пытались разрушить талибы. Множество могучих рук воздело его и усадило на золотой престол, с которым он слился и тут же принял позу роденовского "Мыслителя". Да так и замер, подсвеченный золотом.

Олигархи, припавшие на одно колено, вытянули руки. Служитель, бледный, худой, сделал на ладонях надрез, подставлял под бегущую кровь священную пиалу, и в ней смешивались кровяные тельца всех шести олигархов, образуя общую для всех кровь, которая была одновременно и кровью мира.

Служитель с голым черепом долил в пиалу на треть коньяка, добавил водки "Русский стандарт", побрызгал ликером, кинул сухую ножку летучей мыши и шепотом прочитал над напитком текст "Закона о противодействии политическому экстремизму". Волшебный коктейль вскипел, полыхнул прозрачным розовым пламенем. В пустыне Гоби поднялся смерч, принял очертания темного, из вихрей и бурь, великана. Понесся на запад вдоль всей "дуги нестабильности", сметая селенья, порождая наводнения, сея рознь и войну среди народов.

Чашу с напитком вознесли на постамент, протянули Плинтусу. Тот выпил, наполнившись непомерной силой, охватывая умом и памятью все бывшие на земле времена и царства, где он, советник, разведчик и звездочет, присутствовал у тронов царей, фараонов, халифов и императоров.

Он думал: "Я был и буду всегда, покуда у людей, не сотворенных методами клонирования, но рожденных от женщины, сохранится прямая кишка".

Роткопф угадывал его чувства… Взирал на него с обожанием.

Не успели проводить Плинтуса, который, сославшись на занятость, не остался на ужин и оргию, а укатил на своем звездолете, как в зал вбежали испуганные привратники с криками:

- Едет, едет!.. Сам Президент!..

Не давая совершиться предусмотренному протоколом салюту из бортовых орудий, игнорируя церемониал поднятия президентского штандарта, в зал быстро вошел Счастливчик, легкий, обаятельный, светский.

- Вы удивлены, друзья мои? Ходил в соседний лес по грибы, и дай, думаю, загляну в усадьбу к старым знакомым… - он изящно раскланивался, здоровался с олигархами, успевая одному шепнуть любезность, другого легко пожурить, третьему сообщить приятную новость, с четвертым просто обменяться радушными взглядами.

Принимая из рук Роткопфа бокал с морковным соком и листик морской капусты, пошутил:

- Вы, дорогой Роткопф, всегда напоминали мне кролика или морскую свинку.

Тот был уязвлен. Эта малая колкость всколыхнула все накопившееся в Роткопфе раздражение.

Склонив в почтительном поклоне свою красноволосую голову, он произнес:

- А где же, позвольте спросить, Модельер? Когда я не вижу его рядом с вами, я задаюсь вопросом, может ли тень бродить одна, в стороне от предмета, который ее отбрасывает?

Это была явная дерзость, хотя бы потому, что Роткопф посмел назвать Президента предметом.

Счастливчик едва не вспылил, однако взял себя в руки. Он явился сюда по настойчивой просьбе Модельера, чтобы обнаружить

олигархический заговор. Здесь важна была тонкая интуиция и гнев был плохим советчиком.

- Я отбросил мою тень столь далеко, что она скрылась из глаз, - ответил Счастливчик. Но это изящное парирование и милое простодушие еще больнее уязвили Роткопфа.

- Увы, в последнее время многое скрылось из глаз. Например, надолго исчез из страны наш Первый Президент. Всех удивляют его бурные, многомесячные перемещения по планете, которые утомили бы и юношу. А ведь у него пересажены сердце, почка, левая половина мозга и семенники. Антропологи и физиономисты, рассматривая кадры его путешествий, уверяют, что мы имеем дело, по крайней мере, с тремя двойниками. У одного из них на руке присутствуют все пальцы, у другого их нет вовсе, а у третьего их шесть. Как вы можете это объяснить?

- Стробоскопический эффект… Знаете, это, как в кино, когда рассматриваешь вращающееся колесо. Кажется, что оно то стоит на месте, то движется в обратную сторону. - Счастливчик продолжал внешне оставаться легкомысленным и игривым, хотя бестактности Роткопфа вызывали в нем импульсы гнева.

- У вас на все находятся точные ответы. Видимо, эта черта свойственна всем Рюриковичам, - нагло брякнул Роткопф, пылая красными металлическими волосами, которые обладали электропроводностью и могли быть использованы в лампочках накаливания наряду с вольфрамом.

Это было слишком…

Счастливчик больно взял Роткопфа за нос:

- Ну ты, ящик из-под ксерокса, ты что себе позволяешь? Хочешь, чтобы я прислал к тебе налоговую полицию? Освежил старое уголовное дело? Или натравил на тебя патриотических журналистов, которые сдерут твой красный скальп и натянут на памятник Гамалее, что на Пироговке?

- Это ты, ты что себе позволяешь? - гундося защемленным носом, злобно прошипел Роткопф. - Ты изменил нашему договору, разрушил все данные нам обязательства!.. Мы, олигархи, сделали тебя Президентом!.. Уговорили твоего великого предшественника передать тебе власть, быть гарантом того, что ты не используешь эту власть нам во вред… Где он теперь, наш великий гарант?.. Ты забыл о своем

происхождении?.. Мы нашли тебя на дороге как пустой кошелек и наполнили деньгами!.. Но ты отверг нас и приблизил к себе этого смерда, выскочку, болтуна, ловкого массажиста и гримера, который теперь приобрел невиданное влияние и готовит твое восшествие на монарший престол!.. Да это же дико, смешно!.. В век генной инженерии и "марсианского проекта" вернуться в нелепую архаику!.. - Роткопф освободил защемленный нос, в котором Счастливчик оставил кончик ногтя.

- "Из камней создам слуг и рабов моих!.. Отсохшие ветви смоковницы отсекаю и ввергаю в огнь!.." - торжественно произнес Счастливчик.

- Ты думаешь, мы молча станем наблюдать, как гибнет по твоей воле страна, крупный и малый бизнес, отечественный товаропроизводитель, система дошкольного патриотического воспитания?.. Мы объявим тебе войну!.. Сложим капиталы и бросим их на твое свержение!.. Используя популярную среди интеллигенции премию "Триумф", подымем на тебя эстрадных певцов, писателей-фантастов и внучек известных советских литераторов!.. Вновь, как когда-то, выведем на рельсы шахтеров, и от грохота касок упадут кремлевские стены!.. Губернаторы, которые тебя ненавидят, все разом объявят о выходе из состава России, и ты, подобно Горбачеву, останешься царствовать в своей "Пещере волхвов", где последним подарком будет присланный мной целлулоидный кукиш!.. - Роткопф побелел от гнева, веснушки на его лице воспалились, и весь он, с огненной головой, напоминал красную миску со сметаной, куда нападали розовые мошки.

- Так ли уж ты силен? - Счастливчик едва сдерживался, чтоб не достать пистолет и не выстрелить в ненавистный лоб. - Быть может, твоя сила в твоей бороде, которой у тебя нет?

- Ты хочешь убедиться в моей силе? Так пойдем же!.. - Роткопф потянул Счастливчика за рукав, и они на лифте поднялись выше музея "Волосы мира" и оказались в белоснежном овальном зале. На стене зала разноцветными яшмами, зелеными, коричневыми и золотистыми, была выложена карта России со множеством горящих точек. Они означали подключенные к электросетям поселки, города, деревеньки, заводы, гарнизоны, ракетные шахты и военно-морские базы. Тут же, на стене, на беломраморных плитах, размещались десятки рубильников с

наименованиями регионов, а также огромная панель со множеством кнопок и клавиш, под каждой из которых было название города или завода.

- Ты хочешь убедиться в моем могуществе? - зловеще улыбаясь, произнес Роткопф. - Смотри!.. - Он подскочил к щиту с набором рубильников. Потянул на себя один. Разомкнул, полыхнув шипящей зеленой искрой. И на карте, в целом регионе, исчезло мерцание, образовалась неживая каменная пустота. В городах, где без электричества остались родильные дома и больницы, умирали в обесточенных барокамерах дети, задыхались подключенные к искусственной почке больные, гасли лампы в операционных, и бригада хирургов зажигала спички над разъятым окровавленным чревом. В аэропортах останавливались радары слежения, меркли экраны авиадиспетчеров. Несколько самолетов столкнулось в воздухе, падало горящим металлом. Другие промахивались мимо посадочных полос и врезались в деревья и здания. На железных дорогах отключились светофоры и автоматика стрелок. Столкнулись пассажирский экспресс и состав с сырой нефтью. Пылали вагоны, в них корчились сгоравшие люди.

- Хочешь еще? - Роткопф с сияющими навыкате глазами жадно взирал на Счастливчика, наблюдая его ужас. - Можно еще!..

Потянул другой рубильник, треснувший медной искрой. На карте погас еще один регион. Там, где на мачтах повисли обесточенные провода и исчезла вокруг изоляторов розовая стеклянная плазма, на старте взорвалась космическая ракета, и жуткий шар пламени испепелил окрестные леса, командный пункт, работавших на старте ракетчиков. В здании банка отключились сигнализация и камеры слежения. Банда грабителей, расстреляв охрану, проникла в хранилище, кидала в брезентовые мешки слитки золота и кипы бумажных денег.

- Еще желаете?.. Милости просим!.. - Роткопф хохотал, видя, как побледнел Счастливчик. - А если Москву обесточить?..

Погасла карта вокруг столицы, а вместе с картой погасли кремлевские звезды, остановился электромастурбатор, купленный дамой-сенатором в магазине "Интим", потухли телеэкраны, и на них как духи растворились одесские юмористы, что вызвало шок у москвичей. Тысячами люди повалили на улицу, на Горбатый мостик, с

гневными политическими лозунгами: "Жванецкого в Президенты!", "Патриарх, заступись за Карцева!", "Задорнов, будь задорней!", " И смех, и Грех!". Здесь имелся в виду министр экономики, обещавший гражданам смех по льготным тарифам.

Роткопф, казалось, забыл о Счастливчике. Лицо его было вдохновенным. По нему пробегали вспышки прозрения. Он был одухотворен божественным откровением, словно композитор, сотворявший великую музыку: выключал рубильники, озаряемый зелеными и розовыми молниями; с силой включал другие, и тогда могучий кулак окутывался голубой прозрачной плазмой; нажимал на клавиши, топя в них растопыренную, мерцающую зарницами пятерню; отпускал клавиши, воздевая руку, с которой, как с громоотвода, сыпались искры. Он напоминал великого органиста. Его тело было перевито огненными змеями. Подвижные ноги пинали шаровые молнии. Неутомимые руки источали громовые удары. Ниспадавшая до плеч грива вставала дыбом, наполненная разноцветными сполохами. Закрытые в муке и счастье глаза ослепли от огненных видений.

От этой ревущей громоподобной музыки гасли города, остывала в мартенах сталь, рушились небоскребы, останавливались компьютеры. Хаос и смерть охватывали необъятные пространства России. Небо озарялось магниевыми вспышками гибнущих самолетов. На земле занимались пожары от взорванных заводов и упавших с откосов поездов. Начались аварии на атомных станциях, над которыми расцветали жуткие букеты радиоактивных взрывов. Выходили из-под контроля системы наведения ракет, и одна дивизия была перенацелена на Китай, а другая отстрелялась по Южной Африке. Толпы обезумевших людей, лишенных тепла и крова, среди падающих зданий, провалившихся площадей, бежали к зданиям мэрий, к дворцам губернаторов, готовые смести их с лица земли. Но и сами элиты были объяты ужасом, ибо повсюду в зданиях администраций, в загородных резиденциях, в уединенных дачах прорвало канализацию, и все тонуло в зловонной гуще.

Роткопф неистовствовал перед картой, на которой то загорались, то гасли тысячи световых сигналов. По стране гуляла обезумевшая волна электричества: то останавливала моторы, лаборатории, прокатные станы, то вливалась в провода с утроенной мощью,

пережигала обмотки, создавала короткие замыкания на высоковольтных вышках. Американские астронавты, пролетавшие над Россией на космическом челноке "Колумбия", с изумлением созерцали эту огненную свистопляску, направили в Хьюстон сигнал тревоги и предположение, что русские посылают сигналы обнаруженной ими инопланетной цивилизации. Однако в агентстве НАССА расшифровали огненный код и успокоили астронавтов. Россия, используя старомодную азбуку Морзе, методом включения и выключения, посылала в небеса одну и ту же фразу: "Боже, храни Америку!" Наконец Роткопф в изнеможении опустил руки. Потный, тяжело дыша, торжествующе взглянул на Счастливчика.

На том не было лица. Сокрушенный, с белыми, беззвучно шепчущими губами, он взирал на Роткопфа, как древние славяне взирали на Перуна-громовержца.

- Перестань терзать Родину, - слабо вымолвил он. - Я на все согласен…

- И это еще не все, - не унимался Роткопф. Не имея сил говорить во весь голос, он испытывал к поверженному врагу презрение и желание добить. - Мы можем устроить тебе Четвертую русскую революцию, - обессиленно прошептал он, - ибо я купил Мавзолей Ленина, и теперь дух Революции в моих руках. Я могу выпустить его в любую минуту…

- Умоляю, не надо, - пролепетал Счастливчик.

- Мы купили Уральский хребет и можем установить таможенные барьеры на границе Европы и Азии, и ты не объяснишь это народу, Думе и Совету Федерации…

- Одумайся… Сделаю все, что ты хочешь…

- Мы купили Волгу в ее среднем течении и, если пожелаем, перекроем каспийским осетрам путь к нерестилищам. Твой кремлевский стол останется без черной икры и осетрины. Что ты скажешь членам "восьмерки", которые приезжают к тебе, чтобы полакомиться русской икрой?

- Пощади… - Счастливчик прижал руки к груди.

- Тогда слушай мои условия… - Роткопф отдышался. Стал твердым, непреклонным, как если бы выступал в Римском сенате. - Немедленно откажись от Модельера! Мы сами позаботимся о его судьбе. Приблизь к себе, как в первые дни правления, многомудрого

Плинтуса. Он будет тебе духовным отцом и советчиком. Ты - блудный сын и должен вернуться в отчий дом. "И отец твой да простит тебя и возлюбит больше, чем остальных сыновей, отпуская грехи твои…" Ты согласен?

- Согласен, - чуть слышно, едва не падая в обморок, ответил Счастливчик.

- Тогда созывай Госсовет. Проблему временщика и предателя мы решим через несколько дней на Празднике сожжения космической станции Мир. Тебе не надо туда приходить… Отправляйся на горнолыжную базу в Саяны… Мои подчиненные с Саяно-Шушенской ГЭС встретят тебя, обеспечат баньку и девочек…

Роткопф, властный и надменный, покорив врага, пошел к лифту. Но если бы он обернулся, то увидел бы прищуренный зоркий взгляд Счастливчика, в котором, сквозь сжатые веки, блистала неукротимая ненависть. Счастливчик, изображая душевное смятение, жалобно извиняясь, раскланялся. Ссылаясь на мигрень, покинул Город Золотых Унитазов. Помчался на встречу с Модельером в "Шурикен-хауз".

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Они встретились в вечерних сумерках, в уединенном дворике, под стеклянными сводами. Со всех сторон их окружало лунное сияние окон, за которыми работали лучшие мыслители и философы власти, обеспечивая ее надежное, бесперебойное функционирование. Фонтан, подсвеченный золотыми лучами, роскошно бил, напоминая хрустальную вазу. Счастливчик, взвинченный, утонченный, напоминал рапиру, готовую разить…

- Ты был прав, дорогой Модельер! Мерзавцы объединились вокруг Плинтуса! Готовят мое и твое истребление! Я разгадал их план! Они подлежат уничтожению!

- Я рад, что твоя проницательность не обманула тебя… Твое величие в разуме… Ты выше их всех на сто голов…

- На сто одну! Потому что я отдаю тебе их головы! Хочешь, сними с них скальпы, хочешь, наделай из их черепов винные чаши, а хочешь, выточи биллиардные шары, и мы сыграем с тобой партию!

- Мы будем вместе до Победы! Мы действуем не ради себя, а ради великого русского будущего! Потомки простят нам нашу жестокость, как простили ее Ивану Грозному, Петру Великому, Иосифу Сталину! Каждым своим помышлением, каждым поступком мы пишем русскую историю и историю мира! Пишем Новейший завет! Сейчас мы выписываем то место, где приводится притча о претворении воды в вино!..

В этот момент в фонтане иссякла вода. Вместо нежно-золотистых прозрачных струй забило густое как кровь красное вино. Было видно, как расплываются по поверхности фонтана багровые сгустки и сквозь них мерцают брошенные монетки. Оба подставили бокалы под винные струи. Наполнили, чокнулись. Выпили до дна, запрокидывая головы. А потом обнялись и замерли. Из окон смотрели на них те, кто работал в этот поздний час в "Шурикен-хаузе", восхищаясь такому изъявлению дружбы.

Между тем, в Городе Золотых Унитазов Роткопф торжествовал победу, и все было готово для оргии. На обширном английском газоне, перед парадным крыльцом дворца, в прохладных сумерках волшебно

горели фонари, окруженные радужной, аметистовой дымкой. На газоне как на зеленой кошме были разбросаны шелковые подушки, пестрые восточные мутаки, персидские ковры, средневековые гобелены. Повсюду были рассыпаны свежие лепестки роз, лежали венки из полевых и садовых цветов, гирлянды из белых целомудренных лилий, источавших сладостное благоухание.

Олигархи, после коктейля из огуречного сока и тыквенной мякоти, куда для бодрости добавлялось несколько капель хвойного настоя, спустились с крыльца, в вольных одеждах, без галстуков, окружили озаренный газон. За ними, чуть поодаль, не приближаясь, сошлись охранники, домашние слуги, садовники, повара, каретники, псари, банщики, разгонщики облаков, создатели приятных мелодий, истребители комаров, промыватели кишечников, генералы ПВО, а также несколько иностранных послов и деятелей международных правозащитных организаций. Между ними и олигархами сновали бесцеремонные карлики, писклявые и насмешливые, избравшие предметом своих нападок министра экономики Греха, нетерпеливо ожидавшего начала оргии. Карлики щипали его, забирались в карманы, вытаскивали оттуда слипшиеся карамельки, монетки, трамвайные билетики. Пытались насыпать ему в ширинку нюхательный табак, плевали вишневыми косточками и всячески досаждали. Из вежливости Грех терпел неудобства, вежливо улыбался, прощая маленьким человечками их проказы, однако незаметно изловил одного, служившего когда-то при дворе короля Артура, ловко оторвал ему голову и откинул трепещущее тельце в кусты чайных роз.

Над ареной, высоко, в туманных небесах, над купами темных деревьев, загорелся неведомый источник света, серебристый, в мельчайшей пыльце, опускался сияющим шатром на широкий газон, словно с высоты медленно снижалась "летающая тарелка", накрывая окрестность таинственным, неземным свечением. В эту прозрачную пирамиду света вкатили белый рояль. К роялю вышла всемирно известная эстрадная певица, получавшая уроки еще у Вертинского, Праматерь русской эстрады, как ее называли. Эту ослепительную, с неповторимым голосом женщину любили Никита Хрущев, Николай Булганин, Николай Косыгин, Леонид Брежнев, Михаил Суслов, Юрий Андропов, старый, но почитающий кордебалет, Черненко, соратник Горбачева, идеолог перестройки Медведев, все три политика,

сопровождавшие Ельцина в Беловежскую Пущу, - Полторанин, Бурбулис, Шахрай, а также министр внутренних дел Ерин и заместитель Премьера Сосковец. Подробности этих, не всегда платонических, отношений больше полувека обсуждались в светских кругах, и сегодня представшая перед олигархами эстрадная звезда была в расцвете красоты и славы. Множество "подтяжек" и пластических операций делали ее лицо молодым и свежим. Безукоризненные вставные зубы превращали улыбку в белоснежное сверкание. Из-под короткой юбки пухленькие ноги, пережившие десяток операций на вены, удаление желваков и выправление суставов, срез мозолей и усыхание лодыжек, смотрелись как ноги молодой пленительной девы. Грудь, пропитанная парафином, пугающе и прекрасно выдавливалась из узкого лифа, создавая ощущение обилия и щедрости. На голове, облысевшей еще в период освоения целины и взятия лунного грунта, возвышался золотой парик, полный локонов, вьющихся прядей, цветочных бутонов. Она не взяла с собой на представление молодого мужа Кьеркигорова, потомка известного европейского философа-экзистенциалиста, а также свою очаровательную дочь, которую нарекла именем героини известной норвежской сказки про гусей - Акка Кнебекайзе.

Она улыбнулась маэстро, милостиво позволяя ему играть, и в вечернем гулком воздухе, улетая в глубину парка, раздалась музыка, не оставлявшая равнодушными несколько поколений любителей эстрады.

- "Жизнь невозможно повернуть назад…" - печально и сладостно сообщала певунья, и все завороженно слушали, даже карлики, оставив на время несчастного Греха.

Однако Роткопф был весьма равнодушен к исполняемой реликтовой песне. Переходя от одного олигарха к другому, он делился итогами разговора со Счастливчиком.

- Я его покорил и обезвредил, - торжествующе сообщил он алюминиевому королю, который жевал нежный салатовый листик, - теперь Президент снова наш, и мы можем вернуть утраченное влияние.

- Ты - великий! Ты - наш несомненный лидер! Ты рискуешь и всегда добиваешься ослепительных результатов!

- Моя роль второстепенна, - скромно заметил Роткопф. - Наши лидеры - Мэр и Плинтус.

- Я бы так не сказал. Я отдаю тебе предпочтение, - алюминиевые зубы тщательно пережевывали салатный черенок.

Певица завершила свое философское песнопение о быстротечном времени и старинных, неумолимых часах. Поцеловала маэстро, оставив на его белой щеке багровый укус. Хлопнула в ладоши, приглашая на выход танцовщиц из ансамблей песни и пляски, для которых настал их долгожданный черед. В серебристое мерцание, ниспадающее из туманных высот, выскользнули прелестные обнаженные девы, тремя трепещущими вереницами. Маэстро, вдохновленный их грацией и наготой, заиграл попурри из "Битлз", в которых звучали восточные мелодии, тоскливые и сладостные напевы ирландцев, африканские ритмы.

Собравшиеся вокруг, все, кроме олигархов, едва удерживались на месте, созерцая этот праздник любви. Пьянели от близости доступных женских тел, розово-белых, смугло-фиолетовых, бронзово-золотых. Олигархи же, чья вегетарианская диета делала их невосприимчивыми к похотям мира, лишь изредка взглядывали на действо, внимали Роткопфу, который заговаривал с каждым отдельно.

- Как ты смотришь на то, чтобы страну возглавил кто-нибудь из нас? - обращался он к никелевому магнату, грызущему остаток морковки. - Слишком рискованно препоручать власть посторонним… Мы убедились в этом на примере Счастливчика…

- Согласен, - отозвался обладатель никелированных резцов, обрабатывавших морковку так, что ему позавидовал бы заяц. - Но куда мы денем Счастливчика?

- Это не проблема. Он напишет отречение.

- Что ж, такое бывало в российской истории: отрекся от престола государь Николай Второй, практически отрекся и Горбачев… Я не против… Хочешь куснуть? - он протянул Роткопфу морковку, и тот отгрыз оранжевый сладкий кусочек.

Женщины обворожительно, томно лежали на шелках, припорошенные лепестками роз. Они казались спящими. Лишь изредка то одна, то другая приоткрывала глаз и зазывно взглядывала на столпившихся мужчин.

Первыми не выдержали охранники: вдруг все разом кинулись на ковры и подушки, сдирали на бегу униформы с нашивками "секьюрити", отбрасывали рации, пистолеты, шестиконечные звезды

техасских шерифов, отшвыривали резиновые дубинки и наручники, набрасывались на женщин, плющили их мускулистыми телами; их не знавшие загара ягодицы мерцали, словно зеркальца, могучие лопатки бурно ходили. Они были похожи на огромных косматых собак, поваливших свои испуганные жертвы, добиравшихся до их горла с жарким урчанием и хрипом. Но жертвы не выглядели испуганными: обнимали собачьи загривки смуглыми или нежно-белыми руками, стискивали их подвижные поясницы цепкими пятками.

Вслед за охранниками на женщин кинулись повара и садовники. Следом неудержимо повалили шоферы, каретники, кузнецы, шорники, жестянщики, чистильщики окон, сантехники, приглашенные на пир дипломаты, временные поверенные в делах Люксембурга и княжества Лихтенштейн, лорд Джад, охранник принцессы Дианы, адвокат поэта Вознесенского, скалолаз, по прозвищу Человек-паук, который и здесь не обошелся без альпенштока и всякой страховки.

Министр экономики Грех недолго себя удерживал… Расшвыряв уродливых карликов, с орлиным клекотом, взмахивая руками, как крыльями, он набросился на женщин: пламенно падал на одну, на другую, на третью; не мог ни на какой остановиться; напоминал жадного, изголодавшего безумца, который вдруг увидел перед собой гору спелых яблок и надкусывает каждое, чтобы не досталось другому; наконец остановил свой выбор на африканке со множеством смоляных блестящих косичек, схватил ее за уши, чтобы не убежала обратно в джунгли, что-то мучительно прокричал по-португальски, когда сильные пятки сомкнулись у него на крестце и больно пришпорили, самозабвенно предался чувству, вдруг разом превратившись в нефтяную качалку, какие в изобилии разбросаны по нефтяным полям Кувейта.

Карлики, сначала опасливо, а потом все смелее, собрались вокруг, рассматривая его смешной взъерошенный загривок. Затем один из них, служивший при дворе Карла Девятого, достал японский аппарат-мыльницу и стал фотографировать.

Роткопф, между тем, беседовал с владельцем информационных сетей, который сосал апельсиновую дольку.

- "Семья", пустившая во власть Счастливчика, просчиталась, - доверительно говорил Роткопф. - Все в растерянности… Главный гарант, Первый Президент, отправлен в заграничное турне на

неопределенный срок, а здесь, на нашей несчастной Родине, бесчинствует временщик Модельер! Не кажется ли тебе, что нужен новый лидер?

- Это ты, - просто ответил электронный магнат, высасывая из дольки весь сок, оставляя пустой чехольчик, который поднес к ноздре и осторожно обнюхивал. Роткопф благодарно пожал его локоть.

Оргия достигала апогея… Повсюду лежали бездыханные тела, напоминавшие помятые цветки с опавшими лепестками, оборванными тычинками и опустившимися в изнеможении пестиками… Пианист, белый как брачная простыня, на которой пламенел красный отпечаток утраченного целомудрия, бил в рояль, откалывая от него ослепительные осколки мелодий. В них все отчетливей проступала народная песня: "Из-за леса, леса темного привезли быка огромного…". Загорелись голубые прожекторы, и на арену, в ртутном круге света, служители с напряженными бицепсами, ухватив набухшими кулаками железные цепи, вывели андалузского быка, одного из тех, что Мэр привез в Москву накануне корриды. Бык сверкал, словно отлитый из черно-красного стекла. Голова его была наклонена, и на ней как два боевых острия блестели длинные рога. Ноздри раздувались, ловя запахи разгоряченной плоти. Пах набух громадными шарами, где кипело растревоженное семя. За быком шествовал тореадор Эскамильо, приподымая над головой шляпу, ослепительно улыбаясь олигархам, и его узкий в талии камзол переливался золотыми нитями.

- Это правда, что вавилонский бык заебал Семирамиду насмерть? - поинтересовался у Роткопфа нефтяной магнат, посылая себе в рот ядрышко лесного ореха.

- Наверняка сказать не могу, но знаю, что ее нет в живых, - ответил Роткопф.

Музыка стихла, и в тишине, когда слышался лишь сиплый хрип похотливого зверя, в круг света вышла Праматерь русской эстрады… Ее было не узнать - ни платья, ни лифа, ни изящных сапожек - одна нагота, чудесное белое тело, над которым в течение нескольких поколений трудились множество хирургов, массажистов, мумификаторов, втирателей благовоний, мастеров красоты, парикмахеров, накладывателей целебных компрессов, творцов педикюра, выбривателей лобков, художников восточных татуировок.

Эстрадная звезда величаво и приветливо вышла на середину, привыкшая к крикам "браво" и "бис", послала воздушный поцелуй олигархам, опустилась на четвереньки, головой прочь от дикого слепого животного. Служители поднесли и укрепили на ее голове, среди золотой волнистой гривы, коровьи рога. Возложили нежный венок из клевера и полевых ромашек. Опоясали ременной лентой, на которой был закреплен высушенный коровий хвост с пышной кисточкой на конце.

Бык тупо наблюдал за приготовлениями, качал головой, внюхивался мокрыми ноздрями. Маэстро навесил над клавишами заостренные пальцы, разом обрушил их, вырывая из рояля мощное и бравурное "Время вперед!" композитора Свиридова. Музыка прянула, ринулась, громко и яростно убыстряясь. Эскамильо коснулся быка кончиком шпаги, зверя словно толкнуло! Он двинулся, рыхля копытами газон, взрывая грунт, расшвыривая попадавшиеся на пути подушки и мутаки… Служители едва поспевали за ним, растягивая цепи… Бык набежал на эстрадную певицу, изображавшую нежную и трепетную корову: мощные копыта вознеслись и ударили ее по спине; ревущая пасть выплюнула на нее сверкающий комок слизи; напряженная, непомерных размеров плоть ворвалась в певицу, как врывается в туннель бронепоезд; расширила, жутко надавила изнутри; многочисленные "подтяжки", пластические швы, незримые латки пересаженной кожи, рубцы на бедрах, ляжках и щиколотках не выдержали и треснули, и вся она разом лопнула… Сквозь многочисленные прорехи из нее хлынула черно-зеленая липкая жижа, полезли обрезки кишок и артерий, потекли остатки мозга, и все это, вместе с выпавшими глазами и синим языком, шмякнулось, как шмякаются в таз нечистоты.

Это было ужасно!.. Все, кто лежал на газоне, - танцовщицы, охранники, повара, временные поверенные, лорд Джад, скалолаз, министр экономики Грех - все повскакали и помчались прочь, издавая истошные вопли. Им вслед летел бычий рев и кудахтанье затоптанных карликов. Звучала бравурная музыка из оперы Хачатуряна "Дружба народов". Олигархи поспешно, не умея скрыть смущения, удалились во дворец, чтобы звонить Кьеркигорову и Акке Кнебекайзе. Сложив на груди руки, тонко улыбался баскский террорист Эскамильо. Маэстро поднялся из-за рояля. Неторопливо пошел к выходу. Никто не узнал в

нем переодетого и загримированного Модельера, который, пользуясь роялем как чутким акустическим прибором, сконструированном в ФСБ, подслушал все разговоры Роткопфа с олигархами, окончательно убедился в коварности и разветвленности заговора, которому настало время положить жестокий предел.

Аня отнесла голубиное золотое яйцо к ювелиру, который долго, выпучив стариковский глаз, рассматривал в линзу драгоценный слиток, капал на него едкие растворы, пробовал на зуб, закладывал в рот под щеку, отчего становился похожим на члена Политбюро Александра Яковлева… И это смешило Аню… Наконец ювелир отсчитал пухлую пачку денег, протянул Ане и произнес:

- Если снесете еще яичко, приходите опять… Хотел бы я быть, девочка моя, директором вашей птицефабрики…

Сумма была баснословной! Хватало ей и ее загадочному гостю на несколько месяцев безбедной жизни, конечно, если деньги тратить разумно, только на еду и на квартплату, не обновляя гардероб, не приобретая драгоценности и автомобиль, отказываясь от туристических поездок на Борнео и на Сейшеловы острова… Она и не помышляла ни о каких островах… Зашла в магазин "Продукты", где, озаренные немеркнущим светом, были разложены колбасы, буженина, копчености; смуглая как древесная кора бастурма; розовая, инкрустированная перламутром "салями"; "зальц" с красными кусочками перца… На соседней витрине, среди ледяной крошки, лежала алая прозрачная семга; бело-розовая, нарезанная ломтями осетрина. Копченая, в золотистой кожице, форель; длинные, похожие на лезвия, голова к голове, угри…

Взволнованная обилием явств, их огромной стоимостью и появившейся у нее возможностью купить все эти деликатесы и лакомства, она выбрала самое вкусное, а также крупные, малиновые и нежно-зеленые, яблоки, созревшие в неведомых волшебных садах, а также грозди винограда, изумрудные и черно-синие, с крохотными точками света, сорванными Бог весть с какой плодоносной лозы, и заклеенные в целлофан, словно в прозрачную колбу, длинный, похожий на змею белый батон и ржаную буханку, и кремовый торт с красными марципанами и орехами… В винном отделе, путаясь в названиях французских и итальянских вин, борясь с искушением заплатить за бутылку непомерную цену, выбрала, наконец, красочное

"каберне". Продавщица сложила покупки в этиленовый пакет с изображением хохломской матрешки, и Аня, гордясь обретенным богатством, заторопилась домой, где ждал ее загадочный постоялец.

Они сидели за вечерним столом на кухне, под низким матерчатым абажуром, под которым сверкало праздничное убранство… Плужников, спокойный, серьезный, закованный в стеклянную призму, в разглаженной неновой рубашке, в которую Аня его обрядила, молчал, остановив взгляд где-то за ее головой, на темном оконном стекле, где слабо переливалась невидимая слюдяная Москва. Аня ухаживала за ним, подкладывала на тарелку разные вкусности, надеясь, что их вид, аромат разбудит в нем голод, оживит лицо, наполнит зрачки острым веселым блеском.

- Уж не знаю, что и подумать, - говорила она, - прямо как в сказке про скатерть-самобранку, или про курочку Рябу, что снесла золотое яичко, или про спящую царевну… Спящая царевна - это ты, никак не проснешься… И кто тебя заколдовал? И откуда ты такой взялся? - Она старалась до него достучаться, говорила с ним как с малым ребенком, чтобы он, немой, слушая людскую речь, обучался словам. - Видишь, раскошелилась, купила вино… Я прежде любила грузинское, "Мукузани", "Телиани"… Теперь такое не сыщешь… Отведаем "Каберне"… А тебе какое нравится? Может быть, водка или коньяк? Если ты молчишь, как мне узнать, какое…

Он не отвечал. Не мигая смотрел мимо нее в зеленоватое окно, за которым струилась таинственная водяная зыбь.

- Ладно уж, Бог с тобой, выпьем молча… - Она наполнила черно-красным ароматным вином свой и его бокалы, вставила в его пальцы хрупкую стеклянную ножку, приподняла его тяжелую руку, убедившись, что он не выронит хрупкий, с темно-алой влагой, сосуд.

- Не знаю, как тебя зовут… Лицо у тебя хорошее, доброе… Глаза печальные… Душа у тебя запечатана, и я никак не могу ее распечатать… Пью за тебя! Чтобы ты исцелился и злые чары тебя отпустили!

Она выпила вкусное вино, чувствуя, как хлынуло ей в душу горько-сладкое тепло, взяла его руку в свою, поднесла бокал к его сжатым губам и осторожно влила вино в его сухие губы, видела, как медленно, малыми глотками, он пьет, не чувствуя вкуса вина, продолжая смотреть в таинственное, неведомое ей пространство. Она

ухаживала за ним: подавала на вилке то лепесток прозрачной розовой рыбы, то ломтик смуглого копченого мяса, то твердый завиток малиновой бастурмы; вливала в него малыми глотками вино, надеясь, что мягкий хмель своим чудным дурманом оживит его, растопит холодные льдинки зрачков; не забывала и себе подливать, чувствуя, как ярче начинает гореть лампа под абажуром, как славно звенит стекло, когда она сближает свой и его бокалы.

- Представляешь, иду сегодня по Остоженке, смотрю, стоит легковая машина какой-то ослепительной иностранной марки, а в ней за рулем - красивая женщина. Сзади, тихонько пятясь, подъезжает самосвал, начинает поднимать свой кузов, нависает над лимузином, а из кузова - не бетон, не глыбы асфальта, а ворохи красных роз, засыпали весь автомобиль, так что крыши не стало видно, словно сметали огромный стог из свежих цветов… Я изумилась - это что? Безмерная купеческая блажь? Или истинная любовь? - она хотела поразить его воображение, увидеть хотя бы мимолетный отклик. Но он молчал, словно изваяние, чьи глаза раз и навсегда были устремлены в несуществующее каменное пространство.

Она не оставляла своих попыток:

- А несколько дней назад иду по Садовой, а навстречу мне верблюд: двугорбый, под полосатой попоной, с переметными сумами; на костлявой спине, держась за горб, восседает бедуин в белом облачении, будто в пустыне Сахара… И кого только ни встретишь в Москве! Мормоны, гуманоиды, верблюды! Ну просто Вавилон какой-то!..

Она заглядывала ему в лицо, желая обнаружить хоть слабый намек на улыбку. Но он оставался нем и спокоен. Чары, лишившие его слуха и речи, продолжали господствовать, и она, чувствуя свою слабость, огорчалась и раздражалась.

- Молчишь, ну и ладно… У Чехова есть рассказ, когда мужик разговаривает с лошадью… Вот и я также… Мне ведь не с кем поговорить, а ты, хоть и не отвечаешь, а слушаешь… Еще помогаешь, сумку с письмами носишь, поклажу всякую… Буду тебя называть Саврасушкой, - она вздохнула, отчаявшись услышать от него человеческое слово.

Но потом устыдилась своего малодушия. Человек был послан ей для испытания. Она не понимала, в чем это испытание и почему она

должна его выдержать. Чувствовала, что этот молодой, переживший несчастье мужчина оказался рядом с ней не случайно… Куда-то ее зовет… Она стоит перед ним, как перед запертой дверью… Но если ее отомкнет, то за этой дверью откроется для нее загадочный путь…

Она налила себе вина. Выпила бокал, чувствуя тихие, волнистые токи тепла, струящиеся по комнате. Они достигали его лица, окружали его голову, возвращались к ней обратно, и она на расстоянии чувствовала его лицо. Оно было теплое, но такое, какое бывает у спящего человека.

- Ты бесчувственный и, по-моему, не слишком воспитанный… Не ухаживаешь за дамой, не наливаешь ей вино, не произносишь в ее честь витиеватых галантных тостов… Может, тебе не нравится мое платье, мои бриллианты, моя прическа, сделанная парикмахером его императорского величества?.. Ах, - загорелась она, - какое я сегодня видела в бутике платье! Итальянское, шелковое, нежно-бирюзовое, под цвет моих глаз, узкое в талии, с глубоким вырезом! Вот такое бы я купила! Вот в таком платье ты бы обратил на меня внимание!..

Она поднялась, перешла в коридор, где стоял гардероб, порылась в нем и сняла с вешалки свое самое нарядное платье, в котором когда-то провожала в аэропорт жениха, и которое, после его смерти, больше не надевала; разделась, чувствуя голыми плечами и грудью прохладные сквознячки. Из коридора он был ей виден, сидящий под абажуром, с раскрытыми спокойными глазами. Она шагнула ближе, чтобы он мог ее разглядеть, - ее голые плечи, грудь, босые ноги, но он оставался равнодушным к ее наготе, и она, печально улыбаясь, вернула на вешалку свое нарядное ненужное платье, вновь облачилась в обыденный невзрачный наряд.

Уселась у стола перед недопитым бокалом и пригорюнилась…

- Жалко мне тебя, мой друг… И себя мне жалко… И Князеву, солдатскую мать, которая все ждет не дождется сына с Чеченской войны… И профессора Ивана Ивановича, русского изобретателя и пьяницу, которого третьего дня выставили из квартиры, и он, говорят, поселился вместе с бомжами на загородной свалке… И актрису Зеленовскую, которая держится молодцом, но, должно быть, скоро умрет, так и не дождавшись весточки от непутевой дочки… И грубую толстуху, которая почему-то терпеть меня не может, подстерегает, чтобы сказать что-нибудь грубое и обидное, и все потому, что сама за

жизнь не слыхала доброго слова… И людей мне жалко, и бездомных собак и кошек, и одинокое дерево в каменном, без солнца и света дворе, которое всю жизнь простояло одно-одинешенько, и ни одна птица не свила на нем гнездо…

От этих жалобных слов, которые она произнесла перед окаменелым человеком, ей стало так больно и сиротливо, что из глаз побежали частые прозрачные слезы.

Она их вытирала руками, шмыгала носом, всхлипывая:

- Ну вот, нагнала на тебя мою бабью тоску… Не буду… По дурости… Что-нибудь веселенькое…

Она вдруг вспомнила, как студенткой ездила в фольклорную экспедицию, в вятские деревни, где на косогорах, среди березняков и осинников, стояли сырые избы, окруженные тесовыми изгородями, с высокими воротами, на которых старинный резчик вытачивал где солнце с луной, где льва, где голубку. В деревне Костры пел старушечий хор. Вдовы в платочках, в долгополых юбках, долголицые, долгоносые, собирались с разных концов деревни в песенную избу, где их встречал суровый старик Николай Мартыныч, лысый, с пепельной бородой, рассаживал на лавку как на насест, подвигал табуретки, прежде чем петь, каждой подносил рюмочку красного вина, карамельку в фантике… Аня из уголка наблюдала за их истовыми серьезными лицами, строгой иконой в углу, суровым, библейского вида, старцем. И когда вдруг запели, изумилась легкой смешливой мелодии, для балалайки, для дудки, от которой разом посветлело в избе, солнышко глянуло сквозь занавески, распустился на подоконнике красный цветок.

И сейчас Аня запела эту смешливую песню, стараясь по-вятски выговаривать слова: В дяревне мы жили, я в роще гулял, В дяревне мы жили, я в роще гулял, Я в ро-о… я в ро-о… я в роще гуля-ал…

Вдовьи лица, сухие и строгие, в морщинах, в темных тенях, с глазами, выцветшими от слез и бессонниц, сутулые спины и брошенные на колени бессильные руки - все вдруг стало молодеть, оживать: в бесцветные щеки брызнул легкий румянец, заголубели глаза, залетали игривые брови, выпрямились спины и руки уперлись в бока, стало видно, какими они были красавицами, каким статным и ладным был прежде старик Мартыныч, какие хлеба стояли по косогорам, какие цветы пестрели по лесным опушкам, какие хороводы

водили на зеленых полянах, какие стога метали в лугах за рекой… Песня, простая, как берестяной кузовок, преображала, имела власть над временем, обращала его вспять, в счастливую молодость. Я в роще гулял, пруточкя ломал, Я в роще гулял, пруточкя ломал, Пруто-о… пруто-о… пруточкя лома-ал…

Аня из уголка, из-за печки слушала хор, запоминая наивную, легкую, словно по крылечку сбегающую мелодию. Она и пела ее теперь, играя бровями, поводя плечами, уставя руки в боки, поддразнивая и задевая сидящего перед ней молодца. Пруточкя ломал, мятелки вязал, Пруточкя ломал, мятелки вязал, Мяте-е… мяте-е… мятелки вяза-ал…

Песня скользила змейкой, словно повторяла незатейливую кромку близкого леса, петли маленькой речки, протекавшей за деревней. С каждым завитком и с каждой петлей, с каждым игривым и веселым изгибом что-то копилось в душе, счастливо ее наполняло. Голоса грянули радостно из округлившихся женских ртов. Мартыныч бодро, по-солдатски, раздвинул плечи, загудел голосистым басом. Аня увидела, как встала за окном огромная синяя туча, и по ее огненному краю побежала песня, зажигая на небе прозрачную драгоценную радугу. Мятелки вязал, в Маскву отправлял, Мятелки вязал, в Маскву отправлял, В Маскву, в Маскву, в Маскву отправля-ал…

И было ей хорошо, и была она среди любимых людей, чудных лиц и родных голосов… И не было смерти, и никто никогда не умрет, и все так же будет сверкать за окном политая дождем береза и стоять в огороде одинокий желтый подсолнух, и душа ее будет взывать к красоте и любви, и кто-то, кто ее сотворил и выпустил в этот мир, станет смотреть на нее из-за тучи любящими голубыми глазами… И они никогда не умрут… В Маскву отправлял, бальшой барыш брал, В Маскву отправлял, бальшой барыш брал, Бальшой, бальшой, бальшой барыш бра-ал…

Она завершала песню, и с последними улетающими словами обратила всю свою нежность и молодость, ожидание любви, упование на счастье, молитвенную веру и женственность на сидящего перед ней большого молчащего человека… И он вдруг высоко вздохнул… Глаза его моргнули и обратились на нее… Смотрели изумленно…

- Я где? - спросил человек. - Вы кто?

Аня испуганно, боясь, что его пробуждение недолго и он снова окаменеет, взяла его за руку.

- Вы у меня… в Москве… на Зачатьевском… Как вас зовут?

- Сергей… А вас?

- Серафимова… Аня… Значит, будем знакомы…

Она ликовала! Ей удалось невозможное! Своей нежностью и печалью, своей любящей женственностью она оживила каменного человека или в незатейливой песенке отыскался завиток наивного звука, бесхитростное сочетание слов, и они совпали с узорной скважиной потайного замка, после чего дверь растворилась!

Плужников поднялся со стула, и возникло удивительное чувство свободы: раскололась стеклянная призма, в которую он был запаян, куски литого стекла отвалились, и в них оставалась пустота, в которую он только что был заключен. Он видел и слышал - видел стоящую перед ним молодую милую женщину, слышал отлетающий звук песенки, которую она для него пропела, знал, что ей хорошо и она улыбается. И он улыбался… И ему было хорошо…

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В Москве, на Тушинском аэродроме, где было много просторного незастроенного неба, готовился Праздник сожжения космической станции "Мир". С полудня, по распоряжению Мэра, над городом летали дирижабли и разбрызгивали ароматическую аэрозоль, которая сгущала облака, превращала их в легкие, пахнущие апельсинами и персиками дожди. Небо очищалось, становилось лазурным, обещало звездную ночь, благоприятную для созерцания небесного действа. Такие же аэрозоли Мэр приказывал разбрызгивать зимой на заснеженных улицах, после чего асфальт становился сухим, а автомобили и обувь прохожих начинали пахнуть тропическими фруктами и цветами.

Едва стемнело, как на Тушинский аэродром повалил люд… Запрудили площадь, пялили глаза на небо, ожидая, когда на нем вспыхнет пожар и сгорит ненужный остаток советской космической мощи, от которой дружественная Америка освободила, наконец, новую Россию. Теперь ничто не мешало стране вкладывать деньги в дискотеки, ночные клубы, школы стриптизерш, Академию Смеха, Серафимовский и Английский клубы, в дни города, в ночи Кабирии, в утро стрелецкой казни, в вечер юмора… Ничто не мешало стране, сгубившей лучших своих сыновей в ГУЛАГе и потому покорившей Берлин, ничто не мешало ей превратить новый век в непрерывный блистательный праздник. Поэтому и явился сюда ликующий люд - покупал пирожки, лизал мороженое, высасывал бутылочки и пакетики с соком, грыз "сникерсы", жевал гамбургеры, мигал веселыми фонариками, играл в скачущие шарики, крутил разноцветные трещотки, расхватывал раскрашенных матрешек, бюстики Петра Великого, календарики с портретом Жириновского, а также сухие мышиные лапки и крылышки нетопырей, что подсовывали православным москвичам проповедники нетрадиционных сект.

Посреди толпы, освещенная прожекторами, возвышалась эстрада. На ней, сменяя друг друга, выступали два породистых, голосистых певца. Когда-то, в дни советских государственных праздников, они исполняли песни покорителей Космоса. Сегодня они вернулись к

былому репертуару, который должен был напомнить людям, в какое страшное время они когда-то жили. Певцы поочередно исполняли: "Я - Земля…", "И снится мне не рокот космодрома…", "На пыльных тропинках далеких планет…", "Он сказал - поехали!..". После каждой песни обнимались, охлопывали друг друга по толстым бокам и спинам, один - в парике, другой - с характерным подергиванием большой, удобной для всяческих шляп головы.

Тут же был установлен точный аналог космической станции "Мир", привезенный из научного института, напоминал огромную бабочку с распростертыми серебристыми крыльями, округлым туловом, сферической головой. На этот драгоценный объект был открыт доступ участникам празднества, чтобы те могли представить, что именно будет сгорать в плотных слоях атмосферы, куда направит станцию сигнал торможения. Этот сигнал простым нажатием кнопки было поручено произвести самому популярному в стране юмористу, пухленькому, словно рисовая котлетка, от шуток которого начинали трястись младенцы в утробах, да так и рождались с улыбкой, хотя и мертвые… На борт станции поднимались граждане, и за скромную плату молодой бизнесмен, производящий тальк для дамских подмышек, мог посидеть за пультом управления, а чеченец - хозяин игральных автоматов - мог помочиться в специальном биотуалете, а владелец частной бани с бассейном и девочками мог принять душ в тесной космической сауне… Все выходили наружу с презрительными улыбками, сострадая тем несчастным, кто создавал эту неудобную станцию и летал на ней.

Огражденная от нетерпеливой толпы, построенная амфитеатром, возвышалась гостевая трибуна. Напоминая римский Колизей, она была построена таким образом, что небо, уже темное, с проступившими звездами, было ареной, где ожидалось сожжение станции. Каждое кресло, со своим номером, было снабжено небольшой подзорной трубой. На эту трибуну, не торопясь, благосклонно поглядывая на толпу, поднимались именитые гости, те, кто столь много потрудился для расчистки околоземного пространства от мусора рухнувшей советской цивилизации.

Тут были космонавты, обратившиеся с открытым письмом к Президенту России с требованием скорейшего сожжения станции. Многие теперь специально прилетели из Хьюстона, где работали

мойщиками окон, радостно улыбались, обменивались новостями о новых американских программах, об успешных запусках космического челнока "Колумбия". Следом за космонавтами на трибуну поднимались прославленные конструкторы ракет, космических кораблей, спутников и стартовых установок, которые с облегчением передали свои заводы, конструкторские бюро и космодромы в руки талантливых предпринимателей, не отравленных утопией покорения Космоса: в цехах былых заводов-гигантов выращивали в неограниченных количествах щавель и зеленый лук, отправляя на экспорт в засушливую Монголию; в лабораториях наладили выпуск конфетти, незаменимого при проводах Масленицы; на полигонах, где всегда было много елок, устроили охотничьи заказники, в которых богатые иностранцы могли поохотиться на медведей и бурундуков.

Места на трибуне занимали генералы с двуглавыми российскими орлами на тульях натовских фуражек, с лампасами, которые служили системами обогрева брюк, создавая в штанинах приятный микроклимат. Генералитет похохатывал, обменивался солеными, с привкусом казармы, шуточками, делился впечатлениями о недавних маневрах, прошедших на Куликовом поле с участием элитных Стрелецкого и Засадного полков.

Тут же был дипломатический корпус, причем бросалось в глаза, что послы Америки и Китая уселись в одно кресло, американец устроился на коленях китайца, и оба, закрывшись газетой "Вашингтон пост", занимались однополой любовью.

Кресла в первом ряду занимали самые именитые, вельможные гости: спикер Государственной Думы Утка, странно ассоциирующий себя с летающей, подлежащей сожжению станцией, а потому явившийся с портативным огнетушителем; спикер Совета Федерации, славный тем, что великолепно воспроизводил губами звук, который раздавался в президентском желудке, а иногда и в кишечнике, именно он впервые, как бы вскользь, озвучил желание народа перейти от президентской республики к монархии; Мэр, нарочито подвижный и бодрый, весь из мускулов, промытых желваков, натренированных сухожилий, напоминавший симпатичного носорога, было видно, что он гордится звездным небом, расчищенным стараниями его воздушных дворников; Плинтус, неповоротливый, на кривых ногах, волоча со ступени на ступень отвисший пеликаний зоб, благосклонно

сующий в чужие ладони свою, со сросшимися пальцами, остроумно пошутил, проходя мимо посла Соединенных Штатов: "Сэр, мы гасим сегодня одну небесную звезду, но зажигаем сорок шесть новых", - посланец Вашингтона, пыхтя, ничего не ответил, а обнимавший его китаец произнес: "Не месай!.." Следом поднимались губернаторы, олигархи, темноликий Патриарх, куривший "гаванну" производства валаамской табачной фабрики, и, наконец, блистательный Роткопф с огненно-рыжими, до плеч, волосами, пропускавший вперед Модельера, скромно одетого в поношенный мундир штабс-капитана уланского полка.

- А где Президент? - Роткопф красивым движением головы отбросил назад медные кудри.

- Он отбыл в Германию на подписание двустороннего соглашения, согласно которому запускается гигантский мусоропровод из Европы в Россию, поставляющий нам промышленные отходы, в том числе и радиоактивные… - Модельер стряхнул с серебряного эполета пылинку. - От этого, как вы понимаете, зависит судьба нашей индустрии. Мы с вами здесь отдыхаем, а Президент работает!

- Жаль, что он не сможет насладиться предстоящим зрелищем…

- Он узнает о нем из наших пересказов и из теленовостей…

Оба подымались по ступеням, готовясь занять предназначенные места. На билете Роткопфа была начертана цифра "13", а у Модельера - "14".

- Несчастливый номер, - Роткопф сокрушенно опустился в кресло. - Вечно мне не везет… Рыжий, да еще и "тринадцать". Как не почувствовать своей неполноценности…

- Давайте поменяемся… Садитесь на мое, "четырнадцатое", кресло. Хоть наполовину вас разгружу…

- Да нет, семь бед - один ответ! - печально махнул рукой Роткопф, удобно располагаясь в кресле. Модельер успел различить в его глазах молниеносную вспышку, какая случается в перегорающей электрической лампочке. Мысленно усмехнулся.- Повторяю, я готов занять место "тринадцать" и испытать на себе все превратности судьбы…

- Каждому свое, - голосом фаталиста ответил Роткопф, с тайным волнением представляя, как далеко, по орбите, мчится космическая бабочка, приближаясь к Москве. Боевой лазер, установленный среди

ее сочленений и крыльев, готов выпустить огненное точное жало в кресло номер "14" и, перед тем как сгореть и исчезнуть, вонзить в ненавистного Модельера свое острие.

- А где наш милый Буранчик? - поинтересовался Роткопф. - Ведь он - главный режиссер этого космического театра…

- Вы правы… Когда сегодня утром он мне позвонил, я так и назвал его - "космический Мейерхольд". Буранчик находится в Центре управления полетами и оттуда режиссирует спектакль.

Между тем, в вечернем воздухе, среди фиолетовых фонарей, игрушечных фонариков, мерцающих светляков прозвучал торжественный голос, напоминающий взволнованный державный баритон диктора, объявлявшего когда-то о первом запуске человека в Космос:

- Работают все телевизионные каналы и радиостанции России!.. До торжественного сожжения космической станции "Мир" осталось десять минут!..

На эстраде грянула бравурная мелодия. Два певца, один в парике, другой с легким подергиванием головы, обнялись и дуэтом запели песню тоталитарного прошлого: "Орлята учатся летать…"

Сразу же после песни прожектора осветили пульт, на котором краснела огромная кнопка. Юморист, кому правительство поручило нажать кнопку и начать снижение станции в плотные слои атмосферы, подошел к микрофону и с листа, поглядывая темными,как маслинки глазками, усмехаясь сладким и липким как карамелька ртом, зачитал анекдот той поры, когда свирепые наследники Сталина один за другим отправлялись в космические полеты.

- Абрамович тоже полетел в Космос, но забыл свой космический позывной. Выходит по рации на соседний космический корабль: "Сокол", "Сокол", я - Абрамович!.. Кто я?.." Ответа нет. Он снова: "Сокол", Сокол", я - Абрамович!.. Кто я?.." Нет ответа. Он в третий раз: "Сокол", ну пожалуйста, ну я - Абрамович!.. Кто я?" "Ты - жопа!" - был ответ.

Вся площадь содрогнулась от смеха. Хохотали, взявшись за животы, космонавты. Престарелый конструктор ракет, сотрясаясь от хохота, уронил катетер, и струйка потекла на мундир генерала, который подумал, что это вечерняя роса. Губернаторы из центрально-черноземных областей тузили друг друга кулаками, повторяя сквозь

хохот: "Ты - жопа!.. А я?" Олигархи, привыкшие к самообладанию, улыбались, но было видно, что им нелегко сдерживать смех. Американский и китайский послы, напоминая двухголовое животное, потребовали переводчиков. Спикер Утка случайно нажал огнетушитель и завалил щетинистое лицо спикера Совета Федерации густой пеной. Но тот нашелся, достал бритву "Жиллетт" и начал скоблить лицо, делая вид, что бреется.

- Вам не холодно? - заботливо поинтересовался Роткопф, предлагая Модельеру свой пиджак.

- О нет, благодарю… Я подумал, что нашему замечательному юмористу после его сегодняшнего подвига следует присвоить звание "Герой России".

На всей площади погасли фонари, померкли фонарики, улетучились игривые светлячки. И во всей торжественной осенней красе раскрылось черное осеннее небо, полное звезд. Воцарилась тишина, в которой был слышен гул отдаленного города.

- Вы ничего не желаете мне сообщить? - спросил Модельер у Роткопфа. - Иногда в такие минуты хочется рассказать о самом сокровенном или покаяться… Я знаю, вы меня недолюбливаете… Нам не поздно помириться…

- Вы правы, - отозвался Роткопф. - Но давайте отнесем наш разговор на конец церемонии.

Модельер незаметно, по-католически, сложил перед грудью ладони и припал к подзорной трубе. Никто из тех, кто сидел на гостевой трибуне не почувствовал легчайшей вибрации, длившейся полторы минуты. Вся трибуна, поставленная на невидимые рельсы, вращая невидимыми колесами, медленно перемещалась с той скоростью, с какой перемещаются континенты. В результате она сдвинулась настолько, что кресло номер "13" заняло место кресла номер "14". Ничтожно малый объем Вселенной, пронумерованный обитателями планеты Земля числом "13" сместился и стал целью боевого лазера, установленного на космической станции "Мир". В этом и заключался блистательный замысел Модельера, подставившего под огненное жало голову врага, искавшего его смерти.

Все устремили бинокли и подзорные трубы в ту часть неба, где влажно и драгоценно сверкала Кассиопея и где должна была возникнуть обреченная на испепеление станция "Мир". Все ждали ее

сожжения, как на проводах Масленицы разгоряченные гуляки ждут сожжения соломенного чучела.

Среди разноцветного мерцания возникло едва различимое светло-туманное облачко. Так выглядит упавшая в черный кофе млечная капля. Облачко дышало, увеличивалось, становилось похожим на прозрачный одуванчик. Так светит в туманном мраке крохотный блуждающий фонарик в чьей-то несмелой руке. Одуванчик приближался, был окружен фиолетово-розовым, лучистым свечением, нес в глубине яркую сердцевину, внезапно, как от порыва ветра, облетел, рассыпая во Вселенной летучие семена, похожие на нежные бенгальские искры. Сердцевина беззвучно вспыхнула, и из нее образовался огромный радужный крест, чьи концы напоминали распущенные перья райской птицы. Крест парил, трепетал, источая волшебную радиацию, словно из неба на землю неслась безмолвная чудная весть. Одно из перекрестий уменьшилось, превращаясь в огненную жаркую линию, другое увеличилось, разметалось, стало походить на серебряные машущие крылья - огромная серебристая бабочка парила в Космосе, и на ее фантастических крыльях были различимы орнаменты, знаки, письмена, какие встречаются на фасадах буддийских храмов или на каменных пирамидах ацтеков. Крылья отпали и летели отдельно. Каждое превратилось в пышную люстру, которая переливалась бесчисленными хрустальными подвесками, драгоценно пылая среди осеннего неба. Подвески стали опадать, сыпались беззвучными дрожащими каплями, которые ударялись о невидимую преграду, взрывались разноцветными брызгами, превращаясь в купы небесных цветов. Небо стало огромной клумбой, где горели небывалые цветы, распускались радужные листья, крутились перламутровые стеблевидные спирали. Небо волновалось, словно шелковый занавес, расшитый золотом и серебром, в блесках, струях, переливах. Занавес сдернули, и начался звездопад. Бессчетное количество звезд, белых, медных, зеленоватых и розовых, полетело на Землю, оставляя гаснущие следы. Упали все, рассеяв в небе дрожащую серебристую пыльцу, какая остается на пальцах, когда в них побывала большая дивная бабочка.

Станция была сожжена… Кругом ликовали, обнимались, поздравляли друг друга… Торжественно заиграли гимн Соединенных Штатов Америки… Его сменила бодрая мелодия мюзикла "Норд-Ост",

а также песни группы "Тату"… Вспыхнули фонари… Именитые гости подымались из кресел, чтобы идти к своим лимузинам и отправиться в Кремль на торжественный банкет в честь испепеления станции…

И только тут, сначала несколько гостей, а потом и все остальные, увидели олигарха Роткопфа, который лежал в кресле, судорожно вытянув ноги, раскрыв полный мокрых зубов рот, рассыпав по плечам медно-красные кудри. У него во лбу, прямо по центру, зияло небольшое шестигранное отверстие, как будто бы проделанное граненым карандашом, - аккуратно прободенная кожа, просверленная лобная кость, уходящая в глубину лунка, полная розовой влаги.

- Боже мой, бедный Роткопф, ты не успел отдать мне карточный долг! - воскликнул никелевый магнат, доставая калькулятор и списывая шестизначную сумму в невосполнимые расходы.

- Милый, милый Роткопф, и куда пойдет теперь твоя неповторимая коллекция "Волосы мира"?.. - сокрушался алюминиевый магнат, вытирая обильно текущие алюминиевые слезы.

- Я предупреждал, господа, не следовало торопиться с реформой электроэнергетики… - сердито буркнул нефтяной барон, делая нарочито неприятное лицо, чтобы скрыть истинное горе.

Мэр растерянно подбежал к Роткопфу, приподнял его голову, заглянул в отверстие на лбу, из которого вытекла маленькая алая капля, пробежала по переносице к губам и канула в открытом зеве, из которого высовывался влажный язык. Мэр, потрясенный и раздавленный, вернул на спинку кресла мертвую голову Роткопфа и молча отступил.

Плинтус даже не приближался.

Модельер, стоящий рядом, задумчиво извлек из нагрудного кармана своей уланской тужурки карандаш фирмы "Школьник", аккуратно вставил шестигранный стержень в шестигранное отверстие во лбу Роткопфа, попробовал провернуть, но грани мешали…

- Осколок станции сечением ноль целых шестьдесят четыре сотых квадратных миллиметра, господа! Проникающее ранение в мозг…

Он спрятал карандаш… Все с ужасом и благоговением смотрели на Модельера… Опечаленный, не замечая подобострастных лиц, склоненных вый, опущенных к земле шляп, он рассеянно сошел с трибуны…

Проходя мимо Плинтуса, тихо произнес:

- Что такое "Мед и пепел"? Да это просто говно…

Народ, не ведая о случившемся, продолжал ликовать… Задирал головы в небо, где уже не было звезд и на облаках с помощью лазерного луча был выведен небывало высокий, после сожжения станции, рейтинг Президента - "84".

Московский рынок, накрытый бетонным куполом, был похож на огромное блюдо, из которого высыпались плоды райских садов: солнечные виноградные грозди, отекающие соком персики, алые и золотые яблоки, медовые дыни, пылающие разрубленной сердцевиной арбузы. Прилавки источали благоухания, сладостные ароматы, пьянящие дуновения, от которых кружились головы горожан и они замирали, оказавшись среди волшебного изобилия, закатывали обморочно глаза, слабо шевелились, напоминая опьяневших, попавших в варенье ос.

У ограды рынка, где валялись груды отходов, прокисшие арбузы, прелая капустная листва, порченые фрукты и овощи, был разведен костерок из досок, кипел подвешенный закопченный чайник. Два азербайджанских торговца, два горбоносых апшеронских парня, с синими, невыбритыми щеками, пили из пиалок чай, бережно надкусывая кусочки сахара.

- У меня сегодня мент Петька опять паспорт спрашивал, - произнес парень по имени Июб, громко отхлебнув из пиалы. - Я ему триста рублей отдал, он взял и сказал: "Мало даешь, черножопый!" Мне, конечно, обидно…

- Погоди, будешь и ты его называть черножопым, - утешал товарища парень по имени Рафик, лизнув языком ломтик сахара. - Он деньги свои пропивает, а мы деньги с каждого персика про запас откладываем… Через год по дому в центре Москвы купим… Ты этого мента Петьку отыщи и поставь в будке у входа: пусть он тебя сторожит, дверцу машины твоей открывает…

- Я на родину каждый день письма пишу… И Джебраил пишет, и Аскер, и Мамиш, и Ибрагим, и Агаси… Всех соседей в Москву приглашаем… Когда еще миллион наших приедет, тогда Москву назовем Бакы… Посмотрим, кто у кого будет паспорта проверять…

- Когда Москва нашей станет, мы первым делом всех армян выселим… Армянский переулок переименуем в Азербайджанский, устроим здесь Карабах.

Почти одновременно они заметили длинный брезентовый куль, лежащий в груде очисток и мусора. Брезент на вид был еще достаточно прочным. Из него вполне мог получиться тент, под которым укрывались придорожные торговцы арбузами. Оба парня прервали чаепитие, подошли к тюку, откинули края брезента и ахнули… В нем лежала бездыханная женщина, голая, со следами побоев и ожогов на молодом теле. Ее длинные волосы, рассыпанные по плечам, были совершенно седые, отливали голубизной, словно прошли обработку в салоне красоты. Одна грудь была страшно искусана, с распухшим лиловым соском…

- Давай быстрей заворачивай, - испуганно заторопился Июб, - перетащим к другому входу, где прилавки Фуата, а то менты придут, всех в наручниках в обезьянник доставят, не хватит ни долларов, ни рублей откупаться…

- Погоди, она живая, - Рафик трогал своими длинными смуглыми пальцами белую шею женщины, прощупывая слабое биение жилки. - Замерзла, да и по голове получила… Неси сюда чай!

Один из них поддерживал седовласую голову женщины, другой осторожно вливал в отвердевшие, с запекшейся кровью губы горячий отвар. Женщина сделала робкий глоток. Струйка тепла проникла в ее окоченелое тело, и она вздохнула…

- Ну что ты, Июб, на голую женщину пялишься! Перед тобой вчера две таких русских бабы нагишом плясали! Неси сюда одеяло!

Женщину накрыли засаленным ватным одеялом, и один из апшеронских парней подоткнул ей под бока стеганые края, продолжал терпеливо и бережно поить чаем.

Женщина открыла глаза, это была Нинель. Она пришла в себя, ее окоченелое тело от первых капель тепла охватил озноб, и ее колотило под стеганым одеялом…

Она выговаривала искусанными губами:

- Русского праведника не видали?.. Пришел в Москву русский праведник с бесами биться, Москву спасать!.. Бесы Москву на дно морское опустили, а он ее в небеса подымет!.. Она как солнце станет, потому как русский праведник в ней объявился!..

- Пей чай, согревайся, - сказал Июб. - Здесь, на рынке жить будешь, подметать станешь, плов нам варить… А мы тебя за это хлебом будем кормить…

- Праведник в Москву явился, чтобы людям хлеб дать, который не пекут, а который из небесной пшеницы… Он бесов прогонит, сам на небо уйдет, а Москва будет хлеб печь, и русские люди голодать перестанут…

- Хорошо бы русские зажили, как прежде, когда Союз был! А то жаль мне их, Аллах свидетель!.. - Рафик извлек из ящика смугло-румяный персик, аккуратно надрезал ножичком, стал выдавливать сладкие целебные капли в шепчущие губы Нинель. Та пила душистую сладость, в голове ее путались мысли, и она уснула под ватным одеялом, рассыпав седые голубоватые волосы. А два апшеронских парня, жалея ее, вернулись к костерку и продолжили свое чаепитие.

Простенькая деревенская песенка, прозвучавшая из уст сострадающей женщины, исцелила Плужникова. Вернула ему зрелища, звуки и запахи, ощущение мира, в котором он оказался.

Память о прошлом, с самого детства, когда лелеяли его мама и бабушка, и кроватка его стояла у открытого в сад окна, и у белого потолка летала прозрачная голубоватая бабочка… Он помнил городок, в котором вырос, своих школьных учителей и товарищей, учебу в военно-морском училище, белый старинный дворец, откуда открывалась Нева с золотым отражением шпиля; помнил базу на Севере, где в скалистой бухте стояли длинные черные лодки и на темной воде залива скользил торпедолов с красно-зелеными огоньками на мачте; помнил свою службу на лодке, походы в море, звуки надводных кораблей и гулы океанских глубин; помнил все, кроме событий последнего месяца, вместо которых в памяти переливалась размытая абстракция, похожая на голографическую картинку, какая возникает на телеэкране, когда хотят сокрыть чье-нибудь лицо, - разноцветные квадратики, где прячутся подлинные черты.

Однако этот прогал в памяти, где трепетали перламутровые пластинки, похожие на клавиши аккордеона, не тяготил его. Он постоянно был рядом с Аней, испытывая к ней почти сыновьи чувства. Боялся на шаг от нее отступить. Чувствовал свою от нее зависимость. Они выходили утром из дома и весь день проводили вместе. Он ждал, когда она получит на почте увесистую пачку газет и писем. Нагружался сумой и следовал за ней по пятам, поднимаясь на этажи, рассовывая по ее указанию корреспонденцию в жестяные почтовые ящики. Дома он помогал ей готовить, хлопотал по хозяйству, чинил

розетки, ремонтировал полки, отправлялся вместе с ней за продуктами и тащил тяжелые пакеты и сумки. "Мой пони" - так насмешливо называла она его, засовывая в пакет хлеб или масло. Их походы и путешествия ограничивались несколькими кварталами от Остоженки до набережной, где Плужников изучил дворы и подворотни, старые доходные дома и новые роскошные особняки, монастырские стены и стоянки дорогих лимузинов, где из булочной пахло сдобой, из парикмахерской - одеколоном, из антикварного магазина - старинным клеем, и все сдувал свежий ветер с реки, где в гранитных берегах бежала беспокойная, рябая от дождя вода, возвышался огромный, похожий на поднебесный чертополох, памятник Петру и туманно белел теплоход "Брюсов", превращенный в игорный дом.

Они стояли на набережной в холодных сумерках. На воде дрожали желтые отражения огней. Близко, шипя и сверкая, неслись раздраженные автомобили. У маленькой пристани замер речной трамвайчик с безлюдной палубой и пустым, светящимся изнутри салоном. И на все это сыпал мелкий холодный дождь, превращавший асфальт в черное, с пробегавшими молниями, зеркало.

- Дождик… Надо домой возвращаться… А куда же еще? В гости? У меня не осталось друзей… В театр? Уж не помню, когда была, и едва ли мне это нужно… В консерваторию? А разве это не музыка? - Аня произнесла это в тот момент, когда на кораблике вдруг заиграл репродуктор, словно речной трамвайчик, причаливший к набережной, терпеливо их дожидался, и, когда они появились, кто-то невидимый, притаившийся в капитанской рубке, позвал их к себе медлительной сладкой мелодией. - Давай прокатимся?.. Может, это последний осенний трамвайчик, перед тем как река опустеет…

Они спустились на пристань, шагнули на трап, очутились на палубе. И трамвайчик тут же отчалил. Плужников с Аней стояли под тентом, слыша, как рокочет железное нутро корабля, уплывавшего на середину реки. На пустую железную палубу падал дождь, покрывая ее блеском. На носу горел фонарь, окруженный голубыми и розовыми кольцами. Под фонарем, на мокром железе, лежал затоптанный цветок хризантемы с поломанным стеблем, жухлыми ржавыми лепестками. Звучала медленная музыка, летевшая над дождливой рекой, словно разносила весть о них, плывущих по вечерней воде. Город окружал их

фасадами причудливых домов, двумя бегущими по берегам огненными линиями, проступал сквозь дождь туманностями, вспышками света.

- Такое странное чувство… - сказала Аня, зябко поводя плечами, прижимаясь к Плужникову. - На трамвайчике каталась последний раз, когда закончила школу. Была весна, тюльпаны, молодые счастливые люди… На палубе играла веселая музыка… Какой-то кавалер пригласил меня танцевать, и мы танцевали на солнце среди голубой реки… Это было сто лет назад…

Белый туманный собор, сияя размытым золотом, медленно надвигался. Плужников испытывал необъяснимую печаль, словно с чем-то расставался навек, и загадочное волнение и сладость, в предчувствии приближавшейся новизны. Так живая, заключенная в кокон куколка чувствует напряжение растущих в ней крыльев, готовая превратиться в бабочку, томится тесным коконом, торопит свое преображение.

В дожде и тумане возник Кремль. Так художники на мокрый лист кладут розовые и золотые мазки, и они расплываются, затекают на белое.

- Пойдем танцевать, - сказал Плужников, глядя на холодную палубу с блестящим проблеском капель.

- Пойдем, - сказала она, и они вышли из-под тента в дождь.

Музыка, наивная и певучая, неслась из репродуктора. На корабле, кроме них, не было ни души. Капитанская рубка казалась пустой, и кто-то невидимый вел кораблик по дождливой реке, мимо зубчатых темно-розовых стен. Аметистовый, с туманными кольцами огонь горел на носу, и под ним, на мокром железе, лежала затоптанная квелая хризантема. Плужников чувствовал, как их окружает таинственная прозрачная сфера, дышит, приближается. Сквозь завесу дождя проплывали мимо соборы Кремля, островерхие башни, красные туманные звезды, каждая в крохотном зареве. Словно две драгоценные гирлянды, волновались набережные. Плужников обнял Аню, прижал к груди ее голову, чувствуя, как волосы ее пахнут дождем. Они танцевали, и он смотрел на фиолетовый туманный огонь.

Огонь стал медленно разрастаться, будто кто-то бережно дышал на него, раздувая лиловое пламя. В этом круглом прозрачном огне появились золотистые кольца. От них волнисто и нежно стали отслаиваться зеленые, синие. Расходились малиновые, алые волны,

наполняя ночь волшебным свечением. Плужиков счастливо и страстно смотрел на огонь. Среди туманных размытых радуг появился шелковый алый платок. Едва различимые прозрачные птицы растягивали его за углы. Появился второй платок, из чудного золотистого шелка, и другие четыре птицы, словно создания стеклодува, тянули за острые концы. Два платка трепетали, накладывались один на другой, смещая углы, образуя восьмиконечную звезду.

В центре этой звезды, как в сердцевине цветка, возникла дивная женщина, улыбалась Плужникову, беззвучно ему говорила:

- Ты видишь, я тебя не оставила… Готовься… Тебе предстоит великое дело, во Имя Мое… Ничего не бойся… Смерти нет… А есть жизнь вечная… Целую тебя…

И она исчезла, увлекая за собой разноцветный шелк, расточая во тьме гаснущие нежные радуги. Вновь на носу туманно светился розово-синий огонь. Мимо проплывал сумрачный Кремль с белым столпом колокольни.

Аня держала голову у него на груди, ничего не заметив. Они продолжали танец, но Плужников чувствовал, что с ним случились небывалые перемены, в него вселились непомерные силы, его души коснулись безымянные творящие духи.

Глаза его обрели небывалую зоркость. Он смотрел на корабельный огонь и, если прежде различал вокруг лишь розовые и голубые кольца, теперь видел множество разных оттенков, бессчетное число переливов, от густой, словно ночь, синевы, до алого нежного пламени и золотого лучистого света. Он разглядел во тьме, на куполе Ивана Великого, отставшую золотую чешуйку и под ней зеленую капельку меди; чуть ниже, среди сумрачно-золотых, на черном обруче букв усмотрел прилипший липовый листок, занесенный ввысь мокрым ветром; возвел зрачки туда, где в дождливое небо тянулся от креста прозрачный гаснущий луч, и сквозь мокрую мглу, туманное зарево города увидел звездную бездну, разноцветные алмазы созвездий, серебряную, в мерцающей пыльце луну. На ней отчетливо смотрелись лунки кратеров, лучистые морщинки от упавших метеоритов, скалы и отроги Моря Дождей. На белой как пудра равнине отпечатались рифленые следы лунохода. Сам луноход был тут же, припорошенный мучнистой пылью.

- Ты ничего не почувствовала? - спросил он Аню, заглядывая ей в лицо.

- Ничего, - сказана она, - Только твое тепло, - она улыбнулась, прижимаясь к нему, и глаза ее оставались закрытыми.

Они продолжали танцевать на мокрой палубе под тихим звенящим дождем, сквозь который в глубине корабля утомленно постукивал двигатель. Город вокруг непрерывно рокотал и гудел. Стоя на плывущем кораблике, он услышал, как нежно хрустнул черенок осинового листа в подмосковной роще и красный осиновый лист, кружась, полетел в ночи, еще услышал, как бьется сердце в груди у спящего голубя, что укрылся от дождя в завитке кремлевского собора.

Звуки мира наполнили его во всей бесконечной красоте и гармонии, и он различал вселенскую музыку, под которую вращались прозрачные сферы Мироздания.

На палубе пахло холодным ветром, мокрыми моросящими небесами, скользким железом палубы.

Но его обоняние дарило ему запахи, удаленные на тысячи километров: он слышал сладкое дуновение дыма в афганском кишлаке, приторный аромат белых цветов в горячем кампучийском болоте, медовый запах лазурной бабочки, присевшеий на куст в Мозамбике, железное дыхание вулкана в Никарагуа, уловил мимолетное благоухание, которое оставила в воздухе молодая парижанка, скользнув под фонарем на бульваре Капуцинов, почувствовал, как пахнут теплые перья птицы, спящей в дупле кипариса. Его обоняние стало столь чутким, что он чувствовал скопление озона в верхних слоях атмосферы, едкую струйку от сгоревшего метеорита. Мир вокруг него благоухал, переливался радужными цветами, звучал хоралами. И ему казалось, что его глазами смотрит на мир кто-то другой, ясновидящий, поселившийся в нем. Кто-то другой, наделенный абсолютным слухом, внимает вместе с ним музыке сфер. Чье-то сверхтонкое обоняние позволяет ему улавливать запах лепешек в харчевнях Бомбея и свежий аромат ледника в Швейцарских Альпах.

- Ты ничего не заметила? - спросил он Аню, глядя с реки, как медленно удаляется в туманных лучах стоцветный храм Василия Блаженного.

- Ничего… Только чудесную хризантему, которую кто-то обронил…

Она наклонилась, подняла с палубы белый чистый цветок, похожий на лучистую звезду…

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

После космического убийства Роткопфа Мэр и Плинтус, боясь себя обнаружить, избегали встреч и телефонных разговоров. Плинтус, страшась преследования, едва не сжег рукопись неоконченной книги "Мед и пепел". Мэр, демонстрируя полную аполитичность и озабоченность исключительно хозяйственными делами столицы, начал строительство четвертого автомобильного кольца, вокруг особняка своей жены, которое народ тут же окрестил обручальным. К тому же он устроил в Москве карнавал в честь католического святого Игнация Лайолы, что великолепно вписалось в чествование других знаменитых католиков - святого Патрика и святого Валентина. Пользуясь тем, что большинство москвичей вышли на улицы в масках и в противогазах или просто напялив на головы поношенные колготки, Мэр и Плинтус, оба в "домино", встретились, наконец, в Парке культуры и отдыха, у Чертова колеса, переименованного в Колесо фортуны. Уселись, как бы невзначай, в одну люльку, и их медленно повлекло вверх на огромной раскрашенной спице.

- Я боюсь, - сказал Плинтус, держась за поручни люльки.

- Колесо почти безопасно, - ответил Мэр.

- Я боюсь репрессий… Возможно повторение тридцать седьмого года прошлого века…

- Сохраняйте самообладание… Вы ведь мужчина, хотя и ослабевший после операции на предстательной железе.

- Мне повсюду мерещатся агенты Модельера… Взгляните на соседнюю люльку… Те двое, юноша и девушка, они только делают вид, что совокупляются, на деле они за нами следят…

- Во всех люльках находятся мои люди! Видите того, загримированного под корейца? У него в руках электронный вибратор, которым он заглушает микрофоны подслушивания…

- Тогда зачем он сует вибратор под юбку своей соседке-балерине?

- Это не балерина, а вице-мэр! Вибратор нуждается в маскировке!

Их возносило над Нескучным садом, полуоблетевшим, в холодном осеннем солнце. Над голубой рекой, где вдали золотились Воробьевы горы и туманно розовело здание Университета. Москва,

прекрасная в последние погожие дни, перед началом предзимних бурь, нежно белела затуманенными кварталами, мерцала куполами церквей, распушила перламутровые дымы, развесила в студеном воздухе тончайшие проблески паутинок.

- Слушайте мои директивы… - Мэр стал тверд и категоричен. - Кто первый нанесет удар, тот победит! Не спорю, мы потеряли Роткопфа, и его тело покоится на Арлингтонском кладбище, но следующий ход за нами! Мы спровоцируем беспорядки в Москве, после которых коррида и устранение Счастливчика дестабилизируют обстановку, и власть сама упадет нам в руки! Для этого вам следует немедленно встретиться с руководителем "Красных ватаг" и провести переговоры, смысл которых изложен в этой инструкции! - Мэр сунул в руки Плинтуса пухлый конверт. - Сам же я проведу переговоры с вождем скинхедов… Доверьтесь Колесу фортуны, которое возносит нас к вершине славы…

Люлька, в которой они сидели, достигла высшей точки. Великий город был виден как на ладони. Все его банки и церкви, казино и министерства, ночные клубы и культурные центры, вещевые рынки и музеи абстрактного искусства, казалось, взывали к обоим: "Владейте нами!.. Мы ваши!.."

- Так давай же поклянемся в верности друг другу и нашей великой цели! - Мэр пожал Плинтусу руку, предварительно натянув на пальцы резиновую перчатку. - Как Герцен и Огарев на Воробьевых горах! - Плинтус рыдал от переполнения чувств. Солнце выкатилось из пышного облака, брызнуло на город червоным золотом, и на воде, писанная золотым лучом, обозначилась надпись: "Эката пеката щуката мэ…"

- Абуль фабуль дай мане, - повторили оба священную клятву, и Колесо фортуны медленно и неуклонно повлекло их к земле.

Плинтус просыпался раньше обычных людей, и первые два часа после пробуждения посвящал оздоровительной терапии, после которой в течение дня оставался бодрым и эффективным. Терапия включала ряд методик, почерпнутых из разных медицинских школ, и была подобрана самим Плинтусом, живущим на Земле уже третье тысячелетие и имеющим из чего выбирать.

Процедура начиналась с того, что лекарь, врачевавший еще Плиния Младшего, накладывал на лицо Плинтуса компресс из

верблюжьей мочи. Терпкая горячая влага впитывалась во все поры, придавая уже немолодому лицу нежно-розовый, дышащий вид. Препарат доставлялся в особняк Плинтуса прямо из Зоопарка, где проживал двугорбый верблюд по кличке Горби.

За физиологией верблюда наблюдали врачи из бывшего четвертого управления Минздрава, поддерживая в верблюжьей моче должное содержание сахара и белка.

Вслед за компрессом следовала процедура, заменявшая контрастный душ. Ею пользовались алеуты в период охоты на китов. Плинтус, абсолютно голый, ложился на клеенку, и его сначала обкладывали с ног до головы мороженой треской, и он почти впадал в анабиоз, покрытый инеем, среди зубатых, с оледенелыми глазами рыбин; потом треску убирали и обкладывали его горячей печенью, вырванной из молодых моржей. Плинтус оттаивал, бодро шевелил конечностями, вращал глазными яблоками среди дымящихся темно-алых лепестков моржовой плоти. И многие, с кем он встречался в течение дня, гадали, почему от него слегка попахивает рыбьим жиром и ливерной колбасой.

Затем следовала очень тонкая процедура, позаимствованная у вологодских пастухов в ту пору, когда они еще были язычниками. Приготовлялся целебный настой из травки-подорожника, и из него делалась оздоровительная клизма. Плинтус ложился на живот. Служитель подымал над ним объемистый стеклянный сосуд, глядя, как медленно уменьшается содержимое, стекая по прозрачной трубке в отверстие между ягодиц Плинтуса. Когда травка-подорожник производила в кишечнике свое целящее действие, Плинтус переворачивался на бок, поджимал колени к груди, возвращая обратно в сосуд настой из лекарственного растения, который тут же шел на ополаскивание горла и полости рта. Это позволяло в течение дня принимать участие в нескольких банкетах и произносить множество тостов и здравиц, в которых было куртуазное, политологическое и религиозное содержание. Дыхание его, освеженное травкой-подорожником, напоминало запах русских обочин.

Проделав все это, он отказывался от услуг лекаря, сам брал в руки масленку с тонким и длинным клювиком и впрыскивал себе в коленный сустав несколько капель масла, добытого у африканского

носорога. Шарнир из нержавеющей стали, вживленный в мениск, покрывался нежной масляной пленкой и при ходьбе почти не скрипел.

На этом завершалась физическая часть терапии, за которой следовала духовно-психологическая. Она была позаимствована из древних ведических культов и сводилась к тому, что Плинтус усаживался на молитвенный коврик в "позе лотоса" и произносил две тысячи раз слово "блин". После тысячного произнесения, когда терялось различие между "блин" и "нбли", Плинтус выходил в астрал, сливался с ноосферой, где приобщался к наследию общечеловеческой мысли, паря среди великих культур, философских и религиозных школ, впитывая тексты, которые накатывались на него как волны, будь то "Махабхарата", "Майн кампф" или бессмертное "С рассвета до заката", написанное начальником преторианской гвардии Первого Президента России.

Вернувшись из астрала в свою бодрую, помолодевшую плоть, он не нуждался в обильном завтраке: похрустев и почмокав зажаренным шмелем, отправлялся в свой огромный рабочий кабинет, напоминавший Кельнский собор, усаживался за тяжелый стол, зажигал настольную лампу с зеленым абажуром, светившую когда-то в кабинете Сталина, и начинал прием посетителей.

В это утро он ждал предводителя "Красных ватаг". Предводитель считал себя носителем красной революционной традиции, и кто, как не Плинтус, современник всех советских вождей, друг революционерки Коллонтай, родной дядя подпольщицы Землячки, "бель ами" Инессы Арманд, сосед по общежитию Зары Долухановой, соратник по партии Екатерины Фурцевой, тайный советник Раисы Максимовны, компаньон Наины Иосифовны по игре в покер, мог передать молодому революционеру "красные заповеди", посеять семена "красного смысла". Поэтому, когда слуга с несколько испуганным лицом доложил: "Они прибыли-с…", - Плинтус приосанился за столом, начал выводить ручкой "Паркер" слово "зоб", делая вид, что углублен в писание книги.

За дверью раздались шаги. Плинтус изобразил на лице высшую степень благожелательности. Вошел Предводитель. Плинтус едва успел разглядеть белокурые локоны, яркие голубые глаза, кобуру пистолета "Стечкин" на широченных галифе, как в лицо ему полетел кремовый торт, залепил глаза, ноздри, рот. И пока Плинтус, как жук,

попавший в клейкую коровью лепешку, шевелил конечностями, прочищал отверстия для дыхания и слуха, Предводитель привычным движением приковал себя к тяжелому креслу, удобно уселся, холодно наблюдая за самоочищением Плинтуса.

Когда тот обрел некоторую возможность видеть и говорить, Предводитель произнес:

- Вы меня звали, я пришел…

- Очень хорошо… Не желаете кофе? - костяным ножом для резки бумаги Плинтус снимал с бровей хлопья сладкого крема.

- Да, кофе… Если можно, с тортом… - согласился Предводитель. - Я весь внимание…

- Видите ли, я уже далеко не молод, - начал Плинтус, вытирая костяной нож о край стола. - Никто из нас не вечен, и рано или поздно мне придется сомкнуть глаза…

- Я слышал, некоторые виды жаб живут три тысячи лет, - сказал Предводитель.

- Но и они умирают, - вздохнул Плинтус, прощая злому юноше его иронию. - Сейчас я озабочен только одним - кому передать сокровище, сохраненное мною в эти жуткие десятилетия, кого сделать наследником "красного смысла", зерна которого сберегались в продолжение всего двадцатого столетия, ибо минувший век был веком борьбы за обладание горсткой драгоценных зерен… Вот они, - Плинтус окончательно соскреб с себя крем, приготовленный на фабрике "Красный Октябрь", и указал на деревянный штатив с небольшой стеклянной пробиркой, где покоилась щепотка пшеничных зерен с необычным красным оттенком. - Эти семена либо погибнут вместе со мной, если я не найду человека, кто как сеятель разбросает их по земле, всколосит урожай новой Мировой революции, либо сохранятся, попав в достойные руки нового Ленина, который засеет ниву всемирной истории зернами "красного смысла". Я долго искал преемника и остановился на вас…

Предводитель отковал себя. Спрятал наручники. Внимательно посмотрел на пробирку:

- Если можно, подробнее…

- Видите ли, об этом мало пишут историки, но еще весной двадцать третьего года Ленин, находясь на лечении в Горках, чувствуя необратимость болезни, недалеко от своей усадьбы, на делянке

крестьянина Иллариона Михайлова, посеял пшеничное зернышко, содержащее всю полноту "красного смысла". Это зерно он получил в наследство от Карла Маркса, а тот, через свои связи во Франции, от Сен-Симона, откуда оно попало к Сен-Симону, остается только гадать. Не исключено, что его путь ведет к Томасу Мору, к восставшим рабам Рима, к иерусалимским зелотам и к негроидным племенам Северной Африки, чья цивилизация была разрушена наступлением Сахары. Одним словом, посеянное Лениным зернышко дало колосок, за которым бережно, в течение лета, ухаживала Надежда Константиновна, пропалывала, вырывала васильки, тщательно скрывала колосок от приезжавших в Горки членов Политбюро и ВЦИК. Когда пришла осень, Надежда Константиновна срезала колосок, обмолотила его, хорошенько провеяла и добытое таким образом зерно ссыпала в полотняный мешочек. Владимир Ильич в своем политическом завещании в последнем абзаце наказывал раздать по зерну каждому из своих заслуженных соратников, дабы "красный смысл" не стал достоянием кого-нибудь единственного и распределился равномерно среди всей когорты борцов, за исключением Радека, для кого зерна не нашлось. Сталин перехватил завещание, исключил из него последний абзац и завладел драгоценным мешочком сразу же после погребения Ленина… Внутрипартийная борьба в послеленинский период была борьбой за овладение ленинским наследием, схваткой за урожай, полученный из красного пшеничного зернышка, погоней за горсткой пшеницы, содержащей драгоценный "красный смысл". Троцкий, войдя в заговор с Бухариным, Зиновьевым, Рыковым, пытался отобрать у Сталина мешочек с зерном. Бухаринский взгляд на крестьянство, его попытка воспрепятствовать сталинским планам коллективизации объяснялись нежеланием распылять ленинское наследие по колхозам, которые, не обладая соответствующей агротехникой, могли загубить элитное зерно. Все эти наспех созданные артели - "Колхоз Ильича", "Красный колос", "Красная нива", по мнению Бухарина, были не способны воспроизводить "красный смысл". Троцкий, ратуя за Мировую революцию, хотел полученное Лениным зерно посеять на полях Европы и Америки, обладающих высокой агрокультурой. Сталин же готовил нивы исключительно на Украине и в Средней России, уповая на "русский путь". Он хранил заветный мешочек у себя на груди, не

расставался с ним даже ночью, пресекая всякие попытки похищения, чем и объясняется смерть вероломной Аллилуевой. Вы знаете, чем кончилась внутрипартийная борьба. Враги Сталина были уничтожены, быть может, и поделом… Жаль только Радека, кому по завещанию не полагалось зерна и кто, выходит, просто попал под колесо истории…

Зоб Плинтуса увеличивался, достигал огромной, небывалой величины, до неба, как фасад Московского университета, на который великий кудесник Жарр проецировал лазером цветные абстракции, сменявшие одна другую, словно зрелища космических восходов и закатов. Малиново-зеленые зори, алые протуберанцы, голубые и синие облака сопровождались космической музыкой, будто кто-то двигал огромным смычком по небесным струнам, и каждая издавала рокоты и певучие стоны. Предводитель был заворожен этими звуками, и Плинтус, произносивший свои сентенции, казался оперным певцом, исполнявшим арию.

- В этом свете абсолютно новое звучание получает война Гитлера с Советским Союзом. Это был арийский поход за овладение "красным ферментом", "красным снопом", как его называли в германском Генштабе, или "красной бородой", откуда и название - "Барбаросса". Национал-социализм к сорок первому году уже обладал "коричневым ферментом", небольшим запасом зерна, добытым экспедициями Ананербе в пустыне Гоби и в отдаленных районах Тибета. Драгоценные горстки тибетской, "коричневой" пшеницы хранились в "Вольфшанце", и идея Гитлера, которую он отстаивал в борьбе с еврейскими банкирами, состояла в скрещивании "красного" и "коричневого" сортов, в создании "красно-коричневого" сорта, где оба "смысла" сливались в абсолютное космическое единство, гарантирующее физическое бессмертие. Сталин, спасая зерно от наступающих на Москву армий группы "Центр", перевез мешочек на Волгу. Этим и объясняется изменение стратегии Гитлера, когда он вдруг оставляет наступление на Москву и всю мощь своих армий кидает через Сальские степи на Сталинград. Битва на Волге была сражением за пару десятков красных пшеничных зерен из ленинского колоска. Паулюс проиграл битву за урожай. Русские ратники, сражавшиеся на Волге, были хлеборобами "красной пшеницы", защитниками незамутненной чистоты "красного смысла". Гитлеровский гибрид не состоялся. В бункере Имперской канцелярии в

мае сорок пятого он сам, Ева Браун и их овчарка проглотили отравленное "коричневое зерно". Умерли во плоти, чтобы в образе арийских богов жить вечно в Валгалле среди зеленых прохладных нив арийской пшеницы…

Предводитель, как в гипнотическом сне, смотрел на зоб Плинтуса. На нем возникали знаки, символы, буквы неведомого алфавита.

- Попытку скрестить "тибетскую коричневую" с "подмосковной красной" предпринял генетик Вавилов. Он обладал удивительной коллекцией злаков, включавшей в себя и таинственный тибетский сорт "браун", что впоследствии дало повод следователям заподозрить академика в тайной любви к невесте Гитлера. Обманом добыв у Сталина, доверявшему ему как сыну, заветный мешочек, он засеял клумбу у себя на даче. Но сначала засуха, а потом и град уничтожили всходы, за что разгневанный Сталин жестоко покарал нерадивого генетика. У Сталина сохранилось одно зерно, которое он передал академику Лысенко, и тот, верный докучаевец, наследник Мичурина, вывел сорт "ветвистой пшеницы", мгновенно, во всей полноте восстановившей "красный сорт". Смерть Сталина, тщетная попытка Берии завладеть кисетом с "красными зернами", победа Хрущева, который сам вырвал из хладеющих рук застреленного Лаврентия Павловича кисет с зерном, затеянная Хрущевым травля Лысенко, который преждевременно умер, не сохранив своей лаборатории, авантюра Целины, перечеркивающая проект священной посевной от Урала до Карпат, почти полный отказ Хрущева от зерновых, когда страна перешла на аризонскую кукурузу, - все это должно было покончить с "красным смыслом", затоптать драгоценные зерна в пыль истории. Ревизионист Хрущев, побывав в Америке, быть может, и не догадывался, что привезенный им в СССР "кукурузный проект" и был планом Даллеса по уничтожению коммунистической сверхдержавы…

Зоб переливался как голографическая картинка, меняя перламутровый цвет при малейшем дрожании зрачков.

- Меня часто называют членом кружка Андропова… И это так… Юрий Владимирович приблизил меня к себе… Я наблюдал драму большого политика, тайного сталиниста, изо всех сил старавшегося сохранить пробирку с последними семью зернышками "красной пшеницы", которую он как глава КГБ, а потом и Генеральный секретарь, хранил в тайном укрытии, на одном из ядерных полигонов.

Он поведал мне, как мучают его врачи, как пытают его, стараясь выведать место хранения зерен. "Я никогда не открою им тайну зернохранилища", - говорил он, когда мучители были готовы отключить ему искусственную почку. Они сделали это, но он, уже посиневшими губами, шепотом назвал мне место на Новой Земле, где хранится "ленинский урожай". Если бы вы знали, как молодой секретарь ЦК Горбачев, специально назначенный куратором сельского хозяйства, рыскал по всем элеваторам, хлебным токам, хранилищам семенного фонда, отыскивая эту драгоценную пробирочку! Перестройка была затеяна им как поиск этой "красной пшеницы"! Летом девяносто первого года с членами будущего ГКЧП и писателем Прохановым я отправился на Новую Землю и тайно от своих спутников взял из урочного места пробирку с зернами. В августе, когда по Москве шли танки, мне удалось ускользнуть от ельцинистов с драгоценной пробиркой, бросив на заклание ГКЧП. И пусть наивный Гайдар, занимаясь проблемой "красной ртути", утверждал, что пробирки с красным порошком - это истертые в муку зерна "красного смысла"… Пробирка, которую вы видите у меня на столе, это и есть подлинный неприкосновенный запас. В каждом зерне таится "красный смысл", теплится искра Революции, крохотной генетической спиралью свернулся ген коммунизма…

Плинтус умолк, а Предводитель, опьяненный переливами зоба, все еще раскачивался в кресле, и его голубые глаза с появившимися в них потусторонними золотыми искрами, смотрели далеко, в бесконечность…

- Теперь вы верите мне? Верите, что я ваш друг? - спросил Плинтус, пряча под рубашку свой зоб, как если бы прятал на груди маленького, раскрашенного акварелью бегемота.

- Да, - завороженно ответил Предводитель.

- Тогда приступим к обряду восприятия "красного смысла"…

Плинтус вытряхнул на ладонь из пробирки одно-единственное красноватое зернышко; положил на камень яшмы с небольшим углублением; яшмовым пестиком растер пшеничное семя в мелкую розоватую пудру, как если бы его перемололи жернова; извлек металлическую, величиной с наперсток, капсулу и ссыпал туда муку; пипеткой накапал в наперсток воду, где уже содержались дрожжи; палочкой, напоминавшей спичку, тщательно перемешал содержимое

наперстка, превращая его в тесто, которое тут же, под воздействием дрожжевых молекул, начало всходить, взбухать над краями наперстка. Плинтус продолжал месить, творя заговор, в котором Предводителю чудились отрывки из сочинений Фурье, фрагменты второго тома "Капитала", несколько фраз из "Апрельских тезисов" и завершающая часть "Морального кодекса строителя коммунизма".

Когда тесто подошло, напоминало упругий красноватый колобок, Плинтус достал из ящика спиртовку, укрепил над ней металлическую пластинку, напоминавшую противень, смазал ее сливочным маслом, используя для этого колонковую кисточку, уложил на пластину тестяной колобок и зажег спиртовку. В воздухе запахло пекарней. Крохотный каравай покрывался румяной корочкой. Колонковая кисточка смазывала его маслом, и он начинал блестеть, словно покрытый лаком. Через несколько минут хлеб был испечен.

- Теперь, друг мой, совершим обряд преломления хлеба, - Плинтус хорошо отшлифованным ногтем раздвоил каравай, протянул Предводителю половинку, чудесно источавшую пшеничный дух. - Мы съедим каждый свою половину и станем как братья, - он положил хлебец в рот, приглашая сделать то же Предводителя. С минуту они жевали, проглатывая вкусный хлебный мякиш. - Теперь в нас обоих присутствует "красный смысл"… Нас питает хлеб Революции… Верен ли ты ее заветам, товарищ?

- Верен, товарищ, - как сомнамбула ответил Предводитель.

- Готов ли ты вместе со мной содействовать победе Мировой Революции, товарищ?

- Да, товарищ…

- Тогда слушай… Соберешь революционеров из "Красных ватаг"… Вы атакуете здание бывшего Статистического управления, где сводятся воедино данные о рейтинге Президента и хранится секретный рейтингомер, показывающий истинные, а не мнимые цифры… Вы добудете этот прибор и обнародуете ничтожно-малый процент народной поддержки… И тогда олигархический преступный режим пошатнется… Ты готов на это, товарищ?

- Готов…

Они обнялись. На глазах Плинтуса блеснули слезы. Он передал Предводителю пробирку с драгоценными зернами. Тот принял дар,

порывисто вышел, развевая белые кудри. Пустая кобура "Стечкина" эффектно колотилась у него на бедре.

Покуда длился разговор в готическом кабинете Плинтуса, все это время в пустынном зале картинной галереи, что у Крымского моста, перед картиной Малевича "Черный квадрат" стоял Модельер. Обостренно вслушивался в звуки, доносившиеся из черного квадратного зева, напоминавшего старомодный репродуктор. Стократ усиленная магическими и электронными системами, смешиваясь с потрескиванием эфира и упругим хрустом холста, воспроизводилась беседа Плинтуса и Предводителя. "Квадрат", задуманный создателем как чувствилище, реагирующее на протестные настроения людей, захватывающее в свою сумеречную глубину людские несогласия, социальное раздражение, политическую оппозиционность, использовался Модельером как разведывательное устройство высокой эффективности, выявлял опасные для власти зоны сопротивления, после чего спецслужба "Блюдущие вместе" внедрялась в очаг протеста, нейтрализуя его.

Вначале Модельер использовал картину известного авангардиста в "режиме подслушивания", наблюдая, как пульсирует глянцевая поверхность квадрата и сквозь мельчайшие трещинки краски исходит нежное алое свечение. Затем он перевел картину в "режим подглядывания". Черный, небрежно намалеванный квадрат превратился в экран, на котором возникли Плинтус и Предводитель, зеленоватые, в туманном свечении, какое бывает в приборах ночного видения или в аквариумах с редкими рыбами. Когда свидание двух заговорщиков завершилось, Модельер выключил "Квадрат", давая ему остыть, и удовлетворенно произнес: "Горе тому, кто соблазняет малых сих…"

"Квадрат" успокоился, по нему больше не пробегали конвульсии. Трещинки краски сомкнулись, погасив розовое воспаленное свечение. В зал галереи возвращалась смотрительница музея, на время удаленная личной охраной Модельера. Пора было покидать помещение. Модельер поклонился картине, перекрестился на нее как на икону, но почувствовал острую мигрень и, не завершив крестное знамение, вышел.

Центральное статистическое управление было необходимо плановому тоталитарному государству, которое считало тонны зерна и

стали, протяженность железнодорожных путей, рост продолжительности жизни. Теперь же, в свободной России, точного подсчета требовали только покойники, прибывающие в самый большой на земле крематорий, который и сам великолепно справлялся с этой нехитрой арифметикой. Незаконно вывозимые из страны миллиарды, армия проституток, полчища инфицированных СПИДом, сонмы ограбленных, изнасилованных и убитых, а также тьма сошедших с ума от просмотра передачи "Культурная революция" - вся эта математика напрочь отсутствовала, что и побудило, в конце концов, закрыть ЦСУ.

Теперь в этом изумительном доме размещалась служба подсчета президентского рейтинга - "Рейтинг-хаус" - так назывался центр. Он и стал объектом атаки революционных "Красных ватаг".

Операцией руководил Предводитель. Еще храня на губах теплый вкус пшеничного хлеба, легким мановением руки он послал в бой передовой отряд. Ловкие пацаны в черных кожанках с жестяными бляхами, пригибаясь, перебежали улицу и взмахом пращи направили в телекамеры наружного наблюдения маринованные томаты. Сочные сгустки залепили жижей глазки телекамер, ослепили охрану. Пока изумленные охранники протирали заплывшие мониторы, собирались звонить в аварийную службу, вторая волна атакующих, в основном легконогие девушки в кожаных юбках, похожие на амазонок, просочилась в холл и обезвредила охрану. Каждому нерасторопному охраннику залепили лицо тортом с отварным кремом, и когда кто-нибудь пытался кричать, ему в рот ложками насильно заталкивали сладкую гущу и он, давясь, умолкал.

Следующая волна революционного спецназа, опять же из девушек, мчалась по коридорам, сшибая заслоны, прорубая проходы, буквально исхлестывая охрану букетами красных гвоздик. Следом двигались неторопливые юноши, нахлобучивая на головы оглушенных противников лохани сдобного теста. Другие из леек поливали поверженных краской. Операцией руководил известный революционный художник, покрасивший подошвы памятника Петру Первому работы скульптора Свиристели в цыплячий цвет, выше подошв было не дотянуться, да и то художнику потребовалась стремянка.

Наконец вал атакующих ворвался в центральный зал, размещенный в цилиндрической части здания, где проходил "круглый стол" политологов на тему: "Использование криля и рыбьей муки в выборных технологиях". Почти в полном составе заседала группа, перекочевавшая из "Шурикен-хауса".

То были: аналитики, социальные инженеры, прогнозисты и Глеб Павловский; серые мыши, черные кроты, гримеры и Караганов; выщипыватели волосков, мозольные операторы, вязальщики петель и Никонов; лудильщики, шорники, блестящие жучки, тихие паучки и Марков; слепые музыканты, глухие меломаны, творцы иллюзий и Леонтьев; создатели мифов, охотники за тараканами, охотники за блохами и Кургинян; сами блохи, удобно поселившиеся в мягких креслах, и Мигранян; рачки, плавающие задом в графинах с туалетной водой, и Гельман; специалисты по исламу, специалисты по иудаизму, специалисты по Евразии и Дугин; специалисты по политкорректности и Шевцова; специалисты по запорам и Цыпко; специалисты по проведению политических и кишечно-полостных операций и Сатаров; знатоки русской и советской истории, возглавляемые Радзиховским, который так заработался, что упал носом в столярный клей и заснул.

Появление "Красных ватаг" оказалось для собравшихся полной неожиданностью, ибо политологи числили их среди распавшихся, несуществующих организаций.

В зал вошел Предводитель, осматривая пленных. Соратники по борьбе не знали, как поступить с захваченными.

Предводитель расстегнул кобуру, извлек мобильник и позвонил:

- Мы взяли здание, товарищ… Ищем ковчег… Много пленных… Что с ними делать, товарищ?.. Вас понял, до связи…

Незадачливые участники "круглого стола" умоляюще взирали.

- Действуйте по схеме "А", - сказал Предводитель и в сопровождении ударной группы ринулся в соседнее помещение. Оставшиеся революционеры, недовольно, иные с ворчанием, извлекали из сумок кремовые торты, лепили к лицам политологов, наблюдая, как в белом месиве раскрываются липкие, жадно дышащие дыры.

Радзиховский проснулся, отлепил нос от лужы столярного клея, и кто-то из революционеров метнул ему в лицо лопату сбитых сливок. Пленные мычали, выковыривали из ушей и ноздрей сладкий крем, а их

поливали из леек бронзовой краской. Золоченые, с белыми шапками крема, они напоминали фонтан "Дружба народов", с фигурами, на головы которых нападал снег.

В соседнем помещении Предводитель нашел, наконец, прибор, содержащий сокровенную информацию. На постаменте, напоминавшем алтарь, находился маленький золотой саркофаг с головой медведя. Когда крышка его распахнулась, в нем оказалась титановая капсула с головой утки. Когда отвернули утиную голову, увидели деревянное хохломское яйцо. Предводитель извлек его на свет, любуясь яркими цветами и листьями, разомкнул обе составляющие яйцо половины. Там трепетала стеклянная колбочка с электронным числом "108", показывающим истинный уровень народной поддержки. Из яйца пахнуло духами "Шанель № 6", и Предводитель увидел записку. На розовой бумаге, каллиграфическим и слегка кокетливым почерком, было написано по-французски: "Товарищи революционеры, хер вам!" - и подпись: "Сен-Симон".

Предводитель был в бешенстве:

- Немедленно покинуть помещение!.. Среди нас провокатор!..

Ревели на улице милицейские сирены, выскакивал из автобусов зачехленный в кожу и шлемы ОМОН. "Красные ватаги" покидали здание, выбирались из него подземными коммуникациями, оставляли фасад с пришпиленными красными флагами. Предводитель булькал в канализационной трубе по пояс в зловонной жиже, повторяя: "Предателей под ревтрибунал!.."

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Мэр начинал свой день на тусклом осеннем рассвете, когда в латунное небо над черными крышами взлетели миллионы ворон. Укутав голое тело в махровый халат, прямо из спальни он прошел в бассейн, где холодильные установки превратили водяную поверхность в лед. Прямоугольная прорубь мягко дымилась. Ухая и пыхтя, Мэр окунул мясистое желтоватое тело в прорубь, плавал, блестя голым черепом, пуская фонтаны воды, надгрызая зубами ледяные края. Когда прорубь увеличилась вдвое, он вышел из воды, и подоспевший слуга-кореец начал растирать его мохнатым полотенцем, покуда на его теле не проступили алые иероглифы - изображения крокодила, змеи и женщины с отрубленными руками. Он принял от услужливого азиата стакан горячего чая, выпил темно-золотой душистый отвар.

Вернувшись в резиденцию, он принимал посетителей, среди которых интереснее прочих был для него финансовый директор. Он положил перед Мэром листик папиросной бумаги, где аккуратными строчками значились личные доходы Мэра, полученные за истекшие сутки с вещевых и продовольственных рынков, с торговых точек и автомобильных стоянок, с таможни и казино, от торговли проститутками, наркотиками и человеческими органами. Отдельно указывались суммы, поступившие от солнцевской, люблинской и ореховской группировок, от чеченской, азербайджанской и грузинской мафий, от строительных организаций, телефонных узлов, водоканала, распространителей детской порнографии. Общая сумма приближалась к стоимости палубного авианосца, и у Мэра, шефствующего над Севастополем и Черноморским флотом, мысль о мощном авианесущем корабле вызвала удовлетворение.

Еще полчаса он посвятил беседе с главным церемониймейстером города, обсуждая предстоящий праздник в честь святого Игнация Лойолы. Предполагалось облачить москвичей в сутаны монахов-иезуитов, устроить на площадях и в парках столицы массовое сожжение еретиков, напялив на них белые балахоны и колпаки "сан бенито", с изображениями чертей и ведьм.

- Линь Бяо, - обратился он к церемониймейстеру, который был китайцем, - твоя главная задача - провести Московскую корриду. Будь любезен, позаботься, чтобы у андалузских быков было вдоволь клеверного сена, а наш гость тореадор Эскамильо не страдал от отсутствия русских девушек.

- Он не испытывает интереса к русским девушкам, - с низким поклоном отвечал Линь Бяо, запахивая шелковый халат с драконом, - он познакомился с Министром труда и безработицы Коченком, и их видели целующимися в гей-клубе "Аллигатор". Их поцелуи не были воздушными…

- И что это, по-твоему, значит?.. Только то, что министр Коченок - женщина!..

Мэр прервал рутинный прием посетителей и приказал слуге-корейцу позвать Фюрера, лидера скинхедов, ожидавшего приглашения в отдельной приемной.

Дверь распахнулась, и вошел Фюрер, голый по пояс, с белым холеным телом раскормленной сластями женщины. Полную грудь его пересекала портупея, на которой красовался партийный значок - крохотная черная свастика, помещенная в алое каплевидное сердце, с надписью "Слава России!". Голову украшала каска Бундесвера с рожками.

- Я пришел выразить волю оскорбленной нации! Попранная в своих исконных правах, отданная на растерзание алчным еврейским банкирам и беспощадным кавказцам, нация прибегает к последнему, освященному богами праву, - к восстанию! Вы отказали нам в законном праве проведения партийного съезда, и получите игру свободных сил на улицах и площадях! Вы надругались над нашими святынями, отдав рынки азербайджанцам, гостиницы чеченцам, а водочную торговлю дагестанцам, и в ответ получите тотальную войну! Мы уже брали мэрию в девяносто третьем году, и кровь наших воинов на ваших руках! Миф о национальном вожде, который вам казался неопасным, подвергался жестоким насмешкам и поношениям, обрел в моем лице стальную волю и божественное воплощение! Мы делаем вас главным виновником русского горя, которое сливается с немецким несчастьем! Две великих идеи, русская и германская, нуждаясь в возрождении, выбрали меня, в ком дышат почва и кровь. Я - Перун и Один, "дранг нах остен" и "шпринг нах вест". Нам известно, что вы

женаты на бухарской еврейке, ваши дети имеют израильское гражданство, вы вкладываете деньги в израильскую атомную программу, и ваша настоящая фамилия - Кац, как бы вы ни пытались произвести ее от слова "кацап"!

Фюрер взирал на Мэра, словно раздумывал, как бы ловчее затолкнуть его в газовую камеру… По его лицу разливался румянец гнева, и он был похож на древнего русича и на штандартенфюрера СС.

- Понимаю ваше возмущение, - тихим, проникновенным голосом ответил Мэр. - Не отвожу от себя вашего гнева… Готов платить по всем счетам… Но прежде чем я добровольно отдам себя в ваши руки, хочу показать вам эмблему, которую держу при себе днем и ночью… - Мэр распахнул борт пиджака, и на подтяжке обнаружился партийный значок, тот же, что и у Фюрера на кожаном ремне портупеи, - крохотная черная свастика, помещенная в алое сердце, с золотистой надписью "Слава России!".

- Что это? - воскликнул Фюрер, и на лице его изобразилось волнение, подобное тому, что испытал Гитлер, узнав об открытии Второго фронта. - Как прикажете это понять?

- Очень просто, - ответил Мэр, - я рядовой член партии, состою в черкизовском отделении, значусь под фамилией Акациев, кратко - Кац, нигде не афиширую свое членство, но с моей негласной деятельностью связан ряд процессов в партии, которые даже вам могут показаться счастливым стечением обстоятельств…

- Что вы имеете в виду? Какие процессы в партии? Какая негласная деятельность?

- Прежде всего вернемся к октябрьским событиям девяносто третьего года, о которых вы вскользь упомянули… Ведь это я, в обход жестокосердного Лужкова, распорядился нагреть воду в водометных машинах до комнатной температуры, что избавило демонстрантов от воспаления легких… Я распорядился заменить стальную колючую проволоку пластмассовой, что позволило демонстрантам преодолеть "спираль Бруно", окружавшую мэрию… Это я посылал в осажденный Дом Советов бутерброды с икрой для Руцкова и гигиенические принадлежности для Светланы Горячевой… Я лично, переодетый в кожанку диггера, выводил вас и ваших товарищей из горящего Белого дома по тайному подземному туннелю… Это я прокурора Казанника,

который лечился у моего знакомого логопеда, убедил подписать амнистию узникам "Лефортово", что обеспечило им свободу…

- Как? - Фюрер был изумлен, словно ему сообщили о появлении русских танков в районе Тиргартена. - Так это вы были в куртке диггера и дали мне карманный фонарик? Значит, вам я обязан жизнью?

- Мы все один другому обязаны жизнью, - скромно заметил Мэр. - Мы, русские, должны помогать друг другу, как это делают кавказцы или евреи. Те немалые суммы, которые вдруг появлялись на счетах партии и о происхождении которых вы только гадали, - их перечислял тоже я…

Фюрер шагнул к Мэру, обнял его, и тот почувствовал запах моря, исходящий от влажной бороды.

- Забудьте все злые слова, которые я только что произнес в ваш адрес, - промолвил Фюрер, выпуская Мэра из объятий. - Располагайте мной. Что я должен сделать для вас?

- Вам предстоит совершить деяние! Но не раньше, чем мы побываем в "Аквапарке"…

С этими словами Мэр взял Фюрера за руку и повел сквозь стену кабинета по просторной аллее туда, где раздавался шум и плеск воды.

- Видите ли, я долго размышлял над тем, что является "русской идеей", - Мэр вел своего спутника среди восхитительного ландшафта, где повсюду, куда ни обращался взгляд, была вода: извергалась в виде фонтанов, ниспадала шумными водопадами, бурлила в холодных и горячих гейзерах, струилась ручьями, блестела близкими и дальними озерами, выпадала дождями, сливалась в далекое необъятное сияние мирового океана. - Я задавал себе вопрос, что лежит в основе русской истории и русского исторического творчества… Может быть, монархия? Или православие? Или великое пространство? Или великая мечта о бессмертии? Нет! "Русская идея" - это идея воды. Той всемирной воды, из которой возникли континенты, которая составляет основу живой материи, пребывает в нас и вокруг нас. Недаром эра Водолея, которая уже наступила, - это эра России! В России текут самые великие реки, находятся самые великие озера! Россия первенствует в мире по запасам пресной воды! Мистика русской природы, волшебство русской души - это мистика и волшебство воды…

Они проходили мимо великолепных фонтанов. Шумные, бурлящие струи взлетали в небо, кипели на воздухе стеклянными бурунами, рушились в водоемы, окутанные радужной пылью, распадались на пышные косы, рассыпались на летучие брызги, били из мраморных чаш, из гранитных сосудов, из раскрытых ртов, ноздрей и ушей диковинных скульптур, напоминавших обитателей заводей и омутов.

- Прошу вас, - приглашал Мэр, проводя гостя сквозь прохладную водяную пыль и душистую свежесть, - отведайте воды, приобщитесь "русской идее"…

Фюрер осторожно почерпнул из бассейна, пригубил. Вода была ароматной, дивно холодной, волшебно сладкой. Он выпил еще. Голова у него закружилась, словно с водой проникла в него родная русская сила, заповедная мощь, и он наливался великими знаниями, таинственными искусствами, чудными голосами забытых предков и сокровенных богов.

- Водяной - самый значительный русский бог, значительней Нептуна и Посейдона. - Мэр подвел Фюрера к бронзовой величавой фигуре, голой по пояс, с косматой, рассыпанной по груди бородой, с перламутровой раковиной на голове, откуда извергалась вода. И Фюрер, опьяневший от волшебной влаги, узнал себя. Душа, орошенная живой водой из чудодейственных фонтанов, вспомнила своего истинного пращура, после долгих скитаний вернулась на Родину.

- Водяной - это бог русских рек, на которых создавалась Россия, - продолжал Мэр. - По рекам, с севера на юг, "из варяг в греки", продвигалась русская государственная идея… По рекам, с юга на север, вместе с Андреем Первозванным, продвигалось русское православие, сохранившее под восточными, еврейскими ризами водяных славянских богов, что блестяще доказал великий художник и теоретик Илья Глазунов… Рыба - этот символ первохристиан, глубоко понятен русским, народу рыбарей… Мечтой о великой воде был исполнен Петр Первый, затевая строительство флота… Той же мечтой был одержим адмирал Горшков, создавая океаническую советскую цивилизацию… Моя поддержка Севастополя и Черноморского флота - это инстинкт воды, русская религия Водяного…

Теперь они шли горами, с которых низвергались водопады, падали оземь гремящей мощью, расщеплялись по склонам на белые волокна, долбили мокрый блестящий камень, оглушали неумолчным ревом, ослепляли огненными солнечными спектрами…

Фюрер жадно вдыхал влажный воздух, подставлял под потоки раскрытые ладони, на которых начинали танцевать серебряные водяные танцовщицы, пил с ладоней, хватал губами пролетавшие брызги; не удержался, встал под водопад, который охватил его своим шумом, блеском, дымными радугами, был похож на Водяного со слипшейся бородой, в которой ожили жуки-плавунцы, личинки стрекоз, головастики. Стальная немецкая каска, избитая осколками русских мин, казалась великолепной перламутровой раковиной, источавшей свет и сверкание. И крохотный осьминог оседлал ее, подымая чуткие щупальца, напоминал пучок волос на голове князя Святослава.

- Каналы, которые рыл Сталин, делают сталинскую империю суши империей воды! Канал "Москва-Волга", Беломорско-Балтийский канал, "Волга-Дон", Великий туркменский канал - это лишь первый чертеж грандиозной системы каналов, которые, по замыслу Сталина, должны были связать Европу и Азию в грандиозную империю рек! Переброска Сибирских вод в Среднюю Азию, переброска Северной Двины и Мезени в Волгу, а также малоизвестный сталинский замысел, по которому Волга соединяется подземным каналом с Рейном, а последний - с Сеной и Тибром, делают Сталина великим евразийцем, объединяющим русский дух с германским гением, средиземноморские культуры с культами славян и арийцев… Что могут противопоставить нам атлантисты? Отделенные от мировой воды, богопокинутые, они останутся чахнуть на берегах иссыхающих Амазонки и Миссисипи, прозябать на заболоченных берегах Темзы… Мы же продолжим создавать планетарную систему рек, которая трансазиатскими каналами соединит Амур и Уссури, Янцзы и Хуанхе, Ганг и Инд! Есть сведения, что перед смертью Сталин приказал разработать проект гигантских водоводов, соединяющих Обь, Енисей и Лену с Нигером, Нилом и Лимпопо… Именно поэтому, постигнув глубинную суть "русской идеи", ее связь с "германской идеей", я создал проект переброски волжской и рейнской воды на Луну, в Море Дождей, а оттуда на Марс, соединять сеть иссохших марсианских каналов с

Беломорско-Балтийским и Волга-Доном… Я хочу, чтобы в твоем лице, о Фюрер, сочетались навеки германский и русский гений, потоки Рейна и Волги, немецкая женственность Лорелеи и русское мужество Евпатия Коловрата! Взгляни на это…

Они стояли перед огромным аквариумом с хрустальной стеной. Дно аквариума было выстлано чудесным белым песком. Вверх тянулись нежные изумрудные водоросли, из которых, от избытка солнечного света, излетали серебряные вереницы пузырей. Мелькали сонмы рыбьих мальков. Проплыл величественный зеркальный карп. Вильнула зеленым хвостом белобрюхая щука. Пронеслась стая красноперой плотвы с огненно-золотыми глазами.

Из туманно-зеленых, пронизывающих воду лучей возникло белое диво: обнаженная женщина с полными руками, которыми она раздвигала пласты воды, отстраняла водоросли, приближалась к стене аквариума; ее прекрасное лицо, с нежными голубыми глазами, было окружено струящимися золотыми волосами, которые, словно шлейф, тянулись за ней; подплыла к хрустальной стене, встала, прижимая к стеклу округлый розоватый живот, пышные груди с розовыми сосками, чуть приплюснув их на гладкой прозрачной поверхности. Фюрер обомлел, озирая подводную деву, пленявшую его, призывавшую к себе в аквариум, в стихию вод. Ее негустой золотистый лобок, нежное углубление пупка, улыбающиеся румяные губы, прелестные, просвечивающие на солнце уши, за которыми слегка приоткрывались малиновые жабры, - все говорило о вечной женственности.

- Ее зовут Лорелея… Она является правнучкой Адольфа Гитлера и Евы Браун… Своей жизнью она обязана секретным пунктам договора Рибентропа - Молотова, оговаривающего глубинное родство немецкого и русского народов… Чтобы спасти ее от вездесущих агентов Мосада, пронюхавших об уцелевших потомках Гитлера, академику Амосову пришлось превратить ее в тритона и спрятать в пучине вод… Теперь она достигла совершеннолетия, и для нее пришла пора метать икру… Тебе же, арийскому мессии, должно оплодотворить эту икру! Ты наполнен русской водой и силой, проникнут "русской идеей"! Так пусть же соединятся два великих народа перед лицом семитской и негроидной опасности!..

Плавучая дева отступила назад, перехватывая под водой пук золотистых волос. Ее алые губы беззвучно позвали Фюрера: "Ком цу

мир, майн либер…" Она присела, обняв ногами струящиеся водоросли. Ее колени стали трепетать, содрогаться. На лице отразилась мука и наслаждение. Она гладила себе грудь, ласкала соски, и, по мере того как соскальзывала с травяных зеленых стеблей, становились видны лунные студенистые сгустки икры, прилепившиеся к водорослям. Их было много, они жемчужно светились. Дева в изнеможении, похожая на отнерестившуюся рыбу, повернулась обмелевшим животом вверх, бессильно опустилась на дно. Только слабо подрагивали ее колени, чуть открывались малиновые створки жабер.

- Ступай!.. Твой черед!.. - Мэр подтолкнул Фюрера к аквариуму, и тот послушно, повинуясь глубинному инстинкту воды, перешагнул хрустальную стену и упал в воду; нырнул, мощно распахивая руками прохладную толщу, бородатый, могучий как Водяной; долетел до дна, где лежала распростертая женщина; по привычке коснулся было перстами ее груди, бедер, нежного лобка, но властная, первобытная сила повернула его туда, где на стеблях травы лунно светилась икра. Испытывая небывалую сладость, невыразимую муку, не нуждаясь в женщине, любя не ее, а вселенскую женственность, мировую скорбь и романтическую мечту о всемирности, он оплодотворил икру, оросил ее своей горячей неистовой силой, волей к победе, верностью идеалам Евразии; видел, как замутилась вокруг вода; отплывал, утомленный, стремясь вынырнуть на поверхность аквариума; успел заметить, как соединилась икра с его молокой, набухала, вскипала. В ней начались созревание и рост.

Они вернулись в рабочий кабинет Мэра. Фюрер, опустошенный, блаженно-вялый, в предчувствии будущего отцовства, откинулся в кресле. С него стекала вода. В луже у ног шевелилась личинка стрекозы.

- Теперь, мой друг, когда ты познал женщину и с тобой можно говорить не как с отроком, а как с мужем, изволь выслушать мои просьбы, - обратился к нему Мэр. - От их исполнения зависит судьба нашей партии, судьба русско-германского союза, судьба Евразии! Узнав тебя ближе, теперь не сомневаюсь, что встречу понимание…

- Говорите, - тихо произнес Фюрер.

- Мы должны нанести удар по Модельеру, главному виновнику всех русских и немецких бед. Есть кадры, сделанные скрытой камерой, где он топчет нарисованную на асфальте свастику, а также кидает

мертвую мышь в деревенский колодец, желая отравить воду… И это не удивительно! Ведь его настоящее имя - Леви Блюменталь… Мы должны нанести удар по его режиму! Вырвать из его цепких лап Президента! Если угодно, об этом прошу не я, взывает сам Президент!

- Что нужно сделать?

- Ты мобилизуешь отряды своих штурмовиков. Они должны посеять в городе хаос и ужас, среди азербайджанцев, которые захватили все городские рынки и мучат москвичей непосильными ценами. Для этого один из рынков подвергнется вашему нападению. Я сниму наряды милиции, и никто из ваших не будет задержан. Это приведет к массовому бегству из Москвы кавказцев, и Москва станет вновь русским городом.

- Когда Ле Пен приезжал ко мне в гости, я водил его на Черемушкинский рынок. Он сказал: "Та же картина в Париже… Это трагедия белой расы…"

- Но это еще не все… Вы изготовите десятки плакатов с надписью "Смерть жидам!" и воткнете их в землю рядом с синагогами, в Останкине, перед зданием Правительства, у дома, где живет Сатанидзе, перед офисом общества "Мемориал"… Я же сделаю так, что на главном электронном табло, на Манежной площади, огромными сверкающими буквами загорится та же надпись, "Смерть жидам!". И тогда начнется массовый отлив евреев из Москвы в Израиль, что, впрочем, совпадает с целями сионистских организаций…

- Я сделаю это…

- Не сомневался, мой друг! Я же, в свою очередь, обещаю быть крестным отцом твоих детей, в каком бы количестве они ни вывелись… И каждому предоставлю отдельный аквариум…

Они расстались, выбросив навстречу друг другу руки, прокричав одновременно: "Слава Евразии!"

Этот воинственный крик вызвал тонкую улыбку Модельера, который выключил "Черный квадрат", давая ему остыть. До этого, следя за встречей двух своих врагов, он улыбнулся только раз, когда Мэр назвал имя Леви Блюменталь. Модельеру, выходцу из Пермской деревни Ловитва, была смешна уловка Мэра. Леви Блюменталь - так звали школьного товарища Мэра, который эмигрировал в Израиль и погиб от рук палестинского террориста. Больше Модельер не

улыбался. На его породистом красивом лице появилось мстительное выражение. Враги были обречены на истребление.

Атаку на рынок Фюрер организовал силами двух подразделений - немецкого батальона "Нахтигаль" и русского спецотряда "Добрыня Никитич". Оба сосредоточились в подворотнях окрестных домов, бритоголовые, истовые, не пользуясь средствами связи, работая в режиме молчания; взирали на куполообразное здание рынка, на подъезжавшие и отъезжавшие фуры, на копошение людей, сжимали кулаки, указывая большим пальцем к земле, что на языке древних римлян означало - "мочить". Фюрер сам пошел на разведку, нарядившись в армяк, стоптанные лапоточки, распушив патриархальную бороду, для пущего сходства перекинул через локоть лукошко с двумя подберезовиками.

Рынок, накрытый гулким сводом, с двумя входами, с бесчисленными прилавками, ровно гудел, испарял ароматные соки, источал благоухание, был наполнен пряной фруктовой мякотью, свежей, парной плотью. Фюрер острым взглядом полководца определял направление главного удара, пути отхода, основной объект атаки. Его не интересовали боковые, сдвинутые к периферии прилавки, где жались подмосковные бабульки над грудами огурцов, мешками картошки, горками груздей и опят, а также рыбные ряды, где темнолицые, болтливые молдаванки продавали рыбу. В деревянных лоханях лежали серебряные семужьи тела, окруженные кристалликами льда, с отрезанными головами, с розовой мякотью, в которой нежно белела жемчужная сердцевина позвонка. Тут же стояли бочонки с черной и красной икрой, блюда с замороженными королевскими креветками, омары, лангусты, и от всего этого богатства исходил дух далеких океанов, экзотических побережий, длинных смоленых лодок с темнокожими гребцами.

Фюрер не обращал внимания на мясные ряды, где розовели нежные пласты мяса как лепестки диковинного цветка, лежало слоистое, под свиной кожей, сало, напоминавшее древнюю рукописную книгу, стояли в ряд отсеченные поросячьи головы с приоткрытыми окровавленными ртами и прикусанными языками. Среди мясных прилавков, у размоченной плахи, до половины пропитанной коричневым соком, стоял известный в Москве мясник Микита, опершись на огромный топор. Его маленькая аккуратная

голова резко расширялась к скулам и подбородку, которые, минуя шею, мощно расплывались в могучую шею и необъятное тулово. На голой груди золотилась толстая цепь с крестом, огромная лапища опиралась на мокрое топорище, рядом лежала отсеченная коровья голова с влажными страдальческими ноздрями, шерстяными ушами, фиолетовыми, слезными глазами, странно напоминая Марию Стюарт.

Взгляд Фюрера был устремлен на центральные, занимавшие почти весь рынок прилавки, где торговали черноглазые сыны Апшерона, горбоносые посланцы Гянджи, величественные, слегка ленивые, благожелательные азербайджанцы, устроившие на прилавках великолепные пирамиды, волшебные замки, поднебесные стены. Сложили их из смуглых золотистых персиков, алых яблок, медовых груш, черно-зеленых полосатых арбузов, луновидных дынь, косматых чешуйчатых ананасов. Все это горело на солнце, светилось внутренним таинственным светом, источало пьянящую сладость, головокружительные дурманы. Вид этих заморских негоциантов порождал у Фюрера ненависть. Сухенькая московская старушка интеллигентного вида долго выбирала один-два персика, выкладывая чуть не всю свою пенсию, желая побаловать своего хворого внучка. Старичок, по виду отставной профессор, робко приценивался то к груше, то к яблоку, желая украсить ими свой скудный стол в день серебряной свадьбы. Маленькая девочка тянулась к дыне, прося маму купить, но та, не имея денег, тянула дочку прочь от прилавка, и девочка горько плакала.

И на все это взирали влажные миндалевидные глаза азербайджанцев, какие рисуются на персидских миниатюрах. Тонкие смуглые пальцы протирали бархатной тряпочкой огромную грушу, и она светилась как золотая лампада. Маленький ножичек разрезал коричнево-алый персик с морщинистой косточкой, и влажные губы торговца открывались, впуская пропитанный нектаром плод. Золотые зубы вторгались в красную огненную сердцевину арбуза, и счастливец хлюпал, сосал, лобзал алую сердцевину, погружая в нее свои синие выбритые щеки, щуря от наслаждения фиолетовые глаза.

Опустив глаза долу, Фюрер прошел вдоль рядов, направляясь к противоположному выходу.

И какой-то курчавый весельчак, спрятавшийся за грудой дынь от карабахских армян, пошутил над ним:

- Русский дедка, кушай репку!.. На наш рай рот не разевай!..

Фюрер вернулся в подворотню, собрав командиров подразделений, сбросил дырявый армяк и лыковые лапти, облачился в камуфляж и железный шлем. Указывая на ненавистную цитадель маршальским жезлом, кратко промолвил: "Форвардс!" И послушные легионы кинулись в атаку… Бритоголовые, бледные от ненависти, блестя кожанками, сияя беспощадными голубыми глазами, ворвались в помещение рынка. Лавой, вытягиваясь вдоль прилавков, рассыпаясь в цепь, они, подобно стремительному потоку, огибали ряды с моргающими старушками и подмосковными дядьками; не задерживаясь, белея костяными, яйцеподобными головами, промчались мимо молдаванок с серебряными рыбинами; разящим ударом вонзились в азербайджанские прилавки; брызнули алым соком, хрустом, стоцветным взрывом, неистовым воплем; сметали с прилавков горы персиков; били кулаками в пирамиды яблок и груш; пинали зеленые арбузы, которые раскалывались алыми вспышками, разлетались ошметками мокрой материи; подобно игрокам в регби, хватали продолговатые дыни, метали их в стены; топтали бутсами темные виноградные гроздья, словно в давильне готовили молодое вино… Кругом хрустело и хлюпало, взметались фонтаны сока… Ошалело, выпучив черно-лиловые глаза, смотрели торговцы, иные бежали прочь, иные залезали под прилавок. Бритоголовый скинхед, весь из жил, желваков, белых костяшек, бил кулаком в смуглое пухлое лицо, вышибая из него красные брызги, еще и еще, с хлюпающим треском…

Из-за груды рассыпанных, пламенеющих сердцевиной арбузов выскочила молодая седовласая женщина с зелеными глазами. Кинулась на творящего возмездие скинхеда, вцепилась в его кожанку…

- Окстись!.. Ты же русский сын!.. Оглянись скорей!.. К нам идет Праведник!.. Пора встречать Русского Праведника!..

Легионер ошалело смотрел на женщину. Остановил в воздухе белый от напряжения кулак, плюнул, отстал от харкающего кровью торговца, побежал догонять товарищей, которые неслись вдоль рядов, исчезали в воротах рынка, оставляя побоище, политое соком, с раздавленным виноградом, разбитыми арбузами. И уже верещали милицейские свистки… Вылезали из-под прилавков гомонящие

кавказцы… Апшеронский торговец Рафик рыдал, взирая на утраченное богатство.

Нинель платком утирала ему слезы, приговаривая:

- Не плачь, Рафик… Идет Русский Праведник… Несет нам плоды неземные…

В то же время в различных местах города появились плакаты "Смерть жидам!". Никто не видел, как их приклеивали к стенам хасидской синагоги на Большой Бронной, к фасаду театра "Современник", к Соловецкому камню на Лубянке, к зданию телецентра в Останкине. У всех транспарантов почти одновременно появились операторы с камерами, вызванные неизвестными информаторами. Худой печальный раввин, не торопясь сорвать с фасада синагоги мерзкий плакат, рассказывал журналистам об утеснениях, которые терпят в России евреи, мягко требуя от Президента наказать русских последователей Гиммлера. Главный ведущий правительственного телеканала, ослепительный красавец Сатанидзе, вертел на экране огромной глазастой головой, от которой, как при солнечном затмении, во все стороны исходило черное сияние. Он страстно открывал неумолкающий рот, набитый до отказа острыми мокрыми зубами, и с яростью ветхозаветного проповедника клеймил фашистскую газету "Завтра", откуда изливаются в мир миазмы ненависти. Ему вторили лидеры СПС - маленький горбатый старичок в поношенном лапсердаке, с немытой шеей, с лейкопластырем на незаживающем фурункуле, и благообразная, в чистом платочке, старушка, симпатично окающая, шаловливо пихающая локтем своего глуховатого, слабо соображающего коллегу. Оба партийца указывали на угрозу "русского фашизма", ссылаясь на недавний вопиющий случай в городе Угличе, где неизвестные, со свастиками на рукавах, зарезали царевича Дмитрия.

Мэр и Плинтус, оба в масках, в лимузине с затемненными стеклами, разъезжали по городу, наблюдая, как множатся в нем признаки паники: собираются у Соловецкого камня бывшие узники ГУЛАГа, выходят на демонстрацию члены Общества памяти Михоэлса, во всех театрах столицы, включая кукольный и "Уголок Дурова", начинают ставить спектакли Мейерхольда, а с продуктовых рынков выезжают колонны грузовиков, груженных дынями и арбузами, и удаляются в сторону Апшеронского полуострова.

- Может быть, мы все-таки перебрали с арбузами, - осторожно заметил Плинтус, который любил по утрам сесть разгоряченными ягодицами в разрезанный прохладный арбуз, а потом погрузить в него свои пылающие щеки.

- Ничего страшного, - ответил Мэр. - Это поможет отечественному товаропроизводителю увеличить производство кабачков… Вы не пробовали усаживаться по утрам на торчащий из грядки кабачок? Это, знаете ли, бодрит…

Они проезжали мимо огромного электронного табло, что висело на фасаде гостиницы "Москва". Повторяя утренние телесюжеты, на табло возникали кадры зарубежного турне Первого Президента России.

Вот он сидит верхом на сфинксе, колотя деревянными ложками в темя загадочному животному древности; вот испытывает новую электронную бомбу на полигоне в штате Невада, после взрыва которой сгорели все утюги в Лас-Вегасе; а вот в чреве кита переплывает Средиземное море, на берегу его встречают посол России в Тунисе и девушки в кокошниках с хлебом-солью.

- Доберусь я до них, специально удаливших Первого Президента прочь из Москвы, - произнес Плинтус, рассматривая изображения на табло. - Вы сказали, дорогой Мэр, что здесь должен появиться главный антисемитский лозунг. Пока что не вижу…

В этот момент табло погасло, стало подобно бархатному черному небу, на котором кое-где мерцали робкие звезды. На черном бархате, ослепительное как алмазная россыпь, возникло слово "СМЕРТЬ". Проезжавшие автомобили все разом встали, образовав огромную пробку. Тысячи глаз жадно читали грозное, алмазами выложенное слово.

Рядом с ним, словно бриллиантовое колье в замшевом черном футляре, возникло второе слово: "ЖИДАМ". Было слышно, как скопившаяся на тротуарах толпа, водители автомобилей и их пассажиры, прилипшие к окнам депутаты Думы, гости столицы в гостинице "Националь" - все единым дыханием повторяли: "СМЕРТЬ ЖИДАМ".

Вслед за двумя словами, на табло, как в черной бездне ночного неба, огненными созвездиями продолжали загораться слова: "МЭРУ И ПЛИНТУСУ!" Ужаснувшаяся толпа, не смея шептать, взирала на эту

огненную, из Космоса прилетевшую надпись: "СМЕРТЬ ЖИДАМ - МЭРУ И ПЛИНТУСУ!"

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Москва готовилась к главному спортивному событию сезона - футбольному матчу между командами "Спартак" и мадридский "Реал". Билетов в кассах не было за неделю. В школах учителя географии срочно напоминали ученикам, где находится Испания и кем был Спартак. Олег Соколов, по кличке Сокол, центральный форвард "Спартака", давал интервью по всем телевизионным программам. Комментаторы напоминали, как год назад обезумевшие фанаты - спартаковцы так раскачали Крымский мост, что он едва ни рухнул в реку. Приводились прошлогодние кадры, на которых бритоголовые болельщики-патриоты гнались за чернокожим морским пехотинцем США, пока тот не укрылся в американском посольстве. На рынках и в лавочках расхватывали шарфы с эмблемой сокола и изображением любимого футболиста. На станции метро "Сокол" девушки сбросили с себя обременительные одежды и вывесили красочный транспарант с надписью: "Ты - наша птица!" Тираж газеты "Сокол Жириновского" сравнялся с "Московским комсомольцем", и сам лидер партии пророчил счет матча, на первой странице - 3:1 в пользу "Спартака", а на второй - 2:0 в пользу "Реала". Вошла в моду испанская обувь, особенно сапоги. И если скинхеды, дети рабочих окраин, готовились болеть за "Спартак", то "левая" молодежь и ее авангард "Красные ватаги" были на стороне "Реала", ассоциируя эту команду с Испанской войной, интербригадами, антифашистскими настроениями. Милиция ожидала столкновений между скинхедами и "Красными ватагами", между "фашистами" и "антифашистами". При входах на стадион болельщики тщательно обыскивались. У молодых изымались стеклянные бутылки с пивом и водкой, ножи, цепи, заточки, обрезки арматуры, кастеты, остроги, цепы, серпы, вилы, рогатины, пистолеты "ТТ", "шмайсеры", ручные и противотанковые гранаты, безоткатные орудия, зарытые в землю танки, минные поля, склады с химическим и бактериологическим оружием. У ветеранов спорта изымались вставные челюсти, которыми те пользовались как бумерангами, отчего год назад погиб известный юморист из театра Райкина, сраженный наповал летящей челюстью. На могильной плите его товарищи

начертали печальную и слегка ироничную надпись: "Наш друг был неудачливым субъектом. Столкнулся он с космическим объектом".

И вот настал долгожданный день матча. Крытый стадион "Лужники", среди темной дождливой Москвы, окруженный ветряной черной рекой, мглистыми огнями, непроглядной темью Воробьевых гор с мистической ледяной сосулькой озаренного Университета, - стадион был радостно-ярким, с изумрудным нежным квадратом поля, эллиптическими рядами пластмассовых кресел, составлявших алые, голубые, золотые и сиреневые массивы трибун. В высоте, под куполом, как негасимые солнца, сверкали лучистые прожектора. В кресла, как в аккуратные ячейки сот, помещались зрители, чувствуя ягодицами удобную пластмассовую поверхность. На овальном барьере, окружавшем футбольное поле, размещались рекламы самых модных и блистательных фирм: водка "Смирнов", пиво "Балтика", электроника "Самсунг", телефоны "Моторолла", часы "Ролекс".

Болельщики "Реала" то и дело вскакивали, вскидывали вверх кулаки, начинали скандировать: "Рот фронт!.. Фашизм не пройдет!.. Да здравствует Долорес Ибаррури!.." - трубили в пионерские горны, били в барабаны, распевая песни интербигад: "Мы шли под грохот барабанов, нам пули свистели в лицо…", "И пушки, пушки грохотали, строчил пулемет…"

Им противостояли националистические болельщики "Спартака", размахивали шарфами с ликом любимого форварда, пускали под купол стаи соколов, вскакивали с криком "Слава России!", распевали марши: "Русские идут!", "Взвейтесь соколы орлами!". Еще до начала матча обстановка была накалена и чревата взрывом. В эти последние, перед началом матча, минуты, в укромном помещении под одной из трибун встретились для стратегических переговоров лидеры скинхедов и "Красных ватаг" - Фюрер и Предводитель. Эту встречу организовали Плинтус и Мэр. Заинтересованные в их примирении, надеялись, что оба объединят усилия своих воинственных последователей и подымут Москву на дыбы.

- Хочу предупредить, - надменно взирая на собеседника, произнес Фюрер, пропуская сквозь растопыренную пятерню зеленоватую влажную бороду, вычесывая из нее тритонов, язей и живородящих рыбок "гуппи", которые как блестки сыпались на стол, где стоял граненый стакан с водой. - Если не перестанете хулить Президента,

испытаете на себе нашу ярость. Вы уподобляетесь жидам и комиссарам, для которых нет ничего святого.

- Ваши белые национальные бельма мешают вам разглядеть, что Президент есть замшевая перчатка на волосатой руке олигарха, - Предводитель красивым жестом отбросил за плечо светлые кудри. Ощутил в нагрудном кармане пробирку с драгоценными пшеничными зернами, - вместилищем "красного смысла". - Наш народ сжигают в крематории, построенном по президентскому проекту, а вы как раненые собаки лижете руки своему убийце. Мы атакуем Город Золотых Унитазов, забрасываем лимузины миллиардеров пирожными, а вы нападаете на нас с тыла. Наше терпение иссякает, и вы получите сокрушительный ответный удар.

- Вы - наследники большевиков, истреблявших русский народ! Вы стравили Россию с Германией, поссорили два великих арийских народа. Мы начинаем консервативную революцию, которая вас сметет!

- Мы стоим на пороге мировой революции, которая спалит вас как сухую ботву истории! - Предводитель трепетал от неприязни, и ему хотелось засунуть в отвратительную кисло-зеленую бороду ребристую гранату-лимонку.

Они были готовы напасть один на другого, но вовремя остановились, вспомнив вмененную им свыше задачу. Фюрер жадно выпил стакан воды, поддерживая в себе необходимый уровень "русской идеи". Предводитель прижал ладонь к сердцу, ощутив теплоту магических зерен.

- У нас разные друзья, но общие враги, - примирительно произнес Фюрер. - Повешенный на фонаре либерал одинаково радует взор твоих и моих парней. Идеи евразийцев одинаково питали германский фашизм и русский большевизм. Мы должны стремиться к "красно-коричневому синтезу".

- На баррикадах Дома Советов, - Предводитель искал пути к примирению и умело их находил, - наши флаги развевались рядом. Мы делились патронами, бинтами и хлебом. Нас связывает не меньшее, чем связывало Риббентропа и Молотова.

- Мы недостаточно сильны, чтобы позволить себе роскошь враждовать друг с другом, - вторил ему Фюрер. - Мы должны заключить стратегическое перемирие.

- Сейчас состоится матч, который разгорячит молодых героев. Буйная энергия масс перельется в классовую ненависть. Я поведу моих людей к резиденции Модельера, и мы возьмем ее штурмом. Присоединяйся, мой коричневый друг.

- Не важно, кто сегодня выиграет и проиграет на поле. Национальный энтузиазм скинхедов, направляемый железной волей вождя, превратится в удар сокрушительной силы. Мои люди присоединятся к твоим, и мы двумя колоннами пойдем на штурм цитадели, мой красный брат.

Они обнялись. Фюрер дал испить обретенному другу стакан с "русской идеей". Предводитель отсыпал на ладонь союзника несколько красных пшеничных зерен, поведав рецепт заветного хлеба. Оба направились к выходу, чтобы занять места среди соратников.

Стадион загудел как вулкан, в котором закипала раскаленная магма, перекатывались глубинные взрывы, выплескивались протуберанцы энергии. На зеленое поле выбегали команды "Спартака" и "Реала" - две легких вереницы, красно-белая и нежно-голубая, ярко и нарядно сверкавшие на изумрудном ковре. Болельщики-революционеры развернули алые знамена, махали пунцовыми гвоздиками, в жестяные раструбы пели песни сопротивления: "Бандера росса" и "Винсеремос". Испанские футболисты удивленно вслушивались в незнакомые песни на незнакомом языке, обращая к трибунам смуглые горбоносые лица благородных идальго.

Национально мыслящие болельщики, бритоголовые, восторженные, размахивали шарфами с изображением гордой птицы, верещали свистками, ревели дудками, скандировали: "Веселися, храбрый росс!.." Кто-то хлопнул петардой, кто-то пустил шутиху, которая полетела над рядами и упала на колени профессору гебраистики, прожгла его чопорный темный костюм. Кумир скинхедов Олег Соколов поворачивал к своим обожателям красивое мужественное лицо, взмахивал руками.

Арбитры выбегали на поле, занимая места в центре и за боковой линией. Среди этих поджарых, не первой молодости, судей, махающих клетчатыми флагами, выделялся один, худощавый, исполненный строгости и величия, с огромными старомодными усами. Футболисты рассыпались по полю, напоминая цветные неподвижные фишки. Голкиперы, нервные, гибкие, застыли в воротах. Стадион замер,

словно окаменел в безмолвии, тысячью глаз взирая на черно-белый, пятнистый мяч. В тишине раздался негромкий свисток, и все сместилось, ринулось, понеслось. Цветные корпускулы игроков мешались между собой, сталкивались, разлетались, устремлялись все в одну сторону, откатывались каждые к своим воротам, складывались в моментальный орнамент, в неуловимый чертеж, тайный смысл которого был заключен в кожаном черно-белом мяче, скакавшем на зеленом пространстве, взлетавшем к бриллиантовым прожекторам, мощно, по коротким и длинным траекториям, пересекавшем изумрудный прямоугольник.

С первых минут инициативой завладели испанцы. Мяч захватил Рамирес, мчался, развевая темную гриву, легко обходя спартаковцев. Сильным, крутящимся пасом предал мяч Гонсалесу. Тот перехватил кожаный волчок, поднял в воздух и бежал, поддавая ногой, не давая коснуться земли. Увильнув от соперника, навесил мяч над центром поля, боковым зрением углядев Диаса, который принял подачу головой, скосив ее так, что мяч изменил траекторию и попал на грудь Маркесу. Несколько секунд тот нес его на груди, работая мощно локтями, отталкивая наседавших соперников. Опустил мяч и точной подачей отправил Веласкесу. Тот играючи, неуловимой подсечкой, посадил себе мяч на пятку, в легком пируэте повернулся вокруг оси и с любезным поклоном отдал мяч Сурбарану.

Немолодой, лобастый уроженец Севильи обманным движением обошел спартаковца, описал в воздухе загадочный иероглиф, качнул тело вправо, отдавая мяч налево, близкому Гойе. Тот, набычившись, весь из мускулов, приближался к штрафной площадке, где растерянно метались защитники. С неохотой, видя, как набегает спартаковец, отпасовал назад, к Пикассо, который вскочил на упругую черно-белую сферу, продержался на ней секунду, балансируя и воздев изящно руки, а затем отдал мяч Дали. Непредсказуемый, экстравагантный испанец выделывал с мячом чудеса. Казалось, мяч превращается то в огромный гриб, то в рассохшуюся посреди пустыни лодку, то в чудовищного двухголового великана, то в расплавленные, повисшие на ноге часы. Наигравшись всласть, добившись рева и ликования на трибунах, он передал мяч Сервантесу, который своей длинной как копье ногой послал его в ворота противника. Лишь чудо спасло "Спартак". Вратарь в тигровом прыжке успел коснуться ревущего ядра, направил его через

верхнюю штангу туда, где сидели репортеры мировых газет и мерцали вспышки фотокамер. Все, как один, испанцы схватились за головы, бежали, посыпая себя пеплом, выражая высшую степень горя. А их вратарь Альба упал на вратарскую площадку и стал грызть синтетический зеленый ковер.

Спартаковцы, обескураженные бешеным натиском, едва не пропустив гол, пришли в себя. Вратарь Иванов, спасший звериным прыжком родные ворота, выходец из дворовой команды Люблино, направил мяч на левый фланг защитнику Петрову, воспитаннику спортивной школы Медведково. Тот резко пошел краем поля, сильно толкнул мяч вперед к полузащитнику Сидорову, делегированному в "Спартак" из спортивного клуба "Серп и молот". Тот не стал держать долго мяч, навесил его в центр поля, где вовремя оказался Васнецов, который не слишком точно, но сильно перепасовал мяч Кустодиеву. После короткой борьбы с испанцем, в результате которой тот упал в кувырке, Кустодиев легонько откинул мяч в сторону под ноги набегавшему Репину, а тот, ловко проскользнув между двумя испанцами, кинулся на прорыв, но был остановлен правым инсайдом. Счел за благо отдать мяч Петрову-Водкину. Тот, не мудрствуя лукаво, ударяя испанцев мускулистым плечом, приблизился к штрафной площадке и перекинул мяч Шилову. Видно было, как Шилов раздумывает, бить или продолжить натиск. Возобладало последнее, и Шилов, изящно обыграв защитника, точно сделал подачу набегавшему Соколу. Прекрасный, как молодой славянский бог, мужественный и яростный, как несущийся на битву юный князь, Сокол мчался к воротам, разрезая оборону противника. Набегая на вратаря Альбу, обманно устремился влево, но сам пушечным ударом направил мяч в противоположный угол. Альба, чуткий, как зверь, превратился в размытую тень, метнулся наперерез мячу и двумя кулаками гулко выбил за боковую границу поля. Сокол влетел в ворота, едва не запутавшись в сетке. Овладел собой, не показывая, как огорчен. Наклонился к испанскому вратарю, помог подняться, и они под восторженный вой стадиона похлопали друг друга по плечам, отдавая друг другу дань уважения. Усатый арбитр получил в руки мяч, картинно, с легким поклоном, передал его испанскому защитнику, а тот, потоптавшись у боковой линии, вернул мяч в игру.

На гостевой трибуне, под стеклянным колпаком, Мэр, увлеченный игрой, обратился к Плинтусу:

- Признаюсь, несмотря на мою репутацию патриота, я болею за испанцев. Во-первых, у меня в Испании много недвижимости, и, если угодно, это моя вторая родина. Во-вторых, я все время думаю о предстоящей корриде, и Рамирес чем-то напоминает мне Эскамильо.

- Мне симпатичней "Спартак". Юрий Владимирович Андропов до последней минуты жизни болел за "Спартак".

Они продолжали следить за игрой, которая становилась все яростней и прекрасней. Под куполом стадиона копилась огнедышащая энергия. Бриллиантовые прожекторы были окутаны предгрозовой дымкой, охвачены спектральными кольцами. То и дело над полем пробегали сиреневые зарницы. Страсти толпы, безумные эмоции накаляли воздух. Он потрескивал вокруг воздетых рук, нацеленных носов, а из орущих ртов, как из газовых горелок, вырывалось прозрачное пламя. Стадион был построен так, что служил не только местом яростных игрищ, но являлся мощной энергетической установкой. С помощью особых элементов фирмы "Сименс", встроенных в чашу купола, страсти людей преобразовывались в электричество, и оно по проводам направлялось в город.

Игра достигала высшего градуса, когда страсти ионизировали молекулы воздуха, разделяли их на ионы и катионы, и те неслись от трибуны к трибуне, проходя сквозь магнитные поля. Это порождало коллективные галлюцинации.

Например, когда центральный форвард "Реала" Веласкес принял подачу на голову и бежал, подбивая мяч лбом, всему стадиону вдруг показалось, что была явлена увеличенная до огромных размеров картина "Взятие Бреды" - лес копий, множество воинов в доспехах и шляпах, поверженный вдали равелин. Когда испанский полузащитник Пикассо выделывал финты ногами, виртуозно обманывая соперников, всем померещилось, что возникла "Герника", кубически рваное небо, фантастические свирепые твари, молящие о пощаде существа. Стоило мячом овладеть Дали, как все увидели чудовищную беззубую старуху, у которой с костей стекает гнилая плоть. Если же мяча касался Гойя, то в воздухе странным образом вырисовывался офорт "Сон разума рождает чудовищ", с нетопырями и совами, реющими над головой безумца.

Спартаковцы отвечали своей экспозицией. Едва не прорвавшийся к штрафной площадке Васнецов выставил картину "Три богатыря", и скинхеды, повскакав с мест, стали скандировать: "До-бры-ня!.. До-бры-ня!.." - пока картина не исчезла. Кустодиев, потеряв мяч, с досады стал бить себя в грудь, и тут же возникла огромная, словно розовая туча, красавица с расплывшимися грудями и непомерными бедрами, которую особо возбужденные болельщики попытались полапать, но та растаяла как розовый снег. Репин не обошелся без "Государственного совета", где множество золотых камергеров с алыми лентами окружили последнего Государя Императора. Это возмутило болельщиков из "Красных ватаг". Они повскакали и стали вопить: "Ле-нин!.. Ле-нин!.. Со-ци-а-лизм!.." Умолкли только тогда, когда Суриков взмахом ноги нарисовал "Утро стрелецкой казни".

Галлюцинации еще больше распалили стадион, который ревел не переставая, словно в гулкой бочке перекатывались железные шары.

Первый тайм подходил к концу, но не был забит ни единый гол. Мяч находился у ворот "Спартака". От вратаря Иванова его получил Петров. Резко вывел за штрафную площадку и отдал Сидорову. Тот навесом перекинул Петрову-Водкину, который коротким пасом передал Шилову. От Шилова, почти у самой боковой линии, мяч перешел к Васнецову, который неожиданным прострелом направил его вперед к Репину. Тот взял мяч на грудь, спустил на землю, погнал, переводя на другую половину поля, куда, почуяв опасность, стягивались испанцы. Сурбаран попытался отобрать мяч у Репина, но неудачно. Мячом завладел Сокол. В страстном порыве, мелькая ногами, не давая догнать себя Сервантесу, он продвигался к штрафной площадке, подымая на трибунах ревущих болельщиков. Обошел Рамиреса. Увильнул от коварного Диаса, попытавшегося его "подковать". В воротах метался Альба, что-то указывал защитникам, готовясь к убойному удару русского форварда. Удар последовал. Попал в голову подвернувшегося Пикассо, у которого лопнула барабанная перепонка и треснул глаз, и мяч отлетел за боковую, на трибуны. Зрители неистовствовали, пинали, гнали пятнистый шар вверх по рядам, пока он снова не спустился к полю, попал в руки усатого арбитра.

До конца первого тайма оставались секунды. Арбитр, раздувая темные, грозно загнутые усы, торопился к полю, где нетерпеливо ждал

его Кустодиев, готовясь вбросить мяч в игру. Арбитр так торопился, что выронил мяч и тот закатился под парапет. Арбитр нагнулся, повозился под нетерпеливые свисты болельщиков, достал мяч, подбежал к Кустодиеву. Истекали секунды. Кустодиев поднял мяч, выгадывая, кому бы его отдать. Сокол рванулся в сторону, отделываясь от назойливой опеки Сурбарана. Кустодиев швырнул мяч под ноги Сокола.

Это было великолепное зрелище. Возобновляя атаку, наращивая скорость, вкладывая в бег всю свою молодость, лихость, яростную любовь и поклонение болельщиков, превращаясь в вихрь, в молнию, Сокол прорвался в штрафную площадку. Панорамным взором увидел набегавшего слева Дали, рекламу часов "Ролекс", кричащего на трибуне Фюрера, оскаленного, готового к прыжку Альбу; мощно всадил бутсу в центр мяча, чуть скривил носок, сообщая сфере вращательное движение. В момент удара увидел, как на мяче возникло лицо умершей матери, открылся в истошном крике ее рот, задрожали в ужасе ее голубые глаза. Материнская голова с беззвучным стенанием, направленная его страшным ударом, полетела к воротам и расплющилась о полосатую штангу.

Не ведал, что под внешностью усатого арбитра скрывается Модельер, подменивший мяч. Вместо прежнего подсунул другой, обтянутый кожей, которую искусный хирург стянул с лица умершей русской красавицы.

Сокол, ударив ногой свою мертвую мать, потерял рассудок, с нечеловеческим воплем: "Убийцы!.. Смерть вам!.." - перепрыгнул барьер с рекламой противоракетного комплекса "Патриот", метнулся на трибуны "Красных ватаг", вымещая на них свое безумное горе.

Он врезался в ряды пластмассовых кресел, круша на пути ненавистных убийц, их черные кожанки, красные знамена, пионерские барабаны и горны. Ему на помощь с боевыми кликами ринулись бритоголовые фашисты, окружая кумира кольцом защиты, рассылая вокруг тычки и удары. Один за другим подымались ряды "Красных ватаг". Им навстречу бросались скинхеды. И все хрустело, стенало, смешивалось. Истошно орало, брызгало кровью, слюной. Выламывали пластмассовые кресла и били ими врагов. Цветные седалища летели в воздухе как красные и синие бомбы. В ход пошли кастеты и обрезки

труб. Рухнул верзила-революционер с проломленным черепом. На лысой голове фашиста вскрылась липкая алая рана.

Фюрер, понимая ужас случившегося, с выпученными глазами, развеянной бородой, старался перекричать своих неистовых сторонников:

- Евразийцы, стоять!.. Не поддаваться на провокацию атлантистов!..

Сзади, защищая его, возник воин в кожаном шлеме с кельтским крестом, а на деле - тайный агент "Блюдущих вместе", внедренный в ряды скинхедов.

- Мой фюрер, здесь дышит смерть. Ты и я - мы дети великой Евразии!.. - и он вонзил под лопатку Фюрера отточенную велосипедную спицу. Тонкая сталь проколола сытую плоть героя, остановилась в сердце. Фюрер, раскрыв широко глаза, растворив безмолвный рот, еще стоял секунду, пробитый тончайшим лучом, прилетевшим из мироздания, а затем рухнул между пластмассовых кресел с торчащей из лопатки спицей.

"Красные ватаги" отбивали фронтальный натиск скинхедов, как испанские интербригады отбивали атаку марокканцев. Предводитель, окруженный врагами, поражал их приемами карате - доставал ногами, бил ребром ладони, выставлял мощный как пневматический молот кулак.

- Прикрой сзади!.. - крикнул он товарищу в красной футболке с темной эмблемой Че.

- Прикрыл, командир!.. - отозвался верный товарищ, а на деле - тайный агент "Блюдущих вместе", внедренный в ряды революционеров. Коротким ударом всадил Предводителю финку, проталкивая ее вглубь, до булькнувшего сердца. Предводитель ахнул, поворачиваясь, желая разглядеть лицо убившего его. Но все вокруг было красным, и среди чудесного алого цвета навстречу ему шел Че Гевара, в темном берете, с улыбкой. Приглашал его в свой бессмертный революционный отряд.

И уже истошно верещали свистки, на зеленое поле сыпались бойцы ОМОНа, летели гранаты со слезоточивым газом.

Мэр и Плинтус с первых минут бойни, понимая, что проиграли, поспешно покинули гостевую трибуну. Решили до времени не встречаться, чтобы не оказаться в центре расследования.

С поля уносили убитых и раненых. Уводили арестованных. Зловонно горели пластмассовые кресла. Тлел зеленый войлок искусственного покрытия. Стало пусто и тихо. Лишь сверкали в высоте бриллиантовые прожектора, и на зеленой кошме покрытия краснела горстка рассыпанных пшеничных семян. На стадионе, как это часто бывает, водились воробьи. Они заметили рассыпанные зерна, слетелись и склевали вкусное лакомство.

Плужников, после случившегося с ним преображения, пребывал в постоянном изумлении и счастливой неподвижности, словно боялся расплескать наполненную до краев волшебную чашу. Он чувствовал себя вместилищем могучих внешних сил, которые действовали сквозь него, как луч сквозь линзу, звук, излетающий из гулкого сосуда, усилие, передаваемое рычагом.

Звуки, которые он различал, были так разнообразны, долетали из столь различных миров, что одновременно он слышал шелест пальм в Мозамбике, скрип старого комода в домике на окраине Ярославля, удары шаманского бубна в якутском чуме. Он поражался этому обилию звуков и образов, боялся шевельнуться, чтобы не разрушить их стройное, божественное разнообразие.

Аня задержалась на работе с вечерней почтой, и Плужников, волнуясь, вышел ее встречать. Город в осеннем дожде, в порывах холодного ветра, катал по переулкам и улицам влажные огни, туманился желтыми окнами, трепетал размытым заревом витрин и реклам. Стоя в узком переулке, среди сырых фасадов, Плужников чувствовал город, весь целиком, как экстрасенс чувствует больного, исследуя его наложением рук.

Город болел. Накрывая ладонями город, перемещая руки над крышами, Плужников чувствовал очаги заражения, пораженность внутренних органов, нарушение ритмов. Вместилищами миазмов, распространителями тлетворных инфекций Плужникову казались Дом Правительства, мертвенно-голубой, каким бывают утопленники, и мэрия, напоминавшая туберкулезные легкие с горячей зловонной жижей. Саркомой с малиновой слизью ощущались Останкино и штаб-квартира партии "Единство", откуда по городу растекалась гнилая, инфицированная лимфа. Рынок проституток в Химках, притоны и ночные клубы, места торговли детьми и магазины порнографии рождали в ладонях ожог, жалящую нестерпимую боль. "Шурикен-хауз"

и редакция "Московского комсомольца" напоминали краснушную сыпь. Квартиры богачей и "пентхаузы" были как молочные бельма. Жилые кварталы с суетным, погрязшим в стяжательстве и удовольствиях людом были как печень, изъеденная пороком и хворью. Банки, министерства, посольства иностранных держав, помпезные бетонные храмы действовали на ладони так, как если бы в них втыкали колючки.

Среди этого пораженного, охваченного гниением города лишь малые клеточки, не затронутые смертельной болезнью, источали живительное розовое тепло. Это были детские дома и приюты, крохотные бедные церквушки, квартиры вдов и солдатских матерей, редакция газеты "Завтра", утлая квартирка отца Дмитрия Дудко. Но этих клеточек становилось все меньше и меньше. Они гасли как розовые искорки в ночи. Среднерусская равнина казалась черной сырой плащаницей, и на ней, как светящийся фосфором скелет, лежал мертвый город.

Особенно больными, жалящими залпами стрелял ему в ладони район Лужников, где на стадионе проходил футбольный матч. Удары страданья были столь живыми, кричащими, столько несчастных голосов взывало о помощи, такие волны ненависти и гнева летели вдоль набережной, из-за Крымского моста, сквозь ветреную дождливую сырость, что Плужников, не понимая зачем, двинулся на эти сигналы беды.

Чем ближе по набережной он подходил к Лужникам, тем чаще навстречу ему попадались избитые люди. Изувеченные юноши, поодиночке и группами, одни помогали другим, кто-то хромал, кто-то прикрывал выбитый глаз, кто-то харкал кровью. Плужников слышал их стоны, проклятья, призывы отомстить и убить.

Он почти бежал по набережной, как вдруг заметил человека, стоящего на парапете. Тот раскачивался, словно на канате, готовый рухнуть в ледяную темную реку. Плужников не видел его лица, только чувствовал страшное страдание, которое испытывал человек, для которого жизнь была невыносима, и он собирался себя убить.

- Остановись!.. Не делай этого!..

Человек оглянулся. При свете фонаря Плужников разглядел молодое синеглазое лицо со следами помрачения, футболку с эмблемой "Спартака", спортивные бутсы, нетвердо стоящие на

парапете. Это был Сокол, для которого кончалась жизнь. Плужников открывал ему свое любящее жаркое сердце, которым постигал всю глубину его несчастья, всю нестерпимую боль. Знал о нем все, спасал, одаривал своей жизненной силой.

- Не делай этого!.. - повторил Плужников, чувствуя, как его устами говорит чей-то вещий голос, чья-то невидимая душа. - Ты должен жить… Так хочет твоя мать… Она здесь, рядом… Любит тебя…

Едва уловимая светлая тень мелькнула над парапетом, словно пролетела женщина в подвенечной фате.

Сокол очнулся. Спустился на тротуар. Смотрел на стоящего перед ним незнакомого человека. Видел, как у того из груди исходит розовое свечение. Упал ему со слезами на грудь.

Плужников обнимал его, гладил дрожащую от рыданий голову, приговаривал:

- Она здесь, с тобой… Любит тебя…

Модельер, сидя в своем кабинете, торжествовал победу. На полу валялись отклеенные черные усы и клетчатый флаг арбитра. Спектакль удался. Враги были повержены. Мэр и Плинтус обманулись в своих ожиданиях, и ничто не мешало Модельеру расправиться с заговорщиками. Два главных смутьяна Москвы, Фюрер и Предводитель, лежали рядом в морге, скрепленные неразрывным союзом. Бесчинствующие отряды "Красных ватаг" и скинхедов были рассеяны, и агенты "Блюдущих вместе" отлавливали их в подворотнях.

Отчего же в душе Модельера не было полного ликования? Что мешало насладиться победой и безграничной властью над городом?

Модельер приблизил к лицу магическую призму, в которой распушила павлинье перо прозрачная радуга. Поворачивал ее у глаз, направляя ищущий луч в различные районы Москвы, выискивая странный источник тревоги, посылавший ему едва ощутимые импульсы. Кремль с президентским кабинетом не внушал опасений. Огромный златоглавый собор с пластмассовыми барельефами, где служил в этот час темнолицый эфиоп-патриарх, тоже не внушал опасений. Все было спокойно в Городе Золотых Унитазов, в ФСБ, в Министерстве внутренних дел. Даже Плинтус и Мэр сжались до размера маковых зерен, затаились настолько, что волшебный прибор не отмечал их присутствия среди дворцов и каменных вилл. Призма

вращалась в руках Модельера, и луч, проходя сквозь грани, нащупывал источник тревоги. Он помещался в районе Остоженки, среди Зачатьевских и Обыденских переулков.

Луч коснулся невзрачного фасада, пошарил среди окон. Остановился на одном и скользнул в глубину неказистой квартирки. Модельер с помощью незримого световода мог заглянуть в окно. Там, на кухоньке, под матерчатым абажуром, за круглым столом сидели молодые мужчина и женщина и играли в карты, в "подкидного дурака". Женщина проигрывала и огорчалась. Мужчина смеялся, подыгрывал ей, крыл шестерки тузами, щедро сыпал королями и дамами. Именно он, в простой домашней рубашке, с наивной улыбкой, с легкими следами ожогов на простом лице и был источником тревоги.

Модельер задумчиво отложил призму. Не поверил показаниям прибора, в котором иногда случался оптический сбой.

Часть третья

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Мэр, после мрачных сновидений, где он приснился сам себе в виде окурка, горящего с двух концов, почти не почувствовал бодрящего действия ледяной ванны. Исполненный дурных предчувствий, нырнул в прорубь и заплыл на середину водоема, так что пришлось пробивать лед лысиной. Теперь, когда он, по обыкновению, осматривал строительные объекты столицы, голова под кепкой болела. Да и объекты все были "больные", аварийные.

Первым объектом было проклятое место на Манежной площади. Подаренное Мэром чеченскому тейпу, оно было превращено в подземный супермаркет, где по доступным ценам продавались гранатометы, "калашниковы", фугасы, гексоген в нарядной упаковке, а также боеприпасы к безоткатным орудиям и переносные зенитно-ракетные комплексы. Место было бойким. Сюда захаживали не только выходцы с Кавказа, но и представители братских народов Средней Азии, Афганистана, Северной Ирландии и Басконии. Говорят, одно время сюда любил приходить худощавый, с аскетическим горбоносым лицом араб, смуглый, чернобородый, в тюрбане и светлом, до земли, балахоне. Он был прост в обращении, и когда торговец взрывчаткой спрашивал его: "Как жизнь, Усама?" - тот застенчиво улыбался и неизменно отвечал: "Как на Манхеттене".

Все бы ничего, и Москва могла бы гордится этим подземным рынком оружия, но грунтовые воды, донные ключи и источники затопили подземелье. Тейп не долго боролся с наводнением, купил под строительство Пушкинскую площадь и создал там еще более глубокую и удобную торговую точку. Здесь же, на Манежной, образовалось болото. Сначала оно поросло осокой и ряской. Затем в нем завелись головастики и лягушки. Появились целебные пиявки, и городские аптеки посылали ловцов за этими увертливыми водяными червяками, что мешало автомобильному движению и вызывало нарекание депутатов Думы и постояльцев гостиницы "Москва". Кончилось тем, что в подземном хранилище завелось чудище Ненси, перебравшееся из озера Лох-Нес. В самое неожиданное время, иногда в дни

государственных праздников, оно высовывало из воды свою страшную драконью башку и схватывала какого-нибудь зазевавшегося москвича.

С чудовищем пробовали бороться: насыпали в подземное водохранилище яд; старались умертвить его с помощью пения, для чего известный, облаченный в парик, певец спускался в штольню и пел над поверхностью вод, в результате чего был проглочен чудищем; наконец, попытались уничтожить дракона с помощью глубинных бомб, которые сбрасывал с самолетов престарелый маршал авиации, давно мечтавший побомбить Кремль и центр Москвы. Чудовище уцелело, а в результате бомбардировок в фундаментах гостиниц "Москва" и "Националь" пошли трещины, так что было решено их снести.

Наконец, Мэром было найдено решение. Чудовищу Ненси сохранили жизнь, и оно стало частью красочного представления в День Города - на глазах у туристов-миллионеров сглатывало девушку в кокошнике, за что приезжие платили немалые деньги.

Сейчас Мэр осматривал самый большой в мире террариум, получивший название "Манеж интернейшнл", размышляя, не следует ли обложить его изнутри кафельной плиткой. Склонившись над пропастью, он смотрел на смоляную поверхность воды, думая, как бездарно они с Плинтусом проиграли Модельеру: сначала позволили умертвить пылкого и бескомпромиссного Роткопфа, чей труп покоился теперь на Арлингтонском кладбище; а затем направили в ловушку предводителей скинхедов и "Красных ватаг". Этот двойной проигрыш сулил политические преследования и требовал неординарных действий.

Обдумывая безвыходную ситуацию, Мэр провел у воды больше часа, пока на поверхности акватории не задрожали легкие круги, что свидетельствовало о приближении чудища. Слуга-кореец увел Мэра подальше от греха.

Другим несчастливым объектом была Кольцевая дорога. Казалось, совсем недавно, по наводке Модельера, прокуратура завела уголовное дело, обвиняя строителей дороги, а значит и Мэра, в мошенничестве. Прокуроры ночами, когда спадало движение, ползали по трассе с аршинами, рулетками и штангель-циркулями, и обнаружили, что полотно на десять сантиметров уже проектной ширины, а значит, асфальта не положено на площадь, равную тридцати миллионам

квадратных сантиметров. Разгорался грандиозный скандал. Мэр собрал в кулак все коммунальные службы. За несколько дней под Кольцевую дорогу был подведен мощный нагреватель, что привело к тепловому расширению полотна, и судебная экспертиза не обнаружила нарушений.

И вот теперь, когда одна напасть миновала, накатилась другая. Все тот же Модельер подбил слабовольного мэра Санкт-Петербурга совершить в отношении своего недавнего московского друга диверсию. Из Центра по разработке биологического оружия, находящегося в городе на Неве, в Москву, под видом пивных дрожжей, был доставлен биологическиактивный грибок с кодовым названием "Балтика". Достаточно было поставить у обочины Кольцевой дороги одно пивное заведение в виде матерчатого шатра с красочной, из папье-маше, скульптурой бутылки, как грибок был перенесен на асфальт и начал свое разрушительное действие. Полотно уничтожалось со скоростью четыре метра в сутки. Прожорливый грибок съедал асфальт до земли, превращая трассу в рыхлую рытвину. Начались пробки, аварии. Ремонтные бригады едва успевали восстанавливать дорогу, как грибок тут же сжирал восстановленные участки, распространяясь все дальше по периметру кольца. Посыпались нарекания в прессе. Мэра обвиняли в халатности, в сокрытии дорожных налогов, в неумении организовать движение автотранспорта. Модельер, принимая представителей сексуальных меньшинств, намекнул, что есть люди, готовые организовать саботаж на дорогах с целью понизить рейтинг Президента.

Назревал острейший конфликт между руководством Москвы и Федеральным центром. Мэр был взбешен. Желая отомстить вероломному северному коллеге, он напустил на Санкт-Петербург грибок из подмосковного биологического Центра, под кодовым названием "Новоогарево". Заброшенный в северную столицу, грибок мгновенно сожрал весь Невский проспект, Александрийский столп, обе ростральные колонны и оставил от города, готового праздновать трехсотлетний юбилей, одни раскрашенные фасады.

Однако это проявление давнего соперничества двух столиц не спасало Кольцевую дорогу. Грибок сжирал автомобильные покрышки. Трейлеры "ТИР" въезжали в город на ободах. Милицейские патрули

стояли босиком или в развалившихся сапогах. Уничтожение грозило не только МКАД, но и всему мегаполису.

Кто-то подсказал Мэру обратиться в кожный диспансер, к специалистам по грибковым заболеваниям. Те, в качестве крайнего средства, посоветовали использовать принцип тушения лесных пожаров, "огонь на огонь": навстречу петербургскому грибку "Балтика" направить подмосковный грибок "Новоогарево", в надежде, что они столкнутся и сожрут друг друга.

К эксперименту тщательно готовились. Специально заразили "Балтикой" участок дороги у Дмитровского шоссе, а новоогаревским аналогом - участок у Ярославки. Два грибка с угрожающей скоростью двинулись навстречу друг другу, рыхля и испепеляя трассу. Но когда встретились в районе Алтуфьевского, вместо того чтобы жрать друг друга, объединили усилия и начали сообща съедать МКАД в направлении Ленинградки и шоссе Энтузиастов.

Это был провал. На экстренном заседании мэрии решили забросить проклятую дорогу и начать строительство новой, с радиусом в сто один километр, где когда-то коммунисты установили черту оседлости для отбывших срок политзаключенных. На отравленных и зараженных участках, оставшихся от съеденной МКАД, начали возводить красивые бараки, куда переселялись из центра злостные москвичи-неплательщики, освобождая квартиры разбогатевшим азербайджанцам и татам.

Теперь Мэр горестно созерцал рыхлую, напоминавшую пемзу трассу, где замерли обглоданные грузовики, "джипы" и "вольво". В некоторых виднелись скелеты водителей и пассажиров, среди которых он заметил костяк известной в прошлом исполнительницы советских песен, отказавшейся подписать "Слово к народу". Крупный скелет певицы держал на коленях скелет болонки, и все это помещалось в металлическом остове "мерседеса".

Пугающие предчувствия не оставляли Мэра. Заговору против Счастливчика и Модельера, автором которого он являлся, грозило разоблачение. Надо было что-то делать. И вдруг решение возникло. Глядя на череп певицы, на ее поющий безгубый рот, он вдруг понял, что должен освободиться от Плинтуса, выдать его Модельеру; повиниться и мнимо покаяться, отведя от себя гнев всесильного временщика, переведя этот гнев на Плинтуса. Это позволит выиграть

время; сохранит сердцевину заговора; сбережет проект "Московская коррида", во время которой тореадор Эскамильо преподнесет Счастливчику голову андалузского быка и пронзит Президента шпагой.

"Ложь есть всего лишь частный случай правды. Вероломство - частный случай преданности. Предательство - частный случай дружбы. Подвиг Христа невозможен без подвига Иуды", - повторял Мэр истины, почерпнутые у иезуитов, консультировавших проведение в Москве праздника Святого Игнация Лойолы.

Он отказался от посещения других строительных объектов: канала "Волга - Аму-Дарья", проходящего через Бородинское поле; нескольких мостов через Москва-реку, которые он приказал передвинуть, но которые были унесены течением и плыли теперь где-то в низовьях Оки, - и кинулся осуществлять свой новый план.

Модельер не отказал в приеме. Однако пригласил не в рабочий кабинет, где в прихожей толпились просители - министры, послы, генералы и олигархи, - но в кабинет массажа, где Мэр, облаченный в торжественный фрак, увидел абсолютно голого Модельера, возлежащего на канапе. Над ним склонился немолодой желтолицый непалец, заостренными костяными иглами, окуная их в фарфоровые мисочки с красками, наносил цветную татуировку. Мэр, весь в черном, с галстуком-бабочкой, каялся перед Модельером, глядя на его сытую спину, наполовину испещренную узорами.

- Токмо по слабости нашей и по недомыслию… Бес вожделения и гордыни душу восхитил… Секиру воздаяния за грехи наши да отведет милосердие от выи склоненной и от очей долу зрящих, бо небо затмило неразумение наше… - бубнил Мэр, глядя, как на розовой упитанной спине Модельера под острой точной иглой возникает причудливый орнамент. - Виноват, что долгое время шел на поводу у этой отвратительной ядовитой жабы, из-под языка которой то и дело вырывается хула на нашего несравненного Президента, и, да не разгневается ваша светлость, и в ваш адрес, что, в конце концов, переполнило чашу моего терпения, и я явился с повинной. Не только отрекаюсь от прежней с ним дружбы, но и готов показать на хулителя хоть под присягой…

Игла втыкалась в кожу как в нежный пергамент, впрыскивала черную капельку туши, которая тут же голубела, продолжая

изысканную линию восточного рисунка.

- Он называл нашего любимого Президента гнилым опенком, склизким омылком, который был найден в бане Первого Президента России, в шайке, где тот мыл свои подагрические ноги. Вас же он называл скользким червем и болезнетворным глистом, проникшим в Президента с черного хода. Я запретил ему богохульствовать, дело дошло до драки, и он пригрозил мне газовой камерой…

Модельер лежал к нему затылком, рассыпав по узорной подушке черные, со стеклянным блеском волосы. Мэр не видел его лица.

- Это он, Плинтус, придумал ужасный план московских беспорядков. Подбивал на них Фюрера и Предводителя, намереваясь направить толпы обезумевших коммуно-фашистов на Кремль. Перед началом футбольного матча мне стал известен его коварный план. Я пытался вам дозвониться, но ваш мобильный телефон оказался выключенным…

Модельер не поворачивался, молчал, и Мэр не знал, какое действие оказывают его слова: достаточна ли степень признания, достигнут ли предел покаяния, у которого следует остановиться и который достаточен, чтобы получить прощение.

- Но главной миной, которую Плинтус подвел под здание новой российской государственности, является его омерзительная книга "Мед и пепел". Что там письма Курбского из Литвы, "Путешествие из Петербурга в Москву" Радищева, "Архипелаг ГУЛАГ" Солженицына! В своей разрушительной книге он ставит под сомнение легитимность нашего любимого Президента, намекая на некие, чуть ли ни колдовские процедуры, приведшие его к власти. Он также высказывает ряд оскорбительных и крамольных суждений по поводу затянувшегося пребывания за границей Первого Президета России, намекая на фальсификацию телевизионных роликов, освещающих кругосветное турне. Якобы в шутливой форме высказывает предположение, не находился ли первый Президент на космической станции "Мир" в момент ее сожжения. И все для того, чтобы посеять сомнение в преемственности власти, в добровольном отречении Первого Президента, в законности престолонаследия. Особенно глумливы те главы книги, где Плинтус подвергает сомнению происхождение нашего Президента от Рюрика, трактует предстоящее помазание как фарс, направленный на расчленение России в пользу Китая и Ирана.

Зная влияние Плинтуса в международных кругах, следует ожидать осложнений во внешнеполитической сфере, особенно в треугольнике Америка - Сейшеловы острова - Люксембург…

Модельер молчал. Иссиня-черные волосы рассыпались по узорной, шитой золотом подушке. Спина была покрыта плотным кружевом голубых изображений, и колющие прикосновения иглы не вызывали в нем никакой реакции. Плечи и голые ягодицы оставались недвижны, словно были камнем в стене буддийского храма, на которую искусный резчик наносил барельеф.

На деле же Модельер был в смятении. Его эстетская натура, не ведавшая сострадания, глухая к этическим мотивам, подменявшая их красотой виртуозной интриги, блистательным фарсом, его циничная, высокомерная душа вдруг смутилась. Он слушал Мэра, зная всю его подноготную, ведая о его лукавстве, о беспощадном заговоре, в котором ему и Счастливчику была уготована смерть. Понимал психологию предателя и ренегата, стремящегося ценой измены выиграть для себя жизнь, отвести подозрение от глубинного страшного замысла, на который, словно на труп, наваливают ворох мусора и тряпья, скрывая за мнимым покаянием преступную мысль. И при всем при этом его душа томилась надеждой на чудо, на искреннее признание Мэра, на искреннее его раскаяние, которое своей наивной страстью и глубиной вызовет у него, Модельера, волну сострадания, любви, собственного раскаяния, даст его утомленной, изувеченной и изуродованной в интригах и зломыслии душе возможность воскреснуть, простить, полюбить прощеного, найти в нем друга и брата. И оба они, грешные, раскаявшиеся, кинутся на грудь друг к другу, простят, зальются жаркими слезами очищения.

Уповая на это, нуждаясь в этом, быть может, больше, чем сам Мэр, Модельер повернулся, устремив к нему свои большие, прекрасные, умоляющие глаза:

- Это все, что вы мне хотели сказать? Нет ли еще чего, о чем бы вы сочли нужным оповестить меня?

Мэр был поражен эти взглядом. В слезном, с женской беззащитностью взоре не было ненависти, не было всепроникающего недоверия, а была мольба, зов о помощи. Мэр устремился навстречу этой мольбе, был готов пасть на колени, целовать нежную, благоухающую, с блистательно ухоженными ногтями руку Модельера,

повиниться в заговоре, рассказать о корриде, об андалузских быках, о беспощадном тореадоре. Но вдруг ему явился образ скелета, в который превратил знаменитую певицу злобный грибок. Мэр вовремя остановился.

- Да, вот что еще я хотел бы добавить… - пробормотал он, обманывая обнаженного, лежащего перед ним врага. - Эта отвратительная книга "Мед и пепел" написана с помощью магических методик, коими Плинтус, выходец из Месопотамии, владеет превосходно. Каждое словосочетание пропущено сквозь череп мертвого носорога, приобретая мощную всепроникающую силу. Бумага, на которой писался черновик, была пропитана ядом гюрзы, отчего каждое слово жалит и вызывает опухоль мозга. Переписчики книги были взяты из сумасшедшего дома, из палаты параноиков, отчего впечатление от прочитанной страницы схоже с помешательством, передается от человека к человеку как зараза, обеспечивает взрывную реакцию публики, что расшатывает психологический фон общественной жизни, рвет его на куски, приводя народ в состояние коллективного помешательства. Этим опасна книга.

- Увы, - с глубоким вздохом, напоминающим стон, произнес Модельер. - Вероломный Плинтус пишет книгу "Мед и пепел", а вы, мой преданный друг, пишете книгу "Лед и пламень".

- О нет, вы ошибаетесь, ваше сиятельство, я не пишу книг. Я всего лишь прилежный хозяйственник и скромный градоначальник, делающий все, чтобы моему Президенту и вам жилось хорошо в столице.

- Мой друг, загляните в бездну своей души, и вы обнаружите в себе замысел книги "Лед и пламень", которую очень скоро вам будет суждено написать.

Модельер отвернулся, вновь подставляя спину костяной игле молчаливого непальца. Тот окунул острие в мисочку с краской, нанес на кожу несколько быстрых уколов. Стал возникать новый узор. Палачи привязали пленника к горизонтальной доске, поместили его на качели. Раскачивали несчастного перед каменной стеной, с каждым колебанием приближая голову к выпуклой кладке, пока темя казнимого не ударится в стену, расколется как огромный орех, брызнув бело-розовой гущей.

Мэр всматривался в возникавший рисунок и в обреченном вдруг обнаружил сходство с самим собой - тот же лысый череп, мясистые щеки, редкие твердые зубы и маленькие злые глаза гиппопотама. Вгляделся в остальные рисунки, и везде казнимый был он. Ему отрубали по локоть руки. Его, раскоряченного, сажали на кол. Он, подвешенный за гениталии, с жутко разбухшими семенниками, раскачивался под кроной дерева. Ему вонзали дротики в выпученные от боли глаза.

Это открытие повергло его в обморок, на мгновение лишило рассудка. Он возвращался в явь, стараясь понять, каким образом древний мастер, создавший барельеф на стене буддийского храма, который мастер-непалец использовал в качестве оригинала для своей работы, мог угадать его облик. Либо он, Мэр, ведет свою родословную от старинного кампучийского рода, и он не мэр, а кхмер, либо жуткое совпадение сулит ему тяжкие испытания, на которые указывает заостренная костяная игла в руке молчаливого восточного жреца.

- Благодарю за аудиенцию… Исполнен глубочайшей признательности… Учусь читать судьбу на облаках и на водах… Начертанный знак на камне подобен знаку на коже антилопы, а также знаку звезды летящей… За сим остаюсь ваш верный слуга и раб, ведущий свой скромный род от основателей кампучийского царства, ни в коей мере не связан с "кхмер руж" и его жестоким вождем Пол Потом, казнившим многих невинных…

- Ступайте, ступайте, - был ответ Модельера. - "Лед и пламень" - здесь отгадка всего…

Когда обескураженный и смущенный Мэр покинул кабинет массажа, Модельер вскочил. Глаза его ярко и жестоко сверкали:

- Предатель!.. Ты пропустил свое чудо!.. Теперь получишь мое!.. Арсений, смывай с меня эту бодягу!..

Слуга, загримированный под непальца, подставил таз с перламутровой пеной. Мягкой губкой стал выжимать душистый шампунь над спиной Модельера, смывая узор, который стекал темными струйками в таз, открывая розовую нежную спину.

Мэр недолго ощущал себя обескураженным и смущенным. Мало-помалу тревога его улеглась. Ему казалось, что он усыпил бдительность Модельера. Хотелось позвонить Плинтусу и сказать ему что-нибудь легкомысленное и смешное, быть может, анекдотец про

Рабиновича и Абрамовича, которые оказались вдруг на Чукотке. Однако время его было расписано. Ему предстоял обед в обществе близких знакомых, который он задумал в ресторане "Седьмое небо", на вершине Останкинской телебашни.

Ресторан был закрыт для остальных посетителей, предоставлен на несколько часов в распоряжение Мэра. Из-за стола, сквозь огромные окна, открывалось великолепное зрелище: близкое небо с голубыми тучами, из которых падали прозрачные лопасти света, зажигая желтые рощи и парки, белые и розовые дали, перламутровые дымы, нежные золотые главки церквей, мерцающие проспекты, - все это вращалось вместе со стеклянным рестораном, дышало, менялось, и казалось, что обед протекает на космической станции, откуда видно вращение Земли.

Башня погрузила в землю бетонную луковицу, воздела к небу сочный, наполненный сосудами стебель, распушила хрупкое колючее соцветие, вокруг которого нежно туманилось пространство. Излетали незримые вихри, бесчисленные образы, изъятые из мира, пропущенные сквозь магические лаборатории и возвращаемые обратно в мир.

Стол был накрыт так, чтобы все собравшиеся могли созерцать изумительный вид за окном. Белоснежная скатерть, ослепительный хрусталь, изысканный фарфор, серебро приборов - все кружилось вокруг тончайшей спицы, на которую была надета сама Москва в последнем предзимнем солнце, совершая вращение от исчезнувшего душно-зеленого лета и влажно-ржавой осени к близким снегам и бурям, когда великий город будет вморожен в прозрачную глыбу льда с разноцветными цветками, золотыми и красными ягодами церковных глав и соборов.

Мэр был лыс, и это давало повод любившим его повторять: "Лысота спасет мир". Теперь он обедал в обществе близких друзей, не расширяя их круг до помпезных тяжеловесных застолий, какими отмечались пуски в эксплуатацию городских объектов, - будь то завод по производству прошлогоднего снега, или фабрика по изготовлению искусственных облаков, или тюрьма для детей дошкольного возраста, или публичный дом для животных, куда привозились коты и кобели, принадлежавшие высшим сословиям общества. Нынешний круг был

узок и способствовал успокоению, в котором, после посещения Модельера, так нуждался Мэр.

Среди гостей была Моника Левински, с большими, прекрасно разработанными губами. Они постоянно что-то сосали - то продолговатую карамельку, то вкусный сочный банан, то свернутую в жгут салфетку, которую она окунала в сгущенное молоко. С ней рядом восседал известный эстрадный певец в парике с электрообогревом. Он чудом избегнул смерти в желудке чудовища Ненси, которое сначала утянуло его на дно Манежной площади, а потом отхаркало обратно, когда распробовала вкус парика. Тут же являл свое благородное лицо глава самой сильной в Москве преступной группировки, чем-то неуловимо напоминавший начальника отдела по борьбе с организованной преступностью. С ним рядом расположился лирический поэт, прослуживший несколько лет послом в Земле Обетованной, известный в поэтических кругах тем, что делал подтяжку лица и писал стихи исключительно в акваланге, погружаясь в ванну с морской водой. Тут же был известный всей Москве кореец, которого люди воспринимали как камердинера Мэра, но который на деле был потомком последнего корейского императора, о чем говорило сейчас его дорогое, из тяжелого шелка облачение с изображением цветов и драконов. Замыкал стол популярный журналист, носивший не совсем обычное имя - Марк Немец. Его снедали противоречия. Он был одновременно жертвой холокоста и Гиммлером, "рыбой фиш" и баварским пивом, свастикой и магендовидом, "Московским комсомольцем" и Торой, саксофоном и прямой кишкой. Эти противоречия создавали творческое напряжение, от которого его голодные ледяные глаза светились розоватым светом обеспокоенного осьминога.

Трапеза началась непроизвольно, без тамады. Перемежалась шутками, забавными историями, изъявлениями симпатий. Моника Левински, сделав рот трубочкой, обсасывала высокую, в виде гриба, солонку, пухлую рукоятку столового ножа, большой красный перец, выложенный на блюдо с салатом, серебряный подсвечник с горящей свечой, пристально щурилась на плывущую за окном Москву, словно примеривалась, что бы можно было взять в пухлые нежные губы и обсосать, - полосатую, извергающую перламутровый дым трубу

Северной ТЭЦ, или туманно мерцавшую колокольню Ивана Великого, или Шуховскую башню.

- Я благодарна гостеприимному хозяину, - произнесла она на таком хорошем английском, что все ее поняли. - Он пригласил меня в свой замечательный город, чтобы я могла заключить договор на перевод моей знаменитой книги "Из уст в уста". В русском варианте она будет называться "Мой рот". Это впечатления от встреч с интересными современниками: Бил Клинтон, Альбер Гор, Колин Пауэлл, Збигнев Бжезинский, Генри Киссинджер, а также глава ФБР Фри, вице-президент Чейни и, конечно, Шварценеггер, Сталонне, Ван Дам. Это не диалоги, отнюдь. Вы знаете, я болтушка, но они мне не давали слова сказать… - наградив Мэра чарующей улыбкой, она принялась обсасывать большую говяжью кость с мозгом, очаровательно хлюпая и причмокивая.

- Если бы не ваше любезное приглашение, мой уважаемый благодетель и меценат, - обратился к Мэру романтического вида поэт, у которого ослабла одна из "подтяжек", отчего левая половина лица напоминала молодого Байрона, а правая - старика Гете в гробу. - Если бы не вы, я бы, конечно, посвятил мое время поэзии. Я завершаю поэму под названием "Мертвое море", навеянную мне моей далекой прародиной, что находилась между Вифинией и Галилеей. Там есть такая строфа: "Здесь все бывали, - римские фаланги, пророки из Земли Обетованной. Теперь лежу на дне глубокой ванны, и мне не душно в тесном акваланге…" Моника, если можно, оставьте в покое мой рукав, ибо он будет выглядеть не только изжеванным, но и иссосанным…

Все смеялись остроумному замечанию поэта. Моника оставила в покое рукав и зорко присматривалась к носу журналиста Марка Немца.

Стеклянная ротонда ресторана, открытая небу и облакам, вращалась вокруг глухого цилиндра, в котором скрывались электрические кабели, волноводы, жгуты проводов, медные жилы. По ним, словно невидимые соки, текли бестелесные образы. Насыщали колючее соцветье антенны, разбрасывая в небеса вихри невидимых зрелищ, беззвучных слов, безгласных уверений, бесцветных картин.

- Дорогому хозяину, уважаемому авторитету, - слово взял благовидный главарь преступной группировки, по кличке Честный, подымая рюмку с тминной водкой. - Жить по понятиям - это значит жить по закону, но не тому, который навязывают нам прокуроры и

судьи и прочая шерстяная масть, а тому, по которому живут птицы, звери, рыбы морские, смиренные монахи, цветы, а также "воры в законе". В моем лице они выражают вам благодарность за уважение к понятиям, обещают и впредь соблюдать законы птиц и цветов и дарят вам этот скромный подарок, серебряный ушат, - Честный сделал жест слуге, который тотчас же поднес и поставил на стол серебряный сосуд, напоминавший небольшой бочонок с крышкой. - А почему, спросите вы, - ушат? Да потому, что в нем уши тех, кто не хочет жить по понятиям. В данном случае, это уши Ибрагима с Черемушкинского рынка, и Васьки, по кличке Автостоп, которому вы поручили контролировать автомобильные парковки. Примите, не побрезгуйте, Христа ради!.. - он открыл серебряную крышку ушата, где на дне сосуда лежали отрезанные пары ушей, смуглых и белых. Гости брали их в руки, рассматривали, качали головами. Неутомимая Моника попыталась запихнуть смуглое ухо в рот, но была остановлена поэтом.

Слово взял знаменитый певец, который все время слегка похохатывал. Дело в том, что парик, который певец не снимал уже целый месяц, поливая органическими удобрениями, дал, наконец, корни. Волосы, прорастая в череп, вызывали щекотку, и певец неудержимо хихикал.

- Если бы вы знали, как мне тяжело на душе, - хихикнул певец. - С тех пор как мы расстались, Ненси и я, мне некому руку пожать в минуту душевной невзгоды… Только там, в желудке у Ненси, я понял, что такое - настоящая акустика. Никогда мне так хорошо не пелось, как там. Когда я начинал петь известные советские песни, включая гимн СССР, Ненси на некоторое время замирала, а потом начинала подпевать голосом Аллы Борисовны, - певец хихикнул. - Но вот я сменил репертуар, запел гимн новой России, который, кажется, написан на слова царского постельничего Гришки Михалкова, что убаюкивал царя Алексея Михайловича. И что бы вы думали? Ненси выплюнула меня, и так далеко, что я долетел до бурятского автономного округа, где жалостливые буряты подобрали меня и сделали депутатом… - певец хихикнул и горестно приумолк. Было видно, как шевелятся на его голове растущие волосы.

Между тем в центральном желобе башни трепетали жилы и кабели, пропуская мощные электромагнитные волны. Шел показ телешоу под названием: "Я - самка". Здоровенный амбал хрипловатым

баском приглашал женщин раздеться и сравнить величину и форму своих бедер. На полу валялась груда белья, топтались обнаженные женщины, в основном ведущие телепрограмм. Амбал с рулеткой делал замеры, одобрительно похлопал по ягодицам ведущую программы "Подавленный инстинкт", разочарованно щелкнул по носу ведущую программы "Гарнир". Победили две телеведущие из программы "Клубок змей". У одной оказались самые узкие бедра, позволившие ей безболезненно пролезть в игольное ушко, у другой - самые полные, так что она застряла в Триумфальной арке и пришлось звонить в МЧС.

В застолье Мэра об этом не знали, продолжали трапезу, сопровождая ее светской беседой.

- Не правда ли, я могу приоткрыть в этом кругу доверенных друзей маленькую тайну? - кореец вопросительно взглянул на Мэра, получив кивок согласия. - На Поклонной горе уже поставлена православная церковь в виде красивого стеклянного "бистро". Уже возвышается мечеть с минаретом, на который непременно нужно взглянуть нашей любезной Монике. Красуется синагога, похожая на высоковольтную трансформаторную будку. Теперь же, и в этом сюрприз, начинается строительство пагоды, в основу которой положен образ божьей коровки с раскрытыми крыльями. Предполагается возведение кирхи, костела, капища древних якутских богов, зороастрийских молелен, молитвенных домов для баптистов, адвентистов, саентистов и секты Аум Сенрике. Я же как потомок корейского императора хочу преподнести моему другу волшебного дракона, - кореец извлек из шелковых складок халата небольшого зверька с перепончатыми крыльями, цепкими лапками и зубастой противной головенкой, поставил на стол. - Его сделали искусные мастера четвертого века в Долине фей, и он способен оградить вас, мой друг и благодетель, от всякого вреда и напасти.

В это время через ресторан пробегала мышь. У дракона загорелись маленькие рубиновые глазки. Он стремительно соскочил на пол, догнал мышь, придушил ее и принес в застолье, положив рядом с Мэром на скатерть. Все аплодировали. Мэр накрыл мышь салфеткой.

В бетонных желобах и протоках башни, как в толще огромного стебля, возносились бесцветные соки, испарялись в небо, неся в бесконечность пространств незримые, бестелесные образы. Транслировалась популярная телеигра "Возьми миллион",

пользующаяся особой приязнью высших сословий общества. Ее ведущий, известный юморист-пересмешник, способный передразнить что угодно, от Первого Президента России до птичьей попки, был похож на веселого галчонка с бойким глазком, подглядывающим, кого половчее клюнуть. На подиуме, в ярких лучах, стоял мальчик из детского дома, в аккуратной поношенной курточке, которому только что предложили получить миллион, передав для этого котомку. Но когда котомку открыли, из нее полетел пух, осыпая мальчика, прилипая к лицу и курточке. Мальчик плакал, пересмешник талантливо его передразнивал, окружающая публика хлопала и смеялась.

Благородное собрание, окружавшее Мэра, не ведало о проносящихся в соседстве от них невидимых вихрях.

Говорил журналист Марк Немец, розовея возмущенными глазками:

- Говорю это нашему благородному, веротерпимому Мэру не в виде упрека, а ради предупреждения! Можно закрывать глаза на коммунистические демонстрации в центре города… Можно терпеть фашистские организации на окраине Москве… Можно, наконец, мириться с мышью на собственном столе, если ее накрыть салфеткой, но как можно допускать существование в нашем мегаполисе газеты "Завтра", этого я, извините, понять не могу!.. - Его розовые глаза загорались и гасли как сигнал "аварийки". Было видно, что Гиммлер в нем борется с Валленбергом, Дахау с Ниццей, "рыба фиш" с газом "Циклон", "Московский комсомолец" с Торой, а саксофон, совмещенный с кишечником, издавал утробные членораздельные звуки. - Желая лучше понять это издание, я прикинулся тараканом, проник в кабинет главного редактора и спрятался в складку дивана. Через минуту вошел генерал Макашов, сел на диван, едва меня не расплющив. Они подняли рюмки с водкой, и генерал повторил свою богохульную фразу: "Ни мэров, ни пэров, ни херов!" - на что главный редактор ответил: "Аминь!" Я вам - не советчик, любезный Мэр, но нельзя ли отключить у редакции свет, телефон и воду, как это было сделано в девяносто третьем с Домом Советов, чтобы они покинули помещение? Или повысить аренду в сто раз, чтобы они выбежали на улицу, где будем ждать их мы, носители европейской культуры…

Мэр благодушно взирал на застолье, позволяя каждому высказаться. Любил их за искренность, за бережное отношение к дружбе, чего никогда не испытывал со стороны Плинтуса, который кичился своим происхождением от Навуходоносора и щеголял знанием разговорного шумерского языка. Он поманил глазами служителя, указал глазами на тяжелый толстый стакан, смотрел, как льется струя золотистого виски.

- Со льдом, пожалуйста, - слуга серебряными щипчиками кинул в стакан кубики прозрачного льда. Мэр поднялся, держа стакан, в котором солнце зажгло напиток с ледяными кристаллами.

- Вы все, одаренные талантами и добродетелями, певцы, художники и философы, лучшие из лучших, кого родили народы мира и послали ко мне в утешение, в помощь, для услады дней моих, - Мэр испытывал умиление, благость. Старался не вспоминать о тяготах политики, о бремени власти, о рисках борьбы. - Мы служим нашему стольному граду, а не временным дерзким властителям, которые берутся Бог знает откуда, мнят себя наместниками Господа на земле, - он почувствовал, что раздражение его возвращается, недавняя встреча с Модельером дает себя знать, однако старался не давать волю эмоциям. За огромным стеклянным окном, на уровне стола, пролетал последний клин журавлей. Было видно, как мощно и ладно взмахивают они крыльями, как стремятся все в одну сторону, к югу, и серый вожак, вытянув длинные ноги, скосил на него свой коричневый зоркий глазок. - Москва пережила Мамая, Тахтомыша, полячку Мнишек, Наполеона и Гитлера. Она переживет и новых узурпаторов, извергнет их из своих дворцов и святилищ, - Мэр чувствовал, как душит его обида, как накаляются в нем ревностью и нетерпением все внутренние органы, особенно печень, вместилище страстей; рад был бы умолкнуть, но печень, а не разум диктовали слова, и он не мог с собой совладать; видел, как вровень с башней медленно пролетел огромный серебряный "Боинг". Возвращавшийся из зарубежной поездки Министр иностранных дел прильнул к иллюминатору, узнал его и кивнул. - Пусть они верят в нашу наивность. Пусть видят в нас не более чем покорных и преданных слуг. Мы стерпим поношения, усыпим их волю, - Мэр стоял, держа тяжелый стакан, в котором дрожали ледяные кристаллы. Вокруг стакана, послушная его замыслам, медленно вращалась Москва, переливались слюдой

бесчисленные окна, вспыхивали золотом купола, мерцали бесконечные искры солнца.

Он вдруг увидел, как к стеклянному окну подлетел бумажный змей, запущенный с земли чьей-то умелой рукой. Ветер играл змеиным хвостом, упругие перепонки скрепляли плотную бумагу, на которой было написано: "Лед и пламень". Он прочитал эту поднебесную, прилетевшую к нему надпись, и ему стало нехорошо. Так и стоял с невыпитым стаканом, глядя на вещего змея.

Модельер знал о застолье Мэра; заказал вертолет, который перенес его в Останкино, посадил у пруда с осенней темно-синей водой и белым печальным лебедем; вошел в здание Телецентра с 17 подъезда, где при входе, в просторном вестибюле, на широком одре лежала Валерия Ильинична. Всяк, кто входил, осматривал ее и ощупывал: иные опасливо трогали ее закрытые веки, другие касались высокой, слабо дышащей груди, кто-то осторожно нажимал пальцем мясистую щеку и глядел, как белая вмятина наполняется бледным румянцем. Некоторые не замечали ее, принимали за высокое сиденье; клали на нее сумки и портфели; садились, делая характерные движения телом, как если бы пробовали упругость ненового, сталинских времен, дивана. На животе Валерии Ильиничны лежала забытая газета "Коммерсантъ". Чуть ниже стояла пустая пивная баночка с дымящейся, непогашенной сигаретой. Лежащая воображала себя Нефертити в золотом саркофаге, и действительно, по ней неторопливо полз скарабей.

Модельер, войдя, тоже приблизился к Валерии Ильиничне и пощупал ее исподнюю юбку. На ощупь вещь была добротна, хотя и не первой свежести.

В лифте он поднялся в студию правительственного канала, где все было готово и его ждали.

Сумрачная по углам, студия в своей середине была озарена прожекторами и подвесными светильниками. Несколько камер, на треногах, передвижных штативах и просто на плечах операторов, было устремлено в центр, где возвышался стол, накрытый синим бархатом, напоминавший алтарь. На столе начищенной медью сияло круглое, с древнееврейскими надписями, блюдо, то самое, с каким Юдифь вышла из шатра Олоферна. И теперь на блюде лежала голова, но не древнего персидского царя, а известного государственного телеобозревателя

Сатанидзе. Сам он в этот час брал интервью у посла Соединенных Штатов в Москве. Голова же его находилась в студии для специальной, задуманной Модельером процедуры.

Дело в том, что голова Сатанидзе жила отдельной от тела жизнью, питаясь зрительными образами и иероглифами. Потребляла их магическую энергию, продуцируя мощные психические импульсы - либо ненависти, либо подобострастия. Например, вид Президента, Премьера, отдельных министров, особенно силовых, а также американского флага, убитого иракского солдата или арестованного палестинца вызывал в нем приливы могучего энтузиазма, который был способен довести до кипения сталь, что и побуждало металлургов использовать голову Сатанидзе в мартенах. С другой стороны, вид красного советского флага, пятиконечной звезды, серпа и молота, а также свастики, портретов Гитлера, Евы Браун и министра экономики Фрика вызывал в нем столь бурную ненависть, что она могла на большом расстоянии расплавить железные фермы моста, отчего конструкторы оружия пытались использовать голову Сатанидзе вместо боевых лазеров. Именно эти свойства задумал использовать Модельер, специально отправив тело обозревателя на престижную встречу в посольство, сам же на время завладел головой.

- Готовы? - в крохотный микрофон он спросил режиссера, приступая к действу. - Эфир!..

Заработали камеры, ярче засияли светильники. Голова на блюде раскрыла глаза, отворила мокрые пунцовые губы, обнажив острые заячьи резцы.

- Свастику!.. - приказал Модельер. Девушка-ассистентка, длинноногая, в белой блузке и черном галстуке, облаченная в форму "гитлер-югенда", поднесла к голове вырубленный из жести фашистский знак. Голова раздулась, щетина на ней задымилась, губы жутко ощерились, и на них появился пузырь.

Камеры жадно глотали импульсы ненависти, посылали в волноводы. Те гнали их вверх по башне, сбрасывали в пространство. Во многих домах замутились экраны, лопнули кинескопы, а в деревне Ядрена Пядь убило ворону, отдыхавшую на телеантенне.

- Серп и молот!.. - приказал Модельер. Девушка с короткой прической, в красной косынке, напоминая комсомолку двадцатых годов, поднесла к голове вырубленную из жести эмблему крестьянина

и молотобойца. Казалось, голова вскипела от ненависти. Из ушей повалил пар, как из перегретого чайника. В ноздрях засвистело. Изо рта выпал огромный желтый язык. Оскаленные зубы пытались ухватить вырезанную из жести символику. Слышалось лязганье резцов по металлу.

Камеры всасывали потоки ненависти, переводили в электромагнитные волны. Сгустки энергий пролетали сквозь башню, нагревая кабели, срывались с антенны бесшумными взрывами. В окрестностях Москвы вышли из строя ретрансляторы, дал сбой коммуникационный спутник, а во многих родильных домах, где не выключили вторую программу, случились выкидыши.

- Портрет Иосифа Сталина!.. - требовал Модельер. Юноша в парадной форме лейтенанта Советской армии, с медалью за взятие Берлина, внес портрет Генералиссимуса. Приблизил к голове, и она превратилась в шаровую молнию. Стала крутиться на блюде. Изо рта ее брызгала жаркая ядовитая ртуть. Из глаз излетали сине-зеленые лучи. Она грызла свой собственный язык, издавая клекот, как если бы рот ей заливали расплавленным свинцом.

Операторы, заслоняя глаза защитными затененными щитками, снимали голову. Ее образ, окруженный плазмой, мчался сквозь башню, накаляя медные жилы, оплавляя изоляцию, наполняя зловонным дымом проложенный в башне желоб. Голова, превращенная в грозовую тучу, умчалась вдаль. В эту тучу влетел самолет Ил-76 Тюменского авиаотряда, его поразила молния, и, охваченный пламенем, он совершил аварийную посадку в аэропорту Омска.

- Запас прочности кабельных сетей исчерпан… Предлагаю прекратить трансляцию… - услышал Модельер голос испуганного режиссера.

- Не сметь!.. Под трибунал!.. - он свирепо оборвал режиссера, глядя, как вертится на раскаленном блюде голова. - Портрет Адольфа Гитлера!..- в ответ на его приказ появился эсэсовец в черном, из дивизии "Мертвая голова". Нес в руках поясной портрет фюрера. Приблизил к голове Сатанидзе. Та издала душераздирающий вопль, сверкнула адским огнем и лопнула, разбрызгав по студии "пылающий разум", который приклеился к стенам, словно напалм.

Телекамеры вышли из строя. Однако успели передать в волноводы сгусток огненного яда, который побежал вверх по башне, поджигая

изоляцию, расплавляя медь и серебро, превращая наполненную проводами шахту в воющий вихрь пламени. Как в гигантской трубе, пламя летело снизу вверх, сглатывая начинку башни, вырывалось сквозь вентиляционные люки клубами дыма.

Мэр еще держал стакан с виски, любуясь переливами ледяных кубиков, как центральная часть ротонды лопнула и в ресторан ворвался ревущий огненный вихрь. Тут же спалил все застолье, включая накрытую салфеткой мышь. Взрывная волна выбила стекла, и Мэр, сжимая стакан, пылающий как головня, вылетел наружу. Увидел близкий смоляной факел башни, от которого ветер уносил в сторону жирую черную копоть. Москва еще оставалась внизу, взирала на летящего Мэра тысячами блистающих глаз. Он падал, вытянув стакан с виски, в котором кубики льда отражали жуткое багровое пламя. Рядом носились стаи голубей и ворон, попадали в жар, обугливались, падали рядом с Мэром комочками огня.

"Лед и пламя!.. - пронеслось в голове у Мэра, который постигал пророческий смысл произнесенных Модельером слов. - Недаром мне приснился горящий с двух сторон окурок!.."

Он услышал треск вертолета. Винтокрылая машина нависла над ним, сопровождая в падении.

Из открытой дверцы выглянул Модельер, озаренный пламенем, закричал сквозь рокот и свист:

- Признайся!.. Еще не поздно!.. Где прячется террорист Эскамильо?..

Мэр, боясь расплескать виски, продолжал падать, чувствуя, как огонь испепеляет одежду и жжет ягодицы.

- У тебя еще остаются секунды!.. Я спасу тебя!.. Где прячется баск Эскамильо?.. - повторил Модельер, протягивая из вертолета руку.

Спасенье казалось возможным, желанным. Жизнь влекла своей бесконечной сладостью. Сулила новые начинания, - проекты монорельсовых дорог, беструбной канализации, вещевого рынка на Красной площади, питомника крокодилов в Москва-реке.

- Отвечай!.. - рука Модельера была совсем близко. Мэр видел его холеные, с легкими волосками пальцы, тяжелый серебряный перстень с вороньим камнем. Потянулся навстречу руке, видя, как рядом кувыркается опаленный розовый голубь.

- Первая Тверская-Ямская, дом двадцать два, галерея "Реджина"… - он собирался схватить спасительную руку, для чего отпустил стакан с виски. Но рука исчезла. Мелькнуло хохочущее беспощадное лицо Модельера. Вертолет отвернул и в крутом вираже ушел прочь от пожара. Мэр со всего размаха ударился об асфальт, разбрызгивая липкие капли. Горел на тротуаре как пропитанная варом ветошь, когда догорел, рядом опустился вертолет. Модельер наклонился над дымящейся горкой праха, лопаточкой зацепил сгоревшее вещество.

- Вот вам и пепел… А мед мы купим на рынке… - он откинул назад длинные волосы, взирая на грандиозный факел, пылающий в небе Москвы.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Аня и Плужников, разнеся по подъездам почту, углубились в переулки между Остоженкой и Пречистенкой; миновали арбатские улочки; вышли на стеклянное сверканье Нового Арбата; увлекаемые огнями, мерцаниями, течением толпы, вихрями у витрин и дверей, очутились в ослепительном магазине, где, казалось, было собрано все, что сотворяется на усладу и утеху человеку. Мерещилось, где-то в небе без устали работают невидимые мастера и умельцы, наполняя своими изделиями рог изобилия. Приоткрывается занавес неба, и из этого волшебного рога высыпаются тысячи мужских и женских туфлей, различного размера и цвета, разнообразных фасонов, с неповторяемой длиной и раскраской шнурков и пряжек, высотой каблуков, с золотыми и серебряными клеймами фирм и компаний. Все это богатство заполняло полки и стеллажи, блестело, пахло вкусной кожей, манило, зазывало; и люди не могли удержаться: ослепленные, хватали костяной рожок и с трепетом и нетерпением мерили дамские туфли из Италии, мужские штиблеты из Франции, практичные башмаки из Германии.

То же было и с дамским бельем, поражавшим кружевами, нежными прозрачными тканями, пленительными формами; то же и с ручными часами, мужскими и женскими, золотыми и в серебре, с хрустальными стеклами и с крохотными каплевидными линзами. Кожаные тисненые ремешки и усыпанные топазами браслеты, литые из платины обручи и искусные плетения делали часы произведением искусств. Запястье вожделенно трепетало голубой жилкой, ожидая, когда на него наденут восхитительное изделие. Небесный полог продолжал растворяться, и из волшебной мастерской сыпались бессчетные вазы, сервизы, музыкальные инструменты, шляпы, зонтики, умащения для кожи, благовония для волос, драгоценные флакончики с кремами и духами, ларчики и шкатулки для помады и пудры.

Плужников рассеянно двигался среди этого множества, оставляя Аню у витрин, перед которыми она замирала, словно перед ней открывался невиданный и прекрасный пейзаж. Его что-то влекло. Будто перед ним бежал сказочный клубочек, огибая множество ног,

проводя вдоль витрин, не останавливаясь перед изделиями стеклодувов, парфюмеров, скрипичных дел мастеров. Клубочек исчез перед стеклянным прилавком, на котором были разложены краски, карандаши, колонковые кисти, лежали альбомы, листы рисовальной бумаги..

- Должно быть, вы учитель рисования? - спросила его приветливая продавщица.

- Нет, ученик, - ответил Плужников, жадно рассматривая приоткрытую коробку, где маленькие фарфоровые ящички были наполнены алыми, золотыми, небесно-голубыми, изумрудно-зелеными, фиолетовыми и малиновыми красками. Их вид необъяснимо волновал Плужникова. Он чувствовал исходящий от них медовый аромат. Они и были как пахучие сгустки разноцветного меда, выпукло наполнявшие фарфоровые соты. Краски вызывали у Плужникова религиозное восхищение, как если бы он созерцал ненаписанную, но уже существующую в душе икону. Никогда не державший кисти, он ощущал свое умение, дарованную кем-то способность написать этот дивный образ.

- Масло?.. Гуашь?.. Темпера?.. - любезно предлагала продавщица. - Мольберт?.. Загрунтованный холст?.. Палитра?..

- Если можно, - Плужников чувствовал, как кто-то руководит его выбором, указывает необходимые принадлежности, - акварельные краски… Две кисточки, побольше и поменьше… И альбом для рисования…

Все это было извлечено из-под стекла, завернуто в нарядную упаковку, с улыбкой вручено Плужникову. И тот расплатился всем, что оказалось у него в кармане.

Он отыскал Аню среди ослепительных даров, которые переливались, благоухали, манили. Восхищенно раскрыв глаза, она смотрела на чудесное платье, отдельно от остальных выставленное на обозрение. Темно-вишневое, с глубокими переливами, открытое до плеч, с глубоким вырезом, оно спускалось нежными, легкими складками, источало легчайший блеск, какой исходит от крыльев темной лесной стрекозы. По лицу Ани пробегали свет и тень, как если бы она смотрела на темную текущую воду, по которой скользит луч солнца. Она была околдована платьем. И эта околдованность изумила Плужникова. Казалось, платье было выставлено именно для нее, чтобы

она увидела и восхитилась, забыла обо всем, устремилась в этот вишневый омут, в таинственный серебристый блеск, в переливы света и тени. Так распускает свой прекрасный ядовитый цветок болотное растение, заманивая пролетающих бабочек. Ждет, когда плененное красотой существо присядет на нежные лепестки, чтобы брызнуть ядом, оросить жгучей росой, захлопнуть клейкое соцветье.

- У меня никогда не было такого платья, - восхищенно сказала она. Плужников оглядел ее поношенный плащ, стоптанные туфли, простенький берет, из-под которого выглядывали невзрачные кудряшки.

- Так купи его, - сказал Плужников. И испугался. Не умея объяснить, откуда в нем это знание, что за голос предостерегает его, он чувствовал исходящую от платья смертельную опасность, словно ткань была пропитана бесцветным ядом, в нее были вплетены отравленные нити, вклеены губительные частички. И если надеть это платье, очутиться в его невесомых тенетах, отразиться в высоком зеркале белизной плеч, мягкой нежностью рук, стройностью ног, едва прикрытых до округлых колен, то платье жадно вопьется в тело невидимыми шипами, впрыснет смертельные яды, спалит и погубит.

- Платье прямо для вас! - улыбалась мужеподобная, толстогубая продавщица, чувствовала власть над Аней, готовилась снять платье с вешалки.

Плужников видел беззащитность милой ему женщины; глубинным зрением, как в прибор ночного видения, угадывал в душе продавщицы темный непрозрачный сгусток, напоминавший опухоль; тронул Аню за плечо, словно разбудил. Она будто вынырнула из-под воды на воздух. Ошеломленно смотрела.

- Не на что его купить, - вздохнула она, выбредая из волшебного потока на твердый берег. - Наш голубь еще не снес второе золотое яичко.

Уходили из волшебного, опасного мира. Платье переливалось им вслед тончайшими радугами. Толстогубая продавщица криво улыбалась из-за прилавка.

На улице шел мокрый снег. В переулках дул промозглый предзимний ветер. Из дворов пахло сыростью и тленом еще одной, безвозвратно исчезающей московской осени.

Они пришли домой, зажгли свет на кухне и увидели прижавшегося к мокрому стеклу голубя с опавшим крылом, нахохленного, взиравшего на них умоляющим темным глазком. Аня ахнула, открыла балконную дверь, внесла птицу под свет лампы. Оглядывала опаленные крылья, обожженные лапки, чувствуя в руках испуганное теплое птичье тело.

- Обгорел наш голубок… Где-то был большой пожар… - сокрушенно сказала она.

Плужников сквозь закрытые веки увидел пылающую в темном московском небе Останкинскую башню, багровую жирную копоть, бесчисленные, реющие в темноте искры, похожие на огненные чаинки.

- Надо лечить голубка… - хлопотала Аня, передавая Плужникову притихшую птицу, чье розоватое оперенье было опалено, маховые перья обуглены, и вся она казалась несчастной, беззащитной среди людских пожаров, бед и напастей.

Достала лекарства, мази, целебные растворы. Промыла раны, умастила ушибы, остудила ожоги. Нашла линялый голубой лоскуток, сохранившийся от девичьего платочка, и перевязала голубю крыло. Птица не вырывалась, терпела боль. Когда врачеванье было закончено, открыла клювик и поцеловала Плужникову и Ане руки. Аня достала из шкафа старую шубейку, смастерила из нее гнездо и посадила голубя. Раненая птица, прикрыв глаза, дремала под светом лампы, рядом с черным окном, на котором таяли и стекали хлопья мокрого снега.

Стихали шумы огромного города. Все реже по переулку с шипеньем проносились машины. Аня устроилась на диванчике, накрывшись пледом, читала Блока, и было слышно, как с ее шепчущих губ срывался невнятный стих: "Та, кого любил ты много, поведет рукой любимой в Елисейские поля…"

Плужников освободил под абажуром стол, поставил коробку с красками, налил в граненый стакан воду. Раскрыл альбом и выложил кисточку, замер в созерцании. Бумага ослепительно чисто белела. Вода в стакане казалось недвижной, как слиток. Краски в фарфоровых ячейках выпукло глянцевито блестели. Все было отдельно, разъято, таило в себе изначальный покой, остановившееся время, простоту несоединенных элементов. И только сердце таинственно и чудно дышало в предчувствии творчества.

Созерцание белого листа длилось минуту или час. Белизна волновала его, пугала, влекла: ее можно было потревожить черной резкой линией, и тогда возникнет подобье наскальных изображений; можно положить нежно-зеленый, травяной цвет, как на старинных церковных фресках; можно плеснуть ярко-голубым и лазурным, как на картинах французских мастеров, где балерины танцуют в аметистово-голубом воздухе. Он медленно взял кисть; окунул в стакан, услышав тихое бульканье; увидел сквозь стекло, как распушились в воде нежные волоски; вынул кисть с отточенным, блестяще-черным острием мокрого колонкового меха, держал над коробкой красок, позволяя руке выбрать и угадать самый важный, выражавший его сокровенную сущность цвет. Кисть опустилась на красный, несколько раз мягко коснулась, впитывая в темную глубину растворенную краску, перенеслась к альбому, сильно, страстно коснулась, оставив на белизне огненный алый мазок.

Он был как лепесток розы на белом платье, как брызнувшая на снег кровь раненого лося, как плащ ангела на иконе, как цвет закрытого века, когда смотришь сквозь него на солнце.

Этот первый мазок ослепил Плужникова. Он был восхищен его первозданностью, истинностью, творящей энергией. Это не он коснулся кистью бумаги, а чья-то благая, всесильная воля, словно молния, пробежала по руке, прошла сквозь колонковую кисть и ударила в белизну, оставив на ней сочную рану.

Рана влажно дышала, углублялась, обретала бесконечную глубину, была той раной, которую прободило копье на ребре Христа.

Плужников чувствовал, как этот надрез затягивает его, сладко влечет, повернулся к лежащей Ане:

- Пойдем…

Она послушно встала. Они вошли в белизну, в алый свет. Их подхватили могучие безымянные силы, пронесли сквозь миры и пространства. И они оказались на опушке осеннего леса, среди неопавших деревьев, на которые падал снег. Красные и желтые осины, ржавые дубы, темно-синие ели были в снегу. Земля на опушке была в сыром, благоухающем покрове. Они касались теплыми руками прохладной бело-голубой свежести, разгребали снег до земли, и на них из-под снега глянули алые листья брусники. Алый мазок на девственной белизне.

- Мы где? - спросила она, глядя на туманные, занавешенные снегопадом опушки.

- Мы в Раю, - ответил он.

- А почему снег?

- Мы в Русском Раю.

Он взял ее за руку, и они пошли сквозь лес, мимо темных огромных елей, чьи сумрачные пахучие ветки отяжелели от снега. Иногда с зеленой опущенной лапы сваливалась снежная кипа, и ветвь распрямлялась, качалась у самого лица. Вершины скрывал туман, пахло сырыми шершавыми стволами, мокрой хвоей. Хрупкая рябина с красной гроздью пригнулась под тяжестью снега. Крохотная лесная геранька, не успевшая доцвести, несла в фиолетовом венчике маковку снега.

- Ты сказал, мы - в Раю. А где же Бог? - спросила она, отводя гибкую, блестящую ветку орешника.

- Лес - наш Бог…

Они вышли на край широкого поля. Сухая стерня была покрыта белыми хлопьями, словно взбитыми сливками. За туманами, за медленной, опадавшей с небес белизной, золотились далекие размытые холмы. На них стояли леса, словно иконостасы, дышали, теплились, круглились бессчетными нимбами, туманились цветными лампадами, негасимыми свечами. Он любил эти чудные дали, обожал ненаглядную Родину, лелеял милую, нежную, божественную красоту.

- Ты сказал, мы в Русском Раю. Где же Бог?

- Снег - наш Бог…

Они вышли к болоту с темными пожухлыми тростниками, поломанными стеблями, с черной мертвой водой, на которую, не тревожа ее, падал медленный снег. И была в этом болоте сладостная тоска, воспоминание о минувшем лете, о белых пахучих цветах, о блестящих стрекозах и горячих ливнях.

- А где же Бог? - с пытливостью и упорством ребенка повторила она.

В тростниках раздался шелест и треск. Темная вода заволновалась. Сквозь заросли, проламывая стебли, чавкая и хрустя, вышел темно-малиновый лось. Бока его жарко дышали, окутанные паром. Влажные, похожие на трубы ноздри, шевелились. На огромной

лобастой голове качались рога, чутко двигались уши, блестели выпуклые, сиреневые, с блестящими точками глаза.

- Лось - Бог… - сказал Плужников, глядя на огромного теплого зверя, поднявшегося из глубины болота.

Медленно переступая высокими ногами, лось двинулся по снегу, оглядываясь на них, словно звал за собой. И они пошли за поводырем, чувствуя близкий запах огромного теплого зверя, наступая в сердцевидные отпечатки копыт.

Лось исчез, следы его канули. Они оказались в березняке, где воздух был голубым и серебряным. Его можно было раздвигать руками и плыть среди белых стволов, не касаясь земли.

Они плыли в невесомости негасимого света, и она говорила:

- Мы в Раю… Мы в Русском Раю…

Они увидели поляну. Среди снега, как в парке, стояли деревянные лавки. На лавках отдыхали святые и богомудрые старцы. На них были одежды, в которых ходят в лес по грибы и по ягоды. На некоторых были лапти, на других - резиновые сапоги, третьи и вовсе были босиком, и на снежной поляне виднелись следы их босых ног. У каждого была корзинка - с орехами, с последними, добытыми из-под снега грибами, с ветками красной калины для целебных настоев. Серафим Саровский, чуть поодаль, обламывал с берез нижние розовые ветки, складывал их в пучочки. Тихонько, светясь голубыми глазками, напевал: "Я в роще гулял, пруточкя ломал…" С лавки наблюдал за ним Сергий Радонежский.

Спросил ласково, с чуть заметной усмешкой:

- Пошто, Сима, прутья ломаешь?

- А как же, мятелки вязать, Сережа… С молитвенных камушков снег смятать…

Плужников и Аня отлетали сквозь голубые светящиеся стволы.

Приблизились к соседней поляне, где на лавках сидели известные на Руси воины и полководцы, все в домашней одежде, в вольных, навыпуск, рубахах, чтобы тело отдыхало от кольчуг и доспехов, от тесных мундиров и ременных поясов.

Маршал Жуков указывал Дмитрию Донскому на волнистый, покрывший поляну снег, из-под которого выглядывал засохший цветочек ромашки:

- Хорошо, нынче снегу много… Так бы всю зиму… Тогда и рожь уродится…

- Надо возы готовить… - ответил задумчиво Дмитрий Донской, глядя на засохший цветочек.

Перелетев розовую вершину березы с птичьим, полным снега гнездом, Плужников и Аня увидали, как на длинном бревне, сбросив с него нападавший снег, уселись философы, мудрецы и писатели. Старец Филофей сосал черную корочку хлеба. Николай Федоров нюхал снежок, который благоухал как прохладный сочный арбуз. Над поляной пролетела высокая сойка, складывая и распуская лазурные крылья. Лев Толстой проследил полет птицы.

Задумчиво сказал сидящему рядом Достоевскому:

- Сойка - это летающая незабудка…

Рядом, за березами, было шумно и весело. Молодогвардейцы играли в снежки, хватали сочный, синеватый снег, лепили комки, запускали друг в друга.

Сережка Тюленев, сдвинув кепку козырьком назад, крикнул:

- В кого попадет, тому и водить!

Любка Шевцова, в голубом крепдешиновом платье, румяная, озорная, пустила снежок в Олега Кошевого.

Снежок ударил ему в аккуратный пиджак, и Олег, счищая с груди снежную метину, смущенно произнес:

- Значит, мне водить…

Тут же, с краю, генерал Карбышев лепил снеговик. Три снежных шара, большой, поменьше и маленький, стояли один на другом. Темнели жухлой травой промятые шарами дорожки. Генерал вставил снеговику вместо глаз два золотых желудя, на плечи прилепил два красных кленовых листа, и они смотрелись как генеральские шпалы. Карбышев, отойдя на шаг, осматривал свое изделие внимательно и серьезно.

По соседству, на белой полянке, стояли Александр Матросов и Евгений Родионов.

Евгений держал на ладони серебряную цепочку с крестиком, что подарила ему перед самой Чеченской войной мама, Любовь Васильевна, говорил Александру:

- Больно тонка цепочка. Боюсь, как бы не порвалась…

Матросов серьезно рассматривал цепочку и крестик, отвечал:

- А я бы крест на бечевке носил… Как-то, знаешь, надежнее…

Плужников и Аня вознеслись над бескрайними березняками, среди которых, словно озера, сквозили поляны. От них подымались сияющие столпы света, и на каждой райской поляне пребывали святые и праведники, водили хороводы в алых сарафанах и красных рубахах, ступали крестными ходами, поблескивая крестами и окованными в медь священными книгами.

Они опустились на поляну, в драгоценный серебряный свет, увидели на снегу двух гуляющих ангелов. Оба были высоки, златокудры, с плеч спускались долгополые хитоны, алый и золотой.

Сквозь прорези на спине свешивались почти до земли розоватые крылья с уложенными крупными перьями. У того, что носил алый хитон, крыло казалось поврежденным, было перетянуто линялой голубой перевязью, в которой Аня узнала лоскуток своего девичьего платка.

Ангелы медленно шли, негромко беседуя, тот, что был с перевязью, сказал другому:

- Пока он не должен об этом знать… Время придет, узнает…

- Каждый узнает об этом в свой час, - согласился второй.

Они прошли несколько шагов, разбежались, раскрыли за спиной сильные крылья и полетели над поляной как журавли, вытянув сжатые ноги, сильно и плавно взмахивая. Пролетели над белизной, алый и золотой, и скрылись за вершинами. Плужников и Аня прошли по снегу, видя отпечатки их босых ног, росчерк маховых перьев, ударивших снежный покров.

Они миновали березняк и вышли в чистое поле. В небе драгоценно, морозно, образуя разноцветные дышащие россыпи, сверкали звезды. Снежная дорога, натертая полозьями, блестела. Они замерзли. Увидели распряженные сани с опущенными оглоблями. В санях было накидано сухое душистое сено, был брошен курчавый овчинный полушубок. На деревянном задке синели два нарисованных льва.

- Ложись, - сказал он, отворачивая тяжелую кудрявую полу. - Я рядом… Так будет тепло…

Они улеглись в душистое сено, в котором темнели головки клевера, усохшие соцветья горошка. Он укрыл ее тулупом, и они лежали рядом, выглядывая из-под овчины. Над их лицами блистали,

переливались, становились то голубыми, то розовыми, бессчетные алмазные звезды.

- Я хотела тебя спросить, почему в Раю столько берез?

- Это Русский Рай. Береза - райское дерево…

- Ты слышал, как святой угодник пел ту самую песню, которой я тебя воскресила?

- Песня про святые метелочки…

- Ангел с синим лоскутиком, который я ему повязала, он говорил о тебе? Ты отмечен чем-то особым?

- Тем, что тебя люблю…

Он просунул руку под ее теплый затылок, поцеловал ей сначала губы, потом раскрытую теплую грудь. Сани качнулись, скользнули вниз по дороге. Она заблестела, засверкала, высекая полозьями искры. Чистый ветер объял их и поднял на воздух. Они неслись среди звезд, которые застревали как светляки в кудрявой овчине, а когда опустились, еще несколько звезд догорало в бараньем меху, лежали недвижно, глядя, как над их лицами текут, переливаются звезды.

Среди звезд, невесомая и прозрачная, появилась прекрасная женщина. Стеклянные птицы держали над ней два шелковых платка. Женщина наклонилась, протянула из неба розу. Из розы капнула кровь. Упала на грудь Плужникова теплой каплей. Из капли с тихим посвистом вылетела ночная птица.

- Люблю тебя… - сказал он Ане.

Они снова были в маленькой московской квартире. На столе под лампой лежал раскрытый альбом. На белизне листа пламенел алый мазок.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Счастливчик проснулся на широкой кровати под шелковым балдахином, отороченным горностаем; балдахин был увенчан золотым мальтийским крестом - подарок магистра тайного ордена; спустил босые ноги на пол, осторожно, чтобы не задеть фарфоровую ночную вазу с журавлями - подарок премьер-министра Японии; сунул ноги в удобные шлепанцы, изготовленные из шкуры кенийского козла, - подарок любезного африканца; потянулся к тумбочке, где находился автоматический массажер в виде лягушки, - подарок американского президента; стянул с вялого после сна тела ночную рубашку, улегся, поставил себе на грудь массажер, нажал кнопку, и электронная лягушка стала скакать по всему его телу, перебирая лапками, массируя каждую жилочку, при этом приятно пела голосом Элвиса Пресли.

В эти минуты, перед началом тяжелого рабочего дня, под нежные, возбуждающие прикосновения лягушки, его посещали странные томления, загадочные недоумения, необъяснимые предчувствия, которые объединяло таинственное, не оставлявшее его вопрошание: "Кто я?" Он знал, что является Президентом могучей страны, любимцем многочисленного народа, героем многих повествований, баллад и красочных комиксов; помнил, что получил в управление эту русскую державу из рук своего великого Предшественника, совершавшего теперь кругосветное турне, в котором только вчера показывал изумленным полинезийцам, как ловко и бесстрашно поглощает мохнатых пауков-птицеедов; помнил, как упрямо шел к этой заветной цели, посещая сначала горнолыжную школу, а потом секцию карате: упорные схватки за власть - передние и задние подсечки, кувырки, подножки, работа прессом и ягодицами; упоительная сладость стремительных спусков по сверкающей, полной опасностей трассе и мерные, успокоительные подъемы в вагончиках канатной дороги, откуда отлично видны все коварные места, резкие изгибы, незаметные выбоины и ухабы; помнил юность, когда впервые был отмечен на конкурсе любителей природы, сделав удачное чучело тушканчика, а также детство, которое прошло в собирании фантиков и спичечных коробков.

Однако младенчество было покрыто туманом. Родословной не существовало. Имена отца и матери оставались неведомы. И это мучило его, рождало беспокойные сны, побуждало вести дневник, где на всех страницах, помимо записи погоды, перечня съеденных блюд и рейтинга, присутствовал неизменный вопрос: "Кто я?"

Электронная лягушка остановилась, повинуясь таймеру, соскочила с паха и вспрыгнула на тумбочку. Счастливчик, разогретый массажем, отправился совершать водные процедуры.

Напуская воду в большую белую эмалированную ванну, глядя, как падает шумная вода из блестящего хромированного крана, испытал знакомое, посещавшее его каждое утро переживание. К этой белой гладкой, покрытой эмалью ванне, наполняемой прозрачной, чуть зеленоватой водой, он испытывал сладкую нежность, безграничное доверие, какие ребенок испытывает к матери. Ее белизна, овальные формы, теплая влага рождали в нем реликтовую память о материнской груди, млечных ароматах, глубоком, теплом вместилище.

Ванна наполнялась, в прозрачной воде бегало и изгибалось отражение света, и этот электрический блеск, острые, пронизывающие воду молнии также волновали его, рождали сыновье чувство к отцу, к его мужественной воле, импульсивному пылкому нраву, который присутствовал в мерцающих, плещущих отражениях, странным образом сочетался с его жизнью и происхождением.

Счастливчик медленно погрузился в ванну, повернулся на бок, прижав колени к подбородку, замер в позе эмбриона, вызревающего в материнском чреве, сладостно забылся под плеск струи, продолжая задавать себе неразрешимый вопрос: "Кто я?"

Он был готов так лежать целую вечность. Этим чудесным плещущим звуком, белой теплой эмалью, волнообразными токами, омывающими его чресла и грудь, был отгорожен от жестокого враждебного мира, который нетерпеливо ждал его появления, насылал угрозы, обременял заботами и страстями. Его тяготило бремя власти, тяготил настойчивый и своенравный Модельер, который требовал от него противных его воле поступков. Он не любил доставшуюся ему власть, был создан для иного. Он бы и теперь с наслаждением собирал конфетные фантики, обмениваясь ими с коллекционерами из Токио, Рио-Де-Жанейро и Калькутты, строил бы из спичечных коробков удивительные сооружения, напоминающие космические станции,

стыкуя одно с другим. Вместо этого его теребили, дергали, требовали, чтобы он выглядел героем, сражался с Мэром и Плинтусом, посещал выставки отечественных товаропроизводителей, присутствовал при операции разделения сиамских близнецов, да еще это предстоящее помазание, это Торжество мира, с участием Президентов, Папы Римского и африканского колдуна из Камеруна.

Но, слава Богу, все это потом, не теперь. Теперь же - любимое материнское лоно ванны, родной искрометный отцовский взгляд, похожий на молнию света.

Его память о себе начиналась с туманного сновидения, из которого он всплывал как рыба из студня. Едва рожденного, в желеобразной, стекавшей по ножкам жиже, его завернули в немецкую газету, кажется, "Ное Лебен", в результате чего на теле навсегда отпечатались немецкие тексты и узорная готика заголовка. Затем его положили в чей-то склеп, где было очень холодно, пахло тленом, в нежную детскую кожу впивались мертвые кости, и противно пахли полусгнившие ботфорты. С тех пор он не мог без содрогания думать о Петре Первом, о городе на Неве, и особенно о Петропавловской крепости, где похоронены царские останки. Еще один эпизод - в виде красного коврика его постелили у входа в огромный дом на Лубянке, и он сполна испытал на себе тяжесть генеральских подошв. Однажды услышал фразу, обращенную к наступившему на него человеку: "Юрий Владимирович, вы заказывали манный пудинг". И ответ человека: "Скоро все там будем".

Этот эпизод многим давал повод считать его агентом КГБ. Он не отрицал. Тихо улыбался, когда его называли разведчиком.

После омовения телесного предстояло омыть душу. Для этого к нему от Патриархии был приставлен духовник Тихон, суровый, немногословный пастырь, в прежние времена работавший стеклодувом. От тех времен у него сохранилась привычка носить длинный клеенчатый фартук и кожаные грубые боты, а также складывать губы трубочкой, делая сиплые вдохи и выдохи. Лишь потертая скуфейка и длинные черные волосы, смазанные лампадным маслом, изобличали в нем духовное лицо. Он приходил во дворец к Счастивчику раз в неделю, для душеспасительных бесед. Счастливчик странно робел его, чувствовал некую сочетавшую их тайну, нуждался

в Тихоне, верил в то, что духовник не воспользуется этой тайной ему во вред.

Вот и теперь они остались с глазу на глаз. Счастливчик сбросил с себя одежды, послушно стоял перед Тихоном бос и наг, а тот из-под косматых бровей оглядывал его, обходя по кругу, легонько щелкнул в лоб, прислушиваясь. Это тоже была привычка, привезенная в столицу из Гусь-Хрустального, когда стеклодув ударял стеклянное изделие, по звону определяя, нет ли где брака.

- Не болит ли что? - поинтересовался Тихон, делая глубокий вдох, отчего грудь его непомерно расширилась.

- Здоров, отче, твоими молитвами… - смиренно отозвался Счастливчик.

- Нет ли трещин в душе? Может, какой надкол? - Тихон выпустил воздух, направляя сильную струю в спину Счастливчика, в район копчика.

- Как будто нет, отче… Никакого надколу…

- Не мучают ли видения? - Тихон осуществил вдох такой глубины и силы, что в комнате образовался вакуум и от перепада давления были сорваны занавески.

- Давеча было видение, будто вставили мне в задний проход соломинку и дуют, дуют, а меня все пучит, пучит… Что бы это значило?.. Разве я лягушка какая?

- Ты - сосуд Божий, - ответствовал Тихон, выпуская воздух, отчего со стуком раскрылись форточки.

Счастливчик был заворожен этой шумной работой легких, воспроизводивших пневматику мира, приливы и отливы бытия, сжатие и разреженность Вселенной. Он улавливал свою первородную связь с этими пульсациями, когда клеенчатый фартук вдруг мощно выгибался и Тихон увеличивался вдвое, а потом грудь его опадала и он становился плоским как лист бумаги.

- Еще мне мнилось, отче, будто Национальная гвардия Саддама Хусейна вся была надувной: танки, артиллерия, самолеты, ракеты среднего радиуса действия, и Саддам Хусейн надувной. Сначала их всех надули, а потом сдули, и нет их… Возможно ли такое, отче?

- Возможно, если дуть аккуратно, - подумав, ответил пастырь.

Он порылся под клеенчатым фартуком и вытащил оттуда большую закупоренную пробкой бутыль, наполненную мутным

снадобьем. Счастливчик знал этот сосуд, каждый раз тайно ожидал встречи с бутылью. К ней, стеклянной, созданной могучим дыханием Тихона, рожденной в его огромных, закопченных руках, напоминавших длани Творца, Счастливчик испытывал нежность, словно это была его сестра, и он, боясь обнаружить это неявное родство, тянулся к ней, испытывал потребность заботиться, по-братски воспитывать, а когда придет ее девический срок, удачно выдать замуж.

Тихон достал из кармана тряпицу, побрызгал на нее из бутыли и, обходя Счастливчика со всех сторон, мазал его в некоторых местах, словно прикладывал к телу жаркий целящий компресс, от которого по всем суставам растекалась медовая сладость, а в копчике начинала звучать чудесная классическая мелодия, напоминавшая "Неоконченную симфонию" Гайдна.

- Тихон, родной, не оставляй меня… Ты необходим мне… - просил Счастливчик, полузакрыв глаза.

- В делах государственных я тебе не советчик, - сурово ответил Тихон, пряча бутыль под фартук. - Но ежели разговаривать о Гусь-Хрустальном, или о венецианском стекле, или о прочих сущностях, - тут мне равных нету, - поклонился Счастливчику и, шаркая грубыми ботами, покинул покои.

Наступило время завтрака, когда перед ним появился Модельер. Счастливчик, повязав салфетку, вкушал разнообразные фруктовые и овощные салатики, а Модельер, блистая утренней свежестью, изящный, в напудренном парике, в облаке тонких благоуханий, держал свитки информационных донесений, приближал к ним лорнет и читал.

- Как сообщает Министерство топлива и энергетики, за истекшую ночь в различных районах страны сгорели девяносто восемь детей, среди них тридцать глухонемых и сорок пять из неблагополучных семей. Отопительный сезон не начат, а запасы топлива для малых котелен потрачены наполовину…

Морковный салатик, который Счастливчик поддевал серебряной вилочкой и отправлял себе в рот, был в меру сладкий, розовый, сочный, содержал необходимое количество витаминов, обеспечивающих нежный румянец ланит. Счастливчик тщательно пережевывал, слыша, как мягко и приятно выделяется слюна, как начинает вырабатываться желудочный сок и кишечный тракт пульсирует нежной, здоровой перистальтикой.

- Минувшей ночью в Москве, на проспекте академика Сахарова, были застрелены губернаторы Магаданской, Чукотской, Камчатской и Сахалинской областей. На месте преступления найдены пули от автоматической винтовки М-16, обрывок рыболовной сети и крабовые палочки. Предположительный мотив убийства - ревность супруга, заподозрившего губернаторов в связи с молодой женой. В интересах следствия имя убийцы не разглашается, однако известно, что он является известным театральным режиссером и работает в районе Таганки…

Счастливчик насаживал на вилку ломтики ананаса, резаные кружочки банана, прозрачные дольки апельсина. Вкусовая гамма тропических плодов, капельки сладкого сока, вкусная душистая мякоть благотворно сказывались на деятельности предстательной железы. Этот таинственный орган редко давал о себе знать, и теперь, когда его специально кормили, посылал Счастливчику сдержанные знаки благодарности.

- Непредвиденные паводки, селевые дожди и сходы лавин привели к затоплению Западной и Восточной Сибири, Среднего Поволжья, Ставрополя и Архангельской области, что заметно уменьшило миграцию китайцев в приграничные районы, снизило смертность от атипичной пневмонии и породило новый поворот в антикоррупционном скандале, связанном с хищением Бременской коллекции. Министр культуры, ссылаясь на глобальное потепление и таяние ледников Антарктиды, заметил по поводу исчезновения гравюр Дюрера: "Было, да сплыло…"

Счастливчик доедал свое любимое кушанье - растертые ядрышки лесных орехов, сдобренных сотовым медом. Еда была вкусной, калорийной, из рациона монахов-скрытников, ушедших в леса от суетного мира, вкушавшего плоды дерев и диких пчел, настраивала на созерцательное отношение к бытию, возвращало к вековечным вопросам. Однако, похоже, Модельера в настоящий момент не интересовала метафизика.

- Дорогой друг, сегодня у тебя День Правительства. Ты должен пойти к этим педерастам и потребовать от них более амбициозных проектов. Нам нужны деньги на предстоящее венчание, и деньги немалые. Если они и впредь станут торговать одной нефтью, они заслуживают того, чтобы их окунули в сырую нефть. Давно ждет

своего развития проект "Мир в обмен на мусор". Пущена первая труба, поставляющая нам из Европы отходы, в том числе и радиоактивные. Это одна из самых доходных статей бюджета после торговли детскими органами. Почему не пущена вторая очередь? Ты должен появиться сегодня в Правительстве, поставить вопрос об интеграции в Европу и вылить на голову каждого министра канистру нефти.

- А как же плановые посещения объектов, рассчитанные на поддержание рейтинга? - Счастливчик все еще чувствовал на устах вкус меда, который, при словах Модельера, приобретал вкус полыни.

- Твоя работоспособность позволяет сделать и то и другое…

Они быстро прошли в гримерную, где перед зеркалом Счастливчик примерил себе длинный нос цапли - к посещению Общества любителей водоплавающих птиц; отрепетировал на ковровой дорожке, как станет заворачиваться в самый большой в мире блин, испеченный в его честь отечественными товаропроизводителями, а также продемонстрировал быстроту, с какой облачался в подгузники, - перед посещением парашютно-десантного полка, комплектуемого по контрактному принципу.

- Я готов, - сказал он со вздохом Модельеру. - Можем ехать в Правительство.

Дом Правительства на Москва-реке был построен коммунистами на проклятом месте, без благословения батюшки, вопреки рекомендациям ученого-краеведа из Общества охраны памятников. Последний, ссылаясь на летописи, уверял, что в древности тут стояла баня, где мылись московские ведьмы. Они сходились в деревянную, расположенную на берегу мыльню, окатывались из ушатов, хлестали свои розовые ягодицы парными пучками, размахивая грудями, всем скопом неслись и падали в воду. Москва замирала от ужаса, слыша неистовые крики колдуний, которые вместе с паром и дымом взлетали в небо верхом на вениках и с высоты плюхались в реку. После этих сатанинских омовений Москва-река мелела до самой Коломны, на поверхность всплывали мертвые пудовые сомы, а по берегам случались оползни, уволакивая в реку целые посады. Господь недолго терпел безобразие. Июльской ночью, когда ворожеи, затащив в баню проезжего купца, мучили молодца, в проклятый дом ударила молния и сожгла дотла вместе с ведьмами, чьи обожженные косточки были похоронены тут же, перемешанные с прахом незадачливого купца.

С тех пор здесь горели мельницы, проваливались под землю мануфактуры, случались самоубийства и частенько наведывались еретики и смутьяны, проповедующие Антихриста. Накануне революции здесь состоялось массовое душегубство, когда солдаты стреляли в народ, а народ пулял в солдат булыжниками.

Огромный белый дворец, облицованный мрамором, возведенный Советами, наполненный до отказа деловитыми, ничего не делающими чиновниками, унаследовал участь прежних строений. Именно в этом месте, в девяносто первом году, провалилась под землю коммунистическая власть, когда демократы, захватив из домашних библиотек книги по черной магии, обосновались во дворце; служили черную мессу под звуки виолончели Ростроповича; совершили ритуальную жертву, защекотав до смерти академика, дядюшку советской ядерной бомбы; выставили из окна замотанного в тряпку летчика-афганца и подожгли три боевых машины из подразделений маршала Язова. Ельцин перед телекамерами сжевал корень мандрагоры, запив его литром спирта. Несколько женщин-демократок, раздевшись донага, бегали купаться в Москва-реку, где в них влюбился десантник, ради их пленительной красоты изменивший присяге и сгоревший впоследствии от несчастной любви на электропроводах.

Воронка в вестибюле пятого подъезда, куда провалилась Советская власть, была впоследствии тщательно замурована, но в этом месте бетон так и не мог никогда застыть.

Проклятье, лежащее на дворце, в полную меру подтвердилось в октябре девяносто третьего года, когда здание передали Парламенту и тогдашний спикер смешно и весьма достоверно копировал манеру, с которой Ельцин пил из горла водку, занюхивал рукавом, заедал огурчиком из рук Коржакова, отирал рот оконной гардиной. Парламент хохотал целыми днями над талантливыми пародиями спикера, пока верные Ельцину гвардейцы, дабы прекратить безобразие, не прислали к Парламенту танки. Те стреляли по дворцу, с особым удовольствием выбивая крестные ходы, которые водили вокруг Парламента православные.

Дом горел. Спикер перестал смешить депутатов. Кто-то добром разошелся по домам. Кого-то пришлось поморозить в моргах. Кого-то согрели в крематориях. Демократы предлагали срыть дворец и поставить на этом месте памятник танку-правозащитнику, но в дело

вмешались турки, отремонтировали дом, который затем передали Правительству.

С этих пор белый облицовочный мрамор, который, бывало, сверкал как янтарный мартовский снег, - обрел странный синеватый оттенок, такой бывает у мертвенной осенней луны в печальные мглистые ночи. Тоскующий взор смотрит на ночное светило сквозь мутные тучи, вдруг замечая летящую на метле растрепанную ведьму или сидящего в ступе Бурбулиса. Особенно странная синева проступала в доме ночами, когда он напоминал голубоватого, всплывшего из реки утопленника. В довершение раз в году, а именно четвертого октября, в годовщину расстрела, в стенах дома начинали звенеть все осколки и пули, застрявшие в мраморе и не извлеченные торопливыми турками. Кусочки металла посвистывали, постанывали, скрежетали, наполняя дом бессловесным стенанием, от которого едва не сошел с ума тогдашний премьер-газовик. Чтобы морально уцелеть, он был вынужден улететь в Сибирь, где заколол в рукопашной нескольких трехмесячных медвежат, на всякий случай связанных егерями железной проволокой. Этот надрывный металлический стон осколков не выдержало несколько кабинетов, а один из премьеров, маленький, с шаткой студенистой головенкой взращенного в барокамере младенца, обезумел и устроил дефолт.

В годовщину расстрела в подвалах дома раздавались молитвы, христианские песнопения, звучали революционные и советские песни, а также слышались пистолетные выстрелы и беззлобная матерщина ОМОНа. Все это было наваждением, но в таких условиях Правительство не могло работать, на три октябрьских дня все целиком уезжало в Ниццу…

Шло заседание, и вошедшему без предупреждения Счастливчику открылась странная картина. Почти никто из членов Кабинета не сидел на месте. Высокие стулья вдоль П-образного, знакомого каждому россиянину стола оставались пустыми. Зато все множество министров и их помощников находились в непрерывном движении: кто-то качался на занавесках, разгрызая кокосовые орехи; кто-то карабкался по стенам, изображая ловких тараканов. Один министр топориком рубил паркет, другой ловко ловил блошку в шевелюре соседа, третий из жвачки делал прозрачный пузырек и хлопал его о лоб товарища. Раздавалось сочное баритонное пение - певец исполнял арию из оперы

Верди "Травиата". Двое чистили на столе селедку пряного посола, вытирая друг о друга пальцы. Маленький язвительный министр без носа, специалист по жилищно-коммунальной реформе, вцепился в седые волосы специалиста по реформе здравоохранения, тянул что есть силы, но шевелюра оказалась шиньоном, наглец упал с пучком волос в руках, а объект нападения хохотал, сверкая лысым намасленным черепом. Одни министры были гигантского роста, но очень худы, покачивались и держались за стены, доставая головой потолка. Другие казались кругленькими упитанными карликами в шелковых колпачках, сновали между ног, закатывались колобками под стол и там, разорвав на клочки купюру в пять долларов, заново складывали ее, подражая игре "Собери сам". Было много знати, военных и статских, чинов жандармерии, мундиров и фраков. Ярко и парадно алела лента камергера, сам же камергер отсутствовал, находясь в заграничном плавании. Присутствовали много звезд культуры, знаменитостей от науки и техники. Была женщина-сова, мужчина-изюбр, отроковица-орангутан, талантливый отрок, который умер в раннем детстве и теперь был явлен гранитным памятником с надписью: "Я родом из-под Истры, там все скворцы - министры". И все это пестрое сборище веселилось, развлекалось, играло в шарады, разгадывало кроссворды, издавало забавные чмокающие звуки, что-то ковыряло, склеивало, латало огромной тяжелой иглой, которую втыкали сразу три члена кабинета, а другие три протягивали жесткую, скрученную из человеческой кожи дратву, сращивая кромки несуществующей, но очень добротной ткани.

Счастливчик несколько минут ошеломленно стоял на пороге, незамечаемый министрами, которых когда-то сам назначал.

Громко, с солдатской грубоватостью крикнул:

- А ну сядьте, мать вашу!..

Он был тут же замечен. Все опрометью кинулись по местам. Лишь Министр по безработице запутался в шторе, оборвал ее, неловко волоча по комнате, вместе с ней плюхнулся на стул.

Счастливчик негодовал. Он презирал эту стаю мелкотравчатых, лукавых и корыстных существ. Наставили на него заостренные рыльца с влажными, нюхающими носами, сложили послушно лапки, преданно взирали черными бусинами глаз, на дне которых светились красноватые искры ненависти и предательства.

Он отвечал им тем же:

- Ну вы, мелкая министерская сволочь, еда для прокуроров, мусорные контейнеры идей, нефтяные скважины, забитые илом, колобки из помета… Долго вы еще будете ебать мне мозги, обещая устойчивые три годовые процента роста?.. Да если бы вы ничего не делали, а только мастурбировали, сидя за этим столом, экономический рост давно бы превысил двадцать процентов!.. Может быть, мне сделать премьер-министром Анпилова, чтобы он погонял вас вокруг стола под красным флагом?.. Или опубликовать перехваты ваших телефонных разговоров с любовницами, которые золотят себе лобки церковным золотом и вшивают в гениталии бриллианты?.. Где, спрашиваю вас, козлы вонючие, обещанные амбициозные проекты?.. Почему до сих пор, гниды, не запущена вторая очередь Трансевропейского трубопровода, по которому Европа обязуется поставлять нам ежегодно триста миллионов тонн промышленных и пищевых отходов?.. Из них мы сможем готовить пищу для малоимущих слоев населения и одновременно насыпать под Москвой горный хребет для лыжных катаний под названием "Альпы-2"… Мне надоело вас уговаривать… Или вы, суки рваные, перестанете саботировать вхождение России в Европу, или я вас, дырчатые резинки, спущу в канализацию истории, где вам будет не скучно рядом с Лифшицем, таким же, как вы, экономистом, ядрена вошь!..

Он замолчал, тяжело дыша. От возбуждения у него носом пошла кровь, которую тотчас благовонной тряпочкой отер Модельер.

- Кровинки твоей не стоят, лапушка ты моя, - шепнул он Счастливчику.

Воцарилась мертвая тишина, среди которой было слышно, как в желудке министра-чревовещателя кто-то, длинный и скользкий, голосом тележурналиста Крокодилова, произнес: "Ой как страшно!" Молчание длилось минуту, час, всю половину двадцать первого века.

Молчание прервал Премьер. Он громко отодвинул кресло, встал в рост, эффектно выгнув колесом грудь, разбил о стол сырое яйцо, выпил, прокатив желток сквозь чуткое трепетное горло, положил одну руку за спину, другую просительно, привлекая к себе внимание, протянул к Счастливчику, откашлявшись, красивым баритоном, которому, как все знали, завидовал сам Паваротти, запел арию Мими из оперы Пуччини "Богема".

- "Зовут меня Мими…" - сообщал он всем присутствующим, прижимая руку к груди, где билось нежное, трагическое сердце натурщицы, которая, сраженная чахоткой, умирала в объятиях любящего ее живописца. Он пропел эти дивные строки, разом умолк и сел, поглядывая по сторонам властными глазами молодого ястреба.

Все закричали: "Бис!.. Браво!.." - направили театральные бинокли на оперную звезду.

Поднялся Министр по разоружению, выпускник филологического факультета Академии Генштаба. Утонченный острослов, лауреат конкурса бальных танцев, ненавидящий процветавшие в армии дурные манеры, а также ракеты класса "Земля-Земля", он рапортовал Президенту на отличном русском языке, отшлифованном опытными логопедами.

- Вы пожаловали на оперный спектакль, и поэтому вас не удивит, что армию мы формируем на антрактной основе, - скаламбурил он. - В перерыве позволю себе исполнить дивертисмент, он же дефиле, под аккомпанемент шотландских волынок, приобретенных как военный заказ. Входит в комплекс боевых упражнений спецназа ГРУ.

Вышел из-за стола строевым шагом; сделал крутой поворот через плечо, блеснув эполетом; направился в противоположную сторону, командуя себе самому: "Левой!.. Левой!.." - резко изменил направление, взяв "на караул"; повернулся на одной ноге вокруг оси, упирая в паркет отточенный мысок; вытянул вперед одну ногу, сделав несколько подскоков на другой, напрягая под трико красивое упругое бедро; легко вознесся, сделав в воздухе антраша, ударяя ножку о ножку; выхватил из ножен саблю, как если бы приготовился рубить лозу, сам же сделал шпагат и сидел в этой позе, скривив рот от боли, ибо давали знать раны, полученные под Аустерлицем; двинулся обратно к столу, но поскользнулся на банановой кожуре, подброшенной проказником из Министерства финансов; упал и охромел; добирался до своего места уже в гипсе, с орденом Кирилла и Мефодия за введение на Руси грамотности.

Следом докладывал остальной блок "слабовиков". Директор Федеральной службы бестолковости, ФСБ, тихо улыбаясь и не договаривая, сообщил, что старанием служб обнаружена исчезнувшая армия Саддама Хусейна. Танки находятся в Сирии и под видом такси, перекрашенные в желтый цвет с клеточками, перевозят пассажиров в

Дамаске. Сам же Саддам Хусейн, по всей видимости, выдает себя за одного из участников телепрограммы "Городок", скорее всего, высокого и дурковатого, что проверяется методами космической разведки.

Глава Министерства внутренних делишек носил прозвище Крыша, ибо постоянно повторял на коллегии министерства: "Крышата спасет мир". Он показал Президенту тщательно выведенные графики, из которых следовало, что если численный состав МВД увеличить вдвое, то и преступность возрастет вдвое, а если вовсе ликвидировать МВД, то и преступность скатится до ноля. Графики были выведены теоретически, с использованием тензорного анализа, но поразительным образом совпадали с эмпирическими данными, что изрядно забавляло министра, сухощавый и белесый, как старая береза в лишайниках, он устал от беззакония, от заказных убийств депутатов и просился в публичную политику.

Доклад "слабовиков" внезапным и не совсем обычным образом прервала дама, Министр социальной беззащитности, нежности и любви. Безупречно одетая, в малиновом платье от Диора, украшенная бриллиантами, с пучком фиалок в искусственных волосах, с огромной изумрудной брошью, изображавшей фаллос Голиафа, она поднялась, чуть отошла и стала раздеваться: совлекла верхние одежды; отколупнула от могучих грудей металлический бюстгальтер, отчего груди пролились на живот как желтое, вываленное из самосвала тесто; устало расстегнула корсет, освобождая огромный синеватый живот с мертвым дуплом пупка; стянула бикини, переступая толстыми и венозными, как два баобаба ногами, открывая могучие влажные заросли, в которых цвели дикие орхидеи и гнездилось множество ласточек-береговушек. Прислужницы быстро убрали сброшенную и слегка дымящуюся одежду, принесли свежее облачение из драгоценного французского шелка, с черными жемчугами и голубыми сапфирами, усыпавшими фаллос Давида. Все, что минуту назад в ней растекалось, вновь было собрано, упаковано, помещено в компактные удобные оболочки, превращавшие даму в образец красоты и моды.

Кабинет министров, затаив дыхание, наблюдал обряд переодевания. В чьем-то переполненном желудке голос Крокодилова с придыханием произнес: "Неужели такое возможно?" И лишь когда дама вернулась на место, слово взял Министр катастроф, паводков и

песен в стиле "кантри". Избегающий пустословия, привыкший к конкретике, умеющий убеждать не столько логикой, сколько фактом, он шумно шмякнул на стол поношенный туристический рюкзак, стал извлекать из него и показывать Президенту все, что удалось сберечь для народного хозяйства в череде захлестнувших страну катастроф. Здесь были: кусок обгорелой фермы моста через Амур, вполне сохранившийся обломок турбины от упавшего накануне самолета, обрезок трубопровода с различимой надписью "Маннесман", лишь слегка помятый взрывом газа, хрупкая берцовая косточка глухонемого ребенка, извлеченная из огня героическим пожарным. Желая приблизить свое повествование к реальным условиям, он показал бутылку с водой, зачерпнутой во время паводка в Якутии, потряс над столом заклеенным целлофановым пакетиком, где витал завиток дыма, пойманный среди горевшей тайги, в жестяной коробочке от монпасье хранилась грязь селевого потока, сошедшего в Осетии, а в кожаном чехольчике - ссохшийся от голода желудок иракского мальчика. Доклад был выслушан с пониманием. Министру было обещано лидерство в крупнейшей проправительственной партии, созданной из бывших коммунистов на бесчеловечной основе.

Напряжение, возникшее вначале от нервного появления Президента, мало-помалу сменилось непринужденной дружеской атмосферой, какая обычно царила на заседаниях Правительства.

Министр по безработице и невыплате зарплат бюджетникам заявил:

- Господа, мне кажется, мы пренебрегаем нашими резервами. Вместо того чтобы устанавливать льготы инвалидам Чернобыля, можно добывать из них обедненный уран и затем, продавая Америке, изыскивать деньги на лечение спасателей. Американцы же, изготавливая из обедненного урана сердечники для снарядов, будут знать, кому они, в конечном счете, обязаны победами над арабами.

Министр экономики и дефолта пускал бумажных журавликов, метя в переносицу Министра внешних и сексуальных сношений. Морщинки последнего образовывали свастику, которую тот тщательно гримировал под звезду Давида.

Один из журавликов ткнулся в переносицу, что заставило носителя свастики раздраженно воскликнуть:

- Чего вы достигаете, пуская по ветру своих бумажных дракончиков?

- Узнаю "розу ветров", - был ответ.

Министр неполного образования не мог отмолчаться и произнес: "Многие знания умножают скорбь", - при этом достал из коробка заранее припасенного клопика и незаметно посадил за ворот Министру путей разобщения.

Министр бескультурья и матерщины заметил проделку соседа, но не выдал его, а только буркнул: "Ебенать". При этом достал из кармана обрывок гравюры Дюрера, скомкал и бросил в корзину для бумаг, которую тотчас же унес его помощник. Так, по частям, уходила на запад Бременская коллекция.

Министр финансов и романсов попытался рассказать, как ему, переодетому в стриптиз-жокея, удалось отсрочить выплату долгов "Парижскому ночному клубу".

Но его уже мало кто слушал. Бог весть откуда появилась недоеденная селедка, и ее обладатели начали ссориться, раздирая рыбу на части. Вновь заметались под столом похожие на колобков карлики - закатывались на колени к министрам, удобно устраивались, притворяясь спящими, прудили и с хохотом убегали. Два озлобленных горбуна выщипывали один у другого клочковатые бороды. Министр разоружений самозабвенно танцевал дефиле, крутясь на загипсованной ноге. Министр катастроф и паводков рассек целлофановый мешок и выпустил дым сгоревшей тайги в нос Министра путей разобщения, отчего тот разом обмяк. Министр бескультурья и матерщины старательно писал на стене слово из трех букв. Министр болезней и эпидемий вел непрерывные споры, в том числе и споры сибирской язвы.

Все смешалось, копошилось, тузило друг друга. Двое на столе бодались как резвые козлики. Двое других добрались до склада яиц, принадлежащих Премьеру, уселись на них, изображая кур-несушек.

Премьер стоял за спинкой кресла, стараясь перекричать гвалт и визг, пел арию Надира из оперы "Садко", многозначительно поглядывая на председателя Центробанка:

- "Не счесть алмазов в каменных пещерах…"

И все вдруг умолкли, видя, как на стене, за спиной Премьера, жутко разрастается, страшно кровенеет, проступая сквозь белую

штукатурку, багровое пятно - клякса от расплющенного защитника Дома Советов, в которого угодил танковый снаряд генерала Грачева.

- Козлы!.. Продукты пищеварения!.. - в нервическом припадке закричал Счастливчик. - Немедленно вон отсюда!.. Я вас научу кататься на горных лыжах!..

Модельер его успокаивал:

- Не расстраивайся, лапушка… Я уже завел на всех уголовные дела по факту взяточничества…

Гнев Счастливчика скоро прошел. Он отыскал утешение в шутке, которую задумал сыграть с Кабинетом. Вывез всех на горнолыжный курорт в районе Яхромы. Туда, по каналу Москва-Волга, на баржах завезли из северных районов России свежевыпавший снег, насыпали вдоль горнолыжной трассы, которая завершалась глубокой замаскированной ямой, наполненной сырой нефтью. Счастливчик выстроил Кабинет на вершине. Первый скользнул вниз, грациозно виляя по склону. Следом, неумело, враскоряку, с трудом удерживаясь на ногах, покатились министры. У подножья Счастливчик ловко вильнул, резко ушел в сторону, а злополучные министры скатились и угодили в нефтяную яму. Стояли, все черные, липкие, похожие на птиц, попавших в нефтяное пятно, жалобно сетовали и роптали.

Счастливчик в обнимку с Модельером, оба красивые, в бело-розовых спортивных костюмах, опирались на лыжные палки и кричали министрам:

- Это все причуды нефтяной экономики!.. А если мы вам газу подпустим?..

Плужников после посещения Рая испытывал постоянное, неисчезающее вдохновение, как художник, в котором зрел замысел чудесной картины. Избыток сил, которые скопились в его молодом и радостном сердце, обращался наружу пучками яркого света, как если бы в сердце у него был фонарь маяка, кидавший в мир лучистые вспышки любви. Он любил всех, кто встречался ему на пути среди московских переулков и улиц, любил фасады домов с их старинной лепниной, пролетавшие мимо лимузины, напоминавшие то стремительных гладких гончих, то смешных и сердитых мопсов, то тяжелых, с наклоненной головой волкодавов. Он любил город в последнем осеннем солнце, с темными лужицами на асфальте, где прилипли желтые опавшие листья, любил Аню, свою драгоценную и

ненаглядную, вокруг которой глаза его различали легчайшее золотистое зарево, нежный свет, окружавший ее голову и руки.

Он все время ощущал присутствие рядом с собой и в себе чьей-то невидимой, благой и могучей воли, направлявшей его. В голове возникали огромные, ему не принадлежащие мысли, подобные учениям, которым он никогда не обучался, но которые достались ему даром, вложенные все той же благой и всеведущей волей. На губах вырастали, но еще не смели прозвучать, небывалые слова и речи, и дыхание для их произнесения становилось глубоким и чистым.

Аня испытывала недомогание: видно, слегка простудилась в Раю, лежа в санях на холодном клеверном сене. Плужников взялся разносить дневную почту, нагрузился сумой, взглянул на стол, где лежали краски, кисточки и альбом для рисования, еще пустой, но уже готовый наполниться великолепными рисунками, вышел в город.

Старый доходный дом, в котором он не раз бывал вместе с Аней, напоминал корабль на стапелях, где его окружили лесами, ремонтировали, замазывали трещины в бортах, очищали дно от прилипших за долгое плавание ракушек и полипов. Почернелый, состарившийся, потерявший былую помпезную красоту и величие, дом вновь обретал свой истинный лик. Избавлялся от прежних жильцов, переполнявших коммунальные квартиры, и эти опустелые квартиры чистили, выметали, выскребали, изгоняли из них дух семидесятилетней эпохи, готовя для новых жильцов, для их роскошных спален, дорогих кабинетов, великолепных гостиных с картинами, зеркалами, дорогими гобеленами и гардинами. Но часть прежних жильцов оставалась, шевелилась среди убогого скарба, помнившего громогласную, тяжеловесную эпоху, которая промчалась и канула как грохочущий за окном самосвал.

Плужников, пренебрегая лифтом, поднимался на этажи среди запахов известки, чугунных поломанных поручней, тусклых витражей, на которых, едва различимые сквозь копоть, просвечивали лилии и орхидеи.

Квартира, где еще недавно проживал знаменитый советский ученый Иван Иванович, была раскрыта настежь. Входили и выходили рабочие, выносили утлые остатки поломанной мебели, которую не успел продать незадачливый, вечно хмельной изобретатель. На площадке стоял маленький, полненький, с надменным кавказским

лицом человечек, в дорогом облачении, в модных начищенных штиблетах, видимо, новый хозяин квартиры. В пухлых ручках, усыпанных драгоценными каменьями, держал настольную эмблему первого спутника Земли - металлический, запыленный шарик с четырьмя усиками антенн на пластмассовой подставке, где виднелась медная окисленная табличка с дарственной надписью. Человечек рассматривал ненужную вещицу, раздумывая, куда бы ее кинуть.

- Это что?.. Грецкие орехи колоть?.. - усмехался он, иронично поглядывая на предмет, переводя глаза на проходящего Плужникова, чтобы тот оценил его шутку. Усатый шарик выглядел жалко и беспомощно среди золота перстней, бриллиантов и изумрудов.

Плужникову было жаль надменного и ироничного горца, усыпанного самоцветами, которому судьба подарила несметное, свалившееся из русского неба богатство, и которого она уже поразила неизлечимой, гнездящейся в печени болезнью. Было жаль, что он не понимает, какую чудесную и волшебную вещь сжимают его пухлые пальчики, на которых, словно нарывы, сверкали перстни.

- Что это за колючий ежик?.. - спрашивал у Плужникова смешливый тат.

- Это спутник нашей жизни, моей и вашей… - ответил Плужников, чувствуя, как в душе его открылся светоч и пучок невидимых жарких лучей коснулся спутника. Азербайджанец отдернул руку, словно ожегся. Спутник вспорхнул, нежно светясь, поднялся под потолок, сделал несколько кругов и вылетел в приоткрытое окно, издавая нежные пиликающие звуки.

На другом этаже Плужников остановился у обшарпанных, некогда тяжеловесных дубовых дверей, теперь же многократно закрашенных грубой масляной красой, со множеством звонков и фамилий, населявших громадную, словно пещера, коммунальную квартиру. Надавил на звонок с табличкой "Князева", вызывая из глубокой катакомбы женщину по имени Валентина, чей сын служил в неспокойной Чечне. Пока начинали звучать за дверью торопливые шаги, вынимал из сумки письмо, помеченное казенным штемпелем, без марки, какие обычно исходят из армейской полевой почты. Конверт в его руках вдруг наполнился страшной тяжестью, будто был создан из несуществующего на земле сверхтяжелого элемента. Руку с конвертом тянуло вниз. Не вскрывая письмо, Плужников знал, что в

нем содержится скупое командирское извещение матери о том что ее сын Николай Князев погиб в бою в Аргунском ущелье, смертью героя во время боевой операции. Из письма исходил черный огонь. Плужников, почти теряя сознание, слышал, как открывают дверь. Знал: Валентина увидит его, примет письмо, прочитает его на пороге и тут же замертво рухнет, издав жалобный крик подстреленной птицы. Его сердце испугалось, заметалось, заколотилось в груди. Он слышал ребрами больные удары сердца. Не умея спасти гибнущий мир, который погибал прямо здесь, на обшарпанной лестничной клетке, у замызганных стен, где кто-то синим спреем начертал похабное слово, Плужников обратил свое сердце к Тому, Кто сопутствовал ему неотступно, был его вдохновителем, побуждал дышать и любить. Его мольба была бессловесной, была воплем изнутри гибнущего, обреченного города, где уже начинали качаться колокольни и останавливаться на башнях часы.

И вопль его был услышан… Дверь в квартиру растворилась. Бледная, исхудалая женщина взглянула на него умоляющими глазами, приняла конверт, из которого острыми языками било черное пламя. И в это же время зашумел, заскрипел внизу лифт, подымаясь на дрожащих канатах. Женщина неловко раскрывала конверт. Лифт остановился и звякнул. Дверь растворилась, и на площадке появился статный солдат с заплечной котомкой, в своем загорелом красивом лице повторяя увядшие черты бледноликой женщины.

- Коля!.. Сыночек мой!.. - она кинулась солдату на грудь, роняя нераспечатанное письмо, вокруг которого гасли черные зубцы пламени.

Плужников счастливо вздохнул и молча воздал хвалу Тому, Кто был рядом и услышал его панический вопль.

Он продолжал свой поход, приближаясь к дверям, чувствуя, как в глубине квартир, словно в парниках, скопился душный воздух человеческих жизней - болезней, печалей, ссор, унылого одиночества, беспричинной ярости, и редких вспышек умиления и радости, наивного счастья - в тех квартирах, где раздавался детский смех.

Перед одной из дверей он остановился, пытаясь уловить тонкие, текущие сквозь деревянные створки энергии. Здесь жила старая больная актриса, поджидающая весточки от легкомысленной дочери, которую носила по миру жажда развлечений, успеха, и не было

времени черкнуть старой матери письмецо. Теперь письмецо, написанное наспех в одной из маленьких французских гостиниц, лежало в сумке Плужникова. Он извлек его, предвкушая, как передаст конверт с фиолетовой французской маркой в руки благородной, пепельно-серой даме, увидев, как вспыхнут счастьем ее выцветшие голубые глаза; звонил в дверь, слыша, как гаснет звук в глубине квартиры. Никто не шел открывать, и сквозь дверь не было слышно духов печали, нежности и любви, словно квартиру наполнила глухая тяжелая вода, поглотившая всякую жизнь.

Плужников продолжал настойчиво звонить. На его требовательный непрерывный звонок отворилась соседняя дверь. На пороге возникла толстая, неряшливо одетая женщина с отечным экземным лицом. Плужников помнил эту сердитую женщину, накинувшуюся с бранью на Аню, ожидал, что брань повторится и, уберегая себя от оскорблений, обращал к недовольной женщине всю свою кротость, терпеливое смирение, заранее ее извинял. Но брани не последовало. Грубые, тяжелые складки нездорового лица умягчились. Среди отеков, серых неряшливых косиц, недобрых бегающих глаз возникло отражение иного лица: милого, доброго, деревенского.

- Не звони, сынок. По ней теперь колокола звонят. Я, грешная, ее обижала. Я бы теперь прощенья у нее попросила. Я - баба скверная, всех обижаю… - она горестно, по-деревенски подперла щеку пухлой ладонью. И Плужников испытал к ней жаркое сострадание, необъяснимую благодарность.

- Нет, вы не скверная… Вы добрая… Просто вам много горького пришлось испытать…

И женщина вдруг зарыдала, стоя на пороге запущенной коммунальной квартиры, в неопрятном домашнем халате, из-под которого выглядывали больные распухшие ноги, рыдала, размазывая по щекам быстрые прозрачные слезы. Плужников низко ей поклонился.

Он шел по городу, пробираясь сквозь переулки и подворотни, и одновременно парил над Москвой, озирал с высоты всею ее огромность, вплоть до туманных, укрытых перелесками окраин. Город напоминал огромный рентгеновский снимок, где отпечатались скрытые болезни и язвы, затемнения и участки омертвелой плоти. Этих темных чахоточных сгустков было множество. Они зарождались,

уплотнялись, сжирали здоровые ткани, превращались в каверны и дыры, в которых творилась загадочная страшная смерть, исходил черный огонь. Эти очаги темного пламени были похожи на ползающих морских звезд, шевеливших своими черными щупальцами. Город весь был покрыт черными ползающими созвездьями смерти, и каждое причиняло Плужникову боль, жалило, било огнеметами, обжигало тьмой. Он шел, чувствуя поразившую город болезнь, его мучительное умирание. Москва казалась смертельно больным великаном, облаченным в дорогие одежды, в золото и шелка, лежала на пышном ложе, под роскошным балдахином, в бреду и стенаниях, и не было сил подняться.

Плужников пробирался улочкой в окрестностях Зачатьевского монастыря и внутренним оком видел, как сквозь кирпичную стену чуть брезжит свет, - это несколько немолодых монахинь собрались в храме у горящей лампады и молились перед образом о сохранении Града. Но дальше, вокруг стен, где разместились нарядные особняки, важные офисы, великолепные дома и стоянки с дорогими лимузинами, сгущались сумерки, наползала пепельная тьма. Один из небольших, чудесно отреставрированных особняков был погружен в кромешный мрак. Из нежно-бирюзовых стен, белых колонн, хрустально-прозрачных окон била жестокая тьма, вырывалось черное пламя, извивались смертельные жалящие языки, тянулись к Плужникову, стараясь его ужалить, ядовито укусить, обмотаться вокруг шеи, задушить в жестоких удавках.

Он отшатнулся от источника болезни, желая уцелеть, ускользнуть от тлетворного сгустка, не вдохнуть отравленный воздух. Перед тем как свернуть в проулок, направил внутреннее око сквозь бирюзовые стены дома.

Увидел - комната с широкой кроватью. На полу - голый худенький мальчик, тонкая шея, пугливый хрупкий хребет, раскрытые в ужасе глаза. Над ним навис здоровенный голый мужик с волосатой грудью, обезьянними кривыми ногами, красным слюнявым ртом. Чуть в стороне, тихо улыбаясь, присел старик с гнойно-слезящимися глазами, венозными голубоватыми пальцами, на которых блестел золотой перстень. Тут же установил треногу с телекамерой ловкий оператор, готовый снимать мерзкую сцену соития. Лежали кассеты с отснятыми, готовыми к продаже сюжетами. Тайная мастерская по производству

детской порнографии размещалась за красивым благородным фасадом. Как каракатица, поселившаяся в центре Москвы, источала в мир кромешную тьму.

Плужников, качнувшийся, было, в сторону, был поражен увиденным. В нем взбухли жилы, наполнилось ненавистью сердце. Он двинулся к особняку, исполненный яростного стремления, с каким идут в атаку. Темное пламя лизало его, дуло испепеляющим черным огнем, выжигало глаза, впивалось в сердце. Одежда на нем горела, тело покрылось ожогами, но он шел навстречу стреляющей тьме, раздвигая ее, чувствуя, как она ударяет в грудь подобно стенобитному орудию.

В подъезде стояли охранники с нарукавными наклейками "секьюрити". Попытались не пустить Плужникова, но он мановением руки отшвырнул их в разные стороны, по мраморной лестнице взбежал на второй этаж, отыскал ненавистную дверь, распахнул. Голый мужик волосатыми лапищами ощупывал тонкие плечи мальчика, дышал ему в хрупкую шею. Сладострастный старик на кресле раскрыл слюнявые губы. Оператор бойко крутился, наведя на постель глазок телекамеры.

Плужников возник на пороге в грохоте и свисте лопаостей, как если бы ворвался боевой вертолет с подвесками бомб и снарядов, грохоча орудием, долбя пулеметом, наполняя комнату вихрями винтов. Ярость и сила удара опрокинула треногу, расплющила телекамеру. Он выхватил мальчика из косматых лап насильника и отнес туда, где на теплом морском берегу когда-то размещался детский лагерь "Артек", оставил его перед клумбой ароматных цветов. Сам же вернулся в особняк, где звучала сирена тревоги и трое растлителей ползали по полу, оглушенные внезапным ударом.

Ненависть к ним Плужникова была непомерна. Божественные негодующие силы делали его орудием возмездия. Он вперил в поверженных мстящий взор. Из рассыпанных кассет выскочили три косматые узкомордые крысы, с разбега впились в голого насильника, обмочившегося старикашку, вертлявого оператора, пробили заостренными рыльцами их животы, поселились в желудках. Те дико возопили от боли, стали покрываться шерстью. Лица их превратились в крысиные морды. У каждого вырос голый скользкий хвост. Огрызаясь, скаля усатые морды, они выпрыгнули из окна, громко

шмякнулись на асфальт, побежали по переулку к набережной, цокая когтями. Перемахнув парапет, плюхнулись в реку, насмерть испугав подвыпившего бомжа, который принял их за хмельные кошмары.

Плужников, страшно усталый, словно прожил за эти минуты десятилетие жизни, вышел из особняка, слыша истошный вой сирены, на который уже выныривала милицейская машина с мигалкой, устало побрел по городу.

У метро "Парк культуры", где Садовую пересекала дуга эстакады и два автомобильных потока неслись как блестящие шарики в обойме подшипников, Плужников остановился среди киосков, уютных магазинчиков и лотков, окружавших помпезный вход в метрополитен. Было людно, торговали цветами, раскупали газеты, пили из горлышка пиво, жевали сосиски, торопились к каменным аркам с померкшими сталинскими барельефами, кидались вслед отъезжавшим троллейбусам. Плужников остановился у небольшой очереди перед киоском, где пестрело множество банок, бутылок, флаконов, пакетов с соками. Через туманную, наполненную непрерывным скольжением Садовую виднелись ампирные Провиантские склады. За эстакадой как дрожащая размытая струна серебрился Крымский мост. На проспекте, куда уносился вихрь машин, чудесно цвела хамовническая Никольская церковь, напоминавшая осеннее златоглавое дерево.

Плужников стоял, испытывая странное воодушевление, нежность к неподвижным, прислоненным одно к другому строениям, благодарность к незнакомым, окружавшим его людям, живущим в одно с ним время, говорящим на том же, что и он, языке.

- Не надо отчаиваться… - негромко произнес он. Несколько стоящих рядом людей оглянулись на него, рассеянно оглядели и снова стали рассматривать пестроту флаконов и банок. - Любите Россию, - произнес он, и люди, стоящие в очереди, обернулись на него. - Любите русский народ, самый добрый и светлый в мире. Любите детей, преклоняйтесь перед женщинами, чтите стариков… - люди смотрели на него, желая понять, кто этот молодой, невидно одетый человек, произносящий ошеломляющие, давно не звучавшие слова. - Любите цветы и деревья, воздух и воду, землю и камни… Любите Пушкина… - Вся очередь теперь обратилась к нему. Стали подходить другие, вслушивались в его негромкую речь. Два агента спецслужбы "Блюдущие вместе" затесались в народ, выставили из-под одинаковых

черных шляп одинаковые собачьи ушки. - Россия - святая и чистая. Если будем ее любить, то спасем и вместе с нею спасемся… Не надо отчаиваться… - повторил он чьи-то задушевные, из любящего сердца исходящие слова, обращая их посторонним людям.

- А ты кто такой? - спросил его агент "Блюдущих вместе". - Есть документы?

Другой попытался схватить его за локоть.

- Чего к человеку пристали, шляпы… - произнес пожилой рабочий, оттесняя агентов. Другие люди заслонили Плужникова, повлекли к троллейбусной остановке, посадили в отъезжавший троллейбус. Он сел у окна. Глядел, как проплывает мимо хамовническая златоверхая церковь, и не мог понять, кто вложил ему в уста эту проповедь, кто побудил проповедовать, повторял душевную фразу, которой его одарили: "Не надо отчаиваться…"

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Президентский кортеж мчался по Москве, напоминая черную сверкающую комету. Тяжеловесные головные машины с хромированными ножами резали автомобильный поток, сбивая с дороги нерасторопных водителей, так что в стороны летели и перевертывались охваченные пламенем автомобили, с хрустом шмякались о стены домов. Ревел сиреной огромный, похожий на катафалк вагон, где размещался центр правительственной связи, подвижной командный пункт стратегических ракет и несколько личных президентских звездочетов и экстрасенсов, поддерживающих постоянный контакт со своими американскими, английскими и израильскими коллегами. В отдельном автомобиле размещалась мобильная клиника с аппаратом искусственного дыхания, искусственными сердцем и почкой, искусственным мозгом и банком готовых для пересадки органов, включая семенники юноши, погибшего утром от ножевого удара. В нескольких автомобилях ехала свита референтов, журналистов, придворных шутов, карл и карлиц, горбунов, массажистов, юмористов и эстрадных певцов, которые в дороге продолжали ссориться, ревновать, подстраивать друг другу мелкие пакости, так что пресс-аташе Президента время от времени больно шлепал их мухобойкой. В замыкание следовали два броневика с охраной, которая расстреливала из автоматов подозрительных, остановившихся на тротуарах прохожих, состязаясь в меткости и стрельбе влет. В центре кавалькады, в бронированном, с тонированными стеклами "мерседесе" сидели Модельер и Счастливчик, и первый, забавляя Президента, мило шутил, вспоминая недавнюю устроенную министрам нефтяную ванну. Счастливчика смешило до слез забавное повествование Модельера. Он хохотал, глядя, как перевертываются за окном охваченные пламенем лимузины, снайперские выстрелы поражают подозрительных пешеходов, и те с пробитыми головами валятся на проезжую часть.

Они мчались теперь по Волгоградскому проспекту к Кольцевой, где в районе Капотни у Москва-реки располагалась громадная художественная мастерская под открытым небом, принадлежавшая

всемирноизвестному скульптору Свиристели. Там высилась непомерная, уходящая в стратосферу скульптура, получившая у москвичей наименование - Колосс Московский. Эту статую маэстро торопился завершить ко дню венчания на царство. Работы кипели и днем и ночью. Модельер и Счастливчик совершали инспекционную поездку. На минуту умолкли, глядя на далекую, возвышавшуюся над городом скульптуру, чья голова терялась в тучах, а вдоль всего непомерного тулова едва поблескивали вспышки электросварки.

- Не известно, как воспримет мое венчание народ, - задумчиво произнес Счастливчик, и его милое лицо, с серыми глазами навыкат, затуманилось невысказанными тревогами, отчего стало еще милее. Глядя на это обаятельное, с золотистыми бровями лицо, Модельер подумал, что не напрасно две юные певицы-лесбиянки, разносящие по всеми миру славу о русских девушках, исполняют хит: "Мы родим от Президента, и только от него, только от него, только от него…"

- Ты говоришь - "народ"… Но русский народ два тысячелетия живет во сне. Его история приснилась ему. Приснились цари, вожди, демократы. Мы навеем ему еще один сон - твое венчание на царство. И, поверь мне, это будет удивительный сон, как у роженицы под веселящим газом. Я уже дал приказ собирать веселящий газ, который выделяется ночами вокруг подсвеченных, иллюминированных зданий…

Они подкатили к стройплощадке, где раздавались металлические гулы. Из неба вдоль медного туловища текли голубые ручьи сварки. Подъезжали и отъезжали тягачи, доставлявшие огромные рулоны листовой меди. Было людно, пахло металлом. Колосс Московский уходил в небеса, и на его плечах, словно пышный воротник, скрывая голову, лежало голубое облако.

При входе их встретил маэстро Свиристели. Он сиял радушием и преданностью, склонялся в глубоком поклоне.

- Счастлив видеть того, кто послужил прообразом моей поднебесной скульптуры, - произнес Свиристели, делая грациозный взмах рукой, соединяя этим взмахом Счастливчика и его медное исполинское подобие.

- Неужели я так велик? - спросил смущенный Счастливчик, подымая глаза в небо.

- Он мал по сравнению с вами, - ответил Свиристели, тонкий льстец, царедворец, придворный скульптор, мастер бронзовых миниатюр, которыми уставил весь земной шар, соединив Землю с верхними слоями атмосферы. Его исполинские скульптуры, поставленные на всех континентах, полые внутри, обладали свойством печной трубы. Неутихавший в вышине ветер, попадая внутрь скульптуры, производил рев, как дымоход в бурную осеннюю ночь. С некоторых пор над Землей установился непрерывный душераздирающий вой, несущийся из небес, и народы, склонные к антиглобализму, смирялись, прислушивались к жутким рокотам неба, жили, вобрав голову в плечи.

- Та небольшая скульптура на стрелке Москва-реки, что я поставил во славу вашего великого предтечи, является настольной миниатюрой по сравнению с этой. Монблан уступает вашему изображению на целых шесть метров, - Свиристели скромно улыбался, зная за собой всемирную славу величайшего из зодчих, которому принадлежала крылатая фраза: "Высота спасет мир".

Оригинальный во всем, он и одевался под стать своей славе. Тяжелая грива седых волос ниспадала до плеч, схваченная бархатной лентой, черной на белом челе, с голубым прозрачным сапфиром, на дне которого переливалась таинственная капля потустороннего света. Он был одет в узкий камзол, шитый золотыми аканфовыми листьями и серебряными пауками, в голове которых переливались крохотные злые рубины. Веки его были покрашены в лазурный цвет, под стать изразцам Самарканда, на каждом веке был начертан кабалистичесий знак, означавший вечное бодрствование. Его безукоризненные зубы были выполнены из бранденбургской разноцветной эмали с платиновыми инкрустациями, каждая из которых изображала зодиакальный знак. Когда он говорил, на резцах отчетливо виднелись рыбы и скорпион, а когда улыбался широкой доброй улыбкой, открывались клыки с изображением рака и козерога. Ноги в высоких чулках были обуты в мягкие средневековые туфли, напоминавшие большие растопыренные уши. А руки украшали перчатки - он их поминутно менял, бросая использованные на серебряный подносик, который держал неотступный слуга в арабском тюрбане. Счастливчик знал за Свиристели эту странность, знал и то, что перчатки выделываются из человеческой кожи в знаменитой фирме "Чехов", -

сдираются целиком с кисти мертвеца, а потом выделываются с помощью тонких дубильных веществ.

- Дорогой Свиристели, - Модельер не мог отвести восхищенного взора от серебряных пауков, которые посылали из глаз рубиновые лучики смерти. - Поведайте Президенту, в чем идея вашей скульптуры.

- Основная идея - это Вертикаль власти, восходящая от корней травы до планеты Сатурн. Если угодно, этим сооружением мы продолжаем дохристианскую традицию Вавилонской башни, выстраивая пирамиду современного общества строго по сословным иерархиям, - Свиристели совлек с руки пергаментно-прозрачную перчатку, затем другую. Кинул скомканные комочки кожи на серебряный подносик и тут же надел другие перчатки. Как хирург, вставил персты в лайковые пятипалые оболочки, оглаживая длинные запястья. - Все сооружение разделено на уровни, или, если угодно, палубы, соединяемые скоростными лифтами. Каждый этаж, или палуба, соответствует уровню власти. На вершине - воздушные замки для узкого круга олигархов, с набором всех мыслимых атрибутов господства, включая скрижали. Ниже следуют дворцы для членов правительства и губернаторов, главным достоинством которых являются сады Семирамиды и бассейны с водой Евфрата и Тигра, которую мы получили от дружественной американской морской пехоты. Следующий уровень - великолепные палаты для федерального и регионального чиновничества, с ресторанами и кухнями всех народов мира. Постепенно снижаясь, слегка теряя в комфорте и качестве интерьеров, следуют этажи для духовенства, с храмом синтетической Религии Будущего и главной святыней - Медным Змеем; для парламентариев - с прекрасной психиатрической лечебницей, где используют электрошок и лоботомию; для прокурорских работников, военной и разведывательной элиты - с массой биллиардных столов, кегельбанов и казино; для среднего бизнеса - с великолепным, в виде Парфенона, домом терпимости; для придворных писателей, актеров и режиссеров, награжденных премией "Триумф", - с гипсовым бюстом знаменитого поэта, посвятившего актрисе Мордюковой поэму "Нонна и овес"; для журналистов и телеведущих, награжденных премией ТЭФИ, - с золотой копией нижней челюсти Познера. На нижних уровнях грандиозной фигуры, в районе пупка, размещаются этажи для мелкого бизнеса, "челноков" и

бюджетников - для последних предусмотрены специальные площадки для протестных демонстраций под девизом: "Сильное образование - сильная Россия!" В паху исполина, в его ягодицах и бедрах, до самых колен размещаются представители простого народа, с удобными ночлежками, бесплатными полевыми кухнями, палаточными городками и набором мусорных баков, чтобы было где коротать время. Причем простолюдины выполняют энергетическую функцию монумента. Я умышленно отказался от ядерных реакторов, двигателей внутреннего сгорания, дизелей и аккумуляторов. Остановился на древних формах движения - колеса, рычаги, огромные шестерни и приводные ремни, которые движутся простыми мускульными усилиями нескольких тысяч людей. Так простолюдины будут избавлены от праздности и станут соответствовать определению: народ-главный двигатель истории. Именно эти усилия приведут в движение сложную механику монумента, заставят его поднимать и опускать ноги, совершать гигантские шаги. Монумент двинется, переставляя ноги, по дну Москва-реки к месту воздвижения, на Воробьевы горы, в район Университета. Это хождение по водам предусматривает предварительный промер глубин и укрепление берегов по всему маршруту следования. Все гигантское сооружение увенчано хрустальной головой, повторяющей величественные черты нашего дорогого Президента. Голова изготовлена в Гусь-Хрустальном по эскизам президентского духовника отца Тихона, великого стеклодува и исповедника.

Свиристели торжествующе взглянул на гостей, совлек перчатки и кинул их на серебряный подносик, тотчас заменив использованные на новую, чудесно выделанную, желтовато-прозрачную пару.

- Великолепно!.. - не скрывал своего восхищения Счастливчик. - Что же будет размещаться в хрустальной голове?

- Там будет трон из материалов, не имеющих земного происхождения. На троне будете восседать вы, Ваше Величество… Сквозь сложную систему линз и зеркал, с помощью лазерной техники, ваш лик будет спроецирован в мироздание, чтобы инопланетяне, которые выйдут на контакт с Землей, по вашему изображению, а не по дурацкой формуле Планка: энергия равна скорости света в квадрате, - смогли определить характер и дух нашей земной цивилизации. Если угодно, я создал не просто скульптуру, но и мистический маяк, на

оккультный свет которого из иных миров будут приплывать космические корабли… - перчатки плохо снимались с пальцев Свиристели. Он легонько ухватил их зубами, потянул за кончики и ловко стянул. При этом стали видны эмалированные резцы и клыки с изображениями рыб, скорпиона, козерога и рака.

- Нельзя ли осмотреть вашу планетарную стройку, - желая польстить маэстро, произнес Счастливчик.

- С превеликим удовольствием… От Человекобога у нас нет секретов… - Свиристели склонился в глубоком поклоне.

Исполин упирался гигантскими стопами в землю. Под медными пятками были видны остатки деревни, находившейся у Москва-реки до начала великой стройки. Мощные ноги как два Александрийских столпа возносились к небу, сходились в туманной высоте, образуя громадные полусферы ягодиц и рельефно выступавшие мужские чресла. Торс, расходясь к плечам, был выше Останкинской телебашни. Могучие руки, чуть согнутые в локтях, казались двумя свисавшими из неба башнями. Головы не было видно, ее укрывало облако, какое обычно повисает над кратером неуснувшего вулкана. Непомерное сооружение звенело, громыхало, скрежетало, высекало искры, сыпало раскаленные водопады, окутывалось пылью, едким дымом, бесчисленными язычками автогена, было окружено легчайшей сеткой строительных лесов, на которых копошились муравьиные сонмища строителей. Казалось, все человечество собралось к подножью колосса, карабкается по нему в небеса, желая дотянуться до Бога.

К подножию по железной дороге подъезжали составы с арматурой, медью, сталью, двутаврами, которые разгружались и тут же жадно поглощались исполином, превращаясь в его жилы, кожу, суставы. Подкатывали тягачи, какие возят тяжелые ракеты. Они были нагружены строительными материалами, краснели медными рулонами, плитками драгоценной керамики, смальтой для мозаик. К вершине поднебесного сооружения по грузовым лифтам уходили мебель, сервизы, картины великих мастеров, гобелены, светильники. Множество подъемных кранов передавали с этажа на этаж, с палубы на палубу дорогие унитазы, ванны, биде, музыкальные инструменты, телевизоры, зеркала, восточные ковры. Мощные грузовые вертолеты отрывали от земли стальные фермы, напоминавшие пролеты моста, надсадно воя винтами, уносили в туманную высь. Туда же подымались

дирижабли, держа под брюхом то громадное зубчатое колесо, то сверкающий, необъятных размеров, шарнир, то смазанный маслом громадный рычаг.

Плотью истукану служили не только медь и сталь. На создание его оболочек шли развалины античных храмов, остатки египетских пирамид, перемолотые американскими бомбами руины Вавилона. Исполин создавался из древних надгробий, праха исчезнувших поколений, идолов полузабытых религий. Колосс жадно вбирал в себя саркофаги фараонов, греческие амфоры и галионы, крепостные стены замков, купола православных церквей и синагог. Все это варилось, мешалось, поглощалось, становилось телом поднебесного идола.

На земле создавались отдельные элементы сооружения, главным образом, декоративные медные пояса с барельефами, повторявшими античные статуи, скульптурные алтари, буддийские фигуры, украшающие стены храма. Для этих декоративных копий использовалась особая технология, которую Свиристели, никогда не отрекавшийся от советского интернационализма, назвал "Навеки вместе". Беженцы из стран ближнего зарубежья приглашались миграционной службой на строительство монумента. Их разбивали на группы, каждая из которых, по эскизам самого Свиристели, изображала тот или иной скульптурный шедевр. Например, выходцы из Северного Казахстана, обнаженные, напрягая мускулы, воспроизводили Лаокоона. Беглецы из Таджикистана, мужчины и женщины, сбросив одежды, занимали разнообразные позы любовных соитий, как на барельефах восточных храмов. Беженцы из Прибалтики своей пластикой воспроизводили Пергамский алтарь. Погорельцы из Абхазии создавали скульптурную группу - памятник воинам Вьетнамской войны в Вашингтоне. А иммигранты из Карабаха - памятник воинам-афганцам в Люблине.

К этим застывшим живым скульптурам подъезжали цистерны с металлизированной краской. Помощники Свиристели в респираторах направляли разбрызгиватели, под большим давлением покрывали тела и лица слоем металлической краски. К этим влажным, блестящим скульптурам придвигались огненные факелы, обдували раскаленным пламенем, в результате чего краска превращалась в прочную тонкую корку, повторявшую пластику тел, а сами тела выпаривались. Следом подъезжали тигели с жидким стеклом, и оно заливалось в эти пустые

оболочки, наполняя их плотной массой. Стекло заливали искусные стеклодувы из Гусь-Хрустального. Ими руководил духовник Тихон, суровый, в клеенчатом фартуке и в скуфейке, покрикивал на мастеров: "Дуй, да не передуй!.. Лей, да не перелей!.."

Очередной готовый барельеф, еще не до конца остывший, изображал памятник английским пехотинцам, погибшим во время газовой атаки на Марне, был подхвачен подъемным краном и медленно уходил в небеса, где его ожидало свободное место на правом бедре медного идола.

- Теперь прошу пройти в лифт… Мы поднимемся в хрустальную голову, - пригласил Свиристели.

Они погрузились в капсулу, являвшую собой реактивную катапульту. Заняли горизонтальное положение как космонавты. Свиристели голосом Гагарина крикнул: "Поехали!.." - нажал кнопку, и катапульта рванула вверх с первой космической скоростью. Счастливчик видел, как от страшного давления расплылось и затрепетало подобно студню лицо Свиристели, как Модельер, еще секунду назад изящный, с утонченным лицом, стал похож на трясущуюся скифскую бабу. Счастливчик почти потерял сознание от перегрузок.

Они были на вершине монумента, в хрустальной, пронизанной солнцем голове, сквозь которую виднелась незамутненная лазурь, застыло внизу перламутровое облако, и в его разрывах сквозила земля с чуть заметными линиями дорог, крапинками и чешуйками поселков, рыжими и голубыми лесами дальнего Подмосковья.

- Отсюда вы станете видны не только земным континентам, но и всему мирозданию, - Свиристели обводил рукой хрустальную полость, приглашая Счастливчика любоваться невиданными красотами земли и неба.

От перенесенных перегрузок, от высоты, от разреженной атмосферы Счастливчик чувствовал головокружение. Ему было странно и сладостно находиться внутри собственной головы, узнавая из глубины хрустального черепа свои собственные черты: прозрачный лоб, надбровные дуги, выступавший нос, сжатые губы, узкий подбородок - все хрустальное, светоносное, пропускавшее лучи, с легчайшими радужными переливами, словно он находился на дне огромного графина, куда попадало солнце.

- "Я тот, кто сам в себе и кто себя объемлет…", - произнес он чей-то, быть может, шекспировский стих.

Головокружение продолжалось мгновение. Очнулся. Хрустальная голова была полна солнца. Свиристели протягивал ему грузинский серебряный рог с красным вином, предлагал выпить на высоте двенадцать тысяч метров над уровнем моря.

Плужников и Аня завершали свой день, сидя в кухоньке, под матерчатым абажуром. Она убрала в буфет помытые чашки, стряхнула с клеенки крошки. Плужников выложил на стол альбом, кисти, краски, налил в граненый стакан воды.

- Так и не знаю, кто ты, - сказала Аня, щуря свои зеленовато-серые глаза, наблюдая за тем, как он раскрывает альбом, готовясь приступить к рисованию, которым прежде никогда не занимался.

- Я и сам не знаю, кто я, - ответил Плужников, созерцая волшебную прозрачность воды в стакане.

- Откуда ты появился в Москве, на углу Остоженки, весь в ожогах и ранах?

- Не помню… Детство вспомнил… Маму и папу… Наш городок… Школьных учителей и товарищей… Девочку, которую полюбил в третьем классе… Проводы в училище помню… Золотой кораблик на шпиле… Хождение на паруснике по Финскому заливу… Помню базу, где служил, комнату в офицерском общежитии, сослуживцев-холостяков Вертицкого и Шкиранду. Гарнизонную красавицу, рыжеволосую Нинель, командира, отдававшего приказы в мегафон, лодку помню и мой акустический отсек, выход в море и зарю над сопками, а потом ничего не помню… Память ударяется о какую-то стену и отступает. Будто кто-то мне говорит: "Нельзя… Будет время, и вспомнишь…"

- Этот "кто-то" и мне говорит постоянно: "Это делай, а это не делай…" Когда тебя увидала, несчастного, на углу, сначала собиралась мимо пройти. Но кто-то сказал мне: "Стой… Помоги ему…" Когда помогла, пошла дальше и уже собиралась свернуть за угол, но кто-то сказал: "Оглянись…" Оглянулась, увидала тебя и вернулась. И так все время. Кто-то нянькой меня к тебе приставил, потому что ты как ребенок, краски себе купил, будешь цветочки-василечки раскрашивать…

- Когда мы были с тобой в Раю и летели над березами, там было много полян, на которые я мельком взглянул. Толком не рассмотрел, что там делалось. Теперь хочу вспомнить и нарисовать те поляны.

- Когда мы были с тобой в Раю и лежали в санях, ты меня обнимал. Чудная женщина пролетала над нами, протянула из неба розу и коснулась меня… До сих пор чувствую ее прикосновение… Вот здесь, - Аня раскрыла домашний халатик и показала живот. - Может быть, я зачала от тебя?

Плужников обнял ее, прижался лицом к ее животу, поцеловал, осторожно вдувая тихое тепло. Так нежно и осторожно дуют на свечу, и золотистое, окруженное голубым ободком пламя слабо колеблется.

- Отдыхай, - отпускал он ее в соседнюю комнату. - А я порисую.

Глубокая ночь. За окном ползет сырая холодная мгла, в которой желтеют фонари переулка, мечется случайный, залетевший огонь машины. Плужников чувствовал, как город, отягощенный пороками, погружается на дно, словно огромный корабль с бесчисленными пробоинами, в которые натекала темная глухая беда. Пробоины были огромными, как пещеры, и малыми, как прокол иглы, разрастались, разъедали защитные оболочки. В них валила жуткая тьма. Город наклонялся. Его башни, колокольни и шпили кренились, и он оседал, проваливался в пучину.

…В ночном клубе "Распутин" богатый старик-сладострастник склонялся над огромным овальным блюдом, на котором возлежала красавица. Ее грудь и живот были залиты взбитыми сливками. Разведенные ноги выступали из белых хлопьев, как из пышной перины. Она улыбалась пунцовыми губками, говорила: "Съешь меня, милый!" Старик по-собачьи начинал лизать сладкую пену, просовывал руки в глубину пышной мякоти, похихикивал: "А где у нас марципанчики?.. Где шоколадки?"

…В милицейском каземате, при тусклом свете зарешеченной лампы, менты пытали старика, пойманного на краже. Подвесили его, голого, под потолок на кожаных ремнях. Охаживали дубинками по впалым, костистым бокам, приговаривая: "На чужой каравай рот не разевай!.." Старик не дотягивался кривыми ногами до грязного пола, вздрагивал от каждого удара тощей, с седыми волосками грудью, охал, открывая беззубый рот, заводя выпученные, полные слез глаза.

Выкрикивал: "Сынки, не надо!.. Не бейте меня, сынки!.." И тут же получал удар литой дубиной.

…В больнице, в переполненной палате, среди смрада, хриплого дыхания спящих, корчился от боли фронтовик. Ему казалось, что в горло его вставили раскаленный шкворень, поворачивают там, и он сквозь удушье сипел: "Сестра… Сестрица…", - надеясь, что появится санитарка, та, давнишняя, что вытащила его с поля боя под Прохоровкой, впрыснет ему в кровь спасительное лекарство, принесет испить водицы. Но никто не шел. Убегавшись за день, ненавидя грязных, умиравших на койке людей, сиделка забылась дурным сном, не слыша зовы о помощи. Фронтовик бредил, глядя на синеватую тусклую лампу, и ему казалось, что он умирает среди воронок и обугленных танков под светом ночной ракеты.

…Художник-неудачник, чьи картины не раскупались, а малый, великими трудами добываемый заработок просаживался в игральном павильоне, после чего семья встречала его голодными глазами детей и истерическими упреками некрасивой больной жены, - замыслил повеситься. Только что вернулся в загаженную мастерскую из ослепительного мира игральных автоматов. Каждый напоминал волшебный фонарь, музыкальную шкатулку, пленительный ларец, из которого раздавалась музыка неисчислимых соблазнов. Он спустил весь маленький гонорар, заработанный за малевание какой-то нелепой вывески в булочной под названием "Хлеб наш насущный", и теперь, несчастный, подыскивал крюк, на который можно было бы набросить петлю. С незаконченного, запыленного холста смотрело на него лицо жены, молодое, прекрасное, несуществующее.

…Плужников, сидя перед раскрытыми листами бумаги, слышал муки огромного погибающего города, видел среди улиц и площадей темные пробоины и каверны, в которые врывалась тьма. Город тонул, все глубже проваливался в пучину. Слыша вопли и зовы о помощи, испытывая великое сострадание, побуждаемый неведомой волей, выбравшей его среди миллионов других, он окунул кисточку в булькнувший стакан, тронул мокрыми слипшимися волосками алую краску. Кисточка превратилась в горящую свечку с огненным красным язычком. И он, вдохновляясь чьей-то любящей и благодатной силой, стал рисовать.

Рисовал коричневую гору, набухшую весенней влагой и силой, коней, бредущих по мокрой стерне, мужиков, налегающих на деревянные сохи. Железные подсошники режут землю. Под мужицкими лаптями круто вскипает суглинок, открытые от напряжения рты, истовые лица, торчащие бороды. Кони - красный, золотой, фиолетовый, екают селезенками. Опушка с березами, с запахом первых, из-под снега, цветов. Вечерняя в небе заря. Влажная молодая звезда над вершиной и белая, словно облачко, прозрачно-голубая луна. Над пашней, мужиками, конями, возникает в заре, летит на звезду птица-валешник, затмевает луну красными крыльями.

Плужников ухватил за уголки разрисованный, отяжелевший от влаги лист, поднял к лампе, разглядывая наивные и счастливые переливы красок, приложил рисунок туда, где в городе зияла дыра и хлестала из преисподней черная мгла, залепил рисунком пробоину. И течь прекратилась. Черный бурун иссяк. Наивная красота рисунка удерживала страшное давление тьмы.

…Развратный старик, рывший носом сладкую пену, обнимавший залитые кремом бедра девицы, вдруг хрюкнул. Лицо его превратилось в свиное рыло с мокрым кожаным пятаком, хлюпающим в белой гуще. Тощая грязная свинья истошно визжала, колотилась о стены комнаты, а потом выкинулась из окна на Садовое кольцо, помчалась по осевой линии, пугая редких шоферов. Наутро в бульварных газетах появилось сообщение о страшном кабане, сбежавшем из зоопарка, утонувшем в канализационном люке.

…Плужников сменил воду в стакане. Вновь смотрел на девственную белизну листа, вспоминая мимолетное зрелище, открывшееся на райской поляне. На зеленую луговину с белой нарядной церковью выезжают на конях молодцы, в нарядных рубахах, под тесненными седлами, с наборными уздечками, кто с усиками, кто с бородкой, в заломленных шапках, удалые женихи. Кони горячатся, пританцовывают. Невеста в сарафане на травяном лугу поглядывает из-под платочка. Играет глазками, морщит пунцовые губки. Не узнать, кто нравится больше, кому пошлет тайный знак засылать сватов, с кем сыграет осеннюю свадьбу. Женихи гикнули, свистнули, ударили каблуками в конские бока. Кони прянули, разбрасывая из-под копыт траву, и испуганные гуси в пруду загоготали на синей воде. И он, Плужников, через двести лет возник из той свадьбы, из желтой ветлы

за окном, из студеного синего пруда, в котором плыл красный конь осени.

Рисунок был чудесен, источал благоухание цветка, словно краски были на меду. Плужников изумленно обернулся - не стоит ли за его плечом кто-то, кто нарисовал картинку. Никого не было. Пустая кухня. Абажур. Светоносный рисунок, и он, Плужников, его творец.

Теперь он знал, что делать с рисунком. Осторожно ущипнул еще влажные уголки, приподнял и накинул на пробоину, откуда в город, как из прорвавшейся канализационной трубы, била жуткая тьма. И клокочущий зловонный бурун прекратился.

…В каземат, где менты мучили старика, вошел молоденький лейтенант, только что поступивший на службу, увидел подвешенного узника, услышал звук ударявшей в тощие ребра дубинки, тонкий пронзительный всхлип, кинулся на мучителей, расшвыривая влажные, пахнущие потом и водкой тела. "А ну прекратить!.. Под суд пойдете!.. Суки кровавые!.." Менты тупо смотрели, снимали пытаемого, укладывали на топчан. Лейтенант склонялся над плачущим стариком: "Прости, отец… Они одурели от злой работы… Прости их, дураков полоумных…"

…Третьей лубочной картинкой был деревенский хор в натопленной душной избе. Раскрытые жаркие рты. Заведенные голубые глаза. Песня про коней и орлов. Грохочут венцы в стене. Стала золотой половица. Зажглась, как от молнии, сухая лучина. Озарилось окно, за которым - радуга, отлетающая туча дождя, алое, на зеленом лугу, мокрое стадо. Хор поет на райской поляне, и райская песня, позабытая живущими ныне людьми, загудела в крови у Плужникова сладким, из древности, гулом.

Этот ликующий разноцветный лубок Плужников приложил к черной дыре, в которую хлестала беда. Наивная, из зайчиков света, картинка заживила рваные кромки пробоины. Они срослись, не оставив рубца.

…К больному в палату спешила сиделка, несла целебный настой. Впрыскивала в синюю вену лекарство. И боль отступала. Ветеран благодарно кивал. Санитарка в белой косынке, которую он когда-то любил в полевом лазарете под Прохоровкой, склонилась к его изголовью. Израненный старый танкист хватал молодую свежую руку, благодарно ее целовал.

Плужникову казалось, что вокруг его рисующей руки веют легкие дуновения. Чуть видная, мелькает чья-то другая рука, а он лишь повторяет ее движения. Рисовал на лубке вдову, глядящую за синюю реку, в далекую степь, где под кудрявой ветлой лежал сраженный пулей солдат, ее суженый, ненаглядный. Рисовал рождественские игрища, когда ряженые ходили под окнами, и в избы, сквозь морозное стеклышко, заглядывали размалеванный солдат, бумажный бородатый козел, цыган с фонарем и выкроенная из мешковины головастая смерть с наведенными на щеки румянами. Рисовал пасхальную трапезу, когда степенный бородатый мужик разговлялся у медного самовара, подливал из зеленого штофа вино, на черной сковородке шипел золотой лещ, перед образом лучилась лампада, самоварная медь была в медалях, орлах и гербах.

Все это он подглядел, пролетая над райскими кущами, где проводили безбедное время его далекие предки и праведники. Набрасывал лубки на омертвевшие части города, на ожоги и раны, и они заживлялись. Проигравшийся в пух художник, замысливший самоубийство, очнулся. Что есть мочи заторопился домой, к любимой жене и детям. И дома ждали его нечаянные деньги, на которые раскошелилась булочная под названием "Хлеб наш насущный".

Он исцелял Москву, останавливая ее потопление, запрещая совершаться злу.

В городе продолжались злодеяния: насиловали, убивали и мучили; замышлялись похищения и аборты; обдумывались людоедские законы, после принятия которых вымрут целые области; писались клеветнические статьи и срамные книжонки. Но Плужников, окруженный светом лампы, с наивными верящими глазами, исполненный любви, рисовал…

…Шумную ярмарку на снегах с каруселью, шестом, на котором моталась шапка, с кулачными боями молодцов, побросавшими оземь рукавицы, с рядами торговцев, где румянились булки и пряники и смешливая дева в платке торговала калеными орехами…

…Ночную избу, где на шаткой деревянной кровати под лоскутным одеялом лежали молодые муж и жена, на столе от вечерней трапезы оставались тарелки и крынки, за окном - вечерняя улица, по которой пастух гонит из лугов отяжелевшее ленивое стадо…

…Расписные качели, на которых взлетают парень и девка. Скрипят золотые столбы, пузырятся рубаха и платье. Взмывая над разноцветной землей, они видят синюю реку, рыбаков, волочащих тяжелый невод, табун лошадей в лугах, далекую белоснежную церковь и пролетную стаю уток, летящую на лесные озера.

И зло отступало, немощно опадало. Сберегались людские души. Сохранялись добрые имена. Каялись злодеи. Разбегались клеветники и лжесвидетели. Исчезнувший, поселившийся в Раю народ посылал своим ослабевшим потомкам живительные, целящие силы.

Он рисовал Москву, возвращая ей утраченную святость: любимый Кремль и святые монастыри, выход Царя и молебен Патриарха, соколиную охоту в Коломенском Алексея Михайловича и проповедь Аввакума на Крутицком подворье. Лубки, положенные один подле другого, были как драгоценный покров, который он набрасывал на осквернённый город, и бесы бежали из храмов, а богохульников побивала молния.

Он рисовал без устали, ночь напролет, посвящая свои рисунки неродившемуся сыну, завещал их неведомым, несуществующим потомкам, чтобы кто-нибудь через много лет раскрыл пожелтелый альбом, увидел его картинки и радостно, не думая о нем, улыбнулся.

Утром сидел, раскрыв широко глаза, не в силах шевельнуться, перед множеством рисунков, которые лежали на столе, на диване, на полу, словно лоскутья великолепного многоцветного мира, лепестки волшебного радужного цветка.

Из комнаты вышла Аня, сонная, утренняя, запахивая халатик, тихо ахнула:

- Ты не ложился? Это все ты нарисовал?

Он не отвечал, обнял ее, чувствуя, какая она теплая, близкая, родная.

- Как прекрасно, - сказала она, рассматривая коров, птиц, пахарей, воинов и монахов.

Плужников устало прижал к ней голову, чувствуя на своих волосах ее легкие пальцы.

- Красота спасет мир, - сказала она, переводя взгляд с рисунка на рисунок, отчего глаза ее казались перламутровыми.

- А кто спасет красоту? - спросил он, обнимая Аню, целуя ее теплые чудесные пальцы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Перед началом помазания, которое подразумевало "черную мессу", незадолго до большого храмового действа, куда приглашалась вся доверенная московская знать, связанная узами "темного братства", в стороне от храма встретились два "брата", два оккультиста, два архитектора, на разных континентах возводивших своды единой мировой постройки. Прилетевший на торжества в Москву Маг американской военно-морской разведки из "Неви Энелайзес" Томас Доу и Модельер, позволивший себе оставить последние приготовления к помазанию, полагаясь во всем на Патриарха. Оба "брата" оставили в стороне бронированные дорогие машины, дабы не привлекать внимание, в одежде простолюдинов зашли в непримечательную "стекляшку", что в начале Пироговки, вблизи от Счетной палаты, уселись за неказистый пластмассовый столик, заказав у заспанной нелюбезной девицы лапшу быстрого приготовления "Роллтон" и фабричные пельмени "Новый век", и, пока заливалась кипятком похожая на спекшуюся больничную марлю лапша, пока булькали в большой кастрюле каменные пельмени, два друга предались беседе, наслаждаясь своим соседством и общностью.

Первая часть разговора протекала на древнехалдейском языке, которым как родным в совершенстве владел Томас Доу. Модельеру же приходилось напрягать память, восстанавливая разговорную речь, которой он учился на богословском факультете Сорбонны.

- Прежде всего я хочу передать привет, дорогой брат, от всех американских магов Атлантического и Тихоокеанского побережья, а также Пуэрто-Рико и острова Гуам. Мы следим за вашей деятельностью здесь, в России, и не находим ей равной.

- Мы, Россия - молодая страна, ведем свое летоисчисление с девяносто первого года и видим в вас своих почитаемых учителей, стараясь прилежно исполнять ваши уроки и наставления. Хотя, должен заметить, и у нас есть немалый, не до конца задействованный ресурс, оставшийся от древнерусских волхвов, мордовских деревенских гадалок и чувашских чародеев, среди которых я провожу работу, воскрешая культы Бабы Яги и Кикиморы.

- Не скромничай, мой дорогой друг! Не принижай своей роли! "Малый мира сего да возвысится, а великий будет понижен". Все в руках Отца нашего, покрытого серебристой шерстью речной выдры, с золотыми рогами, напоминающими молодой месяц в синеве вечернего леса, с пурпурным хвостом, что, подобно заре, отделяет ночь ото дня, пустыню от моря, вавилонские холмы от садов Семирамиды.

- Воистину, един Отец наш, он же и Мать, чьи заостренные сосцы вскормили подкидышей Ромула и Рема. Именем последнего был наречен мой соотечественник, захвативший оккультными средствами все газоносные месторождения Восточного полушария, возжелавший стать владыкой всех газов мира. Однако, по несчастному стечению обстоятельств, он поскользнулся на ползущей улитке и сломал себе шею.

На этом они завершили изъявления взаимных любезностей и перешли с халдейского языка на русский, в котором Томас Доу был столь же свободен, как и в английском, суахили, урду, фарси, а также в других языках, возникших после разрушения Вавилонской башни.

- Теперь, дорогой друг, я хотел бы кратко проинформировать вас о последних событиях глобальной перестройки мира, где у каждого из нас своя стройплощадка…

Томас Доу, вслушиваясь, как булькают в кастрюле пельмени, проследил за роскошным лимузином, проскользнувшим мимо "стекляшки". Машина остановилась возле Счетной палаты. Из нее вышел импозантный человек с лицом, похожим на комок вареного теста, исчез в золоченых дверях. Это был глава Палаты, прошедший тернистый путь демократических преобразований: от маленького политработника пожарной охраны, ответственного за тушение светлячков в ночном саду Президента, до Премьер-министра страны. Теперь он управлял заведением, где множество математиков считали звезды в небе, песчинки на морском берегу, веснушки на лице юмориста Задорного и остатки совести у члена партии "Либеральная Россия", еще не застреленного из "ТТ". Мало кто знал, что глава Счетной палаты является членом секретной ложи и сегодня вместе с другими "братьями" станет участвовать в ритуале помазания.

- Итак, - продолжал Томас Доу, - я хотел объяснить вам истинный смысл иракской кампании, о которой в мире ходят небылицы и разнотолки. Это неправда, что во дворцах Саддама Хусейна унитазы из

чистого золота. Они на тридцать процентов из платины. Неправда, что американские крылатые ракеты разрушили исторические ценности Вавилона и Месопотамии. Они их чуть-чуть подпортили. На самом же деле с помощью сверхточных ракет мы начертали клинописью на красно-глиняных, обожженных солнцем землях Ирака как на глинобитной дощечке текст Хаммурапи: "О страна, приемлю тебя в объятия свои…". В этом можно убедиться, поднявшись в Космос на челноке "Колумбия" и прочитав оттуда священную строку…

Прямо из-под кадыка Томаса Доу выходил наружу пищевод, ребристая, кольчатая, полупрозрачная трубка, напоминающая пешеходный мост через Кольцевую автодорогу. Пешеходы двигались в этой мутно-желтой трубе, словно комки плохо пережеванной пищи. Этот пищевод выступал из рубашки и вновь погружался в тело в районе пупка, соединяясь с желудком. Сейчас он был пуст, слегка трепетал перистальтикой, которая перегоняла по нему струйки слюны.

- Все спрашивают, куда исчез Саддам Хусейн, и никто не задает вопрос, а как он возник… Несколько лет назад вы были у нас в гостях на секретном полигоне "Невада". Видели в пустыне вертикально пробуренные штольни, куда мы закачивали слабый настой жимолости, добавляли присадки из пивных дрожжей, вбрасывали в качестве катализатора яичники поклонниц Элвиса Пресли, а потом взрывали в штольне ядерный микрозаряд из калифорния. Тогда вы спросили меня, что все это значит. Я уклонился от ответа, ибо вы, мой друг, еще не достигли тогда должной степени посвящения. Теперь же я вам отвечу. На этом полигоне, используя новейшие достижения биоинженерии, политтехнологии и древние учения о метапсихозе, мы синтезируем политических лидеров…

Им помешали. Нелюбезная девица небрежно поставила перед ними тарелки с лапшой и пельменями, положила бумажные промокашки с пластмассовыми ложками и вилками, подозрительно принюхивалась в Томасу Доу, который сделал в ее сторону выдох из своих глубоких ноздрей.

- В результате ядерного микровзрыва происходит реакция синтеза и получается политический лидер с заданными заранее параметрами, - Томас Доу с аппетитом ел лапшу, заталкивая в рот размякшие волокна. Модельер видел, как проваливается по пищеводу пережеванная лапша, льется бульон. Там, где пищевод соприкасался с желудком, что-то

вспыхивало, вскипало, клубился малиновый дым, шло пищеварение. - Каждая использованная скважина сохраняет имя синтезированного лидера. Там есть скважина "Горбачев", скважины "Гавел" и "Валенса", есть штольни "Нарьега", "Маркос", "Ро Де Ву". На пыльной равнине спрятана штольня "Ельцин". И там же, чуть южнее шахты "Бен Ладин", вы отыщете шахту "Саддам Хусейн". Мы берем с полигона синтезированных нами лидеров, вживляем в политическое тело тех или иных стран. Они действуют в наших интересах, ничего не подозревая об этом. Как правило, рядом с ними находится человек, которого мы называем "активатор". В должное время он активирует синтезированного лидера, и тот послушно отрабатывает завершающий этап программы. Активатором при Горбачева был Александр Яковлев, при Ельцине - Бурбулис, при Бен Ладине - мулла Омар. Активатором при Саддаме Хусейне был Тарик Азиз. Когда наши доблестные войска подошли к Багдаду, Саддам Хусейн был активирован и отдал приказ войскам прекратить сопротивление…

Томас Доу жадно глотал пельмени. Они проваливались по желтоватому прозрачному пищеводу, падали в желудок, и там возникал голубоватый огонь. Начинали сгорать белки и углеводы, и выделяемая при этом температура растворяла жиры.

- Но, простите, куда же тогда делись грозные дивизии Саддама? Его непобедимая Национальная гвардия? Бессчетные танки и пушки? - спросил Модельер, не уверенный, должен ли он знать больше, чем ему положено.

- Мы применили в Ираке новую боевую технологию, позволяющую реструктурировать пространство. С авианосца "Авраам Линкольн" был поднят на самолете аппарат, чье действие приводит к изменению размеров. Большое может превратиться в микроскопическое, а малое обрести невиданные объемы. Так, например, влияние России на иракский конфликт стало столь огромным, что просто не вмещалось в поле зрения. И, напротив, несметные войска Саддама Хусейна, его танковые колонны, ракеты "Земля-Земля", а также склады с оружием массового поражения, стали крохотными, почти незаметными. Нашим войскам, входившим в Багдад, был дан приказ не выезжать на обочины, где двигались крохотные как муравьи бронеколонны Саддама, шли пешим маршем чуть различимые национальные гвардейцы. Один пьяный морской

пехотинец из Аризоны свернул-таки на обочину и раздавил колесом транспортера две мотострелковые дивизии и штаб Северо-Западного фронта. А ведь среди раздавленных было много шиитов, и это могло привести к религиозным волнениям…

Модельер заворожено смотрел, как пролетают по ребристому прозрачному шлангу, падают в глубину желудка пельмени. Каждое падение вызывало небольшой разноцветный взрыв - зеленоватый, малиновый, голубой, ярко-красный, словно в пельменях содержались добавки из меди, марганца, хрома, вызывавшие цветные реакции.

- Теперь, мой друг, я хотел поговорить с вами о главном. Вам удалось много сделать, чтобы предотвратить очередную русскую революцию. Ваш замечательный крематорий известен во всем мире. Точно такой же, по вашим чертежам, мы собираемся установить на Ближнем Востоке. Однако, покуда существует русский народ с его мессианством, с уверенностью в богоизбранности, с верой во всемирность, с готовностью жертвовать "за други своя", до той поры нашим глобальным реформам угрожает опасность. Я хотел спросить у вас, дорогой друг, ни прислать ли вам несколько аппаратов, реструктурирующих пространство? Мы запрограммируем их на этнические признаки, направим на территорию России, и все русские уменьшатся, не в количестве, но в размерах. Мы превратим русских в народ лилипутов, и никто не посмеет обвинить нас в геноциде. Население России останется прежним, но люди будут столь маленького роста, что их станет невозможно разглядеть в траве. И когда они начнут петь свои русские народные песни: "Степь, да степь кругом…" или "Калинка-малинка…", - будет казаться, что где-то в траве дружно стрекочут кузнечики. Как вы на это смотрите, мой друг?

- Наверное, это было бы решением всех проблем, - ответил он, вдыхая исходящие от Мага трупные ароматы свежести. - Однако вернемся к этому разговору после венчания на царство, ибо сам ритуал венчания предполагает массы народа. И было бы жаль, если бы мировая пресса не сумела разглядеть эти стекающиеся к Воробьевым горам толпы из-за их слишком малых размеров.

- Убедительно, - кивнул Томас Доу. - Тогда совсем последнее… Мы, не без вашей помощи, провели операцию по уничтожению крейсера "Москва". Вырвали из рук русских шовинистов глобальное оружие "Рычаг Архимеда". Теперь земная ось в безопасности, и мы

контролируем скорость земного вращения. Однако в последнее время появились опасные симптомы. Наши оккультные лаборатории на Восточном побережье, центры восточной магии в Гималаях, пункты эзотерических наблюдений в Непале, на Тайване и на острове Хоккайдо зафиксировали появление в Москве источника небесного свечения, которое, по нашему мнению, может излучать человеческая личность, именуемая на языке церкви праведником. Если факт праведника подтвердится, это поставит под угрозу наш грандиозный план перенесения в Москву столицы мира. Меня тревожат эти симптомы. Не могли бы вы их прокомментировать?

- Скорее всего, это сбой приемо-передающих антенн в ваших оккультных лабораториях. Однако несколько раз и мне казалось, что установленное нами в Москве экстрасенсорное поле в некоторых местах начинает искривляться или даже совсем пропадает. Я предпринял индивидуальные исследования с помощью магической призмы, однако не обнаружил ничего, что внушало бы мне беспокойство.

- Но причины для беспокойства остаются. Я буду просить вас о проведении специального мероприятия по выявлению возможного праведника. Вы должны затеять перепись населения. Ваши агенты из спецслужбы "Блюдущие вместе" под видом переписчиков должны проникнуть в каждый дом. Собирая данные о гражданах, они должны тайно проверять их на "эликсир злодейства". Капсулы с этим мутным раствором лимфы Мэдлен Олбрайт уже доставлены в Москву и будут розданы вашим людям. В обычном случае жидкость остается мутной. В случае праведника она тут же светлеет и становится прозрачней слезы ребенка. Я надеюсь, что перепись будет начата в ближайшие дни.

Эти последние слова Томас Доу произнес голосом капрала американской морской пехоты, посылающего своих подчиненных на штурм дворца Хусейна. Модельер и не думал возражать.

За окном "стекляшки" шел человек. Он был высокого роста, с открытым синеглазым лицом, на котором виднелись следы ожогов. В руке он держал детский рисунок, на котором ловцы птиц дули в свистки, заманивая в тенета разноцветных фазанов. Томас Доу, глотая очередной пельмень, взглянул на прохожего. Пельмень застрял в прозрачном ребристом пищеводе. Маг посинел, стал кашлять, давился,

погибал от удушья. Модельер что есть силы дубасил его в спину, пока пельмень не проскочил в желудок, взорвавшись фиолетовым пламенем.

С утра вокруг собора шли приготовления. Спецслужба "Блюдущие вместе" направила в храм агентов с собаками, и те исследовали помещение на предмет взрывных устройств. Территория вокруг собора была взята в оцепление, на соседних крышах разместились снайперы, а в окрестных переулках и улочках расхаживали агенты, замаскированные под бомжей и зевак.

Несколько монахов в черных подрясниках, опоясанных ремнями, вышли с двустволками и стали стрелять голубей и ворон, которые, прельщаясь позолотой, обклевывали купола, доводя их до облысения. Монахи ловко вскидывали ружья, палили вверх, ослепляемые блеском великолепных глав, и оттуда, как из солнца, выпадали подбитые птицы. Иные плюхались оземь растрепанными комьями, и их собирали в мешки. Другие, раненые, начинали скакать, растворяя клювы, волоча окровавленные крылья, а монахи гоняли их палками.

К началу службы стала съезжаться паства. Ко входу подкатывали роскошные лимузины. Из салонов с гордыми головами подымались именитые москвичи, прославленные в богатствах миллиардеры, члены Кабинета, эстрадные и театральные знаменитости, украшенные позументами военные, депутаты Думы. Было несколько азербайджанцев, владевших московскими магазинами и фабриками, не замеченных прежде в христианских богослужениях. Пожаловал хозяин всех московских ювелирных магазинов и лавок, ликом грек, именовавший себя посланцем Византии. Были и те, кто имел репутацию безбожников и атеистов, как, например, держатель самого крупного в Москве казино под названием "Пурпурный дракон" и владелец гигантского мебельного магазина "Три кашалота", размером превосходящего златоглавый собор. Раскланивались как старые знакомые, обменивались рукопожатиями и еще едва заметными отличительными знаками - слегка приподымали одну ногу, складывая губы ромбиком, прикладывая ладонь к низу живота.

Собор был полон голубовато-белого солнца, в котором величаво золотился тяжелый резной иконостас, вознесенный под самые своды, увитый виноградными лозами, райскими плодами, с бесконечными арками, в которых, среди райских кущ, пламенели ангельские крылья,

золотились нимбы, взирали строгие лики. Повсюду жарко и трепетно горели свечи, пылали лампады, слышалось на хорах негромкое, рокочущее многоголосье. Все было как обычно во время праздничных, собиравших пол-Москвы богослужений. И лишь зоркий глаз мог заметить странную туманность воздуха, как во время лесных гарей, отчего белые стены с фресками казались чуть пепельными, сами же фрески и лики чуть размытыми, двоящимися. В пламени горящих свечей среди золотого и чистого блеска вдруг вспыхивала злая зеленая искра, как если бы перегорал медный провод. А из лампад на короткое время вдруг начинал валить густой дым, как если бы загорался кусок автомобильной резины. Хор пел негромко, чудесно, с волнующими переливами голосов, но если вслушаться, то вдруг начинали мерещиться звуки африканских ритуальных мелодий и отчетливо различались удары бубна.

Прихожане, переступая порог, крестились, иные, как депутаты Государственной Думы, привычно и ловко, отбивая поклоны, иные, как политологи и телеведущие, с великим трудом, как если бы у них вместо рук были механические немецкие протезы. Кто-то, как, например, посланец Византии, не доносил щепоть от одного плеча до другого. Кто-то, подобно торговцу мебелью, и вовсе осенял себя странной геометрической фигурой, шесть раз прикасаясь к разным, не всегда приличным частям тела.

При входе все обзаводились свечами, расплачиваясь за них пачками долларов или евро. Кое-кто предъявлял чековую книжку, и служка с косичкой и золотой серьгой в ноздре заносил суммы платежей в компьютер. Свечи, которыми обзаводились прихожане, напоминали серебряные жезлы, увитые лентами. Никто не торопился их возжигать, но держал, как держат маршальский или милицейский жезл.

Негромко переговаривались, обмениваясь последними новостями.

- Цены на нефть полезли вверх, господа, как только авианосец "Авраам Линкольн" подошел к берегам Ирана… Господи, не дай обрушиться индексу Доу-Джонсона еще на пять пунктов!..

- Ежели кому угодно обновить меблировку в спальной, извещаю, - прибыли итальянские кровати из ливанского кедра, с воздушным обдувом и электрообогревом, фасона "Царица Савская", которые

намного превосходят предшествующую модель "Софья Ковалевская"…

- В Госдуме, по приказу главного эпидемиолога, проводили диспансеризацию и выявили, что обе женщины вице-спикеры на поверку оказались мужиками, которые тут же стали лгать, что лишь недавно, по требованию электората, сменили пол…

- Как бы нам помирить Арнольда Исааковича из "Альфа-груп", с Исааком Арнольдовичем из "Гута-банка". А то ведь общее дело страдает, и дети их сиротами могут остаться…

- Мы подготовили законопроект о передаче Сибири Китаю в аренду на сто лет. Прохождение будет трудным, а у меня детишки есть просят…

Стояли степенные, с богомольными лицами, держа незажженные свечи. Маленький азербайджанец в камергерском камзоле с большой алмазной звездой тронул свечкой стоящего впереди чеченца в камуфляже и косматой папахе, привлекая его внимание.

Хор запел громче, торжественней. Среди песнопений зазвучал бархатный рокот органа, тугие удары бубна, переливы пастушьей свирели. В храме появился Счастливчик, опережая остальных на шаг, изящно и грациозно осеняя себя на ходу крестным знамением, чуть подымаясь на носках и выгибаясь назад. Чуть позади шли, истово крестясь, Модельер и Томас Доу. Премьер-министр, почти отмытый от нефти, с легкой смуглостью лица, тут же проследовал на хор и занял место среди поющих. Его узнаваемый голос начал арию Тоски из одноименной оперы Пуччини.

Наконец страстно, огненно зазвучал хорал, вскипели пенистые, бурные звуки органа, грозно забил бубен. Царские врата, напоминавшие золотые заросли, растворились, и Патриарх, сияющий, словно солнце, в высокой, усыпанный каменьями митре, в панагии с бриллиантами, ступил в храм. Его темное эфиопское лицо было торжественно. Ярко и празднично сверкали чуть выпуклые белки. Стеклянно блестела кольчатая бородка. Белели безукоризненно здоровые и свежие зубы. Среди них, как факел на бензозаправке "Шелл", пламенел красный язык. В руках Патриарха была свеча, большая, словно посох, на которую он опирался.

Он простер посох навстречу пастве, которая безропотно и послушно склонила свои гордые головы. Звуки песнопений умолкли.

Патриарх раскрыл алый, словной полный вишневой наливки рот и певуче, с летящим под своды эхом, возгласил. Все ожидали, что это будет псалом с умелой инкрустацией пушкинского стиха: "Вечор, ты помнишь, вьюга злилась…" Но Патриарх изменил обычаю, и речь его была на непонятном для большинства эфиопском языке, с длинными, лишенным согласных, воплями: "Оайя-оэу-ыюйа-эие… Ойю-ауы-ияо-яйуа…" К Патриарху подскочил проворный служка, извлек золотую зажигалку фирмы "Софрино", поднес трепетный язычок к свече. Свеча-посох едва заметно дрожала в черной патриаршей руке, а потом вдруг зажглась ярко, пышно, рассыпая колючие серебряные искры, шипя, словно огромная огненная хризантема. Это был бенгальский огонь, который Патриарх воздел над головой, осеняя им стены, алтарь, высокие своды, бледно-голубые солнечные окна.

И храм преобразился. Высокие окна вдруг потемнели, словно в каждом встала насупленная грозовая туча. Внутри исчез свет, как в планетарии. По черным стенам побежали световые зайчики, как от зеркального шара в ночных развлекательных заведениях. Не стало видно фресок и росписей, а летучие зайчики превратились в знаки и символы, в геометрические фигуры и кабалистические иероглифы, какие появляются в ночной телепередаче "Деликатесы" с ведущей ведьмой, у которой ногти как отточенные велосипедные спицы, и на каждую воздет пронзенный жук или лягушонок. Великолепный, с золотыми гроздьями алтарь сменился железной арматурой, и в каждом окне вместо прежних ангелов и святых проявились лики древних богов - Астарты, Гекаты, Изиды, изображения фавнов и леших, наяд и кентавров, образы драконов и змей, звериных и птичьих голов, ритуальные маски африканских богов любви, мексиканских демонов зла, духов войны и соитий.

Сам Патриарх, еще недавно золотой, сияющий, словно полдневное солнце, стал прозрачно-голубым, будто в нем горел спирт. Черное лицо его, натертое ртутью, источало металлический блеск, как вороненый ствол пистолета. Панагия превратилась в кристалл черного агата. Митра разошлась надвое, свернулась в тугие могучие рога горного архара, украшенные смальтой, перламутром морских раковин и хитином жужелиц. Все прихожане держали в руках горящие бенгальские звезды. Свечи в аналоях погасли. Из лампад, как из сигнальных ракет, валил цветной дым.

- Оаоу… - возглашал Патриарх. - Эоуа…

- Мне страшно, - шепнул Счастливчик Модельеру.

- Власть страшна, как и любовь. Если пугают тебя, значит любят, - был ответ.

Служки в черных сутанах и оранжевых буддийских хламидах внесли треножник с чашей, поставили среди храма алтарь, покрытый черным бархатом, отороченным пушистыми хвостиками бурундуков и тушканчиков. Огромного роста псаломщик, бритый, в облачении лютеранского пастыря, положил на стол тяжелую книгу, отделанную кожей носорога, перевернул несколько негнущихся пергаментных страниц с неведомыми письменами и цветными буквицами в виде саламандр, летучих мышей и скорпионов, неожиданно тонким, как у евнуха голосом, стал читать. В его речениях на этот раз отсутствовали гласные звуки, и выходило нечто, напоминавшее лошадиное ржание, или шипение змеи, или курлыканье и бульканье индюка. Все слушали чернокнижника. Несколько политологов пали на колени. Вице-премьер, ведающий распадом страны, плакал, не в силах постичь упоительный, как звуки джунглей, текст писания.

- Мне холодно, - шепнул Счастливчик Модельеру.

- "Священный холод зацветших верб. Кузнечный молот, пшеничный серп", - был загадочный, не успокоивший его ответ.

Служка сыпал на треножник угольки горящей серы, крошил сухие болотные травы, бросал комочки мхов и лишайников, тонкой блестящей струйкой подливал настой мухомора. Из чаши подымался желтый пламень, красный дым, пахло убежавшим на плиту грибным супом. Все, кто был в храме, страстно молились. По их головам и спинам пробегали кабалистические знаки, и казалось, кто-то серебряной нитью вышивает на их пиджаках пауков, креветок и ящериц. В их душах торжественно подымались совершенные злодеяния, в паху и подмышках вскипали неутолимые пороки, на лицах проступали трупные пятна, многие из которых повторяли "клеймо Горбачева".

- Мне нужно на минуту выйти. Где туалет? - наклонился Счастливчик к Модельеру.

- Кто выйдет на минуту в туалет, сюда вернется чрез много лет, - последовало предостережение.

Элита, которую можно было наблюдать на московских презентациях и увеселениях, высоколобых политологических симпозиумах и конгрессах, на политических и военных конференциях, звезды кино и эстрады, плейбои и знаменитости с глянцевых обложек, здесь, в храме, предавались истовой братской молитве, управляемые металлическим жезлом Патриарха, сгибаясь по его мановению, словно камыш под ветром.

Среди прочих выделялся тучный вельможа, бывший некогда премьер-министром, славный своим красноречием, из лексикона которого был составлен особый словарь. Этим словарем пользовались журналисты, члены Кабинета, послы иностранных государств и егеря, с которыми тот ходил на охоту. Как выяснили ученые-лингвисты, вельможа изъяснялся на одном из исчезнувших, "мертвых" языков, на котором говорили жители ушедшего под воду континента. Было неясно, достался ли ему древний язык по наследству либо возник сам собой, в результате долгого стояния на голове. В том исчезнувшем народе вельможа наверняка был бы краснобаем и златоустом. Здесь же его не понимал никто. Когда он пробовал остановить зверский расстрел из танков непокорный Дом Советов, танкисты приняли его уговоры за команду "пли" и раздолбали несколько этажей дворца. Когда он отдавал приказ подразделению "Альфа" штурмовать террористов Шамиля Басаева, те поняли это как указание прекратить наступление, и Басаев был спасен. Везде, где только можно, он призывал к честной экономике, боролся со взятками, в результате остался непонятым и стал самым богатым человеком в России. Он полетел к Милошевичу, желая научить его бороться с американцами до последнего серба, но выражался столь неясно, что Милошевич сдался американцам и оказался на скамье подсудимых. Потом его отправили послом в Экваториальную Африку, где он настолько стал походить на аборигенов, что получил прозвище Черная морда. Сейчас он молился богу ямальской тундры, жившему в середине подземного газового пузыря, и шаман на клиросе в шкуре оленя бил в ритуальный бубен.

Рядом предавался возвышенной молитве Председатель Центральной избирательной комиссии.

Он был самым узнаваемым политиком России, ибо его изображение красовалось на всех трансформаторных будках и высоковольтных вышках с непременным добавлением двух

скрещенных берцовых костей. Он жил в скромной четырехэтажной вилле с надписью "Честные выборы" и горько сетовал, надолго запираясь дома, когда узнавал о подметных бюллетенях, приписках, "черном пиаре", подкупе избирателей, убийстве депутатов, "административном ресурсе", угрозах со стороны ФСБ, снятии через суд конкурентов, околпачивании пенсионеров, об урнах с двойным дном, о лидерах с тройной моралью, о выдвижении губернаторов на четвертый срок, о единодушном, из года в год, голосовании татар и башкир, о создании избирательных блоков-фантомов, о "голосующих против всех", о "голосующих сердцем", о "голосующих легкими", о "голосующих почками", о проникновении криминала в депутатский корпус. В промежутках между выборами он выглядел комильфо, участвовал в телепередаче "Без галстука", демонстрировал, как ловко попадает жеваным хлебным мякишем в лоб собеседнице. Однако в период выборов, особенно в день подсчета голосов, он выглядел ужасно, как человек, в которого ударила молния и которого, в целях обесточивания, зарыли в землю. Черный, обугленный, с безумными глазами, он был подключен к электронной системе "ГАС - ВЫБОРЫ", которая действовала на него как электрический стул. Когда специалисты подкручивали рукоятку, увеличивая процент голосов, поданных за проправительственные партии, он кричал от боли, изо рта у него шла пена, успокаивался лишь тогда, когда становилось ясно, что коммунисты в очередной раз проиграли.

Элита молилась в черном храме, среди магических зайчиков света, и было видно, что молитва услышана. Каждый из молящихся становился прозрачным как колба, в которой светился синий газ. Это синее свечение трепетало. В нем возникали сгустки тьмы и бледной пустоты, проявлялись пороки и похоти, были видны все преступления, которые совершались хозяевами синих газовых душ. Здесь собрались богохульники, святотатцы, предатели благодетелей, отцеубийцы, фальшивомонетчики, растлители малолетних, губители Родины, содомиты, тайные каннибалы, спасенные утопленники, вырытые из могил мертвецы, отравители колодцев, разорители кладбищ. Они составляли тесное братство, и тот, кому они возносили молитву, внимал их просьбам, стократ усиливая их порочность и греховность.

Патриарх подкинул свой бенгальский искрящийся жезл, и тот поплыл под куполом храма, похожий на колючую серебряную комету.

Служки внесли в храм продолговатый сверток, обмотанный белыми бинтами, возложили на черный бархат стола, обмахивали кадилами, где тлели комочки кошачьей шерсти и кусочки козлиных копыт. Благовонный дым овевал кулек. Патриарх воздел над ним темные долгопалые руки, на которых ногти светились как зеленые гнилушки. Служки медленно разворачивали белые покровы, и на черном столе вдруг обнажилась хрупкая девочка. Тонкие ножки беззащитно вытянулись на мрачном бархате. Хрупкие ручки бессильно лежали вдоль голенького тельца. Белокурая головка на вымученной шейке была безгласно откинута. Виднелся ее крохотный нос, пухлые губки, нежный подбородок. Она чуть дышала, усыпленная сон-травой. Счастливчик испуганно взирал на эту беломраморную статуэтку, не понимая, зачем ее принесли.

- Ты уверен, - обратился он к Модельеру, - что мы находимся в нужное время в нужном месте?

- "Мой милый друг, нам никуда не деться, покуда не прольется кровь младенца", - прозвучал жуткий ответ.

Из царских врат, напоминавших черный колючий терновник, на шипах которого сидели разноцветные злые светляки, вышел служитель. Он был огромен, тучен. Его небольшое, гладкое темя напоминало округлое завершение пистолетной пули. Но уже от хрящевидных хищных ушей шло разрастание головы, страшное увеличение щек, утолщение шеи, от которой наплывами жира и мышц возникало огромное тулово. Оно было покрыто черной шелковой мантией с геральдикой тамплиеров, изображением лун и планет. В одной могучей заголенной руке служитель держал ритуальный серебряный кубок, оплетенный змеями, словно голова Медузы Горгоны, в другой, жилистой, голой по локоть, сжимал тоненький ножик с узким сверкающим лезвием и перламутровой рукоятью. Это был известный на всю Москву мясник Микита, в обычное время стоящий на рынке у размочаленной розовой плахи, сонно опираясь на огромный топор. Жрец Микита, расставляя под мантией толстенные ноги, приблизился к престолу, где возлежало хрупкое детское тельце, поставил на черный бархат тускло-серебряный кубок. Патриарх простер персты, которые светились, словно в них был зажат комок морской водоросли, возопил на исчезнувшем марсианском языке, лишь частично усвоенном эфиопами: "Эуао… Иауэ… Ыоую!.." Смысл

речения остался неведом большинству собравшихся. Лишь вельможа по прозвищу Черная морда, понимавший язык истлевших костей, содрогнулся от ужаса и пал на колени. Воцарилась такая тишина, словно в храме образовался вакуум и исчезла сама среда, передающая колебания звука.

Жрец Микита приподнял хрупкую ручку девочки, которая в его кулачище казалась нежным стебельком, прицелился кабаньим мерцающим оком к запястью, где едва заметно билась синяя жилка, надрезал скальпелем и подставил кубок. Кровь побежала как сок из раздавленной вишенки, забила о дно кубка. Стал слышен звон иссякающей струйки, переходящей в легкую капель. Каждый всплеск капли сопровождался далеким громом, от которого сотрясались стены храма. Кровь из детской ручки быстро иссякла. Микита повторил надрез на другой руке. И снова звенела струйка, превращаясь в тихую капель, от которой сотрясались галактики, гасли звезды, летела по Вселенной тьма. Микита, знаток жертвоприношений, приподнимал одну за другой легкие ножки девочки, делал в подколенных сгибах надрезы, выпускал кровяные струйки. Хрупкое тельце содержало в себе мало крови, которая скоро иссякла. Девочка побелела как мел. В утончившемся тельце появилась нежная голубизна. Из губ вместе с дыханием улетучился последний румянец, и она умерла. Лежала на черном бархате, словно опустевшая белая раковина, и кровь на ее ногах и руках напоминала повязанные красные ленточки.

Микита передал Патриарху кубок. Тот воздел его, описал в пространстве таинственную геометрическую фигуру. Казалось, кубок плывет в темноте, оставляя гаснущий след.

Служки обносили вокруг кубка горящие свечи, над которыми колыхалось черное пламя. Другие сыпали в кубок коренья месопотамских болот, подливали молоко капитолийской волчицы, бросали волоски ведьмы с Лысой горы, мучнистый прах, добытый из могилы Троцкого, локон с головы Рушди, клочок Беловежского договора, переданный в храм Бурбулисом.

И кубок вскипел. Из него поднялась багровая пена, повалил ржавый дым, ударили лопасти багрового света. Патриарх жадно вдыхал удушающий пар преисподней, припал губами к кубку и отпил, и сразу жутко вырос до сводов храма, огромный, костистый, с

раскинутыми руками, напоминая ветряную мельницу, которая махала крыльями, стучала огромными камнями.

Глаза Патриарха налились кровью. Из губ показались бивни. Нос превратился в кожаный хобот, сжимавший кубок. И весь он покрылся пыльной складчатой кожей как чудовищный слон, стоял посреди храма на толстенных, словно колонны, ногах, протягивал хобот, обносил кубком предстоящих. Все пили, пьянели, меняли обличья. Превращались в собак и свиней, в громадных морских свинок и индюков, в журавлей и рыб, в черепах и стрекоз.

Хобот дотянулся до Счастливчика. Тот отшатнулся в робости, чувствуя запах серы, кузнечных мехов, горячей окалины и парного мяса.

- Так пей же!.. - нетерпеливо, вытягивая к кубку шею, крикнул Модельер.

Счастливчик припал и выпил. Почувствовал пьяную сладость напитка, видя, как пламенеет она на губах подобно горящему пуншу. Хобот наклонил над ним кубок, пролил на голову. Напиток стекал по щекам, падал на пол горящими синими каплями.

Пил Модельер. Пил Маг из "Неви Энелайзес". Пили все, наполнявшие храм. Стены храма сотрясались от громов. Множились злодеяния. Крылатые ракеты сметали с земли цветущий город. Остервенелые каратели расстреливали из пулеметов толпу. Врачи-изуверы заражали смертельным вирусом целый народ. Оползень жидкой грязи сходил с вершины, погребая под собой монастырь. И гибли, умирали созвездия.

Счастливчик, как только испил напиток, ощутил небывалое счастье, непомерную свободу и легкость. Взлетел в Мироздание, которое славило его как своего Царя и Владыку. Солнца и луны тянулись к нему, отдавая себя под его повелевающий скипетр. Косматые кометы и лучистые светила вращались подле него как вокруг своего цента. Он упивался вселенской властью.

Модельер, глотнув обжигающий, терпкий как мед, напиток, вдруг увидел, что уродливый слон, протянувший в хоботе серебряный кубок, превращается в ослепительного красавца. Темнокудрый, с гордым пунцовым ртом, грозно-прекрасными агатовыми глазами, красавец восседал на престоле, окруженный багряным заревом. Голову красавца отягощали золотые рога козла, усыпанные бриллиантами. Прекрасные

босые стопы украшал бирюзовый педикюр, и на каждом пальце сверкала алмазная звезда. В руках он держал серебряный кубок, и змеи вокруг него шевелились. Одна змея, малахитовая, с рубиновыми глазами, переползла на голую грудь красавца, целовала раздвоенным язычком его пурпурное сердце, наполняя всеведением. И он, Модельер, был причастен этому великому знанию.

В храме ревели хоры, бил шаманский бубен, дудели трубы, звякали раскаленно тарелки, медово пел саксофон. Могуче ревел Премьер. Являл чудеса вокала Киркоров. Певец Леонтьев, натертый до блеска рыбьим жиром, исполнял свой неподражаемый шлягер "По дороге на "Мосфильм".

Все множество наполнявших храм существ скакали, танцевали и прыгали. Две утки, бывшие в миру депутатами, отплясывали рок-н-ролл, перебрасывая друг друга через головы. Мокрая скользкая рыба, притворявшаяся в миру журналистом Каруловым, танцевала "степ", ловко переставляя хвост, старясь задеть плавниками шелестящую над ней стрекозу, которая сбросила с себя личину советницы Президента по правам человека. Жаба лобызалась с павлином, морская свинка целовала взасос серую цаплю, а та вложила свой клюв в уста дворовой собаки, и все они водили хоровод "Летка-Енька", подпрыгивая и подымая, у кого были, хвосты. Скопище булькало, чмокало, хлюпало, совокуплялось и метало икру, откладывало яйца и высиживало птенцов, бегало с сачком, кололо вилами, окуналось в прорубь, ело суп из несвежей требухи, испражнялось, портило монеты, агитировало за партию "Единая Россия", читало вслух Баяна Ширянова.

Счастливчик танцевал вместе со всеми, опьяненный волшебным напитком, сжимал в объятиях большую свинью с белесой щетиной, мокрым рылом и множеством дряблых, по всему животу, сосков.

Плужников, оставаясь дома, испытывал ужас от совершавшегося где-то поблизости невиданного злодеяния. Страдало все - каждая его клеточка и капелька крови, любая возникавшая мысль, всякое прилетавшее ощущение. Страдал воздух вокруг него, распадаясь на составные частицы. Страдало небо за окном, посуда в буфете и самая малая, пролетавшая по комнате пылинка. Он выглянул за окно, туда, откуда как буря летела беда. Край соборного купола, еще недавно золотой, теперь был черный, словно пробоина в небе, и в этой ночной дыре жутко мерцали падающие звезды, туманились и гасли созвездия.

Плужников погибал. Он не мог понять природу зла, не ведал, как с ним бороться. Взглянул на свои запястья - на них были порезы и оттуда сочилась кровь. Испытывал мучительную резь в ногах, в подколенных сгибах, брюки стали липкие и горячие.

Он чувствовал, что погибает, а вместе с ним погибает осенний город, в котором где-то близко, с почтовой сумкой через плечо, идет его Аня. И не зная, как победить несчастье, не имея слов для молитвы, владея лишь единственным даром, которым был связан с райской и земной красотой, он сел рисовать. Сочащимися кровью руками раскрыл альбом, окунул кисть в заветный стакан с водой, макнул в пахнущие медом краски.

Он рисовал чудесный осенний лес в неярком туманном солнце, бегущие врассыпную вереницы сыроежек, лисичек, моховиков под деревьями, рисовал грибника с лукошком, в котором лежали боровики с шоколадно-коричневыми шляпками, бархатно-оранжевые подосиновики, нежно-розовые волнушки, большой, перезрелый, пластинчатый груздь. Грибник был молод, желтоволос, с наивными голубыми глазами. К нему слетались из леса, рассаживались по елкам красные птицы, набившие зобы спелой черемухой и рябиной. Птицы готовились в дальнее странствие, прощались с грибником, на птичьем языке благодарили его за теплое лето и за вкусные ягоды.

Плужников завершил рисунок. Теряя последние силы, поднял его за влажные уголки, поднес к окну, заслонил черную пробоину в небе.

В храме, где продолжалось неистовство и в срамные пляски пустились вылезшие из зарослей иконостаса языческие боги - мохнатые фавны, грудастые нимфы, яростные похотливые кентавры, блудливые голозадые купидоны, - восседавший на престоле царственный красавец в алмазах поднял кубок с сатанинским напитком, желая напоить нежную, целующую его змею, понес кубок, и рука его внезапно дрогнула. Он уронил ритуальный сосуд. Тот упал на пол, магический отвар пролился на мраморные плиты, запылал синим огнем, стал растекаться жалящими, прозрачно-голубыми ручьями. Все, кто плясал, оказались в огне. На них горела щетина, дымились перья, оплавлялась чешуя, обугливались копыта, с истошными воплями кинулись к выходу, закупоривали проход, поджигая друг друга, иные застревали в оконных проемах, напоминая дымящиеся ватные тюфяки и одеяла. Царственный красавец скривился от муки, становясь

чудовищным горбоносым сморщенным уродом. Тот превратился в огромного складчатого слона, затем - в ветряную мельницу, а та - в чернолицего Патриарха-эфиопа, который выкрикивал на древнеэфиопском наречии одно-единственное ключевое слово: "О-о-о-о!.." Через весь храм, врезаясь и исчезая в окне, пронесся Маг Томас Доу, сгорбив волосатую спину, прижав к заостренному подбородку костистые колени, распустив кожаные, перепончатые как зонтик, крылья. Он улетал в Космос, на челнок "Колумбия", откуда и прибыл на московские торжества.

Счастливчик в обгорелом пиджаке выскочил на воздух, где уже ревели пожарные машины, расторопные пожарные раскатывали асбестовый рукав, включали огнетушители. Сам подставил себя под пышные хлопья пены. Когда огонь был погашен, с пятнами сажи на лице, побледневший, но не утративший своей обычной иронии, появился Модельер, взял Счастливчика под руку и повел к бронированному "мерседесу".

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Город, в котором властелин, жрецы и вельможи собрались в главном храме, чтобы выпустить кровь из хрупкой беззащитной девочки, - такой город был обречен на испепеление. Господь не сделал это мгновенно, ибо подыскивал средство, выбирая орудие своего гнева. Господь колебался, отыскать ли это средство в макромире и направить на Москву огромный метеорит, подобный тому, от которого вымерли динозавры, или же поискать в микромире и напустить на город бактерию такой истребительной силы, перед которой СПИД и атипичная пневмония покажутся легким расстройством. И все это время, покуда Господь выбирал, Плужников чувствовал трагедию города, ожидал его сокрушения, боялся за Аню, которой не было дома. Как водится, она разносила письма, ничего не ведая, думая, как лучше распорядиться золотым голубиным яйцом, что утром принесла заботливая птица, ускользнув от выстрела меткого монаха, запулившего дробь в белый свет как в копеечку. Тревожась за Аню, желая отыскать ее и, покуда не поздно, покинуть обреченный город, Плужников выскочил на улицу.

Было обыденно, студено. Люд перемещался по тротуарам, в обе стороны Остоженки, забредая в магазины, парикмахерские и аптеки, словно предполагал запасаться продуктами вперед на несколько дней, которых у города не было, собирался стричь и завивать волосы, вместо того чтобы посыпать их пеплом, намеревался лечить осенний грипп, не догадываясь, что болезнь неизлечима и нужен не доктор, а гробовщик.

Плужников растерянно смотрел, как в голых ветвях движутся тяжелые серые тучи, пронося среди своих теснин крохотный клочок голубого неба, словно это была последняя, отпущенная миру лазурь. Душа его была полна предчувствий близкой беды. Город окружал его своими фасадами, куполами и башнями, которые вот-вот сотрясутся и рухнут. Воздух, где возвышались строения, уже начинал дрожать, был похож на жидкое стекло, в котором текли размытые фонари, карнизы, проносящиеся лимузины. Уже нельзя было понять, московский ли златоглавый собор перед ним или багдадская, с минаретом и куполом

мечеть Омара, шумная ли Остоженка или многолюдный багдадский проспект Коррадо, Москва-река с рябью осеннего ветра движется в каменных набережных или Тигр с мутно-желтым горячим течением. И пока он пытался прогнать наваждение, остановить вибрацию воздуха, отличить мираж от реальности, сквозь стеклянные потеки воздуха примчался воющий звук, плюхнулся где-то близко в Замоскворечье, превращаясь в желтую вспышку, в глухой подземный удар. Это крылатая ракета, снабженная сверхточным прицелом, прилетела с авианосца "Авраам Линкольн" и ударила в приют для глухонемых детей, превращая его в жаркий факел.

Плужников спасал горящих детей. Полуразрушенное трехэтажное здание пылало. Пожарные направляли брандспойты со слюдяными красными струями на верхние этажи. Вода вскипала, превращаясь в пар. В огне, прижавшись к стеклам, беззвучно кричали немые дети. Спасатели выносили из пламени раненых и убитых сирот, опускали в стороне, под деревьями. Подставляли лестницы к стенам. Плужников кинулся по шатким стальным перекладинам вверх, добрался до окна, рассадил оконную раму и, уклоняясь от пахнувшего пламени, приял на грудь двух обожженных, распростерших руки детей. Неустойчиво, обнимая плачущих и мычащих сирот, спускался, слыша вой сирен, рев огня, невнятные стенания и всхлипы погибавших в пожаре.

"Умная бомба" с лазерным наведением, сброшенная бомбардировщиком В-1 с дальней дистанции, из района Нарофоминска, точно попала в Музей изобразительных искусств на Волхонке. Обрушился портик с ионическими колоннами, раскололись и превратились в муку алебастровые скульптуры "Дискобол", "Давид", "Раненый галл". Сгорели картины голландцев и барбизонцев, спеклась в пламени "жемчужная шутка Ватто". Плужников поспел к пожарищу, когда из дыма и чада спасатели в скафандрах неуклюже выносили картины импрессионистов, "Девочку на шаре" Пикассо, "Нотр-Дам в розовом тумане" Мане, "Пейзаж в Оверне после дождя" Ван-Гога; кинулся в горящее здание, где, окруженная ядовитым огнем, грозно, не потревоженная взрывом, стояла конная статуя кондотьера, сорвал со стены начинавшее гореть полотно, на котором жемчужно-голубая балерина отражалась в зеркалах костюмерной, сгибая в гибком колене ногу, перетянутую шелковой лентой, прижимая драгоценную картину,

выскочил на воздух, где в небе металась жирная копоть сгоревших шедевров.

Еще одна ракета с бомбардировщика В-52, пущенная в районе Ржева, домчалась до Москвы на сверхнизкой высоте, выискивая заложенную в ее электронную змеиную головку цель. Этой целью была Государственная библиотека, помеченная на штурманской карте, как "Ленинка". Ракета срыла здание, подымая в небо тысячи книг, которые трепетали белыми страницами, словно огромная голубиная стая. Многие загорались в воздухе, опадали на крыши, создавая странное многоголосие, будто тысячи актеров-декламаторов читали одновременно стихотворения Тютчева, Пушкина, Баратынского, описание охоты из "Войны и мира", главу "Великий инквизитор" из "Братьев Карамазовых", сцену свиданья Аксиньи и Григория Мелехова из "Тихого Дона". Небо лепетало, бормотало, булькало, в нем носились белые птицы, становились красными, превращаясь в черный, падающий пепел. Плужников успел на пожарище, нырнул в подземное книгохранилище, куда уже стекал жидкий огонь, схватил со стеллажа древнюю начинавшую тлеть летопись, засунул под рубаху, обжигая грудь и живот, слышал, как из книги доносится смиренный монашеский голос: "Откуда пошла есть русская земля и куда она, по Божьему гневному промыслу, сгинет бесследно…"

Он искал Аню. Бежал по Москве среди взрывов, спасаясь от сорванных, жутко падающих крыш, осколков кирпича и стекла, долбящих очередей, которые вылетали из одних окон и вонзались в другие. На Красной площади шла танковая дуэль. "Абрамс", уродливый и страшный, как перестройка, притаился за Иверской часовней и вел вслепую огонь по кантемировской машине Т-80, схоронившейся на Васильевском спуске за Василием Блаженным. "Абрамс" прямой наводкой угодил в основание храма, подняв на водух разноцветный солнечный взрыв, в котором, созданный из расколотых изразцов, перемолотых фресок, розово-белых крупиц кирпича и камня, трепетало изображение храма, а потом ветер унес пыльцу взрыва, и открылась Москва-река с отражением пожара - горели особняки на Софийской набережной. Наводчик Т-80 определил закрытую позицию "Абрамса" и послал снаряд в Иверскую часовню. Она испарилась, словно ее никогда не восстанавливал предприимчивый Мэр. Вновь открылся проход для будущих военных парадов американских

оккупационных войск. В дымящий пролом открылась гостиница "Москва", и кто-то выбрасывался из пылающих верхних этажей, используя зонтик в качестве парашюта.

Плужников стоял на брусчатке, пропуская над головой летящие в обе стороны, ревущие снаряды. Рядом оказался подвыпивший бомж с курчавой шерсткой на лице, похожий на эрдельтерьера. Когда за кремлевской стеной страшно ахнуло от взрыва стотонной бомбы и образовался провал, в котором рушились дворцы и соборы, а в небо взлетел оторванный шишак с колокольни Ивана Великого и стал перевертываться, сверкая на солнце, бомж задрал голову и, моргая синими глазками, произнес: "Ни хуя себе!.."

На Пречистенке, где могла оказаться Аня, шла рукопашная. Схватилась американская морская пехота и русский спецназ: пороли друг другу животы автоматными очередями, стреляли в упор из пистолетов, рубились ножами, втыкая клинки под срез бронежилета, выцарапывали друг другу глаза, умирали, продолжая хватать врага оскаленными в смерти зубами. Большой потный негр, потеряв каску, вертелся на месте, посылая вслепую очереди в ампирный особняк Музея Пушкина, пританцовывал в ритме новоорлеанского диксиленда, распевая псалом: "Мы все перед Богом братья!" Маленький вологодский солдатик обвязался гранатами, кинулся ему на шею с криком: "Здравствуй, брат!" - и вырвал чеку.

Плужников метался по Москве, расспрашивая обезумевших встречных, не видал ли кто молоденькую почтальоншу. Но от него шарахались, не отвечая, скрывались.

Останкинская башня переломилась надвое, как огромный камышовый стебель, уперлась обломанным концом в землю. "Стекляшка" брызгала и осыпалась разбитыми окнами, словно это был большой карп, с которого кухонным ножом счищали чешую. "Четвертая власть" бежала, укрываясь в соседнем парке, ныряя в пруд. Телеведущий, известный своими проамериканскими взглядами, растрепанный, потеряв очки, топорща мокрые от страха усы, пробегал мимо сломанной башни: "Вот они, итоги всего!.. А ведь мы вас так любили, так ждали!.."

Дом Правительства на Краснопресненской набережной, подтверждая свою проклятую репутацию, горел в средних этажах. Копоть вяло текла вверх, оставляя жирные потеки на фасаде. А с

моста, с пристрелянных еще в девяносто третьем году позиций, били американские танки. Министр финансов и романсов высовывался из окна, махал американским флажком, который всегда стоял у него на столе, и умолял: "Не стреляйте, прошу вас!.. Это я - Питер Эдельман, ваш внедренный агент!.."

Плужников ошалело бежал по Тверской, не узнавая еще недавно богатой, карнавально-наряженной улицы. Рекламные щиты, простреленные и обугленные, повалились на провода. Повсюду искрило. Скопились в пробках брошенные лимузины, и у некоторых еще работали двигатели. В разбитых ювелирных витринах возились грабители. В окнах отелей бушевало пламя, и оттуда раздавался истошный крик проституток, которых забыли выпустить из запертых номеров. Памятник Пушкину стоял с отстреленной головой. Виднелась внутренняя пустота скульптуры с острыми кромками шеи, напоминавшей горло отколотого кувшина. Саму же кудрявую голову украл американский капрал, чтобы увезти ее в родной штат Висконсин, установить в палисаднике перед домом, где под старость он станет пить пиво с соседями, вспоминая "русский поход".

С ревом винтов, на низкой высоте, вписываясь в ущелье улицы, шел вертолет "Апач". На подвесках у него вспыхивали барабаны, втыкая в Тверскую черные гарпуны реактивных снарядов, вспарывая красными взрывами полотно проезжей части. Взрывы настигли "джип", в котором спасался нефтяной олигарх, продавший сибирскую нефть американским и английским компаниями. "Джип", поднятый на воздух, перевертывался, и олигарх кричал кому-то в мобильный телефон: "Я же сделал вам скидку в шесть миллиардов долларов!.. Давайте еще поторгуемся!.." Джип упал на крышу отеля "Мариотт", застрял вверх колесами, которые некоторое время еще продолжали вращаться, и в телефонной трубке слышался голос секретарши с другого полушария: "Мистера Чейни нет на месте. Позвоните, если сможете, после обеда…"

Москва являла собой страшное зрелище. На Покровский бульвар упал, срезая деревья и крашеные детские скамеечки, сбитый "Миг-28". Раненых летчиков брали в плен представители "пятой колонны" из Российско-американского университета и Фонда Карнеги. Метрополитен был затоплен, грязная вода выдавливалась у "Охотного ряда", и в ней всплывали раскисшие газеты "МК" и ортопедическая

обувь Радзиховского. Сам же он в это время, набрав воздух, превратившись в испуганного тюленя, плыл в черном бесконечном туннеле между станциями "Комсомольская" и "Проспект мира".

Кругом шумели пожары. В небе летели бесчисленные трассеры зениток, окружая пышными облачками верткие F-15. По окраинам - в Медведкове, Свиблове, в Крылатском, в Бутове, в Печатниках то и дело гулко и страшно взрывались огромные бомбы, сотрясая землю, озаряя небо белыми вспышками. Казалось, невидимый шаман бьет в жестокий бубен, и город танцует, подпрыгивает своими башнями, трубами, колокольнями.

Наконец, без сил, Плужников очутился на Божедомке, среди старинных, похожих на дворцы, чахоточных клиник, где под голыми деревьями, среди опавшей листвы, стоял памятник Достоевскому. Безумный, в больничном халате и шлепанцах, прислушивался, как содрогается город в эпилептическом припадке. Плужников слышал, как погибает грешная Москва, видел, как из разверстых небес протягиваются к обреченному городу Божьи персты, но вместо благословения с них срываются огненные трассы крылатых ракет и бомб, посыпая несчастный город огненной смолой и ядовитым пеплом.

Плужников пал на колени неподалеку от памятника, воздел лицо к облетевшим ветвям, за которые прицепился и трепетал на ветру последний лоскут синевы, взмолился:

- Боже, пощади Москву!.. Прости ее страшные грехи и злодеяния!.. Спаси невинных!.. Сбереги Аню!.. А если нужно, возьми мою жизнь!..

Его сердце раскрывалось небу, полное отчаяния, любви, веры, готовности отдать себя за несчастных обитателей, пребывающих в пороках и злодеяниях. И молитва его была услышана. Воздух, в котором темнели ветки деревьев и летели трассеры от лязгающих зенитных орудий, вдруг зарябился, стеклянно потек. По нему побежали жидкие волны, и все расплылось как отражение в потревоженной ветром воде, а потом успокоилось. Тишина. Спокойный город. Мелкий осенний дождик. На бульваре играют дети. Несется нескончаемый автомобильный поток. На рекламе "Клинского" два парня и девушка, помещенные в водоворот удовольствий, заманивают падких до пива москвичей отведать пенно-золотую

горьковатую кружку. Сожжение города не состоялось. Чаша гнева Господня не опрокинулась на греховную столицу. Господь внял Плужникову и теперь ожидал от него обещанного подвига. Не отменил, но лишь отсрочил свой приговор.

Плужников брел по бульвару, что начинается от памятника Суворову и нежно-зеленого Дворца Армии и величаво движется к Садовой, расставляя по пути огромные темные деревья, среди которых стоит Толбухин, печальный маршал великой войны. Было просторно, сыро. Пахло мертвой листвой. И мысль, еще испуганная, боясь повторения кошмара, искала опоры, пыталась найти источник, где хранились неистраченные силы, откуда их мог бы взять утомленный народ, не умевший противостоять злодеяниям.

На скамеечке сидел понурый старик. Сгорбился и дремал, прислонив к скамье палку, в помятой шляпе, в сыром неказистом пальто. Лицо его было тусклым, серым, бесконечно усталым. Пальто было расстегнуто, виднелся истертый стариковский пиджак и орденские колодки, такие истертые и засаленные, что почти потеряли цвет. Плужников остановился перед стариком, испытывая таинственное влечение, благоговение перед ним, кто в страшные времена встал на пути злодеяний, пролил свою кровь, сохранив Москву и Россию.

"Победа" - вот что было опорой для изнуренного, потерявшего веру народа. "Учение о Русской Победе" возникало в его душе, словно кто-то свыше вкладывал ему в сердце великие мысли, которыми он должен поделиться с людьми. Старик дремал, окруженный серой печалью, тусклым воздухом старости. Но сквозь расстегнутое пальто, на невзрачном пиджак что-то начинало светиться, возгоралось, блистало, источало ослепительные лучи. Звезда "Победы", усыпанная бриллиантами, сверкала на груди ветерана, словно солнечная роса. Воздух вокруг трепетал от божественных неугасимых лучей.

Плужников, благоговея, подошел к старику, поцеловал у него на груди звезду "Победы", отошел, не потревожив сон героя.

Он ступал под просторными деревами бульвара. На детской площадке, среди крашеных теремков, затейливых лесенок и качелей играли ребятишки. Мамы и бабушки, наблюдая в сторонке за их шалостями, степенно рассуждали о том о сем.

Плужников приблизился к песочнице, где строили замки, рыли пещеры симпатичные карапузы, некоторое время наблюдал за неутомимой прекрасной деятельностью, без намеков на корысть или злодеяние, а потом, набрав полную грудь студеного осеннего воздуха, произнес:

- Не надо отчаиваться! Мы - самый счастливый, одаренный Богом народ! Наши беды преходящи и временны! Наше будущее освещено бриллиантовой звездой "Победы"…

Детишки перестали играть, воззрились на человека, который заговорил с ними совсем не так, как разговаривают строгие и порой надоедливые няни и бабушки, которые либо крикливыми и неприятными голосами запрещают заниматься упоительным делом, вроде кидания песка в голову деревянного чудища, либо навязывают абсолютно бесполезные, а часто и вредные занятия, как, например, мытье рук или поедание невкусных таблеток. Ребятишки перестали строить песчаные замки и скакать по лесенкам, приблизились к человеку, подняв на него внимательные, верящие в чудо глаза.

- Такую Победу, какую мы одержали над немцами, дарует народам один только Бог! Без Бога таких Побед не одерживают! От таких Побед в мире начинаются новые времена, исправляется порченая история, и люди спасаются на много веков вперед…

Мамушки и нянюшки встревожились появлением взрослого мужчины, который вторгся в игры их подопечных, стоял среди песочниц, деревянных грибков и качелей и что-то внушал "малым мира сего". Все разом приблизились, готовые дать отпор пришельцу, всматриваясь, не слишком ли тот пьян. Но лицо мужчины было светлым, добрым, глаза смотрели на детей с тихой любовью, а слова, которые он произносил, хоть и были поначалу непонятны, но таили в себе привлекательную и чарующую силу.

- Такую Победу русским велел одержать Господь, потому что любит Россию… Оттого и взял в свое Царство с полей войны двадцать пять миллионов самых лучших своих сыновей, погибших во спасение мира… Каждый теперь сверкает в Раю, как бриллиантовая росинка на лучезарной звезде "Победы"…

Мамушки и нянюшки внимали загадочному проповеднику, ибо у каждой из их был кто-то в роду и семье, кто, подобно бриллиантовой росинке, был взят Господом с полей сражения и украсил сияющую в

сумерках русской жизни лучезарную звезду. Мимо проходили трое рабочих в робах и оранжевых фартуках, держа метлы, которыми они сгребали под деревьями опавшую листву. Остановились, дымя цигарками, чтобы тут же пройти, но ухватили последнюю фразу проповедника и остались.

- Если бы не русская Победа, земная ось перегнулась и Земля пошла бы крутиться в другую сторону, и мало бы кто на этой земле уцелел. Люди бы превратились в животных, животные стали растениями, растения вернулись в минералы, а те - в летучие газы, и невидимый Божественный дух оставил бы нашу Землю, и Солнце над ней погасло… Но Русская Победа земную ось распрямила, и опять Солнце подходит к земле с востока, и люди под солнышком еще могут спастись и одуматься…

Паства, которая внимала проповеднику, состояла из малых ребятишек, из женщин-пенсионерок, из двух рабочих, приехавших из безработной провинции, чтоб хоть как-то прокормиться самим и прокормить оставшиеся в Пермской губернии семьи. По бульвару проходила обнявшаяся влюбленная парочка - останавливались под деревьями, целовались, приблизились к детской площадке с блаженными, ничего не понимающими лицами, услышали несколько слов, да так и остались, забыв расцепить объятия.

- Красные герои, числом в двадцать пять миллионов, отдавшие жизнь за Россию, суть святые, хоть в церквах не крещены… Крестились кровью на полях сражений, в боях за любимую Родину. Я в Раю побывал и видел их всех в березняках на полянах. Им теперь хорошо среди берез на свежем снегу… Не сейчас, так позже церковь причислит их к лику святых, и в городе Волоколамске будет построен храм Великомучеников, за Победу души свои положивших. В этом храме будет двадцать восемь лампад, по числу гвардейцев-панфиловцев, будут иконы с лампадами, возженными перед ликами Талалихина и Гастелло, Зои Козьмодемьянской и Александра Матросова, будут фрески всех, кто мученически погиб в Краснодоне, а также генерала Карбышева и Якова Джугашвили. Полные списки героев, с которых надлежит рисовать образа, находятся у генерала Варенникова, и он уже видел и одобрил чертеж будущего храма…

Вокруг проповедника собирался народ. То были молодые служащие из ближнего банка, спешившие на бизнес-ланч в недорогой

ресторан, дрессировщики из находившегося поблизости "Уголка Дурова", мастер по рекламе, присматривающий местечко на бульваре, где бы можно было пристроить рекламный щит, другие прохожие, кто праздно, кто по делу, проходившие мимо детской площадки.

- Устроители храма уже побывали в псковской земле, в которой, неподалеку от Святых Печор, проживает дивный иконописец, монах Зенон. Заказали ему икону Русской Победы. Монах готовит доски, кроет их левкасом, растирает краски, которые доставили ему с Афона богомольцы… Постится перед началом трудов…

Плужников проповедовал, изумляясь тому, каким чудом слова возникают у него на устах вместе с дыханием, словно кто-то приложил свои вещие губы к его ушам, вдувает неслышно богооткровенные мысли, а он, Плужников, только старательно их повторяет.

- Ветераны войны, которые живы покуда, - все праведники! Кто увидит ветерана, - поклонись ему до земли, руку у него поцелуй, приложись к алмазной звезде "Победы"…

Он был языком, а слово, которое срывалось с языка, нисходило свыше; был воздухом, а звук, который нуждался в воздухе для звучания, прилетал из иных пространств; был тростниковой трубкой, в которой свистел ветер неба; был зеркалом, в котором отразился дивный луч. Он не давал себе труда подыскивать мысли. Проповедь его лилась свободно, и он не знал, какая следующая мысль придет ему через мгновение.

- Победа множит своих святых по сей день! Десантная рота, полегшая вся до последнего в Аргунском ущелье, - суть святая. Мученик за Веру и Родину Евгений Родионов, обезглавленный на чеченской войне - святой. К святым же относятся баррикадники Дома Советов, погибшие от рук татей, по какому случаю уже написана святая икона…

Люди, окружавшие проповедника, внимали словам, которыми с ними никто не говорил уже долгие годы. Они забыли, что есть на свете такие слова. Людей учили становиться богатыми и думать каждого о себе, учили покупать как можно больше "сникерсов", пива "Пит" и "дирола" без сахара, любить Президента и голосовать за партию "Единая Россия" во главе с замечательным тувинским избавителем, который спасет каждого от паводка и землетрясения, от зимнего обморожения и от летних эпидемий холеры, от случайно возникшего

голода и атомного взрыва. Людям предлагали читать слова, написанные писателями Акуниным и Донцовой, стихи, которые на разные голоса пели растрепанная, с заголенными ногами Алла Пугачева и прельститель, знающий свою неотразимость, Буйнов. Людям предлагалось ненавидеть Саддама Хусейна и почитать американскую администрацию, блок НАТО и Евросоюз. Их убеждали, что умные речи могут произносить лишь телеобозреватель Сванидзе, юморист Жванецкий и политолог Марков, он же Никонов, он же Левада, он же Цыпко, а в худшие для себя времена выступающий под фамилией Мигранян. Но теперь к ним обращались со словами, чистыми как ключевая вода, которую они давно не пили, душистыми и свежими как луговая трава, по которой они давно не ступали, прозрачными и сияющими как небо, в котором не было гари от бесчисленных труб и моторов. И люди жадно внимали.

- Многие, у кого на уме козни и злодеяния, хотят у русских отнять Победу, чтобы сделать народ беззащитным. Но это им никогда не удастся. Те, которые Советскую страну погубили и хулу на советский народ возводили, теперь за Победу прячутся. Говорят: "Победа, Победа", - а во рту у них одна кислота. Их, которые черные дела за Победу прячут, угадать легко. Спроси их - кто Генералиссимус Русской Победы? Ни за что не скажут, а изо рта пойдет зеленая пена. Спроси, как зовется город на Волге ниже Саратова, выше Астрахани? Не скажут, и губы посинеют как у утопленника…

Уже многие толпились вокруг проповедника, и задние хотели пройти вперед, чтобы лучше слышать, а передние пересказывали задним слова, которые те не расслышали.

- Победа - это и дело, и время, и учение, и Дух Живой, и Россия Земная, и Россия Небесная, и Рай, который тоже - Россия. Не всякий это учение может сказать словами, но всякий им дышит, спасается и спасает других…

В толпе, что окружала проповедника, были не одни москвичи, но и резчики по дереву из Могилева, что столярничали в реставрационных мастерских, и грузинский ученый-атомщик, у которого в Тбилиси закрыли институт, и он переехал в Москву, и два армянина из Карабаха, где не на что было купить хлеб, и они переселились в Москву ремонтировать автомобили. Здесь оказался китаец, присматривающий где бы открыть магазинчик для торговли

пророщенными семенами пшеницы. И всяк находил в словах проповедника свое.

- В Победе все люди братья - и русские, и белорусы, и украинцы, и татары, и казахи, и узбеки, и евреи, и чеченцы, и англичане, и французы, и американцы, и немцы, которые нас победить захотели, много наших жизней отняли, иных пожгли, иных до смерти запытали, но святые мученики за них молятся и вымаливают у Бога прощение. Многие хотят Россию сгубить, русских извести до последнего. Но Победу победить невозможно. Потому Россия непобедима вовеки, и русские ее все равно отстоят…

Плужников видел, как сквозь толпу проталкиваются двое в темных шляпах, с остроконечными ушами, как у немецких овчарок, узнавал в них агентов спецслужбы "Блюдущие вместе", торопился досказать начатое.

- Чтобы нам устоять и не сделаться добычей злодеев, нужно любить армию, цветы, заслонять детей, благоговеть перед женщиной, чтить ветеранов, помогать друг другу! Это и есть - Победа, за которой Гагарин в Космос летал, и многое из того, что слышите, узнано от Гагарина. Не надо отчаиваться… - закончил он проповедь задушевной фразой.

Агенты грубо расталкивали людей, подбирались к Плужникову. Но белорус подставил одному ногу, и тот плюхнулся носом в песок, разрушив детский замок.

Армянин напустился на разрушителя с криком:

- Зачем детей обижаешь!

Мамки и няньки кинулись на агентов, грозя позвать милицию. Изобличенные, утратив конспирацию, агенты поторопились убраться, успев сделать несколько снимков Плужникова скрытой камерой.

Вернувшись домой, он застал Аню встревоженной и огорченной.

- Я так волновалась!.. Хорошо, что пришел!..

- Это я волновался… Ходил, тебя повсюду разыскивал…

- Тебе нельзя появляться на улице!.. Это опасно!.

- Теперь не опасно. Память ко мне вернулась. Адрес наш помню.

- Тебя ищут, хотят схватить!

- Кому я нужен?

- Мой милый, ты не знаешь новость! По Москве объявлена перепись населения. По квартирам ходят переписчики в черных

шляпах, с песьими головами. Вежливые такие, обходительные. Все вынюхивают и выспрашивают… Сперва обычные вещи: сколько лет, где родился, русский ты, еврей или чеченец. Потом интересуются, сколько зарабатываешь, сколько тратишь, какое хобби. Потом - сколько колонн у Большого театра, сколько глаз у Кутузова, сколько ног у сороконожки. Спрашивают, каков на сегодня рейтинг Президента и в какой стране гостит Первый Президент России. Когда человек на все вопросы ответит, ему махонькой печаткой ставят на лоб значок, где перламутровый дракончик держит в зубах какие-то цифры, кажется, рейтинг, и значок этот переливается как голографическая картинка и уже не смывается. Когда человек такой значок получит на лоб, он становится счастливым и уже не перестает улыбаться. Его щиплют, а он улыбается, кипяток льют на голову, улыбается, ребеночка маленького головой бьют об пол, а человек улыбается. Это называется у них "Юморина". Такого человека спрашивают, не видал ли он того, кто носит в руках голубиное золотое яйцо; не проходил ли такой, у кого пальцы в акварельных красках и он держит рисунок, похожий на детский; не останавливается ли он на углах, чтобы проповедовать о Русской Победе, при этом глаза у него небесно-синие, а лицо слегка обгорелое; и дают для опознания фото. Вот это!.. - Аня протянула Плужникову фотографию, на котором был изображен он сам, в парке, на детской площадке, окруженный детьми, их мамками, няньками и всем тем людом, перед которыми он только что проповедовал. - Дают бесплатные пейджеры, чтобы могли перезвонить по телефону в ФСБ!..

- Когда же они успели снимок сделать? - изумился Плужников проворности агентов.- Что же теперь делать?

- Все очень опасно, мой милый. Я видела их песьи головы и красные, мокрые языки… Они выводили из дома мужчин, которые хоть немного на тебя походят. Сажали в тюремные машины с решетками и увозили. Я все продумала. Если они к нам постучатся, ты выходи на балкон и там по пожарной лестнице спускайся в боковой двор, подворотнями убегай на Остоженку и мешайся с толпой. А я их тут буду удерживать, уговаривать.

Только она это сказала, как раздался звонок, нежный и вкрадчивый, словно девочка-сиротка подошла к дверям, едва дотянулась до высокого звонка и нажала тугую кнопку.

Плужников, на цыпочках, глянул в смотровой глазок. Песьи морды с черными носами, шерстяными ушами, рыжими злыми глазами притаились за дверью. Сочно краснели мокрые языки. Качались поля темных фетровых шляп. Мохнатые лапы сжимали папки, мобильные телефоны и пистолеты "Беретта".

- Пришли, - прошептал Плужников, вернувшись на кухню. - Не открывай… Я разыщу тебя, как только минует опасность…

С этими словами он растворил дверь балкона, напустив в комнату холод и дождь, поцеловал Аню, ощутив сладостный аромат ее любимых волос, заметил, как бьется на ее беззащитной шее голубая жилка, похожая на крохотную птичку-синичку, - и уже был на балконе; цепко перескочил на ржавую пожарную лестницу, ухватившись за мокрые поручни; стал спускаться вдоль фасада, заметив внизу крытый тюремный фургон, рядом с которым прохаживалась охрана - двое в фирменных шляпах, из-под которых торчали песьи носы; соскочил на землю, кинулся в соседний двор, неловко зацепив пустую пивную банку. Охрана обернулась на грохот, закричала: "Стой!.. Ответь на вопрос - сколько глаз у адмирала Нельсона?.. Сколько ног у осьминога?.." Плужников не отозвался, хотя знал ответ, помчался что есть мочи дворами, слыша топот преследователей, выскочил на Остоженку, где все блистало, шелестело переполнявшими улицу лимузинами.

В толпе мелькнули черные фетровые шляпы. Он помчался через "зебру" перехода, пробежал переулком на Пречистенку и увидел, как погналась за ним черная "Волга" с мигалкой, истошно воя. За лобовым стеклом отчетливо просматривались собачьи головы в нахлобученных шляпах. Пробегая мимо ресторана "Нью-Васюки", заметил, как сверху на него стала падать плетеная ловчая сеть, едва увернулся, а в тенета попалась субтильная старушка, видимо, из потомственных дворянок. Сучила сухими ручками, жалобно восклицая: "Господа, право, как мило!.. Какая тонкая шутка!.."

Плужников вилял дворами и дважды чуть не попал в волчьи капканы, лязгнувшие у него под ногами. Наконец, на просторном дворе, где стояли помойные баки и урчала оранжевая мусоровозная машина, заталкивая в свое гадкое нутро зловонное барахло, он попал в западню. С обеих концов двора надвигались на него псы в шляпах.

Мягко, осторожно переступали на упругих лапах, держа пистолеты, высунув от азарта и нетерпения красные слюнявые языки.

- А какое твое хобби, голубчик?.. Яичко не простое, а золотое?.. Альбомчики для детишек "Раскрась сам"?.. Нехорошо уклоняться от переписи… Иди, мы тебя перепишем…

Плужников понял, что погибает. Видимо, чем-то он прогневил Того, Кто послал его в этот город, либо город уже не поддавался спасению и отпадала нужна в спасителе, либо он, Плужников, совершил какой-то просчет и оплошность и сам нуждался в спасении.

"Спаси!.." - молча и молитвенно возопил он, видя, как смыкается кольцо собак. Все они были из породы немецких овчарок, и только одна, видимо, их начальник, была поджарой рыже-белой колли. "Спаси!.." - повторил Плужников.

И спасение пришло. Откуда ни возьмись появился плечистый русоволосый красавец, показавшийся Плужникову знакомым. Это и был его знакомый - Сокол, прославленный футболист, которого Плужников остановил на краю пропасти, когда тот раскачивался на парапете гранитной набережной, намереваясь ухнуть в реку и умереть.

Сокол тоже узнал его:

- Ты?.. От кого бежишь?.. От этих вонючих псов?..

Они встали спина к спине, и только клочья полетели от нападающих. Лязгали у собак раздробленные челюсти, чмокали их прокусанные мокрые языки.

- Давай сигай в мусоровозку!.. - крикнул Сокол, глядя, как медленно отъезжает оранжевая машина и у нее в спине закрывается грязный короб. Они прыгнули один за другим в зловонное чрево. Сверху на них посыпались очистки, отбросы, груда помойной дряни. И, слыша, как визжат побитые псы, они притаились в темноте стучащей машины, окруженные со всех сторон спасительной гнилью.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Они долго колыхались в темноте, и у Плужникова было ощущение, что он находится во чреве огромной рыбы, наглотавшейся скользких водорослей, кислого ила и раздавленных холодных личинок. Эта рыбина ненароком сглотнула и его и теперь куда-то плыла, быть может, на другой берег Средиземного моря, перевозя его, как библейский кит Иону. Наконец, странствие окончилось, рыба остановилась, напрягла переполненный кишечник и вытолкнула содержимое наружу. Плужников и Сокол вывалились вместе с отбросами и очутились на огромной загородной свалке. И первое, что увидали, подымаясь из нечистот, обвешенные картофельными очистками и грязным тряпьем, было небо с бессчетными стаями кричащих черных ворон, слетевшихся встречать очередную мусорную машину. Вторым видением была группа странных, обросших людей, облаченных в экзотические кожи, жилеты, косматые телогрейки, с палками и крюками, похожих на первобытное племя, в шкурах, вооруженное палицами и дротиками. Все это грозное оружие было нацелено на Плужникова и Сокола, готовое разить и колоть.

- По-моему, нам не рады… А мы так торопились! - произнес Сокол, снимая с головы прелый лист капусты.

- Вы кто, инспекция? - спросил воин, с клинышком бороды и в пенсне, похожий на Калинина, укутанный в желтую женскую кофту, в истоптанных полусапожках на высоких каблуках, потрясая над головой заостренной пикой, изготовленной из поломанного торшера.

- Да нет, какая инспекция! - воскликнул худой человек с косматой гривой и провалившимися аскетическими щеками, напоминавший Николая Островского. Он был в зипуне, перепоясан красным махровым полотенцем, в калошах на босу ногу, и в руках его была палица из ножки старинного письменного стола. - Это же Сокол! Нападающий "Спартака"!..

- Оно и видно, - угрюмо произнес опухший мужчина с огромной нечесаной бородой, похожий на Бонч-Бруевича, в поношенном теплом пальто и войлочных ботах, потряхивая в руках ржавой цепью. - "Спартак" - команда "мусоров". Поэтому и ездит на мусоровозке…

- А за "мусоров" ответишь! - вспылил Сокол, подвигаясь к обидчику.

- Стоп!.. Разойтись!.. - между ними встал очень бледный человек с седой колючей щетиной и черными густыми бровями, похожими на хвосты пушных животных. Вылитый Брежнев, но в замызганной телогрейке зэка и с синими губами вечно мерзнущего человека. - Я тебя знаю, - обратился он к Плужникову. - Ты приходил ко мне с милой девушкой Аней, которая приносила мне письма и повестки в суд. Очень меня жалела славная барышня.

И Плужников узнал Ивана Ивановича, бывшего ученого и изобретателя, печального выпивоху, которого за неуплату выселили из квартиры на улицу, обрадовался встрече.

- Да, да, мы знакомы!.. Иван Иванович знает меня!.. Он может подтвердить, кто я такой!..

- А нам один хрен, кто ты такой… Здесь документов не спрашивают, - буркнул кругленький, укутанный с головой в бабий шерстяной платок человечек с темными печальными глазами Надежды Константиновны Крупской. - Если приехал жить, живи. Цветные металлы - одна цена. Стеклотара - другая. Ежели запчасти от машинок "Зингер" или от приемника ВЭФ на лампах - цена договорная.

- Оставь их в покое, - перебил его Иван Иванович, к мнению которого прислушивались остальные обитатели свалки. - Это мой друг и сосед, - указал он на Плужникова. - А этот, разве не видите? Он Сокол. Похож на молодого Чкалова.

Плужников вздохнул с облегчением. Он ушел от жестокой погони и оказался на свалке, куда отдаленный город сбрасывал ненужные предметы, негодную в употребление пищу, а так же пропащих людей, которые были извергнуты из горделивого и богатого города, превратились в бомжей, поселились среди отбросов.

Сокол отозвал его в сторону:

- Я должен возвращаться… Вижу, за тобой гоняются… Нынче за плохими людьми нет погони, сволочи сами всех загоняли. Нас судьба дважды с с тобой сводила, сведет и в третий… Футбол я бросил, учусь летать.

Он подпрыгнул и улетел, распугивая стаи ворон, чуть сверкая опереньем на солнце. А Плужников остался на свалке.

Она занимала огромное пространство среди лесов и оврагов, куда непрерывно подъезжали машины, вываливали отбросы. Бульдозеры медленно ровняли рыхлые пестрые груды, утрамбовывали гусеницами, выдавливая зловонную жижу. Часть жижи испарялась, превращаясь в неисчезающий над свалкой жирный туман, который вдыхали птицы. Другая часть просачивалась в дренажи и донные канавы, скапливалась в подземных резервуарах, где медленно фильтровалась, оставляя ядовитые осадки. Свалка была кладбищем, где город хоронил израсходованные предметы, устаревшие механизмы, обветшавшую моду, отыгравшую музыку. Свалка была огромным трупом бездыханного времени, над которым, как над мертвым богатырем, вились прожорливые и крикливые стаи.

Бомжи, населявшие свалку и казавшиеся первобытным бестолковым племенем, на самом деле еще недавно являлись советскими людьми, за каждым из которых числилось какое-нибудь звание, почетное имя, достижение в науках и искусствах. Изгнанные из нового, прогрессивного общества, о котором так мечтал потомок бедуинов, сын солнечных пустынь, академик Сахаров, и за которое так страстно и мученически боролся писатель, чья фамилия странным образом передавала притчу про то, как задумала "соль жениться", эти люди с потерпевшего крушение корабля жили на необитаемом острове, как робинзоны, сохранив обычаи и нравы Красной Атлантиды. Материк утонул, но на крохотном острове обитали атланты, жившие по законам своей утонувшей Родины.

Они жили коммуной, где не торжествовала частная собственность, а вся свалка, со всеми отбросами, была общим достоянием. Здесь господствовал труд - по разгрузке и собиранию нечистот - не всегда добровольный, но всегда вознаграждаемый, согласно принципу: от каждого по способностям, каждому по труду. Сколоченный из старых ящиков стенд с надписью: "Наши маяки" - отмечал отличившихся при разборе мусора, кому удавалось среди испорченной пищи, кислых нечистот и изжеванной оберточной бумаги отыскать какую-нибудь поломанную, чудом уцелевшую вещь, свидетельствующую о великой эпохе. Так островитяне выходят на кромку океана и ждут, не принесет ли волна доску корабля с драгоценным, полустертым именем или бутылку с посланием из другого, бесконечно удаленного мира.

Жили обитатели свалки в пещерах, которые сами же и вырыли в горах мусора. Там было тепло, ибо вечное разложение отходов создавало благоприятный микроклимат. Каждая пещера была рассчитана на одного человека, ибо советские люди презирали коммуналки. Каждое новое жилище строилось сообща согласно социальной программе "Твой дом". В подземной столовой все вместе трапезничали. Старый повар, уволенный из ресторана "Советский", когда там разместился ухарский и купецкий "Яр", готовил великолепные обеды из тщательно промытых и отобранных капустных листьв, выброшенной, но вполне съедобной моркови и картофеля, из мяса и рыбы, которые, при соблюдении известных мер безопасности, можно было извлекать из банок с армейской тушенкой, отслужившей срок годности или из объедков дорогих ресторанов, где пресыщенная публика позволяла себе не доедать жареную осетрину или форель. К обеду подавались также спиртные напитки, тщательно добываемыя из бесчисленных опорожненных бутылок, на дне которых всегда оставалось несколько капель спиртного. Так, одни могли испить водки, другие, красного вина, третьим же, с неизжитыми буржуазными наклонностями, доставалось виски, включая "Джони Вокер".

В подземном актовом зале проводились собрания и съезды, дискуссии на политические темы. По-прежнему актуально звучали доклады по экономике социализма, о международном рабочем движении, о монолитном единстве народов СССР.

Особое помещение, тщательно сберегаемое, было отведено под музей советского быта, куда складывались добытые из мусоровозов предметы, свидетельствовавшие о великой "красной цивилизации".

Среди обитателей Красной Атлантиды, если внимательно всмотреться в заросшие лица, в утомленные вечными трудами, экзотично разодетые и разукрашенные фигуры, можно было узнать тех, кто, казалось, давно почил, напрочь забыт, десятилетия не упоминался в газетных статьях и телепередачах, как если бы его не было в живых.

Так, например, здесь проживал герой космических исследований, автор марсианского проекта, согласно которому в первое десятилетие двадцать первого века советские люди должны были построить на Марсе город под названием Москва-2, где были бы свои Красная

площадь, Тверской бульвар, Садовое кольцо и Москва-река, для чего предполагалось наполнить водой один из пересохших каналов.

Здесь также коротал старость конструктор знаменитых атомных ледоколов, который задумал новую флотилию столь мощных судов, что они должны были прорубить во льдах коридор прямо через Северный полюс в Америку, что соединило бы два полушария самым коротким путем, дав расцвет всей заполярной цивилизации Советов.

Тут жил строитель установки по атомному синтезу, которая вот-вот должна была заработать, создав неисчерпаемый океан энергии. Но начавшаяся "перестройка" прервала проект, выпила из страны ту энергию, которой ей так не хватало, и огромная установка под стеклянным куполом лаборатории была разобрана на утиль цветных и драгоценных металлов.

Среди рывшихся в отбросах бомжей находился известный в свое время писатель, лауреат нескольких Государственных премий, чьими эпическими романами о подвигах советских людей зачитывалось несколько поколений, их экранизировали и даже превращали в оперы и балеты.

Рядом с ним, на корточках, в надежде отыскать капитель от какого-нибудь сталинского дома, рылся железным крючком известный в свое время композитор, под чьи торжественные марши и гимны шествовали праздничные демонстрации, открывались партийные съезды, проводились юбилеи городов-героев, отмечались годовщины победных битв. Музыка еще иногда звучала, игриво аранжированная проказливыми юмористами, но сам композитор считался давно умершим.

В бригаде бомжей, окруживших очередную, привезенную груду, присутствовали директора некогда огромных заводов, производивших реакторы и турбины, председатели колхозов-миллионеров, кормивших целые области, телеведущие, бравшие официальные интервью у генеральных секретарей. Все были забыты. Заводы-гиганты ржавели без крыш. В недоделанных реакторах, турбинах и космических кораблях росла трава. Земля колхозов была распродана, и на ней новые хозяева устраивали сафари-парки, где пробовали открыть охоту на слонов и жирафов.

Тем не менее деятели великой эпохи были живы, принесли с собой на свалку технические и научные идеи, которые не захотели

передать победившей Америке, отказались от грантов Сороса, спрятали скрижали "красной цивилизации" среди мусорных куч, веря, что когда-нибудь они будут востребованы победившими патриотами Родины.

Иван Иванович был явно не последним человеком на свалке. Ему было поручено какое-то важное, непонятное Плужникову дело. В его подчинении находились люди. Ему служил транспорт - автомобиль, собранный стараниями умельцев из остатков полуторки, четыреста первого "Москвича", трофейного "опеля", с двигателем на газу, который добывался здесь же, из гниющих остатков. На этом грузо-легковом автомобиле с красным флажком на радиаторе Иван Иванович несколько раз уезжал куда-то за лес, где раздавались непрерывные чмокающие и чавкающие звуки, словно работала большая невидимая помпа.

Вернувшись в очередной раз, он привез на обед утомленную смену рабочих, которые тут же принялись поглощать лакомый суп из шпрот, партию которых привезли на свалку с таможни. Лукавые прибалты попытались протащить контрабандную рыбешку в столь ненавидимую ими империю, и вся конфискованная партия подлежала уничтожению.

- Если хотите, - обратился Иван Иванович к Плужникову, - мы можем осмотреть склад запчастей, из которых, когда наступит долгожданное освобождение, мы восстановим Советский Союз. Наша великая Родина была замечательной машиной, чертежи которой мы сберегли. Минимально необходимый комплект деталей у нас имеется. Недостающие будут восполнены самоотверженным трудом следующих поколений советских людей.

Иван Иванович был деятелен, с умным блеском трезвых озабоченных глаз, над которыми кустились густые черные брови. Он не был "под хмельком", категорически отказался от порции водки, которую подали к обеду в бумажных, хорошо промытых стаканчиках. Было видно, что вся его натура поглощена каким-то важным, захватывающим делом, которое пьянило его само по себе.

Они прошагали на дальний край свалки, где мусор был утрамбован, посыпан сверху слоем земли, которая начинала прорастать молодой травой. Сквозь незаметный, хорошо замаскированный лаз проникли на глубину, двигались горизонтальной

штольней. В стенах были видны спрессованные пивные банки, оберточный картон, сухая штукатурка и похожий на окаменелость скелет собаки с остатками рыжей шерсти. В потолке, освещая путь, горели газовые светильники. Дул ровный подземный сквозняк, обеспечивающий вентиляцию. Они шли довольно долго. Несколько раз их останавливали и спрашивали пароль, пока штольню не преградила бронированная дверь с поворотным замком, какие бывают у военных подземных бункеров.

- То, что вы увидите, не является музеем, - предупредил Иван Иванович. - Это лаборатория, где лучшие специалисты, используя марксистско-ленинскую диалектику, работают над воссозданием СССР. Если вы владеете каким-нибудь ремеслом или даром, посвятите их социалистическому Отечеству, - с этими словами Иван Иванович отворил дверь, и они прошли в секретное помещение.

Огромный объем был озарен множеством газовых фонарей, которые отражались в стеклянных стенах. Стены были собраны из мелких осколков столь тщательно и красиво, что возникало ощущение грандиозного цеха, или машинного зала, или стерильной лаборатории, какие изображались в советских научно-фантастических фильмах. По всему залу стояли стеллажи, и на них покоились всевозможные изделия и механизмы. Некоторые выглядели как новые, очищенные и блестящие, в машинной смазке или свежей краске. Над другими трудились люди, очищая их от ржавчины и окалины, скоблили, ремонтировали, возвращая поломанному изделию первозданный вид. Реставраторы имели на глазах сильно увеличивающие окуляры, действовали кто отверткой, кто паяльником, кто резцом или кистью. Тут же находились изделия, только что извлеченные из мусора, поломанные, жалкие, с недостающими элементами.

- Мы ждем момента, когда на складе соберется достаточное количество опорных предметов, составляющих символы нашего строя. Тогда, методами генной, социальной и исторической инженерии мы восстановим нашу "красную цивилизацию", воспользовавшись для этого какой-нибудь знаковой "красной" датой. Днем Победы, или празднованием Великой Октябрьской Социалистической Революции, или Днем Советской Армии. Ибо в этих днях сконцентрирована колоссальная энергия нашего общества, которая будет использована при акте воссоздания…

Плужников осматривал стеллаж, где демонстрировалось оружие победоносной армии, наводившей ужас на врагов весь двадцатый век. Здесь была тачанка на рессорных подвесках с пулеметом "Максим", из которого строчила Анка Пулеметчица, истребляя каппелевцев. Стояли на запасных путях бронепоезд 14-59 из пьесы Вячеслава Иванова, танк Т-34 с надписью "За Родину!", первым ворвавшийся в Будапешт. Здесь были полевая ракетница, полевая кухня и полевая почта, а так же несколько самодельных минометов, сконструированных из канализационных труб партизанами Ковпака.

- Скоро здесь появится баллистическая ракета СС-18, которую наши товарищи обнаружили в картофельных очистках, завезенных с подольской овощной базы. И это далеко не полный перечень вооружений…

На соседнем стеллаже были собраны летательные аппараты, на которых "советская цивилизация" стремилась в высоту небес: биплан По-2 по прозвищу "кукурузник", на котором артисты Крючков и Меркурьев уничтожили дальнобойное орудие вермахта, прицел пикирующего бомбардировщика Пе-2, не взлетая, с земли, отразившего атаку немецких танков, аэростат, на который натолкнулся немецкий "Хейнкель" с пилотом Рихтгофеном, лучшим асом "Люфтваффе", стабилизатор тренировочного истребителя, на котором разбился Юрий Гагарин, крохотный осколок космической станции "Мир", извлеченный из тела олигарха Роткопфа, и кусочек засохшего травяного дерна с подмосковного аэродрома Тушино.

- На юго-западной оконечности свалки, у самого леса, мы отыскали космический челнок "Буран", в весьма хорошем состоянии. Наш археолог, изгнанный из Академии наук за открытие древних славянских поселений под Мельбурном и на острове Пасхи, сейчас занимается раскопкой "Бурана". Извлекает его из-под "культурного слоя", состоящего из агитационных брошюр "Демократической России". Мы доставим сюда это чудо советской эпохи…

Плужников жадно всматривался в изделия, своей неподвижностью и омертвелостью напоминавшие экспонаты палеонтологического музея, где выставлены бивни, позвонки и клювы исчезнувших громадных существ. Но это был не музей, а сборочный цех, где терпеливые монтажники вели на стапелях сборку грандиозного самолета, доставляя недостающие детали. Чертеж

крылатого корабля находился у невидимого Конструктора, который управлял кропотливой сборкой, терпеливо дожидаясь, когда корабль будет построен, стеклянные стены цеха раздвинутся и сквозь треснувшие пласты мусора, расшвыривая тлен и прах подмосковной зловонной свалки, вознесется сияющий, ослепительно-прекрасный корабль воскресшей "советской цивилизации".

Они проходили стеллаж, где демонстрировалось неуклонное совершенствование технологий, которые наступали на пятки заносчивым капиталистам Америки. Здесь стояла портативная печатная машинка "Москва", почти целая, без нескольких букв, на которой писатель Вадим Кожевников печатал свой роман "Щит и меч". Рядом стоял и массивный, черно-пластмассовый телефон тридцатых годов, по которому разговаривал нарком тяжелой промышленности Орджоникидзе, с трубкой, чуть деформированной от частого соприкосновения с жесткими усами наркома, и первый советский телевизор КВН с огромной стеклянной линзой, заполняемой дистиллированной водой, где еще сохранилась влага с зеленоватыми живыми пиявицами. Здесь было много модификаций карманных фонариков, перочинных ножей и молотков, а также черный граммофон-ретранслятор, какие укреплялись на столбах в небольших городках, как правило, в районе рынка. Именно сквозь такой граммофон Левитан объявил о начале Великой Отечественной войны. Тут же пребывало почти неразбитое параболическое зеркало для уловления солнечной энергии из пустыни Кара-Кум, где предполагалась с помощью солнца кипятить воду, для чего и был построен Великий Туркменский канал.

- Вчера к нам пришло несколько машин с мусором из котлована, где строится огромный мебельный магазин "Три кашалота". В мусоре мы обнаружили части "Такомака", установки по ядерному синтезу. Мы тщательно изучаем находку. Наш ядерщик, отказавшийся передать американцам секрет советской нуклеидной бомбы и выброшенный из Курчатовского института, не оставляет мысли и в этих условиях запустить "Такомак" и продолжить исследования…

Теперь внимание Плужникова привлек стенд, где демонстрировались методы наглядной агитации, формировавшей новое отношение к обществу и человеку. Бросались в глаза несколько хорошо сохранившихся алебастровых "Девушек с веслом",

многократно покрытых желтоватой масляной краской. У одной из девушек какой-то провинциальный проказник подмалевал темной краской лобок, а у другой на ягодице написал: "Сева + Надя = любовь". Было множество гипсовых бюстов Ленина из мастерских Кербеля и Вучетича, бронзовый, очищенный от окислов бюст Сталина, сбереженный от переплава группой сталинистов, бывших узников ГУЛАГа, несколько эмалированных табличек с наименованием "Улица Розы Люксембург", добытых из городов и поселков Приморья, Хабаровского края, казахстанского Аркалыка, узбекского Андижана и города Углича. Великолепно смотрелись переходящие Красные знамена, вымпелы, грамоты "Ударник соцтруда", значки "Почетный шахтер", "Почетный чекист", "Почетный велосипедист"; и главная гордость собрания - фрагмент мозаики со станции метро "Комсомольская", где на Мавзолее стояли Берия, Маленков, Молотов и Каганович, позднее устраненные с плафона по настоянию Суслова.

- Скоро здесь появится знаменитая картина Лактионова "Обеспеченная старость", где за чудесным столом, с плодами и фруктами из садов Мичурина, сидят наши замечательные престарелые актрисы во главе с несравненной Яблочкиной. В последнее время картину использовали на птицефабрике в качестве подноса для кормления кур. Она слегка повреждена, особенно в той части, где изображен виноград. Куры принимали искусно нарисованные гроздья за настоящие и пытались их склевать…

Плужников исследовал разрозненные предметы, между которыми была незримая связь. Они как точки были соединены невидимой линией, определявшей контур исчезнувшей цивилизации. Чем больше этих точек возникало, тем точнее определялся контур. Главные его черты были сохранены от забвения. Малые изгибы будут уточняться в момент воскрешения. И когда оно состоится, из плоскости, очерченной извилистой линией, повторяющей очертание политической карты СССР, восстанет гигантский красный континент, захвативший в свои разверстые лапы половину земного шара.

Плужников и Иван Иванович шествовали вдоль стеллажа, где, обгорелые, полуистлевшие, в засохшей грязи и мусоре, лежали книги великой эпохи, выброшенные из библиотек в мусоропроводы и на свалки, кинутые в костры, дабы освободить место Стивену Кингу и Гарри Поттеру, а также нескольким энергично пишущим самкам,

среди которых Донцова соперничала с Толстой, а последняя лишь немногим уступала Марининой-Денежкиной. Среди сохраненных книг лежали зачитанные, с закладками томики Бабаевского; замечательные "Записки майора Пронина" - детектив, служивший пособием для нескольких поколений советских разведчиков, таких как Зорге, Судоплатов и Михаил Любимов, впоследствии по недоразумению ставший отцом телеведущего Александра Любимова; небольшая, обличающая Солженицына брошюра под метким названием "Со-Лжец"; неполная трилогия Брежнева: "Малая земля", "Целина" - без заключительного и, увы, неоконченного тома "Возрождение", где автор повествует об итальянском Ренессансе. Тут же находился неразрезанный роман Егора Яковлева о Ленине и подборка хвалебных стихов о Сталине Ахматовой, Пастернака и Вертинского. Коллекцию завершала недавно найденная страница из "Огонька", в которую была завернута испорченная каспийская селедка. Сквозь разводы рыбьего жира филологи, знакомые со стилем и мировоззрением Коротича, могли угадать очерк последнего, посвященный узбеку Рашидову…

Они перешли к соседнему стеллажу, где собиралась коллекция фетишей, с помощью которых предполагалось воскресить крупных советских политиков, чьими усилиями создавалась "красная держава", и которые, после воссоздания великой страны, смогли бы продолжить строительство "реального социализма". Здесь был галстук Ленина, который он повязал перед тем как выйти на Финском вокзале из пломбированного вагона и взойти на броневик; стояли аккуратно заштопанные небольшие валенки Сталина, найденные на ближней даче в Кунцево после кончины вождя; маузер, хорошо смазанный, с несколькими оставшимися пулями, из которого в затылок был застрелен Бухарин, а так же ледоруб с кусочком запекшегося мозга, переданный мексиканскими коммунистами в подарок Девятнадцатому съезду партии. Здесь были слепок с руки Суслова и посмертная маска Молотова, загадочным образом, в смерти, обретшая сходство с политологом Никоновым; маршальский мундир Брежнева со всеми орденами, медалями, памятными знаками и значками, которые были привинчены к специальной титановой арматуре, пропущенной сквозь подкладку френча, а также неуместившийся на френче значок БГТО.

- Несколько дней назад, - пояснял Иван Иванович, - мы разыскали запечатанную консервную банку с частично сохранившейся этикеткой,

где отчетливо прочитывается слово "печень". Скептики утверждают, что это обычная тресковая печень, и предлагают подать ее к столу. Но другие, более осмотрительные, считают, что это печень Андропова, законсервированная сразу же после смерти генсека. Ведется дискуссия, в случае воскрешения не появится ли Андропов с тресковой печенью или, не дай Бог, треска с головой Андропова…

Плужников взирал на Ивана Ивановича. Этот изможденный, в несвежей одежде человек, чья колючая седая щетина придавала лицу сходство с Туринской плащаницей, а темные кустистые брови были символом благословенного застоя, который, по-видимому, и был вершиной, куда взлетела дерзновенная мечта человечества о коммунистическом рае, - был не просто талантливым советским ученым, не просто собирателем останков великого прошлого и краеведом загородной свалки. Он был жрецом, хранителем священных заповедей, носителем таинственных культов, способных оживить мертвую плоть, одухотворить убитую материю, запустить ротор истории, в котором перегорела обмотка. Стеллажи, мимо которых они шагали, были алтарями огромного подземного храма, построенного под слоем нечистот и отходов, куда, как в катакомбы первохристиан, спустились ревнители "красной веры", покинув загаженную землю, где воцарилось зло. Стеклянный, переливающийся хрусталями и радугами, храм напоминал божественную архитектуру Днепрогэса, конструктивистский Парфенон, построенный в глубине громадной помойки.

- На этих столах собраны самые драгоценные ферменты будущего воскрешения, - Иван Иванович показывал Плужникову столы, где были установлены большие стеклянные банки с герметическими притертыми пробками, на вид пустыми. - Здесь собран воздух эпохи, атмосфера времени, дыхание великих свершений.

Банки, освещенные газовым светом, стояли в ряд. Сквозь толстое стекло, чуть видные, колыхались тени исчезнувших времен, просились наружу, были готовы как джинны вырваться из бутылок, наполнить жизнь походами, стройками, демонстрациями, утопическими мечтаниями, яростным созиданием. Здесь была банка, где хранился выдох рыжего жеребца, на котором скакал Буденный, направляя атакующие лавы Первой конной армии против Деникина. В другой банке вился легкий дымок от газовой сварки, когда на Волхове

строилась первая советская ГЭС. В третьей реторте хранился чих прокурора Вышинского, который, невзирая на высокую температуру и очевидное недомогание, явился в Дом союзов, на процесс Бухарина, чтобы осуществить акт революционной законности. Здесь было морозное дыхание Сталина, когда тот на параде сорок первого года провожал полки на Волоколамский фронт. Легчайшее испарение, исходившее из опустошенного бокала с "Шампанским", который Генералиссимус поднял в честь русского народа, оросил свои седые усы и поставил на край стола в сверкающем Георгиевском зале. На некоторых закупоренных сосудах была наклеены этикетки с надписями: "Буря оваций", "Шквал возмездия", "Воздух оттепели", "Ветер перемен", "Веяния времени", - что подразумевало различные проявления политической погоды, когда над страной то сгущались тучи опасности, то сверкало солнце победы.

- У нас есть почти все пробы воздуха, даже легкий ветерок от веника, с которым парился в бане Черненко. Однако еще нет того осеннего петроградского ветра осени семнадцатого года, каким дышал Ленин на мосту через Неву, направляясь в Смольный…

Плужников ощущал грандиозность задачи, знал, что все представленные элементы будут соединены, сварены, свинчены, озарены магическим светом, опрысканы "живой водой", освящены великим ритуалом, после которого, взрывая помойку, сбрасывая с себя горы тухлого мусора, в сиянии сплавов, в божественной красоте и величии, всплывет под солнце Красная Атлантида; верил в исполнимость задачи; зная в себе таинственные, дарованные Богом силы, был готов помогать "красным жрецам", передав свой волшебный дар в руки Ивана Ивановича. Но слишком велика была задача вселенского воскрешения. Слишком мал был он сам, Плужников, не ведающий границ своему странному дару, чтобы дерзновенно участвовать в великой мистерии. Он не решался на грандиозный духовный поступок, не решался раскрыть свое любящее, пылающее, словно подсолнух, сердце, направить его золотую чашу на обугленные остатки советской эпохи.

Однако, робея, не веря в успех, он все же решил испытать свой дар у стенда с поломанными изделиями технического прогресса, испуская из сердца тончайший аметистовый луч.

Поломанная настольная лампа под зеленым абажуром, на бронзовой ножке с литыми пятиконечными звездами, когда-то стояла в кабинете Молотова и перегорела в момент, когда тот разговаривал по телефону с Риббентропом, перед прилетом последнего в Москву. Плужников направил аметистовый луч на погасший светильник, сделал глубокий вдох. И лампа вдруг загорелась. Абажур наполнился мягким зеленым светом, и под ним, напечатанный на папиросной бумаге, возник секретный текст "Пакта Молотова-Риббентропа".

- Как вам это удалось? - изумился Иван Иванович. - Вы освоили синергетический принцип?

- Когда-то я был неплохим электромонтером, - задумчиво отозвался Плужников.

Перед ним стоял большой старомодный приемник ВЭФ с крупным циферблатом, индикатором настройки, перегоревшими стеклянными лампами. Плужников растворил свое сердце, направил аметистовый луч на деревянный корпус приемника, в глубину тяжеловесного шасси с запыленными колбами триодов и пентодов. Бычий глаз индикатора вдруг налился изумрудным таинственным светом. В приемнике забулькало, нежно затрещало. Голос диктора, возвышаясь до ликующего мембранного трепета, возгласил: "Сегодня, после тяжелых и упорных боев, войсками Первого Белорусского фронта взята столица Польши, город Варшава!.."

- Не может быть! - воскликнул Иван Иванович. - Вы овладели спин-эффектом, усиливающим на несколько порядков электромагнитный резонанс?

- Когда-то я неплохо разбирался в радиотехнике, - смущенно ответил Плужников, не умея объяснить свой чудодейственный дар.

Они остановились у старой телефонной станции с окисленными медными гнездами и повисшими штекерами, которых десятки лет не касалась рука телефонистки. Тут же лежала растресканная телефонная трубка с полуоборванным проводом. Плужников смотрел на погибшее, никому не нужное устройство, сквозь которое пролетели голоса исчезнувших людей, их приказы, просьбы, проклятия, сообщения о кулацких мятежах, рапорты с фронтов и строек.

Аметистовый луч, в котором переливались разноцветные пылинки истории, касался медных клемм, проводов и мембран. И вдруг лежащая трубка ожила, захрипела. Сквозь электрические разряды чей-

то грассирующий, с легким надтреском, голос произнес: "Феликс Эдмундович, хлеб Петрограду нужно доставить, даже если вам не хватит пуль для расстрелов белогвардейско-кулацкой сволочи!.."

- Вы что, владеете принципом акустической ретрансляции прошлого? - не верил своим ушам Иван Иванович.

- Просто я когда-то работал акустиком, - потупясь, сказал Плужников.

Иван Иванович осмотрел его возбужденно-сияющим взором:

- Возможно, именно вас-то мне и не хватало!.. Вы тот, кого я поджидал с каждым новым мусоровозом!..

Он ухватил Плужникова за рукав и повлек в глубину храма-лаборатории, где на отдельном столе высилось странное техническое сооружение. Оно было составлено из нескольких старых трансформаторов. В нем струились медные и стеклянные змеевики, можно было разглядеть большой и помятый холодильник "Саратов", в который был вшит кусок потертой диванной кожи. Виднелся пожухлый золотой погон с полковничьими звездами. Над ним качалось два надувных шарика, белый и синий. И сквозь все это проходили шатун с кривошипом, сияющий поршень паровоза, прикрепленный к картине художника Бродского "Клим Ворошилов на набережной Москва-реки".

- Если не ошибаюсь, это гидромагнитный резонатор для конвертирования вакуума в бесконечность, - сказал Плужников, всматриваясь в мастерски изготовленное сооружение.

- Я знал, что вы специалист по остановке времени и обращению квазипространства вспять, - удовлетворенно произнес Иван Иванович. - Устройство изготовлено по секретным чертежам КБ "Аквамарин", купленного за бесценок азербайджанцем, директором вещевого рынка. Многие специалисты были куплены вместе с лабораториями и теперь торгуют дубленками или стоят на тумбах перед магазином, изображая медведей. Но главное удалось спасти! Мы собрали резонатор из подручных материалов, но не можем его запустить… Дело срочное, не терпит отлагательств… Помогите…

Плужников отошел на несколько шагов от стола, чтобы изделие было видно целиком, и картина Бродского не отсвечивала, а на диванной коже отчетливей просматривалась медная узорная кнопка; закрыл глаза, собирая в себе вместе с глубоким вдохом рассеянную в

мире энергию; концентрировал ее в своем сердце, словно накачивал в груди кристалл рубинового лазера. Сердце стало прозрачным как самоцвет. В каждой из граней драгоценного камня засверкало и зеркально вспыхнуло. Тонкий алый луч вырвался из груди, выше левого соска, протянулся к изолятору, утонул в глубине изношенных деталей. И чудо свершилось! Все элементы вдруг укрупнились, плотнее и гармоничнее слились друг с другом. В резонаторе заискрило голубым и зеленым. В змеевиках побежали кипящие ртутные потоки. Холодильник задребезжал, покрылся пышной шубой инея. Заходили, заработали намасленные шатун с кривошипом. Зачавкал поршень. И ярко, сочно вспыхнул полковничий золотой погон, словно на него упало солнце Победы.

- Ура!.. - вскричал Иван Иванович, обнимая Плужникова. - Товарищи! - он сложил ладони ковшиком. - Изделие 202-БИС к эксплуатации готово!.. Требуется немедленно транспорт!.. Мы можем приступать к операции!..

На зов набежали множество людей, заросших, щетинистых, в женских шляпах и восточных тюбетейках, закутанных в шали и в ватных телогрейках. Появился "опель" - полуторка с красным флажком на радиаторе. Охая, покрикивая: "Вира! Майна!" - резонатор погрузили на машину, вывезли из-под земли на свет. Всем множеством, всей пестрой шумной толпой, возглавляемые Иваном Ивановичем, двинулись через свалку к лесу, туда, где хлюпало, журчало и ухало что-то невидимое и огромное. Плужников шел со всеми.

Они прошли замусоренное, утрамбованное пространство, миновали редкую рощу, поднялись на холм. И Плужникову открылось устрашающее зрелище. Из-за горизонта, нависая над лесами и полями, черно-синяя, вороненая, напоминая громадный ствол непомерно-огромного орудия, нависала труба. Из ее раскрытого жерла непрерывно извергались потоки грязи, вываливались комья мусора, падали сгустки отвратительной зловонной гнили. Непрерывная грязь и мерзость затапливали окрестность, поглощали нивы, заливали гущей деревни. Из-под пластилиновой, вялотекущей жижи высовывался куполок утонувшей церкви. Белели полузатопленные колонны старинной ампирной усадьбы. Небо было рыжим от испарений. Повсюду текли ядовитые светящиеся ручьи. Птицы, залетая в ржавые,

горчичные облака, тут же умирали, падали наземь, начинали линять, разлагаться, превращались в скелеты.

- Эта труба идет из Европы и служит для транспортировки европейских отходов в Россию, - пояснял Иван Иванович, закрываясь, как маской, клочком материи. - Это прямая кишка Европы, которая испражняется в Россию. Правительство заключило договор с Евросоюзом сроком на десять лет. Готовится вторая очередь трубопровода, - он указал на горизонт, где что-то мерцало вспыхивало, туманился гигантский ствол второй жуткой пушки. - Мы, советские ученые и инженеры, задумали перекрыть трубу, обратить вспять мерзкий, затопляющий Родину поток. Резонатор, который вы запустили, служит именно этой цели, - он обратился к соратникам, ожидавшим его приказаний. - Укрепить резонатор на теле трубы, на удалении двадцати пяти метров от жерла!.. По окончании работ всем залечь в укрытие!.. Команду на закупорку трубы отдаю только я!.. Сам же ее исполняю!..

- Внимание!.. - крикнул Иван Иванович, когда устройство было закреплено на трубе и люди побежали в разные стороны, падали и скрывались в заранее приготовленных траншеях. - Начинаю обратный отсчет времени!.. Десять!.. Девять!.. Восемь!..

Плужников прижался к земле, слыша, как содрогается жуткая труба, видел, как скрывается в фекалиях белая ампирная усадьба. Понимал, что присутствует при коллективном подвиге советских партизан, подрывающих установленный мировой порядок.

- Три!.. Два!.. Один!.. Ноль!.. - восторженно крикнул Иван Иванович, нажал пусковую кнопку, вмонтированную в старый аккордеон. Музыкальный инструмент раскрыл красные сафьяновые мехи, издал одну только ноту из замечательной мелодии "Калинка-малинка моя…" Резонатор включился. Мощный гидромагнитный удар был направлен в сердцевину трубы. В ней возник тромб свернувшегося пространства. Под действием гравитации и элементарных частиц, летящих со скоростью света, тромб, словно пыж, стал двигаться в трубе в обратную сторону, на запад, повторяя направление победоносных сталинских армий, выдавливал обратно в Европу мерзкое вещество их отходов. Поток, бьющий из трубы, разом иссяк. Еще продолжала капать коричневая жижа, но и она исчезла. Люди повскакали с земли, метнули в небо свои тюбетейки, кепки,

поношенные фуражки, линялые шляпы. И среди летящих головных уборов, легкие, черные, словно ласточки, мелькнули две ермолки.

Перекрытая труба дрожала от запора. В ней клокотала остановленная гремучая материя, грозила атомным взрывом, давила вспять, выталкивалась обратно, в Европу, заливая долину Рейна, пойму Луары и Сены, ухоженные виноградники Андалузии и Прованса гнилью и мусором.

Музей Уффици был забрызган дерьмом. Кельнский собор по самый готический шпиль был завален мятыми пакетами из-под чипсов и гигиенической ватой. Венеция, и без того зловонная, превратилась в клоаку, и гондольеры гребли и играли на гитарах, с трудом пробираясь среди гнусных фекалий. По всей Европе началось наводнение. Рейн вышел из берегов, и в черной липкой воде плыли мертвые рыбы, дохлые лошади, желтая пена целлюлозо-бумажных комбинатов. Над Веной повис смог, состоящий из капель ядовитого хлора. Великолепные дамы, прибывшие в венскую оперу, попали под хлорный дождь, их вечерние платья разъело кислотой, и все они как одна оказались голые.

Европа задыхалась и гибла. Истошно орали телеведущие. Падали правительства. Была объявлена тотальная мобилизация населения для вывоза отходов. Европарламент принял закон, запрещающий европейцам есть в течение двух недель, пока не увеличится пропускная способность канализации.

Россия была спасена. Бомжи, похожие на ежей, спаниелей, попугаев, лохматых зверьков, экзотических тряпичных кукол, ликовали. В каждом проснулся гражданин великой державы: пели советские и революционные песни, читали стихи о советском паспорте, клали цветы к бюсту Сталина, доставленного по этому случаю к основанию покоренной трубы.

- Мы доказали нашу смекалку, наше мужество, нашу способность управлять глобальными процессами в мире! - обращался к победителям Иван Иванович, взгромоздившись на пластмассовый ящик из-под баварского пива, под черным жерлом огромной укрощенной трубы. - Это залог того, что наш великий проект воскрешения Красной Державы состоится… С Победой, товарищи!..

Все кричали "ура!". Плужников стоял под стальным черным хоботом, которым Европа хотела дотянуться до России. Но Россия

всадила кляп в "черную дыру" Запада. Кругом были разбросаны скомканные немецкие и итальянские газеты. Липко переливались французские глянцевые журналы. Воняли испорченные парижские устрицы и мюнхенские склизкие колбаски. Миллионы бессмысленных предметов, израсходованных бездуховными европейцами в кафе и ресторанах, борделях и дорогих отелях, в ванных комнатах и косметических кабинетах, выстилали русскую землю, являли собой еще один пример гибельной вестернизации, затеянной впервые Петром Первым и завершившейся горбачевской "перестройкой".

Плужников увидел среди скомканной бумаги и металлических стружек мертвую кошку, раздавленную на автостраде под Франкфуртом. Плоская как камбала, с двумя высохшими глазами на одной стороне, превращенная в шерстяной коврик множеством прокатившихся по ней колес, кошка вызвала в Плужникове острое сострадание, не только к ней, но и ко всем европейцам. Он взглянул на нее, испуская из сердца прозрачный серебряный луч. Свет коснулся кошки. Та встрепенулась, налилась упругим объемом, сочно вспыхнула зелеными злыми глазами, задрав хвост, умчалась, перепрыгивая кучи мусора.

Они вернулись на родную свалку, где располагалась главная база, были готовы усесться за праздничный стол, к которому радетельный повар собирался подать куриные окорочка, слегка подпорченные, но прошедшие обработку дымом сгоревших стручков перца. Уже рассаживались, с вожделением поглядывая на пластмассовые стаканчики с заветными победными ста граммами. Но вдруг раздался металлический рев, и в этом свернутом в трубу жестяном звуке послышались слова:

- Граждане бомжи!..

Все высыпали наружу и увидели, как на свалку входят, осторожно продвигаются между грудами хлама фигуры в черных шляпах, с заостренными песьими мордами и чуткими шерстяными ушами. Передовой держал в оскаленной пасти рупор из оцинкованного железа, коими переговариваются речники на пристанях и проплывающих мимо баржах. Это был сам Директор Федеральной службы бестолковости, ФСБ. В руках у людей с песьими головами были пистолеты. Некоторые закрывали тряпочками впечатлительные носы.

- Граждане бомжи!.. - гремел расходящийся воронкой звук. - К вам обращаются агенты спецподразделения "Блюдущие вместе"!.. В ваших рядах находится некто, кто называет себя Русским Праведником!.. Он - самозванец!.. Он не прошел всероссийскую перепись населения и тем самым нарушил гражданский долг!.. Отдайте его нам, мы занесем его в учетную книгу, поставим на лоб штемпель переписи и отпустим обратно!.. Граждане бомжи, повторяю!..

- Это за тобой? - спросил Плужникова Иван Иванович. - Ты - Русский Праведник?

- Я - странник… Явился неизвестно откуда…

- Тебе же сказали, мы документов не проверяем. "Наш адрес - не дом и не улица. Наш адрес - Советский Союз".

- Быть может, я из Советского Союза, но только не из земного, а небесного.

- Мы все теперь из небесного, - промолвил Иван Иванович. - А эту шерстяную мразь, этих мусоров с головами овчарок мы остановим!.. Взвод томатчиков, - властным голосом приказал Иван Иванович. - На позицию!..

Быстро, выверенным маршрутом, пробежал вперед и десяток бомжей. Несли с собой трубы, составленные из обрезанных пластмассовых бутылок от "Кока-колы". В подсумках лежал боекомплект раскисших, чуть помятых томатов. Томатчики выдвинулись на рубеж стрельбы, и когда в очередной раз зазвучала оцинкованная труба, пустили в ход трубы. Сотни помидоров красными комочками полетели навстречу незваным пришельцам, попадали им в голову, расплющивались на шляпах, залепляли пистолетные стволы и песьи глаза. Один помидор угодил в рупор Директора Федеральной службы бестолковости и намертво его закупорил. Пришельцы, раздраженно рыча, пустились в бегство, оставив на поле боя брошеный рупор, который дико блестел на солнце. Вдогонку им полетел старый футбольный мяч, начиненный взрывчаткой, который лопнул над убегающими пышным, трескучим взрывом.

- Псы-рыцари!.. - презрительно произнес Иван Иванович. - Кто с мячом к нам придет, от мяча и погибнет!..

Но рано было торжествовать победу. Из-за горизонта послышался гул, металлические, душераздирающие удары. Стиснутые в шеренгу, плечо к плечу, двигался отряд ОМОНа: белые как яичная скорлупа

шишаки, железные щиты, по которым в такт ударяли дубинки. Бойцы делали несколько шагов, останавливались, били в щиты, порождая звук, от которого стыла кровь, снова начинали движение. Ими руководил сам Министр внутренних делишек, по кличке Крыша, белесый, тощий, напоминавший кол с мочалом. Он вдохновлял подчиненных, чуть забегая вперед. Указывал в сторону врага, ловко перескакивая груды хлама.

- Крышата спасет мир! - выкрикивал он. - Осторожно, вы наступаете на мелкую испорченную рыбу!.. Они не щадят даже мальков!.. Отомстим за слезу рыбенка!..

Иван Иванович поднялся на холм, составленный из мятых пластмассовых бутылок "Спрайт", спрессованных молочных пакетов "Домик в деревне", из нераспроданного тиража "Новой газеты" и поломанного рекламного щита, на котором депутат Похмелкин берет под личную защиту работников ГАИ.

Иван Иванович приставил к глазам самодельный бинокль, сделанный из двух аптечных пузырьков, рассматривал цепь атакующих, позволяя им приблизиться к неведомому для Плужникова рубежу, а потом приказал стоящему рядом помощнику:

- Задействовать первый рубеж обороны!..

Помощник, облаченный в рваный узбекский халат, в черный цилиндр и кожаные автомобильные перчатки, нажал крохотный пульт, замаскированный под дынную корку. Земля под ногами ОМОНа разверзлась. Победно наступавшая цепь, вместе с Министром, рухнула в подземный, полный нечистот котлован. Оттуда стали раздаваться душераздирающие вопли. Выбегали дымящиеся, без щитов и шлемов бойцы, улепетывали, неся на руках министра, оклеенного прокисшей туалетной бумагой.

- Не думаю, чтобы это их остановило, - задумчиво произнес Иван Иванович, опуская скрепленные "скотчем" аптечные пузырьки. - Видимо, ты им нужен. Может, ты и впрямь праведник? Мы ждем, когда Сталин пришлет нам гонца.

- Пока гонцов присылает Гитлер, - ответил Плужников, видя, как колеблется у горизонта воздух и в нем, словно мираж, начинает возникать виденье врага. На этот раз в сражение была брошена регулярная армия. Воспользовавшись антрактом, наступившим после разгрома омоновцев, в схватку вступили аттрактники - элитное

подразделение, проходившее тренировку на аттракционах в Парке культуры и отдыха, - взбирались без страховки на "американские горки", учились водить все виды транспорта, представленные на каруселях, такие как самолеты, ракеты, кабриолеты, мотоциклы, дилижансы, а также овладевали верховой ездой на пони, верблюдах и китайских драконах. Теперь они перемещались короткими перебежками, почти невидимые на свалке, ибо были замаскированы под мусорные бачки. Лишь один был виден отчетливо. Управлял атакой сам Министр разоружений. Изящный, в бархатном камзоле с золотыми пуговицами, с фиолетовыми бантами на туфлях, в розовых чулках, облегавших упругие икры, он танцевал па-де-де, двигался то вправо, то влево, подскакивал и несколько секунд держался в воздухе, ударяя ножкой о ножку, брал "на караул", делал выпады шпагой, наносил режущие и колющие удары, снимал шляпу и кланялся рукоплещущим дамам, ловил на лету брошеный цветок, вновь бесстрашно, под шрапнелью и ядрами, вел гвардейцев в атаку.

- Задействовать второй рубеж обороны!.. - приказал Иван Иванович, не отрывая от глаз пузырьки, пахнущие валерианкой, что позволяло ему сохранять абсолютное спокойствие. - Задействовать соленоиды второй и третий!..

В глубинах свалки скрывались огромные магнитные катушки, подключенные подземным кабелем к далекой высоковольтной линии. Помощник рванул рубильник, упрятанный в прокисший арбуз. Цепь замкнулась. В глубине свалки возникли мощные магнитные вихри, которые, словно буря, подняли на воздух слежавшийся мусор. Двумя смерчами понеслась сорная тьма на аттрактников, закутала их в мусорные оболочки, ослепила, повлекла прочь со свалки, туда, где стояли два мусорных контейнера. Облепленные очистками, многократно обернутые мокрыми газетами, в чешуе от консервных банок и блестящих оберток, воины упали в контейнеры, были тотчас увезены в отдаленные районы области, высыпаны на проселок, сидели на обочине, отклеивая от себя мерзкие нашлепки, вытаскивая из волос рыбьи скелеты, обсуждая, получат ли они "боевые". Министр, едва отплевавшись от комьев туалетной бумаги, вытащив из ушей куриный пух и старое гнездо грача, тут же вскочил, сделал пируэт, изящно поклонился проходящей по проселку даме с базарной сумкой, меняя

направления, то строевым шагом, то в менуэте, то в ритме танго, стал удаляться в поля под заунывные звуки шотландских волынок.

Это была несомненная победа, однако не полная. Вдалеке послышался угрожающий рокот. Иван Иванович лег наземь, приложил ухо к поверхности и прислушался.

- Так я и знал… "Абрамс"… Переброшен с иракского фронта… Они задействовали всю коалицию по борьбе с международным терроризмом…

Звук нарастал, переходил в рев. За холмом обозначилось облако гари. В этих жирных клубах, огромный, жуткий, весь углах и уступах, обложенный брусками активной брони, с торчащей тяжелой пушкой, выплывал танк "Абрамс". Он был похож на уродливую и грозную пирамиду, на живое чудище, на могучего бронтозавра, воскресшего из каменноугольных времен. Его окружало подразделение американской морской пехоты, принимавшее участие в боях за Басру, Ум-Кассар и Багдад. На броне, во весь рост, держа древко американского звездно-полосатого флага, стояли Министр внешних и сексуальных сношений. Его лысина блестела, как купол Капитолия. На щеке, сердечком из малиновой помады, пламенел поцелуй, оставленный Кандолизой Райс.

Он выкликал в мегафон:

- Сопротивление бессмысленно!.. Кенигсберг принадлежит Германии, а Курилы японцам!.. НАТО в Москве устраивает благотворительный вечер в пользу ветеранов Второго фронта!.. Кладите на землю оружие и по одному сдавайтесь представителям американской полевой жандармерии!..

Вовсю работали пулеметы "Абрамса", выкашивая ряды бомжей, пытавшихся расслышать слова министра. Упал виднейший химик, облаченный в ночной прожженный колпак и канареечную дамскую кофту. Пуля пробила клеенчатый фартук и телогрейку конструктора экранопланов. Свинцовая очередь отстрелила волосатую голову с трахомными глазами, принадлежащую специалисту по пересадке сердца. Обитатели свалки, сломленные потерями, начали отступать. Один бросил на землю томатомет. Другой вываливал из подсумков гранаты, с порченой кожурой, с красными сочными зернами. Громада танка приближалась, сея в рядах защитников панику.

- Теперь мой черед, - тихо сказал Иван Иванович. - Я вам открою тайну, - обратился он к Плужникову, который смотрел, как страшно

дымит, приближаясь, стальная пирамида танка. - Я - двадцать девятый гвардеец-панфиловец. Так в шутку мама меня называла, когда в детстве я рисовал битву на Волоколамском шоссе. Настало время и мне примкнуть к моим двадцати восьми товарищам…

Он стал обвешивать себя кульками прозрачной пленки, где, искусно приготовленная из продуктов полураспада, содержалась взрывчатка, вешал себе на пояс пластмассовые бутылки с зажигательной смесью, добытой из масляной и бензиновой ветоши, весь в проводках, в бикфордовых шнурах, в пакетах пластида, готовился стать советским шахидом.

- Ты уходи отсюда… Ты им нужен, не мы. Видно, сильно ты им досадил, если они подтянули танковую группировку из Ирака. Дай-ка, милый, я тебя обниму!..

Они обнялись. Плужников не отговаривал Ивана Ивановича, ибо этот поступок был завершением великолепной, задуманной на небесах судьбы. А что толку спорить с небесами!

Иван Иванович, согнувшись, уклоняясь от пуль, побежал навстречу танку, повторяя своей траекторией течение Волги в районе Саратова, откуда был родом, приблизился к черно-стальной громаде, которая выпучила на него свои жуткие глазища, встала на дыбы, желая расплющить. Иван Иванович плоско лег под гусеницы. Ветер донес слабый вскрик: "За нашу Советскую Ро!.." А потом грянул взрыв такой силы, что танк разбросало на части, словно это была не сталь, а свиной окорок. Министр внешних и сексуальных сношений был заброшен на Луну и застыл там в виде пятна, похожего на свинью.

А Иван Иванович оказался в березовом Русском Раю, выходил на поляну с белым душистым снегом. Двадцать восемь гвардейцев-панфиловцев играли в снежки, замерли, когда увидели двадцать девятого. Политрук Клычков улыбнулся ему чудной улыбкой, кинул влажный, благоухающий снежок, а Иван Иванович ловко его подхватил.

К защитникам свалки вернулось поколебленное мужество. Они выдвинулись на боевой рубеж, заняли оборону. Уже ревели и свистели в воздухе десятки вертолетных винтов. Грозные "Апачи" шли в атаку, увешанные ракетами и снарядами, беспощадно блестя кабинами, выталкивая с подвесок черные гарпуны. Под музыку Вагнера, сам

подобен Валькирии, впереди летел жестокий и безумный кинорежиссер Коппало.

Защитниками был задействован третий эшелон обороны. Были включены глубинные соленоиды первый и четвертый, создавшие вихревые восходящие бури, магнитные самумы, энергетические торнадо, от которых содрогнулась свалка. Тысячи тонн мусора взлетели в небо, превращая день в ночь. Непроглядный, непроницаемый занавес из очисток, тряпья, старых газет и поломанной мебели сомкнулся перед вертолетами. Они наталкивались на смятые пивные банки и загорались, как от попаданий зенитных ракет. Клейкая гадость залепляла стекла машин, ослепленные вертолеты сталкивались в воздухе и пылающими комьями рушились. Тряпье забивалось в винты и редукторы, моторы глохли, и "Апачи" тупо валились на землю.

Плужников поклонился бойцам и пошел по выжженной, изрезанной пулями свалке, окруженный вознесенным до небес хаосом, хранимый им, невидимый для врагов. Здесь оставались красные герои и мученики со своей непомерной мечтой. Но город, куда он направлялся, нуждался в нем. Там был ад. И в этом аду оставалась беззащитная Аня.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Потеряв из вида Плужникова, исчезнувшего в подворотне, Аня не открыла дверь коварным переписчикам с песьими головами, своим видом подтверждавшими рассказ Геродота о племени, что обитает в Гиперборее. Она затаилась, слыша возню на площадке, негромкий лай, грызню и поскуливание, знала, что на нее свалилось несчастье, и виновником несчастья был Плужников, сделавший ее счастливым. Этот пришелец, явившийся к ней то ли с небес, то ли из пучины морской, принес в ее жизнь вместе с небывалой радостью ожидание неизбежного горя. Он был отважен и могуч, но и слаб и беспомощен, был способен ее защитить, спасти от бед и напастей, но при этом сам нуждался в защите. Он был незнаком, окружен непостижимой тайной, но был для нее родной и желанный.

Аня просидела в доме до вечера, видя, как уезжает со двора крытая зарешеченная машина. По всей видимости, овчарки в шляпах также покинули лестничную площадку, потому что снаружи раздались детские голоса и смех, - это вернулись домой две соседские девочки. Они посещали курсы будущих кинозвезд, открытые неподалеку приезжим американцем, служившим в Голливуде швейцаром. Опасность на время отпрянула, и Аня, укутавшись потеплее, выскользнула из дома, чтобы найти дорогого ей человека.

Москва была темна, холодна, в окаменелых туманных громадах, сквозь которые сочились расплавленные струйки света, призрачно вспыхивали и гасли шальные автомобильные фары.

Из черных громад, над купами безлистых деревьев, драгоценно и призрачно возносились отдельные здания, подсвеченные искусным волшебником, расставившим во тьме озаренные магические пирамиды, прозрачные ледяные кубы, стеклянные переливающиеся сосульки, розовые леденцы. Ночная Москва утратила свой знакомый дневной облик. Исчезли привычные площади и проспекты, улетучились высотные здания и мосты. Вместо них возникло таинственное заколдованное царство, в котором вырастали светящиеся грибы, распускались огромные нежно-голубые орхидеи, возносились хрупкие ветвистые деревья, окруженные ядовитым заревом.

Колокольни монастырей напоминали водянистые стебли, в которых сочились нежные разноцветные яды, выступая на венчиках и соцветьях мерцающей клейкой росой. Иные здания были подобны кольчатым просвечивающим личинкам, в которых шло таинственное созревание. В небесах колыхались морские коньки, излучавшие фосфорную зелень глубин. Колебались водоросли, всплывшие из таинственной пучины. В хрупких пленках трепетала холодная безгласная жизнь. В оболочках водянистых существ струились пузырьки газа, двигались таинственные уплотнения и сгустки, выступали то нежные пятна румянца, то мертвенная синева. Через реку были развешены лианы, то и дело менявшие цвет, бросавшие на осеннюю воду дрожащие отражения.

Аня как вышла, так и опьянела от этих разноцветных свечений, от многоцветной росы, пропитавшей ее одежду. Голова у нее закружилась. Двигаясь по Москве, она вскоре заблудилась, не понимая, где она, кого ищет, испытывая обморочную невесомость, как в Космосе. Ей казалось, что невидимый колдун взял ее за руку и ведет по своему зачарованному царству, заставляя нюхать дурман неведомых цветов, усыпляя снотворной пыльцой загадочных соцветий.

Быть может, то, перед чем она стояла, было Шуховской вышкой, но теперь она превратилась в легчайшую рыболовную сеть, состоящую из голубоватых, уходящих в небо сплетений. И в этой сети, уловленная, неподвижная, в потоках ночи, застыла голубая рыба с розовым глазом.

Или ей казалось, что она смотрит на Новодевичий монастырь с любимой золотой колокольней, но та выглядела как кольчатая, поднявшаяся ввысь личинка с прозрачной мякотью, и в ее студенистой голове светились золотые часы.

Университет, перед которым она вдруг очутилась, плывя в ночных невесомых течениях, был остроконечной, переливающейся глыбой льда, и в его зеленоватой глубине виднелись вмороженные желтоватые листья, красные ягоды, дымчатые пузыри замерзшего воздуха, рябь омертвелого, остановившегося ветра.

Останкинская башня превратилась в дымный клубящийся луч, падающий из неба на землю, в котором колыхались бестелесные тени, носились женщины с распущенными волосами, влетали и вылетали летучие мыши в красных кардинальских шапочках, то и дело

появлялась и исчезала одинокая, лишенная тела голова, колючая, словно огромный репейник.

Она остановилась перед деревом на краю бульвара, под которым любила отдыхать, наблюдая прохожих. Вся крона теперь была увешана лампадами, мерцающими каплями света, напоминала звездное небо, и на темных ветвях, усыпанная блестками, сидела молчаливая обнаженная женщина, держа в руках костяной, усыпанный самоцветами гребень.

Фонтан среди сквера напоминал огромный кубок, в котором бурлило рубиновое, золотое, зеленое вино. Взлетали и лопались шипучие пузыри. Из каждого изливались на поверхность, некоторое время держались, а потом исчезали таинственные знаки и письмена, словно рассыпанный алфавит исчезнувшего языка.

Аня подняла лицо в черное ветреное небо, и над крышами, низко, волнуясь, проплыл красный дракон, по кольчатому телу которого было начертано непонятное слово "самсунг". Дракон, пылая, вздрагивая, словно алая небесная река, исчез за крышами, и там, где он скрылся, возникло красное туманное зарево.

Аня не замечала, что постоянно улыбается, созерцая эти таинственные луны, яркие в темноте светила, вышитые жемчугом по черному бархату изображения рыб, цветов, диковинных существ, какие могут явиться только во сне, когда в спящие глаза нежно дует наклонившийся над тобой чародей. Не замечала и того, как вокруг нее, созерцая подсвеченные строения, собираются люди, - ночные прохожие, обитатели города, которым не сидится дома в час ночной темноты. Эти люди, по одному или группами, стояли, подняв лица к фасадам, похожим на галлюцинации и разноцветные сны, и тихо смеялись. Смеялась беззвучно красивая длинноволосая женщина с утомленным бледным лицом. Смеялся офицер, закрыв глаза, похожий на ребенка. Смеялся священник в бархатной скуфейке, подняв вверх золотистую бороду. Повсюду раздавался сладкий смех, словно люди надышались наркотических испарений, источаемых в волшебном саду, испили отвар веселящих грибов, наслаждаются дивным сладостным опьянением.

Это и были испарения. Здания, выбранные Модельером в различных районах города, озаренные лучами специальных лазеров, окрашенные прожекторами со специальными светофильтрами,

начинали источать веселящий газ, в малых дозах вызывающий в людях головокружение и безотчетный смех, а в больших - приводящий к параличу мозга, в котором вдруг возникает кошмарное видение черно-фиолетового мохнатого паука, сжирающего мысли.

Эта колдовская химия была обнаружена Модельером в книгах индусских магов, которые на берегах Ганга с помощью тайных добавок возжигали многоцветные костры, превращавшие древние храмы в громадные светящиеся цветы. Тысячи опьяненных мужчин и женщин, закрыв глаза, входили в ночную реку и плыли, оглашая Ганг нескончаемым смехом.

Теперь, едва на Москву опускалась ночь, и над городом расцветал волшебный озаренный сад, на улицы и проспекты выезжали бесшумные крытые фургоны с оранжевыми мигалками и надписью "Юморина". Машины двигались от одного озаренного здания к другому, останавливались среди смеющихся, погруженных в лунатический сон людей. Молчаливые химики в защитных костюмах и масках приближали к смеющимся ртам длинные трубки, улавливали веселящий газ, накапливали его в специальных баллонах, что скрывались в глубине фургона. Крохотные манометры показывали давление, степень наполненности газом. Машины курсировали по городу в течение целой ночи, исчезали при первом утреннем свете, как исчезают демоны при блеске зари.

Аня блаженно улыбалась, стоя на набережной перед огромным изваянием Петра Великого. Он был освещен таким образом, что казалось, будто поминутно меняет облачения: то оказывался в голубом камзоле с золотыми пуговицами и алой перевязью для шпаги, то накрывался пурпурным плащом, из-под которого выглядывал бархатный черный жилет с серебряной звездой командора, то представал закованным в сияющие стальные доспехи, или вдруг выглядел совершенно голым, с могучими ляжками, круглыми, в полнеба ягодицами и мощным, указывающим на запад фаллосом. Отражение на воде переливалось всеми цветами радуги, словно в реке, у подножия памятника полоскался огромный павлин.

Аня наклоняла голову, ловя переливы золотого и синего. Не заметила, как бесшумно подкатил фургон с надписью "Юморина", бросая на землю оранжевое перо от "мигалки". Из фургона выскользнули два юмориста в белых балахонах и респираторах, из

телепрограммы "Городок", набросились сзади на Аню, наложили на лицо маску веселящего газа, повернули вентиль баллончика до средней отметки. Аня почувствовала укол в мозг, и что-то ужасное, косматое, чернильно-фиолетовое зашевелилось в сознании, и она лишилась чувств.

Очнулась в застенке, лежа на топчане, под каменным сводом, в котором ярко и беспощадно горел зарешеченный светильник. В булыжные стены были ввинчены кольца, свисали цепи, крюки. Стояло темное, из прокисшего дерева колесо. Виднелся ворот с веревкой, перекинутой через высокое колесико под потолком. На столе были разложены клещи, секаторы, отточенные спицы. Жутко блестела хромированная пила для перепиливания костей. Тут же лежал молот, каким дробят коленные суставы, и воронка из оцинкованного железа, сквозь которую в горло заливают свинец. Вмурованный в стену, пылал очаг, и в нем краснели раскаленные шкворни.

Аня поняла, что случилось нечто ужасное, она оказалась во власти злодеев, которые начнут ее мучить, и ей уже не выйти отсюда живой.

"Где ты? - позвала она мысленно Плужникова, посылая ему сквозь стены каземата свою мольбу и любовь. - Знаешь ли ты, что случилось со мной?.."

Скрипнула на несмазанных петлях тяжелая железная дверь. В застенке появилась огромного роста женщина-палач, в гимнастерке, под которой раздувались тяжелые груди, с толстым животом, перепоясанным военным ремнем, с засученными рукавами, из которых выступали здоровенные ручищи с сильными синеватыми пальцами и черными ногтями, какие бывают у чистильщиц рыбы на заготовительных пунктах. При всей ужасающей внешности эта жестокая женщина, с головой, напоминающей волосатый булыжник, показалась Ане знакомой, будто они где-то встречались.

- Ну что, оклемалась, шлюшка? - ощерилась баба-палач, показывая желтые зубы. - Хорошо жрешь водку, прямо из горла, не закусывая.

Аня села, свесив с железной кровати ноги, глядя на круглые стальные защелки, куда вставят сейчас ее щиколотки и запястья и приступят к мучениям.

- Ну говори, где твой хахаль? Умеешь трахаться, умей давать показания…

Женщина оглядывала Аню с ног до головы, словно примериваясь, как ловчее начать сдирать с нее одежду, душить и мять ее трепещущее тело, урчать и надкусывать ее плоть желтыми зубами.

- Хахаль твой убит в уличной драке и лежит сейчас в морге с проломленной головой. Скоро поедем на опознание… - произнесла женщина, касаясь лежащих на столе клещей, какими вытягивают жилы и отламывают пальцы. Но как ни ужасно было Ане, она почувствовала, что истязательница лжет. Милый ее жив, они его не схватили, оттого и хотят, чтобы она указала на след.

- Ты нарушила закон "О золотовалютных резервах". Подучила птицу-голубя воровать золото и нести золотые яички, а за это, сучка, - тюрьма. Ты нарушила закон "О переписи населения". Мы насильно приведем тебя к переписи. Поставим тебе на лоб штампик в виде маленького черненького паучка. Ты забудешь обо всем, потому что в твоей голове станет копошиться и ворочаться черный паук, выпивая каждую твою мысль, и ты отучишься думать…

Жестокая баба поглаживала синеватыми пальцами шприц с иглой, в котором находился какой-то едкий зеленый раствор и плавала маленькая мертвая ящерица. Аня боялась предстоящих страданий. Но мольба ее была о том, чтобы враги не изловили Плужникова и он ушел от погони.

- Ты мне расскажешь, сука, о вашем преступном сообществе?.. Как ты связана, блядь, с государственным преступником по имени Иван Иванович?.. Кто такой Сокол?.. Тоже с ним спишь?..

- Так и будешь молчать, поблядушка? Думаешь, стану кости тебе ломать и слушать, как ты орешь и блеешь?.. Мы поступим с тобой иначе. Пока ты валялась в обмороке, мы сделали тебе ультразвуковое обследование и обнаружили, что ты беременна. От него понесла?.. Сейчас мы тебя усыпим, сделаем инъекцию в плод, меняющую генетический код, и ты родишь большую черную ящерицу…

Услышав это, Аня почувствовала, как сокровенная, пребывавшая в ней капелька света вдруг вся затрепетала от ужаса и стала гаснуть, и от этого сама потеряла сознание.

Очнулась совсем в другом помещении, среди белых матовых стен, серебристых экранов, перепончатых зонтиков, отражавших и

направлявших рассеянный свет. Перед ней стоял штатив с фотокамерой, из-за которой улыбался и подмигивал симпатичный фотограф в жилетке, лысый, с пейсами и маленькими темными усиками, похожий на доброго Чарли Чаплина. Женщина-палач стояла тут же, но преображенная, без устрашающих ремня и гимнастерки, какие носят в тюрьме надзиратели, а в просторном, ниспадавшем складками облачении, с нарядной брошью и удачной модной завивкой.

- Душечка, это тебе, - ласковым баском пропела она, протягивая Ане висящее у нее на руках дивное платье, темно-вишневое, с глубокими переливами и сочными отсветами. Усыпанное стеклярусом, оно излучало блеск темной лесной стрекозы. И Аня тотчас вспомнила, где видела эту мужеподобную женщину. Продавщица в магазине, предлагавшая ей сделать волшебную покупку, это самое вишневое платье, манившее ее до сладостного самозабвения. - Лапушка, надень на себя…

Она отвела Аню за ширму, помогла освободиться от ее скромной невзрачной одежды, ловко касаясь большими теплыми руками, облачила ее в дивный наряд, подвела к зеркалу. Аня не узнала себя. С полуобнаженной дышащей грудью, белыми нежными руками, прекрасная, она выглядела как голливудская артистка в день присуждения премии "Оскар". Аня, забыв недавние страхи, восхитилась собственной красотой. "Ах, если бы ты меня увидел сейчас!.." - подумала она счастливо о Плужникове.

- Пойдем, голубушка, сделаем несколько фотографий…

Фотограф, ласково и смешно подмигивая, управляя потоками млечного света, сделал несколько снимков.

- Ну просто загляденье!.. В глянцевом журнале, на первой обложке: "Прима-балерина Анна Серафимова, в балете "Лимонов"!.. Спешите на премьеру…

Аня не понимала, что он говорит, что-то легкомысленное, обольстительное. Она слишком устала, чтобы все понимать, слишком восхищалась драгоценным платьем, преобразившим ее, чтобы переспрашивать.

- А теперь отдохни, успокойся, - бережно, почти с материнской лаской, обращалась к ней высокая полная женщина.

Отвела ее в соседнюю комнату, чудесно обставленную, с мягкой, под бархатным балдахином кроватью, со множеством зеркал, где Аня

могла видеть собственное, восхитительное отражение. Тихо играла музыка из кинофильма "Мужчина и женщина". На столе стояла вазочка с белым пломбиром, тем самым, каким мама угощала ее в детстве, когда заходили в уютное кафе на Кропоткинской.

Плужников вошел в Москву, как входят в непроглядную тучу. Это была туча страданий и болей, которыми исходил пораженный болезнью город. И среди этих сгустков беды, болезненных и ядовитых мерцаний он различал малую пульсирующую точку, в которой концентрировалась беда такой силы, что сердце его заболело, пронзенное невидимой иглой. Этой точкой страдания была Аня, которая взывала к нему, протягивала свой крохотный лучик любви, и этот лучик, ударяя в сердце, причинял нестерпимую боль.

Как самолет, захватывая в бортовые антенны луч наведения, стремится к цели, так и он, двигаясь по лучу боли, искал Аню. Точка перемещалась по городу, словно Аню перевозили с места на место. Сначала точка пульсировала в районе Яузы, у Лефортово, и Плужников двигался вдоль ленивой реки, мимо огромных корпусов, где когда-то были авиационные лаборатории, военные институты и академии, а теперь размещались склады немецкого пива и итальянской лазурной сантехники. Точка внезапно переместилась в район Медведково, и он бродил среди огромных, словно одинаковые куски рафинада, зданий, выискивая среди окон, не мелькнет ли где ее дорогое лицо. Точка перелетела в центр, в район Неглинной, и он шагал среди роскошных ресторанов, нарядных лимузинов, великолепных витрин и искал в толпе ее быструю знакомую фигурку с почтовой сумкой наперевес. Когда точка, подобная маячку боли, переместилась в район аэропорта "Шереметьево", он испугался, что ее хотят вывезти из страны. Но когда маячок оказался в районе Склифосовского, Плужников ужаснулся, подумав, что ей так худо, что она попала в больницу. В конце концов, точка погасла где-то в районе Фрунзенской набережной, будто на Аню накинули непроницаемый колпак, окружили непрозрачным экраном или она вовсе погибла.

Он обшарил все здания вокруг помпезного Штаба сухопутных войск, где когда-то работал мозг великой армии, а теперь несколько генералов играли в карты с изображением Саддама Хусейна, Тарика Азиза и других иракских лидеров. Следов Ани не было. Не было ее и дома. Таясь в подворотнях, опасаясь засады, он исследовал своим

чутким локатором знакомое окно, но оно было слепо, безжизненно. Ничто не отразилось на экране, в который превратилось его любящее сердце.

Он тихо брел по проспекту. Хамовническая церковь, нарядная и чудесная, словно игрушка, созданная в ликовании чьей-то восхищенной, наивной душой, напомнила ему собственные лубки. Именно так нарисовал бы он румяную деву, у которой радостно играли голубые глаза, золотились кустистые косы, белотканый наряд украшали алая вышивка и зеленые бусы, опускалась к земле пышная бахрома. Перед церковью за оградой стояло дерево в холодном солнце осени. Мерзли нищие, беззлобно переругиваясь и хватая прохожих за полы. Плужников наклонил печальную голову и вошел в храм.

Было тепло и людно, солнечно и водянисто-прозрачно. Горели свечи, окруженные прозрачным жаром. Перед сумрачно-алыми и землисто-зелеными образами разноцветно светили лампады. Голоса поющего хора казались блеклыми золотыми нитями, которые осторожно вытягивались из поношенной ризы и бережно накручивались на клубочек. Именно в такой, пожухлой, слабо мерцающей ризе был батюшка с редкой бородкой, впалыми щеками и грустными голубыми глазами, воздевавший руки к своей послушной пастве.

В соседнем пределе стоял небольшой гроб. Виднелось бледное личико мертвой девочки, окруженное чем-то белым и кружевным. Родители, мать и отец, оба в черном, с опухшими, темно-фиолетовыми, будто ошпаренными лицами, безвольно сидели на лавке, дожидаясь, когда завершится служба и батюшка начнет отпевание.

Плужников стал в стороне, среди прихожан, окруженный их платочками, морщинами, лысинами, тихими вздохами, истовыми поклонами. Все они о чем-то просили, о чем-то умоляли, кого-то искали, о ком-то заботились. Чутким сердцем и дарованным ему ясновидением он угадывал, о чем были молитвы русских людей, пришедших искать защиты от своих бед и напастей.

Высокий сутулый старик, с глазами больной и усталой лошади, с лысым лбом, на котором скребок провел несколько глубоких параллельных морщин, молился о том, чтобы Бог прибрал его раньше, чем он сляжет неподвижно на койку, станет обузой детям, которые и

так бьются и день и ночь, на нескольких работах, добывая в дом пропитание.

Милая бледная девушка в пестром платочке шевелила нежными розовыми губами, беззвучно прося, чтобы Бог исцелил ее мать, которая полгода как потеряла рассудок и сидит на больничной койке, не узнавая людей. Просила, чтобы Бог вернул матери разум, веселый смех, проворность рук, которые так чудесно перебирали струны гитары, и соседи сходились послушать ее задушевное пение. Девушка просила у Бога, чтобы Он взял часть ее здоровья и разума и передал маме, лишь бы она поправилась.

Строгая красивая женщина с тонкими чертами лица, какие водились у достойных московских мещанок, молилась о брате-полковнике, которого убили в Чечне. Брат снился ей каждую ночь, просил о какой-то услуге, о каком-то деле, которое при жизни не успел совершить. Во сне она не разбирала слов. Молила Господа, чтобы Он помог ей услышать слова, она поняла волю брата и выполнила ее здесь, на земле, чтобы брату на небе было спокойно.

Подле нее чернобровая смуглая женщина с синевой под горестными глазами каялась перед Богом в страшном грехе. Она сделала аборт, боясь, что второй ребенок станет ей с мужем обузой. Растя одного, в тесной комнатушке, с малым заработком, не сумеют взрастить другого. Теперь ей снился ее вырванный из чрева ребенок, весь изрезанный, в красной росе, она кричала во сне, просыпалась в слезах. Просила Бога отпустить ей грех, а она на Покров соберет кулек и отправится на богомолье в дальний монастырь под Ярославлем.

Парень с деревенским лицом неловко крестился, сгибал тугую спину, молясь о родне, у которой в деревне сгорел дом. Дядька от горя запил, племянники пошли наниматься к поселившемуся рядом богатому чеченцу, горбят на него дни и ночи. Он молил, чтобы Бог дал его родне передышку, а он, шофер-дальнобойщик, скопит деньжат, приедет в родную деревню, и они с дядькой, выкупив из рабства племянников, построят новый дом.

Плужников слышал молитвы, которые из разных мест храма возносились под купол, где косо светил луч солнца. Молившиеся никому не желали зла, не просили о возмездии, прощали врагов, желали блага другим, каялись в совершенных грехах. Они были добрым, наивным и верящим народом, к которому принадлежал и он,

Плужников. И этот народ таял как воск свечи, струился и исчезал как бледный луч солнца, и его становилось все меньше на жестокой и злой земле.

Находясь среди жалостливой и кроткой толпы, он вдруг испытал такую нежность к людям, такую любовь и единство с ними, сострадание и слезное обращение к небу, что опустился на колени на щербатый каменный пол, прижался лбом рядом с чьими-то стоптанными башмаками. Припадая глазами к земле, обращая душу к небу, искал в нем Того, Кто спасет ненаглядную Родину, сохранит любимый народ, отыщет Аню, и мир обнаружит, наконец, скрытую в нем, долгожданную благодать, отодвинет напасти от беззащитных людей.

Он страстно молился, чувствуя, как в этой молитве плавится, отекает воском душа, бегут из глаз быстрые слезы, и молитва его от каменного холодного пола достигает Того, к Кому обращена.

Голос его был услышан. Он это узнал по сладкому туману в глазах, по теплому облаку, которое на него снизошло. Кто-то невидимый положил ему на темя ладонь, и под ладонью отворилось теменное око, большое, голубое, немигающе устремленное сквозь прозрачную ладонь в высоту. В это око из небес упал синий огненный луч, вошел сквозь темя в душу, остановился как жаркий факел.

Служба кончилась, смиренный люд уходил из храма, напоследок оборачиваясь и прощаясь с высоким иконостасом, который наклонял в ответ свою золотую голову.

Батюшка ненадолго побывал в алтаре, прихватил священную книгу и направился в предел, где ожидало его печальное отпевание. Тихая поступь, потупленные голубые глазки и пожухлая риза выдавали в пастыре усталость и обремененность, переполненность людскими печалями и горестями, которые он собирал во время богослужения в невидимые стада и целыми отарами отправлял ввысь, к Господу, сопровождая напутствиями на святом церковно-славянском языке. Его риза слабо поблескивала, словно была в бесчисленных слезинках, и он шел, окропленный слезами, туда, где стоял гробик, и мертвая девочка, словно слепок из белого воска, лежала среди цветов.

- Господи, какие времена наступили!.. - услышал Плужников вздох стоящей подле него прихожанки. - Девочку, крохотулечку, сатанисты изловили и всю кровь из нее выпустили… Мать с ума

сошла, из петли ее вынули. Отец порывался с балкона прыгнуть… Пресвятая Дева Мария, Матерь Божья, заступись за нас, потому что здесь, на земле, больше некому!..

Батюшка раскрыл над гробом книгу и стал читать. Несчастные родители, помогая друг другу, поднялись с деревянной лавки, стояли, колеблемые ветром, который дул на них из растворенной книги. Все смотрели на хрупкое личико с тонким носиком и остреньким приподнятым подбородком.

Плужников стоял в стороне под образом Богородицы, которая сидела на травяном лугу, постелив четырехугольный красный плат, похожий на ковер-самолет. Сердце его пылало любовью и состраданием. Теменное око голубым лучом соединялось с бесконечной ликующей лазурью, в которой не было смерти, горя и слез, всякая напасть и неправда плавились и исчезали в голубом прозрачном огне. Он чувствовал, что убиенная девочка и ее полуживые, обреченные на гибель родители, - есть огромная неправда и ложь, искривляющие божественную симметрию жизни, грубый и жестокий мазок, положенный осквернителем и богохульцем на дивную икону бытия. Он не мог примириться с этим. Сердце его раскрывалось пламенеющим цветком. Из него исходил луч такой синевы, какой бывает в вершинах мартовских белых берез. Этот луч блуждал по храму, зажигая пожухлые росписи на стенах, крылья ангелов на иконах, блеклое золото на епитрахили священника. Остановился на личике девочки, и оно стало похожим на маленький серебряный снежок.

Плужников не молился, но всеми обращенными в небо чувствами, верящей душой и любящим сердцем превратился в световод, соединяющий лазурь небес с безжизненной, лежащей во гробе девочкой. Чувствовал, как жарко ему, как невыносимо расширилось, готовое разорваться, сердце, как несутся сквозь него из небес гудящие громадные силы, унося с собой его жизнь, его кровь и дыхание, переливая их во гроб, где мерцал в голубом луче серебряный хрупкий снежок.

Пол храма колыхнулся. Разом наклонилось в одну сторону пламя свечей. Жарко и сочно замерцали пред иконами лампады. Чей-то голос изрек густое как гром и благоухающее как цветущий лес слово. Девочка шевельнулась во гробе. Посыпались и упали на пол цветы.

Открыв глаза, освободила из-под белой накидки руки, села в деревянной лодочке гроба, выпрямив тонкую спину, поправляя белокурые волосы. Было видно, что запястья ее обмотаны белым бинтом.

Раздался тонкий крик изумления и безумного счастья. Это крикнула мать, вырываясь из объятий потрясенного мужа, метнулась к ожившей дочери. Батюшка выронил книгу, отступил и перекрестился. Все, кто был в храме, ахнули, окружили гроб. Девочка стояла в белом платье, чуть потягивалась, улыбалась, как улыбаются проснувшиеся, вставшие в кроватке дети. Ее белое как мел личико наполнялось нежным, словно лепестки яблони, румянцем.

- Чудо!.. Великое чудо!.. - раздавалось вокруг Плужникова. А он, почти лишенный чувств, опустошенный, держась за церковные стены, пошел к выходу - на воздух, в студеный осенний день, где в холодном солнце стояло безлистое дерево, и ссорились нищенки, брел от церкви по проспекту, заметил, что запястья у него в порезах, из них сочится кровь, падает каплями на асфальт. На ногах, под брюками, тоже горели порезы. В башмаках было жарко от крови.

В церкви появилась растрепанная седовласая женщина, в обносках, в мужских, на босу ногу, ботинках, обращалась к народу:

- Русский Праведник совершил великое чудо!.. Пришел в Москву Русский праведник нам во спасение!.. Он беса гонит и Москву спасает!.. Мне бес матку съел, но я его выхаркала!.. Здесь был Русский Праведник!.. Слышите, воздух цветущими липами пахнет!.. Слышите, колокола сами собой звонят!..

На колокольне, вход на которую был заперт, запели колокола. В воздухе заблагоухало медом, как если бы голое, стоящее перед церковью дерево оделось цветами и в них гудели сладкие пчелы.

Запинаясь, запахиваясь в рубище, Нинель бежала по проспекту, глядя на кровавую росу, старалась по красным, разбрызганным на асфальте каплям разыскать Русского Праведника.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Плинтус был поражен известием о гибели Мэра, который упал в огне, как подбитый в московском небе "Хейнкель". Гипофиз, орган тайноведения, поведал Плинтусу, что сбил его Модельер, и предательство Мэра, которым тот хотел откупиться, выдавая с головой Плинтуса, лишь приблизило смерть. Мэра хоронили на Луне, где с некоторых пор стали погребать лучших людей России. На похороны в Море Дождей съехались несчетное множество воров в законе, лидеров организованных преступных группировок, валютных проституток, тележурналистов с ТВЦ, азербайджанских магнатов, чеченских банкиров, московских татов, знаменитых певцов и артистов, строителей канализации, держателей автопарковок, защитников русского Крыма. Вокруг свеженасыпанной могилы Мэра столпились такое количество людей в черном, что с земли это выглядело, как лунное затмение. Наблюдая по телевидению церемонию похорон, установление могильной плиты с эпитафией: "Ты на земле прожил с большим размахом и обернулся лунным прахом", - Плинтус на всякий случай решил превратиться в улитку, скукожился, спрятался в хрупкий завиток ракушки, прилип к тыльной стороне капустного листа и затаился, неделями сидел недвижно, боясь, что его достанет клюв какой-нибудь прожорливой птицы. Но постепенно, когда отшумели на Луне поминки и осела могила из пепельного лунного туфа, Плинтус вознамерился покинуть убежище.

Сначала из нежной ракушки высунулись крохотные чутки рожки с капельками клея на концах, пощупали ближнее пространство, убеждаясь, что угроза отсутствует, с помощью ультразвука осмотрели более дальнюю окрестность, но и там не таилась опасность. Вслед за рожками выглянул язычок слизистой плоти, который переливался как нефтяная пленка. Язычок увеличивался, набухал, покрывался розовыми пузырями, ярко-зелеными складками, золотистыми вздутиями. Это был знаменитый зоб Плинтуса, который всегда шел впереди, прокладывая ему дорогу. Зоб стал огромным, вывалился, словно огромный ком пластилина, и вслед за ним, прилепившись горлом, показался его обладатель. Небольшого роста, в чалме, с

пухлым животиком, удобно поместившимся в нетесном корсете, с разновеликими ногами в прекрасной ортопедической обуви.

- Вот и я! - сказал Плинтус, ощущая себя в новом состоянии. Заговор, в который посвятил его вероломный и безвременно почивший Мэр, оставался в силе. Были живы и все так же упитанны и свирепы красноглазые андалузские быки. Был надежно укрыт на Тверской-Ямской блистательный тореадор Эскамильо, он же баскский сепаратист, готовый нанести Счастливчику удар возмездия. И этот заговор надлежало теперь привести в исполнение ему, Плинтусу. А уж он был мастер изящных интриг с кровавым концом! Закутавшись в плащ, приклеив бороду, заслоняясь набухшем зобом, который был похож на огромный целлофановый пакет с цветной ватой, он отправился на 1-ю Тверскую-Ямскую, 22, где размещалась модная галерея "Реджина".

В залах были развешены работы кумира московского постмодерна под общим названием "Мир глазами мертвого художника": здесь была огромная свиноматка, присевшая на шпиль Московского университета, множество черных энергичных жужелиц, бегущих по телу дремлющей обнаженной женщины, большие поганки, вырастающие из трещин асфальта посреди Кутузовского проспекта, старомодные кассовые аппараты, несметной стаей летящие на фоне вечернего московского неба, а также тележурналист Крокодилов, известный своей лютой ненавистью к коммунистам и любовью к черному налу, нежился в кровати с любимцем-крокодилом, причем крокодил был в бюстгальтере. Тут же в колбе, заспиртованное, находилось глазное яблоко мертвеца, в котором, по-видимому, дремали представленные на выставке образы.

Плинтус нашел Эскамильо сидящим в зале, в скромной одежде смотрителя выставки, и лишь из обшарпанного рукава выглядывала золотая нитка его блистательного облачения.

- Ты готов? - Плинтус остановился поблизости.

- Баски всегда готовы, - был нетерпеливый ответ.

- Быки помыты, рога отточены?

- Утром были отточены, - дерзко ответил сепаратист.

- Готовься, коррида завтра! На большой арене, после краткого выступления твоего единородца певца Баскова, ты сразишь быка, отсечешь ему голову, держа за мохнатое ухо, понесешь к трибуне

Президента. В это время оркестр заиграет победный марш, а пиротехники устроят ослепительный фейерверк. Когда ты протянешь голову Президенту, а потом пронзишь его шпагой, пиротехники устроят дымовую завесу, под прикрытием которой ты скроешься. Тебя доставят в Чечню, к грузинской границе. Там наш договор утрачивает силу. Мы больше не знакомы. Деньги переведены на счета в Сан-Себастьяно. Вопросы есть?

- Только один… Личного характера…

- Мы же договаривались, ничего личного…

- Пока я бездействовал и мне приводили русских девушек, которые с распущенными волосами пели песни о водителе русского дилижанса, замерзшего в степи, я влюбился. Среди девушек была та, чье имя донна Стеклярусова. Она вдова мэра северной столицы и член Совета Федерации от маленького гордого народа тувинцев. Мы долго говорили с ней ночами и выяснили, что баски - это тувинцы Пиренеев, а тувинцы - это баски Саян. Мы решили соединить наши судьбы. Донна Стеклярусова, по пылкости не уступающая испанкам и даже во сне напевающая: "У любви, как у пташки, крылья…", - хочет обвенчаться со мной в Испании, где у нее много недвижимости. Вы должна обеспечить ей выход к грузинской границе. Я совершаю свой подвиг во имя нее…

- Все будет сделано, Эскамильо. Я знаю Стеклярусову. Она только что вернулась из Непала, где недолго побыла замужем за принцем, до этого, едва оправившись от вдовства, вышла замуж за боксера Тайсона, с кем и прожила счастливые четыре раунда. Обещаю, вы вместе исчезнете в дыму. Надеюсь, вам предстоит долгая и счастливая жизнь втроем.

Эскамильо благодарно кивнул и погнал прочь из зала старушку в буклях, попытавшуюся было стянуть колбу с глазом. Расстались не прощаясь.

Сценарий, выбранный Плинтусом, сводился к тому, что вначале состоится презентация его новой книги "Мед и пепел", на которую будет приглашен дипломатический корпус и которому будет предложено переориентировать свои страны с непредсказуемого, одержимого фанабериями Счастливчика на него, Плинтуса, друга Запада, знатока Востока, уроженца Юга и стойкого противника Севера. Его враждебность ко всякого рода нордичности сравнивали со

свойствами компаса, который реагировал на любое проявление в человеке Севера и сразу указывал в его направлении стрелкой, куда и устремлялись затем спецслужбы. Вторая часть сценария предусматривала испанскую корриду на арене Лужников, куда прибудут Счастливчик и Модельер и где, при скоплении народа, на глазах у элиты произойдет заклание самозванца, утомившего своими прихотями общество.

Первая часть гармонично перетекала во вторую, и обе должны были завершиться объявлением Чрезвычайного положения, с передачей Плинтусу диктаторских полномочий. Списки для арестов были подготовлены. Камеры в тюрьмах очищены для будущих арестантов. Среди них особая судьба ожидала ненавидимого Плинтусом олигарха, ассоциируемого народом с русским белоствольным деревом, из которого Плинтус собирался наделать веников.

Презентация проходила в чудесном месте вблизи Пречистенки, где ансамбль ампирных особняков, белокаменных средневековых палат был объединен современной кристаллически-стеклянной архитектурой с новейшими достижениями мобильной планировки, позволявшей превращать малые пространства в большие, раздвигать стены, подымать потолки, создавать искусственный климат, ароматические и световые эффекты. Именно это помещение облюбовал Министр матерщины и бескультурья для проведения своей игривой телепрограммы "Культура и поллюция". Теперь же сюда пожаловал Плинтус.

Полукруглый зал с расставленными амфитеатром удобными креслами вместил цвет московских посольств. Маленький подиум с изящной стойкой, где должен был появиться виновник торжества, был отделен от соседнего, невидимого пространства матово-белой стеной, опускавшейся из потолка подобно экрану. Часть полукруга была кристаллически прозрачной, и снаружи, озаренные прожекторами, непрерывно двигались две цветные кинетические скульптуры, алая и голубая, - изделия фирмы "Чехов". Чехлы из человеческой кожи, наполненные воздухом, тщательно снятые, пропитанные составами, лишенные негибкой и обременительной плоти, они, под давлением нагнетаемого газа, совершали непрерывные наклоны, кружения, качания, словно неутомимо танцевали фантастический танец.

Всем дипломатам при входе дарили замечательное издание книги "Мед и пепел", в тисненом переплете. Плинтус появился под аплодисменты дипломатов, среди которых имел несомненное влияние. Он был одет в безупречный темно-атласный фрак, одна фалда которого была короче другой, а вместо галстука-бабочки шею и зоб закрывал пышный розовый шарф. Вначале он изящно пошутил, указывая на танцующие кинетические скульптуры, что это не более чем отголоски бессмысленной эры соперничества, когда две сверхдержавы то ли танцевали любовный танец, то ли сражались на ринге. Теперь от этой эры осталась лишь пустая оболочка, наполненная газом истории. Шутку оценили, хлопали, перелистывали подаренный фолиант.

Опытный ритор и софист, Плинтус построил свою речь таким образом, что аргументы его наращивали логику и ошеломляющую убедительность, не оставляя камня на камне от мелкотравчатого, мнительного, непредсказуемого и, возможно, неадекватного Счастливчика, правление которого сулит колоссальные угрозы для мирового сообщества.

Начал с того, что рейтинг Президента добывается с помощью датчиков, установленных в сливных бачках граждан, что грубо попирает право на тайну личной жизни и является брутальным вторжением в сокровенную сферу, где человек остается один на один с собой.

Кроме того, неподвижный в течение нескольких лет рейтинг, соединенный с помощью электромагнитной волны с пульсом отдельного гражданина, тормозит сердечно-сосудистую деятельность, что способствует развитию ишемической болезни и внезапным инфарктам. И, наконец, фальсификация политической жизни страны достигла такого размаха, что большинство рейтингомеров просто нарисованы на фасадах зданий с неподвижной цифрой "85".

Плинтус говорил страстно, убедительно, с выразительной мимикой и эффектными жестами. Два воздушных танцора за стеклянной стеной танцевали свой неистовый красно-синий танец, то сгибаясь в поясе до земли, то свертываясь в спираль, то падая навзничь. Эти безумные конвульсивные движения придавали словам Плинтуса гальваническую убедительность и чарующую нервозность.

- Господа, если это и есть демократия, то что же такое Освенцим с рейтингомером популярности фюрера и надписью "Каждому свое"! -

риторически воскликнул Плинтус, добиваясь желанных аплодисментов. Посол Соединенных Штатов, обычно скупой на похвалы, кинул ему на подиум букетик фиалок. Плинтус с благодарностью поднял, незаметно проверив цветы миноискателем.

Вторая волна аргументов базировалась на загадочном исчезновении из политической жизни Первого Президента России. Турне, которое он совершал вот уже около года, не подтверждалось светской хроникой стран, куда он прибывал. Его не видели папарацци Италии, когда тот, голый, залез в знаменитый фонтан "Тритон", доставая разбросанные на дне денежки. Его не зафиксировали телескопы военной лаборатории Хьюстона, когда он высаживался на спутник Марса Эребус и, не умея сдержать позыв, мочился на красноватый грунт спутника. О нем ни слова не было сказано в спортивных журналах Мексики, где он бился на ринге с чемпионом страны, отбив последнему почку, а потом, с истинно русской отзывчивостью, подарил поверженному свой неповрежденный орган. Исследование телевизионных роликов наводит на подозрение, что все сюжеты снимаются на студии "Мосфильм" методом наложения и монтажа, а в роли Первого Президента выступают несколько его двойников, отличающихся между собой пропорциями лица, уровнем интеллекта и величиной пениса, который по всякому поводу извлекает Первый Президент.

- Я не берусь ничего утверждать, господа! - беспристрастно и убедительно воскликнул Плинтус. - Но разве не на нашей памяти были загадочно устранены известные политические деятели… Президент Кеннеди… Индира Ганди… Мартин Лютер Кинг… Сергей Миронович Киров… Не являемся ли мы свидетелями жуткой инсценировки, скрывающей политическое убийство?..

Дипломаты были ошеломлены. Среди них поднялся ропот. Некоторые тут же стали строчить шифровки во внешнеполитические ведомства своих стран. Посол Великобритании по мобильнику стал звонить на Даунинг-стрит, но в телефоне постоянно звучало: "Неправильно набран номер". Плинтус с удовлетворением отметил произведенный им шок.

Третий, завершающий вал аргументов, после которых можно будет произнести решающий призыв, сводился к предстоящему венчанию Счастливчика на царство. Мало того, что это воскрешает

архаические формы правления, исключающие контроль общества и ЦРУ за помазанником, в обращение вводится смехотворный, но, однако, опасный династический миф, согласно которому Счастливчик является Рюриковичем. Это вносит злонамеренную путаницу в генеалогические древа как Рюриковичей, так и Романовых, что может вызвать так называемую распрю гробов, войну усыпальниц, коими наполнены кремлевские соборы и Петропавловская крепость. Война двух столиц становится почти неизбежной. Включение в нее пантеона красных костей на той или иной стороне чревато грандиозной евразийской смутой.

- Может быть, он не Рюрикович, а Рабинович? - поинтересовался посол Израиля, чья продолговатая голова в круглой ермолке напоминала желудь с чашечкой.

- Увы! Ни то ни другое, - ответствовал Плинтус. - Его происхождение туманно. Метрики уничтожены. Родители либо сосланы в монастыри, либо отсутствуют вовсе. Скажу больше, существуют серьезные сомнения относительно его пола, ибо он не был замечен с женщинами.

- Но, говорят, он нравится русским женщинам? - спросил посол Мальты, большой гуляка и сладострастник, берущий от московской ночной жизни все.

- Только тем, кому за семьдесят и у кого в детстве был роман с учителем физкультуры, - ответил Плинтус и вернулся к перечислению опасностей, связанных с перенесением мировой столицы в Москву.

По его мнению, это приведет к смещению мировых координат, о чем постоянно мечтали русские князья, толковавшие о Третьем Риме, русские цари, затеявшие под Москвой Новый Иерусалим, Сталин, решивший с помощью секретного оружия "Рычаг Архимеда" поменять полюса и сместить земную ось. Перенесение в Москву центра Мира приведет к грандиозной геополитической катастрофе, сдвинет континенты, перепутает границы государств, столкнет народы. Китайцы хлынут в Сибирь. Индия нападет на Пакистан. Албанцы столкнутся с немцами. Арабский мир через Средиземное море нагрянет в Европу. Оживут и вернутся в историю исчезнувшие народы. Возникнут финикийцы с их притязанием на Гибралтар. Возродятся инки и ацтеки, посеяв хаос в Латинской Америке. Гог и Магог погонят свои колесницы и стенобитные машины на христианский мир.

Этруски возобладают в Италии. И весь послеялтинский мир, поколебленный распадом СССР, превратится в кипящий котел войн, катастроф, революций.

- Мы этого хотим, господа? Для этого нас учили в дипломатических академиях и разведшколах, чтобы мы сами, добровольно, отдали мир в объятия хаоса, который неизбежно завершится мировым фашизмом!..

Надувные танцоры, голубой и алый, метались в экстазе: то рушились наземь и бились в падучей, то подымались на цыпочки, готовые улететь, превращались в разноцветный вихрь, падали плашмя один на другого.

Дипломаты были потрясены. Посол Франции хрустел пальцами так, словно они были сделаны из бамбука. У посла Нидерландов случилась ножная судорога, и он колол ногу специальной золотой булавкой. У посла Италии произошел микроинсульт, лопнул в глазу сосуд, и он взирал на собрание красным выпученным оком. Только посол Швейцарии сохранял самообладание, полагая, что смута отвлечет внимание мира от нацистского золота в банках Цюриха.

- Теперь самое главное, господа!.. - Плинтус возвысил голос, наполнив его рокочущими повелительными руладами. - Уже сегодня, сейчас произойдет событие, возвращающее русскую историю в традиционное русло!.. Усилиями народа, волей вождя, Божественным промыслом и всемогущим провидением тиран будет сокрушен, и его место займет известный вам человек!.. Посмотрите на меня, господа!.. Разве я не внушаю доверие? Разве не таким бы вы хотели видеть просвещенного, предсказуемого лидера России? - Плинтус слегка перенапряг голос и дал петуха, закашлялся, слегка отвернулся, отирая губы розовым шелковым платком.

За тонкой перегородкой, позволявшей слышать и наблюдать происходящее в конференц-зале, Модельер сделал знак служителю. Тот поднес бокал с пузырящейся минеральной водой. Модельер чайной ложечкой окунул в бокал ложку меда, а из мешочка, напоминавшего кисет, высыпал горстку пепла, оставшуюся от сгоревшего Мэра, тщательно перемешал гремучую смесь.

- Вот теперь ты хлебнешь настоящий мед и пепел, дружище!.. - властным движением Модельер послал служителя в зал, где все еще кашлял Плинтус.

Оратор благодарно принял бокал, отпил почти половину, вернул служителю.

- Господа, вы видите перед собой человека, который может возглавить Россию!..

В этот момент начал действовать чудовищный эликсир. Смешавшись с содержимым желудка, он произвел взрыв кипящего газа, который ударил громоподобным треском, толкнув Плинтуса далеко вперед. Раствор, содержащий огненные калории горного меда и минеральные останки Мэра, вскипел, прорывая все преграды, громко журча, хлынул из Плинтуса по всем направлениям. Из ушей булькали отвратительные желтые пузыри. Изо рта текла и душила его зловонная рыжая пена, из брюк на пол хлестала смердящая жижа.

Дипломаты повскакали с мест. Почти все поднесли к носам батистовые надушенные платки. Посол Люксембурга выхватил баллончик и окружал себя ароматическим аэрозолем. Испанский посол надел респиратор. Послы стран, еще недавно входивших в Варшавский блок, все разом напялили противогазы советского производства.

Конфуз был ужасный. Плинтус, словно лопнувшая, перезрелая тыква, уменьшился вдвое и осел на пол. Стеклянные створки стены раздвинулись, и два танцора, алый и голубой, лишь притворявшиеся надувными чехлами, а на деле бывшие агентами спецслужбы "Блюдущие вместе", кинулись в зал, подхватили несчастного Плинтуса и унесли.

Дипломаты толпой повалили к выходу, но мощно заработали вентиляторы, изгоняя из помещения смрад. Хлынули запахи хоросанских роз и турецких магнолий. Ловкие полотеры высушили лужи, сначала посыпав их морским песком, а потом обмахнув мехом серебристого соболя.

На подиум вышел Модельер:

- Не торопитесь уходить, господа!.. Церемония далеко не окончена!.. Вместо обещанной вам испанской корриды вы увидите корриду московскую!..

Все заглянули в программки, ожидая появления знаменитого сладкоголосого певца Баскова, исполняющего арию Эскамильо из оперы "Кармен": "Тореадор, смелее в бой!", - а также самого

Эскамильо, в золоченом камзоле, с алой мулетой, выступающего навстречу разъяренному андалузскому быку.

Но вместо этого на подиум, перед нежным белым экраном, выскочили страшные полуголые мужики, в галифе, с синими татуировками на вздутых мускулах, взревели свирепую песню. Самый громадный из них, с портупеей на голом торсе, с бобриком, то и дело хватаясь за маузер, пугающе-громко запел: "Комбат-маманя, маманя-комбат!.." Перепуганные дипломаты сжались на креслах, а американский посол попытался улизнуть. Мужик в галифе и с маузером схватил его за ногу и кинул обратно в кресло, нешуточно предостерегая: "Не валяй дурака, Америка!.." Дипломат притих, боясь шевельнуться, но поющие мужики вдруг исчезли.

Белый экран пошел вверх, и обнаружилось соседнее, доселе скрытое пространство, - огромный, облицованный кафелем цех мясокомбината: сырые, ржавые потолки, железный, лязгающий под потолком конвейер, с которого свисали и двигались цепи и блестящие, отточенные крюки. И на этих крюках, подвешенные за крестцы, вниз головами, качались, ревели и дергались андалузские быки, пялили страшно глаза, отекали слюной и розовой пеной, едва не касаясь замызганного пола блестящими рогами. Все гремело, хрипело, хлюпало. Сквозь рев быков, вплетаясь в лязганье стального конвейера, звучала ослепительная оперная ария: "Серд-це кра-са-вицы склон-но к изме-ене и к пе-ре-ме-не, как ве-тер ма-а-я…"

К быкам подбегали мужики в галифе, держа длинные электроды, касались бычьих голов. Трещала яркая электрическая вспышка. Между головой и электродом трепетала лиловая вольтова дуга. Горела шерсть. В башке быка взрывалась шаровая молния, и он умирал, вытаращив лопнувшие глаза, вывалив мокрый язык, дымясь и дергаясь в последних конвульсиях. И новая ария из классической оперы, ласкавшая слух меломанов, сладостно звучала: "Ве-ернись, А-альфре-эд, тебя-а я у-мо-ля-ю…"

Конвейер двигался по кругу, образуя жуткую, лязгающую карусель с висящими быками, чьи ноги были растопырены, морды оскалены, семенники изрыгали предсмертное горячее семя. Другие крюки были еще свободны, и на них поддевали и вздергивали обезумевших животных, к которым подбегали мужики и глушили электродами. Пронзенные молниями быки тяжело обвисали. Из

разорванных жил и сосудов сочилась жижа. Метания мужиков, трескучие искры, дерганье туш сопровождались радостным и ликующим бельканто: "Фигаро?.. Фигаро здесь… Фигаро?.. Фигаро там… Фигаро здесь, Фигаро там… Фигаро здесь, Фигаро там…"

В центре карусели, мощный и покатый как скифская баба, с каменной головой, без шеи, переходящей в громадное тулово, возник мясник Микита: в клеенчатом фартуке, с волосатой грудью, с желтой толстенной цепью, протягивал ручище навстречу бычьей туши, в кулаке блестел нож, легким, нежным движением проводил ножом по звериному брюху, от белесого паха с набухшими черными семенниками, вниз, до самого горла. Шкура раскрывалась, словно расстегивалась молния. Под темным шерстяным чехлом возникала алая подкладка. Мясник Микита упирал толстенные ноги в кафельный пол, принимал на нож плывущих на него быков, расстегивал их, делая надрезы вокруг головы, у копыт, и они раскрывали свое красное исподнее платье. Приторно-сладкий тенор, весь в томлении, выводил: "Я люб-лю-у вас, О-ольга-а…"

К расстегнутым тушам подбегали расторопные мужики, хватались за кромки шкуры, сильно дергали вниз, рвали, повисали на шкурах, сдирали трескучие кожи, помогая ударами кулаков, засовывая ладони в горячие парные промежности, отрывая жилы и пленки, сволакивали шкуры и шмякали их оземь, словно дымящиеся мокрые комья. Голые быки, растопырив копыта, с литыми, розово-коричневыми мускулами, в сплетении голубых и белых жил, с сахарными хрящами, качались, словно свешивались из неба, стараясь дотянуться до пола высунутыми языками. А их охватывали, дубасили, насиловали разъяренные потные скотоложцы. Раскатистый, могучий баритон, похохатывая, наяривал: "Как во го-ро-де бы-ло во Ка-за-ни-и…"

Вокруг быков метались полуголые люди, то ли мясники, то ли жрецы, приносящие жертву плотоядному неутолимому богу. Мужики в галифе принесли электропилы. Звонкие зубчатые диски приближались к изогнутым рогам, касались на мгновение, обрезали как сучья. Летели опилки, рога падали. Их обрубки торчали из бычьих лбов, рядом с мохнатыми ушами и выпученными как фиолетовые чернильницы глазами. В руках мясников появились заточенные черпачки, напоминавшие обувные рожки. Ловкими, с поворотом, движениями они вонзали инструменты в глазные яблоки быков, поддевали,

вычерпывали. Вырванный глаз мгновение висел на хромированной ложке, огромный, с черным зраком, окруженный белым пузырем с красными, выдранными из мозга корешками, а потом плюхался в подставленное ведро. Жестяное ведро наполнялось глазами, становилось зрячим. Со дна его глядела бычья жизнь в непонимании мира, который сначала ее сотворил, а потом так страшно убил. Оперный певец неутомимо разливался в руладах: "Ле-эль, мо-ой Ле-эль, Ле-эль па-сту-шо-ок…"

Ворвалась ватага с топорами, набросилась на плывущие туши, стали врубаться в кровавые тела, рассекали с хрустом ребра, раскраивали позвонки, превращали каждого четырехного зверя в двух двуногих, рассеченных по оси симметрии. Все мешалось, колыхалось в розовом дурмане. Звенели цепи, хрястали топоры. Звучали дивные арии Верди, Пуччини, Чайковского, Бородина.

И вдруг, среди обвисших, с перерубленными ногами и вываленной требухой туш появился Плинтус, голый, вниз головой, на крюке, качался, окруженный бычьими телами, уродливый, свесив ручки, выкатив мертвый зоб, выпучив желтую грыжу. Мясник Микита полоснул его ножичком сверху вниз, подставляя таз под жидкие внутренности.

Следом на крюке проплыл Эскамильо, худосочный, с тощими ногами и впалой грудью, лишенный всей своей привлекательности. Микита махнул ножичком, и голова тореадора покатилась по кафельному полу.

В красном парном пространстве, словно рожденный из бычьей крови и слез, возник огромный, пульсирующий электронным столбцом рейтингомер с трепещущей электронной цифрой "88". Под дикую торжествующую песню: "Комбат-маманя, маманя-комбат…" - белоснежный экран опустился, отделяя от мясокомбината ошалелых, потерявших дар речи дипломатов.

Модельер мрачно улыбался, вытирая башмаки о черный фрак Плинтуса.

Плужников проповедовал на Красной площади с Лобного места. К нему подходили несмелые гости столицы, явившиеся из захолустья подивиться на чудесные купола и соборы, москвичи, не пропускавшие случая оказаться среди просторной любимой площади, где брусчатка похожа на черную икру с серебряными точками солнца, а розовые

зубчатые стены дышат, словно заря. Тут были несколько иностранцев, не понимавших языка, но, на всякий случай, щелкавших своими японскими цифровыми фотокамерами. Подошли молодожены, она - вся в белом, а он - в костюме, с красным цветком, из веселого любопытства, полагая, что, должно быть, мужчина дает концерт. Подошли бабушки с детками, желавшие, чтобы внучки сначала увидали, а потом нарисовали сказочный собор Василия Блаженного.

Плужников, опираясь на седой камень Лобного места, обращался к народу, повторяя на разные лады:

- Братья, любите Россию… Краше и добрее ее нет на земле… Кто любит Россию, тот угоден Богу… А кто душу отдаст за Россию, тот будет в Раю… Кто любит Рай, тот любит Россию… А кто любит Россию больше себя, тот уже здесь, на земле, - в Раю!..

Он повторял это на разные лады, опираясь порезанными руками в старинный камень, чувствуя, как сочится кровь из порезов на утомленных ногах. И хотя голос его был едва слышен, люди понимали его. Понимали его также белые соборы в золотых кокошниках и повязках. Осеннее солнышко играло разноцветными лучиками, и дети, стоя рядом с бабушками, старались поймать цветные веселые зайчики. Собор Василия Блаженного, колючий, мохнатый, похожий на кактус, вдруг раскрыл крепкий, в сахарной гуще, бутон, и дивный огромный цветок, душистый и нежный, закачался над Лобным местом.

Нинель, следуя за Плужниковым по кровавой росе, дошла до Красной площади, увидала на Лобном месте и узнала его.

Пробираясь сквозь толпу, тянула к нему руки:

- Сереженька, это я!.. Они меня мучили, но я о тебе не сказала!.. Ты - Русский Праведник!.. Тебя Бог любит!.. Заступись за нас!..

Плужников увидел в толпе седую изможденную женщину в рубище и узнал в ней златовласую, с зелеными глазами, красавицу Нинель, хотел к ней сойти. Но уже сбегались с разных сторон торопливые агенты в плащах и шляпах, из-под которых торчали песьи морды и настороженные мохнатые уши.

- Взять его!.. Он враг государства!.. Уклоняется от переписи населения!.. - кричали агенты спецслужбы "Блюдущие вместе", расшвыривая толпу.

Плужников сошел с возвышения, сделался невидимым и удалился через реку в сторону гостиницы "Балчуг".

Часть четвертая

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Триста лет назад Петр Первый велел выкопать в Балтийском море Финский залив, провел туда из Ладожского озера реку Неву и построил Санкт-Петербург, чтобы ловчее было дружить с Европой и возить туда морем Семеновский и Преображенский полки. Теперь же, к юбилею северной столицы, которой было не привыкать менять свое название, решили переименовать ее в Санкт-Глюкенбург, что по-русски означало Святой Счастливоград. Счастливчик был зван в город своего имени, где все дышало приготовлениями к празднествам.

Он уже открыл несколько памятников, среди них: академику из пустыни Сахара, напоминавшего огромный клок застывшей пены; надгробие безвременно почившему мэру, взывающему к своей неутешной вдове: "Нет больше лодки, нет больше паруса. Не приплыву я к тебе, Стеклярусова!"; памятники насекомым - кузнечику, сверчку, божьей коровке и колорадскому жуку; памятники отдельным частям лица - губе, ноздре, уху, подбородку и лбу с волосами. Последняя затея состояла в том, что, если собрать воедино все упомянутые части, получалось его, Счастливчика, лицо. Вершиной торжества, куда съезжались самые именитые люди страны, а также послы иностранных государств, должна была стать церемония вокруг Медного всадника, где планировалась замена бронзовой головы Петра Первого, работы Фальконе, на его, Счастливчика, голову, работы скульптора Свиристели. Именно с этого момента, под грохот пушек, город менял название.

Президента так утомили дневные встречи с народом, бесконечные изъявления благодарности, запах уксуса, исходящий от женщины-полпреда Северо-Западного федерального округа, питерские чекисты, сотнями вылуплявшиеся из муравьиных яиц и тут же бежавшие представляться, что Счастливчик дождался благословенной ночи с негасимой зарей, обманул охрану и отправился гулять по городу, донашивающему свое ветхое имя, готовому взять себе блистательный псевдоним.

Он шел по призрачному городу, среди дворцов и соборов, отраженных в зеркальных каналах, не встречая прохожих, помахивая

тростью, подаренной Блейером, в набалдашник которой был вставлен крохотный передатчик фирмы "Филипс", остановился перед Медным всадником, всматриваясь в своего предтечу.

Каменная глыба, отломленная от карельского фьорда, была в строительных лесах. Царственный наездник с простертой рукой, вздыбленный конь, придавленная копытом змея были окружены легкой арматурой, по которой утром поднимутся скульпторы и рабочие, алмазной фрезой отпилят голову императора и приставят к срезу голову Счастливчика, накладывая незримый шов, как если бы это был академик Шумаков, пришивающий один орган на место другого. История России была чревата взрывами, головы то и дело отлетали, и искусные реаниматоры пришивали к обезглавленным туловищам новые головы, краше прежних.

Счастливчик осторожно полез на стапели, вдоль конского бока с набухшей бронзовой жилой, достиг плеча, откуда простиралась могучая рука с растопыренной дланью, слегка запыхавшись, остановился перед огромным лицом с кошачьими усами, выпученными глазами и яростно сдвинутыми бровями. Щеки были покрыты зеленой патиной. В усы набилась пыльца цветущих каштанов. На венценосном челе белели следы голубиного помета. Но в целом лик царя был прекрасен. От него исходили вдохновение и державная мощь. И это вызвало в Счастливчике легкое раздражение, которое сменилось чувством превосходства над медным неживым истуканом.

- Ну что, брат, не сносить тебе головы на плечах… А как известно, снявши голову, по волосам не плачут, - с этими словами Счастливчик постучал тростью по бронзовым локонам и лавровому венцу. Звук получился гулкий, колокольно-медный. - Я оказался прозорливей и умнее тебя. Ты рвался как сумасшедший в Европу, строил флот, создавал войска, чтобы добиться благосклонности англичан и немцев, а я пустил блок НАТО в центр России, и Европа оказалась у нас в желудке. Ты совершенствовал нравы, насаждал науки, внедрял образование и искусства, а мне друзья, Буш и Блейер, Ширак и Шредер, дают бесплатно за нефть и газ лекарства от насморка, цветные презервативы, голливудские фильмы и газонокосилки. "Все отдать, чтобы все иметь", "Все потерять, чтобы все обрести", "Все рассыпать, чтобы все собрать", - это вершина новой политической

философии, и она достигнута не тобой, а мной!.. - Эти слова Счастливчик произнес высокомерно, объясняя бронзовому императору, почему время того истекло и наступило время Счастливчика, о чем и прогремят пушки, когда солнце засверкает на золоте Исаакиевского собора и Медный всадник с лицом Счастливчика станет главным символом города Глюкенбурга.

С этой горделивой и высокомерной мыслью Счастливчик легонько ударил тростью по щекам императора, соскребая медную окись.

- Я лучше тебя… - ткнул в усы, прочищая бронзовую щетину от сора и цветочной пыльцы, - умнее тебя… - постучал по лбу, стряхивая голубиный помет, - храбрее тебя…

Повсюду звук был приятный, свидетельствовал о внутренней полости, о высоком качестве сплава, в который, по-видимому, для густоты колокольного тона добавляли серебро. Уже воображал голову царя в своем саду, в резиденции "Бочаров ручей", где пройдут встречи с лидерами ведущих стран мира, и они всей "восьмеркой" станут пить холодное пиво, чокаясь кружками о медный лоб императора.

- Я мудрее тебя… - Счастливчик сунул конец трости в расширенную ноздрю всадника и пощекотал. И вдруг бронзовая ноздря дрогнула, налилась живой розовой плотью. Нос сморщился и громко чихнул. Мокрый свистящий вихрь сдул Счастливчика. Он полетел с лесов, шмякнулся больно о землю и, задирая лицо, увидел, как затоптался на гранитном утесе оживший конь, как всадник, отирая рукавом растревоженный нос, шлепал конягу по крупу, разглядел лежащего ниц хулителя, что-то громоподобно и бессловесно рявкнул с небес, направляя коня вниз, с гранита, на ужаснувшегося Счастливчика. Всей тысячетонной мощью конь спрыгнул на землю, так что асфальт пошел трещинами до самого Исаакия, тяжело танцевал на месте, не умея попасть копытом в крохотного, комарино-тонкого Счастливчика. Пользуясь своей малостью, увертываясь от гиганта-коня, Счастливчик кинулся наутек, слыша, как топочет следом конь, словно тысяча разбуженных колоколен.

Бредом казался бег среди белой ночи, когда вдали озаренных проспектов стояла недвижная бледно-розовая заря, окна дворцов вспыхивали, словно слюда, Нева огромно отражала белое небо, переливалась нежной лазурью, а он убегал от топота разгневанного всадника. Грохот за спиной не стихал, был похож на лавину камней. На

Невском проспекте, у Гостиных рядов, Счастливчик обернулся: на заре, не отбрасывая тени, тяжелым наметом мчался медный разгневанный Петр. Следом, сорвавшись с пьедестала, мчался царь Николай, в кирасе, с грозным лицом, от вида которого, не дожидаясь виселицы, погибли все декабристы. За ним, тяжелый и грузный, словно гора, скакал Александр Третий, чей грохочущий топ улавливали сейсмические станции соседней Швеции. Не отставая, среди конских скачущих ног стелились гибкие сфинксы, неутомимые как борзые собаки, прыгали китайские львы, вываливая мокрые языки. Над ними с тоскливым клекотом летели грифоны, растопырив звериные когти, предвкушая добычу. И в конце кавалькады, поспевая за жеребцами и сфинксами, подскакивал на дутых колесах разболтанный броневик, и Ленин, вытянув руку, повторяя петровский жест, указывал на жалкого беглеца.

Его настигли на Мойке, у самого дома Пушкина. Падая, готовясь погибнуть, Счастливчик успел заметить, как откинулась штора на втором этаже усадьбы, выглянула проснувшаяся заспанная Натали, в чепце и ночной рубашке. Обернулась в глубину спальни и кому-то сказала: "Это снимают фильм по твоей поэме". Страшная тень нависла над Счастливчиком. Мелькнуло взбухшее, екающее селезенкой брюхо. Конь промахнулся копытом, и на голову Счастливчика, подтверждая данное ему народом прозвище, упало огромное горячее яблоко конского навоза, погребло с головой.

Он забился в его рыхлую глубину, слыша, как удаляется жуткий топот. Находясь в мягкой тьме, окутанный паром, непереваренными зернами овса, зеленовато-желтой смесью желудочного сока и пережеванных стеблей, Счастливчик понял преимущества навозного жука, обретающего в помете одновременно столовую и спальню. Скрытый от врагов, имея в избытке вкусный и полезный корм, жук переживает многих. Когда другие расклеваны птицами, или изломаны бурей, или погибли от голода, он вылезает наружу, повзрослевший, упитанный, исполненный жизненных сил, в нарядных синеватых доспехах.

Однако ощущение удачи длилось недолго. Он вдруг ощутил, что мягкий, влажный навоз начинает твердеть, бронзовеет, остывает как слиток, утрачивает вязкость, сковывая движения, превращаясь в бронзовое яблоко с медно-зеленой патиной. Он, Счастливчик,

оказавшись в сердцевине этого яблока, запаивается в нем, становится частью тяжелого слитка. Это ужаснуло его. Что было мочи он стал выкарабкиваться, высовываться наружу, в спасительный воздух, под негасимую зарю, уже по пояс был снаружи, но ноги, схваченные твердеющим металлом, держали его. Ему грозило превратиться в памятник, подобный тому, что в Москве изваял Кербель Марксу, где фигура по пояс вырастает из постамента.

- Помогите!.. - крикнул он жалобно, озирая пустые улицы, фасад ампирной усадьбы, за окном которой скрылась сонная Натали. Но она уже спала безмятежно в объятиях поэта. - Спасите меня!..

Чудо свершилось. Мимо мчалась крытая карета. Кучер остановил лошадь. Дверца распахнулась, и офицер в форме фельдъегеря спрыгнул на мостовую, наклонился над Счастливчиком.

- Вы мне посланы Богом!.. - Счастливчик ухватился за протянутую руку. Фельдъегерь помог ему выбраться, поставил на землю, отряхивал помятое платье.

- Мы с вами где-то встречались?.. - потрясенный и благодарный Счастливчик всматривался в лицо избавителя.

- А то нет!.. - тонко улыбался офицер. Изумленный Счастливчик признал в нем опального олигарха Березовского, с кем произошла у него досадная ссора, после которой тот был вынужден уехать в Лондон.

- Вы?.. Борис?.. Вернулись?.. Само Провидение!..

- Сейчас я спешу по царскому неотложному делу, но мы непременно встретимся в самое скорое время и переговорим… - офицер приподнял шляпу, нырнул в коляску и укатил, оставив спасенного Счастливчика рядом с застывшей бронзовой кучей.

Однако рано было пить кофе со сливками… Набережная Мойки загудела так, что вода в реке заплескалась. Мимо Конногвардейских казарм, возвращаясь, неслись венценосные всадники. За ними яростным табуном, стократ усиливая грохот копыт, мчалась квадрига, соскочившая с арки Главного штаба, а также кони Клодта с Фонтанки, разорвав поводья изумленных юношей.

Число сфинксов оставалось прежним, но непомерно возросло количество львов, спрыгнувших с ампирных ворот, соскочивших с торжественных постаментов. Иные из них толкали перед собой каменные шары, и те, словно ядра, подскакивали, вышибая искры из

мостовой. Все это дикое скопище мчалось на Счастливчика. Слегка приотстав, гремел рессорами роковой броневик, крутя башней, расстреливая в упор окна особняков и дворцов. Ленин, щуря зоркие, ласковые для рабочих и грозные для дворян глаза, указывал место, где притаился Счастливчик.

И тот не выдержал ленинского взгляда и побежал: то оказывался у Храма-на-Крови, который вонзал в него шипы и иглы своих разноцветных чертополохов, то пересекал Марсово поле, и каштаны прижигали его своими раскаленными соцветиями, то перебегал разводной мост, успевая перепрыгнуть с одной возносимой платформы на другую, видел, как темными силуэтами на заре переносятся в воздухе гневный Петр, неумолимый Николай, упорный и неотвратимый Александр, а также вся свора львов и собак, грифоны с растопыренными перьями и опущенными, как у "мессершмиттов", ногами, неотступный броневик с водителем-пролетарием и мстительным гением Революции.

На набережной у костров сушили мокрые потрепанные в походах мундиры солдаты Семеновского и Преображенского полков. "Кто штык точил, ворча сердито, кто заплетал косичку, кто кивер чистил весь избитый…", кто делился с товарищем последней сигаретой "Мальборо". Им предстояло скорое выдвижение - одним на Полтавскую битву, другим на штурм Нарвы. Как всегда, было вдоволь патронов и не хватало продовольствия. Они увидели Счастливчика.

Злобный капрал поймал его за ногу, поднял и показал остальным:

- Вот он, ядрена вошь, кто разгромил победоносную армию батюшки Царя!.. Солдаты голодают… Вместо филе их кормят дефиле!.. А ну, молодцы, покажем ему, что значит "запахло порохом"…

Дружно взялись показывать, привязали к бревну, положили между ног круглую стальную бомбу, начиненную порохом, запалили бикфордов шнур, отошли в сторонку.

Счастливчик с ужасом смотрел, как у него в паху круглится жуткое пороховое ядро с шипящим шнуром, который все укорачивается, пропуская сквозь себя колючую бенгальскую звездочку. Шнур, на который смотрел Счастливчик, был, с одной стороны, артиллерийским запалом, а с другой - руководителем рок-группы "Ленинград".

К последнему и обратился с мольбой Счастливчик:

- Шнур, спаси!

Но тот продолжал шипеть, рассыпая белые колючие искры. И Счастливчик приготовился к смерти, стараясь пошире раздвинуть колени.

Вдруг появился интендант, грузный усач, пахнущий за версту луком и голландским ромом, сидя на телеге, где стояло огромное дубовое корыто с солониной, обратился к солдатам:

- Эй, служивые, эдак вы ему шкурку попортите… Давайте мне его живьем… Я его цирковому ремеслу обучу и стану в балагане показывать.

- Что дашь за зверушку? - поинтересовался капрал.

- Три пуда солонины…

Ударили по рукам. Солдаты меткими плевками загасили шнур, развязали Счастливчика и отдали интенданту. Тот уложил его в корыто, где огромными ломтями лежало свиное сало, посыпанное крупной желтоватой солью, накрыл другим пластом. Телега тронулась. Счастливчик лежал в свином сале, которое набивалось ему во все дыры, помаленьку пропитывался солью и думал: "Нет, Господь не отвернулся от меня… Значит, Россия жива!.."

Телега стала. Верхний, тяжелый как плита, слой сала откинулся. Счастливчик залипшими свиным жиром глазами увидел, как интендант отклеивает усы, устало сдирает парик. Знакомое лицо Березовского наклонилось над ним:

- Понимаю, голубчик, в сале лежать - не подарок. Зато не тряско…

- Как мне благодарить вас, друг мой, - Счастливчик поднялся из корыта. - Я ваш должник до следующего переизбрания…

- Дожить бы надо, - устало ответил Березовский, которому, по всему было видно, изгнание шло не впрок. - А что касается Романа Абрамовича, так лучше гнал бы ты его в шею… - И телега, стуча ободами, укатила к Васильевскому острову.

"Что сие значит?.. Уж не сон ли это?.. Уж не финский ли древний колдун навевает свои чары?.." - только и успел подумать Счастливчик, как жуткий грохот каменных и бронзовых ног, железные храпы и медные огнедышащие вздохи стали приближаться. И уже появлялась над Васильевским островом громадная, словно непальская гора Катманду, статуя царственного исполина, раскрывала над Счастливчиком гигантскую длань, желая прихлопнуть его как комара.

"О ночь мучений!.." - подумал он и пустился наутек.

Ростральные колонны вылили на него голубые потоки горящего пунша. Снова Невский проспект, пустынный, без единого "мерседеса", с растяжкой на желтой заре, где читалась надпись: "Город счастья - Глюкенбург". Казанский собор был заперт и не мог служить убежищем. А монументы Кутузову и Барклаю де Толли разом отвернулись от Счастливчика, когда он обратился к ним за помощью. Неведомо как вновь он очутился на набережной Невы, где дымили костры, кипела смола и готовый к спуску фрегат стоял на верфи, источая запахи дегтя, пеньки, струганой сосны, великолепный и грозный со своими мачтами, подвязанными холщевыми парусами, бортовыми орудиями и золоченой грудастой бабой на носу, похожей на голую женщину вице-спикера.

- Эге!.. - воскликнули мастера-корабелы, увидев павшего в изнеможении Счастливчика. - Оно нам и нужно было, свиное сало… Положим-ка его на полозья, чтобы ловчее фрегату скользить…

Подхватили Счастивчика, снесли к воде, где в Неву опускались струганые брусья и нависало подбитое клиньями крашеное днище фрегата, положили под днище для уменьшения трения.

- Так-то лучше… Плесни-ка трескового жира ковшей пять, оно и пойдет как по маслу… - приказал Генеральный конструктор МПО "Рубин" работавшим у него на подхвате плотникам-поморам. Те бойко похватали ковши, черпали из бочек рыбий жир, щедро поливали сходни и привязанного к ним Счастливчика. Тот задыхался в потоках мутного зловонного жира, который затекал ему за шиворот, склеивал волосы, наталкивался в ноздри, пропитывал одежду.

"За что?.." - только и мог он думать, чувствуя, как расплескивается на лице очередной ковш липкой жижи, пахнущей так же, как пахла Дума, когда принимала закон "О продаже земли".

- А на хер вам шматок поросячьего сала!.. При спуске на воду перекосит корабль!.. Перед батюшкой-царем отвечать!.. - эти слова произнес старый шкипер из Роттердама, принимавший готовый фрегат.

Поморы призадумались, потерли шеи, поскребли затылки, отвязали Счастливчика и кинули на песок.

Голландский шкипер подобрал его, оттащил подальше от голодных, рыскающих по берегу собак, и родным голосом

Березовского, не ставшего снимать напудренный пышный парик, произнес:

- Простите им рыбий жир… Конечно, не шоколад, зато хорошо от рахита… - и удалился, где уже скрипела и дымила сходящая на воду блистательная сорокапушечная громада.

Недолго Счастливчик пролежал на песке без дела. Его окружила шумная толпа разодетых прекрасных женщин: широкие кринолины, узкие костяные корсеты, пышные, стиснутые вырезами груди, завитые локоны, венские кружева, английский атлас, французский бархат, драгоценные украшения, вкуснейшие благовония, которыми дамы то и дело обрызгивали себя из маленьких стеклянных флакончиков.

- Ах какая забавная механическая кукла!.. Видимо, изделие искусного мастера Краузе, что недавно утонул в Фонтанке…

- Изрядно смердит…

- Ах, это ничего… Мы его живо отмоем… Покуда наши мужья жрут водку и курят табак с этим несносным Лефортом, кукла механика Краузе будет нам невольной отрадой…

С этими словами прекрасные дамы повлекли Счастливчика в баню. Они сбросили с себя шелка и атлас, стянули пикантные кружавчики и полупрозрачные нижние юбки. И Счастливчик оказался среди пышной сдобы, плещущей белизны, мягких, колеблемых грудей, подрумяненных ягодиц, страстно вздыхавших животов, упавших на полные плечи распущенных волос, обилия темных и золотистых зверьков, свернувшихся у входа в невидимые норки. Проказницы и кокетки повлекли Счастливчика в парную, кинули на влажные теплые доски, стали окатывать ковшами кипятка, повизгивая и отскакивая от огненных брызг, плескали на раскаленные камни ковшики влаги и совали Счастливчика в шипящий взрыв пара, зажимали между розовых колен и терли что есть силы мочалкой, охаживали березовыми вениками, поворачивая с живота на спину, водя от пяток до макушки обжигающим шелестящим ворохом, делали массаж. Одни нежно пощипывали, другие, наклонясь, вели вдоль спины повисшими, литыми грудями, третьи начинали щекотать, доводя до колик. А одна баловница-фрейлина разлеглась, разметалась на дубовой полке, посадила Счастливчика себе на живот и стала его подбрасывать, так что несчастный издал металлический хруст, будто и впрямь был

сконструирован немецким механиком и теперь в нем лопнула какая-то хрупкая пружинка.

- Бабы, он чист как сапфир и пахнет можжевельником… Давайте его по очереди оприходовать… Первая, как водится, графиня Толстая… Вторая - княгиня Меньшикова… А уж я, Опраксина, в третий черед…

Они стали серьезными, насупились, выстроились в длинную очередь и были недалеки от исполнения своих намерений.

Но банная дверь растворилась, и в облаке пара возник гофмейстер двора Его Императорского Величества:

- Что надумали, суки!.. А вот я вас сейчас всех в смолу да в перья!.. Давно в Петербурге не видывали этаких кур!..

Женщины с визгом выбегали из парной, торопливо облачались в придворные наряды, втыкали в волосы костяные гребни, хватали веера и, обмахиваясь, чинно шли по набережной, делая вид, что обсуждают придворные новости.

Гофмейстер, оказавшийся Березовским, кинул Счастливчику белые порты и рубаху, липовые крестьянские лапти:

- Конечно, не от Версаче, но в вашем положении выбирать не приходится…

В таком облачении он и попал в "гнездо птенцов петровых", крепко накуренных и наспиртованных, находившихся на грани буйной ссоры. "Здесь были все - и Шереметьев благородный, и Брюс, и Боун, и Репнин, и счастья баловень безродный, полудержавный властелин", и, конечно же, Шафиров, и Толстой, и Небольсин, и арап Петра Первого, чернолицый Ганнибал, ссорились и бранились, разделившись на питерских "чекистов" и московских "волошинцев", решали, следует ли применять к мятежным стрельцам смертную казнь или воздержаться от оной перед вступлением в Совет Европы.

- Вот он, стрелец поганый! - указал на Счастливчика Шереметьев благородный. - Казнить его!.. Сам ему на плахе башку отрублю как кочету!..

- Может, лучше повесить? - засомневался полудержавный властелин. - Больно хорошо висят стрельцы. Солнышко их иссушит, и они как флаги трепещут…

- Я бы его по горло в землю зарыл и рядом кружку воды поставил… Знал бы, шельма, как бунтовать, - заметил Репнин,

большой любитель земляных работ.

Все это были "чекисты". "Волошинцы", выходцы из Европы, судили иначе.

- Дать ему сто плетей, - высказался Брюс. - Мы ему дадим плетей, а Европа нам даст технологии. Мы в них крайне нуждаемся…

- Не стал бы его казнить… Яйца отрезать, и все… Попробуй-ка побунтуй без яиц… - сказал Ганнибал.

- Казна пуста, господа! За десять гульденов продадим его в Амстердамский зоопарк, где давно ждут зверя русских лесов… - произнес Шафиров.

Все заорали, повскакали с мест. Небольсин выстрелил в потолок из пистолета. Толстой пошел на Счастливчика с топором. Не ведомо, как бы все разрешилось, если бы не появился прихрамывающий от подагры Лефорт. Парик его был сбит. Морщинистое лицо покрывала желтизна. Из трубки сыпался огонь.

- Забираю его в Лефортовскую тюрьму. Он на Царя недоброе умыслил, - с этими словами Лефорт схватил Счастливчика за шиворот и выволок наружу.

- Ох устал я вам помогать… - произнес Березовский, выплевывая изо рта мерзкую обкусанную трубку. - Ведь вам не расквитаться…

- Вернись в Россию!.. - возопил Счастливчик. - Христом Богом молю… Без тебя пропадаю…

- Увы… Не имею гарантий… Не хочу идти тернистым путем Гусинского… - и скрылся, как призрак белой ночи.

Грохот бронзовых коней, лай каменных собак, клекот грифонов, к которым присоединились все крылатые Ники и дующие в трубы богини, гуляли за близкими фасадами дворцов, словно гроза. Сквозь перекаты грома мелко и пугающе била дробь пулемета. Спасаясь от преследователей, Счастливчик вбежал в Летний сад, где повсюду с презрением взирали на него мраморные изваяния, кинулся в Голландский домик. Дверь, по счастью, оказалась незапертой. В прихожей стояла подержанная обувь царя: огромные, потрескавшиеся ботфорты, в которых царь исходил все невские причалы, громадные туфли с медными пряжками и стоптанными каблуками, в которых тот работал на английской верфи, большие разношенные боты, предохранявшие усталые ноги царя от северной слякоти. Счастливчик

заметался в прихожей, слыша близкий бронзовый храп, кинулся в бот и забился в глубине, моля об избавлении.

И тут началось наводнение. Нева вышла из берегов, нахлынула в Летний сад. Поток ворвался в Голландский домик и смыл всю обувь. Счастливчик, засевший в боте, закачался среди мутных невских вод. "Ботик Петра… - повторял он отрешенно. - Дедушка русского флота…"

Нева носила его среди свинцовых вод, и, ужасаясь, вцепившись в край бота, он тем не менее отмечал замечательную плавучесть царской обуви, обещая Богу, если тот его спасет, поставить памятник "Ботик Петра".

"Аврора" наводила на него главные калибры, грозя устроить Цусиму. По реке, свидетельствуя о размахе несчастья, проплыли трусики балерин Мариинского театра, вставная челюсть актера Басилашвили, несколько утонувших "митьков", подмоченная репутация Александра Невзорова, записка вдовы Стеклярусовой на тувинском языке, оставленная на могиле незабвенного мужа: "Нас разделяют немеренные мили. Как я живу, тебе расскажет Эскамильо". И повсюду, среди черно-фиолетовых бушующих волн его преследовали плывущие кони, разметав по воде бронзовые и гранитные гривы. По пояс вздымались из Невы царственные всадники. По-собачьи колотили лапами сфинксы и львы. Плывущий броневик долбил из пулемета. И сквозь свист ветра Счастливчик различал гневные, как возмездие, ленинские слова: "Учитесь торговать!.."

Проплывая мимо кунсткамеры, он увидел, что там, среди раритетов - засушенных слоновьих ушей, чучела карлицы, лягушки с двумя головами, доставленной запорожцами из Чернобыля, - стоит стеклянная запаянная банка, и в зеленовато-желтом формалине, расплющив о стекло нос, смотрит его, Счастливчика, отсеченная голова, с белыми, как у вареной рыбы, глазами.

- Ваше Величество, не я, видит Бог!.. Скульптор Свиристели попутал!.. Не буду я спиливать голову Фальконе!.. Не буду переименовывать град Петра!.. Только отстаньте!..

И крик его был услышан. Кони и всадники отвернули, выбредали на берег у Зимнего Дворца, отекая ручьями. Царь Николай, не слезая с седла, стянул сапог и вылил из него воду. Ленин, стоя на башне, выжимал кепку.

Буря мало-помалу стихала. Уже не так качало. Хотя Счастливчика бил озноб, и, возможно, у него начиналась атипичная пневмония, он вдруг ощутил себя несчастным зайцем, попавшим в половодье. Его лапки и мордочка покрылись мокрой шерсткой, уши вытянулись и согнулись пополам. Он весь дрожал и попискивал. Мимо проплывали острова, и на них, тесно сжавшись, сидели другие зайцы. Все дрожали. Особенно выделялся телеведущий программы "Итоги", его мохнатую шкурку просто била дрожь. Под стать ему выглядела телеведущая программы "Основной инстинкт", чья пушистая попочка не находила себе места от страха. Дергала хвостиком миловидная дикторша НТВ. Видно, все они хлебнули горя. Только Савик Шустер удерживал озноб, сложил на груди лапки, похожий на Наполеона, стоял на берегу, всматриваясь в даль, не плывет ли кто.

Действительно, мимо плыл челн. В нем сидел мужичок в растрепанном треухе, гремел веслом. Подплывал к островам, хватал зайцев за уши, сажал в лодку.

- Цыц, косые!.. Свободу слова здесь ограничивает время и я, дед Мазай!..

Это действительно был сердобольный дед Мазай, спасавший незадачливых зайчишек. Он углядел плывущий по реке ботик Петра и торчащего в нем Счастливчика, догнал на лодке, схватил за уши и пересадил в челн.

- И то слово - "счастливчик". Кабы не я, так утоп…

Он подплыл к берегу, покрытому травой-муравой, выкидывал зайцев, и те задавали стрекача. Особенно прытко улепетывали Лобков и Осокин.

Приподнял за уши Счастливчика, заглядывая в лицо добрыми стариковскими глазами. И Счастливчик изумленно узнал в нем Бориса Абрамовича Березовского, в рваном треухе, с дымящей "козьей ножкой".

- Борис?.. Вы - мой ангел-хранитель… Нас повенчала судьба… С этой минуты мы неразлучны… Не так ли?

- Знаешь, барин, покамест ничего не могу сказать… А за гостинец спасибо… Енто мы уважаем… - он показал надкусанный ананас. - Скусно!.. Встретимся позже в Доме приемов "Логоваз"…

Оттолкнувшись веслом, Березовский уплыл. А Счастливчик очнулся в своей президентской кроватке, видя, как нежно розовеют

кремлевские стены. Ночная рубашка его была мокрой от пота. На подушке лежала живая рыбина. На полу дымилась недокуренная "козья ножка" с махрой.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Таким его и застал Модельер. Президент был похож на бумажку, которую скомкал ночной кошмар.

- Сон ужасный… - лепетал Счастливчик, прижимая голову к груди Модельера, который гладил его, ласкал, успокаивал белесый, вскочивший на темечке хохолок. - Большая вода… Куда-то плыву… Из воды выскакивают огромные страшные рыбы…

- Рыбы - это к проблемам… - задумчиво произнес Модельер.

- Какие проблемы? - тоскуя спросил Счастливчик. - Ты сказал, что все готово к венчанию. Состоялось помазание. Завершен исполинский монумент нашего несравненного Свиристели. Лидеры "восьмерки" готовы приехать в Москву. Космический челнок "Колумбия" патрулирует над Россией, пресекая любую возможность международного терроризма. Патриарх приготовил венчальную речь, изящно вплетя в нее строки из пушкинского стихотворения "Памятник". Папа Римский делает специальную гимнастику, чтобы у него хоть ненадолго разогнулась скрюченная шея. Еще не написан венчальный гимн, но наш знаменитый гимнописец уже подготовил слова, и мне эти слова понравились, за исключением слова "хмырь". Какие еще проблемы?

- Все так… Но в городе объявился Праведник… Проповедует на рынках, в очередях, на Лобном месте и смущает народ… Поползли слухи… Стал колебаться твой рейтинг… Мы не можем его изловить, ибо он находится в асимметричном, по отношению к нашему, мире. Магическая призма не достигает его лучами. Он воскресил девочку, которую мы принесли в жертву нашему божеству, и это почти свело на нет мистический ритуал помазания. А что, если он воскресит Мэра?.. Плинтуса?.. И банкира Роткопфа?.. И Фюрера?.. И Предводителя?.. Тогда случится неслыханный бунт, поставит под угрозу все наши начинания. Мы должны одолеть Праведника! Метафизика, как я не устаю повторять, это - борьба начал…

- Что ты задумал? - испуганно встрепенулся Счастливчик. На его тонкой шее забилась нежная голубая жилка, а в темени, под ладонью Модельера, открылся родничок. - Снова что-то ужасное?

- Я тебе изложу мой замысел, но прежде пусть войдет художник и сделает тебе педикюр. Я сам выбирал орнамент, для чего весь вечер просидел над атласом "Гербы городов России".

Вошел мастер миниатюр из подмосковной деревни Федоскино, славной своими лаковыми росписями. Он был белокур, стрижен под горшок, лоб охватывала золотистая ленточка, косоворотка была красного цвета в белый горошек. Он принес с собой краски и тонкие кисти, укрепил на лбу увеличивающий окуляр, нацелив линзу на выставленную из-под одеяла ногу Счастливчика, открыл несколько баночек, и в спальной приятно запахло лаками.

- Придерживайся моих рекомендаций, - приказал мастеру Модельер. - Сегодня у Президента встреча с некоторыми губернаторами. Она состоится в формате "без обуви". Пусть губернаторы видят, что их проблемы понятны Федеральному Центру.

Мастер покрыл ровным алым лаком оба ногтя на больших пальцах Счастливчика и на алом поле нарисовал золотых двуглавых орлов - символ централизма. Другие ногти покрашены голубым, зеленым, пурпуровым, золотистым, и на них тончайшей кистью выводились гербы сибирских, поволжских, северных и уральских городов, чьи губернаторы, босые, с хорошо промытыми ногами, предстанут сегодня перед Президентом, обсуждая насущные дела провинций. Все восемь пальцев были украшены драгоценными лаковыми миниатюрами, каждая из которых символизировала богатство края, процветавшие в нем науки и ремесла. Над всем разнообразием земских гербов главенствовали два имперских золотых орла, шевеливших крыльями, когда Счастливчик двигал пальцами. Модельер любовался работой мастера, поймав себя на мысли, что хорошо бы снять эти ногти с ног и разместить в Музее русской миниатюры, а мастеру, чтобы избежать подделок и копий, навсегда запретить работать или даже выколоть глаза в Центре офтальмолога Святослава Федорова.

Когда мастер, похожий на Иванушку-дурачка, собрал свои инструменты и вышел, Модельер продолжил прерванный разговор:

- Мы должны принести новую ритуальную жертву, такого масштаба, такой метафизической мощи, чтобы восстановить магическое поле, поколебленное Праведником. Черная месса, которую мы отслужили в московском Храме Соломона, почти утратила свою

чудодейственную силу. Мы должны вновь возжечь до неба прозрачно-фиолетовый пламень, чтобы в его охранительном жаре ты мог венчаться на Царство. Этой жертвой мы вышвырнем Праведника из Москвы и расчистим путь к твоему торжеству, восславим наших земных и подземных богов, сделаем необратимой космическую реформу Земли.

- Что ты имеешь в виду? - ни жив ни мертв вопрошал Счастливчик.

- Мы должны испепелить большое количество людей, собрав их в едином месте: в Большом театре, или на стадионе в Лужниках, или в Концертном зале "Россия". Их одновременная гибель, совершаемая под наши священные песнопения, заново наполнит серебряную ритуальную чашу, опрокинутую Праведником. Вместе с погубленными людьми погибнет Тайна, о которой ты не догадываешься, но которая над тобой тяготеет: тайна, дающая людям ключ к твоему устранению, тайна, которая, испепелившись, дарует тебе безмятежное царствование…

- Нет!.. - воскликнул Счастливчик. - Снова кровь!.. Снова убийства!.. Ты не можешь без крови!.. Ты - саблезубый тигр!.. Я отказываю тебе в праве убивать!.. Больше не будет крови!..

Счастливчик заметался по комнате, ударяясь о золоченую мебель, о кровать с горностаевым балдахином, о ночную китайскую вазу с фарфоровым драконом, словно рвался на волю.

- Я положу предел твоей жестокости! - властно воскликнул Счастливчик. - Хватит крови! Я издам президентский указ об отстранении тебя от должности, призову на твое место Березовского, который был мне явлен во сне!

- Ты не веришь мне? - горько, с печальным лицом, произнес Модельер. - Не веришь в нашу любовь и дружбу? Устал от меня? Желаешь избавиться? Я безропотно уйду хоть сейчас, но прежде ты должен узнать Тайну, наедине с которой я оставлю тебя… Прошу, оденься, мы едем…

- Куда?

- В секретный отдел спецслужбы "Блюдущие вместе"…

Этот тайный отдел, о существовании которого не знали даже самые высокопоставленные чины безопасности, располагался в Москве, недалеко от Тверской, и был замаскирован под заурядную

забегаловку с ухарским названием "Рюмка водки". Туда подкатил лимузин, из которого вышли Счастливчик и Модельер, оба в женских платьях, загримированные под известных московских писательниц Дашкову и Донцову, неразлучных и столь плодовитых, что в некоторых случаях они были вынуждены печататься под псевдонимами Маринина и Улицкая.

В забегаловке было немноголюдно. Среди посетителей выделялся писатель Сорокин, автор нашумевшего текста "Мерзлая вода", его неизменные издатели из "Ад Маргинем". У обоих на лбу красовалась эмблема издательства - голенький пузатый человечек с лицом Ясперса. Тут же восседал грузный Проханов, весь увешанный мешочками, на которых химическим карандашом было выведено где - "сахар", а где - "гексоген". Сорокину подавали на тарелке заказанное им блюдо, напоминавшее баварские колбаски, политые томатным соусом. Однако пахли они далеко не копченостями. Сорокин втыкал в колбаску вилку, отрезал мякоть ножом, совал себе в рот, с аппетитом разжевывал.

Издатель Иванов с изумлением смотрел на любимого автора:

- Вот уж не думал, что для тебя правда жизни настолько совпадает с правдой искусства…

Проханов между тем совал чайную ложечку в один из мешочков с надписью "гексоген", подсыпал белый песок в кофе издателю Котомину, который был известен тем, что беспощадно правил прохановские тексты.

Молодой издатель пил кофе, а Проханов недоуменно бормотал:

- Не понимаю, почему не взрывается… Опять, гады, перепутали взрывчатку и сахар…

Счастливчик и Модельер раскланялись с литературным застольем и прошли за перегородку в тайную дверь, которая бесшумно затворилась за ними, оказались в подземном зале, среди гранита и нержавеющей стали, напоминавшем станцию метро "Маяковская".

Здесь их встретил распорядитель, который в миру был известен как тележурналист Крокодилов, автор программы "Минет истины", на деле же - тайный агент спецслужбы "Блюдущие вместе". Именно ему Модельер поручал вести изощренные информационные войны с противниками Президента. Крокодилов, используя новейшие достижения парапсихологов, методы технотронного зомбирования, добивался от зрителей обожествления Счастливчика, в результате чего

юные девы сотнями бросались с Крымского моста, а престарелые актрисы, глядя на изображение Президента, испытывали сладость в нижней части живота, где, казалось бы, давно поселились лишайники. Ему же, Крокодилову, Модельер сбрасывал секретную информацию о тайной партийной кассе коммунистов, о миллиардах долларов, спрятанных в офшорах Кипра, об алмазном колье, в котором разгуливает на кухне жена главного коммуниста, о золотых ступенях, которые ведут в резиденцию КПРФ и которые прикрывают дерюжкой в дни, когда приходят рядовые члены партии.

Крокодилов имел аппетитные пухлые щечки, за которые его потрепал Модельер, и лукавые блестящие глаза, повторявшие своей формой замочные скважины.

- Проведешь нас в отделы "А" и "Б", а затем в отсеки "Альфа" и "Бета". В книге посетителей мы не значимся. О нас никому ни слова, иначе в твои зенки вставят ключ и провернут… Понятно?

- Так точно!.. - был ответ, и они двинулись по секретным лабораториям ФСБ.

Это были стерильные, без теней, помещения, озаренные негаснущим млечным светом, казалось бы, не имевшим источника. Все было светом, светом разума, оснастившего ФСБ изумительными открытиями и изделиями.

Здесь были уникальные подслушивающие и подглядывающие устройства, к числу которых принадлежала натуральная блоха, оснащенная в тульском конструкторском бюро миниатюрным микрофоном. Такая блоха запускалась в волосы или одежду подозреваемого, и агенту оставалось только следовать по пятам объекта и записывать его тайные разговоры, включая бормотания во сне, среди которых временами раздавались охи и скрежет ногтей по коже, возникавшие тогда, когда утомленная слежкой блоха больно кусала объект.

Тут же были представлены различные экземпляры лобковых вшей с микротелеобективом. Такая живая камера слежения позволяла снимать самые интимные ситуации в жизни подозреваемого, в моменты, когда объект расслаблялся и становился предельно откровенен.

- Между прочим, - Крокодилов протягивал указку к одному из представленных, слабо шевелящихся биороботов, - именно с помощью

этой камеры были добыты уникальные съемки голого Генерального прокурора с барышнями из "Метрополя", а также - Министра юстиции, развлекавшегося в бане с девушками. Биоробот устойчив к самым высоким банным температурам, а также к толчкам и встряскам…

Соседнее помещение было секретным отделом Института русского языка. Здесь разрабатывались методики, позволявшие добиваться колоссального воздействия текстов, когда в русское написание слов незаметным образом добавлялись значки, иероглифы, символы из древних магических рукописей. Они придавали обычной речи колдовскую убедительность или неумолимую разрушительность. Именно так, с добавлением клинописных значков из "Кодекса Хаммурапи" создает свои статьи журналист "МК" Марк Немец, описывающий козни "русских фашистов". Так же, но с включением в кириллицу двух-трех иероглифов из "Книги мертвых", пишет свои обличения журналист Пожаркин, он же - Минкин.

- Эти методики, - любезно пояснял Крокодилов, - мы используем для написания ваших ежегодных посланий, господин Президент. Например, ваше недавнее обращение к Федеральному Собранию, вызвавшее всеобщий восторг, включало в себя значки, скопированные с могилы последнего императора Майя, а также некоторые символы Кабалы, встроенные в ваше обещание сделать Россию великой…

Счастливчик вспомнил, как недавно зачитывал в Кремле свое ежегодное послание и во время чтения вдруг ощутил во рту трупный запах, а также другой момент, когда внезапно его охватило безумие и захотелось запустить туфлей в чванливую физиономию лидера ЛДПР.

- В этой лаборатории мы реализуем новейшие открытия в области психологии толпы, - любезный Крокодилов вел посетителей в следующее помещение, своей чистотой и изолированностью напоминавшее инфекционный бокс. Демонстрировал миниатюрный переносной передатчик направленного действия, куда вставлялся лазерный диск с записями Аллы Пугачевой. Облучатель направлял песню Аллы Борисовны на скопление людей - на агрессивную толпу или антиправительственную манифестацию, при этом незаметно кодируя песню ревом бегемота, кашлем туберкулезного больного или выступлением в Думе Жириновского. Толпу, еще минуту назад наглую и агрессивную, охватывал необъяснимый ужас. Роняя транспаранты,

бутылки с зажигательной смесью и партбилеты, она начинала разбегаться, освобождая милицию и ОМОН от применения водометов и резиновых дубинок

- Именно таким способом удалось погасить недавние беспорядки, затеянные на стадионе "Красными ватагами" и "скинхедами". Под песню Аллы Борисовны "Мадам Брошкина" были ликвидированы Предводитель и Фюрер, - докладывал Крокодилов.

Он показывал стенд с баночками красок и специальным смесителем, позволявшим добиваться тончайших оттенков цвета. Такими тонко подобранными красками, добытыми из хитина насекомых, раскрашивались заборы, общественные туалеты, киоски, фасады домов, основания фонарных столбов, а также лица и мысли жителей небольших среднерусских городков, где давно отключили газ, электричество, не работали канализация и отопление, а жилищно-коммунальное хозяйство находилось в безнадежно-аварийном состоянии. Раскрасив определенные места в городе примерно за неделю до выборов, власти добивались того, что жителей охватывало тихое помешательство. Погибая от недоедания, утопая в нечистотах, с сосульками на носах, все как один шли к избирательным урнам и голосовали за "партию власти", включая Райкова, что не укладывалось ни в какие законы психиатрии.

- Мы уже подобрали расцветку для Колосса Московского, согласовали ее со скульптором Свиристели, и можно не сомневаться во всеобщем народном ликовании, - скромно сообщил Крокодилов.

Все это не поражало воображение Счастливчика. Об этом он знал или догадывался, участвуя в спектаклях неутомимого Модельера, каждый из которых являл чудо режиссуры, магии и научного манипулирования зомбированными массами. Тайна, на которую намекал Модельер, отсутствовала. Не стоило отвлекаться от утренних водных процедур и встречи с духовником-стеклодувом Тихоном ради этих вполне банальных безделиц. Он хотел было сказать об этом Модельеру, но набрался терпения и промолчал.

- Здесь вы узнаете секрет так называемых нераскрытых общественно-значимых убийств, - Крокодилов сопроводил их в помещение, своей прохладой, рядами столов и легким запахом формалина напоминавшее анатомический театр.

На столах, чуть белых от инея, лежали жертвы известных на всю страну заказных убийств.

Здесь были телеведущий с эффектными усами и изящными очками, застреленный в подъезде своего богатого дома; щуплый, милый на вид журналист, разорванный на клочки заминированным кейсом; известный банкир, сожженный радиацией, которая все еще пребывала в его желтом, окостенелом теле, о чем свидетельствовал тикающий счетчик Гейгера; молодой и благородный как лорд, с законсервированным румянцем, вытянулся на столе вице-мэр Петербурга; оппозиционный генерал, герой Чеченской войны, нехорошо оскалил стиснутые в последней муке зубы; словно спала, вздымая высокую грудь и наивно разведя ноги в стоптанных туфлях, женщина-демократка, которую все еще оплакивала Дума и чей красноватый, индюшачий нос долгие годы символизировал прогрессивные преобразования общества, рядом, чем-то похожий на мертвого дельфина, навек затих другой депутат-либерал, бросивший когда-то перчатку брутальному Министру обороны, на которую тот просто наехал танком.

Все они, жертвы нераскрытых убийств, озаренные мертвенным белом светом, напоминали посетителей солярия, дремлющих под прозрачными колпаками. И тут же, рядом с каждым, стояли фотографии в рамках, на которых были запечатлены исполнители нераскрытых убийств: симпатичные молодые люди с открытыми лицами, какие изображались на советских молодежных плакатах, некоторые с офицерскими погонами, некоторые в камуфляже без знаков различия. И у всех были правительственные награды. У того же, кто застрелил из снайперской винтовки женщину-демократку, на груди красовалась звезда "Герой России".

- У вас может возникнуть законный вопрос, - тонко улыбнулся Крокодилов, - над кем рыдали в многолюдных погребальных процессиях? Над кем установлены надгробья с трогательными эпитафиями? Отвечу: над точными восковыми копиями покойных. В этом - профессионализм нашей системы…

- Послушай, - обратился Счастливчик к Модельеру, который, созерцая экспонаты, был исполнен тихого ликования. - И за этим ты меня сюда звал? Все это мне известно… Все твои жуткие и великолепные спектакли, каждому из которых мог бы позавидовать

Нерон или Калигула… Но с этим теперь покончено… Больше не будет крови… Не будет нераскрытых заказных убийств… Ты должен уйти в отставку…

- Наберись еще немного терпения, - ответил Модельер, лицо которого вдруг стало беспощадным. - Мы осмотрели отделы "А" и "Б", которые, как ты знаешь, сидели на трубе. Теперь же мы попадем в святая святых, - в отсеки "Альфа" и "Бета". Там ждет тебя Тайна…

Они оставили Крокодилова. Прошли сквозь несколько стальных дверей с электронными замками, откликавшимися на звуки шаманских камланий, которые искусно издавал Модельер, миновали преграду из лазерных лучей, среди которых трепетал хрустальный шарик, погасший, как только Модельер прочитал стих из Торы, и оказались в огромном кубическом пространстве, где переливался бело-голубой мрамор и по стенам блуждали едва различимые письмена, напоминавшие прозрачные водяные знаки. Помещение было похоже на древний саркофаг, где они вдруг очутились, произнеся волшебное ключевое слово.

В стене находился большой телевизионный экран, где, с выключенным звуком, показывали очередные ролики из кругосветного турне Первого Президента России. Президент, поздоровевший, с энергичным лицом, что есть мочи деревянными ложками лупил короля Непала по голове. В следующем сюжете, уже из Голландии, он посещал фабрику молочных продуктов. Голый, залез по пояс в бак из нержавеющей стали, полный кефира, ухмылялся добродушной улыбкой, черпал горстями кефир, брызгал на собравшихся журналистов. В третьем сюжете он навещал резервацию северо-американских индейцев, в штате Мичиган, весь в орлиных перьях, в волчьих шкурах, охотился на форель, вонзая острогу в бурлящую реку.

Все эти разноцветные, жизнеутверждающие кадры возникали на мраморной стене. А под ними, на постаменте, под стеклянным колпаком, озаренный матовым светом, лежал мертвый Первый Президент, туша несвежего мяса, в зеленоватой плесени, местами взбухшая и набрякшая, местами в провалах, сквозь которые обнажились скользкие белые ребра. Из лопнувшего живота, похожие на жуткий сине-лиловый георгин, вылезли внутренности. Лицо, словно кисель, сползало с черепа, открывая височные кости и оскаленный рот. В глазницах шло непрерывное шевеление. Множество

жирных опарышей выедали мозг. Счастливчик с ужасом взирал, прикрыв рот ладонью, словно удерживал в себе душераздирающий вопль.

- Когда?..

- Он умер год назад, - ответил Модельер, изображая неподдельное горе. - Я поместил труп сюда, чтобы когда-нибудь ты его увидал. Сам же на "Мосфильме", под присмотром спецслужб, заказал сериал жизнерадостных роликов, чтобы народ видел своего Первого Президента, знал, что он жив и здоров.

- Но ведь он был мой гарант!.. Я был его преемник, и он одним своим существованием делал мою власть легитимной!.. Что будет теперь со мной?

- Теперь я твой гарант! Я делаю твою власть легитимной!

Кусок лица с верхней губой сполз с мертвого черепа, и обнажился золотой зуб, в котором Счастливчик увидал свое крохотное отражение.

- Я твой друг и твой раб!.. - Модельер страстно приник к Счастливчику. - Я твой гарант и прах с твоих ног!.. Доверься мне!.. Нам нужна последняя ритуальная жертва!.. Уверен, он бы одобрил мой замысел!.. - Модельер кивнул на мертвое тело, из которого вдруг проклюнулся синий стальной жук и тут же скрылся в гнилой мякоти.

- Нет!.. - Счастливчик оттолкнул Модельера. - Он был добрый, человечный, отзывчивый, читал наизусть стихи Мандельштама и Артюра Рембо, держал на столе книги Набокова и Мураками! Он бы протестовал!.. Повторяю, крови больше не будет!.. Я увольняю тебя!.. Пойдем отсюда!..

- Да, мы уйдем… Но еще минута терпения… Я покажу тебе твою Тайну…

Модельер толкнул замаскированную дверь, и они прошли в соседнее помещение, ничем не напоминавшее мраморный саркофаг, где они только что пребывали.

Так выглядят старые бани, облицованные ржавым, потрескавшимся кафелем, с прогнившими, капающими трубами, мутными зарешеченными светильниками под грязными потолками, из которых сквозь нездоровый туман падает желтоватый свет. Под этим чахоточным светом, на каменном склизком полу, стоял стеклодув Тихон, в своей обычной скуфейке, в клеенчатом фартуке, надетом поверх подрясника, держал знакомую большую бутыль с млечной

эмульсией, сливал ее в отверстие пола. Тут же, рядами, стояли старые эмалированные ванны, какие выбрасывают на помойки из коммунальных квартир, в коричневых болезнетворных накипях, с истертыми краями, с изогнутыми, уходящими под потолок трубами. В ванных находился желеобразный студенистый состав. В этом прозрачном застывшем растворе, словно рыбы в холодце, лежали одинаковые голые человечки, с торчащими из анальных отверстий трубками. В ванной виднелись медные электроды. Кругом вились плохо изолированные провода, подключенные к грубым допотопным амперметрам. И в этих гальванических ваннах, в голых, худых, с закрытыми веками людях Счастливчик с ужасом узнал своих двойников.

- Боже, кто это?! - едва не падая в обморок, воскликнул Счастливчик.

- Это твоя Тайна, - сказал Модельер. - Ты вынудил меня ее открыть… Ты не Рюрикович и не Рабинович… Не продолжатель династии и не безродный бомж… Не существо, рожденное от матери и отца… Ты - синтезирован с помощью токов из биораствора, из которого, как из жидкого стекла, создал тебя стеклодув Тихон! Когда под воздействием тока раствор начал густеть, Тихон вставил в комочек синтезированного вещества обычную трубочку для коктейля, следуя традициям мастеров Гусь-Хрустального, выдул тебя как бутылку, а затем еще двенадцать таких как ты, используя в качестве образца рисунок Диснея… В этом смысле, Тихон - действительно твой духовный отец… Ванна, где ты лежал, является материнским лоном, тебя породившим, стеклянная бутыль, созданная Тихоном, в каком-то смысле - твоя родная сестра… Но ты не рожден, а создан! Посмотри, у тебя нет пупка!..

Счастливчик как заколдованный, повинуясь жесту Модельера, заголил себе живот. Действительно - пупка не было, а вместо пупочной вмятины было гладкое, покрытое рыжеватым пухом брюшко.

- А теперь пощупай поясницу, в районе копчика… Обнаружишь маленькую пипочку, куда была вставлена трубка, через которую вдувался сотворивший тебя воздух…

Счастливчик послушно приспустил штаны, завел руку за спину и нашарил твердый, похожий на автомобильный сосок, выступ.

"Боже мой, я - надувной!.." - в тоске подумал Счастливчик.

- Теперь ты знаешь свою Тайну, - жестко сказал Модельер. - В любой момент ты можешь быть диссоциирован и превращен в бесплотную муть, состоящую из капелек крахмала и жира. Вместо тебя из любой ванны я подыму любого твоего близнеца. И он станет Помазанником. Выбирай! Или остаешься верен данной мне клятве, и мы вместе пойдем к невиданному торжеству, или, пропущенный сквозь очистные сооружения, ты станешь высыхающей лужицей на полях аэрации… Ты согласен на ритуальную жертву? Я спрашиваю, ты согласен?

- Согласен, - чуть слышно произнес Счастливчик, глядя на жуткий ряд эмалированных ванн с одинаковыми худосочными близнецами. - Мы сможем сделать так, чтобы у моего прошлого не осталось свидетелей?

- Так и задумано… В огне очистительной жертвы сгорят Крокодилов, Тихон, несколько секретных агентов, участвовавших в твоем синтезе, а также группа ученых, специалистов по биотехнологиям и раковым опухолями, которые были причастны к твоему сотворению.

- Спасибо… - Счастливчик сжал Модельеру руку. Тот стал вдруг похож на Бориса Моисеева и на несколько минут припал к губам Счастливчика своими алыми, влажными устами.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Дом культуры, принадлежавший когда-то крупнейшему автомобильному заводу, где собирались на свои торжества рабочие и инженеры, а их дети справляли новогодние елки и майские утренники, где чествовали героев труда и перед наивным и верящим в коммунизм пролетариатом выступал комсомольский певец Лещенко, бодро, словно молодой жеребец, потряхивая головой при словах "Родина-мать", - теперь этот великолепный, облицованный дорогим ракушечником чертог стал собственностью знаменитого на всю Москву, доброго и просвещенного кавказца, чьи ночные клубы и роскошные казино, словно стоцветные павлины, распускали в темном московском небе свои перламутровые перья. В Доме культуры, переименованном в Дворец "Голден Мейер", размещались игральные автоматы, стриптиз-бары, боулинг, уютные интимные сауны, номера, где утомленные патриции могли уединиться с ласковыми и искусными в любви полонянками. Огромный зал, однако, не был поделен на мелкие отсеки, а был сохранен владельцем, ревнителем искусств и пламенным меценатом, для концертов всемирно известных артистов, таких как Майкл Джексон, который именно после выступления в "Голден Мейер" решил стать белым и сменить пол. Когда его спросили, какой бы он хотел выбрать пол, Майкл не задумываясь ответил: "Пол Маккартни". После чего в "Голден Мейер" был срочно вызван последний из "битлов" и - о чудо геронтологии! - дал трехчасовой концерт, на котором присутствовал сам Патриарх. Здесь же при большом скоплении духовенства, представителей элит и жутко расплодившихся нацменьшинств, устроил представление великий фокусник и маг Давид Копперфилд, который разрубил пополам красивую обнаженную дикторшу НТВ, отослал половины в два разных конца зала, а потом, получив их обратно, соединил разъятые части и станцевал с ожившей и несколько залапанной дикторшей веселый танец.

Именно в этом культовом дворце давалась премьера широко разрекламированного еще до представления балета "Лимонов", музыка для которого была написана двумя рок-композиторами по прозвищам

Австралия и Антарктида, а костюмы и декорации исполнил культовый художник, выходец из России, Микаэль Шемякер. Сам Лимонов продолжал сидеть в тюрьме вместе с товарищами по партии, которых называл "саратники", ибо местом заключения был Саратов. Им вменялась в вину попытка государственного переворота в Южно-Африканской Республике, в пользу буров. Выдали Лимонова властям буряты, спутавшие себя с белым меньшинством ЮАР и не желавшие для своего маленького, возглавляемого певцом Кобзоном народа великих потрясений. Трансляцию балета предполагалось вести по каналам Центрального телевидения и по Си-Эн-Эн, для чего в зале были установлены телекамеры. У Дворца стояли огромные фургоны с антеннами-ретрансляторами. Вся телевизионная феерия была поручена мастеру театральных трансляций, изысканному эстету и другу саратовского узника, журналисту Крокодилову, про которого злые языки говорили, что именно он навел бурятов на след своего друга. Особую пикантность предстоящему действу придавало состоявшееся накануне выступление Министра бескультурья и матерщины, который сказал: "Мать вашу, это и есть высшее проявление гребаной российской демократии!.. Этот красный Хер Гевара портит воздух в тюремной камере, а его искусство создает озон нашей национальной культуры!.. Он - в зоне, а мы - в озоне, ха-ха-ха!.."

Был аншлаг, зал был полон. Здесь присутствовали сливки арт-критики, которая еще недавно упивалась мучительной либеральной эстетикой, где господствовал голубой, венозный цвет исколотых шприцем рук. Теперь же, утомленная гомосексуализмом, проникшим из салонов в Кремль, Правительство и Государственную Думу, критика все больше склонялась к алому цвету революции, предпочитая, однако, красить в эти огненные тона не мостовые и фасады домов, а холсты картин и театральные декорации.

Здесь был средний класс, считавший для себя обязательным следить за новинками искусства, чтобы можно было во время бизнес-ланча побеседовать с другом-дилером, или приятелем-брокером, или товарищем-менеджером о замечательном балете, где рассказывается о трагической судьбе какого-то цитруса.

В партере расселись богачи и их жены, принеся в зал алмазные перстни и бриллиантовые колье, которые, по мнению ювелиров,

теряют свой солнечный блеск от долгого хранения в сейфах. Эти респектабельные буржуа страшились всякой революционности и пришли на спектакль, чтобы убедиться в невозможности восстания на площадях и баррикадах, а только в танце и музыке, куда они были готовы вкладывать деньги, одновременно субсидируя строительство тюремных изоляторов для подлинных бунтарей и смутьянов.

Явился на спектакль стеклодув Тихон, сменив ради такого случая подрясник и клеенчатый фартук на джинсовый костюм, который слегка нелепо смотрелся рядом с церковной окладистой бородой, скуфейкой и торчащей из-под нее засаленной косичкой.

Все на мгновение умолкли, повернулись в одну сторону, когда в зал вошла Аня, прекрасная в своем темно-вишневом платье, с сияющими, небесно-голубыми глазами, с золотистыми волосами, над которыми священнодействовали лучшие парикмахеры столицы.

- Кто это?! - воскликнул критик журнала "Афиша", большой ценитель подлинной женской красоты.

- Ты разве не знаешь? Это голливудская звезда Клаудио Ричи, получившая "Оскар" за лучшую женскую роль в фильме Маркуса Вольфа "Царица Савская", - с тоном превосходства отозвался критик журнала "ОМ", специалист по немому кино.

- Ну ты, критик общества глухонемых, не гони! - презрительно, со знанием дела, оборвал его обозреватель глянцевого журнала "Жалюз", где печатались тексты в виде водяных знаков и фотографии, которые начинали смотреться лишь после того, как журнал опускали в проявитель. - Это "Мисс Европа" Ева Крюгер, вышедшая замуж за греческого миллионера Аспазиса.

- Хотел бы я такую трахнуть, - вздохнул репортер журнала "Плейбой", достаточно громко, чтобы это высказывание услыхала огромного роста женщина в мини-юбке и солдатских кирзовых сапогах, сопровождавшая нежную красавицу.

Великанша наклонилась к похотливому журналисту, дохнула на него обжигающим запахом лука и креозота и сказала:

- А вот я тебе сейчас яйца вырву по самый корень! - отчего неосторожному донжуану на мгновение стало жутко.

Аня прошла к уготованному месту, потупя взор, зная, что она - пленница, что по обе стороны, на соседних креслах, сидят стерегущие

агенты и охранница с волосатыми руками, старавшаяся говорить нежным басом, не спускает с нее жестоких медвежьих глаз.

"Милый мой, Сереженька, где же ты, ангел мой?.. Отзовись из своего далека!.. Не вздумай сюда приходить!.. Они ищут тебя, хотят схватить и замучить!.." - с этими мыслями Аня опустилась обреченно в кресло и стала ждать.

Свет погас, и началась увертюра, пленительная и непривычная для слуха москвичей музыка, исполняемая на турьих рогах, на скрученных жилах носорогов, включавшая в себя крики живого, привезенного из Африки бабуина, звуки забиваемых в дубовую доску, на разную глубину, гвоздей и свист циркулярной пилы, когда та перепиливает стальной канат. Занавес поднялся, и зрители увидели фрагмент площади Маяковского с узнаваемым памятником революционному поэту. Именно здесь проходил митинг "лимоновцев", которые, все в черном, танцевали бурный танец революции, размахивали флагами, пускали в небо конфетти, серпантины и воздушные шарики, угрожая режиму восстанием. Некоторые ложились на землю, перекрывая трассы федерального значения. Некоторые опускались на ягодицы, изображая сидячие забастовки. Затем все вскакивали и несли на головах убитого в сражении товарища. Оркестр на туго натянутом высушенном хвосте кенийского козла играл "Марсельезу", "Интернационал", "Еллоу субмарин" и "Хеппи бесдей ту ю".

Публика ликовала, хлопала. Молодежь восторженно свистела. Несколько молодых людей в кожаных куртках вскочили в рядах, вскинули сжатые кулаки, выкликая партийный возглас "лимоновцев" "Да, смерть!..", скандируя: "Со-ци-а-лизм!.. Со-ци-а-лизм!.."

На сцене, в лазерной подсветке, стройный, в кожаном, до земли, плаще, поблескивая пенсне, неся перед собой черный, узкий клин бороды, появился Лимонов. Все расступились, открывая дорогу Вождю. Он шел танцуя, вставал на носки, резко поднимая согнутую в колене ногу, замирал на другой ноге, скрестив на груди руки, внезапно делал выпад в сторону того или другого соратника, указывая на него длинным перстом. И соратник падал ниц, изображая культ Вождя, слепое повиновение, готовность умереть за идею национал-большевизма. Лимонов, описывая множество танцевальных спиралей, дошел, наконец, до трибуны, вскочил на нее, встал на руки, изобразив

поднятыми ногами скрещенные серп и молот, и в таком положении произнес страстную революционную речь. При этом оглушительно ревели длинные узбекские трубы, грохотал лист кровельного железа, мелодично позванивала лопасть американского вертолета "Апач", сбитого над Басрой.

Зал, пораженный экстравагантностью балета и неистовой энергией танцоров, разразился аплодисментами.

Сидящая в партере супружеская пара миллионеров обменялась впечатлениями:

- Ося, тебе не страшно?

- Мне страшно интересно, Софа. Так вот как они, оказывается, потратили мой спонсорский взнос!

Лимонов сошел с трибуны. Все расступились, освобождая место Вождю. В круглом пятне прожектора, ярком как огненное озеро, Лимонов встретился со своей возлюбленной, совсем еще девочкой, которая протянула любимому белую морскую свинку. Девочке было всего восемь лет, она любила животных и принесла зверька из школьного живого уголка. Они стали танцевать втроем, причем морская свинка употребляла приемы классического балета - взлетала в воздух, невесомо парила, чем-то напоминая молодую Плисецкую. Это был лирический танец целомудренной любви. Лимонов скинул кожаный плащ, оставшись в одних алых плавках. Втроем, под звуки тростниковых дудок, вставленных в кузнечные мехи и исполнявших мелодию "Спят усталые игрушки…", они легли на землю. Соратники накрыли их национал-большевистским знаменем, прижали пальцы к губам, требуя соблюдать священную тишину, которая воцарилась в зале, нарушаемая рыданием старой девы из Академии наук, которую растрогала любовь жестокого революционера к беззащитным девочке и свинке.

Те же чувства испытывали миллионы телезрителей в России и за рубежом, куда антенны Си-Эн-Эн донесли прекрасную и лирическую историю любви Лимонова.

Стареющая эмигрантка в Бронксе, знавшая Лимонова в пору его американских скитаний, попивая джин с тоником перед барахлящим "Панасоником", скептически заметила:

- При чем здесь свинка!.. В скотоложестве Эдуард не был замечен… Впрочем, все его бабы, за исключением меня, были

скотскими созданиями…

Следующая сцена балета изображала танцующий ОМОН. Отряд усмирителей бунта готовился к сокрушительной атаке. Художник Шемякер, большой мастер стилистических нюансов, блистательно поработал над костюмами. Если "лимоновцы", включая самого Вождя, напоминали хрупких и энергичных комаров с изящными движениями тонких конечностей, с порывами и метаниями, как будто бы их сносил легкий ветер, то омоновцы были похожи на тупоголовых и сильных жуков. В черных, с синим отливом, куртках, в белых шлемах, с начищенными щитами, которые они подымали, как жуки подымают надкрылья, омоновцы строились в ряды, рассыпались цепью, образовывали клин, падали на колено, прячась за щиты, и при этом живописно играли мускулами, грохотали палками, бряцали наручниками. Омоновцы образовали строй, напоминавший тевтонскую "свинью". Взыграли флейты, сделанные из морских раковин. Печально завыл ветер, специально доставленный в больших целлофановых мешках из прибалтийских дюн. Под заунывную музыку из кинофильма "Александр Невский" рыцари правопорядка двинулись на возмутителей общественного спокойствия.

Тележурналист Крокодилов, когда-то работавший театральным критиком, был в восторге от происходящего. Друг Лимонов сидел в тюрьме и не мог упрекнуть его в предательстве и иудином грехе. Зато образ Лимонова был безопасен, был во власти Крокодилова, который вытворял чудеса: управлял съемкой, включал в работу то одну, то другую телекамеру, переговаривался по рации с операторами, с режиссером в студии, с кунгами стоящих снаружи ретрансляторов и при этом наблюдал за лицами зрителей, направлял объектив на пышную грудь владелицы мехового магазина в Столешниковом, на которой от дыхания шевелились и сверкали бриллианты, показывал, как целуются на задних рядах два молодых гея, и уже несколько раз останавливал объектив на прелестной молодой женщине в вишневом платье, которая, казалось, не следила за великолепным спектаклем, а думала о своем.

Последовала великолепная сцена схватки. Омоновцы, жужжа как свирепые жуки, колотя себя в грудь дубинками, выставляя вперед слепящие щиты, двинулись на "лимоновцев", рассекли их эфемерный строй железным клином, отчего отдельные танцоры-"лимоновцы",

кружась волчками, отскакивали, словно стружки от стального резца. Но разъятая толпа революционеров снова смыкались. Вновь свирепый клин, напоминавший марширующую массу скарабеев, вторгался в толпу - под музыку падающих в котел раскаленных камней, которые сбрасывали за сценой оркестранты, и под трагическое блеяние живого барана, которого резали другие оркестранты, усиливая звук мегафонами. Ужасен был танец омоновцев, избивавших упавшего борца. Неутомимо взлетали и опускались дубинки. Несчастного давили щитами. Кружась и демонстрируя бицепсы, усмирители налетали на поверженного и приемами карате наносили ему удары ногой в лицо. Зрительный зал гудел. Из рядов раздавались возгласы: "Фашисты!.. Палачи!" - это кричали молодые сторонники Лимонова. Из других рядов доносилось: "Не будете хулиганить на улицах!.. Нету от вас прохода!.." - это кричали респектабельные служащие банков, корпораций и совместных предприятий.

Все эти великолепные балетные сцены, искренние и наивные эмоции зала наблюдали Счастливчик и Модельер, сидя в удобном кремлевском кабинете, перед огромным телевизором, отпивая из высоких стаканов охлажденное "Чинзано".

- Быть может, мне следовало посетить этот модный балет, - заметил Счастливчик. - Он так популярен… Это повысило бы мой рейтинг…

- Нет, дорогой друг… Ты поступил правильно, оставшись здесь, - мягко возразил Модельер. - Не надо, чтобы тебя ассоциировали с этим экзотическим смутьяном… Мы делаем все, чтобы в общественном мнении арест Лимонова не был связан с твоим именем…

- Тогда давай его выпустим из тюрьмы! Это будет воспринято как акт моего милосердия, и мой рейтинг сразу подскочит…

- И здесь не следует торопиться, - терпеливо и вкрадчиво пояснял Модельер, гладя руку Счастливчика. - Если мы выпустим Лимонова сейчас, он, исполненный реванша, натворит Бог весть что, и нам придется его снова сажать… Начальник тюрьмы сообщает, что в Лимонове замечены медленные, но неуклонные перемены. В нем постепенно исчезает агрессивность… Он пересматривает свое отношение к власти. Становится более созерцательным… Его перестали мучить сексуальные кошмары… Он стал меньше писать… Очень похоже, что, подобно Достоевскому, он выйдет из тюрьмы не

врагом власти, а ее сторонником и ревнителем… Как знать, быть может, престарелый Лимонов примет православие и станет воспитывать твоего наследника в духе истинного самодержца…

- Все может быть, - задумчиво произнес Счастливчик.

Модельер потянулся к маленькой изящной рации, связался по ней с Крокодиловым:

- Не забывай про подсадную утку!.. Чаще, чаще показывай!..

В ответ на его приказание на экране возникла Аня, прекрасная и печальная, прижимала руки к груди, воображая, что жестокие омоновцы избивают не уличного дебошира, а ее любимого, суженого.

Тем временем в балете разыгрывалась сцена ареста Лимонова. Героя схватили и заставили раздеться донага. Он был прекрасно сложен. Длинная узкая борода спускалась почти до земли, и наглый омоновец приподнимал ее и заглядывал, нет ли там оружия и подрывной литературы. Сам же Лимонов медленно поворачивался на носках, будто стоял в витрине на вращающемся постаменте, и держал в руках брошюру "Другая Россия". Омоновцы вырвали бунтарскую книгу, стали топтать, а в отместку заставили Лимонова встать на четвереньки. Громила-омоновец, весь в черном, с ликом разгневанного негра, склонился над Лимоновым, всем своим видом показывая, что читал отдельные сцены из книги "Это я, Эдичка…".

Аня, тоскуя, смотрела на сцену. Она не понимала происходящего действа. Ей было жаль худого бородатого Лимонова, которого злые люди заставляли танцевать и подпрыгивать, было жаль омоновцев, которые могли бы изучать в университете филологию и русский язык, но, дабы прокормить детей и матерей-старушек, были вынуждены размахивать резиновыми дубинками, было жаль сидящей по соседству миллионерши в бриллиантах, которая болела неизлечимой болезнью и перед смертью торопилась показать людям свои самоцветы и золотые перстни, было жаль молчаливых ученых, похожих на стайку запуганных воробьев, особенно того, что непрерывно чесался, да и того, что прикрывал впадину посреди лица батистовым платочком, было жаль молчаливого бородатого монаха в скуфейке, которого перед входом в зал заставили снять монашеское облачение и нарядили в нелепые джинсы, было жаль барашка, которого резали за сценой, а также убитого кенийского козла, на хвосте которого играли яростный "краковяк", было жаль тележурналиста Крокодилова, - когда-то

сердобольный и милостивый, одаривал нищенок у входа в церковь, а теперь очерствел духом в услужении власть имущим, забыл, что когда-то плакал над книжицей Достоевского "Униженные и оскорбленные", было жаль себя, которую уловили, выставили здесь как приманку, чтобы ее ненаглядный Сереженька увидел ее по телевизору, пришел, а его бы немедленно схватили притаившиеся стражи.

Действие балета переместилось в тюрьму. В мрачном подземелье заключенных выводили на прогулку. Они были в ярко-оранжевых балахонах, скрывавших лица, стреножены цепями, как узники Гуантанамо, держали скрученные руки за спиной, на поводках у надзирателей, которые были одинаково черные, с намалеванными белыми ребрами и мучнистыми черепами, изображавшими смерть. Оранжевые заключенные, покачиваясь от усталости, кандально гремели цепями. А жуткие, все на одно мертвое лицо, надзиратели танцевали ритуальный танец, передавая друг другу огромный ключ, символизирующий тюремные засовы.

Следующая сцена рассказывала о свидании Лимонова с возлюбленной, которая явилась к нему в камеру в момент, когда печальный узник завершал книгу "Священные монстры". Он оторвался от писания, увидел свою восьмилетнюю подругу и неизменную морскую свинку, поцеловал сначала белесенькую острую мордочку животного, а потом, в лобик, свою милую, неутомимую в ласках девочку. Последовал танец любви. Лимонов и девочка стояли в разных углах камеры, протягивали друг к другу руки, а морская свинка носилась от одного к другому, подсвеченная лазером. Где-то за сценой звучали старообрядческие песнопения.

В зале не осталось равнодушных: кто-то тихо плакал, кто-то роптал: "В современной России чистая любовь возможна только в казематах…"

Немолодая женщина с сохранившимся культурным наследием произнесла:

- Это нынешние Ромео и Джульетта!

Ей вторила дама советского вида:

- Это - Тристан и Изольда!

- А я бы заметил, - наклонился к ним их пожилой спутник, красивший волосы хной, - я бы сказал, что это Свинарка и Пастух. Видите, свинка бегает…

Внезапно, как и все в этом экстравагантном балете, на сцену, в гнетущую атмосферу тюрьмы, ворвались яростные люди в черных масках-чулках, с автоматами. Среди крепких мускулистых мужчин, танцуя, подбежавших к краю сцены, на втором плане виднелись женщины, в длинных юбках, таких же масках, сквозь вырезы которых смотрели огненные темные глаза.

Мужчины выпустили в потолок трескучие автоматные очереди и закричали:

- Аллах акбар!..

Зал воспринял их появление как штурм американской базы Гуантанамо боевиками "Аль-Каиды", явившимися на помощь плененным товарищам.

Несколько находившихся в зале мусульман, экзальтированных балетом, повскакали с криками:

- Аллах акбар!..

Симпатизирующая "лимоновцам" молодежь стала скандировать:

- Янки, гоу хом! Со-ци-а-лизм! Лимонов - да, янки - нет!..

Буржуазная часть публики возмущалась выходкой экстремистов, сочувствовала охранникам тюрьмы, похожим на пугающие скелеты.

- Нам нужна великая Россия, вам нужны великие потрясения!.. - выкрикнул господин в жилетке со столыпинской бородкой.

- Да здравствует Шарон! - завопил банкир с бриллиантовым перстнем, которого супруга называла Осей.

В зале готова была возникнуть потасовка. Но стоящий на авансцене мужчина в маске направил автомат в передние ряды, выпустил очередь. Было видно, как брызнул мозг из головы красивой худощавой женщины, похожей на певицу Аллегрову.

И эти капли розового мозга, запятнавшие несколько рядов, веер латунных гильз, брызнувших из "калашникова", хриплый, с кавказским акцентом, рык человека: "Всем сидеть, русские суки!" - все это было натуральным, жутко выпадало из замысла постановщиков. Тем более что танцоры, изображавшие Лимонова и его малолетку, в страхе уползали со сцены, а морская свинка, пойманная за хвост женщиной в маске, визжала, не привыкшая к такому обращению.

И этот визг негодующего зверька породил истерический вопль в зале… Другой… Третий… Зрители повскакали, кинулась, давя друг друга, к выходу.

Но в дверях появился огромный, в камуфляже, детина, раскрыл сквозь прорезь в чулке красные губы и крикнул:

- Слава свободной Ичкерии!.. Отомстим за Джахара!..

Пустил поверх голов долгую долбящую очередь, отчего ошеломленные зрители попадали ниц.

Было ясно, что совершено нападение, подспудно ожидаемое, давно обещанное и все-таки непостижимое и неправдоподобное. Террористы, чей чеченский след власть обнаруживала то в дымящихся руинах московских домов, то на потолке Государственной Думы, то на своем собственном, глубокомысленном и слегка идиотическом лице, чем-то похожем на ястребиное лицо советника Президента по вопросам информации и куртуазных отношений, захватили Дворец "Голден Мейер" и не замедлили оповестить об этом заложников.

Главарь нападавших, жестоко расстрелявший первый ряд зрителей, прижал к дыре в черной маске мегафон и рокочуще произнес:

- Всем оставаться на местах!.. Мы, воины свободной Ичкерии, взяли вас в плен!.. От вашего поведения, а также от поведения ваших правителей будет зависеть, выйдете ли вы отсюда живыми или в каждом кресле будет сидеть красивый труп, в котором будет несколько дырочек!.. Меня зовут Арби!.. Ты, надувной гондон, иди сюда со своей телекамерой! - обратился он к Крокодилову, который, надув аппетитные щечки, раскрыв изумленный румяный ротик, смотрел блестящими глазками - замочными скважинами - на террориста. Услышав оклик, тотчас приказал оператору приблизить к сцене камеру, перед которой, слегка позируя, встал террорист. Обращаясь в объектив, держа автомат стволом вверх, заговорил, справедливо полагая, что его слышит вся Россия, весь мир, а также российские власти, к кому и была адресована речь.

- Мы явились сюда не мстить, но требовать справедливости!.. Мы готовы умереть, как умирали двести лет подряд наши прадеды, деды и отцы, казнимые русскими карателями и палачами!.. Но, прежде чем умереть, мы подымем на воздух не только этот развратный Дворец, но и весь близлежащий район, где проходят коммуникации газа и электричества, а также подземный канал, соединяющий метрополитен с Москва-рекой!.. Наши требования немногочисленны и просты!.. - Арби на мгновение задумался, стараясь не забыть ни одно из

требований. - Вывести все федеральные войска за пределы Ичкерии!.. Ввести подразделения армии Великой Ичкерии во все крупные города России!.. Освободить из российских тюрем всех героев чеченского сопротивления!.. Отправить за решетку всех генералов Российской армии!.. Сделать Шамиля Басаева спецпредставителем Президента России по Южному федеральному округу!.. Передать воинам чеченского сопротивления, пострадавшим в боях за свободу, наделы русских земель по сто гектар вместе с проживающими там крестьянами!.. Ввести во всех русских школах обязательное преподавание чеченского языка!.. Переименовать город Калугу в город Шамиль, а город Тверь в город Джохар!.. Провести турнир в шашки из ста партий между президентами России и Ичкерии!.. Наградить всех участников настоящего захвата орденами Андрея Первозванного первой степени!.. Заказать скульптору Свиристели памятник чеченцу-освободителю с девочкой на руках и поставить на Поклонной горе!..

Арби умолк, стараясь вспомнить, все ли требования перечислил, и поспешно добавил:

- Совсем забыл, блин!.. Пусть придут сюда Кобзон и Пугачева, попоют, а мы похлопаем!.. Для исполнения требований дается десять часов!.. Чтобы время шло нескучно, каждый час будем расстреливать по заложнику, если, конечно, не возражаете!..

Он наставил автомат в зал, поводил стволом, выстрелил, почти не целясь, в банкира Осю. Тот упал с пробитой головой. Скромный советский провизор, прилежно работавший в аптеке "Ферейн" в отделе лекарственных трав, он, при переменах в экономике, ощутил в себе гены Ротшильда, забросив лекарственные травы, сделал быстрое состояние на приватизации аптек, открыл крупный банк. И все бы хорошо, но пуля террориста пробила умную голову. Он упал раскинув руки, словно хотел обнять весь земной шар. Чеченец в маске подскочил и сорвал с его пальца бриллиантовый перстень.

- Отдайте сейчас же! - закричала овдовевшая Софа. - Это мое колечко!.. Ося мне его завещал после смерти!.. И вот она- таки наступила!..

Чеченец показал ей кулак, и Софа умолкла.

- Все оставайтесь на своих местах, курвы этакие!.. - продолжал умиротворять зал безжалостный Арби. - Входы заминированы!.. Наши

женщины, вдовы убитых русскими карателями героев, носят на себе пояса шахидов!.. Взорвут себя вместе с вами, если дернетесь, гниды!..

Женщины в масках, стройные, грациозные, пошли по рядам, страстно сверкая в прорезях чернильными глазами. Все были опоясаны пакетами взрывчатки, от которых тянулись цветные проводки, и женщины, словно четками, играли мини-взрывателями.

В кремлевском кабинете, где в окнах круглились близкие, темно-золотые, в небольших вмятинах и выпуклостях, купола Успенского собора, Счастливчик обомлел и почти утратил дар речи:

- Что это?.. В центре Москвы?.. Мой рейтинг!.. Мне нужно уйти в отставку!.. Это конец всей русской государственности, начиная с киевского периода!..

- Успокойся, мой друг, все под контролем, - Модельер, ликуя, смотрел, как разворачивается в "Голден Мейер" задуманное им действо. - Это никакие не террористы, а наши "Блюдущие вместе", действующие по моему сценарию. Это и есть та мистерия, та ритуальная жертва, которую мы вместе с тобой замыслили…

Он схватил портативную рацию и вызвал Крокодилова:

- Ну ты, Андрюха, не бзди!.. Да не Арби это, а Яковенко!.. Поступаешь в его полное распоряжение!.. Показывайте жестокости!.. Кровь, слезы, дерьмо!.. Искаженные лица крупным планом!.. И бабу, бабу показывай!.. Если нужно, ее изнасилуйте!..

Крокодилов, блистательный мастер, кинулся выполнять режиссерские указания. Это был пик его карьеры, взлет мастерства, настоящий "Минет истины", к которому он так трудно шел, порывая сначала с унизительным советским прошлым, затем с либеральными иллюзиями, изнывая в бездарных передачах, где вынужден был осуждать коммунистов и "красно-коричневых", сражаться с "русским фашизмом", пока его не позвали в святая святых, в секретные отделы "А" и "Б" организации "Блюдущие вместе". Сегодня ему поручили такое, после чего становятся посвященными одиннадцатой степени и, как минимум, получают министерский портфель. И он работал в паре с Арби-Яковенко, которому в ухо был вставлен крохотный микрофон, принимавший команды Модельера.

Началась операция устрашения. Крокодилов направлял телекамеру в ряды, вдоль которых шли террористы, лапали женщин, вырывали у них из ушей серьги, выламывая пальцы, сдирали перстни,

сволакивали с рук дорогие часы, выхватывали из карманов мобильные телефоны. Все это швырялось в мешок, который быстро наполнялся и тяжелел. При этом камера фиксировала испуганные лица, разбитые в кровь губы, окровавленные мочки ушей.

Крокодилов шел, приговаривая:

- Жестче, жестче работай!..

Объектив приближался вплотную к женщине, которую затащили в артистическую. Несколько мужиков, не снимая масок, по очереди насиловали ее… Выпученные от ужаса и страдания женские глаза… Ее голые разведенные колени… Худые ягодицы чеченцев… Их гибкие, как у ящериц, крестцы… Слюнявые сквозь прорези масок, захлебывающиеся губы…

- Дубль!.. - приказывал Крокодилов. - Вы кто, боевики или муфтии?..

В соседней комнате, превращенной в туалет, камера снимала присевших на корточки, стыдящихся своего позора женщин, опорожнявших переполненные мочевые пузыри. Тут же, стыдливые, лицом к стене, мочились мужчины-заложники.

Крокодилов понукал оператора:

- Струйку, струйку возьми!.. Дамочку покажи во всей прелести!..

В костюмерной чеченцы в камуфляже избивали танцоров, игравших ОМОН:

- Какой ОМОН, говоришь?.. Тверской, говоришь?.. Челябинский?.. Нарофоминский?.. Это вам за зачистки!.. Это вам за блокпосты!.. За Гудермес!.. За Ведено!.. - они били артистов прикладами.

Другие танцоры, игравшие "лимоновцев", испытывая "синдром заложника", желали заслужить милость мучителей, поощряли чеченцев:

- Всыпьте им хорошенько!.. Они нас на сцене били не понарошку!..

Но чеченцы начинали дубасить и их.

Зал был поражен ужасом. Все сидели вжавшись в кресла. В проходе бегала заминированная морская свинка, в поясе шахида, на котором мигали красные огоньки. Все следили за ней, ожидая, что свинка рванет.

К Ане приблизился оператор с камерой, навел яркий луч.

Крокодилов понукал оператора:

- Бери крупный план, дурила…

Чеченец в маске, дождавшись сигнала Крокодилова, схватил Аню за горло и прорычал:

- Ну ты, блядь, пошли!.. Насиловать будем!..

Аня ахнула и потеряла сознание, не видела, как жадно камера озирала ее безжизненное лицо, полуобнаженную грудь, по которой шарила грубая рука с золотым браслетом.

По Москве, наблюдавшей миллионами обезумевших глаз прямой репортаж из "Голден Мейрер", поползли панические слухи: говорили, что захвачен Кремль и Президент убит в рукопашной, защищая от иноверцев вход в Успенский собор; другие утверждали, что взорван секретный реактор Курчатовского института, размещенный в огромной голове-памятнике великому ученому, и ядовитое облако, своей формой повторяющее бородатую голову ядерного физика, движется к центру столицы; третьи рассказывали, что сами видели входящий в город авангард талибов, проделавших марш-бросок от Кандагара к Воробьевым горам; четвертые объясняли случившееся происками Лимонова, который бежал из тюрьмы и тайно вернулся в Москву.

Повсюду начались паника и демонстрации. Разрозненные группы граждан появились на главных проспектах с транспарантами "Да здравствует великий чеченский народ, строитель свободной России!", а также - "Вернем Курилы чеченцам!".

Ряд крупных либеральных политиков, еще не застреленных при невыясненных обстоятельствах, сделали заявление с требованием немедленно вступить в переговоры с террористами, выполнить все их требования, ради все той же пресловутой "слезы ребенка", которую разглядели на лице плачущей малолетки, игравшей возлюбленную Лимонова.

Модельер, хохочущий, с ярким румянцем, отбрасывая на плечи черные как воронье крыло пряди, пил жадными глотками "Чинзано", указывал бокалом на экран, где либеральный политик, ведущий свое происхождение от немцев и не оставлявший мечту хотя бы в глубокой старости, перед смертью, стать Президентом, делал заявление: "Пусть Президент, если он лидер нации, отправится в этот решающий час в "Голден Мейер" и обменяет себя на заложников!.. Что касается меня, я готов!..".

Модельер обращался к Счастливчику, который, услышав заявление либерала, выглядел подавленно:

- А вот мы сейчас и посмотрим, кто нам друг, а кто враг! Побегут, суки поганые, предлагать себя в "Голден Мейер"!

И он был прав… К Дворцу, уже окруженному войсками, сквозь оцепление солдат и милиции, протискивались роскошные лимузины с "мигалками", в которых именитые люди, желая стать еще более именитыми, отправлялись на переговоры с чеченцами, полагая, что подобным геройством добьются в народе еще большей любви и признания.

Первым подкатил упомянутый либерал из немцев, перед поездкой долго выбиравший костюм: старался быть чопорно- строгим и траурным, в соответствии с трагизмом происходящего, и одновременно - по бытовому небрежным и растрепанным, как если бы страшное известие застигло его врасплох. В итоге он облачился в черный фрак, поверх которого небрежно набросил махровый банный халат, подкатил к оцеплению, предъявил депутатский мандат, был немедленно пропущен ко Дворцу.

Чеченцы в масках встретили его у входа недоверчиво, впустили в вестибюль и пошли докладывать своему предводителю. Либерал тем временем, желая расположить к себе суровых горцев, стать читать лекцию о преимуществе либеральных ценностей, не сомневаясь, что Ичкерия, добившись независимости от ненавистной всем народам империи, пойдет путями либерализма. И тогда бесценный опыт российской демократии, провозгласившей: "За нашу и вашу свободу!" - окажется для чеченцев бесценным. Разглагольствуя, не заметил, как подошел Арби, он же агент "Блюдущих вместе" Яковенко.

- Особую неприязнь у народа вызывает наш Президент, развязавший бойню в Чечне, и его опричники "Блюдущие вместе", которые, как и их предшественники, носят у седла метлу, - тут он увидел предводителя, улыбнулся очаровательной улыбкой популярного политика и любимца дам. - Не правда ли, мой политический друг и боевой товарищ?

Арби, он же секретный агент Яковенко, никогда не любивший этого выходца из остзейских немцев, произнес:

- А вот мы тебя сейчас, кубик-рубик, разденем к ебени матери и пустим обратно в народ…

Сказано - сделано… Голый как Адам, либерал был вытолкнут из Дворца на улицу. Сердобольный чеченец, видя, как тот стесняется наготы и слегка искривленных ног, дал ему для прикрытия пустую консервную банку. Либерал ступал босыми ногами по мокрой мостовой, держал внизу у живота пустую консервную банку от ананасов. Солдаты внутренних войск оторопело взирали на голого политика с фиговым листком из консервной жести.

Вслед за неудачником во Дворце появилась энергичная, неутомимая в полемике, восхитительная женщина-либералка, которая, узнав о нападении террористов, тотчас сменила свое требование передать Курилы японцам на требование передать острова чеченцам. Об этом она и сообщила суровому Арби, пытаясь сквозь маску-чулок погладить его по голове, поймать ловкими пальчиками мочку его уха, потрепать по щечке. Это был прием, к которому она часто прибегала в публичной полемике с наивными и грубоватыми оппонентами, заставляя их уступать.

- Вам не нужно будет завозить на острова рабов с континента и повторять извилистый путь американской демократии. На Итурупе и Шикотане много бесхозных русских, от которых отказался федеральный центр. Вам только придется выкопать несколько больших зинданов, и неприхотливое русское население, решив таким образом свой жилищный вопрос, станет выращивать для вас коноплю. С радостью приеду к вам развивать малый и средний бизнес…

Арби, он же Яковенко, был скрытым русским шовинистом и не любил эту вездесущую неумолчную женщину, замеченную в связях с сектой "Аум Синрике".

- Убери руки, дура, - сказал он женщине. - А вот мы сейчас устроим тебе кота в мешке…

Женщину посадили в мешок, завязали сверху тесьмой и вынесли наружу. Солдаты оцепления, толпа с биноклями, окружившая Дворец, Счастливчик и Модельер, наблюдавшие по телевизору за "Голден Мейер", долго не могли понять, что за странный кенгуру скачет по улице, издавая из дерюжного мешка истошные крики: "Свободу малому и среднему бизнесу!.. Развяжите меня, я хочу видеть этого человека!.."

Вслед за политиками пожаловали певцы. Они услышали, что в их пении заинтересованы чеченцы и решили дать концерт из

захваченного террористами Дворца.

Первым явился певец, весь двадцатый век неутомимо певший советские песни, что привело его к тотальному облысению и заставило носить парики. Однако и в новые времена он пел до седьмого пота, теперь уже свадебные еврейские песни, и пот, который он выделял, был столь едок, что парики буквально сгорали на голове. Зная за собой эту слабость, он носил при себе маленький огнетушитель. Однако износ париков был таков, что для восполнения оных была открыта небольшая фабрика искусственных шевелюр на базе акционерного общества "Чехов", которым руководил друг певца филолог Шпицберген. Для париков использовались волосы покойников, от блондинов до жгучих брюнетов. Иногда на концертах кто-нибудь из зрителей узнавал волосы усопшего родственника, и возникала маленькая неприятность. Побывав в пасти чудовища Ненси, певец не боялся оказаться во власти чеченцев, отважно пришел во Дворец, требуя сцену и микрофон.

- Ничего-ничего… - милостиво улыбнулся он сумрачному предводителю в маске, - о гонораре потом…

Яковенко с детства не терпел этого вокалиста, больше всего на свете любившего разевать рот и изрыгать из пасти утробный рев, называя это пением. Молча, одними знаками, Арби-Яковенко приказал сообщникам содрать с певца парик, выкрасить бугристый голый череп в ярко-лазурный цвет и в таком виде вернуть толпе.

И, наконец, вечно опаздывая, в прозрачном пеньюаре и французской шляпке, в вестибюль впорхнула певица, которую еще любил слушать большой ценитель вокала Михаил Иванович Калинин. С тех пор певица почти не изменилась, изящно опиралась на костыль, показывая чеченцам голые ножки, которые так понравились американскому президенту, что их стали называть "ножки Буша".

- Не сомневаюсь, вам, суровым рыцарям гор, будет приятно послушать песню о романтической любви…

Она протянула Арби руку для поцелуя, в которой была аудиокассета с фонограммой тридцатилетней давности. Арби сквозь маску поцеловал клубок синих вен на руке певицы, сплюнул и велел тут же поставить кассету. Когда сквозь ретранслятор на весь вестибюль разнеслось: "Миллион, миллион алых роз…" - и певица, сияя голубоватыми фарфоровыми зубами, приподымая пеньюар,

изображала, как томится высоким чувством бедный художник Пиросмани, Арби выключил проигрыватель. И все услышали, как из уст певицы несется сиплое астматическое дыхание и клекот истлевших альвеол. Певица рыдала. Яковенко галантно провожал ее до дверей, протягивал забытый костыль.

Чуть успешнее была миссия врача-геронтолога со странной фамилией Ларошель, выдававшей в нем потомка гугенотов, - тех, что отражали на стенах французской крепости штурм роялистов. Ларошель чем-то сумел обворожить чеченцев, которые, в конце концов, выдали ему одного заложника, девяностодвухлетнего старика. Тот, под аплодисменты толпы, был выведен доктором из Дворца и сразу умер от старости.

Арби вернулся в зрительный зал, где изнемогали без пищи и воды заложники, и продолжил зверства: застрелил в упор арт-критика из "Еженедельного журнала", носившего фамилию, схожую с фамилией фашистского фельдмаршала Роммеля.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Плужников шел по Москве, чувствуя непомерную, случившуюся в городе беду. Злодеяние было огромно. Распутное воображение властителей, неутомимых в богохульствах и зверствах, а также неистовая алчность обитателей, падких до отвратительных зрелищ, были столь велики, что превосходили в греховности все, что попускалось людям. Терпение Господа было на исходе. Он готовил городу участь Содома и Гоморры. Уже были сформированы эскадрильи разгневанных ангелов, держащих в руках котлы с кипящей смолой и серой, ждущие приказа "на взлет", чтобы повиснуть над зубчатыми стенами Кремля и золотыми шишаками богооставленных соборов. Уже трепетали в воздухе шестикрылые серафимы, вращая четырьмя жужжащими крыльями, а двумя другими сжимая раскаленные метеориты, готовые направить их в гиблое место Земли.

Плужников шел, подымая лицо в стылое осеннее небо, откуда сеял мелкий снег, ожидая увидеть огненные траектории и пышные радиоактивные грибы, услышать истошный рев иерихонской трубы, от которого отломятся и упадут верхушки высотных зданий.

Он знал, что в эти минуты решалась судьба Москвы. Весы, на которых меряется Господом Добро и Зло, неуклонно склонялись туда, где лежали на полу зрительного зала застреленные банкир Ося и арт-критик с фамилией фашистского фельдмаршала - Роммель, где телевизионный маэстро Крокодилов, раздувая румяные щечки, снимал очередную женщину, которую азартно насиловали террористы, где бегала заминированная морская свинка, почуяв свою власть над людьми, - вскакивала им на колени, терлась о них поясом шахида, озирала злыми рубиновыми глазками.

В городе было место, где протекала последняя невидимая брань Добра и Зла, исход которой решал судьбу Москвы: по сгусткам полей, по изгибам силовых линий Плужников безошибочно определил это место - им была Художественная галерея на Крымском валу. Оттуда вырывались невидимые глазу сполохи, летели незримые молнии, раздавались неслышные обычному слуху удары и грохоты. И он заторопился туда, чтобы принять участие в смертельной схватке.

Художественные залы, по обыкновению, были пусты. Какие-то худосочные очкастые студентки с блокнотиками немощно переходили от полотен Бакста к картинам Добужинского. Дремали похожие на старых усталых лошадей смотрительницы в залах с современными умонепостижимыми художниками, такими как Тарханов или Герцовская. Вяло и бездарно поблескивали на стенах инсталляции, созданные из пластиковых бутылок, этиленовых пакетиков и хлорвиниловых жгутов, напоминавшие плавучий мусор в морском прибое. Но чем дальше в глубину галереи пробирался Плужников, тем напряженнее становился воздух, тем труднее было раздвигать его лицом, на котором начинали бесшумно трепетать электрические разряды и вспышки, как на высоковольтной мачте. Он торопился, минуя экспозиции, отмахиваясь от назойливых красок и изображений, пока не очутился в просторном безлюдном зале, где на противоположных стенах висели только две картины: "Черный квадрат" Малевича, похожий на печную заслонку крематория, и "Чаша" Поздеева, своей таинственной синевой напоминавшая прозрачный кристалл льда, - остановился, боясь пересечь черту, соединяющую обе картины, потому что эта черта была проведена в воздухе как тончайший накаленный луч лазера в снайперском прицеле, и он застал момент, когда стрельба прекратилась, чтобы возобновиться через минуту с новой силой.

Две картины в простых деревянных рамах висели одна напротив другой, и каждая была охвачена своим полем, источала свои силовые линии, была окружена своей атмосферой.

"Черный квадрат" лишь на первый взгляд казался примитивной чугунной плитой, не пропускавшей свет. На деле, краска квадрата была в бесчисленных тонких трещинках, словно разрушилась под воздействием громадных температур, и сквозь эти трещинки просвечивало багровое нутро, как прикрытый зев мартена, где кипело железо, пенились жидкие шлаки, лопались и вспыхивали пузыри газа.

"Чаша", напротив, источала свежую прохладу и прозрачное сияние ледяного кристалла, вознесенного в безоблачную высоту горной вершины, где лучи неба, проходя сквозь незамутненные грани льда, превращались в голубой пучок света, и все в этом свете обретало ангельскую благодать.

Плужников переводил взгляд с картины на картину, чувствуя, как опадает между ними пепел сгоревшей материи и утомленное схваткой пространство отдыхает последние секунды перед новым, неминуемым столкновением.

Увидел, как холст "Квадрата" начинает шевелиться, взбухать. Под ним переливаются тугие конвульсии. Черная ткань выпучивается. Что-то упорное силится пробиться и выдраться. Волокна холста распались, хрупкая краска осыпалась, и сквозь множество дыр, как из лохматых гнезд, вынеслись черные птицы: раскрывали заостренные клювы, свистели темными перьями, злобно каркали, роняя в полете ядовитый белесый помет, мчались через зал к голубому кристаллу, ненавидя, желая домчаться, расклевать и порвать. Из сияющей синей грани, словно пучок серебристых лучей, с заостренными серповидными крыльями, вырвалась соколиная стая, понеслась навстречу врагу… Сшиблись… Зал взорвался, взыграл, наполнился хрипом и клекотом, секущими ударами перьев, стуком когтей и клювов. Бились две силы. Черное мешалось с серебряным, чернильное - с голубым и сверкающим. Летели вниз перья, падали растерзанные соколиные тела, кувыркалось разбитое в кровь мертвое воронье. Обе стаи поредели. Их встречный удар ослабел. Силы иссякли. Утомленные птицы, не одолев друг друга, с изломанными и избитыми крыльями, с выклеванными глазами, развернулись в разные стороны., скрылись, воронье - в темной утробе "Квадрата", соколы - в голубом бездонном кристалле.

Плужников ощущал этот бой как схватку двух сил, наполняющих мироздание неумолимой борьбой, как сражение Света и Тьмы. Москва отбивалась от воронья, как отбивалась в древности от татарской конницы, от литовского войска, от французских гренадеров, от железных танков с крестами. Соколиная стая состояла из ратников, ополченцев, пехотинцев с красной звездой. Паркетный пол галереи был усеян телами, как огромное поле битвы. Плужникову за одежду зацепились два оброненных пера: черное, с синим жестоким отливом, и стеклянно-серебряное, с нежной жемчужной рябью.

Воздух, разделявший картины, еще не успел остыть, еще завивались в нем горячие вихри от пикирующих птиц, как уже вновь начинал волноваться и ходить буграми "Черный квадрат", словно прикрывал бездонный провал, пещеру в толще земли, где скопились

несметные силы, расплодились подземные чудища, рвались на поверхность.

Черная квадратная дверь с буграми заклепок, с железными петлями, с тяжелым ржавым засовом, закрывала вход в преисподнюю. За ней раздавались истошные завывания и ревы, скрежет когтей, словно водили ножами по огромной сковороде, сиплые кашли и стоны. Несметные сонмища демонов просились наружу, давили на железную дверь, и она выгибалась от непомерного злого давления.

Голубой кристалл наливался хрустальной силой. Был местом сопряжения бесконечных вселенских сфер с земным небом. Лучи мироздания сходились в кристалл сияющим чистым пучком, наполняли грани дивным свечением, влетали в земную сферу золотыми лучами солнца. Невидимые ангелы наполняли кристалл божественными песнопениями, плескали крылами, дули в золоченые трубы, издавали свисты и шелесты белоснежных крыл.

Сорванная с петель, с грохотом упала дверь. В дыме и пепле, с унылым завыванием бури, дохнув серным зловоньем бездны, вырвались демоны, летели бесконечным роем, прижав к груди костлявые колени, скрючив когтистые пальцы ног, рассекали черный воздух кожаными перепонками, лохматые, с остриями рогов, оскаленными клыками, на которых пенились розовые пузыри, мчались, неся впереди черный трепещущий флаг с мрачно-серебряным знаком змеи.

В снопе ослепительного белого света, из прозрачной грани кристалла вырвалось воинство ангелов: белоснежные, в небесной лазури, дули в золоченые трубы, плескали лебедиными крыльями, несли впереди алую хоругвь.

Два воинства схлестнулись в беспощадной битве! Вклинились и смешались! Стальные когти драли белые одежды, кровавые клыки впивались в нежные крылья. Ангелы роняли трубы, раненные, обрызганные алой росой, снижались к земле. Разящие удары ангельских копий сбивали бесов, отшибали рога, протыкали мышиные крылья. Обескрыленные нетопыри, с дрожащими, брызгающими фиолетовой кровью обрывками, рушились в бездну. То клонилась святая хоругвь, и над ней жестоко возносилась змея, то алое знамя взлетало и гнуло к земле черный флаг.

Плужников стоял среди мелькающих крыльев: мимо лица проносились золотые стрелы и алмазные наконечники копий, в глаза дул огненный смрад опаленной шерсти и тлетворное дыхание бездны, плечо задел страшный коготь, разодрал одежду, оставил длинный кровавый надрез, пахнуло зловонное пламя, словно горела электропроводка, ядовито испарялись в отсеке краски, газом вскипали пластмассы. Он вдруг вспомнил, что случилось с ним на гибнущей лодке: страшный, свистящий звук, летящий в ларингофон, от которого в ужасе оцепенела душа, и последующий разящий удар, от которого лопнула лодка; пламя взрыва, вскипятив океан, влетело в корпус, распороло обшивку, спалило подводный крейсер. Этот звук, погубивший корабль, был подобен тому, что излетал теперь из черной картины, был Духом Тьмы, рожденным в преисподней. Теперь эта Тьма была нацелена на Ангелов Света, на Москву, на Россию, на Аню. И чаша Весов Господних колебалась, клонилась к погибели.

Он увидел, как Ангел с бело-розовым крылом, стянутым голубой перевязью, схватился с бесом. Демон вцепился Ангелу в горло, сдавил железной волосатой рукой. Из ангельских глаз летели жаркие слезы. Ангел бил что есть силы могучим белым крылом, и с каждым ударом шелковая перевязь все больше соскальзывала, была готова упасть и исчезнуть. И вид этой синей ленточки разбудил Плужникова. Он метнулся на беса, нанес ему краем ладони разящий удар в кадык. Бес согнулся от боли. Плужников коротким ударом в челюсть оглушил его, слыша, как лязгнули и сломались клыки, увидел перед собой жилистую шею с черной козлиной шерстью, наклоненные витые рога, сжал оба кулака, словно держал кувалду, обрушил удар на ненавистный загривок. Бес рухнул. Ангел счастливо возопил, взлетел в небеса. И все белокрылое воинство, сияя доспехами, сверкая копьями, неся перед собой иконы святых и праведников, развевая алую святую хоругвь, устремилось на Духов Тьмы, обратило их в бегство, загоняя обратно в черную дыру мирозданья. Страшно лязгнула и захлопнулась железная дверь. Сочились из картины струйки ядовитого дыма. Просвечивал сквозь трещины краски малиновый адский свет, торчала из-за рамы защемленная когтистая лапа. Ангелы, напоминая победное воинство Дмитрия Донского, возвращались в кристалл. В прозрачной глубине слышались церковные песнопения и гудящие колокола.

Плужников, обессилев, стоял посреди галереи, смотрел на две картины в простых деревянных рамах, понимал, что Москва спасена.

Он вышел на улицу: Крымский мост рокотал как туго натянутая тетива, из Парка культуры и отдыха медленно подымалось расписное колесо обозрения, по Москва-реке шел белый буксир, и на нем играла музыка. Осенняя Москва, влажная от холодных дождей, наслаждалась последним солнцем, которое дрожало в луже у ног Плужникова. Но он не видел солнца. Ему казалось, что из загадочных глубин мироздания приплыла и встала над городом огромная каракатица, затмевая свет, выпуская черный мрак, источая ядовитое страдание. Москва была спасена, но страдания ее продолжались. И среди этого удушающего мрака, в самом центре страданий находилась его Аня. Обессиленный схваткой с бесами, израсходовав в сражении отпущенный ему дар ясновидения, он не мог определить то место, где пребывала Аня, метался по городу, стараясь ее разыскать.

Ее не было в квартире, куда он, рискуя быть пойманным, зашел и увидел чашки на столе, лубки, аккуратно собранные в папку, ее колечки и бусы на подзеркальнике. И ему стало страшно от мысли, что он больше ее не увидит: помчался на почту, где она работала, и узнал от недовольной заведующей, что уже несколько дней Аня не являлась на работу и они были вынуждены нанять другого почтальона.

Растерянный, горюя, он стоял на улице, не зная, где ее искать. Большое голое дерево подымалось из тротуара сквозь чугунную решетку, в которую набилась опавшая листва. В ветвях сидело множество воробьев, избравших дерево местом своего птичьего собрания: шумели, чирикали, трепетали крылышками, перелетали с места на место, своим неумолчным гамом заглушали остальные звуки улицы. Плужников поднял к ним лицо, вслушиваясь в щебет, чувствуя, как колотятся в горячих грудках маленькие птичьи сердца, как в крохотных клювах переливается и дрожит страстный щебет. Прислушиваясь, он вдруг понял, о чем щебечут воробьи.

Они рассказывали друг другу, что в огромном Дворце, который находится у пруда в Текстильщиках, назревает огромное несчастье. Люди, неутомимые в своей нелюбви друг к другу, затевают большую беду. Уже несколько из них умерли, и скоро умрет еще больше. Среди этих обреченных людей находится прелестная женщина Аня, в темно-вишневом платье, самая красивая и милая из тех, кто заперт во Дворце.

Этот, стоящий под деревом человек, ее жених, должен немедленно мчаться в Текстильщики, чтобы спасти свою невесту, добрую женщину, которая всегда кидала птицам хлебные крошки, обходила на тротуаре клюющих воробьев и голубей, чтобы не спугнуть.

Произнеся это, воробьи разом вспорхнули и шумно улетели за угол дома, разнося весть по Москве. Дерево без них опустело, стало прозрачным. Сквозь ветки открылось небо с голубизной.

Во Дворце "Голден Мейер" продолжались мучения заложников… Изнасилованные женщины не позволяли прикасаться к себе избитым в кровь мужьям и рыдали в отдаленных углах зала. Один из мужей кинулся на насильников и был застрелен из автомата. Его тело устрашающе вытянулось в проходе. От вида молчаливых террористок в масках, которые поигрывали взрывателями и страстно, ненавидяще озирали пленников, многим заложникам становилось плохо, но не было лекарств, чтобы привести их в чувство. Людям не давали пить, и у некоторых начались бред и галлюцинации. Одна немолодая женщина сошла с ума и танцевала, изображая из себя индийскую жрицу. Безумие оказалось заразительным, и несколько женщин, не вставая с кресел, плавно раскачивались, колыхая в воздухе поднятыми руками. В довершение всего проклятая свинка, мигая огоньками взрывателя, неутомимо бегала по рядам, заскакивала на колени и метила людей капельками вонючей жидкости.

Когда предводитель Арби проходил мимо Ани, она кликнула его:

- Многоуважаемый господин террорист, хоть вы и злодей, но все-таки человек, который родился от женщины, и для вас существует святое слово "мать"… Вы хоть и стараетесь причинить нам как можно больше страданий, но делаете это, чтобы уменьшить страдания ваших соплеменников, которые, я знаю, испытывают ужасные муки. Ради вашей матери прошу вас позволить мне выйти на сцену и спеть песенку этим измученным людям, которые вот-вот все до одного сойдут с ума. Это простая песенка, и она не помешает задуманному вами злодейству, но облегчит страдания доведенных до крайности людей…

Арби сначала вознамерился закричать и даже ударить ненормальную женщину, но потом подумал, что зал, наполняясь безумцами, приближается к взрыву, и тогда никакие автоматы не остановят восстания. Целью же Арби было продлить это сидение как

можно дольше, чтобы телемаэстро Крокодилов всласть насладился своим искусством показывать мучения людей.

И Арби-Яковенко снисходительно ответил:

- Отчего не позволить? Пой, пока поется!..

Аня прошла мимо притихших людей, которые думали, что ее ведут для истязаний или расстрела, но никто, даже самые сильные и молодые мужчины, не встал, чтобы заступиться. Аня вышла на сцену, и ей включили свет, который ее ослепил и скрыл зал. Близкая тьма начиналась сразу за краем сцены, и эта тьма дышала страданиями, робостью, страхом угнетенных, ожидающих смерти душ, и она чувствовала зал, как темную яму, наполненную множеством еще живых людей, которых сейчас заживо станут закапывать, и они будут шевелиться под толщей холодной мертвой земли. И ее душа исполнилась великим состраданием и любовью, желанием вдохновить эти падшие души, указать им надежду и воскресить.

Она вдохнула полной грудью и запела, негромко, без музыки, своим неумелым дрожащим голосом, обращая его в близкую тревожную пустоту, которую пугало все, даже это негромкое наивное пение: В дяревне мы жили, я в роще гулял, В дяревне мы жили, я в роще гулял…

Это была та самая песня, которая воскресила ее любимого, вернула ему память, наполнила его очи сиянием, песня, которую она услыхала когда-то в русской деревне, среди поникших овсов, красных дождливых зорь, в темной избе, куда собрался крестьянский хор. И еще эту песню пел чудесный старец Серафим в Русском Раю, отламывая тонкие веточки берез, с которых на его седую бороду падал мягкий снег. Я в ро… я в ро… я в роще гулял…

Аня чувствовала, как звук, словно ручеек, вытекает из ее горла, протачивая себе путь сквозь немоту, близкие слезы и остановившийся крик. Этот робкий, чистый, наивный звук долетел до самых отдаленных рядов зала, где, полуживые, прятались в темноте изнасилованные и осквернённые женщины. И они очнулись, устремились на этот звук. Зал затих, перестал всхлипывать, вздыхать, горестно роптать, словно люди услыхали прилетевшую к ним спасительную весть и исполнились надежды. Я в роще гулял, пруточкя ломал, Я в роще гулял, пруточкя ломал…

Голос ее окреп, наполнился чистым звоном, прозрачной силой. Выговаривая бесхитростные слова, выпевая наивный и простенький мотив крестьянской песни, она сама укреплялась, словно белобородый старец, которого она увидала в Раю, вкладывал ей в уста чудесные слова, и они благоухали как прохладный, упавший на траву и осенние листья снег. Пруто… пруто… пруточкя ломал…

Люди в зале, придавленные бедой, вдруг очнулись. Им померещилось близкое избавление. Прелестная женщина в темно-малиновом платье, с золотистыми волосами и нежными васильковыми глазами явилась сюда, чтобы спасти, вывести их через тайный ход на свободу, мимо страшных масок, автоматных стволов, ненавидящих глаз и жестоких рубиновых огоньков, мерцающих на взрывных устройствах. Пруточкя ломал, мятелки вязал, Пруточкя ломал, мятелки вязал…

Аня пела, и чтобы пение ее было светлей и чище и люди чувствовали ее к ним любовь, она думала о самом дорогом, что успела узнать в своей жизни и что бесконечно любила: о своих дорогих родителях, о бабушкиной синей чашке, оставшейся от ее свадебного сервиза, о ромашке на краю мокрого сияющего поля, о птахе с малиновой грудкой, сидящей на ветке, о сосульке, голубой и чудесной, в которой отражалась перламутровая Москва, и о Плужникове, когда вела его по черно-белому переходу асфальта и под ногами вдруг расцвела прозрачная невесомая радуга. Мяте… мяте… мятелки вязал…

И зал почувствовал эту любовь. Жены, которые стыдились своих бессильных мужей, теперь прижались к ним, понимая, что спасутся любовью друг к другу. Дети укрылись в объятиях матерей, став неразлучными. Даже мстительные, жестокие женщины в масках перестали теребить красивыми пальцами цветные проводки взрывателей и заслушались, стараясь не пропустить бесхитростные слова, исполненные нежности и любви. Мятелки вязал, в Маскву отправлял, Мятелки вязал, в Маскву отправлял…

Аня посылала свою песню в зал как молитву о всех попавших в беду, оживляя и воскрешая их поникшие души и опустошенные сердца. Но она посылала свою песню дальше, сквозь стены зала, в невидимый город, где среди бесчисленных толп, неутомимых слепых моторов и каменных теснин был ее милый Сережа, искал ее,

стремился к ней, знал о ее несчастье. Она посылала ему знак, давала весть о себе, чтобы он услыхал ее песню, пришел и спас их всех своей чудодейственной силой и непобедимой любовью. В Маскву… в Маскву… в Маскву отправлял…

И Плужников услыхал эту весть. Он находился у Таганской площади, среди тяжелого, вязкого как пластилин, завитка машин, который медленно тек по кругу. Он поднимал руку, пытался остановить машину, чтобы мчаться в Текстильщики, во Дворец, откуда, сквозь чад и гул, доносился до него любимый голос, звучали задушевные, исполненные нежности слова. Он замер, ошеломленный, весь превратился в слух, как в былые времена, когда на лодке слушал звуки моря. И теперь, из грозного мироздания, где ревели моторы, стенали разорванные на куски люди, двигались на предместья городов стреляющие танки, из репродукторов неслись хула, брань, богохульство, он вдруг уловил божественный звук любимого голоса. Откликнулся на него: "Аня, любимая, слышу тебя, стремлюсь к тебе, спасу тебя!.." В Маскву отправлял, бальшой барыш брал, В Маскву отправлял, бальшой барыш брал…

Аня произносила эти простодушные слова, но они, улетая сквозь стены зала, через оцепление солдат, ряды мокрых броневиков, начинали звучать иначе: "Сереженька мой, ненаглядный… Люблю тебя… Я невеста твоя и жена… И мать, и сестра… И дочь твоя, и возлюбленная… Ношу под сердцем нашего сына… Приходи ко мне, обними… Мы снова пойдем по белому снегу под голубыми березами, ты протянешь мне чистый, благоуханный снежок, и в том месте, где ты его зачерпнул, на опушке откроется красный лист брусники. Это и есть наша с тобой любовь, наш сын, наша родная сторонушка…" Бальшой… бальшой… бальшой барыш брал…

Зал, прослушав ее песню, преобразился. Людей оставили страх и отчаяние. Они больше не чувствовали себя покинутыми и обреченными. О них думали, о них молились, к ним спешили на помощь.

Это преображение коснулось и тех, кто в черных масках-чулках расхаживал с автоматами. Они опустили стволы. Иные стянули с голов уродливую тесную ткань, и открылись женские красивые лица, утомленные и печальные. Даже предводитель захватчиков Арби-Яковенко, опечаленный, опустился в кресло. В его жестяной душе

подневольного служаки возникло сомнение: стоит ли дальше мучить этих беззащитных людей, и, может быть, открыть настежь двери и выпустить всех на свободу… Даже циничный и неутомимый во зле телемаэстро Крокодилов утих, перестал понукать операторов. Вспомнил, как в детстве вытащил из кармана у школьного товарища деньги и купил на них "Эскимо". Теперь, вспомнив этот забытый случай, он устыдился.

Казалось, в зале постепенно исчезает разница между террористами и заложниками. Все становятся похожими друг на друга, усталыми и печальными людьми. О них помолилась эта слабая женщина, которая покинула сцену и вернулась на место, пропев о милосердии и любви.

Эти перемены в зале уловил Модельер, наблюдая по телевизору пение Ани и благодатное воздействие его на умы и сердца людей.

- Проклятье!.. - выругался он, отставляя стакан с "Чинзано" так резко, что напиток выплеснулся на Счастливчика, который, казалось, тоже был заворожен и очарован пением. - Праведник не пришел!.. Подсадная утка перехитрила нас!.. Приступаем к заключительной фазе!.. Всем службам!.. - приказал он по рации. - Действовать по инструкции "ЗЕТ"!.. Приступайте!..

Все пространство вокруг Дворца было охвачено двойной цепью войск. Улицы были перекрыты, и по ним проезжали служебные черные автомобили с воспаленными фиолетовыми мигалками и угрюмые, насупленные бэтээры, думающие свою пулеметную думу. Дальше, за чертой оцепления, темнела толпа, мерцали вспышки фотографов, блуждали лучи телекамер. Но и оттуда, из толпы, можно было подслушать, как агенты в штатском подносили к губам портативные рации и передавали приказ: "Действовать по инструкции "ЗЕТ"!.."

Согласно этой инструкции ко входу захваченного здания направился геронтолог доктор Ларошель, размахивая зеленым чеченским флагом, на котором изображался волк.

Появившийся в дверях террорист спросил:

- Какого хуя?

- Позвольте доставить в здание ящики с минеральной водой. Люди не пили десять часов. Да и ваши боевые товарищи страдают от недостатка влаги.

- Вода с газом? - поинтересовался террорист.

- Без газа, - ответил доктор.

- Тогда вези, - согласился боевик в маске. Было видно сквозь прорезь в чулке, как высунулся и прошуршал по губам его обезвоженный язык.

Ко входу медленно подкатил грузовик, с которого скидывали на землю связки пластмассовых бутылок "Святого источника". Доктор Ларошель прилежно размахивал зеленым флагом, а несколько террористов, под прикрытием автоматов, перетаскивали желанные ящики во Дворец.

В то же время, с противоположной стороны Дворца, где находилась глухая, без окон, стена, подкатила другая машина - белый грузовой "мерседес" с блестящей, из нержавеющей стали, цистерной. Она сияла как слиток. На цистерне готическими черными буквами была сделана надпись "Юморина".

Из машины появились люди, зачехленные в серебристые комбинезоны и маски, в перчатках и мягких бахилах, похожие на космонавтов. Одни из них цепко полезли вверх по отвесной стене, пользуясь специальными присосками. Другие разматывали гибкий, присоединенный к цистерне шланг. Его свободный конец на тросике подымался вдоль стены за ловкими бесшумными скалолазами. Без труда на крыше Дворца были найдены вентиляционные трубы и воздухозаборники. В отверстие, уходящее в глубину Дворца, по которому насосы втягивали воздух и ровной охлажденной струей вдували в зал, был вставлен гибкий шланг и опущен в самую глубь. В цистерне с надписью "Юморина" находился веселящий газ, собранный химическим подразделением "Блюдущих вместе" в ночное время, возле освещенных московских зданий. Данный объем газа, особоконцентрированный и сильнодействующий, собирался химиками возле Счетной палаты, напоминавшей в ночи голубой ядовитый гриб, возле подсвеченного здания МИДа, похожего на громадную колбу с клубком желтоватых тлетворных червей, и возле мэрии, которая в туманной осенней ночи, отражаясь в Москва-реке, выглядела как нежно-фиолетовая раскрытая раковина с пульсирующим, огромным, розоватым моллюском.

Два зачехленные в комбинезоны химика, соединявшие шланг с воздухозабором, были известными юмористами, один из которых

обычно читал с листа, смешно подергивая ляжкой и выдувая на губах уморительные пузырики, а другой специализировался на высмеивании русских дураков, выезжающих заграницу. Сейчас они сменили эстрадные фраки на прорезиненную спецодежду, выполняли ответственнейшее поручение руководства, но не могли удержаться от шуток.

- Они просили воду без газа, а мы им - с газом, - произнес один сквозь защитный шлем.

- Те несколько евреев, что находятся в зале, пополнят список жертв холокоста, - отозвался другой.

- Слушай еврейский анекдот… Рабиновича посадили в газовую камеру, а мыло дать позабыли…

- Ладно, после расскажешь… Подтверждаю готовность… - произнес и на маленьком пульте утопил красную кнопку.

В машине с цистерной на табло загорелась надпись: "Вокруг смеха". Оператор в скафандре, которым была женщина-организатор вечеров смеха и телевизионных "юморин" в дни больших праздников, повернула вентиль. Газ из цистерны под мощным давлением хлынул в вентиляционный люк. Прохладным, благоухающим облаком стал опускаться в зал, где его жадно вдыхали обессиленные духотой и нехваткой кислорода люди.

Люди в зале блаженно ловили дивные свежие ароматы, закрывали от наслаждения глаза, начинали улыбаться. Вначале улыбка была тихой и нежной, словно во сне. Уголки губ продолжали раздвигаться, начинали подрагивать. Губы выворачивались, обнажая зубы. Рты раскрывались в свирепые волчьи оскалы, и люди начинали смеяться: вначале негромко, как бы своей смешливой мысли, потом все яростней, истеричней, содрогаясь телами, выпучив безумно глаза, закатываясь неудержимым сардоническим хохотом. Внутри них что-то жутко сотрясалось, выдавливалось. Из глаз начинали бежать мутные, желтоватые, похожие на пиво, слезы. Изо рта и носа начинала валить липкая зеленая пена. Люди падали в конвульсиях, а из них, вместе с хохотом, продолжали изливаться пенистые потоки, среди которых вдруг мелькала лягушачья мордочка, тритонья перепончатая лапка, скользкий хвостик ящерицы.

Первой испытала действие газа толстотелая охранница, сопровождавшая Аню на спектакль. Она вдруг захихикала, стала

прихорашиваться, будто перед ней было зеркало: заплетала несуществующие косы, жеманно двигала плечиками, повизгивая, будто отбивалась от ухажера, который подкрался сзади, охватил ее огромные груди. Она делала вид, что ей щекотно.

- Семка, ну ты и гад!.. Ну и гад же ты, Семка!.. А если лопатой?.. Да по балде?.. Да по елдаку?.. Ой, Сема, куда лезешь, ведь щекотно!.. - она грохнулась в проход, стала сбрасывать кирзовые сапоги, принимая на себя несуществующего любовника, вся окуталась розовой пеной, словно наглоталась шампуня.

Следующей, на кого подействовал веселящий газ, была вдовица Софа, до этого пребывавшая в беспамятстве рядом с убиенным банкиром Осей: открыла глаза, оживилась, сладко улыбнулась, приподнялась, посмеиваясь, поводя аппетитными бедрами, поправляя съехавший лифчик, схватила мертвого мужа, приговаривая:

- Ну Ося, ну хватит тебе спать, давай-таки мы с тобой потанцуем!..

Вздернула мертвого мужа, мощно обняла за талию. И оба они, живая и мертвый, танцевали бодрый танец. Ося все ронял ей на плечо пробитую голову, а она истерически вскрикивала и хохотала, покуда не рухнули. Из Софы стал выделяться дым сожженных газом внутренностей.

Странно подействовал газ на предводителя террористов Арби-Яковенко. Он впал в сладостное забвение, не переставал смеяться. Галлюциногенный газ воздействовал на участки мозга, которые управляли генетическим кодом, пробудил в Яковенко старинные хохляцкие корни.

Слуга новой России, секретный агент федеральной службы "Блюдущие вместе", русский патриот, он вдруг закричал:

- Смерть москалям!.. Геть тебе, Богданка Хмельницкий!.. "Неразумный ты сыну, занапастив вийско, сгубив Украину… Де побачив кацапуру, там и риж…", - запел он старинную песню сечевиков.

Совсем необычно подействовал веселящий газ на телемаэстро Крокодилова.

Тот засмеялся заливисто, как ребенок, присел на край сцены и, болтая ногами, как если бы сидел на жердочке над ручьем, закричал:

- А ловко я вас обдурил!.. Сказал, что у Зюганова есть своя личная гостиничка на Кубе, где содержатся мулатки… А вы, дураки, и поверили!.. На Кубе запрещена частная собственность!.. Нет никакой гостиницы!..

Он заходился детским, серебристым, пионерским смехом, а потом вдруг упал на спину, из него как из огнетушителя повалила густая белая пена, и из нее на мгновение выглянул и тут же спрятался черный скользкий червяк.

Люди в зале заходились в смехе.

Одна молодая женщина кричала:

- Вчера смотрела программу "Вести"!.. Там упал самолет, и детишки разбились!.. Ах как смешно!.. Показывали, как арабский шахид взорвал в Иерусалиме автобус, столько жертв!.. Ах как смешно!.. Показывали женщину-итальянку, которая продала заграницу тысячу русских детей, а из них нарезали органы для богатых американцев!.. Ах как смешно!..

Она танцевала сама с собой "ламбаду", покуда не переполнилась газом, взлетела под потолок, словно воздушный шарик, качалась, прижавшись головой к перекрытию, суча ногами.

Зал двигался, хохотал, взрывался фонтанами пены. Люди, качаясь, бродили в проходах. Террористы с хохотом обнимались с заложниками. Женщины в масках вешались на шею артистам балета. Только окаянная морская свинка, почти неподвластная веселящему газу, сновала в проходах, скалила усатую мордочку.

Аня почувствовала, как ее лица коснулся сладкий ветер, летевший с другой стороны утренней серебристой реки, где берег был белым от цветущей черемухи и еще продолжал заливаться уставший от ночного пения соловей. Она увидела, как по сияющей реке плывет темная лодка, и в ней ее милый Сережа: приближается, взмахивает веслами, оставляя стеклянный след.

Он вышел на берег, вытянул лодку на влажный песок, подошел к ней и, заглядывая в глаза, произнес:

- Ну вот я и пришел за тобой… Собирайся… Повезу тебя на ту сторону…

Аня блаженно улыбалась, вытягиваясь в кресле, и ей казалось, что лодка плывет и под днищем тихо журчит вода.

Модельер и Счастливчик наблюдали по телевизору воздействие на людей веселящего газа.

И если Счастливчик от ужаса закрывал глаза руками и горестно вскрикивал, то Модельер победно вскакивал, подносил к алым разгоряченным губам стакан с "Чинзано", приговаривая:

- В начале всего был смех, и смех был у бога, и смехом был бог… - Хватал рацию. - Завершайте фазу "ЗЕТ"!.. Переходите к фазе "ЧТЗ"!..

В ответ на его приказ, сквозь распавшееся оцепление, к парадному входу медленно подкатил крытый фургон с надписью "ЧТЗ". В нем находились портативные роботы на гусеничном ходу, изготовленные на Челябинском тракторном заводе. Двери фургона раскрылись, и по опущенной аппарели один за другим стали скатываться роботы, жужжа гусеницами, вращая зоркими головками наблюдения, качая хлыстиками антенн. Роботы были оснащены пистолетами, прожекторами подсветки, мини-компьютерами, в которых содержались образы подлежащих уничтожению людей.

Стремительно, по двое, роботы закатывались во Дворец и тут же начинали работать. Приближались ко всем, кто сидел, лежал, шевелился, пытался подняться. Из машины вытягивалась механическая рука с пистолетом. Другая рука материнским движением касалась лба жертвы и, если лоб был закрыт волосами, рука осторожно убирала волосы. Из пистолета раздавался негромкий выстрел. В пробитом лбу открывалась круглая лунка с липким красным вареньем.

Перестреляв находившуюся внизу охрану, роботы, ловко цепляясь гусеницами за ступени, поднялись в зал. Планомерно разъезжая в проходах, закатываясь в глубину рядов, они перестреляли всех находившихся в зале: заложников, актеров, женщин в масках, террористов с автоматами, лежавшего без чувств Арби-Яковенко, тихо пузырящегося Крокодилова. В стеклодува из Гусь-Хрустального роботы выпустили по две пули, как было заложено в их программах. Дама, висящая, подобно воздушному шарику, под потолком, тоже получила пулю и была вынуждена опуститься.

В зале раздавалось легкое чмоканье уходивших в головы пуль, деловитое жужжание машин, мелькали лучи подсветки и слышались странные, после каждого попадания, вскрики: "Ой-ля-ля!" Этими звуками, забавы ради, наделил изобретатель бездушные механизмы.

Выполнив работу, пересчитав истребленных людей, передав по каналам связи о завершении операции, роботы гуськом потянулись к выходу. Один из них задержался, подъехал к Арби-Яковенко и вложил в его мертвую руку бутылку корейской водки, настоянной на женьшене.

По аппарели все механизмы поднялись в фургон, где на них опускался мощный гидравлический пресс, сплющивал, превращая в брикет. Прямым ходом от Дворца фургон направился к заводу "Серп и Молот", где брикеты поместили в мартен, и они растаяли в белой жидкой стали.

Из всех, кто наполнял Дворец, уцелела лишь морская свинка. Она выбежала наружу, пыталась прорвать оцепление. Но ее изловили, разминировали и отдали работникам прокуратуры, которые уже завели уголовное дело по статье "Терроризм". В дальнейшем она будет проходить по делу как обвиняемая, даст показания, от которых тут же откажется на процессе.

Модельер приказал готовить торжественный ужин в Кремле, в честь блистательной победы. Оставив Счастливчика в расстроенных чувствах, велел балалаечникам, игрокам на сопелях и дудках, скоморохам с трещотками, девицам с бубнами развлекать Президента, возвращая ему бодрость и жизнелюбие. Сам же отправился за Кольцевую дорогу, в гигантский крематорий, чтобы лично наблюдать сожжение жертв "Голден Мейер".

Его не интересовали ни тела террористов, ни бездыханный труп Арби-Яковенко, ни охваченное пеной, как Афродита, тело Крокодилова. Он был равнодушен к многочисленным умерщвленным заложникам, которых прямо в целлофановых чехлах заталкивали в печи, где они начинали слабо чадить, окутывались голубоватым газовым пламенем, остался равнодушен к стеклодуву Тихону и к мертвому коллективу ученых-синтезаторов.

Его интересовали артисты балета, главным образом те, что изображали "лимоновцев", особенно танцор, игравший Лимонова. Поэтому он дождался, когда в печь на роликах въедут тела артиста-Лимонова и его крохотной нежной возлюбленной, стоял перед кварцевым жароупорным "глазком", наблюдая, как горелки ощетинились кинжальным пламенем, как сгорают целлофановые оболочки и два недвижных тела окутываются прозрачным золотистым

заревом. Под воздействием жара оба тела медленно поднялись, встали в рост, разошлись в разные стороны огнедышащей печи, приподнявшись на пуанты, протянули друг к другу горящие руки, о чем-то умоляли, уверяли, клялись. Из их горящей груди, словно угли, выпадали раскаленные красные сердца. Изо лбов вытекали белые капельки расплавленного свинца.

Модельер с удовлетворением наблюдал их любовный посмертный танец, радовался, что революция, даже представленная в авангардном балете, подавлена и испепелена, никогда не вырвется на площади и проспекты Москвы.

Плужников появился у "Голден Мейер", когда ко входу подъезжало множество карет "скорой помощи", ревели сирены, разбрызгивали жестокий фиолетовый свет "мигалки". Из Дворца выносили тела и складывали у входа ровными бесконечными рядами, клали рядом с каждым полупрозрачный мешок, заключали труп в желтоватую целлофановую оболочку, и человек казался уродливым зародышем, помещенным в огромную вытянутую икринку.

Плужников шел вдоль страшных рядов, осматривал мертвых мужчин и женщин. У всех были одинаковые смеющиеся лица и маленькая алая лунка во лбу. Плужников искал Аню и не находил, наклоняясь над очередным мертвецом, страшился узнать свою любимую.

Кто-то коснулся его плеча. Плужников испугался, что это охранник хочет его прогнать. Перед ним стоял Ангел с бело-розовыми, длинными, до самой земли крыльями, на одном из которых была голубая шелковая перевязь.

- Не ищи, здесь ее нет… Она ждет тебя в Раю на санях… Там она тебя примет и родит тебе сына… Она живая взята на небо и поселилась в Русском Раю…

- Хочу к ней… Отведи меня к ней поскорее…

- Не сейчас, - ответил Ангел. - Тебе еще предстоит побыть на земле, чтобы исполнить последнее поручение Господа…

Так сказал Ангел и исчез. А Плужников пошел прочь по холодной липкой улице, на которой трепетали зловещие фиолетовые отсветы, словно выброшенные из моря рыбины.

Ночью, в Архангельском соборе Кремля, среди пылающих свечей и возженных лампад, прямо на белокаменных надгробьях Великих

Князей Московских, были расставлены блюда с яствами: жареные поросята, копченые осетры, запеченные лебеди, нанизанные на шомпола куропатки, горячие, в румяной корочке, соловьи; блюда с парными розовыми креветками, фарфоровые супницы с бульоном из мидий, роскошный, гранатового цвета, распаренный осьминог, жуки-плавунцы в меде, саранча в жидком сахаре, "божьи коровки" в нектаре; флаконы с настойками на корнях, цветах, грибах, древесных почках и шишках; вина всех стран и народов, урожаев года разорения Трои и сокрушения Вавилонской башни.

Счастливчик и Модельер праздновали победу, подымали кубки, без устали опустошали бокалы, опрокидывали рюмки и лафитники, а иногда, в приливе чувств, пили прямо из горла французской бутыли или тяжелого флакона. Свечи и лампады озаряли вырезанные на плитах имена властителей Земли Московской, потомков славного Рюрика.

- В твоем лице мы возрождаем династию Рюриковичей, - Модельер вел пальцем в каменной прорези надгробья, словно писал на нем имя Великого князя Василия Третьего. - Романовы не оправдали себя, и мы снова воскрешаем мужественный варяжский род… За тебя, Государь!.. За тебя, славный потомок викингов!..

- Я счастлив! - воодушевленно отвечал Счастливчик, уже опьянев от дивных напитков, отрывая у осьминога пупырчатое щупальце и засовывая себе в рот. - Больше нет отвратительного, унижающего меня прошлого! Нет ужасной Тайны, которая канула вместе со свидетелями!.. Мое прошлое - это священная Древняя Русь, челны с расцвеченными щитами плывут по Волхову, у стен Великого Новгорода твердой стопой, гремя кольчугой, выходит мой пращур Рюрик… Поверишь, я чувствую в себе его кровь!..

- Ты выдержал великое испытание… Позволил свершиться сакральной жертве и стал Рюриковичем… Ничто не отделяет тебя от венчания на царство, которым через несколько дней мы поразим весь мир!

- Ты всегда прав, мой друг и брат… Я не могу без тебя… Мы вместе пойдем к вершине нашей славы…

Он подошел к Модельеру, обнял его, и они закружились по храму в страстном танго, глядя, как колеблются золотые свечи, у фазана

радужно пылает хвост, на остром носу осетра блестит драгоценная капелька жира.

Обнявшись, они легко оттолкнулись от пола, вынеслись сквозь оконный проем, взмыли над ночной Москвой. Она казалась жемчужной вышивкой на черном бархате, где искусной швеей золотыми нитками и речным северным жемчугом было вышито лицо Счастливчика. Москва сверкнула малой искрой и исчезла. Они неслись в мироздании, обнявшись, описывая огромные дуги, взлетая все выше и выше, плавно перевертываясь вниз головой, верша небывалый космический танец.

Мимо них проносились кометы и метеоры. Пылали лучами огромные, похожие на подсолнухи, светила. Раскрывали разноцветные радуги неведомые планеты и луны. Счастливчик чувствовал небывалое счастье. Властная и нежная рука Модельера коснулась его поясницы, спустилась чуть ниже, к крестцу, где у него находилась небольшая аккуратная пипочка - след его неземного сотворения. Модельер страстно, мощно надвинулся, и Счастливчик вдруг испытал в пояснице небывалую сладость, весь затрепетал, отдаваясь во власть Модельера. Рядом бесшумно взорвалась галактика, ее серебряная спираль сжалась в ком, осыпалась блестками в "черную дыру", которая, пульсируя краями, поглотила часть Вселенной. Оргазм, который испытал Счастливчик, был столь силен, что он на время лишился чувств, очнулся уже в своей постели в Кремле, видя, как осторожно, на цыпочках, покидает спальню Модельер.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Без Ани город казался пустым и диким. Повсюду еще висели траурные флаги, в память о множестве невинно погибших в "Голден Мейер". Но уже на всех углах сверкали и переливались электронные щиты, возвещавшие венчание на царство Счастливчика. Все так же в черном предзимнем небе рассыпали спектральные блески рекламы казино и ночных клубов. Но среди них во множестве высвечивался рейтинг Президента - "99", а также его милое, благородное, обожаемое народом лицо, соболиный воротник тяжелого золоченого облачения, шапка Мономаха, изготовленная уральскими ювелирами, превосходящая подлинник обилием самоцветов и драгоценных металлов. Все так же по дороге в Химки вдоль тротуаров стояли ночные красавицы, подсвеченные алыми, изумрудно-зелеными и сиреневыми огнями, похожие на орхидеи, и среди них выделялся ряд одноногих женщин, на особый вкус, именуемых - "фламинго". Но над их легкомысленным строем из невидимого репродуктора раздавался свеженаписанный Гимн Возрожденной Монархии, созданный известным гимнописцем, потомственным дворянином, почетным пионером, ворошиловским стрелком, кавалером ордена Ленина, Андрея Первозванного и вновь утвержденной награды - орденом "Имперское Счастье". В гимне чудесным образом сочетались мелодии "Интернационала", "Марсельезы", "Калинки-Малинки" и хита Аллегровой "Я позабыл твое лицо…"

В таком городе, тоскуя об Ане, был вынужден оставаться Плужников, удерживаемый безымянной, могучей и благой волей, которая требовала от него последнего подвига.

Он посетил их жилище в милом переулке, и вид опустелой квартиры, нетронутой с того момента, когда он ее покинул, множество знакомых, родных, принадлежащих ей вещичек вызывали у него щемящее чувство, и на память пришел печальный пушкинский стих: "Цветок засохший, бездыханный, забытый в книге вижу я…" Он не касался ее вещей, боясь, что при первом прикосновении они рассыпятся в прах, только взял папку со своими лубками, завязанную шнурком, в которой, запечатанное, таилось недавнее волшебное время,

просилось наружу, и он боялся ослепительного стоцветного взрыва, который может его сразить.

С этой папкой, понуро, в стремительно наступающих сумерках, он брел по набережной, вдоль свинцовой реки, в которую из низких тяжелых туч падал снег. Этот снег рябил и туманил Кремль, делал мутными и серыми белые соборы, темнил золото куполов. Навстречу ему, из сухой колючей метели, приближалась женщина.

Когда они поравнялись, она окликнула его:

- Сережа!..

Он всмотрелся. Она была босая. Ноги ее посинели от холода. Тело было прикрыто бесформенным рубищем, которое смотрелось как холщовый мешок, чуть перешитый под балахон. Волосы были растрепаны, наполовину седые, с каким-то сором в перепутанных прядях. Но измученное худое лицо с остатками красоты, зелено-золотые восхищенные глаза показались ему знакомыми. И он вдруг узнал в нищенке свою давнюю подругу Нинель, что приходила в их флотское общежитие.

- Вот мы и встретились, Сереженька, - она прижалась к нему, положила ему на грудь свою седую голову, и он обнял ее, стараясь заслонить от снежного, дующего с реки ветра. - Долго я тебя искала и нашла, мой родной…

Мимо них, по набережной, неустанно лился железно-стеклянный, вспыхивающий огнями поток лимузинов: то сжимал упругое тулово, набухал и сердито ревел, то размягчался, становился гуттаперчево-гибким и скользким, струился вдоль Кремля, казался длинным чешуйчатым змеем, охватившим Кремль неразъемным кольцом.

- Любили меня, недолюбили… Убили, недоубили… Я ведь, Сереженька, любила тебя… За это меня и схватили… Долго терзали, но я им ничего не открыла… Вот они у меня половину разума и выпили… Я с другой половиной живу, хожу среди людей и о тебе проповедую… Говорю, появился среди нас Русский Праведник… Он спасет Москву и Россию… Люди верят, ждут от тебя спасения…

Через реку, где на набережной стоял огромный тяжелый дом, весь пропитанный кровью, на крыше серой громады горели огненные жуткие цифры - "99,9", падали в реку, отражались, дрожали в черной воде красными змеями, и казалось, что по реке плывет число "666", с каждой секундой приближая последние времена.

- С тобой, Сереженька, случилось великое превращение… Раньше, когда я тебя обнимала, сердце твое было на левой стороне, а теперь, я слушаю, оно бьется на правой… Сердце у тебе перешло с левой на правую сторону - праведную… Потому ты и Праведник. Скоро тебе надлежит совершить свой подвиг - спасти Москву и Россию…

По черной вечерней реке плыл многоцветный корабль. Его украшал огромный портрет Счастливчика. На палубе скакали веселые шуты с балалайками, рогатые козлы с бубенцами, огромная старуха с метлой, гудевшей на ветру мелодию "битлов" "Иеллоу субмарин". Крикливые карлики показывали людям на берегу стеклянные игрушки, медовые пряники, ванильное мороженое, сыпали конфетти, пуляли хлопушками. На мачте, из репродуктора разносился Гимн Возрожденной Монархии, где были такие слова: "Не от Вовика, не от Шурика, а восходим мы да от Рюрика…" На борту агитационного корабля была надпись, призывающая москвичей на великое ночное торжество, которое состоится сегодня на Воробьевых горах.

- Ты, Сереженька, подвиг свой совершишь, спасешь Москву и Россию и уйдешь к своей суженой… А мне здесь без тебя оставаться, ходить босыми ногами по белу снегу и о тебе вспоминать…

Они шли, обнявшись, по набережной, поднялись на Каменный мост, стояли в снегопаде, в котором мешались огни фонарей и реклам, розовый туман кремлевской стены и высокие, превращенные в маленькие рубиновые зарева, кремлевские звезды.

- Ты все сказала как есть, - произнес Плужников, обнимая Нинель, слыша, как гудят железные крепи моста. - Мне надо еще побыть здесь недолго, а потом я уйду в Страну березового ситца, в Русский Рай, где ждет меня суженая… А чтобы ты меня не забыла, дарю тебе папку с рисунками… Хочешь, храни… Хочешь, людям раздай… А хочешь, когда выпадет снег, расстели на снегу, и тогда будет лето… Это не я рисовал… Моей рукой Ангел водил…

Он передал ей папку, стянутую шнурком, где таились чудесные разноцветные листы с образами Русского Рая. Они стояли на Каменном мосту, обнявшись, и метель, которая застилала Москву, обходила их стороной.

В эти часы, на дальней московской окраине, в районе Капотни, где из бетонных градирен вздымались вулканические облака пара и над

нефтеперегонным заводом колыхалось на низких тучах зарево багрового факела, за Кольцевой дорогой, у берега Москва-реки, происходила загрузка Колосса Московского. Гигантское изваяние работы скульптора Свиристели уходило головой в стратосферу, скрывалось по грудь облаками. О медные доспехи чудища разбивалась метель. Озаренный прожекторами, могучий, одутловатый, он походил на необъятный самовар с высоченной трубой, из которой на город сыпались искры.

Площадка была окружена плотными кольцами охранения. Дальние подъезды были защищены блокпостами. Повсюду, явно и неявно, присутствовали агенты "Блюдущих вместе", вооруженные лазерными пистолетами и системами социальной защиты, стреляющими без предупреждения в тех, чей жизненный уровень находился за чертой бедности. Сквозь кордоны одна за другой проскакивали дорогие иномарки, подвозившие к изваянию цвет московского общества. Аристократы выходили из теплых машин, на мгновение попадали на открытую, ветреную площадку у ног исполина, где им подавалась на серебряном подносе рюмка тминной водки и малосольный огурец, после чего они погружались в скоростной лифт и возносились наверх, каждый на свой этаж, в строгом соответствии с табелью о рангах, с местом, которые они занимали в прекрасно отстроенной вертикали российской власти.

Первым вознеслись Счастливчик и Модельер, перед которыми почтительно расступилась боготворящая их знать. Модельер шел за Счастливчиком, поддерживая край горностаевой мантии.

Когда они мчались ввысь, сквозь огромное тулово к голове, пролетая как на ракете снежные облака, перистую ночную дымку, к ясному морозному небу в звездах, Счастливчик сжал руку Модельера и произнес:

- Благодарю за все!.. Первым царским указом велю называть тебя - государь и друг Царя!..

- Дай срок, - отвечал Модельер, - мы с тобой таких указов навыпускаем, царство задрожит!..

Они вышли на самом верхнем этаже. Счастливчик занял место в огромной хрустальной голове, повторявшей в масштабе один к ста его собственную голову, а Модельер устроился чуть ниже, в горле

великана, но так, чтобы был виден Счастливчик, окруженный прозрачным куполом, усыпанный драгоценными звездами.

Следом за ними в лифт вошли Патриарх Хайлий Второй, в золотой ризе, усыпанный самоцветами востока, черноликий и приветливый, источавший торжество и величие. С ним была его экономка, молодая француженка, еще недавно танцевавшая в "Мулен руж", но теперь возлюбившая Россию и воспринявшая православие. Она положила свою нежную белую кисть на бархатно-черную руку Патриарха, чему-то туманно улыбалась, какой-то шутке, произнесенной Патриархом по-французски, и их движения напоминали версальский танец котильон. Лифт вознес их в медное горло исполина, туда, где у него находился зоб, и они заняли одно из самых почетных мест в иерархии.

Следом поднялись олигархи, степенные, знающие степень своего влияния, пусть и ограниченного, но огромного, понимая, что именно они составляют славу России. Здесь были: нефтяной магнат, чей фиолетовый язык напоминал цвет сырой нефти, которую тот прямиком отправлял в Америку; владелец телекоммуникаций, меленький мохнатенький паучок, перебиравший лапками "мировую паутину"; никелевый барон, чья голова при определенном освещении напоминала никелированную кастрюлю, который использовал остатки российского подводного флота для перевозки слитков из Норильска в Мурманск, даже в период неодолимых полярных льдов; алюминиевый миллиардер, у которого глаза без зрачков были белые, словно алюминиевые бельма; обладатель всей металлообрабатывающей промышленности, тучный благодушный кавказец, похожий на белую репу с усиками.

Все они чинно вошли в лифт, и один, тот, что курил трубку, точную копию кимберлитовой, которой владел в Якутии, сокрушенно вздохнул:

- Жаль, что бедный Роткопф не дожил до столь чудесного часа…

На что никелевый магнат ответил:

- Он был слегка ебанут на коллекции волос… Но волосок, на котором он сам висел, оборвался…

Лифт поднял их на уровень великаньих плеч, где они разместились в удобных креслах, словно в первом классе лайнера "Пан

Американ", который шел через океан среди атлантического звездного неба.

Правительству было уготовано место на уровне легких, под мощными выпуклостями великаньей груди. Оно уместилось в лифте все целиком.

Премьер взялся было напевать арию Риголетто, но Министр по разоружению, у которого все еще болела нога, принялся, в целях разминки, совершать дефиле, да так размахался, что въехал Премьеру по физии, на что Министр катастроф, паводков и песен логично заметил:

- Ну ты, чучело огородное, не маши лопастями, а то пылишь… Хоть бы тебе вторую ногу сломать…

Губернаторы и республиканские президенты, все со слегка прищемленными хвостами, натолкались в лифт, так что губернатору из Великого Новгорода прищемили тараканью лапку, а еще неубитому губернатору Камчатки отдавили ногу.

Тот вскрикнул от боли и едко заметил обидчику:

- Ну что ты за странный субъект?

- Субъект Федерации, - был гордый ответ.

На уровне желудка в медном исполине разместились прокуроры и судьи. На уровне кишечного тракта - чиновники всех мастей и дружественные им бандиты, многие из которых носили на толстенных золотых цепях обычные жестяные крестики, братались с чиновниками, называя их братанами.

В мочевом пузыре исполина расположились политологи, цвет которых явился из "Шурикен-хауза". Здесь были: аналитики, социальные инженеры, прогнозисты и Глеб Павловский; серые мыши, черные кроты, гримеры и Караганов; мозольные операторы, вязальщики петель и Никонов; лудильщики, шорники, блестящие жучки, тихие паучки и Марков; слепые музыканты, глухие меломаны, творцы иллюзий и Леонтьев; создатели мифов, охотники за тараканами и Кургинян; сами блохи, удобно поселившиеся в мягких креслах, и Мигранян; рачки, плавающие в графинах с туалетной водой, и Гельман; специалисты по исламу, специалисты по иудаизму, специалисты по Евразии и Дугин; специалисты по политкорректности и Шевцова; специалисты по запорам и Цыпко; специалисты по проведению политических и кишечно-полостных операций и Сатаров;

знатоки русской и советской истории, возглавляемые Радзиховским, который так заработался, что едва вошел в лифт, как упал носом в столярный клей, да возьми и засни… Тут же случилась маленькая заминка. Евразиец Дугин вдруг вспомнил, что забыл дома настольную книгу Хаусхофера, без которой не мог прожить ни минуты, выскочил из лифта и заторопился домой, так что кристаллическая кабина умчалась ввысь без него.

Среди тазовых костей колосса, на уровне анального отверстия, расселись близкие к Кремлю журналисты, лояльные актеры, эстрадные певцы, а также юмористы, наперсточники, звездочеты, колдуны, астрологи и специалисты по пересаживанию волос. Последние сразу же занялись голым черепом знаменитого певца, содрав с него парик, отчего вокруг разлилось голубое сияние. Известный телеобозреватель Сатанидзе, на дух не переносящий вид свастики и пятиконечной звезды, стал упрекать в скрытых симпатиях к "русскому фашизму" своего коллегу из "Коммерсанта", якобы читающего газету "Завтра". На что отвязанный и вечно хмельной редактор сказал: "Шел бы ты в баню, жопа колючая…"

Но и тут не обошлось без конфуза. Валерия Ильинична, вечно опаздывающая, запыхавшись, подбежала к лифту, но ее не пустили, сказав, что лифт переполнен, а она занимает слишком много места, вежливо, но настойчиво попросили снять пальто, ватник, бронежилет, стеганые штаны, валенки, меховую безрукавку, пуховые подштанники, банный халат, корсет, вечернее платье, гетры, гамаши, восточные туфли, рейтузы, панталоны, двубортный пиджак, жакетку, блузку, кофточку, бюстгальтер, бикини, и только в этом случае были готовы пустить ее в лифт.

Валерия Ильинична, презирая шумную и алчную толпу, предавшую ради минутных интересов либеральные ценности, стала снимать с себя упомянутые вещи, одну за другой, раскрывая себя как кочан капусты, постепенно худея и уменьшаясь, тая на глазах. Когда была, наконец, совлечена и сброшена последняя неудобоваримая и смешная хламида, из нее, как из тени, шагнула вперед худенькая милая девочка, с косичками, в больших очках, доверчиво и наивно глядя на этот странный, недобрый мир, переступала на месте тонкими, неправильной формы ногами в детских нескладных туфельках, а потом пошла, но не к скоростному лифту, полному скалящихся, хохочущих,

указывающих на нее пальцем людей, а прочь от дороги, по тропке, в туманную чистую даль, где навстречу ей, давно ее поджидая, летела нежная полевая птаха.

Когда загрузили всех именитых и знатных, расположив их на разных уровнях власти, тогда, под охраной, в свете жестоких прожекторов, среди лая овчарок и окриков конвойных, погнали "движущую силу истории", состоящую из выловленных в городах и деревнях обездоленных русских людей. Их набили в грузовой лифт, подняли на уровень коленных суставов, голеней и щиколоток медного исполина, рассаживали на рабочие места, среди огромных колес, рычагов и шестерен, приковывали среди пружин, спиралей, скрипучих цепей, гладких блестящих поршней. Именно они, "двигатели прогресса", должны были своими мускулами привести в действие громадный механизм, заставлявший статую переставлять ноги, поворачивать голову, медленно шевелить громадными как небоскребы руками.

Все было готово к пуску. Скульптор Свиристели, в бобровой шапке, в медвежьей шубе, куда уже набился снег, оглядывал великана, чьи натертые до блеска доспехи грозно сияли в лучах прожекторов ровно по пояс, а верхняя часть туловища пропадала в облаках. В это время прилетели самолеты, рассыпали в небе тайный состав. Тучи распались, и в провале небес, уходя к звездам, сверкая среди них своей хрустальной головой, открылся Колосс Московский - символ новой России, собравший в свое нутро все лучшее, что сотворила родимая земля, окруживший себя изумленными народами и царствами, склонившими горделивые головы перед новым Царем Мира.

- "Тбилисо, Тбилисо, крутани колесо…", - суеверно произнес Свиристели старинный грузинский заговор, нажал рубильник, замкнув цепь. Электрический удар пронзил ряды галерников, и они, пережив электрошок, разом навалились на колеса и рычаги. Колосс тяжело оторвал от земли огромную стопу, качнулся, скрипнув и простонав миллионами тонн приведенного в движение металла, сделал первый шаг. Земля дрожала от чудовищного давления переступавших ног, оставлявших громадные вмятины, куда сразу же набегала вода. Управляемый Свиристели, понукаемый электрическими сигналами и вспышками, великан мерно сошел по крутому берегу в Москва-реку, озаряемый множеством летящих рядом с ним вертолетов, пошел на

середину течения. Река вышла из берегов и смыла несколько окрестных деревень. Два пенных буруна шипели и вздымались у щиколоток исполина, который двигался по середине реки в сторону Москвы, туда, где на Воробьевых горах было уготовано ему место и куда торопился московский люд, чтобы узреть венчание нового Царя.

Мерно, качая руками, вращая головой, извергая из хрустальных глаз снопы лучей, видных на всех континентах, Колосс Московский шествовал среди вод, иногда наступая на ночные буксиры, перешагивая мосты, наполняя медным гулом небо и землю. Так, намного возвышаясь над колокольней Ивана Великого, он переступил Большой Каменный мост, на котором, прижавшись друг к другу, стояли Нинель и Плужников.

Она отодвинулась от него, поцеловала в лоб, перекрестив, сказала:

- Твой час, Сереженька… Ступай с Богом…

Воробьевы горы, в черных голых деревьях, в охваченных метелью стылых липовых рощах, были темны от подножья и до вершин. Но далее тьма внезапно кончалась, превращаясь в разноцветное сверканье, в фонтаны света, в пылающие от прожекторов небеса, где лазерные лучи чертили на облаках огненные письмена, ликующие восхваления, оды на день восшествия, пылкие славословья и уверения в вечной преданности. Метромост отражался в реке золотой дугой. По нему двигались непрерывные ликующие шествия, выливались на открытую площадку перед Университетом, где ожидалось появление венценосного гиганта, перед которым МГУ должен был казаться крохотным ларьком.

Шествие возглавляли скороходы, бегущие на ходулях, с китайскими фонариками, что раскачивались на их длинных носах. Скороходы извещали о приближении Венценосца, посылали во все стороны воздушные поцелуи, которые некоторое время летели в ночи как блестящие шарики, а потом взрывались пышными веселыми искрами. За скороходами поспевали тонкие прозрачные светляки со слюдяными крылышками, наполненные нежным зеленоватым светом, с капельками сладкого сока на хрупких усиках. Крылышки светляков непрерывно шелестели, ножки изящно переступали, зеленые продолговатые колбочки тел изумрудно светились, а капельки нектара мигали, как крохотные лампочки, причем знающие азбуку Морзе могли по этим миганиям прочитать: "Мы тебя любим, о Цезарь!"

Далее стройно и грациозно маршировали юные барабанщицы, отобранные на всероссийском конкурсе "Неутомимые палочки". Девушки были абсолютно голенькие внизу, забавно шлепали по асфальту красными гусиными лапками, зато грудки их поросли нежным целомудренным пушком, и палочки, согласно ударяя в серебряные барабаны, выбивали дробь: "Старый барабанщик крепко спал, к нам же завалился сын его, амбал…" Чуть приотстав, выступали крылатые эльфы в мундирах Его Величества гренадерского полка. Их свежие румяные лица украшали дерзкие усики, гульфики белых лосин были напряжены, передовой ряд норовил надвинуться на последний ряд барабанщиц. Но пожилой эльф, израненный в боях за Россию, останавливал молодцев крепким словцом: "Осади, говорю!.. Не то кастрирую за милую душу!.." Красивым каре прошли образцы мужской обуви известных итальянских фирм, все на правую ногу, начищенные, вкусно пахнущие кожей, элегантно зашнурованные, и весь фокус состоял в том, что в туфлях не было ног, а они лишь подразумевались. Таким же манером, поражая воображение, проплыли дамские прически из лучших парижских салонов красоты и парикмахерских: без голов, одни восхитительные локоны, пышные пучки, завитые пряди. Их шествие замыкала абсолютно лысая кожа, но тоже без головы, лишь намекая на ее некую возможность. Эту волну демонстрантов завершали два грациозных страуса, чьи хвосты были покрашены в ярко-алый и нежно голубой цвета. Страусы держали в клювах туго натянутый канат, по которому ходил канатоходец в клетчатом трико и жонглировал булавами, настоящими, из Музея запорожского казачества, среди которых выделялась принадлежащая Богдану Хмельницкому.

Все эти музыканты, скороходы, виртуозные клоуны, обитатели ночных садов и скверов проходили сквозь слои воздуха, который был поляризован особым невидимым прибором, так что тело, соприкасаясь с воздушными молекулами, порождало бесчисленные, разносящиеся во все стороны отражения, цветные проекции. Каждый, кто входил в поляризованное пространство, разбегался во все стороны бесчисленными радужными подобиями.

Еще один поразительный эффект создавал акустический прибор, который, вслед за произносимыми возгласами, порождал бесконечное мелодичное эхо. Например, когда проходившие мимо прибора светляки

восторженно восклицали: "Кто он, ниспосланный Счастливчик?" - отовсюду многоголосо неслось: "Лифчик!.. Лифчик!.." Юные барабанщицы певуче возглашали: "Кому не спится в ночь глухую?" - и эхо объясняло, кому именно не спится. Марширующие следом эльфы с гренадерскими усами громогласно вопрошали: "Куда влекут цветы и стебли?" Ответ радовал слух и бодрил походку молодцов.

Одни манифестанты сменяли других. С грохотом провезли Царь-пушку, впряженную в порхающий рой лазурных бабочек, и на лафете восседал профессор, сообщающий по программе НТВ прогноз погоды. Следом стая дельфинов, балансируя на хвостовых плавниках, пронесла на плечах Царь-колокол, на языке которого повис и строил уморительные рожицы лидер думской фракции "Народный депутат". Низко над Воробьевыми горами пролетел самолет, переливающийся, словно павлинье перо, и с него на парашютах спустились духовидцы российской культуры - Толстой, Достоевский, Мережковский и Леонид Утесов, все в натуральную величину, умело управляя стропами.

Особой колонной прошествовали колдуны, звездочеты, маги, члены тоталитарных сект и фетишисты, сохранившиеся в глухих уголках Мордовии. В хвосте колонны шел крупного роста баптистский проповедник в черном сюртуке, неся на плече белого какаду, то и дело, с легким грассированием, повторявшего: "Дорогие братья и сестры…"

Шествие замыкала огромная розовая буйволица, чьи рога украшали венки из роз. Верхом на буйволице сидел лауреат Государственной премии по литературе, прижимал свою премированную книгу, зачитывая из нее в мегафон самые эффектные отрывки.

И только когда протекла эта радужно-карнавальная, балаганно-карусельная, звеняще-барабанящая процессия, на Воробьевы горы был допущен простой народ. Его пропускали через два турникета: в одном давали доллар и петушка на палочке, в другом - евро и рыбку на ниточке, - при этом растерявшемуся от счастья гостю ставили на лоб небольшой штемпель, где переливалась, словно голографический значок, морская свинка. Внутри нее был проставлен индивидуальный налоговый номер, и все вместе это называлось "число зверя". Получая штемпель на лоб, человек словно выпивал вина, зрачки его расширялись и он начинал декламировать стих китайца Ван Вея: "Где Государь? Когда вернется он?.."

Словно в ответ на этот, повсюду раздающийся вопрос, вдалеке, на Москва-реке, в туманном зареве, возникло видение. Уходя головой в небеса, переступая гигантскими ногами по воде, возник великан: непомерный, издавая гулы и рокоты, бросая во все стороны снопы млечного света, надвигался из-за поворота реки, гоня пред собой огромные волны. И все ахнули, устрашившись исполина. Над ним, то снижаясь, то взмывая, похожий на громадного птеродактиля, летел американский космический челнок "Колумбия", пилотируемый великим Магом и астронавтом Томасом Доу. В комфортном салоне сидели главы "восьмерки", прилетевшие в Москву на коронацию своего брата, кому они вручали Корону Мира. После помазания Россия теряла свое архаическое имя, становилась Царством Добра и зоной отдыха для утомленного мировыми заботами "золотого миллиарда".

Плужников вышел на Воробьевы горы не через мост, а вокруг Университета, сквозь старые корявые яблони, помнящие сталинскую весну, когда из белых цветов поднималось восхитительное розовое диво с золотым шпилем, и рабочекрестьянские дети, прижимая к груди учебники физики и математики, торопились на занятия, чтобы стать учеными и космонавтами, о чем и свидетельствуют барельефы на станциях метрополитена.

Плужников благополучно прокрался сквозь засады спецслужб и вышел на открытое место, недалеко от бетонной площадки, куда должен был водрузиться поднебесный исполин. На площадке завершались последние приготовления. Огромные болты закрепят стопы исполина, удерживая его на случай сильного ветра. Разъемные электрокабели соединятся с розетками, размещенными в пятках великана, снабжая энергией громадное тулово. Системы мобильной телефонной связи, телевизионные коммуникации превратят колоссальную скульптуру в сверхмощную антенну, связывающую воедино все человечество, которое столько тысячелетий мечтало о своем единстве и теперь соединялось в своем поклонении Царю Мира. Плужников видел издалека, как двигаются нескончаемые толпы, взрываются фонтаны света, мечутся по облакам лучи лазеров, летают в небесах перламутровые бабочки, и множество светящихся существ - светляков, сверчков, божьих коровок, кузнечиков, богомолов, - прозрачных и пульсирующих светом, проходят нарядными колоннами, прославляя чудный миг торжества. И все замерли, приумолкли, когда

на реке, в млечном зареве, возник великан, переставляя столпы своих ног, сваливая с плеч ртутное варево тумана, медных испарений, непрерывно текущих зеленоватых ручьев электросварки. Над ним, прикрывая от возможных атак из Космоса, носился челнок "Колумбия", то и дело сбрасывая на Москву шаровые молнии.

Плужников почувствовал, как кто-то тронул его за плечо. Обернулся, перед ним стоял Сокол: все так же красив и строен, в легкой кожаной куртке, без шапки, с золотистыми, коротко подстриженными волосами.

- Смотрел, как ты пробираешься… Отвлек этих сук от тебя… Что, пришел полюбоваться, как всем нам приходит каюк? Как Россию-матушку закрывают и опечатывают?

- Вроде бы нет таких печатей, чтобы на Россию навесить…

- А вон, людям печать зверя на лоб поставили, - кивнул Сокол на гуляющие толпы, где у каждого на лбу переливалась крохотная многоцветная росинка.

- Зверек безобидный, морская свинка… Бензинчиком протер, и сотрется… Есть посерьезней забота…

- Никак ты его хочешь уделать? - Сокол смотрел, как вдали, похожий на туманный огненный смерч, приближается по реке медный колосс.

- Думал, он один заявится… Не рассчитывал, по правде сказать, на "Колумбию"…

- "Колумбию" возьму на себя! Ты занимайся болваном, а я полечу в небеса! Я же - Сокол! - спортсмен повел молодыми плечами, словно пробовал под курткой крылья. - В селе, где матушка моя похоронена, они хотят кладбище заровнять, навезти кенгуру и жирафов и устроить сафари-парк! Устрою им в небе сафари!..

- Недооцениваешь силу противника… Скорость "Колумбии" в шесть раз превышает скорость звука, маневренность как у ласточки, бортовое вооружение - лазерные орудия, электромагнитные пушки, плазменные гранатометы, система дальнего сенсорного обнаружения, и главное - система ложных целей "Дух тьмы". С ее помощью Америка потопила мой подводный крейсер вместе со всем экипажем… Как одолеешь такое?

- Но я же - сталинский сокол! - ответил футболист, всматриваясь в крылатое, перепончатое чудище, парившее над Москвой, роняющее из

зубатого клюва огненный шары. - Ты, Сережа, бей этого болвана наотмашь! А я у этой поганой вороны перья повыщиплю! - сказал, прижал к бедрам руки, которые превратились в отточенные серебристые крылья, оттолкнулся от земли и прянул в ночное московское небо, исчезая среди вспышек салюта.

Между тем истукан приблизился к Воробьевым горам, накатив такую волну, что она ударила в арену "Лужников", повредив стены и купол; стал медленно выбредать на сушу, ставя громадные ступни, под которыми рушился берег, хрустели прибрежные деревья; тупо и мощно пошел вверх, проламывая просеку в голых липах, подымая, как из бездны, свою хрустальную огнедышащую голову; вышел, жутко сияя, весь в заклепках, сварных швах, в медных доспехах, из которых, в местах сочленений, текла мутная эмульсия, сыпались искры, валил млечный пар; встал на бетонную площадку, которая застонала от тяжести; топчась на месте, медленно развернулся выпуклой грудью к Москве, сферообразными ягодицами к Университету; вращал поднебесной головой, из глазниц которой неслись в бесконечность снопы жестокого света. И на эти лучи, как на свет маяка, тянулись народы.

Люди, заполонившие площадку, поначалу в страхе отпрянули, когда великан выбредал на вершину. Но потом, когда поднебесная громада установилась на бетонном подножье, раздавив вслепую целую колону божьих коровок, торопившихся присягнуть Царю Мира, - люди пришли в себя. Пали ниц, поползли к истукану, не подымая глаз, жадно хватая с земли, из расставленных мисок, вкусную еду, - холодцы, отбивные, заливную рыбу, макароны с кетчупом, котлеты по-киевски, а также долму, люля-кебаб, чахохбили, хинкали, которые щедро пожертвовали многочисленные рестораны, принадлежащие певцу Вахтангу Кикабидзе. Люди ползли, хватали ртами вкусные лакомства, славили могучего владыку. В небе, среди подсвеченных акварелью туч, носилась "Колумбия", высыпая из клюва ворохи конфетти, веселые пыхающие шутихи, выхаркивала на Москву разноцветные серпантины и звуки нового гимна, куда бессмертный гимнописец, сочинявший когда-то басни про животных, вставил такие слова: Славься, Америка, наша держава, Ты поглотила великую Русь! Славьтесь лягушка, мышонок и жаба, Славься веселый и лапчатый гусь!

Томас Доу, сидевший за штурвалом "Колумбии", любовался с высоты покоренной Москвой. Особенно прекрасен был Кремль с озаренными соборами, золотыми луковицами, окруженный алой стеной, подле которой расцветал фантастический, как и сама русская непредсказуемая душа, собор Василия Блаженного. Еще ему нравился Новодевичий монастырь, напоминавший жемчужную россыпь, которую хотелось собрать и ссыпать в карман. Он разглядел Триумфальную арку с квадригой, у которой любил прогуливаться, тайно, по заданию разведки, навещая Москву, мечтая о дне, когда под сводами арки пройдут головные подразделения армии НАТО и московский градоначальник вынесет ему на бархатной подушке символические ключи от столицы.

Он ощутил сильный удар, прокатившийся по корпусу челнока, от которого на секунду вырубились системы слежения, лишь мог угадать, что удар был нанесен сверху. Выглядывая сквозь жароупорные стекла кабины, успел разглядеть стремительную серебристую птицу, раскрывшую серповидные крылья, победно сверкнувшую золотым круглым глазом.

Удар был столь силен, что его ощутили сидевшие в салоне главы "восьмерки". Не надеясь на русское хлебосольство и гостеприимство, они, на всякий случай, подкреплялись. От сильного толчка Берлускони подавился спагетти, пролил на колени кетчуп и, кашляя, воскликнул: "Мама миа!"

Томас Доу направил вслед улетавшему Соколу плазменную пушку, выпустил вдогонку расплавленный фонтан плазмы. Но Сокол уклонился от смертоносного облака, сделал вираж и нанес по "Колумбии" повторный удар, теперь уже в подбрюшье, вонзив отточенный клюв в керамическую обшивку.

Удар сотряс могучее тело челнока, колыхнул салон. Пивший "Шампанское" Жак Ширак утопил в бокале свой любопытный французский нос и булькнул с прононсом: "Се ля ви!"

Томас Доу, раздраженный и гневный, навел на безумную птицу лазерную пушку, захватил в прицел разведенные крылья, прижатые к груди когтистые лапы, клокочущий ненавистью зоб, всадил серию разящих ударов, один из которых настиг птицу, срубил маховые перья крыла, и они, дымясь, полетели к земле. Сокол на секунду потерял равновесие, перевернулся в воздухе, узрев одним глазом божественный

Кремль с колокольней Ивана Великого, а другим - отвратительную, как крылатый головастик, "Колумбию", выправил полет и, нагнав челнок, долбанул его в хвостовое оперение, так что вдребезги раскололись жароупорные пластины и под ними, как у общипанного гуся, обнажилась голая пупырчатая кожа.

Удар сотряс салон. Посыпались подносы, стаканы. Горячий, с подливкой, стейк шлепнул Шредера в щеку, соус потек по белой манишке, и канцлер, оскорбленный пощечиной, воскликнул: "Доннер веттер!"

Томас Доу, стыдясь своего бессилия, собрался, стиснул в кулаках рукоять электромагнитной пушки, и когда возникла по курсу стремительная серебристая птица, пустил в нее серию пульсирующих колец, раскаливших воздух до синего света.

Сокол, охваченный пламенем, взмыл свечой, сбросил с опаленных крыльев огонь и пошел в крутое пике на ненавистный челнок, видя закрытыми, трепещущими от боли глазами прекрасное лицо своей матери, которая говорила ему: " Бей их, гадов, сынок!" - ударил в плавник "Колумбии", вцепившись когтями и клювом, хлопал, ударял что есть мочи тупую, пахнущую падалью тварь.

В салоне погас свет. Блейер упал лицом в соусницу. Морковка воткнулась ему в ноздрю. Завиток петрушки повис на ухе. Весь мокрый, то ли от пролитого виски, то ли от жидкости, которая брызнула из напуганного, сидящего рядом Буша, воскликнул: "Щет!"

"Колумбию" трясло. Томас Доу с трудом удерживал управление. Прибегая к последнему средству, желая наказать наглую русскую птицу, он нажал кнопку смертоносной системы "Дух Тьмы", направил на Сокола всю адскую мощь сатанинского оружия, всю лютую непобедимую силу преисподней. Тьма охватила Сокола, скомкала, погрузила в беспамятство. В груди треснули кости. Перья посыпались, и одно, сверкающее как стекло, попало в руки мальчика, будущего русского поэта и прозорливца. Чувствуя, что умирает, с остановившимся сердцем, Сокол меркнущим оком узрел, как идет на него жуткая махина, изрыгая пламя, окруженная кольцами плазмы, насылая кромешную тьму, напряг из последних сил оставшиеся маховые перья, распушил серебряный хвост, нацелил клюв и пошел на таран, в лобовую атаку.

Удар был столь силен, что корпус "Колумбии" раскололся как орех, и оттуда посыпались, дергая ногами, взмахивая руками, все члены "восьмерки". Цеплялись один за другого, падали на отточенные шпили Москвы. Президента Буша пронзил шпиль на здании МИДа. Посаженный на кол, он увидел Смоленскую площадь, Новый Арбат, голубой вращающийся глобус, напомнивший ему о мировом господстве, только и мог, что вымолвить: "Зе айдел брейн из зе дейвел воркшоп", - и был таков…

"Колумбия" раскололась на части. Оставляя в небе волнистые трассы дыма, упала на территорию Штатов, рассыпав осколки на обширных пространствах Техаса, Флориды, Калифорнии и Колорадо, прибив насмерть шестьсот сорок восемь солдат, принимавшие участие в Иракской войне.

Томас Доу катапультировался, скидывая на лету обгорелые клочья скафандра, голый, волосатый как павиан, чадя опаленной шерстью, страшно выл, поджимал костлявые колени к выставленному подбородку, уносился прочь от земли, в пределы Черной Галактики, оставляя за витыми рогами два турбулентных следа.

Сокол в серебряном пламени рушился вниз, сгорая в небе Москвы, упал в районе Соломенной сторожки, зацепившись за высокое дерево, где его увидела прелестная женщина, владевшая галереей "Велта", приняв за перфоманс своих талантливых веселых художников.

Сокол же в эти минуты вступал на поляну березового Русского Рая. Там встретил его отважный летчик Талалихин. Обнял, повел на середину поляны, где из сочного снега был слеплен самолет. На крыльях у него из ягод шиповника были выложены красные звезды.

Плужников видел битву в московском небе, подвиг отважного Сокола, сбитую "Колумбию", которая, выпуская струю белого пара, ушла за горизонт, видел, как яростно замахал ручищами медный великан, затопал ногами, которые еще не были прикреплены к бетону громадными болтами. Колосс тяжко топотал, крутил в небесах стеклянной башкой, рассылая во все стороны огненные снопы ярости.

Теперь настал черед Плужникова. Один на один с исполином, среди униженной и покоренной Москвы, он вздохнул глубоко и шагнул навстречу чудовищу. Вокруг лежал ниц поверженный, опоенный зельями, исколотый ядовитыми иглами, обманутый и запуганный

народ, лучше, добрее и краше которого не было на земле. Огромная, пожухлая в страданиях, онемелая от горя Россия взывала к нему, своему воину и заступнику.

- Мы, твои воины, Родина!.. Русские, в славе и правде!.. Пошли нам подмогу!.. Пошли сокровенные силы, Россия!.. - так он молился, выступая вперед, туда, где топтался, порождая землетрясения, чудовищный исполин.

Из сердца Плужникова вырвался прозрачный стремительный луч, понесся навстречу чудовищу. Усиливая этот луч, наполняя его светом и зеркальным сверканием, встали за спиною у Плужникова поверженные, но непобежденные люди: те, кто находился на горе с капелькой рыбьего жира на лбу, и те, кто оставался на улицах города, издали наблюдая явление страшного идола. К ним спешили несчетные множества, жившие далеко от Москвы в бесчисленных деревнях и селениях, в городах и поселках, от океана до океана. Они помогали Плужникову своей волей и силой, любовью и праведностью. К молодым присоединялись старики. С мужчинами вставали женщины. С ними рядом были их дети, те, что умели ходить, и младенцы, которых матери несли на руках. Луч становился все ослепительней, сверкал как меч, завершался пылающим пламенем, жалил и жег медного исполина, упирался в громадную грудь, стараясь опрокинуть. К живым, ведущим на земле святое сражение, присоединились неживые, лежащие на бесчисленных кладбищах, в курганах и братских могилах. Святые в Русском Раю помогали молитвой. Старец Серафим напевал свою песню, махая пруточками. Князь Александр Невский сменил на кольчугу холщовую льняную рубаху. Двадцать восемь героев-панфиловцев вышли на рубеж обороны, и с ними - двадцать девятый, русский герой Иван Иванович.

Луч толкал истукана, прожигал его броню. Шипели и падали расплавленные медные капли. Скрежетали и скрипели доспехи. Из чрева чудовища доносились звериные рыки, словно в накаленной печи поджаривались несметные демоны, били в медь чешуйчатыми хвостами, скрежетали зубами. Сквозь щели и скважины выталкивались клубы зловонного дыма, пахло паленым копытом.

- Господи, помоги!.. - взывал Плужников, не в силах опрокинуть сатанинское чудище. - Пошли мне подмогу, Господи!..

И подмога явилась. В ночных небесах вдруг открылся прогал, глубоко в даль Вселенной, наполнился таинственным светом. В этом неземном горнем свете засияло видение. Издалека, из необъятных глубин Мироздания, подобно таинственному светилу, стал всплывать, приближаться корабль. Небесный ковчег, прозрачный для лучей, словно отлитый из стекла, плыл по московскому небу. Плужников узнал в нем крейсер "Москву", свой родной могучий корабль. Рубка сверкала как алмаз. Корпус отливал волшебным блеском. На палубе, в ряд, плечом к плечу, стоял экипаж. Восхищенным любящим взором Плужников узнавал товарищей: командира с прекрасным одухотворенным лицом, закадычных друзей - оружейника Шкиранду и энергетика Вертицкого - все родные, знакомые лица. Вокруг их голов светились золотые нимбы. Корабль бесшумно и грозно вплывал в московском небе, был напоен несказанным светом. Из неба неслась могучая музыка, в которой вдруг слышалась увертюра Мусоргского "Рассвет над Москвой-рекой", то "Акафист Пресвятой Богородицы", то бессловесный и мощный "Варяг".

Из днища, где скрывались антенны гидролокаторов, вспыхнул и прянул к земле ослепительный луч. Ударил в грудь истукана, туда, где, прожженные Плужниковым, дымились медные доспехи. Удар был столь крепок, что медная скорлупа треснула, развалилась с диким стенанием. Колосс начал разваливаться, отделяя от себя громадные пластины и плиты, отбрасывал трубчатые руки, накренял шею, от которой отвалилась и летела вниз стеклянная фляга головы. Все, что наполняло утробу и грудь исполина, начинало гореть и вскипать. Наполнявшие идола твари плавились, словно были пустыми бутылками из-под "Спрайта". Все липко чадило и капало. Валили хлопья вонючей сажи.

Стеклянная башка летела к земле, и в ней, словно попавшая под прозрачный колпак муха, кто-то скакал и бился. Это был Счастливчик. Его настиг истребляющий луч небес. Он вспыхнул как ленточка магния, превратился в бегущий огонек, который в воздухе вывел горящую цифру "99,9". Цифры распались, превратившись в летучую змейку, а та - в тонкую струйку дыма. Струйка секунду висела, а потом на нее дунул ветер, и она бесследно исчезла.

Модельер выпал из переломанного медного горла, стал падать к земле. Вид божественного, парящего в небе ковчега был ему

невыносим. В падении он стал рвать на себе волосы, сдирая с черепа скальп. Хватал куски своего мяса на груди и боках, сдирал их с костей. Расшвыривая свою плоть, он превратился в голый скелет с оскаленным хохочущим черепом. Сгруппировался, прижав костяные колени к костяному подбородку. Из глаз его валил смрадный дым. Тоскливо воя, он помчался в отдаленные пределы Вселенной, где истлевала Черная Галактика Смерти, - вслед за своим учителем и патроном, Магом Томасом Доу.

Исполин распался на отдельные ломти. Остались стоять одни обломанные по колено ноги. Из них вылезали изможденные рабы, расправляли утомленные плечи. Их обнимали, угощали оставшимся от пиршества виноградным соком и яблоками.

Страшное побоище завершилось. Медная поднебесная башня, где затворились несметные силы Зла, была сокрушена. Узрев свой позор, разом обессилев, страшась возмездия, демоны покидали Москву: срывались с жестяных крыш и голых деревьев бульвара, пробивали волосатыми лбами кирпичные стены домов и мчались опрометью, путаясь в проводах. Лопалось то одно, то другое окно в великосветских домах, и оттуда в брызгах стекла выбрасывались ревущие чудовища, взмахивая перепончатыми крыльями, мчались прочь.

Тучи демонов излетели из Дома Правительства, многие в цепких лапах держали папки с документами, а также конверты с "откатом". Тьма рогатых в панике покинула Старую площадь, где вольготно размещалась Администрация Президента. Множество косматых чертей улетало из редакций газет, из игорных домов и притонов. Два миллиона бесов сорвались с останкинской иглы и исчезли в ночных небесах.

Иные московские храмы содрогались от великих трясений. Пробивая рогами запертые двери, выносились косматые чудища. Множество крылатых химер и мохнатых монстров вырвались с диким воем из главного собора Москвы, мчались, удерживая в руках выхваченный из фундамента камень Соломонова храма. И собор воскрес и очистился. Из его каменных стен исчезла мертвенная голубизна, появился нежный, как у топленого молока, бело-золотистый оттенок. Позолота просветлела. Иконы, которые доселе были забиты золочеными досками, все разом открылись и стали мироточить. Сами

собой возгорелись лампады и свечи. На запертой колокольне, в столь поздний час заиграли колокола. На главной стене, нежно и чудно, в целомудренных ризах, в белом венчике из роз, просиял Иисус Христос.

Плужников стоял на горе среди ликующих толп, глядя на небесный крейсер. С борта опустился к нему стеклянный трап. Командир сделал знак, чтобы он подымался. Ступив на трап, он медленно восходил, оборачиваясь, прощаясь с людьми, посылая прощальный поклон Москве, поднялся, стал в строй, на свободное место. Дивный ковчег, окруженный волшебным блеском, ушел в небеса, оставив по себе негасимую зарю.

И все, кто был на Воробьевых горах, ахнули. На лесистых склонах, где недавно чернели безжизненные, засыпанные снегом деревья, теперь цвели липы. Нинель прижимала к губам душистую ветку, целовала медовый цветок.

Наутро над Москвою сеял колючий снежок, подгонял на тротуарах зябких прохожих. На Тверской-Ямской открылась новая булочная под названием "Хлеб наш насущный". Привезли из пекарни свежую выпечку.

Московская бабушка купила краюху, нюхала теплый хлеб, приговаривая:

- Слава Богу, хватает покамест на хлебушек… А не хватит, добрые люди помогут… - шла, сияя синими глазками, жевала вкусный ржаной мякиш.